1099/3

10993

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

Д2612
49 Б

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

БИБЛІОТЕКА

АПРѢЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.—АПРѢЛЬ.

СТРАН.

I. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО.—Письма Л. Н. Толстого къ Г. А. Русанову.—(Окончаніе) 5

II. ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ. — („Жили — были"). — **Д. Овсянико-Куликовскаго** 22

III. КАМЕННЫЙ АМУРЪ.—Стихотвореніе.—**Вас. Смирнова** 28

IV. „ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ".—**З. Котляревской** 29

V. ЛЕГЕНДА „КУРГАНА ПСИЦЫ".—**Ѳ. Зѣлинскаго** 85

VI. ВЪ ЛѢСУ.—Стихотвореніе.—**П. Орѣшина** 104

VII. ЛЕЙТЕНАНТЪ ФОНЪ-МЮЛЛЕРЪ.—Разсказъ.—**Вл. Кохановскаго** . . 105

VIII. ЛУЧИ.—Стихотвореніе.—**Сергѣя Коммиссарова** 124

IX. „ПРАКТИЧНОСТЬ" Н. А. НЕКРАСОВА ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ЦИФРОВЫХЪ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХЪ ДАННЫХЪ.—(По неизданному архиву конторы „Современникъ").—**В. Евгеньева** 125

X. РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.—Романъ Темпля Сёрстона.—(Продолженіе).—Съ англ. пер. **М. Славинской** 162

XI. МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.—(Farfui).—Романъ Луціано Цукколи.—(Продолженіе).—Переводъ съ итальянскаго **З. Журавской** 221

XII. ХРОНИКА.—КРАЙ БОЛЬШИХЪ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.—(Южная Колхида).—**И. Огановскаго** 265

XIII. ВОЕННЫЙ ЦЕНТРЪ ГЕРМАНСКОЙ ИНДУСТРІИ.—**М. Лурье** 282

XIV. ОЧЕРКЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ НАСТРОЕНІЙ.—**М. А. Осоргина** 303

XV. СУЖДЕНІЯ О ВИЛЬГЕЛЬМѢ II.—**Л. Слонимскаго** 320

XVI. КРИТИЧЕСКІЕ НАВРОСКИ.—**С. Адріанова** 328

XVII. НА ТЕМЫ ДНЯ. — Введеніе городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ.—Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.—Необходимость дополненія правилъ 2-го февраля о землевладѣніи иностранныхъ подданныхъ и выходцевъ. — В. И. Яковенко †.—**К. Арсеньева** 338

XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Общее политическое положеніе въ Европѣ.—Рѣчи министровъ.—Пренія въ германскомъ парламентѣ.—Патріотическія похвальбы и лживыя оффиціальныя увѣренія.—Стоимость войны.—Звѣрства на морѣ и Соединенные Штаты. 347

XIX. ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ.—I. **А. Посникова**.—II. **М. Ковалевскаго** . . 357

XX. А. М. КОЛЮБАКИНЪ.—(Воспоминанія).—**М. Винавера** 367

стран.

XXI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Кончина гр. С. Ю. Витте.—Два съѣзда.—Семь мѣсяцевъ работы всероссійскаго земскаго союза.—Дороговизна предметовъ первой необходимости. — Упреки по адресу городского самоуправленія. — Дѣло В. А. Маклакова, Н. С. Егорова и П. Б. Струве. — Сообщеніе о раскрытомъ шпіонствѣ. — **В. Кузьмина-Караваева** 375

XXII. ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—(Девятый мѣсяцъ войны).— **А. Оглина** . 390

XXIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Исторія русскаго театра. Подъ редакціей В. В. Калаша и Н. Е. Эфроса. К-во „Объединеніе“. Томъ I.— Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева, подъ редакціей В. Ф. Саводника. Выпускъ I. Автобіографія. Изд. бр. Башмаковыхъ. — Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. — **Ч. В — скаго**. — Письма А. П. Чехова. Томъ V. К-во писателей. — **Е. Колтоновской**. — А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспоминаній о хожденіи въ народъ.— М. М. Винаверъ. Іосифъ Ивановичъ Карницкій.—**А. К.**—М. Богдановичъ. Червонная Русь. Н. М. Лаговъ. Галичина. Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ великой войны 1914 г. Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками журнала „Украинская Жизнь“.—**М. Славинскаго.**—І. Зонтагъ. Германія передъ катастрофой. Перев. съ нѣмецкаго Е. Пашуканиса. — Князь фонъ Бюловъ. Внѣшняя политика Германіи. Переводъ подъ ред. и съ пред. прив.-доц. П. Вицилли.—Воюющая Германія.—**Р. Стрѣльцова.**—Проф. Д. М. Петрушевскій. „Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII в.“. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.—**Ю. Иванова.**—Н. С. Тимашевъ. Условное осужденіе.—**Питирима Сорокина.**—Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы „мирнаго труда“. (О несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ).— **И. Сума.** — Проф. Людвигъ Гурлиттъ. Проблемы единой школы. Переводъ съ нѣмецкаго М. И. Литвиной, подъ ред. С. А. Левитина 406

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 431

XXV. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 432

XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 435

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Пнсьма Л. Н. Толстого къ Г. А. Русанову.

(Окончаніе) [1]).

№ 32. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 28 мая 1900 г.

Землянскъ. Воронежск. губ.

Гавріилу Андреевичу Русанову. До востребованія.

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо и спѣшу вамъ отвѣтить и для того, чтобы разсказать про то, что васъ интересуетъ, и поблагодарить васъ за ваше письмо (мнѣ всегда пріятно видѣть, если не лица ваши и вашей жены, то ваши почерки), а главное, чтобы просить васъ передать дорогому Алекс. Ивановичу [2]) мою любовь и глубокое сочувствіе въ томъ важномъ событіи, которое онъ думаетъ (бываетъ, что и ошибается), что предстоитъ ему. Онъ человѣкъ разумный и правдивый и потому, вѣроятно, смотритъ въ глаза смерти также прямо и серьезно, какъ смотритъ на жизнь. Передайте ему, что я очень уважаю и люблю его и пожалуйста, вы милая, Антонина (Дмитріевна) Алексѣевна [3]), почаще извѣщайте меня о немъ. Какъ далеко онъ отъ васъ? Я кончилъ статью о патріотизмѣ и послалъ ее Черткову, кончилъ и статью «Рабство нашего времени», но еще не послалъ. Плохо, что вы чувствуете глухоту и шумъ, но радуюсь тому, что вы такъ бодро смотрите на жизнь, кот. не нарушается, но только видоизмѣняется смертью. Такъ ли же смотритъ Алмазовъ? Хотѣлось бы знать его мнѣніе.

---

[1]) См. мартъ, стр. 5.

[2]) Алмазову, кот. въ это время заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью.

[3]) У меня была близкая знакомая, Блудова Антонина Дмитріевна, и я, какъ началъ: Антонина, такъ по энерціи написалъ: Дмитріевна. (Примѣч. Л. Н. къ своей поправкѣ въ отчествѣ).

Я провелъ чудные по спокойствію и тишинѣ 15 дней у Маши съ ея милымъ мужемъ и моимъ братомъ [1]). Теперь я въ Ясной съ женой, Андреемъ и Ольгой, его женой, и Львомъ.

Прощайте, братски цѣлую васъ обоихъ.

Левъ Толстой.

27 мая 1900.

№ 33. Почтовый штемпель:

Ясенки Тульской губ. 3 августа 1900 г.

Простите, дорогой Гаврило Андреевичъ, если пишу только нѣсколько словъ. И нездоровъ и пропасть писемъ надо писать. Я было захворалъ, но теперь поправился. Всѣ эти частыя заболѣванія очень хороши, приготавливая къ большей перемѣнѣ, на кот[орую] смотрю въ самыя счастливыя минуты совершенно безразлично, а въ дурныя съ вожделѣніемъ.

Что вы? что дорогая Ант. Алекс.? Вчера Буланже сказалъ, что она нездорова. Извѣстите, правда ли и что? Вчера отослалъ «Рабство» и еще замѣтку о Гумбертѣ [2]); надо браться за другое.

Прощайте, цѣлую васъ и вашихъ.

Л. Толстой.

1900 1 августа.

№ 34. Почтовый штемпель: Почтовый вагонъ 1 сент. 1900 г.

Воронежской губ. Землянскъ.

Гавріилу Андреевичу Русанову.

Спасибо, дорогой Гаврило Андреевичъ, за ваше письмо. Хотя я самъ и люблю болѣть и въ смерти, слава Богу, не нахожу ничего непріятнаго, болѣзнь Ант. Алекс. меня очень огорчила. Умирать же ей совсѣмъ не хорошо. Когда я говорю о смерти, мнѣ всегда говорятъ стереотипную фразу: вы нужны, и я знаю, что говорящіе это не имѣютъ никакихъ основаній утверждать это; про Ан. же Ал. я твердо знаю, что какъ она

---

[1]) Въ с. Пироговѣ съ М. Л. Оболенской, ея мужемъ и съ С. Н. Толстымъ.

[2]) „Не убій“ (по поводу убійства короля Гумберта).

была нужна и дѣтямъ, и вамъ, и друзьямъ, мнѣ первому, такъ она и нужна теперь. Но впрочемъ это дѣло не наше. Я знаю только то, что я очень люблю и мнѣ очень жаль ея страданій, и смерть ея была бы для меня большимъ горемъ.

Напишите и пишите мнѣ про ея положеніе. У насъ все хорошо. Я совсѣмъ здоровъ, кое-что написалъ, о чемъ вѣрно вамъ сообщилъ П. А. [1]). Теперь же началъ писать художественное, но совѣстно и бросаю; такъ много ясно опредѣленнаго и, по моей самонадѣянности, к[оторую] вы поддерживаете, неизвѣстнаго людямъ, мнѣ кажется, нужно сказать, что начинаю другое.

Таня понемногу поправляется. Братски цѣлую васъ, Ант. Ал. и дѣтей, кот. съ вами.

Левъ Толстой.

25 авг. 1900.

№ 35. Почтовый штемпель: 6 сентября 1901 г. Почтовый вагонъ.

(Приписка Л. Н—ча къ сборному письму, напис. П. А. Буланже, Т. Л. Сухотиной и М. А. Шмидтъ).

Какъ я благодаренъ П[авлу] А[лександровичу], что онъ предложилъ мнѣ приписать вамъ: одинъ бы не собрался. У васъ, сколько слышу, все постарому, стало быть, по очень хорошему. Мы всѣ—теперь я менѣе грѣшенъ въ этомъ — бываемъ недовольны нашей жизнью, а со стороны видно, какая хорошая та жизнь, которой мы часто недовольны. Такова ваша жизнь, несмотря на болѣзнь васъ обоихъ, особенно вашу. Какъ вспомнишь про вашу жизнь, такъ станетъ хорошо на душѣ. Великое благо болѣзнь для людей, живущихъ духовной жизнью. Вы это испытали и сумѣли воспользоваться этимъ благомъ, а я только начинаю испытывать. Теперь я занятъ статьей о религіи—опредѣленіе ея и объясненіе ея отсутствія въ нашемъ мірѣ и ужасныхъ послѣдствіяхъ этого. Очень меня занимаетъ эта работа. Хорошо у меня и въ работѣ, и въ семьѣ (очень) и, главное, въ душѣ. Дай Богъ вамъ постоянно того же. Съ большой любовью привѣтствую васъ обоихъ.

Л. Толстой.

---

[1]) Буланже.

№ 36. Почтовый штемпель:

Кореизъ Таврической губ. 19 января 1902.

Гаврiилу Андреевичу Русанову. Землянскъ.

Письмо ваше, дорогой Гаврила Андреевичъ, застало меня больнымъ (все желчные припадки, осложнившіеся ослабленіемъ сердца), но теперь мнѣ лучше и я радъ, что могу написать вамъ нѣсколько словъ. То, что вы пишете о своемъ отношеніи къ смерти, я совершенно понимаю. Мы часто стараемся *вообразить* себѣ смерть и переходъ туда; но это совершенно невозможно, какъ невозможно вообразить Бога. Все, что можно, это то, чтобы вѣрить, что она есть и есть, какъ и все, исходящее отъ Бога—добро. И это вы, вѣрно, знаете и дѣлаете, и я стараюсь.

Мнѣ очень хорошо. Болѣзнь не мѣшаетъ, а скорѣе способствуетъ работѣ и внѣшней, и внутренней. Кончилъ о религіи, кончилъ еще письмо Г., кот[орое] послалъ, и теперь хочу взяться за художествен. работы—оканчивать начатое, если ничто не отвлечетъ. Жаль, что Борю не видалъ. Братскій привѣтъ Ант. Ал. Цѣлую васъ.

Левъ Толстой.

$19\frac{17}{1}02$.

№ 37. (Антонинѣ Алексѣевнѣ Русановой).

Очень радъ былъ получить отъ васъ вѣсточку, дорогая Антонина Алексѣевна. Получилъ и рукопись и отдалъ ее Павл[у] Алекс[андровичу], чтобы онъ попытался дать ей такъ или иначе наибольшее распространеніе. Знаю, что дорогой Гавр. Андр. былъ боленъ и теперь не здоровъ, но все также живъ душою, и это радуетъ меня очень. Скажите ему, что я очень люблю его и дорожу его дружбой. Что я васъ высоко цѣню и люблю, вы это знаете. Цѣлую васъ.

Л. Толстой.

1902 г., 11 сент.

№ 38. (Получено въ Ерофеевкѣ 27 дек. 1902 г. Письмо написано рукой М. Л. Оболенской, съ подписью Л. Н—ча).

Дорогой Гаврiилъ Андреевичъ, только-что узналъ про вашу болѣзнь и хотѣлъ писать вамъ, какъ самъ заболѣлъ очень сильной инфлюэнцей. Я такъ часто теперь болѣю, что хоть немного

понимаю ваше состояніе. Надѣюсь, что вамъ теперь лучше и что вы, продиктовавъ милой Антонинѣ Алексѣевнѣ, порадуете меня хоть коротенькимъ письмецомъ. Я радъ, что могу до сихъ поръ хоть немного работать. О содержаніи моихъ работъ, а, можетъ быть, и самыя работы, вамъ сообщилъ Павелъ Александровичъ, за исключеніемъ все неконченнаго и объемистаго Хаджи-Мурата, которымъ я позволяю себѣ заниматься въ видѣ отдохновенія.

Нынче, по странному свойству инфлюэнціи принимать всякія формы, я вдругъ ослѣпъ на одинъ глазъ, что продолжалось только минутъ пять, но пріятно было примириться и думать, что если бы я и ослѣпъ на оба глаза, то не очень бы огорчился. Болѣзнь теперь прошла, остается только слабость. Уходъ за мной такой любовный, что вполнѣ замѣняетъ лишенія и непріятности болѣзни.

Цѣлую васъ и Антонину Алексѣевну и жду вѣсточки.

Л. Толстой.

21 дек. 1902 г. Ясная Поляна.

№ 39. Почтовый штемпель: 17 января 1903 г.

(Письмо, написанное Н. Л. Оболенскимъ съ подписью Л. Н.).

Дорогой Гаврила Андреевичъ, сейчасъ получилъ ваше письмо съ описаніемъ всѣхъ тѣхъ физическихъ страданій, которыя вы такъ хорошо и мужественно переносите. Вы тоскуете о томъ, что вы лишены возможности работать; я послѣднія 6 недѣль находился въ томъ же положеніи и благодаря случайности, просьбѣ Бирюкова дать ему о себѣ біографическія свѣдѣнія, я напалъ на занятіе, которое не только пріятно, но и въ высшей степени полезно наполнило мое время. Занятіе это—возстановленіе въ своей памяти всего пережитаго съ дѣтства и до сего времени,—возстановленіе, какъ можно болѣе правдивое, ничего не скрывающее и освѣщенное тѣмъ свѣтомъ нравственныхъ требованій, которыми живешь теперь. Чѣмъ больше копаешься въ прошедшемъ, тѣмъ больше и больше вспоминается. Вотъ это-то занятіе я и предлагаю вамъ: въ болѣе трудные періоды—вспоминать, а когда болѣе силъ—диктовать эти воспоминанія. Правдивое описаніе, какъ исповѣдь своей жизни всякаго человѣка, а въ особенности человѣка, просвѣщеннаго христіанскимъ свѣтомъ, предста-

вляетъ величайшій интересъ и должно принести людямъ большую пользу. Я хочу сдѣлать это для себя и совѣтую вамъ сдѣлать то же. Я все еще слабъ, но мнѣ становится лучше и лучше. Братски цѣлую васъ и Антонину Алексѣевну.

Вашъ Левъ Толстой.

(16—I, 03 г.).

№ 40. (Получено 14 февраля 1903 г. въ Ерофеевкѣ. Написано рукой М. Л. Оболенской, съ подписью Л. Н—ча).

Дорогой Гавріилъ Андреевичъ, знаю, какъ мучительно тяжело расшевеливать грязь своихъ прошедшихъ грѣховъ; я испыталъ это и пришлю вамъ то, что я написалъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ. Но думаю, что это не безполезно. Кромѣ того, есть еще самый ранній періодъ, въ которомъ все освѣщено такимъ милымъ утреннимъ свѣтомъ, въ которомъ всѣ хороши, всѣхъ любишь, потому что самъ хорошъ и тебя любятъ,—вотъ этими-то воспоминаніями и займитесь сначала. Когда же дойдете до грѣховнаго періода, найдите себѣ записывателя не изъ семейныхъ и пишите все съ намѣреніемъ обнародовать это только послѣ смерти. Будьте увѣрены, что какъ мы ни гадки, большинство людей не только не лучше насъ, а хуже, уже потому, что не видятъ своихъ грѣховъ и скрываютъ ихъ. Польза же такой исповѣди для людей огромна.

Здоровье мое все такъ же, но душевно чувствую себя хорошо и, какъ всегда, люблю васъ, вашу жену и все ваше семейство.

Левъ Толстой.

(Отецъ пишетъ не своей рукой, потому что не здоровъ и слабъ еще и ему легче диктовать. Пользуюсь случаемъ поцѣловать милую Антонину Алексѣевну и привѣтствовать васъ, дорогой Гавріилъ Андреевичъ, и пожелать вамъ всего хорошаго.

Марія Оболенская).

(Отрывокъ изъ дневника, прилож. къ письму № 40).

6 янв. 1903.

Я теперь испытываю муки ада. Вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни и воспоминанія эти не оставляютъ меня. Обыкновенно жалѣютъ о томъ, что личность не удерживаетъ воспоминанія послѣ смерти. Какое счастье, что этого нѣтъ. Какое

бы было мученіе, если бы я въ этой жизни помнилъ все дурное, мучительное для совѣсти, что я совершилъ въ предшествующей жизни. А если помнить хорошее, то надо помнить все дурное. Какое счастье, что воспоминаніе исчезаетъ со смертью и остается одно сознаніе, сознаніе, которое представляетъ какъ бы общій выводъ изъ хорошаго и дурного, какъ бы сложное уравненіе, сведенное къ самому простому его выраженію: x=положительной или отрицательной, большой или малой величинѣ. Да, великое счастье — уничтоженіе воспоминанія, съ нимъ нельзя бы жить радостно. Теперь же, съ уничтоженіемъ воспоминанія, мы вступаемъ въ жизнь съ чистой, бѣлой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное.

№ 41. Почтовый штемпель: Козловка-Засѣка.

(Получено въ Ерофеевкѣ 3 декабря 1903 г.).

Дорогой Гаврило Андреевичъ.

У меня вышло недоразумѣніе о томъ, отвѣчалъ ли я или нѣтъ на ваше послѣднее письмо отъ 29 окт. На конвертѣ надписано: «отвѣчено» и мнѣ помнится, что я отвѣчалъ (можетъ быть, думалъ только о томъ, что отвѣчу), а въ книгѣ копій нѣтъ моего отвѣта. Пав[елъ] Ал.[ександровичъ], к[оторый] сейчасъ у насъ, думаетъ, что я не отвѣчалъ, а я во всякомъ случаѣ радъ писать вамъ. Ваша оцѣнка книги «Мысли м. л.» [1]) мнѣ очень дорога. То, что показалось вамъ неяснымъ въ мысли на 11-е апрѣля, дѣйствительно неясно, п. ч. мнѣ надо было сказать: не *всегда*, а побѣждаетъ въ концѣ концовъ по-французски à la longue, т. е., что побѣда остается всегда, въ длинныхъ періодахъ, к[оторые], мож[етъ] б[ыть], захватываютъ не только эту жизнь, за духомъ. Оно и не можетъ быть иначе, т[акъ] к[акъ] это побѣжденіе плоти духомъ и составляетъ сущность жизни. Также въ мысли на 28 сент. не точно сказано: «она всегда и вездѣ есть»; надо б[ыло] сказать: жизнь внѣ времени и пространства. И дальнѣйшее надо бы было сказать такъ: наше заблужденіе въ томъ, что тѣ временные періоды, кот[орые], по наблюденію другихъ, отдѣляютъ одни моменты сознанія отъ другихъ, мы тоже называли жизнью. Кажется, вамъ послали мысли о сознаніи. Работа эта далеко не кончена и потому можетъ быть ясна только для людей, какъ вы,

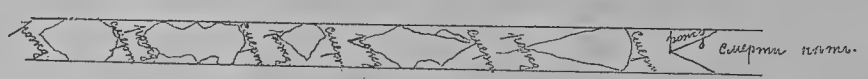
---

[1]) „Мысли мудрыхъ людей“.

одноцентренныхъ со мною, но все-таки, прочтя ихъ, вы лучше поймете и мысль на 28 сент. Главная основная мысль моя та, что жизнь только въ сознаніи. Безъ сознанія мы не имѣемъ права говорить о жизни.

Для пониманія жизни неизбѣжно выбрать одно изъ двухъ: или признать жизнью свое временное существованіе (о к[оторомъ] мы узнаемъ только при пробужденіи сознанія), не имѣющее предѣловъ въ прошедшемъ, такъ что существованіе въ утробѣ матери, въ сѣмени отца, дѣда, въ матеріальныхъ частицахъ, составляющихъ тѣла наши и нашихъ предковъ, и въ ихъ соотношеніяхъ и въ солнцѣ и его началѣ, т. е. признать жизнью величайшую безсмыслицу и сознаніе только однимъ изъ проявленій этой безсмыслицы; или признать то, что кажется сначала страннымъ, но что вполнѣ ясно, точно и разумно, что наша жизнь есть наше сознаніе себя вѣчнымъ, безконечнымъ, т. е. безвременнымъ и внѣпространственнымъ духомъ, ограниченнымъ условіями временныхъ и пространственныхъ явленій.

Я такъ представляю себѣ:



Параллельныя линіи, теряющіяся въ обѣ стороны, не имѣющія ни конца, ни начала—это истинная духовная, божеская жизнь. Соединяясь съ нею, познаемъ то, что имѣемъ право назвать жизнью (п. ч. знаемъ что жив) (когда соприкасается съ ней). Фигурки, начинающіяся рожденіемъ, болѣе или менѣе часто соприкасающіяся съ вѣчной истинной жизнью, это жизни людей съ точки зрѣнія внѣшняго наблюденія. Чѣмъ больше человѣкъ соприкасается съ истинной жизнью, тѣмъ больше у него жизни. Въ стремленіи къ наибольшему соприкосновенію задача совершенствованія. Лучшая жизнь та, когда, какъ въ послѣдней фигурѣ, она сливается съ вѣчной жизнью и смерть уничтожается. Въ этомъ стремленіи сущность жизни человѣка. Зачѣмъ это? Не знаю. Знаетъ Тотъ, кто владыка жизни, кто сама Жизнь. Простите за всю эту чепуху. Все это въ такомъ зародышномъ и уродливомъ видѣ позволяю себѣ писать только вамъ.

Пишу, п. ч. эти смутно, неясно выраженныя мысли для меня важны и я живу ими. Мож. б. и въ вашей душѣ что-нибудь отзовется на нихъ. Я, кажется, кончилъ о Шексп[ирѣ]. Желалъ бы сообщить вамъ маленькій разсказъ, м. б. вамъ будетъ пріятно прочесть его. Поговорю объ этомъ съ П. А. Прощайте, милый

другъ. Надѣюсь и вѣрю, что мы съ вами и теперь соединяемся въ параллельныхъ безконечныхъ линіяхъ и будемъ тамъ вмѣстѣ, и были и есми тамъ вмѣстѣ. Цѣлую васъ и милую Ант. А.

Левъ Толстой.

1903. 28 ноября.

№ 42. Почтовый штемпель: Лазарево, августъ 1904 г.

Что вы дѣлаете, мои милые, дорогіе друзья—супруги Русановы, особенно мой милый, больной другъ, Гаврила Андреевичъ?—Напишите мнѣ, какъ вы страдаете и какъ несете свои страданія? И все подробно.

Я сейчасъ пишу отъ брата. Онъ очень тяжело, смертельно боленъ; у него ракъ въ лицѣ, и до сихъ поръ тяжело переноситъ свои страданія и приближеніе къ переходу. Я надѣюсь, что это придетъ, т. е. нужное для перехода просвѣтленіе. Какъ дурно, нерелигіозно живутъ люди безъ сознанія не столько смерти, сколько частичности своего здѣшняго существованія. Думать о смерти нечего, но жить надо въ виду ея. Вся жизнь тогда становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна. Въ виду смерти мы не можемъ не работать усердно и п., ч. она всякую минуту можетъ перервать работу, и п., ч. въ виду смерти нельзя работать то, что не нужно для всей жизни, т. е. для Бога. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостной и нѣтъ того пугала—страха смерти, к. отравляетъ жизнь не живущихъ въ виду смерти людей. Страхъ смерти обратно пропорціоналенъ хорошей жизни. При святой жизни этотъ страхъ ноль. И такое отношеніе къ жизни и смерти можетъ быть воспитано—религіозное воспитаніе,—но мы не воспитаны такъ и съ трудомъ должны работать надъ собой сами. А возможно общее религіозное воспитаніе. И какое бы это было благо!

Прощайте, цѣлую васъ и люблю, также, какъ и васъ, милая Антонина Алексѣевна.

Л. Толстой.

14 августа 1904.

№ 43.

24 сент. 1904 г.

Получилъ ваше большое хорошее письмо, дописанное изъ Воронежа, дорогой Гаврила Андреевичъ, и порадовался тому, что вы все такой же (не такой же, а лучше, свѣтлѣй), какимъ

были 20 лѣтъ тому назадъ. Говорятъ: старость, болѣзни... да ни за что не отдалъ бы одного дня моей старости, я думаю, и съ болѣзнями (у меня ихъ мало и я сужу только по догадкѣ) за годы глупой животной молодости. Вы извиняетесь, что много пишете про Колю. Это одни изъ самыхъ интересныхъ для меня темъ. Я его всегда очень любилъ и люблю. Мнѣ нравится то, что онъ пишетъ, что онъ атеистъ (т. е. нѣчто не существующее и не могущее существовать). Онъ пишетъ это только потому, ч[то] онъ не атеистъ, т. е. вѣритъ въ обязательность правды, въ Того или То, что обязываетъ. Онъ пишетъ такъ грубо и комкасисто (sic!): «я атеистъ», только п[отому], ч[то] не хочетъ, боится неправды, боится имѣть видъ того, что бы вы хотѣли, чтобъ онъ былъ, видъ человѣка, изъ угожденія даже самому любимому человѣку отпирающагося (?) отъ истины. Этимъ-то онъ и хорошъ. А то, что онъ торопится говорить, что онъ атеистъ, и боится (Бога) не Бога, а понятія Бога, и открещивается отъ него, это явленіе самое обыкновенное въ наше время и очень грустное. Вы знаете мое мнѣніе о томъ, что одинъ изъ важныхъ мотивовъ, и наибольшій, дѣятельности человѣческой есть внушеніе, гипнозъ. И это очень хорошо, когда эта сила употребляется на добрыя мысли и чувства или на безразличные поступки. Безъ этой способности не могли бы жить люди, но ужасно, губительно то, когда эта сила употребляется на вызываніе дурныхъ чувствъ, ложныхъ мыслей и злыхъ поступковъ...

Съ понятіемъ Бога соединили недобрые и заблудшіе люди столько лживаго и злого, что честные, чистые, мало думавшіе люди нашего времени выработали въ себѣ способность сознательнаго отпора противъ этого внушенія, въ родѣ того, какъ я сознательно останавливаю себя отъ зѣвоты, когда (другіе) зѣваютъ передо мною. Съ хорошими людьми (но мало думавшими, повторяю) нашего времени случилось то же, что случилось бы съ путешественниками, кот[орые] нѣсколько разъ, бывъ званы на ночлегъ, были ограблены и кот[орые] слышали бы такіе разсказы отъ другихъ путешественниковъ, не заходили бы никуда на отдыхъ и изъ страха быть ограбленными не вѣрили бы тѣмъ гостепріимнымъ хозяевамъ, к[оторые] приглашали бы ихъ, и, бѣдные, все странствовали бы до тѣхъ поръ, пока ихъ носятъ молодыя ноги. То же и съ нашей бѣдной молодежью...

Я занятъ послѣднее время составленіемъ уже не календаря, но Круга Чтенія на каждый день, составленнаго изъ лучшихъ мыслей, лучшихъ писателей. Читалъ все это время, не говоря о Мар[кѣ] Авр[еліи], Эпиктетѣ, Ксеноф[онтѣ], Сократѣ, о

браминской, китайской, буддійской мудрости,—Сенеку, Плутарха, Цицерона и новыхъ: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауера, Эмерсона, Чанинга, Паркера, Рескина, Аміеля и др. (притомъ не читаю второй мѣсяцъ ни газетъ, ни журналовъ). Я все больше и больше удивляюсь и ужасаюсь тому не невѣжеству, а «культурной» дикости, въ к[оторую] погружено наше общество. Вѣдь просвѣщеніе, образованіе есть то, чтобы воспользоваться, асимилировать все то духовное наслѣдство, к[оторое] оставили намъ предки, а мы знаемъ газеты, Зола, Метерлинка, Ибсена, Розанова и т. п. Какъ хотѣлось бы хоть сколько-нибудь [помочь] этому ужасному бѣдствію...

Прощайте, братски цѣлую васъ и Ант. Алексѣевну.

Всегда съ любовью и благодарностью за вашу любовь вспоминаю о васъ обоихъ.

Левъ Толстой.

№ 44. 19 дек. 1904 г.

Давно получилъ ваше письмецо и тетради, дорогой Гаврило Андреевичъ.

Простите, что такъ долго не отвѣчалъ вамъ. Обратно пропорціонально уменьшаются силы и увеличивается количество дѣлъ, кот[орое] хочется сдѣлать. Очень благодаренъ за ваши тетради. Я ими пользуюсь. Удивляюсь труду, к[отор]ый вы на это положили, и умиляюсь на вашу дѣятельность и пристрастіе къ моимъ писаніямъ. Я думаю издать полный «Кругъ Чтенія» за границей безъ цензурныхъ соображеній. Помогай вамъ Богъ нести ваши страданія, какъ нужное, божеское. Истинное благо наше въ сознаніи, а страданія помогаютъ вызыванію сознанія своей божественной природы.

Что нашъ милый Коля? Имѣете ли отъ него извѣстія? Что Антон[ина] Алекс[ѣевна]? Поправилось ли ея здоровье? Какъ хотѣлось бы повидать васъ. Да это не нужно. Мы видимъ другъ друга духовными очами.

Братски цѣлую васъ и милую Антонину Алексѣевну.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ новаго стиля. Нынче 19 дек. 1 янв.

Левъ Толстой.

№ 45. Почтовый штемпель: Тула 25 апрѣля 1905 г.

Дорогой и милый Гаврило Андреевичъ.

Простите, что долго не отблагодарилъ васъ за ваше письмо. Хотѣлъ бы сказать по старой привычкѣ, что огорченъ болѣзнью Ант[онины] Алекс[ѣевны], но, зная ея прекрасную душу, не могу искренно сказать этого. Вѣрю, что все къ лучшему, все благо, что, чѣмъ тяжелѣе матерьяльныя условія: болѣзнь, страданія, приближеніе къ смерти—къ переходу въ другое существованіе, тѣмъ выше поднимается сознаніе своего духовнаго существа; какъ коромысло вѣсовъ: чѣмъ ниже опускается одинъ конецъ, тѣмъ выше поднимается другой.

Братски цѣлую ее и люблю и всегда любилъ и любовался ея душевной силой.

Я живу не по заслугамъ хорошо. Что дальше, то лучше. Работы много и по силамъ дѣлаю. Постараюсь прислать, что могу.

Цѣлую васъ. Л. Толстой.

№ 46. Почтовый штемпель: Засѣка М.-Курск. жел. дор.

17 августа 1905.

Дорогой другъ.

Вчера узналъ о вашей потерѣ [1]). Очень жаль мнѣ васъ, несмотря на то, что знаю, что въ васъ есть то, что дастъ вамъ силы не только съ покорностью волѣ Бога перенести эту потерю, но и подвинуться вслѣдствіе ея къ тому благому предѣлу, къ к[оторому] мы предназначены и ведомы. Жаль мнѣ ее, просто жаль, что нѣтъ болѣе на этомъ свѣтѣ этого милаго, прекраснаго существа и съ особеннымъ любовнымъ умиленіемъ вспоминаю мое первое знакомство съ нею въ Харьковѣ и потомъ всѣ встрѣчи и разговоры съ нею, всегда трогательные, любовные, радостные. Всей душой переношусь въ васъ и хотѣлъ бы помочь вамъ однимъ, чѣмъ хочу и могу—любовью. Если можете, продиктуйте про ея послѣдніе дни, часы и минуты.

Братски обнимаю васъ. Левъ Толстой.

---

[1]) Смерть А. А. Русановой.

№ 47. Почтовый штемпель: Засѣка Моск.-Курск. жел. дор. (Приписка къ письму гр. С. А. отъ 6 сентября 1905 г.).

Дорогой и милый Гаврило Андреевичъ. Соня написала прежде меня, и, какъ все, что она дѣлаетъ, по непосредственному доброму чувству, вызванному въ ней письмомъ ко мнѣ о васъ Буланже. На вопросъ вашего послѣдняго письма ничего другого не могу отвѣтить, какъ только то, что, какъ и во всѣхъ случаяхъ жизни, надо говорить правду. А писать Колѣ [1]), умалчивая о матери, было бы неправда. У молодыхъ такая сила своей нерастраченной силы, что всѣ горести потери переносятся—хоть не легко, но переносятся. Намъ, старикамъ, облегчаетъ горе пониманіе жизни, молодымъ облегчаетъ непониманіе. Пишите мнѣ, просите вашихъ Андрюшу и Лиду, к[оторымъ] братскій привѣтъ, чтобы писали о васъ, о вашемъ состояніи. Я живу очень хорошо. Какъ умѣю, наилучше трачу оставшіеся дни и мнѣ хорошо. Почти кончилъ статью «Конецъ Вѣка», к[оторая] мнѣ самому очень нравится. Прощайте. Цѣлую васъ.

№ 48. Почтовый штемпель: Саксагань 19/11—1905.

Получилъ ваше письмо, дорогой Гаврило Андреевичъ, и исполняю ваше желаніе писать вамъ хоть нѣсколько строкъ, къ сожалѣнію, теперь буквально.—Совершаются въ Россіи большой важности событія. Думаю и надѣюсь, что они будутъ имѣть и великія послѣдствія, но, разумѣется, не тѣ, которыхъ ожидаютъ тѣ, кто ихъ производитъ. Написалъ объ этомъ статью «Конецъ Вѣка», въ которой высказываю то, что думаю о могущихъ и долженствующихъ быть великихъ послѣдствіяхъ. Разумѣется, пришлю вамъ, когда она выйдетъ; вѣроятно, скоро.

Еще передѣлываю «Бож[еское] и Чел[овѣческое]» и, кажется, къ лучшему. Пишу это, п[отому] ч[то] знаю вашу слабость интересоваться моими работами. Милой внучекъ вашъ хорошъ. И у меня родилась внучка отъ Тани. Это большая радость ей и мнѣ. Цѣлую васъ и Андрюшу и Лиду.

№ 49. 18 февр. 1906 г.

Простите, что пишу только нѣсколько словъ, дорогой Гавр. Андр. Все лучше, чѣмъ ничего. Спасибо за ваше письмо, что

[1]) Ник. Гавр. Русановъ.

Журнальный отд. библиотеки

вы увѣдомляете о себѣ. О томъ, чѣмъ кончится все, теперь совершающееся, въ какихъ конкретныхъ формахъ выразится, нельзя ничего предвидѣть. La seule chose à laquelle il faut s'attendre toujours c'est l'inattendu. Въ настоящемъ же значеніи жизни, въ совершающемся теперь нѣтъ ничего особеннаго: какъ въ нашей съ вами личной отдѣльной жизни постоянно происходитъ все большее и большее просвѣтленіе, освобожденіе отъ времени (понятіе о времени дается намъ нашими внѣшними чувствами, а они постепенно умираютъ), к[оторое] совершится вполнѣ при смерти, такъ и въ обществѣ въ совокупности людей происходитъ такой же процессъ. И какъ въ нашей жизни процессъ просвѣтленія шелъ не прямолинейно, а зигзагами или спиралью, такъ и въ обществен. жизни. И теперешняя революція много духовно подвинетъ человѣчество, к[оторое] становится все болѣе и болѣе солидарно. Общеніе теперь съ Китаемъ, Японіей, Африканскими народами даже, много содѣйствуетъ взаимному уничтоженію суевѣрій. Думаю, что знаете все про меня черезъ Пав. Ал. и потому о своихъ работахъ не пишу. Силъ все меньше и меньше становится, но зато все лучше и лучше умѣешь ихъ утилизировать и все больше и больше чувствуешь помощь извнѣ, состоящую въ притупленіи животности. Я думаю, что вы чувствуете то же. Ваши сожалѣнія о недостаточности выраженной любви Нинѣ [1]), я думаю, очень хороши. Эти сожалѣнія—та же любовь. А любовь внѣ времени и личности. Она теперь есть въ васъ, и это главное.

Передайте мою любовь вашимъ дѣтямъ, включая Лиду и внука. Я радуюсь на ваше счастье въ нихъ.

Вашъ вѣрный старый другъ Левъ Толстой.

---

18 февр. 1906.

Сегодня 53 года, какъ непріятельское ядро ударило въ колесо той пушки, к[оторую] я наводилъ. Если бы дуло пушки, изъ к[оторой] вылетѣло ядро, (было) на $^1/_{1000}$ линіи б[ыло] отклонено въ ту или другую сторону, я бы б[ылъ] убитъ, и меня бы не было. Какой вздоръ! Я бы былъ, но въ недоступной мнѣ теперь формѣ.

---

[1]) А. А. Русановой.

№ 50.

Не хочется отпустить отъ себя милаго Колю, не написавъ хотя нѣсколькихъ словъ, дорогой другъ Гавр. Андр.

Онъ все также простъ, ясенъ и милъ мнѣ и живо напомнилъ мнѣ свою дорогую мать. Поговорили мы съ нимъ о ней и я не могъ удержать слезъ, хорошихъ, слезъ любви къ ней и къ вамъ.

Прощайте пока, милый другъ. Желаю и почти увѣренъ, что вамъ также хорошо на душѣ, какъ и мнѣ, несмотря на ваши тяжелыя тѣлесныя страданія.

Левъ Толстой.

12 марта (1906 г.).

№ 51.

Почтовый штемпель: Козлова-Засѣка 26 іюня 1906 г.

(Приписка къ письму М. Л. Оболенской отъ 23 іюня 1906 г.).

Милый другъ Гаврил. Андреевичъ, вчера получилъ ваше письмо. Спасибо вамъ за него. Меня поразила кромѣ всего трогательнаго необыкновенная правдивость. Не горюйте, милый другъ. Все хорошо, очень хорошо. Будемъ стараться еще здѣсь понять хотя отчасти все то, что она поняла въ ту послѣднюю минуту, хотя и неясно, какъ это должно было быть невполнѣ ясно человѣку, пребывающему еще во плоти. Все такъ ли вы страдаете физически и такъ же ли переносите хорошо свои страданія? Простите, что долго не писалъ вамъ. Слабъ былъ и есть все время, какъ и должно быть въ мои года. Сосредоточиваю всѣ силы на утреннюю работу, а потомъ уже не могу хорошенько написать даже письмо. Работа же, к[оторой] я занятъ, очень, очень увлекаетъ меня. Какъ всегда, кажется, что имѣю сказать кое-что новое и нужное. Еще занятъ составленіемъ новаго лучшаго Круга Чтенія, болѣе доступнаго простымъ людямъ, въ особенности дѣтямъ. Кромѣ того просятся дурацкіе художеств[енные] мотивы, к[оторые] иногда во снѣ вижу. Надѣюсь написать вамъ скоро еще, а пока прощаюсь. Привѣтъ вашимъ дѣтямъ.

Много любящій васъ и дорожащій вашей дружбой.

Левъ Толстой.

№ 52.

Почтовый штемпель: Козлова-Засѣка 2 іюля 1906 г.

Дорогой Гаврила Андреевичъ. Хочется еще написать вамъ нѣсколько словъ о себѣ и васъ, о томъ, что мнѣ по моимъ годамъ, а вамъ по вашей болѣзни такъ близко предстоитъ: о смерти. Сейчасъ говорилъ про это съ дочерью Машей. Жизнь все быстрѣе и быстрѣе проходитъ мимо меня: женятся, рожаютъ дѣтей, заботятся о своихъ выгодахъ, о своей славѣ; и все ихъ больше и больше, извѣстныхъ мнѣ, и все, что ихъ занимаетъ, все меньше и меньше представляется для меня интереснымъ. Спрашиваю себя: что же мнѣ интересно? Казалось бы, одно: то, что ожидаетъ: смерть. Но не могу интересоваться ею, главное, п[отому] ч[то] ея нѣтъ для меня, пока я живу. Хотя я знаю, что она предстоитъ мнѣ, не могу видѣть ее; вижу только жизнь, а въ жизни—всѣхъ этихъ людей, окружающихъ меня, и испытываю къ нимъ, именно п. ч. мнѣ предстоитъ тотъ переходъ, к[оторый] называется смертью, чувство жалости—смѣло скажу—любви спокойной жизни, неперестающей, какъ льющаяся вода, и мнѣ хорошо и думаю, что и тѣмъ, съ к[ѣмъ] общаюсь, можетъ быть, хорошо. И такъ можно чувствовать и жить до послѣдняго срока перехода. Одно плохо—физическія страданія (у меня небольшія желудочныя, но вліяющія на проявленіе душевной дѣятельности). И вотъ съ ними, главное, надо бороться. Трудно, но можно. Хорошо бы до послѣдней минуты удержать это чувство жалости, любви къ людямъ. Будемъ стараться выдержать.

Братски обнимаю васъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

Что Коля? Привѣтъ вашимъ.

№ 53.

Почтовый штемпель: Тула 27 ноября 1906 г.

25 нояб. 1906.

Спасибо вамъ, милый другъ Гаврила Андреевичъ, что написали мнѣ. Если я давно не писалъ вамъ, то это не значитъ,, чтобы я не думалъ о васъ и, какъ всегда, съ любовью и благодарностью. Ал. Петр. [1]) разсказывалъ мнѣ про васъ. Вы пишете, что

[1]) Ивановъ, переписчикъ Л. Н--ча.

у васъ въ днѣ не бываетъ больше 2-хъ часовъ съ свободной головой. Я думаю, что работа мысли этихъ двухъ часовъ по качеству возмѣщаетъ продолжительность. Я это испытываю. Но кромѣ умственной дѣятельности есть еще состояніе сознанія, и вотъ это-то состояніе сознанія, я по себѣ сужу, становится все глубже, все дальше отъ міра и ближе къ Богу. Зачѣмъ страданія, к[отор]ыя посѣщаютъ васъ? не знаю, но вѣрю, что они нужны и благо. У меня сейчасъ тяжелая, почти смертельная болѣзнь Маши (крупозное воспаленіе легкихъ) [1]). Ждемъ на этихъ дняхъ кризиса. Цѣлую васъ и вашихъ дѣтей и внука. Нынче видѣлъ ихъ во снѣ.

Старый и вѣрный другъ вашъ Л. Толстой.

[1]) Послѣ которой М. Л. скончалась.

ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ.

IV [1]).

Жили—были...

1.

Изученіе писемъ Толстого представляетъ огромный интересъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія... Но я опасаюсь, что ни одной изъ этихъ точекъ зрѣнія покойный Левъ Николаевичъ не одобрилъ бы. Ибо всѣ онѣ—«наши», «здѣшнія», земныя, ограниченныя условіями времени и мѣста. Не жаловалъ онъ всѣхъ этихъ «условій»,—онъ отвергалъ все «наше», все «здѣшнее»,—и всю силу своего ума и генія положилъ онъ на то, чтобы въ сознаніи людей замѣнить «здѣшнее»—«нездѣшнимъ», временное—вѣчнымъ, условное—безусловнымъ...

Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ великихъ людей, которые считаютъ себя призванными возвѣщать міру «абсолютную истину», религіозную и моральную, навѣки утверждаемую... Этихъ людей мы глубоко чтимъ, мы знаемъ цѣну услугъ, оказанныхъ ими человѣчеству и, какъ умѣемъ, черпаемъ изъ сокровищницы ихъ идей. Но, независимо отъ этихъ идей, мы интересуемся ими самими, ихъ жизнью и дѣятельностью, которыя обычно становятся либо легендою, либо предметомъ историческаго изученія. На этомъ-то пунктѣ всѣ «мы», «здѣшніе», рѣзко расходимся съ Толстымъ, и едва-ли возможно было бы какое-либо соглашеніе между нимъ и нами. Толстой одинаково и категорически, никакихъ резоновъ не принимая, отвергалъ и легенду, и историческое изученіе. Такъ, напр., онъ очень интересовался буддизмомъ: это значитъ, что въ вѣроученіи и морали буддистовъ онъ находилъ «хорошія мысли», совпадавшія съ его собственными,—но этимъ дѣло и ограничивалось. Жизнь

[1]) См. мартъ, стр. 32.

и дѣятельность Будды, какъ и его послѣдователей, не представляли для него никакого интереса, ни въ смыслѣ легенды, ни какъ предметъ историческаго изученія. Въ этомъ отношеніи усматривается коренное, едва-ли примиримое, психологическое противорѣчіе между Толстымъ-мыслителемъ и моралистомъ и Толстымъ-художникомъ. Послѣдняго такъ и тянуло къ легендѣ и къ исторіи, между тѣмъ какъ первый всячески старался заглушить въ себѣ это стремленіе, отвлечься отъ живыхъ чертъ дѣйствительности, всегда исторической и всегда болѣе или менѣе легендарной, затушевать ея краски, заглушить ея подлинные звуки и затѣмъ уже, послѣ такой операціи «непріятія» прошлаго, удержать двѣ-три «хорошія мысли», пригодныя для него и всѣхъ, подобно ему непріемлющихъ настоящаго и взыскующихъ грядущаго. Понятно, что въ результатѣ получалось странное, неожиданное совпаденіе, напр., «хорошихъ мыслей» Конфуція съ таковыми же мыслями напр., Вольтера. Извѣстная книга «Кругъ чтенія» и явилась этакимъ литературнымъ кладбищемъ, гдѣ великіе и невеликіе мыслители, нѣкогда жившіе по настоящему—въ легендѣ или въ дѣйствительности, погребены, можно сказать, «заживо» и покоются подъ монументами «хорошихъ мыслей»... Перелистывая эту любопытную всемірную хрестоматію, невольно испытываешь особое чувство грусти и думаешь: жили—были...

2.

Въ сентябрѣ 1904 года Толстой писалъ Русанову: «Я занятъ послѣднее время составленіемъ уже не календаря, но Круга чтенія на каждый день, составленнаго изъ лучшихъ мыслей лучшихъ писателей. Читалъ все время, не это говоря о Маркѣ Аврелiи, Эпиктетѣ, Ксенофонтѣ, Сократѣ, о браминской, китайской, буддійской мудрости,—Сенеку, Плутарха, Цицерона и новыхъ: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауера, Эмерсона, Чанинга, Паркера, Рескина, Аміеля и др.»...

Составляя эту книгу, Толстой проявилъ большую терпимость и не отказывался брать «хорошія мысли» у писателей, которыхъ жизнь и дѣятельность, казалось бы, съ его точки зрѣнія, должны бы подлежать строгому, безповоротному осужденію, каковы, напр., Маркъ Аврелій, Сенека, Магометъ... Праведниковъ и людей не отъ міра сего въ «Кругѣ чтенія» сравнительно немного: апостолы, отцы церкви, Сократъ, Эпиктетъ, Паскаль, Спиноза, Хель-

чицкій, Кантъ... Преобладаютъ люди мірскіе, грѣшные, суетные, «обыкновенные смертные» (въ моральномъ смыслѣ): тутъ и Вольтеръ, и Руссо, и Шопенгауэръ, и Мопасанъ—и кого-кого только нѣтъ... И въ результатѣ выходитъ, что такъ-называемыя «хорошія мысли» представляютъ собою какъ бы общее достояніе человѣчества, и многія изъ нихъ производятъ досадное впечатлѣніе «общаго мѣста», банальной сентенціи, подъ которою можно подписать любое имя. Такъ, напр., подъ «хорошей мыслью», гласящей: «грѣхъ не только дѣлать, но и думать дурное» подписано: «Зороастръ». Совершенно очевидно, что, вмѣсто «Зороастра», можно было бы смѣло подписать, напр. «Титъ Ливій», или «И. С. Тургеневъ». А между тѣмъ, если отъ банальной формулы перейти къ подлинному моральному факту, къ нѣкогда живой мысли, то — въ данномъ случаѣ—оказалось бы нѣчто такое, подъ чѣмъ ни Титъ Ливій, ни И. С. Тургеневъ не нашли бы возможнымъ подписаться, и къ чему Л. Н. Толстой отнесся бы съ великимъ негодованіемъ. Въ текстѣ Авесты часто повторяющіяся выраженія «хорошее слово», «хорошая мысль», «хорошее дѣло» имѣютъ, въ большинствѣ случаевъ, *чисто-обрядовое* значеніе; а перенесенныя въ область этики, все еще не отдѣлимой отъ обряда, отъ культа, они служили обозначеніемъ специфическихъ моральныхъ понятій, свойственныхъ правовѣрнымъ послѣдователямъ религіи Агуры-Мазды и весьма далекихъ отъ тѣхъ идеаловъ, для пропаганды которыхъ предназначался «Кругъ чтенія». Маздеизмъ не предписывалъ любить всѣхъ, прощать врагамъ и т. д.; иновѣрцы считались «нечистыми», исчадьемъ Аримана, и ихъ истребленіе было дѣломъ богоугоднымъ; но, напр., убить или только ударить беременную собаку признавалось немаловажнымъ грѣхомъ... И мнѣ кажется, не слѣдовало тревожить тѣнь полумиѳическаго Зороастра, какъ и нѣкоторыхъ другихъ. Весьма вѣроятно, что многія «хорошія мысли», взятыя изъ китайскихъ, индійскихъ, арабскихъ, персидскихъ текстовъ, если возстановить ихъ подлинный смыслъ, оказались бы отнюдь не «хорошими». Зато онѣ имѣли бы преимущества живого моральнаго явленія, которое было бы гораздо поучительнѣе общихъ мѣстъ абстрактной морали, хотя бы и Толстовской. Мы видѣли бы—на разстояніи вѣковъ—людей во плоти, которые когда-то жили-были, и мы могли бы изъ этого историческаго созерцанія извлечь кое-что небезполезное и для себя, напр., въ смыслѣ уясненія эволюціи морали и отвращенія къ варварской этикѣ прошлыхъ вѣковъ и къ ея остаткамъ или пережиткамъ въ наше время.

Толстой, въ вопросахъ религіи и морали, былъ слишкомъ

приверженъ къ отвлеченной догмѣ «хорошихъ мыслей», хорошихъ словъ... Мы—люди здѣшніе, мірскіе и хотимъ знать и пытаемся такъ или иначе оцѣнивать здѣшнюю, живую жизнь, въ ея подлинномъ видѣ, въ ея непрестанномъ движеніи, а онъ, нездѣшній, взираетъ на человѣчество съ головокружительной высоты, съ которой взоръ не различаетъ человѣческихъ очертаній, и слухъ не улавливаетъ человѣческихъ голосовъ, и кажется, что всѣ говорятъ одно и то же, и что всѣ—толстовцы.

Въ предыдущихъ замѣткахъ я старался, въ мѣру моего разумѣнія, освѣтить тотъ процессъ внутренней борьбы, который привелъ наконецъ великаго искателя добра и правды къ полнотѣ религіознаго успокоенія и къ преддверью покоя совѣсти. Мы видѣли, какъ Толстой духовно ушелъ «отсюда» и сталъ нездѣшнимъ. Мы его видѣли на альпійскихъ высотахъ безстрастія и отрѣшенности отъ всего земного... Это—позиція, весьма удобная для чисто-религіознаго созерцанія, но отнюдь не пригодная для моральныхъ исканій, требующихъ присутствія здѣсь, на многострадальной землѣ, въ самой гущѣ жизни, гдѣ въ горнилѣ борьбы и страстей, неустанно творится мораль.

3.

Въ противоположность обезцвѣченнымъ, отрѣшеннымъ отъ условій мѣста и времени моральнымъ сентенціямъ «Круга чтенія», письма Толстого, запасъ которыхъ кажется неисчерпаемымъ, переносятъ насъ въ самую гущу жизни и раскрываютъ намъ подлинный процессъ нравственныхъ переживаній и моральнаго творчества. Это настоящіе «человѣческіе документы». Тамъ разсѣяно многое множество «хорошихъ мыслей»,—не хуже тѣхъ, которыя собраны въ «Кругѣ чтенія»; но, по сравненію съ этими послѣдними, онѣ имѣютъ всѣ преимущества живого передъ мертвымъ. «Жили—были»—невольно думается обо всѣхъ, кто попалъ въ «Кругъ чтенія», въ томъ числѣ и о нашихъ современникахъ, еще здравствующихъ. И «хорошія мысли» самого Толстого въ «Кругѣ чтенія» производятъ это грустное впечатлѣніе мертвенной формулы чувствъ и мыслей, когда-то переживавшихся и заживо-погребенныхъ. Другое дѣло—тѣ же или аналогичныя имъ «хорошія мысли» въ письмахъ: о нихъ мы не скажемъ «жили—были»,—онѣ сейчасъ живутъ, потому что здѣсь онѣ даны намъ—какъ подлинное переживаніе, въ условіяхъ мѣста и времени, въ обстановкѣ конкретной дѣйствительности.

Въ числѣ изреченій самого Толстого, занесенныхъ въ «Кругъ чтенія», мы находимъ, напр., такое: «И богатство, и власть, и жизнь, все то, что съ такимъ страданіемъ устраиваютъ и берегутъ люди,—все это, ежели и стоитъ чего-нибудь, то только по тому наслажденію, съ которымъ все это можно бросить».—Въ этихъ строкахъ заживо-погребены сложныя и яркія переживанія Толстого, живьемъ отразившіяся въ письмахъ, въ «Исповѣди», въ нѣкоторыхъ художественныхъ произведеніяхъ,—и тамъ это—не сентенція, не правило, не обобщеніе, а настоящій психологическій документъ, морально цѣнный своею подлинностью и индивидуальностью,—тѣмъ, что онъ—фактъ, а не обобщеніе факта,—что онъ правда души, а не правдоподобіе словъ.—И въ самомъ дѣлѣ, приведенная сентенція есть парадоксъ, и, какъ обобщеніе, какъ правило, она говоритъ неправду: ни фактически, ни психологически, ни морально не оправдывается то, что́ такъ категорически утверждаетъ сентенція: во-первыхъ, огромное большинство людей цѣнятъ жизнь, власть и богатство—какъ несомнѣнныя блага; разставаясь съ ними, они наслажденія не испытываютъ; во-вторыхъ, нельзя ставить «жизнь» на одну доску съ «властью» и «богатствомъ»; въ-третьихъ, сама моральная цѣнность отказа отъ власти и богатства не можетъ считаться безспорною, а таковая же цѣнность равнодушія къ жизни—болѣе чѣмъ сомнительна. Сентенція, въ ея обобщенномъ и категорическомъ выраженіи, не можетъ быть принята какъ выраженіе серьезнаго и прочнаго моральнаго вывода. Она только—красивый парадоксъ и стала бы еще красивѣе, если бы переложить ее въ стихи, гладкіе и звучные, съ «богатой» риѳмой... Такой опытъ показалъ бы, что этого рода моральныя сужденія принадлежатъ къ области словесности и риторики. Факты и выводы моральной жизни человѣка, это—нѣчто столь интимное, личное, сокровенное и стыдливое, что выносить ихъ на показъ нельзя безъ опасенія исказить или опошлить ихъ,—они не поддаются обобщенію, и моральная проповѣдь, основанная на такомъ обобщеніи личныхъ моральныхъ переживаній, по необходимости, остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Невольно вспоминается тутъ великолѣпное стихотвореніе Тютчева (также попавшее въ «Кругъ чтенія»):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Я не хочу утверждать, что такъ-называемыя «нравственныя истины» не подлежатъ оглашенію и проповѣдованію. Я настаиваю только на одномъ: этой проповѣди нельзя приписы-

вать значенія движущей силы въ нравственномъ прогрессѣ человѣчества,—«хорошими мыслями», какъ и добрыми пожеланіями, замощенъ путь не только въ рай, но и въ адъ, и эти мысли, будучи вырваны изъ контекста и отвлечены отъ условій времени и мѣста, сплошь и рядомъ превращаются въ сухія, схематическія формулы, лишенныя моральной убѣдительности и силы внушенія [1]).

Если выбрать изъ «Круга чтенія» всѣ «хорошія мысли», принадлежащія лично Толстому, а кромѣ того, извлечь изъ писемъ рядъ сентенцій, оторвавъ ихъ отъ момента и обстоятельствъ дѣла, и изъ всего этого составить книгу, то намъ пришлось бы, читая эту книгу, и о самомъ Толстомъ сказать съ грустью тайной: жилъ—былъ...

Но, чтобы отдѣлаться отъ этого досаднаго чувства, намъ стоило бы только обратиться къ его геніальнымъ художественнымъ произведеніямъ и его письмамъ: тамъ вѣчно-живъ и безсмертенъ Толстой—въ его творчествѣ, въ его глубокомъ и чуткомъ опытѣ жизни, въ неустанномъ ростѣ его духа, въ его исканіяхъ и достиженіяхъ...

Д. Овсянико-Куликовскій.

1) Справедливость требуетъ оговорить, что въ „Кругѣ чтенія“ все-таки попадаются страницы, представляющія живой интересъ—въ разныхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ моральномъ. Но это—не изреченія, не отдѣльныя „хорошія мысли“, а художественныя произведенія, именно нѣкоторые разсказы Толстого, „стихотворенія въ прозѣ“ и разсказы Тургенева, стихи Пушкина и Тютчева, очеркъ Мопасана и нѣк. др.

КАМЕННЫЙ АМУРЪ.

Въ осеннемъ паркѣ у бесѣдки
Тоскуетъ каменный амуръ:
«Какъ воздухъ мутенъ, сѣръ и хмуръ!
Какъ злобно вѣтеръ треплетъ вѣтки!

О, счастье нѣжныхъ вечеровъ!
О, трепетъ встрѣчныхъ ожиданій!
О, рѣчи пламенныхъ признаній
Подъ громкій рокотъ соловьевъ!

Вы отцвѣли... Помятъ и жалокъ
Увядшій паркъ... Ненастный вой...
Слезливый дождь... Туманъ густой...
Докучный крикъ воронъ и галокъ...

Тоска... Тоска... Затѣмъ—зима!
Завоютъ вихри снѣжной бѣли;
И будетъ скучно щурить щели
Сторожка ветхая съ холма...

«Ахъ, если бъ ввысь за журавлями
Я съ пьедестала могъ вспорхнуть!»
И, силясь крыльями встряхнуть,
Онъ смотритъ грустными глазами
Имъ вслѣдъ сквозь сумрачную муть.

Вас. Смирновъ.

„ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ“.

Голубое небо. Вижу его, вижу ясно, сквозь кружево шторы. Вскакиваю съ постели. Звоню: «Маша — одѣваться». Смотрюсь въ зеркало. Моложавое, нѣтъ молодое лицо глядитъ на меня изъ зеркала. Красивое, блѣдное, съ веселымъ блескомъ сегодня въ глазахъ. А вчера — завтра? «Das Gestern lügt und nur das Heut'ist war», звучитъ въ ушахъ Гофманнсталь. Не значитъ ли это въ русскомъ переводѣ: «Э, наплевать, сегодня мой день!?..»

Корзина ландышей на окнѣ пахнетъ до боли сладко. Ее вчера привезъ Сергѣй. А сегодня рано утромъ умчался въ Москву и куда-то дальше —побывать въ своихъ конторахъ, которыя онъ разбросалъ по лицу Руси Святой. Уѣхалъ на нѣсколько дней и увезъ изъ дому суматоху, шумъ, напряженіе, которое всегда съ нимъ неразлучно. Сегодня безъ него комнаты кажутся шире, свободнѣе; выглянули изъ своихъ угловъ вещи, показали свое лицо картины, цвѣты сильнѣе пахнутъ. Онъ насъ всѣхъ оглушаетъ, давитъ нашъ милый Сергѣй. А сегодня, вставъ скоро съ постели, можно вдругъ засидѣться за туалетомъ съ непричесанной головой, задуматься, заглядѣться въ окно... Потомъ вспомнить, что Сергѣй уѣхалъ, и заторопиться и наскоро одѣться и наскоро позавтракать и потомъ опять вдругъ разсѣсться въ гостиной, можетъ быть, даже въ шляпѣ, въ пальто и опять сидѣть и думать...

И вотъ дѣйствительно, совсѣмъ одѣтая, въ большой черной шляпѣ, въ застегнутыхъ перчаткахъ я сижу въ гостиной и думаю: «сколько умѣнья, выдержки и изворотливости затратилъ Сергѣй, чтобы купить задешево эту мебель изъ старинной разоренной барской усадьбы, и купилъ за безцѣнокъ».

И стоитъ она у насъ чужая, точно сердитая, и какъ-то неловко мнѣ съ ней. На стѣнкѣ одного шкафчика есть нацара-

панное слово «jamais», и кажется онъ мнѣ какимъ-то хрупкимъ и больнымъ, этотъ массивный дубовый шкафчикъ.

Все, что̀ въ квартирѣ виситъ и стоитъ, все купилъ Сергѣй самъ, выбиралъ долго, прицѣнивался, ѣздилъ по аукціонамъ, подбиралъ стили, махалъ на меня руками, когда я вмѣшивалась, совѣтовался съ Вѣрочкой.

Какъ похожи они въ сущности другъ на друга, Сергѣй и Вѣрочка.—Вѣрочка, маленькій пушной и хищный звѣрекъ, шумливое, бѣлорозовое созданіе, бывшіе «сапоги Карла Маркса», какъ звали ее у насъ на курсахъ. Тогда она подпоясывалась ремнемъ, спорила съ народниками, на спинѣ болталась длинная коса. Теперь она носитъ фальшивые локоны, платье изъ золотой сѣтки и гордится, что на ея журфиксахъ бываютъ имена изъ литературнаго, адвокатскаго и медицинскаго міра.

Мужъ у нея модный докторъ и очень интеллигентный человѣкъ. Они—наши друзья, особенно Вѣрочка съ Сергѣемъ. Они вмѣстѣ ѣздятъ по аукціонамъ, выбираютъ раритеты, торгуются, немножко плутуютъ. Отчего бы имъ и не жить вмѣстѣ, не поселиться вмѣстѣ, часто думаю я!—Но Вѣрочка довольна своимъ мужемъ, а Сергѣй доволенъ мною.

Свѣтитъ солнце, сіяетъ голубое небо, весна на дворѣ.

Пойду, нагуляюсь, напьюсь весенняго воздуха, устрою безпорядокъ, не приду къ обѣду... Но гдѣ же мое молодое весеннее настроеніе? И философія «сегодняшняго дня»?

Не забраться ли къ себѣ въ комнату, не спустить ли шторы, не раздѣться ли, не снять ли трубку съ телефона, не приказать ли никого не принимать и не лечь ли на диванъ и, уткнувшись головой въ подушки, задуматься о своей жизни?

Нѣтъ, пойду, ничего не выйдетъ, здѣсь сильно пахнутъ ландыши, подаренные Сергѣемъ.

«Обѣдать не буду, говорю горничной, телеграмму отъ барина положите ко мнѣ на столъ». — Я знаю, Сергѣй каждый день во время своихъ поѣздокъ присылаетъ мнѣ телеграммы. Пишетъ обыкновенно: «здоровъ, адски усталъ, дѣла хороши, много цѣлую, отвѣтъ уплаченъ»,—а я ему отвѣчаю: „здорова, дома все благополучно».

Иду по улицѣ, по широкой, нарядной улицѣ, гдѣ мы живемъ. Здѣсь все первый сортъ и дома, и швейцары, и обитатели, и я чувствую, что сама я тоже первый сортъ. Дорогой изящный костюмъ на мнѣ, элегантная шляпа, всѣ тѣ мелочи, которыя придаютъ изысканность и раздѣльность отъ толпы. Женщины враждебно меня оглядываютъ, мужчины любуются.

Я знаю, у меня есть свой стиль. Какъ-то въ прошломъ году, послѣ маленькаго кутежа въ Акваріумѣ, Сергѣй ночью, обнимая меня, сказалъ: «Ты сегодня была изумительно интересна, сидѣла, какъ-то особенно опустивъ руки на колѣни, смотри, всегда такъ сиди, очень къ тебѣ идетъ... Николай Николаевичъ сказалъ: Ваша жена настоящая «пѣсня безъ словъ», и при этомъ Сергѣй смѣялся и щекоталъ меня своими усами. Рука моя обнимала тогда его шею, и, честное слово, одно мгновеніе, одно совсѣмъ крошечное мгновеніе у меня было желаніе обнять его такъ, чтобы никогда больше не слышать его смѣха.

«Пѣсня безъ словъ» — вѣдь это вѣрно, и это не только мой стиль, но это я, вся душа моя. «Пѣсня безъ словъ!» — Жесточайшій врагъ мой могъ такъ вывернуть меня наизнанку, обнаружить все то, что я презираю, а сдѣлалъ это милѣйшій, добрѣйшій Николай Николаевичъ, нашъ пріятель, эстетъ, неврастеникъ, человѣкъ съ разлѣзлой душой и крайнихъ убѣжденій, искреннѣйшій, честнѣйшій и никчемнѣйшій Николай Николаевичъ. Сдѣлалъ онъ это, потому что самъ тоже «пѣсня почти что безъ словъ», а рыбакъ рыбака видитъ издалека. Онъ много видитъ и подмѣчаетъ, и я знаю его застѣнчивую, прячущуюся улыбку, съ которой онъ это сказалъ. Съ такой же улыбкой онъ говорилъ мнѣ когда-то про Сергѣя, что у него «хвостъ завиткомъ», и невольно заставилъ меня разсмѣяться.

Иду по Невскому. Солнце бьетъ въ глаза, попадаются знакомыя лица, я раскланиваюсь, не хочу останавливаться, говорить. Все это люди, которымъ важна и интересна не я сама, а жена Сергѣя, богатѣющаго, виднаго въ обществѣ человѣка. Положимъ, во мнѣ самой нѣтъ ничего и въ самомъ дѣлѣ интереснаго, но со всѣми этими господами я и не была знакома.

На Екатерининскомъ каналѣ, дальше отъ центра, въ старомъ домѣ съ колоннами живетъ мой отецъ, все въ той же квартирѣ, въ которой жили мы когда-то всѣ вмѣстѣ. Зайду къ нему, старикъ слабѣетъ, недолго еще ему раскладывать пасьянсъ.

На парадной лѣстницѣ пахнетъ сыростью, плѣсень ползетъ по стѣнамъ, и квартира наша стала отъ времени сыроватой и холодной. Но отецъ не хочетъ переѣзжать, привыкъ.

Старая Ольга, которая когда-то носила меня на рукахъ, отворяетъ дверь. Она выросла въ нашемъ домѣ, скорѣе не прислуга, а членъ семьи. Мной она очень довольна, за то, что я сумѣла хорошо пристроиться, съ удовольствіемъ оглядываетъ меня и говоритъ съ упрекомъ, но съ гордостью:

— Опять новая шляпа!

— Опять, Никитишна. Что, папа дома?

— Пожалуйте - съ. Вѣшаетъ мой жакетъ, переворачиваетъ и щупаетъ доброту матеріи.

Папа у себя въ кабинетѣ, за письменнымъ столомъ, читаетъ «Новое Время».

— А, Ниночка,—говоритъ радостно,—ты откуда? И смотритъ поверхъ очковъ.

— Зашла провѣдать васъ. Здоровы?

— Здоровъ, какъ же... Садись, садись!.. Что жъ шляпу-то не снимаешь? А Сергѣй что?

— Уѣхалъ по дѣламъ въ провинцію.

— Надолго?—какъ-то насторожившись, спрашиваетъ папа.

— Дней на пять.

— Вотъ что...—глубокомысленно протягиваетъ папа. — А ты что же съ нимъ не поѣхала? — съ недовѣрчивымъ любопытствомъ спрашиваетъ онъ.

— Ну, полноте, папа, куда же я съ нимъ поѣду, одно утомленіе. Онъ по дѣламъ, а я зачѣмъ?

— Ну, а дома что ты дѣлаешь? — ворчливо говоритъ папа, снимаетъ очки и кладетъ на столъ, аккуратно сложивъ.

— Положимъ, ничего не дѣлаю...

— Ну то-то и есть. А вмѣстѣ все лучше...

Я знаю, что думаетъ папа, онъ всегда прозрачно намекаетъ на это. Онъ боится, что Сергѣй, живой, красивый, увлечется кѣмъ-нибудь и броситъ меня, и все мое благополучіе рухнетъ. Онъ недалеко ушелъ въ этомъ отношеніи отъ Ольги.

— Такъ... а я тутъ вотъ читаю... Отлично шельмецъ написалъ... Совершенно вѣрно, я самъ того же мнѣнія — погибаетъ Россія отъ жидовства. Удивительное дѣло, куда ни сунься, вездѣ жиды. Одинъ заведется, за собою другихъ тянетъ. Житья просто нѣтъ отъ нихъ. Молодежь подкупили, печать подкупили, говорятъ, даже англійскій король Эдуардъ VII и тотъ былъ ими подкупленъ!.. Вотъ почитай, я знаю, что вы всѣ тамъ со мной несогласны, а все-таки вотъ прочти...

Я беру и откладываю газету.

— Вы гуляли сегодня, папа?

— Нѣтъ, не успѣлъ, занялся тутъ кое - чѣмъ... Вотъ рамочку позолотилъ, провозился съ ней!..

— Пойдемте сейчасъ, погуляемъ. Докторъ велѣлъ вамъ гулять.

— Да не хочется что - то, вотъ и ты пришла, посидимъ,

поговоримъ. Получилъ отъ Коли письмо,—пишетъ: скоро долженъ состояться его переводъ въ Харьковъ. Ничего, молодецъ, хорошо идетъ по службѣ.

— Дѣти здоровы?

— Какъ же?.. Карточку ихъ новую прислалъ...

Всѣ стѣны папинаго кабинета снизу до верху увѣшаны фотографическими карточками. Тутъ и онъ самъ, начиная со студенчества, съ богатой шевелюрой, студентъ-шестидесятникъ, «красный», какъ онъ про себя говоритъ. Потомъ безконечныя фотографіи въ формѣ судейскаго вѣдомства, потомъ въ отставкѣ. Здѣсь и наша мать съ красивымъ, холоднымъ лицомъ, всегда принаряженная и кокетливая, рано умершая. Здѣсь я съ сестрой и братомъ, начиная съ пеленокъ. Сестра красивая, бойкая, похожая на мать, братъ—солидный бутузъ, солидный молодой юноша и солидный товарищъ прокурора, похожій на отца. Я—невеселымъ ребенкомъ, потомъ долговязой дѣвчонкой на скалѣ съ распущенной косой, съ мечтательнымъ взглядомъ—Офелія, какъ смѣялись тогда надо мной. Опять я по окончаніи гимназіи въ запущенномъ саду нашего маленькаго имѣньица, на скамейкѣ, съ усталымъ взглядомъ—«вечернее размышленіе о Божьемъ величіи»,—какъ прозвали тогда эту карточку. Да, это были годы размышленій, разнообразнаго чтенія, безплоднаго философствованія, невеселыхъ наблюденій надъ жизнью. Въ эти три года сталъ намѣчаться мой стиль, — «пѣсни безъ словъ», и дальнѣйшее пребываніе на курсахъ не могло его искоренить.

А вотъ рядомъ и другая карточка—я на курсахъ съ остриженными волосами, съ какимъ-то мальчишескимъ видомъ. Для чего я остригла тогда свои длинныя косы—было мнѣ самой неизвѣстно. Глупая бутада, презрѣніе къ взглядамъ той чиновничьей среды, въ которой я вращалась.

Это были бурные годы, Sturm und Drang вездѣ вокругъ и во мнѣ самой. Тогда впервые пришлось столкнуться съ общественными явленіями, которыя требовали къ себѣ того или иного опредѣленнаго отношенія. Я пошла налѣво, на «крайній край» къ негодованію своей семьи и безъ достаточной сознательной провѣрки самой себя.

Насъ исключили, потомъ послѣ часть нашихъ вернулась, могла вернуться и я,—я сдонкихотничала, не вернулась, оторвалась отъ жизни, отъ своего кружка и загрустила. По моимъ романтическимъ взглядамъ на жизнь,—возвращеніе обратно было измѣной, предательствомъ. На дѣлѣ—это было непониманіемъ жизни и борьбы. Бороться я и тогда не умѣла и не любила.

Вотъ карточка моя послѣ курсовъ,—замкнутое, презрительное выраженіе и въ то же время тоска по людямъ, тоска по любви. Да, и это было.

А вотъ другая карточка, снятая наспѣхъ, съ счастливымъ лицомъ. Она была для него, для молодого, красиваго доктора, съ которымъ у меня былъ нелѣпый романъ. Нѣсколько встрѣчъ и готова была любовь—у меня на два года, у него на три мѣсяца. Онъ уѣхалъ и женился, я осталась и сдѣлалась окончательно «пѣсней безъ словъ».

А черезъ два года—появленіе Сергѣя—и моя острая, болѣзненная влюбленность и затѣмъ замужество и жизнь съ Сергѣемъ. Цѣлый рядъ карточекъ. Сергѣй, какъ и папа, любитъ сниматься. Сколько разъ мы снимались съ нимъ вмѣстѣ. Я у него на колѣняхъ, я съ нимъ подъ ручку, онъ стоитъ за мной, мы сидимъ рядомъ. Семь лѣтъ жизни съ нимъ—всѣ здѣсь. И вездѣ я красивая, элегантная, въ дорогихъ платьяхъ. Въ глазахъ иногда, въ складкѣ рта мерещится иногда скучная «пѣсня безъ словъ». Послѣдній годъ я не снималась.

Папа любитъ эту фамильную галлерею, самъ обметаетъ пыль, мастеритъ рамочки и полочки для карточекъ.

— Оставайся обѣдать,—говоритъ папа,—такой тебя лососиной угощу—прелесть. Самъ ходилъ на Сѣнную, покупалъ. Ты, навѣрное, на Сѣнной и не бываешь?

— Нѣтъ, папа, я плохая хозяйка, вы знаете...

— Вотъ это - то и плохо. Женщина должна быть хозяйкой...—и прибавляетъ многозначительно папа, — и матерью.

Я вижу, какъ онъ подозрительно оглядываетъ мою тонкую фигуру.

— Ну что,—говоритъ онъ неловко, шутливымъ голосомъ,—не будетъ мнѣ внученка?

— Нѣтъ, папа, бросьте надежду. Вѣдь есть у васъ внучата у Коли, у Лиды, довольно съ васъ.

— Нехорошо, нехорошо,—ворчитъ папа,—дѣти связываютъ семью. Безъ дѣтей мужъ того и гляди найдетъ другую, и прощай тогда. Вотъ и останешься съ носомъ.

— Ну, что жъ, броситъ, такъ броситъ, а можетъ быть, я еще раньше его брошу... — говорю я, и внутренній холодъ забираетъ меня оттого, что я выговорила вслухъ, не для папы, нѣтъ, а для себя самой эту мысль. Я встаю и хожу по комнатѣ, чувствую, что дрожу. «Вотъ это что... я его брошу»... До сихъ поръ это не приходило мнѣ въ голову, а тутъ случай, игра

лловъ,—а для меня, для меня одной это полно глубочайшаго значенія.

Папа смотритъ на меня удивленно и испуганно, но у меня, при всей моей безалаберности и распущенности, есть одно цѣннѣйшее свойство — внѣшняя сдержанность и собранность, и теперь я спохватываюсь и шутливо говорю ни къ селу, ни къ городу:

— Да, женщинѣ дорогу, папа, не все вамъ, мужчинамъ, командовать.

Папа успокаивается.

— Я останусь у васъ сегодня обѣдать, а потомъ разложимъ грабюжъ, одинъ разъ, хорошо?—Грабюжъ—пасьянсъ вдвоемъ, чуть ли не изъ тридцати колодъ, по крайней мѣрѣ на три часа.

Мы ходимъ съ папой по квартирѣ. Все здѣсь полно прежней забытой уже жизнью, все стоитъ на старыхъ мѣстахъ: старая, немодная мебель съ вытертымъ краснымъ трипомъ, старенькій рояль съ пожелтѣвшими клавишами.

Папа присаживается и наигрываетъ маршъ добровольцевъ, штраусовскій вальсъ. Я слушаю, закрывъ глаза. Папа—славный, добрый старичекъ, добрый ко мнѣ, къ брату, къ сестрѣ, къ своимъ дѣтямъ, къ дѣтищамъ кровнымъ, но вообще—эгоистъ, неумный, ограниченный человѣкъ, даже стыдно признаться, не безъ подслуживанья, не безъ хамства. Какъ онъ юлитъ смѣшно, по-стариковски передъ Сергѣемъ, и только потому, что Сергѣй богатъ и сила. Мнѣ стыдно бываетъ за него, потому что Сергѣй это прекрасно видитъ и какъ-то по-своему учитываетъ. Мнѣ кажется, что въ минуту раздраженія, ссоры онъ могъ бы бросить мнѣ это въ лицо.

Братъ, сестра—между собой они сходятся, дружны, со мной нѣтъ. И къ нимъ у меня тоже нѣтъ никакого чувства.

Сестра—завистливая, жадная. Мужъ ея служитъ въ страховомъ обществѣ, какой-то одеревенѣлый субъектъ, получаетъ рублей триста въ мѣсяцъ, на это далеко не уѣдешь, а Лида хочетъ, чтобы у нея на эти деньги было и стильно и комильфотно. Она великолѣпная хозяйка, торгуется изъ-за гроша, эксплоатируетъ прислугу и всѣхъ, кто попадется подъ руку. Мужа держитъ въ повиновеніи, отбираетъ у него все жалованье, выдаетъ ему каждый день на трамвай и съ величайшей хитростью изловчается, чтобы и она сама, и мужъ, и двое замуштрованныхъ ребятишекъ были одѣты по послѣдней модѣ. Меня она откровенно считаетъ «умной дурой» и всегда говоритъ, что я

не умѣю жить. Въ этомъ, положимъ, я и сама не сомнѣваюсь, но совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ Лида.

Съ моими родственниками дѣло не благополучно, а другихъ у меня нѣтъ. У Сергѣя есть мать, высокая, худая, не безъ хитрецы. Она, вѣроятно, любитъ Сергѣя, гордится имъ и глубоко оскорблена, навсегда, на всю жизнь, его хладнокровнымъ къ ней отношеніемъ, можетъ быть, ревнуетъ его ко мнѣ.

А Сергѣй поистинѣ удивителенъ. Никогда не забуду, какъ въ первый пріѣздъ его матери къ намъ онъ случайно принесъ домой корзину дорогихъ фруктъ, принесъ прямо въ мою комнату, развернулъ, сталъ ѣсть и меня угощалъ. Я сказала: «Позови же Анну Ивановну».

— А ну ее,—отвѣтилъ Сергѣй и тутъ же спохватился, увидя мое изумленіе, и прибавилъ: — у нихъ тамъ на югѣ много всего этого, ее не удивишь этимъ,—и смѣялся притворно-лукаво. Но я знаю, что онъ, бросающій десятки рублей зря, пожалѣлъ для своей матери случайно купленныхъ вкусныхъ фруктъ. Это онъ умѣетъ такъ пожалѣть. Онъ никогда ей не пишетъ, и я увѣрена, что онъ просто забываетъ о ея существованіи.

Наигрываетъ папа старенькій мотивъ, знакомый съ дѣтства, наигрываетъ старенькими пальцами, распухшими отъ подагры. Я хожу и думаю, и задыхаюсь отъ той новости, которую сама себѣ нашла. Мнѣ нужно бы вернуться сейчасъ домой и въ тишинѣ хорошенько все обдумать, не волноваться, не горячиться, а потомъ дѣйствовать. «Дѣйствовать»—мало приходилось въ жизни, не люблю и боюсь я дѣйствовать.

— Пойдемъ обѣдать, да что у тебя, не жаръ ли, отчего ты такая красная?—говоритъ папа и щупаетъ лобъ и пытливо смотритъ на меня.

Это участіе, эта ласка, такая знакома и обыденная, сегодня меня трогаетъ чрезвычайно. Я хочу взять его руку, поцѣловать ее, прижаться къ нему и, можетъ быть, сказать, спросить. Не пойметъ папа ничего, взволнуется, не будетъ спать по ночамъ, не пойметъ ничего, ни одного слова.

— Пойдемте, папа,—спокойно говорю я, это отъ вѣтра лицо горитъ. Давайте скорѣе обѣдать, я забыла, что мнѣ вечеромъ надо быть дома...

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу, зачѣмъ тебѣ домой, пустяки...

— Нужно мнѣ, дѣло есть...

— Какое?

Нѣтъ у меня ни малѣйшей находчивости и выдумки, ничего не могу найти, чтобы отвѣтить папѣ...

— Придетъ кто-нибудь? помогаетъ папа.

— Да, придетъ одна тугъ,... знакомая...

— Экая ты какая... ну, когда же ты снова придешь ко мнѣ?

— Скоро приду,—разсѣянно говорю я.

— Да ты и не ѣшь ничего... вѣрно, нездорова?—допытывается папа.

— Нѣтъ, папа, я здорова, оставьте, голубчикъ, кушайте сами.

— Ну, а скажи, пожалуйста, все хотѣлъ тебя спросить, билеты твои не вышли въ тиражъ перваго марта?

— Не знаю, этимъ Сергѣй распоряжается, все у него.

Когда я выходила замужъ, папа далъ мнѣ пять тысячъ. Деньги эти у Сергѣя, и я дѣйствительно забыла, что у меня есть свои деньги, потому что никогда и ни въ чемъ мнѣ не было со стороны Сергѣя отказа. Вкусы у меня простые, прихотей нѣтъ, Сергѣй заставляетъ дѣлать дорогія платья, покупаетъ драгоцѣнныя вещи и самъ ими любуется, слѣдитъ за модой и за мной. Давнымъ-давно эти пять тысячъ должны были быть истрачены на меня, и теперь я не знаю, есть ли у меня деньги или нѣтъ.

— А какъ Сергѣй держитъ свои деньги,—интересуется папа,—въ бумагахъ или на текущемъ счету?

— Ничего не знаю, папа, гдѣ и какъ и сколько...

Папа смотритъ на меня задумчиво.

— Ничего не говоритъ тебѣ?—спрашиваетъ тихо.

— Онъ сказалъ бы, да я не спрашиваю.

— И напрасно,—ворчитъ папа, — слава Богу, не маленькая, какъ это не знать о дѣлахъ мужа. Неровенъ часъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ,—можетъ и Сергѣй умереть,—избави Богъ, я не желаю ему смерти, напротивъ,—горячо говоритъ папа,—но чего не бываетъ въ жизни,—а что жъ ты тогда дѣлать будешь?

— Тогда и подумаю.

Качаетъ головой папа. Знаетъ ли онъ, какъ мнѣ это больно, именно то, что онъ говоритъ, именно то мое положеніе, что я могу жить, не думая о завтрашнемъ днѣ, какъ кукла, какъ игрушка Сергѣя, которую онъ кормитъ, поитъ, одѣваетъ, охраняетъ отъ заботъ.

Кончается обѣдъ, я встаю и прощаюсь и почти бѣгу по

лѣстницѣ, по улицѣ. Сажусь на перваго попавшагося извозчика, тороплю его.

Дома горничная говоритъ: «Была телеграмма отъ барина, на столѣ у васъ положила».

Въ своей гостиной, на письменномъ столѣ я вижу эту телеграмму. Не хочется мнѣ ее распечатывать, Боже ты мой, какъ не хочется, но вдругъ въ ней порученіе... «Цѣлую, здоровъ, пріѣду четвергъ. Отвѣтъ уплаченъ».

Руки дрожатъ у меня. Отчего въ четвергъ, такъ скоро?— говорилъ черезъ недѣлю, а четвергъ черезъ три дня. Какъ не вовремя это теперь, ничего не успѣю...

Поспѣшно раздѣваюсь, надѣваю капотъ. Звоню: «меня нѣтъ дома»,—говорю горничной.

— Ольга Васильевна звонили по телефону, обѣщались вечеромъ зайти.

Эта Ольга еще не во-время. — «Хорошо, говорю, Ольгу Васильевну примите, больше только никого».

Заплетаю косу, снимаю модные ботинки, кольца съ рукъ. Мѣшаетъ это мнѣ все, точно мое «я» незамѣтно переходитъ во всѣ эти вещи, а теперь мнѣ нужно собраться съ мыслями, собрать себя.

Закрываю дверь на ключъ, тушу свѣтъ и ложусь на кровать. Рядомъ стоитъ кровать Сергѣя,—и это хорошо и нужно сейчасъ, потому что такъ яснѣе я вижу Сергѣя, мнѣ кажется, что онъ здѣсь, близко отъ меня, но не суетится и не шумитъ, какъ всегда, а я смотрю на него, разглядываю его со всѣхъ сторонъ и говорю съ нимъ:

— Милый Сергѣй, красивый, обаятельный, великолѣпный Сергѣй, съ первой же встрѣчи сразу и вполнѣ ты покорилъ меня. Ты для меня сталъ образцомъ красоты, здоровья, мужества, смѣлости, классическимъ типомъ человѣка. Ты казался мнѣ тѣмъ счастливымъ человѣкомъ, который не вѣдаетъ страха и не боится опасностей. Мнѣ казалось, съ самозабвеніемъ отдавалъ ты себя на общественное дѣло. Помню твои рѣчи, которыя звучали, какъ проповѣди, помню ту атмосферу трепета и воодушевленія, которую создавалъ ты своими рѣчами. Но ты не только говорилъ, ты и дѣлалъ, и судьба была къ тебѣ милостива, ты уцѣлѣлъ, такъ я думала тогда. Теперь я думаю, что и рисковалъ ты всегда очень осторожно и много меньше дѣлалъ, чѣмъ говорилъ.

У тебя ораторскій даръ, Сергѣй, а еще бо́льшій даръ сказать во́-время то, что́ другіе скажутъ позже или раньше.

У тебя сильно развито неоцѣненное «чувство времени», ты всегда современенъ, точно тамъ же, какъ я всегда внѣ своего времени и по всей вѣроятности страшно запоздала.

Когда годы бури и натиска отошли въ вѣчность, ты не растерялся, не захандрилъ, не раскисъ, какъ многіе другіе,—всю свою энергію, силу, воодушевленіе ты направилъ на иную сторону жизни, выдвинулъ новый пароль: «интеллигенція должна быть матеріально независима», и проповѣдуешь это легко и весело вездѣ, гдѣ есть слушатели. У тебя есть несложная аргументація, что матеріально обезпеченный человѣкъ по тому самому независимъ, по тому самому легче входитъ въ общественныя организаціи, не боясь оставить безъ куска хлѣба жену и дѣтей. У него нѣтъ страха передъ завтрашнимъ днемъ, и всю энергію направляетъ онъ на общественную борьбу.

Весело проповѣдуешь ты это новое, бодрое слово. Есть у тебя и союзники, есть и противники, но послѣдніе быстро сходятъ съ нашего круга. А ты крѣпнешь, ты растешь, становишься день ото дня самоувѣреннѣе, матеріально независимѣе, ты изумителенъ въ своихъ дѣлеческихъ комбинаціяхъ,—но вѣдь это только первая половина твоей новой доктрины. Гдѣ же твой праведный гнѣвъ, твоя общественная борьба? — ихъ нѣтъ, и я знаю, ихъ и не будетъ.

Но самое страшное, что опустошаетъ, подрѣзываетъ меня, это то, что мнѣ кажется,—ихъ никогда и не было.

Ужасныя вещи кажутся мнѣ теперь, милый Сергѣй. Вотъ мы съ тобой вмѣстѣ живемъ, во всей нашей жизни такъ близко находимся другъ къ другу, а я все время какъ будто смотрю на тебя со стороны и думаю: гдѣ же Сергѣй? который онъ, теперешній или прежній? Одинъ человѣкъ перемѣниться такъ не можетъ.—И есть одинъ отвѣтъ, я боюсь его, но онъ вѣрный: все прошлое—шелуха, ловкій ходъ, тоже дѣлечество. Въ тѣ времена оно иногда подавалось подъ такимъ соусомъ, и ты сумѣлъ горячо его подать, а обожглась только одна я...

А что дѣлала я въ тѣ годы? Конечно, любила, конечно, вѣрила, была счастлива, горда тобой.

Душа моя парила въ тѣхъ высотахъ, куда ты ее заносилъ, крылья выросли у моей души, и я не замѣчала, что ты дергалъ меня внизъ за веревочку, когда летѣть я собиралась слишкомъ высоко и далеко. Я и не полетѣла никуда, а осталась дома, слушала тебя съ широко раскрытыми глазами, думала твоими мыслями, чувствовала по твоей указкѣ, и съ твоего благословенія копошилась въ мелкихъ революціонныхъ дѣлахъ. И я дѣлала эти

дѣла, слѣдуя твоимъ совѣтамъ съ той убійственной, благоразумной осторожностью, которая обезплодила эти дѣла и обезплодила мою душу.

Но, милый Сергѣй, искренно я говорю тебѣ, ты не виноватъ. Нельзя по-рабски любить, по-дѣтски вѣрить. Я обвиняю себя. Въ рабскихъ чувствахъ есть своего рода подлое удобство, — такъ удобно жить чужими мыслями, по чужой указкѣ,—никакой своей отвѣтственности, никакого своего риска, никакой своей обязанности.

Я сдѣлала изъ себя молодую, изящную даму, лирически и прогрессивно настроенную, сочувствующую всему «разумному, доброму, вѣчному». Но своего собственнаго, крѣпкаго, кровнаго, убѣжденнаго во всемъ этомъ не было ничего. Сдѣлалась «пѣсней безъ словъ» или, вѣрнѣе, пѣсней съ чужими словами...

Но когда ты подмѣнилъ себя на новаго, теперешняго Сергѣя и сталъ дальше, по-новому процвѣтать и крѣпнуть,— оказалось роковое дѣло: слѣдовать за тобою на твой новый путь я не могла, этого я не могла и осталась въ какомъ-то столбнякѣ и оцѣпенѣніи, какъ выжатый лимонъ, какъ шаръ, изъ котораго выпустили воздухъ.

Милый Сергѣй, я обидѣлась, я оскорбилась за тебя, но обидѣться и оскорбиться надо было за самое себя. Великимъ тебя дѣлала моя любовь, но воистину нельзя было такъ любить.

А теперь эта любовь... не знаю, право, мнѣ кажется, эта любовь еще есть, она тутъ, но сдѣлалась такой тоненькой, такой худенькой и легонькой, что я не могу всегда въ нужный моментъ найти ее подъ рукою. Она куда-то прячется отъ меня, эта любовь, и я должна ее искать и привязывать ее къ себѣ на шнурочекъ...

А ты, ты любишь меня по-прежнему, даже больше, чѣмъ прежде. Ты относишься ко мнѣ очень нѣжно, входишь во всѣ мелочи моей жизни, заботишься о своей любви ко мнѣ, чтобы она не была ни слишкомъ грузной, ни слишкомъ легкой для меня и для тебя. Съ разсчетомъ умѣешь ты жить и любить. Съ разсчетомъ и съ аппетитомъ. А эти-то два свойства для меня непріемлемы.

Вспомни, въ первые годы нашей совмѣстной жизни я такъ хотѣла имѣть дѣтей. Ты воспротивился. «Еще рано, говорилъ ты, лукаво цѣлуя меня, поживи еще на свободѣ, а не то вдругъ подурнѣешь, да и монеты надо еще собрать, а пока налегкѣ посмотримъ Божій свѣтъ, себя покажемъ», говорилъ ты.

И мы налегкѣ обскакали почти что весь Божій свѣтъ и изъ разныхъ угловъ его понавезли домой всякаго туземнаго

хлама. Такъ прошло пять лѣтъ.—На шестой годъ ты, смѣясь,—ты всегда серьезнѣйшія вещи говоришь мнѣ смѣясь,—сказалъ: «ну, Ниночка, не пора ли намъ подумать объ инфантѣ?»

А къ тому времени я уже не захотѣла имѣть дѣтей. Ты удивился, былъ недоволенъ немного, съ желаніемъ моимъ сосчитался, но объяснилъ его по-своему. Боже ты мой, ты даже не спросилъ меня тогда, почему я не хочу, ты не счелъ это важнымъ спросить, а можетъ быть чего-нибудь и побоялся. А я хотѣла тебѣ такъ многое по этому поводу разсказать, о насъ, о самихъ разсказать.

И ты продолжалъ меня любить такъ же заботливо, такъ же нѣжно, такъ же аппетитно. Я, помнишь, спросила тебя разъ: «за что ты меня любишь, Сергѣй?»—Ты стоялъ тогда у зеркала и завязывалъ галстухъ, мы собирались куда-то на вечеръ. Я смотрѣла въ зеркало и видѣла твое красивое лицо, лицо русскаго, добраго молодца. Оно не вздрогнуло отъ моего вопроса, отъ его неожиданности.

— За что люблю,—повторилъ ты какъ будто машинально и потянулся къ зеркалу, чтобы лучше приладить бантъ,—«шея у тебя красивая, руки», ты остановился, кончилъ бантъ, потомъ подошелъ ко мнѣ, и лукаво добавилъ,—«потомъ ты забавная», обнялъ и хотѣлъ поднять съ мѣста.

— Что это значитъ забавная?—спросила я.

— Ну, такая вотъ потѣшная, все свое что-то у тебя, недотрога такая.. люблю, и все тутъ. Ну, пора намъ, чего тутъ философствовать,—и засуетился, и мы поѣхали на балъ.

Тогда ты мнѣ солгалъ. Я знаю, за что ты меня любишь, знаешь это и ты. Плечи, шея, руки,—это все вздоръ. Конечно, если бы я была некрасива, если бы у меня не было плечей, рукъ и шеи, которыя тебѣ нравятся, ты меня бы вообще не любилъ. Но не за это одно ты меня любишь. Мнѣ одной ты довѣряешь вполнѣ, до конца, со мной одной ты откровененъ, не боишься предательства, говоришь по душѣ, на распашку, и слишкомъ много говоришь ты со мной по душѣ, ни одной иллюзіи о самомъ себѣ не оставилъ ты мнѣ. Въ этихъ разговорахъ «о другихъ» я узнала тебя до конца. Но о себѣ, обо мнѣ, о насъ самихъ ты не любишь говорить; не потому ли, что для тебя наши отношенія—это тоже «дѣло», и здѣсь ты боишься какъ-нибудь просчитаться и проиграть.

Ну, вотъ, видишь ли, все это было такъ, но больше этого не будетъ. Въ 32 года, такъ поздно, я, образованная, начитанная, не безъ способностей, наконецъ поняла, что мнѣ надо

теперь же, немедля сдѣлать громадное усиліе—сдернуть съ себя теперешнюю оболочку жизни и встать на свои собственныя ноги. И сдѣлать теперь же, иначе погибну, запью, сдѣлаюсь морфинисткой, картежницей, тѣмъ, чѣмъ дѣлаются люди, когда живутъ одними внѣшними чувствами и нервами.

И кромѣ того, милый Сергѣй, мнѣ надо провѣрить, узнать, люблю ли я тебя. Этого теперь я тоже больше не знаю,—а чтобы узнать, мнѣ надо уйти прочь, отойти въ сторону....

Гдѣ-то далеко звонитъ звонокъ. Это Ольга, моя давнишняя пріятельница, еще съ курсовъ.

— Можно къ тебѣ?—звенитъ ея тонкій голосъ за дверью.

— Да, да, входи.

Ольга—маленькая, худенькая, щупленькая, «святыя косточки»—зоветъ ее Сергѣй, а она его «веселящимся интеллигентомъ». Ольгу сильно потрепала жизнь, и сидѣла она, и высылали ее, и все она, какъ саламандра, выходила изъ передѣлокъ съ прежнимъ воодушевленіемъ и энергіей. И личная ея жизнь не задалась,—разошлась съ мужемъ и теперь одна съ ребенкомъ, бѣгаетъ по урокамъ, а для души работаетъ въ школахъ и клубахъ для рабочихъ. Милая душа ея все время съ самозабвеніемъ рвется къ живому дѣлу. Не въ силу ли контраста любитъ она меня?

— Нездорова? что съ тобой?—заботливо спрашиваетъ Ольга.

— Здорова. Садись.

— Что же ты лежишь?

— Да такъ, лежится какъ-то.

Я вижу, какъ голубоватые, выцвѣтшіе Ольгины глаза пытливо меня разсматриваютъ. Но только одно небольшое мгновеніе. Дальше она считаетъ некорректнымъ ни разспрашивать меня, ни разглядывать.

— Я къ тебѣ по дѣлу,—говоритъ она.

Знаю я эти Ольгины дѣла.

— Ты теперь свободна, конечно?—спрашиваетъ Ольга.

— Ну нѣтъ,—отвѣчаю я,—вотъ именно сейчасъ-то я не свободна, совершенно не свободна.

— Чѣмъ же ты занята?—быстро спрашиваетъ Ольга.

— Это потомъ я тебѣ скажу, ты говори о своемъ дѣлѣ, опять, вѣрно, школа?

— Да, конечно,—смѣется Ольга, и около глазъ ея собираются морщинки.—Что жъ у меня другое можетъ быть? Не согласишься ли ты прочесть у насъ просто три, четыре лекціи

по исторіи литературы, ну, отдѣльный періодъ какой-нибудь можешь взять или писателя.... Заболѣла Вѣра Семеновна, она должна была читать, а жалко, часы пропадаютъ. Прочти, пожалуйста, ну, что тебѣ стоитъ, тряхни стариною. Знаешь, вчера объявился въ школѣ Макарьевъ, помнишь, твой ученикъ? Снова хочетъ ходить въ школу, уѣзжалъ въ провинцію, спрашивалъ про всѣхъ, про тебя, просилъ кланяться. Хорошій онъ очень...

Я молчу.

— Знаешь, еще новость, получили пожертвованіе, сто рублей, хотимъ теперь проводить электричество.... Благодать-то какая.

Я молчу.

— Въ этомъ году у насъ сравнительно небольшая убыль учениковъ послѣ Рождества. Въ другихъ школахъ гораздо больше. Опять аресты среди рабочихъ, недавно нашихъ трехъ забрали, мальчишки еще совсѣмъ....

Я вскакиваю съ кровати, сажусь и говорю съ негодованьемъ.

— Зачѣмъ ты все это мнѣ говоришь, зачѣмъ? Вѣдь знаешь же, что все равно я не буду заниматься въ вашей школѣ! Говорила тебѣ тысячу разъ, что не буду, объясняла, почему,—опять пристаешь?

Теперь молчитъ Ольга.

Я хожу по комнатѣ, бѣснуюсь отъ злобы.

— Прошу васъ оставьте меня въ покоѣ, и ты, и Серафима твоя, и Мельниковъ! Приходилъ ко мнѣ на-дняхъ съ этимъ же....

Ольга молчитъ.

— Но ты-то вѣдь знаешь, зачѣмъ же ты мучаешь меня, зачѣмъ?—Тонкій батистовый платокъ трещитъ у меня въ рукахъ, я бросаю его на полъ.

Ольга молчитъ.

— Для чего я вамъ нужна? Для вашихъ рабочихъ? Неправда, не нужна я имъ! Меня спасать хочешь, знаю я тебя, добродѣтель ходячая, не спасешь все равно!...

— Ну, я пойду,—говоритъ тихо, какъ-то въ сторону Ольга.—Прощай, прими брому, ты нездорова.

Она уже на порогѣ. «Ольга!» кричу я ей и сажусь въ изнеможеніи на диванъ. Она здѣсь, уже около меня, гладитъ меня по головѣ. Я закрываю лицо руками, такъ сидимъ мы долго. Потомъ, прижавшись къ ея худенькому плечу, я говорю ей съ тоской:

— Зачѣмъ ты опять это, Ольга? Не могу я, не могу

вернуться, вѣдь нельзя же, сама ты это знаешь, учить взрослыхъ людей, какъ заведенная машина. Ничего у меня нѣтъ сейчасъ за душой, нечего мнѣ имъ сказать, понимаешь, нечего! Ты мнѣ все не вѣришь, но должна жъ ты наконецъ это взять въ толкъ. Какъ мнѣ тебя еще увѣрить!

— Это страшно, если это такъ на дѣлѣ,—тихо говоритъ Ольга.

— Да, это такъ.

— Почему же, какъ все это произошло? Гдѣ же твой прежній энтузіазмъ, увлеченіе, прежняя вѣра?—удрученная, говоритъ Ольга. Она жалѣетъ меня большой, глубокой жалостью, и мнѣ не стыдно этого жалѣнія.

— Было это, теперь нѣтъ. Все это вывѣтрилось, распылилось, не прочно и было. Но одно есть, чего раньше тоже не было,—вѣрю въ то, что надо имѣть право на убѣжденія. У меня теперь этого права нѣтъ.

— Что ты говоришь?—горячо возражаетъ Ольга.—Что это такое—право на убѣжденія?

— А вотъ какое,—говорю я съ злобной радостью,—вотъ какое, я тебѣ объясню. Подумай, могу ли я, вотъ такая, какъ я теперь, живу на чужой счетъ, въ роскоши, катаюсь, какъ сыръ въ маслѣ, палецъ о палецъ не ударяю цѣлыми днями, ну, вотъ, не смѣшно ли, не возмутительно ли, если я вотъ теперь буду проповѣдывать соціализмъ, объявлю себя соціалисткой? Нѣтъ, ты скажи, а? Я считаю, что у меня нѣтъ на это нравственнаго права. Больше того, я тебѣ скажу, что и прежде у меня этого права не было, и потому и произошли тѣ прежніе ужасы...

Ольга смотритъ на меня испуганно-вопросительно.

Я усмѣхаюсь.—Забыла?—напомню, если забыла. Нѣсколько учениковъ моихъ, Михайловъ, Григорьевъ, отлично ты ихъ помнишь, гдѣ они теперь? На каторгѣ. Ну, а какъ ты думаешь, сыграли тутъ роль мои занятія съ ними? Я думаю—сыграли. И если даже эта роль минимальная, крошечная,—это ужасно. Ужасно не то, что они на каторгѣ, а ужасно то, что я вотъ въ этой бомбоньеркѣ. Видишь, какъ свѣтло, уютно. А такъ какъ я и продолжаю оставаться здѣсь, то по тому самому и думаю—снова итти къ рабочимъ, ко всѣмъ этимъ Михайловымъ, Григорьевымъ мнѣ какъ будто и неудобно,—злобно говорю я и заглядываю въ лицо Ольги,—какъ ты думаешь, немножечко какъ будто неудобно...

— Ты все преувеличиваешь, ты сама тоже рисковала...—страдая, отвѣчаетъ Ольга.

— Можетъ быть, и рисковала, но, вѣроятно, какъ-то очень ужъ осторожно рисковала... Нѣтъ, Ольга, оставимъ это разъ навсегда, ты добрая, ты все меня хочешь поднять, вести... Брось, оставь, сама я должна выйти на свою дорогу, вотъ и думаю теперь объ этомъ...

Смотритъ на меня внимательно Ольга, ничего не спрашиваетъ. Сейчасъ говорить Ольгѣ о своемъ намѣреніи мнѣ не хочется, все это еще такъ неопредѣленно, неясно мнѣ самой.

Ольга говоритъ медленно: «Сергѣй Николаевичъ тоже просилъ меня привлечь тебя снова къ занятіямъ».

— Ему-то зачѣмъ это понадобилось?—восклицаю я.

— Говорилъ, что ты все хандришь, скучаешь...

— И потому надо итти къ рабочимъ,—развѣять среди нихъ свою скуку? А вдругъ они меня прогонятъ съ моей скукой? И помилуй, какъ ошибается Сергѣй, какая же у меня можетъ быть скука? Сотни женщинъ завидуютъ мнѣ, недавно еще одна молодая барышня говорила: какая вы счастливая, мужъ у васъ прелестный, вокругъ интересные люди, вездѣ бываете, все у васъ есть,—вотъ какъ люди говорятъ обо мнѣ!..

— Съ тобой нельзя сегодня говорить, полечись, Нина, ты больна, это прежде всего.

— А потомъ?—спрашиваю я злорадно.

— Потомъ...—горестно говоритъ Ольга и не знаетъ, что сказать. Можетъ быть, она тоже знаетъ то единственное, вѣрное рѣшеніе, но по своей деликатности указать его мнѣ не рѣшается.

Она уходитъ, опять я одна, тушу свѣтъ, лежу злая, растерзанная, потомъ засыпаю.

Рано утромъ, когда солнце восходитъ, я просыпаюсь. Сегодня вторникъ, послѣ завтра пріѣзжаетъ Сергѣй, черезъ нѣсколько десятковъ часовъ опять начнется суета, бѣготня, гости, обѣды, вечера, время будетъ литься, какъ вода, и такъ до конца, до конца жизни, до смерти. Былъ когда-то такой случай: одинъ нашъ пріятель, революціонеръ, послѣ мытарствъ вернулся въ столицу, Сергѣй предложилъ ему хорошее «постоянное» мѣсто, а тотъ ему отвѣтилъ: «вы мнѣ еще скажете—до смерти», поблагодарилъ и отказался отъ хорошаго, «постояннаго» мѣста. Вотъ и у меня тоже хорошее, «постоянное» мѣсто, пожалуй, тоже «до смерти», и теперь-то я знаю, что мнѣ тоже надо поблагодарить и отказаться вѣжливо и любезно, и уйти потихоньку. Куда? Вотъ вопросъ,—куда?

Приходитъ горничная, оказывается, уже 11 часовъ утра, и меня зоветъ по телефону Николай Николаевичъ. Я иду.

— Нина Александровна,—говоритъ онъ медленно,—мое почтеніе, я слышалъ—мужъ вашъ уѣхалъ, вотъ хочу поухаживать за вами безъ него. Разрѣшите пріѣхать, поѣдемъ на выставку, а потомъ, можетъ быть, вы меня покормите у себя обѣдомъ.

— Да, да, пріѣзжайте, конечно,—растерянно отвѣчаю я и вѣшаю трубку. Еще не хватало этого Николая Николаевича, но все-таки онъ добрый, милый человѣкъ.

Ужасный видъ у меня сегодня,—глаза провалились, блѣдная, какъ смерть. Одѣваюсь, хотѣлось бы одѣться, какъ прежде, просто въ блузу и юбку, какъ ходила курсисткой, теперь такихъ и платьевъ у меня нѣтъ—выхожу все дамой какой-то противной, томной дамой; не дѣлаю модной прически, а гладко зачесываю волосы,—смѣшное лицо глядитъ на меня изъ зеркала,—грустное, угнетенное, въ глазахъ какое-то пискливое выраженіе. Ну, и зачѣмъ онъ пріѣдетъ, этотъ Николай Николаевичъ? Скажу по телефону, что больна. Киснетъ всегда, женился когда-то чуть не мальчишкой, потомъ разошелся съ женой, ходитъ одиночкой и груститъ понемногу, о чемъ—не поймешь хорошенько. Я его какъ-то и за мужчину не считаю.

Въ часъ дня онъ приходитъ и сразу поражается моимъ видомъ.

— Что это вы сегодня такъ причесались? А знаете—вѣдь хорошо, очень даже хорошо, идетъ къ вамъ очень,—и онъ ходитъ вокругъ меня и смотритъ на меня со всѣхъ сторонъ.

— Ну, будетъ вамъ, садитесь.

— Вы еще не сейчасъ хотите ѣхать на выставку?

— Ахъ да, на выставку—развѣ нужно?—разсѣянно я говорю.

— Какъ вы хотите, а то можно и здѣсь посидѣть, не прогоните?

Я сижу, какъ на иголкахъ.—Нѣтъ, нѣтъ, лучше поѣдемте! Я сейчасъ надѣну шляпу, подождите,—я порывисто ухожу и въ своей комнатѣ злюсь на себя и на Николая Николаевича, очень нужно было соглашаться ѣхать; даже въ мелочахъ, въ пустякахъ и то не знаю, какъ поступить.

— Ну, ѣдемте, я готова—и, не смотря на Николая Николаевича, схожу съ лѣстницы.

Онъ молчитъ и смотритъ на меня внимательно.

Когда мы уже вышли, онъ тихо спрашиваетъ:—Вы взволнованы сегодня, можетъ быть я не во́-время?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, поѣдемте,—сквозь зубы отвѣ-

чаю я. Не обращайте только на меня вниманія, я не совсѣмъ здорова, если буду молчать—не сердитесь.

Мы ѣдемъ молча. На выставкѣ онъ помогаетъ мнѣ раздѣться, держитъ мои вещи какъ-то бережно, какъ нянька.

Сергѣй никогда такъ не дѣлаетъ. Сергѣй первый раздѣвается и идетъ впередъ, а я его потомъ ищу по заламъ. Я къ этому привыкла, и Николай Николаевичъ меня стѣсняетъ.

Я также предпочитаю одна смотрѣть картины, такъ больше и лучше я вижу. Но сегодня мнѣ не до картинъ. Я смотрю разсѣянно, смотрю и не вижу, какія-то пятна мелькаютъ въ глазахъ. Николай Николаевичъ—эстетъ, тонкій знатокъ живописи, онъ любитъ поговорить объ искусствѣ, сегодня молчитъ, и я довольна. Онъ тоже грустный сегодня, подавленный, можетъ быть, это я такъ на него дѣйствую.

— Николай Николаевичъ, вы походите одинъ, я посижу здѣсь, подожду, не стѣсняйтесь, пожалуйста.

Онъ уходитъ, я сижу и смотрю на толпу, разряженную модную петербургскую толпу. Мелькаютъ мимо дамы, мужчины, всѣ такіе порядочные, приличные, хорошо одѣтые, и мнѣ хочется знать до остроты, какъ, чѣмъ они живутъ, эти дамы и мужчины.— Такъ, часто вечеромъ, проѣзжая мимо огромныхъ домовъ, я люблю заглядывать въ чужія окна, не откроется ли случайно кусочекъ жизни, невѣдомой, можетъ быть, прекрасной...

Такъ проходитъ время. Вотъ идетъ обратно Николай Николаевичъ, останавливается, разсматриваетъ картины.

Я вижу его вдалекѣ. Баринъ онъ, настоящій баринъ, джентльменъ, движенія у него спокойныя, изящныя, сосредоточенный онъ, грустный, съ какимъ-то поэтическимъ налетомъ. Что-то чеховское есть въ немъ, увядающее, осеннее. Въ немъ я чувствую много родственнаго, и это мнѣ тяжело.

— Ну, что же,—ласково спрашиваетъ онъ, подходя,—домой мнѣ итти?—Сѣрые глаза его смотрятъ грустно и какъ будто преданно,—я знаю, онъ хорошо ко мнѣ относится.

Мнѣ жаль его, я улыбаюсь и качаю головой, «поѣдемъ ко мнѣ», говорю. Мы одѣваемся, и опять онъ такъ бережно и нѣжно обращается со мной и моими вещами.

Дома послѣ обѣда онъ читаетъ мнѣ вслухъ стихотворенія Тютчева. Я сижу съ закрытыми глазами, откинувшись въ креслѣ и думаю о своемъ. Послѣ-завтра пріѣдетъ Сергѣй, послѣ-завтра я ему скажу, что уѣзжаю. Написать, пожалуй, лучше, не дастъ онъ мнѣ ничего сказать... Но куда же я пойду, что буду дѣлать?

И, не отдавая себѣ никакого отчета, помимо воли, вдругъ громко говорю: «Николай Николаевичъ, знаете, я хочу уѣхать»...

Онъ вздрагиваетъ, опускаетъ книгу.—«Какъ уѣхать?» спрашиваетъ быстро.

— Уѣхать отсюда, изъ дома...

— Куда?

— Этого я и сама не знаю—куда...

Мы долго оба молчимъ.

— Почему вы хотите это сдѣлать?—волнуясь, спрашиваетъ онъ. Лицо его покрылось красными пятнами, онъ смотритъ на меня страннымъ напряженнымъ взглядомъ.

— Трудно это передать, много тутъ всего накопилось,—говорю я и закрываю глаза. Всего сказать Николаю Николаевичу я не хочу.—Ну, а главное, видите ли, я себя потеряла, такъ, какъ булавку потеряла, не знаю, что́ я теперь... Такое чувство, что душа распалась на разные кусочки, и всѣ они живутъ вразбродъ, мѣшаютъ другъ другу, а меня самой, одной,—нѣтъ. Отъ этого сегодня я думаю одно, завтра перемѣнится погода—я буду думать другое, послѣ-завтра—соглашусь съ первымъ... Какъ маятникъ, который все ходитъ, все ходитъ и все на одномъ и томъ же мѣстѣ. Ну, какъ вамъ еще сказать... Отъ этого все стирается вокругъ, становится безцвѣтнымъ, безвкуснымъ безцѣннымъ. Сначала я обвиняла все вокругъ себя, а теперь поняла—дѣло во мнѣ самой. Еще дальше такъ и можно превратиться просто въ какую-то пыль...—Ну, какъ вамъ еще сказать? Представьте, я потеряла ритмъ жизни, сбилась съ ноги, а у насъ въ домѣ жизнь несется полькой и галопомъ. Она и меня завертѣла, ну, а больше я не могу... вотъ и хочу выйти, отойти въ сторону, куда-нибудь далеко, въ тишину, и тамъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, хорошо, глубоко подумать одной, совсѣмъ одной, серьезно подумать, собрать себя, связать себя вмѣстѣ. Тамъ, въ тишинѣ, можетъ быть, отстоится моя душа, можетъ быть, я еще поправлюсь...

Николай Николаевичъ опускаетъ голову и закрываетъ лицо руками. Мнѣ кажется, онъ понимаетъ меня, можетъ быть, такъ же, какъ и я, страдаетъ, что затерялъ себя въ игрѣ жизни...

— Вотъ я и хочу уйти, только не знаю, гдѣ найти эту нужную тишину, покой...

Николай Николаевичъ подымаетъ голову,—я смотрю и поражаюсь, слезы текутъ по его щекамъ, онъ горюетъ о чемъ-то... Я вскакиваю съ мѣста и подхожу къ нему и въ порывѣ безконечной жалости сажусь съ нимъ рядомъ, обнимаю его, онъ

кажется мнѣ еще болѣе жалкимъ, чѣмъ я сама, больнымъ ребенкомъ кажется онъ мнѣ...

— Ну, а вы что, у васъ что, вы о чемъ?—спрашиваю я его и сама еле сдерживаюсь отъ слезъ,—не могу видѣть, когда плачутъ при мнѣ.

Онъ качаетъ головой и отстраняетъ меня.

— Ничего,—говоритъ онъ,—не безпокойтесь, извините за слабость, ничего,—еле выговариваетъ онъ.

Я смотрю на него внимательно, беру его руку и тихо глажу ее, думаю—это только здѣсь, у насъ, въ Россіи, есть такіе потерявшіеся люди, какъ онъ, какъ я. Вонъ нужно насъ, съ корнемъ вонъ вырвать или иначе это должно пойти. И опять думаю съ упорствомъ, горячо о тишинѣ, о покоѣ, гдѣ я знаю, я чувствую, я могу еще подняться, найти себя. И вдругъ съ радостью вспоминаю наше старое, крошечное имѣньице, гдѣ я не была лѣтъ десять, и по-дѣтски всплескиваю руками и почти кричу: «Нашла, знаю, куда мнѣ надо ѣхать, какое счастье», встаю и сразу забываю о Николаѣ Николаевичѣ и хожу по комнатѣ, и въ головѣ быстро, быстро мелькаетъ старый домъ, старый садъ, прудикъ, обсаженный яблонями, и уже вижу себя, какъ я сижу въ старомъ домѣ, одна, совсѣмъ одна, сижу, пишу, читаю и думаю. И лѣтомъ, да, да и лѣтомъ тоже, одна, совсѣмъ одна хожу по папиной рощѣ и думаю и думаю, и уже начинаю соображать, какъ практически осуществить мнѣ мой планъ, жива ли старая Степанида...

Ахъ, онъ здѣсь, этотъ Николай Николаевичъ, я забыла совсѣмъ, что онъ здѣсь...

— Николай Николаевичъ,—радостно говорю я ему,—знаете что? Я нашла, знаю, куда мнѣ ѣхать,—въ наше старое Ламтево! Вы тоже должны уѣхать, вѣрно, у васъ тоже найдется гдѣ-нибудь тихій уголочекъ! Тоже посидите одинъ, подумайте, это такъ нужно намъ всѣмъ, восторженно говорю я.

Онъ качаетъ головой.—«Вы меня совершенно не понимаете, Нина Александровна», говоритъ онъ, какъ будто укоряя. Я смотрю на него во всѣ глаза.

— Ради Бога, не сердитесь за то, что́ я вамъ скажу, умоляю васъ,—тихо говоритъ онъ.—Я, насторожившись, слушаю.

— Развѣ вы не видите, что... —онъ поперхнулся и весь красный отъ волненія шепчетъ,—я люблю васъ.

Какъ ужаленная вскакиваю я. Это кажется мнѣ глупостью прежде всего.

— Что вы выдумали, Николай Николаевичъ, Богъ съ вами совсѣмъ, возмущенно говорю я.

Онъ мѣняется въ лицѣ, я вижу, ему очень мучительно и, можетъ быть, стыдно. Но этого еще не хватало,—его любви! Она мнѣ кажется какимъ-то ненужнымъ, досаднымъ препятствіемъ, откуда-то неожиданно свалившимся на мою дорогу. Довольно мнѣ и одного Сергѣя и съ нимъ-то я не знаю, какъ быть, а этотъ Николай Николаевичъ,—правда, онъ полная противоположность Сергѣю, но связать мою жизнь съ нимъ, съ этимъ скучноватымъ, разлѣзлымъ бариномъ,—живой, самый здоровый кусочекъ души моей кричитъ,—ни за что!

Николай Николаевичъ точно чувствуетъ, что во мнѣ происходитъ. Онъ встаетъ, онъ какъ будто оскорбленъ.

— Простите меня,—говорю я, и вдругъ я вспоминаю, что это онъ назвалъ меня когда-то «пѣсней безъ словъ», и я говорю ему:—Двѣ «пѣсни безъ словъ»—что это было бы, Николай Николаевичъ? Подумайте! Теперь я хочу словъ, дѣйствій, не хочу быть больше «пѣсней», хочу быть человѣкомъ, желаю этого и вамъ!..

Онъ качаетъ грустно головой.—Какъ вы еще молоды!—шепчетъ онъ безнадежно, я чувствую себя дряхлымъ старикомъ, когда слушаю васъ... Мнѣ казалось иногда, что у насъ есть много общаго, одинаковые вкусы, симпатіи, настроенія...

Какъ на зло, мнѣ вдругъ вспоминается, что кто-то когда-то прозвалъ Николая Николаевича «настройщикомъ» за его любовь къ настроеніямъ. Я чувствую, губы у меня морщатся отъ смѣха, никакой почтительности у меня нѣтъ къ его чувству.

Но я сдерживаю себя и какъ взрослый человѣкъ ребенку говорю:—Полноте, Николай Николаевичъ, довольно этихъ настроеній, ими жить нельзя! Нужно что-нибудь одно, крѣпкое, цѣлое черезъ всю жизнь, пусть будетъ чувство, пусть будетъ идея, но одно. А съ этими настроеніями мы растрепались совсѣмъ... Останемся по-прежнему друзьями, забудемъ—о сегодняшнемъ, хорошо?

— Нѣтъ, не хорошо, невозможно это, говоритъ Николай Николаевичъ.—Простите меня.—Онъ цѣлуетъ мою руку и, волнуясь, поспѣшно уходитъ. Я провожаю его, мы молчимъ, мнѣ становится тяжело и смутно. Да, да, лучше намъ никогда не видѣться.

Вдругъ, уже одѣтый, онъ останавливается въ дверяхъ и спрашиваетъ глухо:—«Вы любите Сергѣя Николаевича?»

Злость бурно подымается во мнѣ. Откуда у него право спра-

шивать меня объ этомъ, и потомъ вѣдь это для меня самой такой больной и трудный вопросъ. Но знать о томъ никто не долженъ, никакой Николай Николаевичъ.

И я рѣзко и высокомѣрно бросаю ему въ отвѣтъ:

— Это не мѣняетъ дѣла, Николай Николаевичъ!

Онъ съеживается и уходитъ, но черезъ три часа посыльный приноситъ отъ него письмо. Съ досадой я разрываю конвертъ и читаю мелкій, хрупкій почеркъ. Письмо длинное, нѣжное и страстное. Оказывается, онъ любитъ давно и, вѣроятно, глубоко и искренно, но чего онъ только не навыдумывалъ! Я лучшая, идеальная женщина на его пути, самый близкій, родной ему человѣкъ, если когда-нибудь мнѣ покажется, что онъ мнѣ нуженъ, пусть я позову его, онъ всегда будетъ около меня...

Никогда Сергѣй мнѣ ничего подобнаго не писалъ, не говорилъ. Его записки и признанья были коротки и какъ-то очень по-домашнему интимны. Я старалась выискивать въ нихъ зернышки поэзіи и красоты,—ихъ не было, я отъ этого страдала. Мѣняется время,—теперь признаніе Николая Николаевича кажется мнѣ страничкой изъ романа. Чувство его тонкое и изящное, какъ старинное дорогое кружево. Хорошо разложить его и любоваться имъ со стороны, но одѣть его на живого человѣка—страшно. Порвется на живомъ человѣкѣ дорогая паутина, не выдержитъ она ежедневной носки и погибнетъ красота.

Впрочемъ, «Schwamm drüber», Богъ съ нимъ, съ этимъ Николаемъ Николаевичемъ. Мнѣ надо разобраться, что́ дѣлать дальше.

Послѣ-завтра пріѣдетъ Сергѣй, я ему скажу о своемъ уходѣ. Какъ онъ къ этому отнесется—его дѣло, но я ему скажу.

Завтра мнѣ надо видѣть папу, узнать, кто живетъ въ имѣніи, существуетъ ли на бѣломъ свѣтѣ Степанида. Если ѣхать въ имѣніе нельзя, надо выискать себѣ другое мѣсто, выдумать его непремѣнно. Трудно со средствами, придется просить Сергѣя дать мнѣ небольшую сумму. Вдругъ онъ не дастъ, это возможно, что тогда?

Я не сплю всю ночь, обдумывая планъ дѣйствій. Первый разъ за всю жизнь мнѣ приходится думать самой о своемъ устройствѣ, о средствахъ, и я вижу, какъ я безпомощна. Я училась музыкѣ, была на курсахъ, недурно рисую, много читала, но во всемъ и всегда я была дилеттанткой, ни одной отрасли знанія я не знаю, какъ слѣдуетъ, изъ того немногаго, что знаю,—ничего не умѣю примѣнить на дѣлѣ и на всѣ мои разнообразные таланты я не просуществую ни одного дня, безъ

поддержки того же Сергѣя или папы. Это чудовищно, но это такъ.

Но на другой день мнѣ не суждено попасть по своимъ дѣламъ. Съ утра звонитъ по телефону портниха, готово новое платье, выбранное и заказанное по вкусу Сергѣя. Его приноситъ ко мнѣ портниха, требуетъ, чтобы я его примѣрила, и мы путаемся съ ней битыхъ два часа съ передѣлками и примѣрками.

Затѣмъ впархиваетъ Вѣрочка, она очаровательно-весела, въ модномъ, шикарномъ туалетѣ.

— Что у тебя такой постный видъ?—удивляется она, взглянувъ на меня.—Меня просилъ Сергѣй Николаевичъ, чтобы я тебя навѣщала и не давала тебѣ киснуть, а ты вонъ что! Ну, что ты дѣлала эти дни? Знаешь, какая новость для насъ, для женщинъ? Мнѣ разсказывалъ товарищъ мужа, знаешь, этотъ долговязый Макаровъ. Одинъ докторъ выдумалъ какой-то особый корсетъ, который надѣвается во время родовъ, и понимаешь, можно его то стянуть, то распустить, когда схватки. Дается опора для мышцъ и понимаешь,—роды теперь—одно удовольствіе, безъ боли, поразительно скоро, разъ два, чашку чая не успѣешь выпить, пожалуйте, уже готово. Нѣтъ больше этихъ отвислыхъ животовъ, испорченныхъ фигуръ,—положительно объ этомъ стоитъ подумать. А какъ ты думаешь, пожалуй, стоитъ намъ съ тобой обзавестись наслѣдниками, я скажу объ этомъ Сергѣю Николаевичу. А этотъ безобразникъ Макаровъ говоритъ вчера: поздравляю васъ, теперь у васъ отъ начала до конца будутъ только однѣ пріятности, вотъ вѣдь какой нахалъ!—и Вѣрочка хохочетъ.

Я сижу, стиснувъ зубы. Отхлестать по щекамъ хочется мнѣ эту Вѣрочку.

— Вчера я была на лекціи о философіи Бергсона, много знакомыхъ было,—разсказываетъ Вѣрочка, подходя къ трюмо и разглядывая свою прическу.—Эти лекціи очень освѣжаютъ, я звонила къ тебѣ днемъ по телефону, оказывается, ты съ Николаемъ Николаевичемъ ѣздила на выставку, это что же, маленькій флиртъ? Вы подходите другъ къ другу,—она быстро поворачивается и подходитъ ко мнѣ, — ну, а какъ ты думаешь, Сергѣй тебѣ вѣренъ? Не измѣняетъ?

Эта безшабашная откровенность, безцеремонное заглядываніе въ душу меня возмущаютъ.—Брось, Вѣрочка, я нездорова, мнѣ не до шутокъ,—и съ ужасомъ думаю, какую симфонію разыграла бы Вѣрочка, если бы узнала о моихъ намѣреніяхъ.

— Ты нездорова? Что съ тобой? Я пришлю къ тебѣ мужа, пусть онъ тебя посмотритъ, на тебѣ въ самомъ дѣлѣ лица нѣтъ. А я-то думала, что мы пойдемъ съ тобой сегодня въ театръ, на премьеру, заказала билеты, пойдешь?

— Нѣтъ, не могу.

На грѣхъ Вѣрочка замѣчаетъ новое платье, разложенное на диванѣ въ моей гостиной, она долго и тщательно его разсматриваетъ, потомъ справляется о цѣнѣ, потомъ неожиданно для меня вызываетъ по телефону своего мужа.

Я въ изнеможеніи и дѣйствительно совсѣмъ больна отъ досады и злобы на себя. Эта слабость, неумѣнье отстоять себя даже противъ Вѣрочки, меня бѣситъ до крайности, и я съ тоской думаю объ объясненіяхъ съ Сергѣемъ.

Пріѣзжаетъ Вѣрочкинъ мужъ, очень порядочнаго вида мужчина, врачъ съ большой практикой, корректный, очень себѣ на умѣ. Сергѣй его цѣнитъ за умѣнье играть въ шахматы,— за что онъ Сергѣя—неизвѣстно.

Онъ подчеркнуто деликатно разспрашиваетъ меня о моемъ состояніи, говоритъ о моемъ малокровіи, нервности, а мнѣ кажется, глядя на его сдержанно-соболѣзнующее выраженіе лица, что думаетъ онъ при этомъ что-то грязное и циничное. Впрочемъ, я стала за послѣднее время невѣроятно злой и подозрительной.

Затѣмъ онъ съ Вѣрочкой считаетъ нужнымъ меня развлечь и прокатить въ своемъ автомобилѣ. Я и на это соглашаюсь, и мы ѣдемъ. Онъ заѣзжаетъ по пути къ паціенту, а мы съ Вѣрочкой катаемся около часа. Она щебечетъ, увлекается толпой, я уткнулась въ уголъ и злюсь.

Одна общая знакомая, эффектная, вульгарная особа, сестра извѣстнаго адвоката, встрѣчается намъ по пути.

— Она влюблена въ Сергѣя, увѣряю тебя, дѣлаетъ ему всевозможные авансы,—говоритъ Вѣрочка, — ты не ревнуешь?

— Нисколько,—отвѣчаю я совершенно искренно.

— Вотъ какъ,—тянетъ удивленно Вѣрочка,—ты такъ увѣрена въ себѣ? Напрасно, за мужьями надо ухъ какъ смотрѣть, или надо дать другъ другу полную свободу, carte blanche. Это тоже удобно.

Я вижу громадное желаніе Вѣрочки поговорить на рискованныя темы,—и молчу. Вѣрочка оставляетъ меня въ покоѣ. Я думаю,—вѣренъ ли мнѣ Сергѣй? Не знаю, считаю возможнымъ, что эти измѣны были. Онъ любитъ брать все, что плохо лежитъ, или что само идетъ въ руки. Но меня эти измѣны не волнуютъ. Можетъ быть, въ первые годы нашей жизни это было

бы иначе, но теперь нѣтъ. И я смотрю въ глубину своей души и нигдѣ, на самомъ днѣ ея не могу отыскать ни капли ревности къ этой красивой брюнеткѣ, встрѣченной по пути, влюбленной въ Сергѣя. Даже больше того, дѣйствительно, у меня есть странная самоувѣренность, и я думаю, что такъ, какъ меня, Сергѣй никого не любитъ, можетъ быть, и не полюбитъ. Мнѣ онъ довѣряетъ до конца, больше того, меня онъ уважаетъ за что-то, и это вноситъ особый, человѣчный оттѣнокъ во всѣ наши отношенія. Но, зная его вообще, думаю, что въ любви, какъ и въ другихъ своихъ дѣлахъ, онъ можетъ быть хищнымъ, циничнымъ и даже жестокимъ, и думаю, что въ любви это отвратительно. Впрочемъ, можетъ быть, кому-нибудь это именно и нравится.

— Что ты такъ притихла,—спрашиваетъ Вѣрочка,—хочешь домой, пора обѣдать, я останусь у тебя, хорошо?

И она остается у меня. Больше того, она хочетъ быть до конца добродѣтельной, отказывается отъ театра, вызываетъ по телефону одного своего пріятеля - адвоката, «пожилого молодого человѣка», и они весело проводятъ время, поютъ, играютъ, смѣются, почти-что забывая о моемъ присутствіи. Поздно вечеромъ они уходятъ, но мнѣ уже поздно куда-нибудь итти. И такъ канулъ день и сколько ихъ, точно такихъ же уже кануло въ вѣчность. Вчера Ольга, сегодня Вѣрочка, два разныхъ міра и самое страшное, что во мнѣ они сходятся. Тотъ самый фактъ, что вчера, ко мнѣ, какъ къ своему человѣку, могла придти Ольга, сегодня цѣлый день я могла провести съ Вѣрой,—этотъ фактъ вызываетъ во мнѣ самой отвращеніе. И это такъ будетъ безъ конца, пока я здѣсь, пока моя жизнь будетъ идти такъ, какъ до сихъ поръ.

Я засыпаю подъ утро, а утромъ рано рѣзкій звонокъ кричитъ о томъ, что пріѣхалъ Сергѣй. А черезъ минуту онъ сидитъ около меня и тормошитъ меня.

— Ну-съ, —говоритъ онъ, Нинишъ, отчего это у Васъ такой обветшалый видъ — больна? Глаза его каріе—«лукаваго цвѣта», смотрятъ на меня внимательно: его собственность отчего-то повредилась, онъ озабоченъ, но слегка, не предвидя ничего дурного, онъ оптимистъ въ своихъ дѣлахъ.

— Послушай, я сейчасъ долженъ уѣхать, въ часъ завтракъ, распорядись, чтобы все было сервировано, какъ слѣдуетъ, поставь новый хрусталь и серебро, у тебя ключи? Легкій, но вкусный завтракъ, будутъ двое у меня. Скажи Авдотьѣ, впрочемъ я самъ ей скажу,—и онъ срывается съ мѣста и бѣжитъ на кухню. Моимъ хозяйственнымъ способностямъ онъ совершенно не довѣряетъ и по заслугамъ.

Я пользуюсь его отсутствіемъ, чтобы встать съ постели. За нѣсколько лѣтъ совмѣстной жизни я все не могу привыкнуть одѣваться и раздѣваться при Сергѣѣ, и меня коробитъ его полнѣйшая безцеремонность въ этихъ дѣлахъ.

— Я не англичанинъ,—говоритъ онъ часто, смѣясь, скидывая при мнѣ свои брюки.

Черезъ пять минутъ, я въ утреннемъ капотѣ, кое-какъ заколовъ волосы, слушаю изъ-за двери, какъ Сергѣй, моясь и переодѣваясь, разсказываетъ о своей поѣздкѣ, о томъ, что разсчиталъ служащаго въ одной изъ конторъ, такъ какъ тотъ «засидѣлся». Эти разсчеты и увольненія Сергѣй дѣлаетъ часто для «освѣженія дѣла», какъ онъ выражается, и выходитъ это у него чрезвычайно просто и легко, безъ всякихъ «сантиментальностей». Разсказываетъ о томъ, что былъ у одного своего прежняго товарища, который великолѣпно и «шикарно» устроился, о томъ, что успѣлъ побывать въ Москвѣ въ Художественномъ театрѣ на «Дядѣ Ванѣ», и что вспоминалъ тамъ меня, глядя на «профессоршу».—Есть у васъ что-то общее,—говоритъ онъ, фыркая и отдуваясь.

Потомъ онъ выходитъ изъ спальни, молодой, свѣжій, скорый въ движеніяхъ. У него открытое, привѣтливое лицо, чудесные зубы, ласковая улыбка, глаза весело бѣгаютъ по сторонамъ, и все это вмѣстѣ создаетъ впечатлѣніе смѣлости, честности, откровенности. Чарующая и обманывающая внѣшность.

Онъ цѣлуетъ меня много разъ, и я чувствую въ его ласкахъ дѣйствительную искренность.

Затѣмъ наскоро пьетъ кофе, наскоро пересчитывая мнѣ, гдѣ и что я должна купить къ завтраку. Черезъ минуту онъ уже умчался по своимъ дѣламъ, но жизнь моя, всего нашего дома уже заполнена цѣликомъ Сергѣемъ. И я тоже тороплюсь, уѣзжаю, чтобы все купить и приготовить къ часу дня.

Къ завтраку являются двое незнакомыхъ мнѣ мужчинъ, несомнѣнно евреи, пріѣзжіе, дѣльцы. Они на все внимательно поглядываютъ, какъ будто что-то учитывая, также смотрятъ и на меня, и мнѣ кажется, что Сергѣй именно для этого учета нарочно меня показываетъ своимъ дѣловымъ знакомымъ.

Сергѣй—великолѣпенъ, зубы его блестятъ, глаза смѣются, рѣчь идетъ о какомъ-то крупномъ заграничномъ представительствѣ. Талантливость, находчивость, сила такъ и брызжутъ изъ Сергѣя. Я смотрю и слушаю, какъ въ театрѣ. Дѣло, повидимому, клюетъ, и Сергѣй мѣтко и грозно громитъ правительство за его юдофобскую политику.

И мнѣ вспоминается прежній Сергѣй, его рѣчи и выступленія. Теперь у меня щемитъ сердце, мнѣ совѣстно, когда онъ говоритъ на общественныя и политическія темы, — увы, я ему не вѣрю.

Когда гости уходятъ, Сергѣй въ накуренной столовой открываетъ форточку и вентиляторъ.—Духъ чесночный вонъ выкурить, — говоритъ онъ при этомъ, смѣясь. Говоритъ онъ это такъ, зря, изъ озорства, но скажетъ это только мнѣ одной, безъ свидѣтелей. А я оскорблена, задѣта этимъ замѣчаніемъ не за евреевъ, а за Сергѣя.

Потомъ онъ опять улетаетъ, цѣлый день его нѣтъ, нѣтъ и къ обѣду, и только въ семь часовъ онъ звонитъ мнѣ по телефону, чтобы я пріѣзжала въ театръ,—онъ взялъ ложу и уже успѣлъ пригласить Вѣрочку съ мужемъ. Я отнѣкиваюсь, онъ не хочетъ слушать, я слышу въ телефонъ раздраженныя нотки, и я чувствую, что боюсь этого. Я одѣваюсь, причесываюсь и ѣду.

Вся компанія въ сборѣ, веселая, довольная. Въ антрактахъ Сергѣй, взявъ меня подъ руку, тащитъ меня въ фойе. Его тянетъ на люди, напоказъ, жаденъ онъ до жизни, любитъ онъ ее; и она его тоже любитъ.

— Звалъ Николая Пиколаевича, отказался, не знаешь ли почему? — говоритъ Сергѣй и смотритъ на меня лукаво, и я чувствую, что краснѣю; я знаю, Вѣрочка ему уже успѣла насплетничать про нашу поѣздку на выставку.

— Это что же, серьезно?—допытывается шутливо Сергѣй и перефразируетъ изъ Эдгара Поэ: «И любили они, какъ не любятъ въ любви, онъ и блѣдная Аннабель-Ли»?

Мнѣ невольно становится смѣшно. Это дѣйствительно подходило бы къ намъ съ Николаемъ Николаевичемъ. Послѣ театра мы ѣдемъ ужинать въ ресторанъ. Вѣрочка поетъ подъ аккомпаниментъ Сергѣя цыганскія пѣсни, и наконецъ въ четвертомъ часу ночи мы дома.

Но это еще не конецъ. Когда я лежу, раздѣтая и совершенно измученная за цѣлый день безтолковой и нелѣпой суеты, Сергѣй протягиваетъ ко мнѣ руки и говоритъ: —Ну, Ниночка, здравствуй!..

— Оставь меня, Сергѣй, я устала,—говорю я и уже ненавижу себя, такъ какъ знаю, что уступлю.

— Ну вотъ еще, я не видалъ тебя цѣлыхъ четыре дня, а ты вотъ какъ со мной обращаешься.

— Прошу тебя, умоляю, не надо, оставь,—но онъ не слушаетъ, и я плачу въ его объятьяхъ.

Онъ зажигаетъ электричество. — Что съ тобою, Нина?— спрашиваетъ онъ серьезно:—Что это такое? Ты больна?

Ну что я могу ему сказать? Развѣ онъ пойметъ? Ему нужны факты, а фактовъ нѣтъ, ему нужны результаты, а причины ему не интересны. Меня раздражаетъ его пытливый, настороженный, такой близкій ко мнѣ взглядъ. Я стараюсь отвернуться отъ него, онъ держитъ меня крѣпко, не выпускаетъ. И тогда, закрывъ глаза, чувствую себя въ его рукахъ, я говорю ему съ тоской:

— Мнѣ нужно тебѣ многое сказать, я ждала тебя, мнѣ надо уѣхать отсюда, отпусти меня! — а боюсь открыть глаза, посмотрѣть на Сергѣя.

Мы молчимъ, потомъ я слышу глухой, измѣнившійся голосъ Сергѣя:—Это что же—Николай Николаевичъ?

Я вырываюсь изъ его рукъ, дрожу отъ возмущенія. Онъ смотритъ на меня такъ пристально и остро, какъ будто я украла у него дорогую вещь и теперь хочу въ этомъ сознаться.

— Николай Николаевичъ тутъ не при чемъ, рѣшительно! Ты это долженъ выбросить изъ головы! Безъ всякаго Николая Николаевича я должна уѣхать отсюда, отъ тебя, понимаешь? Если хочешь, я тебѣ все разскажу, дай мнѣ тебѣ разсказать,—и я готова умолять Сергѣя, чтобы онъ выслушалъ меня спокойно, а главное, вдумчиво и бережливо, и знаю, что именно этого-то и не будетъ. Вѣдь нельзя же просить человѣка о томъ, чтобы онъ измѣнилъ форму своего черепа или свой ростъ и о тому подобныхъ нелѣпыхъ вещахъ.

— Подожди,—говоритъ онъ уже обычнымъ своимъ дѣловымъ тономъ,—такъ, значитъ, Николай Николаевичъ не при чемъ,—и я вижу, что, глядя на меня, на мой возмущенный видъ, онъ уже почти мнѣ вѣритъ и спрашиваетъ только для окончательной провѣрки. Я молчу и вижу, что онъ успокаивается, больше его ничто не интересуетъ, онъ вспоминаетъ, что завтра ему надо встать въ восемь часовъ утра, онъ цѣлуетъ меня и спокойно укладывается, какъ будто онъ не слыхалъ моихъ словъ. Дѣйствительно, онъ не представляется, онъ ихъ не слыхалъ, такъ мало обратилъ онъ на нихъ вниманія.

А я не сплю до утра и думаю о томъ, что мнѣ надо просто уложиться, собраться и уѣхать, безъ всякихъ объясненій, и думаю, что это невозможно.

Начинается наша обычная жизнь. Цѣлыми днями идетъ

суета, какая-то гонка, безпокойство. Много людей, совершенно постороннихъ, но нужныхъ Сергѣю бываетъ въ домѣ. Они у насъ завтракаютъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, дѣлаютъ съ Сергѣемъ дѣла, потомъ исчезаютъ, съ тѣмъ, чтобы, можетъ быть, никогда больше не встрѣчаться въ жизни.

Сергѣй это называетъ — «имѣть открытый домъ», я это называю, — «жить на большой дорогѣ». Отъ этого нѣтъ уюта и задушевности въ нашемъ домѣ, отношенія къ людямъ грубѣютъ. И я тоже чувствую себя дома какъ будто на проходномъ дворѣ и даже, странное дѣло, мнѣ это чувство пріятно, — свободно, и легко, и прохладно. Не протягиваются нити отъ меня къ людямъ, къ вещамъ, внѣшнимъ образомъ задѣвающимъ меня. Кажется, во всей квартирѣ, единственно, гдѣ я чувствую себя «дома»—это на своей кровати. Ляжешь, соберешься въ комочекъ, закрывшись большимъ платкомъ и какъ будто приходишь въ себя, начинаешь оттаивать.

Сергѣй смѣется надъ этой моей привычкой, называетъ меня «монашкой», «вдовой» — и есть въ этихъ словахъ какая-то правда.

Раньше, у отца, до замужества было иначе. Тамъ у меня была привязанность до болѣзненности къ обстановкѣ, къ вещамъ, которыя, казалось, были милы не сами по себѣ, а за все то прошлое, за ту долгую жизнь, которую видѣли и слышали. И трудно было выбросить рваную маленькую закладочку, которую вышивала еще наша мать, треснувшую золоченую чашку, подаренную мнѣ старой нянькой, выкинуть старый шкафъ, гдѣ мы съ сестрой и братомъ прятались дѣтьми. Весь старый хламъ, казалось, имѣлъ свою особую милую душу. И знакомые, которые приходили по воскресеньямъ играть въ винтъ, были милы и пріятны, можетъ быть, по такой же самой причинѣ, что и вещи. Люди это были неинтересные, не талантливые, малоинтеллигентные, живущіе узко-личною жизнью; но съ докторомъ Степановымъ невольно соединялось представленіе о томъ, что когда-то онъ былъ женихомъ моей матери, а потомъ такъ и прибился къ нашему дому. Стараго Фишера почему-то всѣ въ домѣ звали «Bruder» и смѣялись, что свои калоши онъ связываетъ аккуратно на замочекъ, и не хватало чего-то, когда онъ не сидѣлъ за чайнымъ столомъ и не разглаживалъ вокругъ себя скатерть. И была трещотка тетя Оля, которую прозвали «муслинъ де ленчикъ». Она всегда щупала у всѣхъ матеріи платьевъ и болтала, какъ сорока. И много было ихъ, смѣшныхъ,

нелѣпыхъ, неумныхъ, но безобидныхъ людей, и оттого было съ ними легко и просто.

Теперь у насъ много знакомыхъ. Сергѣй любитъ людей интересныхъ и подбираетъ ихъ какъ лошадей на конюшню. Одни ему нужны, какъ хорошіе знатоки искусства, другіе, какъ разсказчики, третьи благодаря своимъ связямъ, четвертые, какъ общественные дѣятели. И я чувствую, что и мы тоже всегда кому-нибудь для чего-нибудь нужны.

Сергѣй считаетъ это въ порядкѣ вещей,—раньше я возмущалась, а теперь все равно. Я ношу съ собой весь свой уязвленный большой міръ, а что и кто вокругъ—мнѣ все равно.

И отношенія между всѣми этими людьми удивительныя. Очень много откровенности, и въ то же самое время эта откровенность ни къ чему не обязываетъ, и это извѣстно и тѣмъ, которые откровенничаютъ, и тѣмъ, которые слушаютъ. Нѣтъ стыдливости, углубленности въ отношеніяхъ и, походя, на скорую руку завязывается жестокая дружба.

Другой типъ отношеній—это людей въ родѣ Николая Николаевича. Здѣсь наоборотъ такое изощренное, пристальное вниманіе къ самому себѣ, такая бездна надуманной, осторожной красоты чувствъ, эгоистичной чрезмѣрной деликатности, что грузъ чужого горя и страданій неудобенъ и обременителенъ для этихъ отношеній. Такая дружба—безцѣльная красивая игра, безъ дыханія жизни, безъ порыва и тревоги.

Вчера съ Сергѣемъ мы были на той же картинной выставкѣ, гдѣ была съ Николаемъ Николаевичемъ, и, глядя на Сергѣя, разсматривавшаго вдали отъ меня картины, я вспоминала Николая Николаевича и невольно сравнивала ихъ. Одинъ выстроилъ изъ своей жизни узорчатую, хрупкую бесѣдку, другой стильную контору, а мнѣ, безпріютной прохожей, одинаково скучно и душно подъ ихъ стѣнами.

Отъ папы я узнала, что Степанида жива и живетъ въ имѣніи. Когда я сказала ему, что, можетъ быть, поѣду туда,—онъ вытаращилъ на меня глаза, ничего не спрашивалъ, но былъ огорченъ и печаленъ. Онъ вѣрно понялъ это по-своему: Сергѣю я надоѣла, вѣрно, разводъ и т. д. Онъ былъ со мной предупредителенъ и ласковъ, и когда я уходила,—перекрестилъ меня милый папа. Затѣмъ онъ былъ у насъ, вѣроятно, для того, чтобы убѣдиться въ своемъ предположеніи, и ничего не понялъ.

Сергѣй былъ оживленъ, веселъ, поправлялъ мою прическу, поцѣловалъ меня мимоходомъ. Бѣдный папа изумлялся, а подъ конецъ сталъ подозрительно смотрѣть на меня. Когда Сергѣй вышелъ изъ комнаты, онъ осмотрѣвшись спросилъ меня:

— Скажи на милость, что же это все значитъ?

— Что, папа?

— А эти всѣ твои разговоры объ отъѣздѣ и такъ далѣе?

— Никакихъ «такъ далѣе» нѣтъ, я только хочу уѣхать и больше ничего.

Папа сердито на меня посмотрѣлъ.—Мужъ объ этомъ знаетъ?

— Да, онъ знаетъ,—какъ-то легко сказала я.

— Ну и что же онъ?

— Ахъ, папа, почему это вы только и думаете о немъ, что онъ, какъ онъ, а отчего не спросите, что я, какъ я?

Въ это время вошелъ Сергѣй—Послушайте, Сережа,—началъ папа,—вы слышали, что Нина собирается уѣзжать?

Но я закрыла папѣ ротъ рукою, обняла его и не дала ему продолжать.

Сергѣй это замѣтилъ и, когда папа ушелъ, спросилъ меня недовольнымъ тономъ:—О чемъ это говорилъ твой отецъ?

— Такъ, на-ходу, я тебѣ сказать не могу, останься сегодня, поговоримъ, я прошу тебя.

— Я не могу остаться, у меня сегодня важное засѣданіе.

— Но вѣдь и это важно, для меня важно, да и для тебя также....

— Ну тамъ дѣло посерьезнѣе,—безапелляціонно говоритъ Сергѣй.

— Тысячами пахнетъ?—спрашиваю я со злостью.

— Да, въ родѣ того....

— Ну иди, здѣсь ничѣмъ такимъ не пахнетъ, можешь итти, и я бросаюсь въ кресло и чувствую, что дрожь забираетъ меня.

Сергѣй смотритъ на меня съ удивленіемъ, затѣмъ на часы, затѣмъ идетъ въ свой кабинетъ, я слышу, онъ говоритъ по телефону: начинайте безъ меня засѣданіе, я приду съ опозданіемъ, затѣмъ онъ возвращается, садится напротивъ меня и говоритъ съ раздраженіемъ: Сорокъ минутъ достаточно для разговоровъ? Ну-съ, я слушаю.

Я молчу, всякое желаніе говорить съ нимъ у меня пропало, да и не безумье ли вообще говорить съ нимъ объ этомъ. Я молчу.

— Ну-съ, что же это все значитъ?—говоритъ Сергѣй тономъ барина, тономъ приказывающимъ и разсерженнымъ.

Я встаю съ мѣста, полное самообладаніе вернулось ко мнѣ.

— Я запрещаю тебѣ говорить со мной такимъ тономъ!—съ необычайной силой говорю я и сама этому удивляюсь. Въ минуты сильнаго раздраженія могу я такъ говорить. Сергѣй смотритъ на меня съ удивленіемъ.—Я прошу тебя выдать мнѣ отдѣльный видъ на жительство, когда ты сможешь это сдѣлать? Мнѣ надо какъ можно скорѣе!...

Я стою передъ Сергѣемъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Онъ сидитъ и растерянно на меня смотритъ, и кажется мнѣ, что я гляжу на него откуда-то издалека, откуда-то сверху, а онъ маленькій и жалкій остался внизу. И, Боже мой, какая великая подлость совершается у меня въ душѣ, мнѣ становится жаль его, а въ то же время я чувствую, что вся моя сила покидаетъ меня. Изъ чувства самосохраненія я поспѣшно выхожу изъ гостиной, иду въ спальню и, собравшись комочкомъ, укрывшись съ головой платкомъ, ложусь на свою кровать.

Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ поспѣшно Сергѣй. Онъ присаживается ко мнѣ и ласково-встревоженно говоритъ:

— Прости меня, Ниночка, я виноватъ. Что съ тобой? Что это ты такое затѣваешь, Ниночка, отчего ты хочешь уйти отъ меня? Развѣ я тебя не люблю?—И онъ открываетъ лицо мое отъ подушки и цѣлуетъ, и мнѣ кажется, что это не все только одна комедія. И проносится мысль,—можетъ быть вообще никакой комедіи нѣтъ, можетъ быть онъ вообще сейчасъ искренъ. До чего дойти,—такъ не вѣрить, такъ подозрѣвать! Да вѣдь изъ-за этого одного надо убѣжать на край свѣта. И я вся дрожу отъ этихъ чувствъ.

Онъ успокоиваетъ меня, ласкаетъ, и опять онъ—сила, я ребенокъ. Онъ шепчетъ:—Ну, хорошо, ты все, все мнѣ разскажешь, я хочу все знать, что у тебя такое, сегодня же вечеромъ все разскажешь, когда я вернусь, сейчасъ мнѣ надо ѣхать, но къ 12 я вернусь. Знаешь что? Поѣдемъ вмѣстѣ, проводи меня, прокатайся, у тебя нервы расходились, тебѣ полѣчиться необходимо. Въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ замотался со всѣми этими дѣлами и забылъ про своего маленькаго цыпленка, дорогую мою дѣточку!...

Какъ сирена поетъ онъ, а я слушаю, какъ въ полуснѣ и вѣрю и не вѣрю. Онъ звонитъ горничную и приказываетъ ей одѣть мнѣ высокіе ботинки, а самъ сидитъ рядомъ со мной

и поддерживаетъ меня. Когда горничная уходитъ, мы все такъ сидимъ и вдругъ на минуту мнѣ кажется, что не было послѣднихъ семи лѣтъ и что я, какъ тогда, вѣрю, безконечно вѣрю Сергѣю, такъ какъ надо мнѣ вѣрить для того, чтобы съ нимъ жить.

На рысакѣ везетъ онъ меня, крѣпко обнявъ за талію, и тихо шепчетъ чудесныя, расцвѣтающія слова любви. Откуда онъ выучился этому, думаю я съ удивленіемъ. Не пропало даромъ чтеніе современной литературы, онъ способный, этотъ Сергѣй.

И не слѣжу за смысломъ, а только слушаю, какъ гладко льется его рѣчь и ловлю. Здѣсь мелькнулъ Кнутъ Гамсунъ, здѣсь Купринскій «Гранатовый браслетъ», здѣсь Эдмонъ Ростанъ... Перехватилъ Сергѣй. Я поворачиваю къ нему голову и смѣюсь, онъ тоже смѣется и понимаетъ, что попался, а такъ какъ мы ѣдемъ теперь по пустынной улицѣ около Инженернаго замка, онъ цѣлуетъ меня прямо въ губы.

— Хитрая ты, Нинка,—говоритъ онъ. А я уже опять на верху вѣсовъ и думаю, что завтра мнѣ надо начинать укладываться.

Мы доѣзжаемъ, онъ смотритъ номеръ кучера, строго наказываетъ везти меня хорошо и платитъ ему. Но за угломъ я велю остановиться и иду пѣшкомъ. Иду до изнеможенія, до полной усталости и дома, приткнувшись на креслѣ въ гостиной, засыпаю, а когда просыпаюсь, то къ ужасу вижу, что уже три часа ночи и я проспала возвращеніе Сергѣя. И въ самомъ дѣлѣ, онъ сладко спитъ, не будить же его теперь. Утромъ рано, когда Сергѣй уходитъ, я смотрю на него. Онъ замѣчаетъ мой взглядъ, подходитъ ко мнѣ и, пряча улыбку на губахъ и смѣясь глазами, спрашиваетъ:

— Хорошо спала?—Это месть за вчерашнюю литературу.

За завтракомъ Сергѣй мнѣ объявляетъ, что вечеромъ у насъ гости.

— Кто?—съ тихимъ ужасомъ спрашиваю я.

— Да какъ тебѣ сказать,—въ твоемъ вкусѣ—кажется, никого.

— А въ твоемъ?

— Да и въ моемъ мало. Нужно было ихъ созвать,—значительно говоритъ Сергѣй.—Но придутъ и наши, Вѣрочка, Аркашонъ, Петь-Петь, Николай Николаевичъ,—говоритъ Сергѣй и смотритъ на меня въ упоръ,—и еще позвалъ для тебя одного интереснаго молодого человѣка, не то теософа, не то спирита, чортъ его знаетъ, вотъ поговоришь съ нимъ сама. Насчетъ ужина я вчера распорядился, вина, закуски заказалъ, а ты будь добрень-

кая, съѣзди и купи конфектъ и фруктъ,—хорошо?—вынимаетъ и даетъ мнѣ двадцатипятирублевую бумажку. При взглядѣ на нее я краснѣю и спрашиваю неловко Сергѣя:

— Я давно хотѣла спросить тебя, Сергѣй, ты ради Бога не обидься, я хотѣла спросить, что тѣ мои деньги еще есть?

— Твое приданое?—быстро спрашиваетъ Сергѣй и смотритъ на меня пристально.

Я киваю головой, — мучительно говорить мнѣ объ этомъ, жила вѣдь на всемъ готовомъ, на полный его счетъ, а теперь спрашиваю о какихъ-то своихъ деньгахъ.

— Да, конечно, онѣ есть, я пустилъ ихъ своевременно въ оборотъ, въ наше горнопромышленное предпріятіе, и теперь онѣ уже не пять, а двадцать тысячъ.

— Двадцати мнѣ не надо, но, если бы ты могъ мнѣ дать рублей пятьсотъ, я была бы тебѣ очень благодарна, хотя бы взаймы.

Сергѣй смотритъ на меня внимательно. — Зачѣмъ тебѣ эти деньги?—строго спрашиваетъ.

— Вѣдь я тебѣ говорила, что хочу уѣхать,—говорю я и смотрю на полъ.

— Глупости все это, и денегъ никакихъ я тебѣ дать не могу, онѣ всѣ въ оборотѣ.

— Этимъ ты меня не удержишь...

— Да что это такое ты выдумала,—вдругъ съ необычайной злостью говоритъ Сергѣй.—Некогда мнѣ сейчасъ объ этомъ говорить, но надо положить конецъ.

— Тебѣ всегда будетъ некогда!

— Нѣтъ, нѣтъ,—сердито говоритъ Сергѣй,—я самъ хочу знать, что это такое все. Завтра я къ твоимъ услугамъ, а теперь прошу сдѣлать, о чемъ просилъ,—и, хлопнувъ дверью, уходитъ.

Я ѣду за покупками, потомъ ломаетъ досаждаетъ наша повариха, затѣмъ я обѣдаю одна,—Сергѣй звонилъ, что не пріѣдетъ,—затѣмъ приходитъ парикмахеръ, затѣмъ я начинаю одѣваться. Какое-то глупое желаніе овладѣваетъ мною,—выдѣлиться чѣмъ-нибудь сегодня, удивить всѣхъ, особенно Сергѣя, побѣдить его, заставить его со мной сосчитаться. Я знаю, что это женское орудіе, ну что жъ, онъ другого не заслуживаетъ.

И я такъ тщательно, какъ не помню когда, одѣваюсь. Въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ жемчугомъ на шеѣ, на моей знаменитой шеѣ, которую такъ любитъ Сергѣй, — я сегодня красива.

Въ восемь часовъ я слышу рѣзкій звонокъ Сергѣя. Онъ хлопочетъ по квартирѣ, а потомъ прибѣгаетъ въ нашу спальню. Я стою у трюмо. Онъ смотритъ на меня удивленный, потомъ подходитъ ко мнѣ, комично расшаркиваясь:—Миледи, вы великолѣпны,—и съ комичной почтительностью цѣлуетъ мою руку.—Позвольте васъ проводить въ вашъ малахитовый залъ, ибо здѣсь я боюсь какъ-нибудь помять васъ или задѣть при моемъ одѣваніи.

Мы молча шествуемъ въ нашу зеленую гостиную. Хорошо, думаю я, валять дурака, такъ до конца. Я сажусь, оправляю платье и разсматриваю свои ногти, не замѣчая Сергѣя. Онъ отступаетъ, не выдерживаетъ тона.

— Ну, Нинка, я въ тебя сегодня снова влюбился.

Я его не замѣчаю. Звонокъ спасаетъ меня, и Сергѣй бросается прочь изъ гостиной переодѣваться. Входитъ Вѣрочка съ одной своей подругой. Вѣрочка имѣетъ сегодня какой-то странный мальчишескій видъ, въ черной суконной, очень узкой юбкѣ и въ чемъ-то въ родѣ сюртука, съ жилетомъ и въ манишкѣ, съ галстухомъ; въ петлицѣ—бѣлая хризантема.

— Что съ тобой, Вѣрочка,—искренно удивляюсь я,—что это ты сегодня какъ будто въ маскарадъ собралась?

— А что же, развѣ плохо?—быстро спрашиваетъ Вѣрочка и вертится передъ зеркаломъ.—Положительно это надо ввести въ моду. Я видѣла недѣлю тому назадъ въ концертѣ даму, точь въ точь такъ одѣтую, и рѣшила это перенять. Очень удобно и пикантно.

Я вижу: и часовая цѣпочка пропущена черезъ петличку жилета, и манжеты крахмальныя, и почему-то смущаюсь.

Вѣрочкина подруга, жена богатаго инженера, хохочетъ во все горло, глядя на меня. Она бойкая барыня, была на разныхъ курсахъ, теперь членъ Лиги равноправія, кадетка, но я не вѣрю ни ея кадетству, ни ея равноправству. Вѣрочка подсаживается ко мнѣ.

— Знаешь, въ этомъ костюмѣ я чувствую въ себѣ что-то мужское. Положительно былъ правъ Кузьминъ,—помнишь: между женщиной и молодымъ мужчиной разница совсѣмъ не такъ ужъ велика... А ты сегодня такъ очаровательна, что я готова за тобой ухаживать!

Ахъ ты, Боже мой, у меня отъ этой Вѣрочки стало испаряться мое собственное дурачливое настроеніе. Сергѣй входитъ, восхищенъ затѣей Вѣрочки, но вдругъ спохватывается, кусаетъ губы. Сегодня его генералъ, предсѣдатель какого-то ихъ правленія,

хотѣлъ въ первый разъ вечеромъ пріѣхать къ намъ со своей женой. До сихъ поръ мы обмѣнивались визитами, но теперь Сергѣй, вѣроятно, ради какихъ-то дѣлеческихъ комбинацій нашелъ нужнымъ пригласить ихъ вечеромъ. Генералъ—штатскій, бывшій губернаторъ одной изъ южныхъ губерній, прославившійся реакціонною дѣятельностью, генеральша — дама-патронесса и ханжа. Врядъ ли ей понравится затѣя Вѣрочки, а я радуюсь и думаю злорадно: попался!

Приходятъ свои: Аркадій Петровичъ или Аркашонъ и Петь-Петь,—Петръ Петровичъ, друзья Сергѣя еще со студенческихъ временъ. Аркашонъ—инженеръ и ближайшій компаньонъ Сергѣя во всѣхъ его предпріятіяхъ. Студентомъ онъ былъ эсъ-эромъ, хранилъ бомбы, сидѣлъ даже въ крѣпости, онъ и теперь сочувствуетъ, такъ же какъ и Сергѣй, и, такъ же какъ Сергѣй, стремится къ матеріальной независимости интеллигенціи. Это большой, грузный мужчина, и отъ всей его фигуры, отъ каждой его позы бьетъ въ носъ удивительная сытость. Иниціативы, безпокойства, грандіозныхъ плановъ, какъ у Сергѣя, у него нѣтъ. Зато онъ точный, работоспособный, аккуратный и потому правая рука Сергѣя. Они славно спѣлись. У него чуть ли не три семьи, и Сергѣй смѣется, что ни одного дня онъ не можетъ пробыть въ неженатомъ состояніи.

Петь-Петь въ другомъ родѣ: юркій, живой, нервный, съ лицомъ, похожимъ на Ницше, несомнѣнно очень талантливъ. Своихъ пріятелей онъ называетъ бывшими людьми, себя—кающимся интеллигентомъ. Есть въ немъ какая-то ломанность, можетъ быть, надрывъ, можетъ быть, большая тоска, но къ себѣ, къ своей жизни онъ никого близко не подпускаетъ и загораживается отъ всѣхъ какимъ-то вѣчнымъ зубоскальствомъ, вышучиваньемъ всѣхъ и всего. Онъ ближайшій другъ Сергѣя, но даже Сергѣй ничего не знаетъ о его личной жизни. Онъ юрисконсультъ въ дѣлахъ Сергѣя и въ своихъ судебныхъ рѣчахъ любитъ пускать юморъ и пафосъ.

Аркашонъ развалился въ креслѣ и, попыхивая сигарой, разсматриваетъ критически Вѣрочку. Петь-Петь вьется около меня, разсказываетъ о томъ, какъ Сергѣй ловко обхаживаетъ генерала, что генералъ просто дока, а Сергѣй—«кока съ сокомъ», и что отъ его обхаживанія всѣмъ намъ проистечетъ большущая польза.

— На что онъ вамъ понадобился, этотъ генералъ?—спрашиваю я съ брезгливостью.

— Нельзя безъ генерала,—отвѣчаетъ наставительно Петь-

Петь.—Генералъ всегда нуженъ, отъ генерала идутъ ниточки во всѣ концы, мы будемъ генерала дергать, а онъ свои ниточки, Богъ знаетъ, до чего дойдемъ. Какъ можно безъ генерала! Сергѣй долго искалъ, ну ужъ и выкопалъ! Разумникъ мужъ вашъ, Нина Александровна, съ нимъ не пропадешь!

Приходитъ Вѣрочкинъ мужъ, приходитъ теософъ, о которомъ говорилъ Сергѣй. Онъ оказывается и музыкантомъ. Его просятъ что-нибудь сыграть, онъ играетъ, а въ это время, тихо входитъ Николай Николаевичъ, поблѣднѣвшій, осунувшійся. И сразу я чувствую, что его приходъ меня больно задѣлъ, даже оскорбилъ. Тотъ хрупкій налетъ поэзіи, который остался въ моей памяти о немъ и о его признаніи, теперь разсыпался. Дилеттантъ во всемъ, думаю я съ досадой, даже въ любви.

Приходятъ еще и еще. Приходятъ дамы, которыя, поздоровавшись со мной, тотчасъ же меня оставляютъ. Не любятъ меня дамы, и я ихъ не люблю. Онѣ меня считаютъ гордой и скучной,—я съ ними согласна.

Наконецъ, Сергѣй поспѣшно подходитъ ко мнѣ и ведетъ въ прихожую встрѣтить генерала съ супругой. Съ ними приходитъ секретарь генерала, рыженькій, щупленькій господинъ, въ чиновничьемъ мундирѣ. Сергѣй похохатываетъ своимъ бархатнымъ голосомъ.

— Вы сегодня блѣдны, моя милочка, — говоритъ небрежно генеральша, полная, сѣдая дама, едва взглянувъ на меня.

Сергѣй беретъ меня подъ руку и смѣется:—А я съ ней разводиться хочу, капризулька невозможная...

— Женщина безъ капризовъ,—это лимонадъ безъ газа,—остритъ генералъ, высокій, крашеный, съ прекрасными вставными зубами.

— Я должна подать ему руку и подаю.

Секретарь вертится вокругъ. У него вдавленные виски, бѣгающіе глаза, безпокойная улыбка, похожъ почему-то на сыщика. И ему я тоже подаю руку, хотя весь видъ его внушаетъ мнѣ отвращеніе.

Въ гостиной, обмѣнявшись со мной нѣсколькими пустыми фразами, генеральша забываетъ меня. Петь-Петь вьется около нея, разсказываетъ ей о послѣднемъ громкомъ процессѣ, представляетъ рѣчи прокурора, защитниковъ. У Петь-Петь изумительная память, актерскій даръ, онъ всегда въ жизни играетъ

какую-то роль, и Богъ знаетъ, гдѣ кончается подлинный Петь-Петь и начинается выдуманный.

Я сижу одна на диванѣ. Вокругъ оживленный говоръ, слышенъ рѣзкій Вѣрочкинъ смѣхъ. Говорятъ о лѣтнихъ планахъ, о Швейцаріи, о Венеціи, о томъ, въ какихъ отеляхъ лучше кормятъ. Говорятъ о Шаляпинѣ и Плевицкой, о спиритизмѣ и теософіи. Молодой теософъ увлекается и начинаетъ разсказывать о мистикѣ Яковѣ Бёме, но генеральша безапелляціонно заявляетъ, что теософія и спиритизмъ—это шарлатанство и занимаются имъ потому, что въ темнотѣ удобнѣе флиртовать, она сама видѣла, какъ это дѣлается. Съ ней не спорятъ, а Петь-Петь, какъ искусный дирижеръ, переводитъ разговоръ на другую тему. Вѣроятно, они сговорились на этотъ счетъ съ Сергѣемъ. Аркадій для представительства тоже сидитъ недалеко отъ генеральши. Онъ молчитъ и только изрѣдка проблематично улыбается.

Въ противоположномъ углу нѣсколько человѣкъ мужчинъ, обступивъ генерала, ведутъ разговоръ на злободневныя политическія темы, но «что» они говорятъ,—мнѣ не слышно. Доносятся отдѣльныя слова, но по ихъ интонаціямъ, по фигурѣ Сергѣя, который стоитъ какъ-то преувеличенно развязно, я чувствую, что въ нашемъ домѣ, въ моемъ домѣ происходитъ какое-то предательство.

Я сижу одна на диванѣ. Сколько разъ это уже повторялось, что среди гостей, толпы, я вдругъ чувствую себя какъбудто на необитаемомъ островѣ, одна, совсѣмъ одна. Но сегодня я вижу, что Сергѣй по временамъ бѣгло, но внимательно взглядываетъ на меня и на Николая Николаевича. Онъ, кажется, серьезно подозрѣваетъ какой-то романъ. А Николай Николаевичъ въ это время разсматриваетъ съ одной изъ дамъ номеръ «Аполлона» и бесѣдуетъ о фрескахъ Ботичелли. И я съ нимъ когда-то разсматривала «Аполлонъ» и бесѣдовала о фрескахъ Ботичелли.

Играютъ, поютъ. Вѣрочка, извинившись передъ генеральшей, поетъ какіе-то легкомысленные куплеты.

Генералъ весело апплодируетъ, его секретарь въ восторгѣ. Сергѣй, воспользовавшись общимъ шумомъ, дѣлаетъ мнѣ знакъ, я выхожу въ столовую. Здѣсь онъ на меня шипитъ, еле сдерживаясь отъ злобы.

— Это верхъ безтактности вести себя такъ, какъ ты ведешь.

— Оставь меня, а то я сейчасъ уйду изъ дома. Я это сдѣлаю, если ты скажешь еще одно слово,—говорю я.

Я иду въ спальню. Тамъ въ темнотѣ я сижу. Тоска огромная вытѣсняетъ все изъ души, и я вся въ этой тоскѣ, нѣтъ мыслей, чувствъ, все съѣла тоска.

Такъ сижу я въ отупѣніи. Приходитъ Сергѣй.

— Пойдемъ, — говоритъ онъ какъ будто спокойно, но я знаю, если я не пойду, онъ способенъ меня ударить.

Я мѣшаю ему, я препятствіе въ его планахъ, а съ препятствіями онъ не церемонится.

Я иду за нимъ и въ корридорѣ, глядя въ его затылокъ, на вьющіеся волосы, я думаю съ облегченіемъ: черезъ три дня меня здѣсь не будетъ. Свѣжая, молодая радость обдаетъ меня. Хорошо, думаю я, я буду щедрой сегодня, напослѣдокъ. И я беру Сергѣя подъ руку, онъ смотритъ на меня изумленно, мы входимъ вмѣстѣ въ гостиную. Я подхожу къ генералу.

— Вы не скучаете безъ картъ? Къ сожалѣнію, мужъ не признаетъ карточной игры...—говорю я, очаровательно улыбаясь.

— Признаюсь, грѣшенъ, люблю карты, но сегодня я забылъ объ ихъ существованіи. Такое интересное общество, «causerie»,—и онъ щуритъ на меня свои тусклые глаза.

— Вы скоро покидаете Петербургъ? На дачу или въ имѣнье?—спрашиваю я. Мы садимся, и льется непринужденный, легкій разговоръ. Я вижу, Сергѣй смотритъ съ удивленіемъ, и опять я чувствую—я сила, Сергѣй—ребенокъ. Рыжій секретарь подсаживается къ намъ, и съ нимъ я тоже любезно бесѣдую. Потомъ я подсаживаюсь къ генеральшѣ. Она разглядываетъ меня въ лорнетъ, а потомъ разсказываетъ, какая ей не удача въ этомъ году съ компаньонками. Одна была девотка, іезуитка, ставила все свѣчи передъ Sainte Vierge,—другая вѣшалась на шею всѣмъ мужчинамъ, а у нихъ въ домѣ по праздникамъ приходятъ племянники генерала, молодежь, лицеисты. Пришлось и эту отпустить.

Я слушаю сочувственно и вижу: хитро улыбаются глаза Петь-Петь. Я знаю, онъ думаетъ: «ага, досталось!» и я ему многозначительно подмигиваю, какъ бы въ подтвержденіе его догадки.

Затѣмъ я перехожу въ другой уголъ, къ кружку дамъ, и восхищаюсь туалетомъ одной изъ нихъ. Потомъ я слушаю со вниманіемъ Вѣрочкину подругу, которая повѣствуетъ о томъ,

что лига равноправія предполагаетъ созвать съѣздъ. И этому я вполнѣ сочувствую, и лигѣ, и съѣзду.

Потомъ я рѣшаюсь идти до конца. Я направляюсь къ Николаю Николаевичу. Онъ смотритъ на меня съ удивленіемъ, почти съ испугомъ.

— Мужчины пугливы,—говорю я ему,—и вы изъ ихъ числа,—и сажусь рядомъ съ нимъ.

— Вы больны, вы нервничаете сегодня, что съ вами?—шепчетъ Николай Николаевичъ.

— Давайте смотрѣть «Аполлонъ»,—перебиваю я его,—или разскажите что-нибудь объ египетской скульптурѣ, или о томъ, какія новыя медали прислалъ вамъ вашъ парижскій поставщикъ, вѣдь прислалъ?

— Да, на-дняхъ получилъ очень хорошій экземпляръ,—говоритъ Николай Николаевичъ и не сводитъ съ меня глазъ.—Но бросьте, ради Бога, объ этомъ, что съ вами?

— Я хочу взять съ васъ одно слово,—говорю я, закидывая назадъ голову,—обѣщаете?

— Да, конечно,—почему-то блѣднѣя, отвѣчаетъ Николай Николаевичъ.

— Ну такъ вотъ, обѣщайте, что вы меня проводите на вокзалъ, когда я буду уѣзжать отсюда, хорошо?

— Хорошо,—говоритъ совсѣмъ блѣдный Николай Николаевичъ,—когда это будетъ?

— Скоро, на-дняхъ,—говорю и вдругъ чувствую, что кто-то на меня смотритъ. Это Сергѣй. Онъ облокотился на рояль и впиваясь смотритъ на меня.

Какъ легко ихъ всѣхъ держать у себя въ кулакѣ, думаю я, и какъ не хочется этого дѣлать,—скучно и противно.

— Вы сядете около меня за ужиномъ,—говорю я въ прежнемъ тонѣ Николаю Николаевичу.

— Зачѣмъ это?—спрашиваетъ съ мольбой Николай Николаевичъ.

— А зачѣмъ вы сегодня пришли? Вѣдь для меня? Такъ почему же вамъ и не быть со мною?

И на это онъ молчитъ и кланяется. Ахъ, ничтожный человѣкъ...

Мы идемъ ужинать. Генералъ ведетъ меня къ столу, Сергѣй—генеральшу. За столомъ по одну сторону отъ меня оказывается Николай Николаевичъ. Онъ сидитъ блѣдный, ничего не ѣстъ, катаетъ нервно шарики изъ хлѣба. Ужинаютъ долго, со вкусомъ, съ аппетитомъ. Генералъ похваливаетъ Сергѣю повара,

котораго у насъ нѣтъ, генеральша разсказываетъ Петь-Петь о своемъ тамбовскомъ имѣніи.

Я вижу, что выраженіе лица у Петь-Петь напряженно сочувственное и прислушиваюсь. Генеральша разсказываетъ сочно и увѣренно:

— А лѣтомъ, во время уборки сѣна, я велю ставить на полѣ граммофонъ. Крестьяне въ восторгѣ, работа идетъ веселѣе, да и намъ выгода...

— Подумайте!—восхищается Петь-Петь,—граммофонъ во время полевыхъ работъ,—это идея! Новый путь сближенія помѣщиковъ съ мужиками, новый способъ пріобщенія народа къ культурѣ, наконецъ несомнѣнное увеличеніе работоспособности! Это надо было сумѣть найти! Ну, а какой же репертуаръ?

— То, что было дома, подъ руками, кое-что Плевицкой, Вяльцевой, вообще веселый жанръ,—отвѣчаетъ генеральша, милостиво глядя на Петь-Петь.

— Такъ, такъ,—глубокомысленно отвѣчаетъ Петь-Петь и качаетъ въ тактъ головою. Я вижу—Вѣрочкинъ мужъ весело на него смотритъ.

Генеральша продолжаетъ:—Вообще много приходится возиться съ деревней. Въ прошломъ году велѣла сшить своей портнихѣ для всѣхъ нашихъ деревенскихъ ребятъ ташки-сумочки для носовыхъ платковъ. Матери потомъ благодарили. По праздникамъ моя компаньонка учила танцовать дѣвушекъ «Pas d'Espagne», венгерку... Дѣвушки въ восторгѣ. Чтенія также устраиваемъ...

— Что же именно?—почтительно любопытствуетъ Петь-Петь.

— Да разное... читали Конька-Горбунка, басни, изъ Святыхъ книгъ...

— И слушаютъ?..

— Дѣти, старики—слушаютъ. Ну, молодежь, конечно, нѣтъ, будируютъ, но никакихъ экстравагантностей... У насъ вообще спокойно, ну, а кромѣ того у насъ выписаны черкесы, знаете, на всякій случай, береженаго и Богъ бережетъ,—и хитренько, и многозначительно улыбается генеральша.

— Какъ вамъ это нравится,—говорю я тихо Николаю Николаевичу. Тотъ пожимаетъ плечами, и я вспоминаю, что когда-то давно онъ сказалъ про себя «я среднякъ», а Сергѣй добавилъ въ сторону: «слизнякъ»!—Зачѣмъ у меня такая хорошая память?

Мало-по-малу разговоръ становится общимъ и къ явному

неудовольствію Сергѣя переходитъ на политику, на предстоящіе выборы въ Государственную Думу.

— Вы, конечно, будете голосовать за оппозицію,— съ нѣкоторымъ лукавствомъ говоритъ генералъ, обращаясь къ Сергѣю, и посматриваетъ кругомъ, какъ будто щупая публику.

— Я безпартійный,—говоритъ Сергѣй и увѣренно смотритъ на генерала.

— Давно?—шутливо спрашиваетъ генералъ. Онъ, вѣроятно, отлично знаетъ про прошлое Сергѣя. И вдругъ я вижу,—Сергѣй дѣлаетъ вольтъ, какъ онъ умѣетъ это дѣлать съ поразительнымъ искусствомъ.

— Точно не помню,—отвѣчаетъ Сергѣй и смѣется откровеннымъ, открытымъ, подкупающимъ смѣхомъ. И смѣхъ этотъ такъ многозначителенъ, что каждый понимаетъ его по-своему. Но генералъ остается доволенъ, онъ его тоже понялъ по-своему.

— Я правый,—господа, говоритъ твердо онъ,—крайній правый. Я поклонникъ національныхъ устоевъ, освященныхъ вѣками. Народъ съ нами, господа, и мы, монархисты, прежде всего защитники интересовъ народа. Я даже въ душѣ соціалистъ, монархистъ-соціалистъ. А всѣ эти республяки и конституціи—сплошное жидовское царство. Посмотрите на Францію,—погибаетъ страна, подкупы, панамы, избави насъ Богъ отъ такихъ порядковъ...

Вѣрочкинъ мужъ покашливаетъ. Петь-Петь дѣлаетъ большіе глаза.

— Вотъ какъ,—говоритъ онъ страшно-серьезнымъ тономъ,—монархистъ-соціалистъ, это очень интересная точка зрѣнія. Я не могу сейчасъ это обхватить во всемъ объемѣ, но мнѣ кажется,—здѣсь большія перспективы, такъ сказать необъятныя, и обводитъ всѣхъ строгими глазами.

— Это вѣрно въ родѣ нѣмецкихъ христіанскихъ соціалистовъ,—солидно молвитъ Аркашонъ.

Генералъ съ чувствомъ собственнаго достоинства отвѣчаетъ: Нѣтъ, не скажу...

Петь-Петь поспѣшно подхватываетъ:—Что ты, Аркадій, при чемъ тутъ христіанскіе соціалисты?—и пожимаетъ съ дѣланнымъ удивленіемъ плечами.—Любишь вездѣ совать свою Германію! Развѣ мы, русскіе, сами неспособны на оригинальную идею? Развѣ непремѣнно нужны намъ заграничные шаблоны?

Вѣрочка и ея подруга смотрятъ въ тарелки, чтобы не разсмѣяться, вообще всѣмъ очень весело.

— Разыграли генерала,—говоритъ равнодушно Николай

Николаевичъ. А я чувствую, что какая-то муть подступила мнѣ къ горлу и давитъ.

Всѣмъ весело, растетъ общее оживленіе, всѣ какъ-то приспособились другъ къ другу, развязались языки. «Наши» послѣ того, какъ генералъ позволилъ себя грубо поддѣть, стали съ нимъ какъ-то особенно-предупредительны, съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ глумящейся крайней серьезности.

Петь-Петь разсказываетъ генеральшѣ о современной литературѣ, генеральша смѣется такъ, точно онъ ее щекочетъ. Я знаю, онъ признаетъ только Шекспира и Щедрина, но теперь онъ говоритъ о сходствѣ и различіи между Кнутомъ Гамсуномъ и Анатоліемъ Каменскимъ:

— Въ сущности и тотъ и другой пишутъ объ одномъ и томъ же. Кнутъ Гамсунъ любитъ только антуражъ, природу, солнце закатилось, солнце встало, деревья пѣли, когда капитанъ Гланъ встрѣтился съ нею и...—и Петь-Петь разводитъ руками,—а герои Каменскаго, прямо, безъ обиняковъ, приступаютъ къ дѣлу,—разъ, два, не теряя времени, имъ все равно, что на небѣ—луна или солнце. Вотъ Нина Александровна все упрекаетъ меня, что я не слѣжу за современной литературой,—и Петь-Петь киваетъ на меня,—но скажите, пожалуйста, какой интересъ читать все объ одномъ и томъ же...

Генеральша вспоминаетъ о моемъ существованіи, любезно ко мнѣ обращается:—У меня къ вамъ просьба, — не откажите принять участіе въ нашемъ комитетѣ по устройству дня божьей коровки въ пользу нашихъ пріютовъ, пожалуйста!

Прежде чѣмъ я успѣваю отвѣтить, Сергѣй черезъ столъ за меня соглашается и при этомъ смѣется.

Этотъ смѣхъ меня озадачиваетъ, я теряюсь, медлю съ отвѣтомъ и выходитъ, что я согласна.—Мегсі,—говоритъ генеральша, и дѣло кончено. Секретарь генерала бесѣдуетъ съ Аркашономъ. Онъ тоже разошелся, — его генералъ благодушно настроенъ. Вначалѣ, насторожившись онъ прислушивался и присматривался, а теперь, какъ бы убѣдившись, что онъ въ своей компаніи, весело о чемъ-то разсказываетъ Аркашону, который слушаетъ съ непроницаемымъ видомъ. Я гляжу на секретаря съ какимъ-то острымъ чувствомъ брезгливости и отвращенія на его подергивающееся лицо, на мокрыя толстыя губы, на клочки желтоватыхъ волосъ. Онъ увлекается своимъ разсказомъ, повышаетъ голосъ, и я невольно слышу, о чемъ онъ говоритъ.

— Я всегда и вездѣ говорю по-русски и за границей также. Англичане и американцы заставили всѣхъ этихъ швейцарцевъ вы-

учиться по-англійски, ну, а почему мы не можемъ? Американцевъ я ненавижу. Въ прошломъ году, на пути изъ Люцерна въ Цюрихъ я сидѣлъ въ вагонѣ, набитомъ сплошь американцами. Подходитъ кондукторъ и обращается ко мнѣ по англійски. Тогда и я ему отвѣтилъ тоже по-англійски: развѣ я похожъ на идіота, что вы меня принимаете за американца? Такъ и сказалъ вслухъ...

Генералъ смѣется. Петь-Петь переглядывается съ докторомъ и облизывается отъ удовольствія. Секретарь увлекается и идетъ дальше.

— Когда я бываю въ Польшѣ, въ Финляндіи, тутъ ужъ я требую, чтобы со мной говорили по-русски. Два года тому назадъ была исторія: я съ однимъ знакомымъ ѣздилъ въ Финляндію. На одномъ изъ вокзаловъ хотимъ закусить, спрашиваемъ, — отвѣчаютъ по-чухонски. — Не знаете по-русски?— Качаютъ головой. Погодите же, голубчики. Мы пьемъ, ѣдимъ, беремъ изъ буфета все, что вздумается — Сколько слѣдуетъ? спрашиваемъ,—качаютъ головой. Ага, не хотите получать, уходимъ. Буфетчикъ, лакеи поднимаютъ гвалтъ, одинъ изъ нихъ задѣваетъ, правда, случайно моего знакомаго. Ну, тогда ужъ я взбѣленился, подхожу къ буфету, и все, что на буфетѣ, все на полъ, всю посуду имъ перебилъ...

Разговоръ умолкъ, всѣ слушаютъ теперь секретаря, а онъ продолжаетъ, увлекаясь успѣхомъ.

— А въ другой разъ, все въ той же Финляндіи, на дачѣ, тоже не хотѣлъ тамъ одинъ мужикъ говорить со мной по-русски... Такъ я его такъ припугнулъ, что онъ у меня въ ногахъ валялся и ужъ по-русски просилъ прощенія...

— Какая гнусность,—говорю я громко и встаю съ мѣста. Я дрожу и не знаю, что со мной дѣлается, мнѣ кажется, я сейчасъ упаду.

Происходитъ замѣшательство, секретарь испуганно озирается, генералъ покачиваетъ головой.—Вы ужъ слишкомъ сгустили краски, Иванъ Сергѣевичъ,—говоритъ онъ.

Всѣ поднимаются со своихъ мѣстъ и почему-то, мнѣ кажется, очень громко шаркаютъ стульями. Я слышу голосъ Сергѣя, который проситъ всѣхъ въ залъ. Я стою, какъ въ полуснѣ, кто-то ко мнѣ подходитъ, прощается, благодаритъ. Потомъ въ прихожей, опираясь на руку Сергѣя, я стою и слышу: уходятъ генералъ и генеральша. Она говоритъ:—У васъ плохіе нервы, милочка.

Потомъ я опять сижу въ столовой, рядомъ со мной Петь-Петь, подальше Аркашонъ, а по столовой ходитъ взадъ и впе-

редъ Сергѣй. Мало-по-малу я прихожу въ себя, но огромная, чисто-физическая тяжесть мѣшаетъ мнѣ подняться и уйти прочь. Петь-Петь на меня посматриваетъ и покусываетъ усы.

Теперь говоритъ Сергѣй. Я вслушиваюсь, меня поражаютъ интонаціи его голоса,—такая въ нихъ злоба.

— Ты думаешь, онъ это забудетъ, нѣтъ-съ, не таковскій, онъ это учтетъ своевременно, чортъ знаетъ, какая глупость!—И все-ты,—обращается онъ ко мнѣ.—Нашла, передъ кѣмъ протестовать, вѣчное донъ-кихотство, ахъ, охъ! Что ты жизни что ли не знаешь. Прежде всего это глупо, невѣроятно глупо, возмутилось доброе дитя! Просилъ тебя, могла бы, кажется, себя сдержать, нѣтъ, надо выскочить, вѣчныя истерики, Богъ знаетъ, что!..

Грубо звучатъ слова Сергѣя, мнѣ больно на него смотрѣть, но съ каждымъ его словомъ прибываетъ мое спокойствіе. Я обращаюсь къ Петь-Петь:

— Много вы теряете, если откажется генералъ?

— Да какъ вамъ сказать, все на свѣтѣ относительно, пожалуй что и много.

— Найдете другого,—говорю я съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Аркадій быстро взглядываетъ на меня.

— Конечно, найдемъ,—отвѣчаетъ какъ-то слишкомъ весело Петь-Петь.

— Отвратительно все это, Петръ Петровичъ,—говорю я,—что это за комедію разыграли вы всѣ сегодня съ этимъ генераломъ? Зачѣмъ ты пригласилъ его сегодня вечеромъ? Меня ты могъ бы избавить отъ своихъ дѣловыхъ знакомствъ...

— Я считалъ нужнымъ его пригласить!—запальчиво отвѣчаетъ Сергѣй.

— Но меня ты долженъ былъ объ этомъ предупредить...

— Буду знать на будущее время,—насмѣшливо говоритъ Сергѣй.

— Но этого больше и не потребуется! Простите, господа, я удалюсь,—и я прощаюсь съ удивленными компаньонами Сергѣя и ухожу къ себѣ въ комнату.

Я ложусь и жду, и боюсь, вотъ-вотъ придетъ Сергѣй, но онъ не приходитъ. Первый разъ за всю нашу жизнь онъ ночуетъ у себя въ кабинетѣ.

Утромъ онъ приходитъ. Онъ поблѣднѣлъ, какое-то въ немъ напряженное безпокойство. Онъ ходитъ по комнатѣ.

— Пожалуйста, изволь объяснить, что́ это значитъ, все твое поведеніе. Пожалуйста...

Мнѣ невыразимо грустно, я сижу, понуривъ голову.

— Я жду,—говоритъ нетерпѣливо Сергѣй.

— Не такъ думала я съ тобой говорить, Сергѣй.

— Все какіе-то фокусы, такъ, не такъ, въ чемъ дѣло?

— Я уѣзжаю, а почему я это дѣлаю, я тебѣ напишу, такъ будетъ лучше.

— Нѣтъ, я хочу сейчасъ знать, почему...

— Оставь, прошу тебя, не настаивай, мнѣ легче написать, тебѣ прочесть...

— Брось ты, пожалуйста, эти вѣчныя глупости, я спрашиваю, въ чемъ дѣло? Жила, жила, вдругъ здорово живешь— уѣзжаю!

— Это не вдругъ, вовсе не вдругъ,—тихо говорю я.—Ты видишь самъ, мы разные люди. Мнѣ тяжела наша жизнь, такая, какъ она теперь... Отпусти меня, дай мнѣ уѣхать, пожить одной, подумать. Я хочу поѣхать въ наше Ламтево.

— Но вѣдь тамъ никого нѣтъ!—восклицаетъ Сергѣй.

— Вотъ это-то мнѣ и нужно, чтобы никого не было, поживу совсѣмъ одна, подумаю, почитаю, разберусь... Если смогу,—вернусь обратно,—говорю я и наклоняю голову,—Боже, мнѣ жаль Сергѣя, и я боюсь, чтобы онъ этого не замѣтилъ,—если нѣтъ...

— Что тогда?—быстро спрашиваетъ Сергѣй.

— Тогда нѣтъ.

Мы молчимъ.

— Ты видишь самъ, намъ трудно вмѣстѣ, и эта вчерашняя исторія...

— Чортъ съ ней, я не хочу больше про нее вспоминать это все пустяки!

— Да, но она будетъ повторяться... и вообще весь этотъ духъ нашей жизни мнѣ невыносимъ.

— Хорошо, мы можемъ ее измѣнить; ты устала отъ нашей сутолоки, хорошо — ея не будетъ,—какъ-то строго отчеканиваетъ Сергѣй.

— Это не все, не главное...

— Что же главное?

— Ты самъ. Я вѣдь помню тебя, того прежняго, теперь ты не тотъ.

— Я такой же, какъ и былъ,—сухо говоритъ Сергѣй.

Я долго молчу, потомъ говорю, и очень трудно мнѣ говорить:

— Мнѣ тоже кажется иногда, что ты такой же, какъ и былъ. Это и есть самое тяжелое, Сергѣй. Ты на время тогда,

на годъ, на два надѣвалъ на себя другой нарядъ, а я думала, что ты иначе и ходить не можешь!

— Вотъ, что вспомнила! Тогда время другое было! Всѣ тогда были захвачены потокомъ, дѣйствовали, выступали, помогали революціи,—сейчасъ отхлынуло, теперь время культурной работы. Да къ тому же я во многомъ разочаровался, и въ людяхъ, и въ самой доктринѣ... Но развѣ я сталъ реакціонеромъ, черной сотней?..

— Знаешь, Сергѣй, я тебѣ по правдѣ скажу, — это было бы лучше! Все-таки что-нибудь одно, опредѣленное, а вѣдь теперь я тебя не знаю, кто ты? Живемъ съ тобой вмѣстѣ, а кто ты, не знаю. Весь ты такой скользкій, вьешься въ рукахъ, а у меня такое чувство, что все время вокругъ какой-то обманъ. Раньше у меня была увѣренность, что я тебя знаю насквозь. Какъ могло это исчезнуть? Это предпринимательство, стремленіе къ наживѣ, разсчетливость и въ дѣлахъ и съ людьми... Отъ этого задохнуться можно!...

— Ты ребенокъ, Нина,—говоритъ серьезно и дѣловито Сергѣй.—Не знаешь жизни, живешь воображеніями. Въ дѣловыхъ отношеніяхъ приходится иногда быть гибкимъ, приспособляться больше, чѣмъ хотѣлъ бы самъ. Безъ этого дѣла не сдѣлаешь.

— Но вѣдь ты иногда прямо подличаешь, Сергѣй, и ради чего?—горячо возражаю я.

Сергѣй усмѣхается:—Во всякомъ случаѣ не изъ-за одной голой наживы. Честолюбія въ тебѣ нѣтъ, вотъ что, а то бы ты меня поняла. Да, я хочу быть хозяиномъ жизни, созидать, строить, это тоже искусство, наука, на это нужна фантазія, творчество, а ты и не замѣчаешь этого! Управлять жизнью, людьми, тутъ есть для чего поработать! Не порабощать, а управлять, имъ же на пользу! А для этого прежде всего надо стать вполнѣ самостоятельнымъ, матеріально-независимымъ, капиталистомъ. Это средство, но не цѣль. Ну, а затѣмъ вспомни,—капитализмъ имѣетъ громадное культурное значеніе, черезъ него лежитъ путь и къ соціализму...

— Пусть другіе идутъ такимъ путемъ, но не ты, Сергѣй, не ты!

— Смѣшная! Ну чѣмъ тебѣ мѣшаетъ моя дѣятельность? Развѣ я тебя меньше люблю, чѣмъ прежде?

Я молчу.

— Развѣ меньше?—повторяетъ Сергѣй, подходитъ ко мнѣ и смотритъ въ упоръ. Скажи!

— Ты не меньше... а я тебя много меньше. Меньше уважаю, меньше вѣрю,—въ этомъ все горе.

Сергѣй отходитъ отъ меня, пожимаетъ плечами, я вижу, онъ покраснѣлъ. — Что жъ,—говоритъ онъ иронически, каковъ есть, таковъ и есть. — Онъ очень самолюбивъ и, я знаю, этого онъ мнѣ не проститъ никогда. А я скрыла, смягчила Сергѣю,— совершенно не уважаю, а разъ не уважаю, подозрѣваю во всемъ, совершенно не вѣрю...

— Дѣтей у насъ нѣтъ, вотъ бѣда. Ты сама не хочешь,—говоритъ онъ глухо, какъ будто съ упрекомъ.

Самое больное мѣсто задѣваетъ Сергѣй.

— Да не хочу, теперь не хочу, а раньше не хотѣлъ ты, не забудь этого! Совершенно вѣрно, не хочу,—что я буду съ ними дѣлать?—отвѣчаю я и выпрямляюсь отъ какой-то злой радости.

— То-есть какъ это такъ?—искренно удивляется Сергѣй.

— Нашими дѣтьми они не могутъ быть, мы различно съ тобой смотримъ на жизнь,—воспитывать ихъ на твой образецъ— не могу, а на свой—такого образца нѣтъ,—горестно говорю я.— Сама я ломаный, порченый, не цѣльный человѣкъ...

— Ты и себя не щадишь,—усмѣхается Сергѣй.

— Надо же говорить правду...—Страшная слабость овладѣваетъ мною. Я сижу, опустивъ руки и голову съ такимъ чувствомъ, какъ будто сразу постарѣла на десятки лѣтъ. Кончено, подведенъ итогъ, сказано вслухъ, что̀ копилось годами въ душѣ. И вотъ нѣсколько словъ, всего нѣсколько словъ, и я чувствую всѣмъ существомъ—прошлое стало невозвратимымъ, прошлое стало отрѣзаннымъ отъ насъ, а мы съ Сергѣемъ стоимъ на легкомъ, хрупкомъ мосточкѣ на разныхъ берегахъ и не знаемъ, идти ли намъ другъ къ другу, къ какой-то иной, во всякомъ случаѣ не прежней жизни. Я слышу, онъ нервно ходитъ по комнатѣ, и я боюсь поднять глаза, — мнѣ кажется, онъ выцвѣлъ, онъ потускнѣлъ, мой блестящій, великолѣпный Сергѣй.

Онъ подходитъ ко мнѣ, становится на колѣни, обнимаетъ меня и шепчетъ горько и страстно, такъ, какъ никогда не говорилъ со мною:—Ты совсѣмъ меня не любишь... шепчетъ онъ.

Что я могу ему сказать?..

Проходятъ дни, тихіе, одинаковые, небывалые въ нашей жизни дни. Сергѣй серьезенъ, молчаливъ. Онъ по-прежнему мало бываетъ дома, а когда бываетъ, сидитъ у себя въ кабинетѣ. Мы

говоримъ о пустякахъ, о погодѣ, и оба боимся дотронуться до больного мѣста. Мы обходимъ его, но дѣлаемъ это неуклюже. По-прежнему приходятъ къ Сергѣю дѣловые люди, онъ принимаетъ ихъ у себя въ кабинетѣ, прежнихъ пріемовъ, обѣдовъ и завтраковъ нѣтъ. Я объявила себя больной, никуда не выѣзжаю и не хочу никого видѣть. Только Николай Николаевичъ присылаетъ мнѣ письма, полныя больной и тяжелой любовью. Я не дочитываю ихъ и жгу. Но въ этой настойчивой навязчивости я вижу отсутствіе достоинства и глубины его чувства.

Сегодня я вышла въ Лѣтній садъ. Сижу на скамейкѣ. Весеннее солнце грѣетъ, распускаются знаменитые «клейкіе листочки», я сижу окостенѣлая, захолодѣвшая. На будущей недѣлѣ я рѣшила ѣхать въ Ламтево. Тамъ весна въ полномъ разгарѣ, а я хотѣла бы, чтобы теперь были бы темные осенніе вечера, долгія зимнія ночи.

Дѣти играютъ около меня. Мальчикъ лѣтъ десяти дразнитъ дѣвочку, дергаетъ за косу, она увертывается, онъ бѣжитъ за нею, щиплетъ. Она быстро оборачивается и съ силой бьетъ его, а потомъ неожиданно для всѣхъ и, вѣроятно, для самой себя плачетъ. Другая дѣвочка, чуть постарше, подходитъ къ ней и наставительно говоритъ: «Ну, Таня, надо или бить, или плакать, но что-нибудь одно», говоритъ одиннадцатилѣтняя дѣвочка своей подругѣ. Я не вѣрю своимъ ушамъ, я впиваюсь глазами въ эту дѣвочку, въ эту маленькую умницу, знающую великій законъ жизни: или бить, или плакать. Вотъ кто идетъ намъ на смѣну, намъ, пустопорожнимъ нытикамъ, нетолковымъ управляющимъ своей собственной жизни. Тѣ грядущіе, тѣ будутъ сами хозяева и не отдѣлятъ себя отъ своего достоянія. «Или бить или плакать»,—какая сила чувствуется мнѣ въ этихъ словахъ,—то, чего всегда не хватало мнѣ самой. Я бью и плачу заразъ, а когда хочу быть доброй и благостной, то въ душѣ ехидно подсмѣиваюсь. И все это замкнуто во мнѣ самой и все это мелко и нестерпимо ни для меня, ни для другихъ.

Но вотъ Сергѣй,—онъ какъ будто переступилъ черезъ порогъ,—онъ какъ будто новый человѣкъ,—но зачѣмъ онъ оглядывается на меня, зачѣмъ ему нужна я, зачѣмъ онъ любитъ меня и теперь страдаетъ? Не оттого ли, что вполнѣ и онъ не увѣренъ въ своей правдѣ, — и тайной поддержки ищетъ во мнѣ. Если такъ, онъ ошибается, не быть ему хозяиномъ жизни.

Дышатъ «клейкіе листочки», весна насильно заглядываетъ въ глаза и гонитъ меня домой на мою старую лежанку.

И я иду. Мнѣ тридцать два года, я здорова, хороша собой, изящна, образована, можетъ быть, не безъ способностей, и я не вижу, гдѣ мое мѣсто на землѣ.

Послѣ обѣда мы засиживаемся за столомъ, я и Сергѣй. Странныя отношенія создались у насъ. Тихо и мирно бесѣдуемъ о разныхъ пустякахъ и все время точно подкарауливаемъ другъ друга.

На небѣ плывутъ лиловыя облака.

— Смотри,—говоритъ Сергѣй,—похоже, какъ тогда во Флоренціи, помнишь...

И я сразу вспоминаю тотъ удивительный лиловый свѣтъ, который лился намъ въ окна въ одно послѣобѣденное время въ старомъ дворцѣ на берегу Арно.

— Днемъ тогда была сильная гроза,—вспоминаетъ Сергѣй.

— Да, мы еле-еле спаслись отъ дождя,—тихо говорю я. Господи, у меня на глазахъ слезы. О чемъ я плачу—не знаю, вѣроятно, о многомъ.

Сергѣй замѣчаетъ, встаетъ и подходитъ къ окну.

Лиловыя облака тихо плывутъ по небу. Не съ этими ли облаками прошлое уходитъ все дальше и дальше, и нѣтъ къ нему пути и возврата, и отъ этого тускнѣетъ и плачетъ душа.

— Послушай,—говоритъ Сергѣй и подходитъ ко мнѣ,—вотъ и тебѣ тяжело, зачѣмъ ты это все затѣяла? Развѣ нельзя все вернуть по-старому?—И вкрадчиво и ласково звучитъ его голосъ. Я качаю головой. Онъ ходитъ по комнатѣ, и я украдкой слѣжу за нимъ. Я вижу, онъ страдаетъ, но не вѣрю своимъ глазамъ. Почему-то кажется мнѣ,—Сергѣй немного позируетъ, немного разыгрываетъ свое страданіе,—утверждать этого не могу, но и вѣрить ему вполнѣ тоже не могу. И отъ этого страшно.

— Послушай,—говоритъ снова Сергѣй, уже съ глухимъ раздраженіемъ,—вотъ ты меня упрекаешь, ставишь въ вину, что я измѣнился,—хорошо, пусть это такъ. Но скажи, пожалуйста, сама ты, что́ ты такое дѣлаешь для общества, для народа, родины и т. д.? Вѣдь знаешь, чтобы упрекать другихъ, не уважать и т. д., вѣдь на это надо имѣть нравственное право.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчаю я,—но откуда ты взялъ,

что я себя уважаю,—повѣрь мнѣ,—меньше, чѣмъ тебя,—говорю я и чувствую, полное самообладаніе вернулось ко мнѣ.

— Какъ такъ?—изумляется Сергѣй.

— Да такъ, мы оба съ тобой, прости, пожалуйста, ничтожные люди, но и каждый по-своему.

Сергѣй встряхиваетъ головой, его передергиваетъ.

— Ты тоже раньше была другая,—говоритъ онъ медленно, подчеркивая слова.—Ты забыла? Рѣчей ты, правда, не говорила, но хранила всякую нелегальщину, устраивала собранія, оказывала услуги партіи, почему же ты теперь этого не дѣлаешь? Тоже я мѣшаю?

— Я тебѣ говорила уже почему, негодный человѣкъ я.— Спокойно я ему отвѣчаю и жду, что́ будетъ дальше, жду и перебираю бахрому скатерти.

— Я тебя не упрекалъ въ ренегатствѣ, въ подлости, а имѣю такое же право!

Я смотрю на него съ изумленіемъ. Какія глупости говоритъ онъ, вѣроятно, злость туманитъ его умную голову.

— Да, да, конечно у тебя это право и было и есть. Почему жъ ты имъ не пользовался? Боялся, что этимъ самымъ осудишь себя самого?

— Я любилъ тебя,—кричитъ Сергѣй.

Я опускаю голову, онъ ударилъ меня своими словами, но я верну ему ударъ, унижусь, но ударю. И я говорю, не смотря на него:

— Я тебя тоже любила, ты тоже это знаешь, любила и вѣрила. Ни во что не вѣрила, кромѣ тебя. Это было преступленіе противъ самой себя такъ любить, какъ я тебя любила...— Я смотрю на Сергѣя, онъ блѣдный и закусилъ губы.

— Что жъ, теперь тебѣ надо искать новаго апостола,— говоритъ онъ сквозь зубы.

— Нѣтъ, постараюсь обойтись безъ апостоловъ,—отвѣчаю я спокойно,—я видѣла на опытѣ, апостолы измѣняютъ, ученіе остается.

Молчаніе. Еще куда-то дальше уплываетъ прошлое, и еще глубже чувствуется,—нѣтъ къ нему пути и возврата.

— Довольно, Сергѣй,—говорю я,—не сто́итъ больше говорить, разстанемся по-хорошему.

— Что жъ это такое все значитъ? Ты окончательно меня бросаешь?—Сколько въ этомъ возгласѣ чего-то особеннаго, мужского, большой мужской гордости, непереносимой мысли, что я первая его бросаю, и, можетъ быть, мужской любви.

— Такъ будетъ лучше... намъ обоимъ,—тихо добавляю я.— Мы слишкомъ много знаемъ другъ о другѣ, для любви это вредно,—пробую я шутить, но не выходитъ. И уже дѣловымъ тономъ говорю: Я хочу ѣхать черезъ четыре дня, я уже написала въ имѣнье. Беру съ собой пока немного вещей, если понадобится, можетъ быть, ты мнѣ послѣ вышлешь.

Онъ не слушаетъ меня. Только теперь онъ окончательно понялъ, что я дѣйствительно уѣзжаю, и я вижу,—онъ растерялся.

— А если я тебѣ не выдамъ отдѣльнаго паспорта?—вдругъ говоритъ онъ, и самъ какъ будто удивляется своимъ словамъ.

— Въ деревнѣ я, пожалуй, и безъ всякаго паспорта поживу, меня тамъ и такъ знаютъ, но опомнись, какія глупости говоришь ты, Сергѣй.

— Да, глупости, вѣрно, все глупости, все, все глупости,— бормочетъ онъ и выходитъ быстро изъ комнаты.

На другой день я захожу къ папѣ. Говорю ему, что нездорова и хочу отдохнуть въ деревнѣ. Не къ чему бередить его старую голову. Онъ и такъ встревожился и подозрительно на меня смотритъ.

— У васъ все благополучно съ Сергѣемъ?—спрашиваетъ онъ осторожно.

— О, да, все благополучно.

— Онъ пріѣдетъ тоже туда?

— Вѣроятно, если дѣла не задержатъ,—успокоительно лгу я папѣ.

— И что тебѣ понадобилась деревня? Люди ѣздятъ на воды, въ курорты, а что тамъ, въ деревнѣ, будешь дѣлать?

— Свѣжій воздухъ, молоко, солнце,—страшно много!— смѣюсь я въ отвѣтъ.

— На все лѣто? — недовольнымъ тономъ спрашиваетъ папа.

— Не знаю, тамъ посмотрю. А вы въ Павловскъ, попрежнему?

— Хотѣлъ бы, да не знаю, какъ сведу концы съ концами. Лида и Коля опять меня пощипали.—И я чувствую въ папиныхъ словахъ какой-то отдаленный намекъ, чтобы на него, на его матеріальную поддержку въ случаѣ чего я не разсчитывала бы.

— Прощай, Ольга,—говорю я нашей старой нянькѣ въ прихожей,—кланяться отъ тебя Степанидѣ? Я въ Ламтево ѣду.

Она всплескиваетъ руками.—Вотъ хорошо-то, чтобы и вамъ, баринъ, туда же, и меня бы съ собой взяли... Или, кажись, за дачу уже и задатокъ дали?—говоритъ Ольга и выдаетъ бѣднаго папу.

Недалеко отъ нашего дома я неожиданно встрѣчаю Николая Николаевича; но мнѣ кажется—онъ меня поджидалъ.

Онъ подходитъ ко мнѣ, молча здоровается, идетъ рядомъ. Вижу—похудѣлъ, поблѣднѣлъ еще больше. Вотъ и новый апостолъ, думаю я, вспоминая вчерашній разговоръ съ Сергѣемъ.

— Мнѣ надо съ вами поговорить,—говоритъ Николай Николаевичъ.

— Ахъ, не во-время,—у меня сегодня жестокое сердце, я васъ обижу,—говорю я, и есть тутъ доля правды: папа больно задѣлъ меня своей хитренькой осторожностью.

— Скажите мнѣ, когда вы уѣзжаете?

— Я передумала,—говорю я спокойно,—никуда я не ѣду.

— Какъ?—восклицаетъ Николай Николаевичъ.

— Передумала. Такъ, знаете, была игра воображенія—теперь прошло!—Говорю это для того, чтобы онъ не вздумалъ провожать меня, вообще что-нибудь связать съ моимъ отъѣздомъ.

Онъ смотритъ на меня пораженный, но, вѣроятно, что-нибудь во мнѣ выдаетъ меня. Прикрывъ глаза, онъ шепчетъ, точно стонетъ:—Что вы дѣлаете со мной? Я вамъ пишу,—вы не отвѣчаете, теперь этотъ странный тонъ... Зачѣмъ вы меня мучаете? Вы мнѣ не вѣрите?

— Вѣрю,—говорю я спокойно.

— Это кокетство съ вашей стороны! Вы играете со мной, какъ кошка съ мышью!

Вотъ ты какой! думаю я, и мнѣ дѣлается досадно. Этотъ слабый, милѣйшій Николай Николаевичъ на повѣрку выходитъ деспотомъ, какимъ только и можетъ быть слабый человѣкъ. Уже предъявляетъ какія-то права, уже упрекаетъ, — что было бы дальше?

— А вы меня зачѣмъ мучаете?—говорю я ему уже вполнѣ серьезно.—Я васъ не люблю,—вы это знаете.

— Я все надѣялся... Тутъ еще вашъ отъѣздъ... я думалъ, когда-нибудь послѣ...—бормочетъ Николай Николаевичъ.

— Не думайте, ничего изъ этого не выйдетъ!

— Нѣтъ никакой надежды?—спрашиваетъ Николай Николаевичъ, подавленный.

А у меня въ головѣ проносится вдругъ мысль, что отличная

риѳма къ слову «надежды» слово «вѣжды». Фу, какой вздоръ приходитъ мнѣ въ голову, такой неуважительный, стыдный вздоръ, когда рядомъ человѣкъ страдаетъ изъ-за меня.

Я ему молча, задыхаясь отъ спутавшихся чувствъ, подаю руку и быстро перехожу на другую сторону.

Остается послѣдняя ночь. Все уже уложено,—завтра утромъ я уѣзжаю. Сергѣй прислалъ мнѣ въ запечатанномъ конвертѣ десять тысячъ,—я оставила себѣ пятьсотъ рублей, остальныя вернула. Въ томъ же конвертѣ была вложена бумажка съ одной фразой: «отдѣльный паспортъ вышлю». Самъ онъ не показывается, три дня я его уже не видѣла.

Я иду къ нему въ кабинетъ,—хочу проститься. Онъ сидитъ за письменнымъ столомъ, что-то пишетъ, не поворачивается, какъ-будто меня не замѣчаетъ.

Я присаживаюсь на диванъ около него, онъ не подымаетъ головы. Я смотрю на его красивое лицо, на русые вьющіеся волосы, на крѣпко-сжатыя губы. Молодой онъ еще весь, и сила въ немъ и характеръ, но все-таки почему-то не до конца увѣрена я въ томъ, что выйдетъ онъ побѣдителемъ жизни, даже на свой образецъ.

— Прощай, Сергѣй,—говорю я тихо,—я вижу, тебѣ тяжело, прости меня.—Онъ молчитъ, продолжаетъ работать.

Я не знаю, что сказать, тяжело, и мучительно все это.

Сижу еще немного, потомъ тихонько встаю и ухожу къ себѣ, сажусь у окна и думаю, удастся ли мнѣ выйти на дорогу, собрать себя, хватитъ ли силы создать въ себѣ ту здоровую, бодрую волю, въ которой одной я вижу спасенье и выходъ, хватитъ ли силы повѣрить и полюбить какое-нибудь дѣло, заполнить жизнь важнымъ и большимъ?..

Не знаю, попробую...

Черезъ нѣсколько времени я слышу шаги. Это Сергѣй. Онъ широко раскрываетъ дверь, подходитъ ко мнѣ, садится рядомъ. Мы молчимъ. Мнѣ неловко почему-то посмотрѣть на него и, можетъ быть, я чего-то боюсь. Молчитъ и Сергѣй, и это такъ необыкновенно, такъ непохоже на него. Молча мы сидимъ у открытаго окна въ бѣломъ сумракѣ весенней бѣлой ночи, странные, полные каждый своими особыми мыслями и чувствами. Проходитъ время. Свѣтаетъ. Розовыя полосы протягиваются по небу, неожиданныя и нѣжныя. И вдругъ я вспоминаю, что

точно такое же небо, такую же зарю я гдѣ-то, когда-то видала. Когда?

Не въ то ли далекое, давно забытое утро, когда мы съ Сергѣемъ, только-что въ первый разъ встрѣтившіеся въ жизни, возвращались въ молодой веселой компаніи на разсвѣтѣ со взморья? Такія же розовыя полосы струились тогда по небу, бодро пѣли молодые голоса дружную пѣсню, а внизу, на днѣ лодки, среди вѣтокъ цвѣтущей черемухи я лежала и слушала и смотрѣла въ ясное небо. — Это было счастье тогда, молодое, чистое счастье...

Я взглядываю на Сергѣя. Сосредоточенно, съ какой-то важной печалью смотритъ онъ въ окно, на небо. Не вспоминаетъ ли и онъ то далекое, давно-забытое утро?

На другой день Сергѣй провожаетъ меня. Мѣсто въ вагонѣ занято, вещи уложены. Мы ходимъ по платформѣ, не замѣчая того, что̀ дѣлается вокругъ. Странныя чувства волнуютъ меня: мнѣ кажется — мы выросли, мы помолодѣли, стали тоньше и красивѣе, и мы ходимъ большими, широкими шагами по платформѣ. Мы молчимъ. Не знаю, почему молчитъ Сергѣй, но я молчу, потому что боюсь словъ. Не начнутъ ли они отмѣривать и бросать на землю то, что̀ неясно еще клубится въ душѣ?

Мы подходимъ къ концу платформы. Рельсы бѣгутъ далеко, манитъ голубая даль. И сейчасъ, вотъ сейчасъ помчусь я туда. И въ первый разъ въ жизни чувствую я: свободная, я стала вся и легкая, и радость отъ этого огромная. Но рядомъ со мной Сергѣй, и этого забыть я не могу.

— Сергѣй,—говорю я ему, онъ оглядывается, и я смотрю въ его глаза, каріе глаза «лукаваго цвѣта». Но теперь въ нихъ нѣтъ и тѣни лукавства. И здѣсь, на концѣ платформы, вдали отъ шума и суеты, подъ яркимъ весеннимъ солнцемъ, мы смотримъ другъ другу прямо въ глаза долгимъ, пристальнымъ взглядомъ, такъ, какъ никогда не смотрѣли до сихъ поръ, и отъ этого взгляда неслыханная, безумная надежда вспыхиваетъ у меня въ душѣ. И, боясь ее выдать, я отворачиваюсь и почти бѣгу къ своему вагону.

Третій звонокъ, я стою на площадкѣ. Сергѣй снялъ шляпу, русые волосы его золотятся на солнцѣ, онъ пристально смотритъ на меня, но не говоритъ ни слова. Поѣздъ трогается. Какъ хорошо, что я ѣду!

З. Котляревская.

ЛЕГЕНДА „КУРГАНА ПСИЦЫ".

I.

Русскій путешественникъ, ѣдущій черезъ ѳракійскіе проливы къ голубымъ морямъ Греціи, выноситъ обыкновенно о первомъ, о царственномъ Босфорѣ, гораздо болѣе опредѣленное и красочное впечатлѣніе, чѣмъ о второмъ, о Геллеспонтѣ. Тотъ сразу дѣйствуетъ на свѣжее еще воображеніе сказочнымъ соединеніемъ южныхъ и восточныхъ картинъ; послѣ него длинный Геллеспонтъ съ его болѣе широкимъ русломъ и менѣе высокими берегами кажется уже блѣднымъ и слабымъ повтореніемъ. Интересъ притупился—и лишь къ концу плаванія оживляется вновь, когда на азіатскомъ берегу расширеннаго канала въ голубой дали показывается холмъ, на которомъ нѣкогда стояла Троя.

На древняго грека, по обратной причинѣ, и Геллеспонтъ дѣйствовалъ иначе. Къ тому же, онъ былъ для него преддверіемъ къ страшному, безгаванному Евксину съ его бурными волнами и непривѣтливымъ берегомъ. Самый входъ въ проливъ съ его сильнымъ юго-западнымъ теченіемъ и подводными утесами затруднялъ пловца, заставляя его относиться съ боязнью къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда, по преданію, утонула Гелла. Въ такомъ настроеніи фантазія человѣка бываетъ изобрѣтательна: даже однообразные и малохарактерные контуры горъ и скалъ принимаютъ странный, внушительный видъ. Вотъ послѣ сравнительно спокойнаго плаванія въ постепенно суживающемся заливѣ показался крутой холмъ, какъ бы замыкающій море—теперь тамъ стоитъ турецкій замокъ Килидъ-уль-Бахръ, что значитъ именно «затворъ моря». Конечно, пловецъ знаетъ, что это только такъ кажется: за нимъ, поворачивая влѣво, начинается настоящій проливъ, а съ нимъ и настоящая опасность, настоящій страхъ. Это—какъ бы врата Аида, черезъ которыя уже многіе спустились въ обитель смерти. И не кажется ли, что здѣсь, на холмѣ,

притаился самъ стражъ преисподней, неукротимый Керберъ?— И онъ назвалъ предѣльный холмъ Kynos-sêma, т. е. «курганомъ пса»... предоставляя своимъ послѣдователямъ создать соотвѣтственную легенду и согласно ей опредѣлить полъ безмолвнаго стража Геллеспонта.

Эта легенда—разъ самый курганъ находился въ атмосферѣ погибшей Трои—должна была примкнуть къ троянскимъ сказаніямъ; это никого не удивитъ. Но сама по себѣ она такъ странна и, говоря правду, такъ оскорбительна для чувства поклонниковъ и самого города-мученика, и его пѣвца Гомера, что мы должны повести рѣчь обинякомъ, начиная издалека, чтобы сдѣлать ее пріемлемой для читателя.

Собака, какъ животное хищное, была естественнымъ символомъ великой хищницы—смерти; въ вышеназванномъ псѣ Керберѣ, стражѣ преисподней, мы съ большимъ правдоподобіемъ видимъ первоначальнаго теріоморфическаго бога этой мрачной силы. Конечно, кромѣ того собака—вѣрный товарищъ человѣка, его слуга и помощникъ въ охотѣ; и поэтому было естественно представлять ее также и «аттрибутомъ» богини-покровительницы охотниковъ, «далекоразящей (hekatêbolos) Артемиды. Но такъ силенъ былъ тотъ другой, жуткій привкусъ, что эта сопровождаемая собакой «далекоразящая» Артемида именно подъ этимъ эпитетомъ—Hekatêbolos, короче Hekatê—отдѣлилась отъ общаго типа этого божества и обособилась какъ богиня ночи и ночныхъ видѣній и чаръ. Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ о первоначально самостоятельной богинѣ Гекатѣ, которую признавалъ, повидимому, Гесіодъ; мы говоримъ только о той струѣ ея естества, если можно такъ выразиться, которая отдѣлилась отъ богини ловцовъ, далекоразящей Артемиды.

Во всякомъ случаѣ собака—спутница Гекаты. Когда въ лунныя ночи собака заливалась безконечнымъ, безпричиннымъ лаемъ—это объяснялось тѣмъ, что она чуетъ приближеніе своей госпожи, страшной Гекаты. Ей поетъ свою пѣснь-заклинаніе Ѳеокритовская Симета, покинутая дѣвушка (II 12):

> Внемли, Геката подземная: ты вѣдь и псовъ устрашаешь,
> Идучи черезъ курганы по лужамъ чернѣющимъ крови.

«Курганъ собаки» повелительно вызывалъ представленіе о Гекатѣ; это было почти обязательно—не менѣе, чѣмъ для *нашего* кургана, возвышавшагося на берегу Геллеспонта, представленіе о лежавшей тутъ же, наискось пролива, разрушенной Троѣ. Но какъ было связать эти два одинаково обязательныхъ представленія?

Перенесемся въ Трою. Если Пріамъ, горюя о смерти Гектора, говоритъ про него (Ил. XXIV 258), что онъ

словно богомъ былъ между мужей; не казался
Сыномъ онъ смертнаго мужа, но бога великаго чадомъ —

то обыкновенный читатель склоненъ увидѣть въ этихъ словахъ простое преувеличеніе, естественное выраженіе родительскаго горя. Но знатокъ духа античной поэзіи спроситъ себя: не имѣемъ ли мы здѣсь «рудиментарнаго мотива»? не существовало ли традиціи, согласно которой Гекторъ былъ дѣйствительно сыномъ бога и Гекубы? И въ самомъ дѣлѣ, древній лирическій поэтъ Стесихоръ, жившій немногимъ позже пѣвца XXIV пѣсни Иліады — зналъ Гектора какъ сына Аполлона и Гекубы. И мы относимся довѣрчиво къ этой традиціи; это потому, что этимологическія соображенія заставляютъ насъ видѣть въ троянской царицѣ женскую параллель къ главному троянскому богу, Аполлону. Ея греческое имя Hekabê объясняется очень естественно изъ эпитета heka-bolos (у Гомера съ неизбѣжнымъ удлиненіемъ hekêbolos), а это—«далекоразящій»—эпитетъ какъ Аполлона, такъ и соотвѣтствующаго ему женскаго божества, Артемиды. И пусть читателя не смущаетъ тотъ фактъ, что гомеровская Гекуба нимало не похожа на дѣвственную Артемиду: переходъ троянской богини въ троянскую царицу былъ самъ по себѣ очень легокъ, но разъ онъ состоялся—каждый изъ двухъ образовъ развивался отдѣльно: Артемида въ силу условій греческой жизни стала вѣчно-юной и строгой дѣвственницей Олимпа, Гекуба въ очеловѣченной Иліадѣ стала привѣтливой, многодѣтной супругой старца Пріама, потерявъ послѣдніе признаки своего исконнаго «далекоразящаго» естества.

Но Иліада не могла заглушить живого народнаго преданія, а въ немъ первоначальная связь Гекубы съ Аполлономъ продолжала чувствоваться. Она-то, повидимому, и создала поэтическій миѳъ объ исходѣ многострадальной царицы, развитый вышеназваннымъ Стесихоромъ въ его потерянной поэмѣ «Разрушеніе Иліона». Переживъ смерть мужа и дѣтей и взятіе ея города, Гекуба удостоилась наконецъ милости того, которому она нѣкогда родила Гектора: самъ Аполлонъ за ней пришелъ и перенесъ ее въ свой земной рай, въ «Ликію» (т. е. въ «страну свѣта»), вознаграждая свою избранницу вѣчнымъ блаженствомъ за перенесенныя ею на землѣ страданія. Такъ и Ѳетида вспомнила о старцѣ Пелеѣ, которому она нѣкогда родила Ахилла, и перенесла его послѣ многихъ ударовъ судьбы для вѣчной жизни въ

подводный чертогъ своего отца; параллелизмъ обоихъ сказаній очевиденъ.

И вотъ мы видимъ дѣйствіе незримой тяги народной фантазіи. Курганъ на Геллеспонтѣ съ его призрачнымъ подобіемъ собаки вызываетъ страшный образъ Гекаты, но въ атмосферѣ Трои эта Геката замѣняется первоначально съ нею тожественной Гекабой-Гекубой... «Здѣсь мысъ Курганъ Псицы», пишетъ Стребонъ (p. 331, fr. 51), «а кто говоритъ—Гекубы; и дѣйствительно, показывается ея могила, если обогнуть мысъ». Но какъ соединить между собой образы собаки и Гекубы? Средство одно, испытанное въ греческой миѳологіи и само собой напрашивающееся въ подобныхъ случаяхъ: предположить, что *Гекуба была превращена въ собаку*. Это и есть то странное, то оскорбительное для памяти Гомера представленіе, на которое я намекалъ выше; оно не получилось органически изъ привѣтливаго образа троянской царицы—оно было навязано фантазіи поэта-миѳотворца насильственно подъ вліяніемъ геллеспонтскаго кургана. Оно, такимъ образомъ, первоначально—мѣстное, геллеспонтское преданіе.

Рамка была дана—надлежало ее заполнить.

Античный мотивъ метаморфозы имѣетъ свою особую психологію: причиною превращенія въ такой-то образъ преимущественно передъ другимъ является сходство—особенно этическое—съ нимъ превращаемаго въ самый моментъ превращенія. Этическое содержаніе представленія о собакѣ, смотря по обстоятельствамъ, различное—вѣрность, бдительность, но также и безстыдство, и злоба; а для той собаки, которая соединяется съ представленіемъ о Гекатѣ, послѣдній оттѣнокъ былъ обязательнымъ. Итакъ, злоба—притомъ яростная, приправленная безстыдствомъ, т. е. забвеніемъ всего того, что́ грекъ совмѣщалъ въ своемъ красивомъ словѣ aidôs—чести, уваженія, состраданія. Къ счастью для миѳотворца, самъ Гомеръ указалъ путь его фантазіи въ томъ мѣстѣ XXIV пѣсни Иліады, гдѣ Гекуба говоритъ объ убійцѣ своего Гектора (ст. 211 Гн.):

. . . передъ очами
Лютаго мужа, *котораго сердце, когда бы могла я,*
Впившися въ грудь, пожирать; отомстила бъ за то,
что онъ сдѣлалъ
Съ сыномъ моимъ.

Здѣсь какъ бы уже предваряется геллеспонтская метаморфоза, и миѳотворцу подсказывается то этическое положеніе, въ которомъ должна находиться кроткая и почтенная троянская

царица для того, чтобы стало понятнымъ ея превращеніе въ безстыдно лютаго звѣря. Это положеніе—безумная злоба, вызванная *нестерпимымъ материнскимъ горемъ*.

Остальное дала внѣшняя обстановка. Дѣйствіе должно было происходить въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ на Геллеспонтѣ; какъ туда попала троянская царица? Это, разумѣется, нужно было мотивировать. Очевидно, тамъ и жилъ тотъ, который причинилъ страдалицѣ это новое материнское горе. Итакъ, это былъ ѳракійскій царь; назовемъ его Полиместоромъ. Онъ, значитъ, будетъ убійцей сына троянской царской четы—конечно, младшаго, такъ какъ только такого можно представить себѣ въ роковую для Трои годину не въ рядахъ ея защитниковъ. Младшимъ сыномъ Пріама Гомеръ называетъ Полидора; положимъ, его матерью была не Гекуба, а другая женщина (XXII, 46), и къ тому же его еще раньше Гектора убиваетъ Ахиллъ (407)—но вѣдь это было необязательно, въ мелочахъ измѣнять традицію можно. Итакъ, Полидоръ былъ младшимъ сыномъ Пріама и Гекубы, еще неспособнымъ носить оружіе; когда дѣла обреченнаго города стали быстро клониться къ упадку, родители его отдали на воспитаніе ѳракійскому царю Полиместору и вмѣстѣ съ нимъ добрую часть троянской казны... Почему именно ему? Хорошо бы, если бы его можно было представить родственникомъ или землякомъ отрока, хотя бы по матери. Правда, эта мать, т. е. Гекуба, названа Гомеромъ дочерью фригійскаго царя Диманта на Сангаріи. Ну, что же, это, значитъ, также нужно измѣнить. Зато ѳракійскій царь Киссей былъ отцомъ вельможной троянки, Ѳеано̀, жены Антенора; допустимъ, что его же дочерью была и Гекуба.

Итакъ, Полиместору, своему кунаку, Гекуба довѣряетъ свою послѣднюю надежду, своего отрока-сына Полидора. Ея предчувствія сбываются: Троя взята, мужъ и сыновья убиты; она и ея дочери и невѣстки—плѣнницы. Ахъ, если бы хоть Полиместоръ соблюлъ ей вѣрность! Но нѣтъ, жадный варваръ польстился на золото, данное его опекаемому: увѣренный, что послѣ паденія Трои некому будетъ привлечь его къ отвѣту, онъ убиваетъ Полидора и бросаетъ его въ море.

Этимъ данъ поводъ для мести Гекубы,—а съ ней и для легенды «кургана Псицы».

II.

Ее самое находимъ мы въ «*Гекубѣ*» *Еврипида*; это для насъ — самый древній источникъ. Другой вопросъ — былъ ли

Еврипидъ творцомъ, не говорю, самой легенды, но даже ея первой литературной обработки. Но на него удобнѣе будетъ отвѣтить послѣ разбора самой трагедіи.

Начинается она съ ночной сцены. Море, пустынный берегъ, палатки ахейцевъ; все молчитъ. Вдругъ изъ одной палатки выскользаетъ что-то черное, едва различимое въ окружающемъ мракѣ:—это тѣнь Полидора. Третью ночь проводитъ она у изголовья спящей матери въ палаткѣ плѣнницъ; теперь приближеніе утра прогоняетъ ее обратно въ подземную обитель.

. . . И хорошо, если бы она молча туда спустилась. Но поэту она нужна для пролога; и за внушительной сценой ея появленія слѣдуетъ нѣсколько насъ расхолаживающій разсказъ о вѣроломствѣ Полиместора. Изъ него мы, впрочемъ, еще нѣчто узнаемъ: ахейцы потому уже третью ночь проводятъ на херсонесскомъ берегу, что могучая тѣнь Ахилла не даетъ имъ вѣтра для возвращенія домой, пока они не принесутъ ему въ жертву на его могилѣ дочь Пріама Поликсену. (Такъ сказано здѣсь; нѣсколько ниже—ст. 95—говорится только, что требуется «одна изъ многострадальныхъ троянокъ». О значеніи этой разницы будетъ сказано ниже).

Итакъ, двоякая завязка; исторія Полидора нѣсколько внѣшнимъ образомъ соединена съ исторіей Поликсены. Но, независимо отъ этой композиціонной особенности мы наталкиваемся на реальныя затрудненія. Какимъ образомъ курганъ Ахилла оказался на херсонесскомъ берегу? Единодушная традиція древности знаетъ его на троянскомъ и тамъ же представляетъ и жертвоприношеніе Поликсены. Затѣмъ: чего ради отправились туда греки? Это мѣсто находилось много верстъ вверхъ по Геллеспонту, а путь домой лежалъ въ обратномъ направленіи. Ничего не подѣлаешь: «курганъ Псицы» поневолѣ притянулъ къ себѣ греческій флотъ, а сплетеніе его легенды съ миѳомъ о Поликсенѣ увлекло туда же и курганъ Ахилла. Съ этимъ придется помириться.

Еще одна особенность останавливаетъ на себѣ наше вниманіе. Тѣнь Полидора говоритъ намъ, что она провела ночь у изголовья Гекубы (ст. 30); она же указываетъ въ дальнѣйшемъ (ст. 54) на ея выходъ изъ палатки «изъ страха передъ видѣніемъ—мною». Матери Полидоръ разсказывалъ то же, что потомъ зрителямъ—его появленіе удвоено. Насколько красиво было первое, настолько неудачно второе. Прологистъ былъ нуженъ только Еврипиду; это—особенность именно его драматургической техники. Напротивъ, первое появленіе — матери во-

снѣ—было въ духѣ трагической традиціи—такъ и въ «Евменидахъ» Эсхила тѣнь Клитемнестры появляется спящимъ Эриніямъ. Не правдоподобно ли предположеніе, что предшественникъ Еврипида ограничивался появленіемъ Полидора одной спящей Гекубѣ?

Продолжаемъ, однако. По исчезновеніи Полидора выходитъ изъ палатки, ведомая прислужницами, престарѣлая *Гекуба*. Ее до разсвѣта спугнулъ страшный сонъ: онъ вѣщалъ ей недоброе про ея отданнаго во Ѳракію сына, а также и про ея дочь Поликсену. Подробнѣе она разсказываетъ только про послѣднюю: ей показалось, что волкъ вырвалъ молодую лань изъ ея рукъ и растерзалъ ее. Она вспоминаетъ, что слышала раньше о призракѣ Ахилла—что онъ требуетъ себѣ въ жертву одну изъ троянокъ—и молитъ боговъ, чтобы они отвратили эту участь отъ ея дочери. Пока же она ищетъ кого-нибудь изъ своихъ вѣщихъ дѣтей—Елену или Кассандру—чтобы узнать значеніе увидѣннаго сна.

Слѣдуетъ *парод*ъ (вступительная пѣснь): плѣнницы (троянки), образующія хоръ нашей трагедіи, приходятъ къ Гекубѣ съ извѣстіемъ, которое дѣлаетъ ненужной услугу сногадателя. Ахейцы рѣшили принести Поликсену въ жертву Ахиллу; скоро явится Одиссей, чтобы вырвать ее изъ рукъ матери.

Гекуба вызываетъ *Поликсену* изъ палатки; она сообщаетъ ей услышанную вѣсть. Она потрясена—но болѣе тѣмъ, что ей нельзя будетъ облегчать своей дочерней заботой горе матери; своей жизни ей не жаль. Уже здѣсь предваряется ея героическое поведеніе въ дальнѣйшемъ. Вскорѣ затѣмъ появляется *Одиссей*.

Свое тягостное порученіе онъ хотѣлъ бы исполнить поскорѣе. Дѣло рѣшено, сопротивляться безполезно. Все же Гекуба сдается не сразу. Она напоминаетъ Одиссею, какъ онъ однажды явился развѣдчикомъ въ Трою и былъ узнанъ ею—мотивъ изъ трагедіи Софокла «Нищенство»—и какъ она его тогда пощадила; пусть же и онъ ей теперь отплатитъ благодарностью. Человѣческія жертвоприношенія вообще кощунственны; если же ихъ и допустить, то почему же непремѣнно требовать жертвой ея дочь? (Какъ видно отсюда, Гекуба и здѣсь, какъ и выше ст. 94, полагаетъ, что тѣнь Ахилла требовала вообще кого-нибудь изъ троянокъ).

Одиссей отвѣчаетъ ей возмутительно лицемѣрной рѣчью, растворяя варварское закланіе дѣвушки въ общемъ понятіи оказанія почести заслуженному соратнику; подъ конецъ у него даже желаніе Гекубы оказывается «варварскимъ», такъ какъ оно сводится къ неблагодарности по отношенію къ умершему.

Потерпѣвъ неудачу, Гекуба предлагаетъ дочери самой просить за себя. Но гордая дѣвушка отказывается: ея жизнь все равно безрадостна, не стоитъ о ней заботиться. Она и свою мать упрашиваетъ не сопротивляться ея убіенію и уходитъ съ Одиссеемъ. Гекуба въ отчаяніи бросается на землю.

Промежутокъ дѣйствія заполняется пѣснью хора (*первымъ стасимомъ*), грустно размышляющаго о предстоящей ему въ неволѣ судьбѣ.

Второе дѣйствіе начинается съ прихода *Талѳибія*, глашатая Агамемнона. Несчастное положеніе нѣкогда могущественной царицы вызываетъ въ немъ живѣйшее состраданіе; онъ пришелъ пригласить ее предать землѣ ея закланную дочь. Изъ его устъ она слышитъ разсказъ объ ея мужественной смерти, а также и о горячемъ участіи, которое она вызвала среди всѣхъ ахейцевъ. Это служитъ Гекубѣ нѣкоторымъ, хотя и слабымъ, утѣшеніемъ въ ея горѣ. Она посылаетъ прислужницу за морской водой для омовенія трупа дочери.

Слѣдуетъ новая хорическая пѣснь—*второй стасимъ*—посвященная воспоминаніямъ о плаваніи Париса въ Спарту, ставшемъ причиной всѣхъ золъ для страдалицы-Трои.

Трагедія Поликсены кончена; отправленіе прислужницы на взморье — то звено, которое соединяетъ ее съ возобновляющейся трагедіей Полидора. Она нашла его выброшенный на берегъ трупъ; съ нимъ возвращается она къ своей госпожѣ.

И здѣсь происходитъ тотъ переломъ въ душѣ Гекубы, который превращаетъ троянскую царицу въ героиню геллеспонтской легенды. Смерть Поликсены, эпизодъ въ драматургическомъ отношеніи, не была эпизодомъ въ психологическомъ смыслѣ. Надо было душѣ матери пройти по всѣмъ кругамъ страданія, вплоть до самаго безпросвѣтнаго отчаянія, для того, чтобы въ ея мракѣ загорѣлось наконецъ то багровое пламя, которымъ освѣщаются послѣднія сцены нашей трагедіи — пламя *злобы*.

До сихъ поръ насущное горе о Поликсенѣ отодвигало на задній планъ зловѣщее предчувствіе объ участи Полидора, внушенное троекратнымъ сновидѣніемъ; но вотъ принесенный прислужницей трупъ отрока превращаетъ это предчувствіе въ безнадежную дѣйствительность. Да, ея сынъ убитъ, убитъ вѣроломнымъ другомъ, которому она поручила эту свою послѣднюю надежду. Со стихійной силой просыпается ея злоба противъ него, она хочетъ ему отомстить—но какъ? Въ эту минуту къ ней является Агамемнонъ: онъ удивленъ, почему она такъ ме-

длить съ похоронами Поликсены. Его приходъ повергаетъ ее въ раздумiе... драматически оно выражается въ рѣдкомъ у греческихъ трагиковъ размышленiи «въ сторону», прерываемомъ нетерпѣливыми возгласами властителя. Она не можетъ исполнить свою месть безъ него — и вотъ она бросается къ его ногамъ: «снизойди къ моей великой просьбѣ».

Она описываетъ ему случившееся; самъ царь потрясенъ низостью преступника и горемъ страдалицы. «Приди же ты мнѣ на помощь—изъ жалости ко мнѣ, изъ справедливаго гнѣва на убiйцу...» Нѣтъ, мало: она видитъ, царь ей соболѣзнуетъ, но не настолько, чтобы ей помочь. Тогда она рѣшается на крайнее средство.

Я долженъ тутъ допустить небольшое отступленiе. Отношенiя Агамемнона къ Кассандрѣ у различныхъ поэтовъ представлены различно. Эсхилъ ихъ оставляетъ подъ сомнѣнiемъ, все же пользуясь ими какъ предметомъ мстительной ревности его жены Клитемнестры; Софоклъ ихъ устраняетъ вовсе; Еврипидъ, напротивъ, и здѣсь, и въ «Троянкахъ» ихъ выводитъ наружу. Тайны никакой нѣтъ, ни для Гекубы, ни для войска: Кассандра, троянская царевна, не только плѣнница, но и любовница военачальника. И вотъ Гекуба въ своемъ униженiи пользуется этимъ крайнимъ средствомъ: «Сжалься надо мною, если тебѣ въ чемъ-либо угодила... моя дочь».

Критики поздней древности, схолiасты Софокла (Аянтъ 520), порицаютъ Еврипида за это соображенiе: они находятъ, что царица у него стала сводницей, требующей себѣ награды за позоръ дочери. Имъ возражаютъ схолiасты даннаго мѣста, извиняя Гекубу ея горькимъ положенiемъ. Ни тѣ, ни другiе не усмотрѣли истиннаго величiя нашей сцены, достойной параллели къ незабвенной XXIV пѣсни Iлiады. Тамъ Прiамъ, движимый родительской любовью, цѣлуетъ руку убiйцы своего сына; здѣсь Гекуба, подъ гнетомъ того же чувства, цѣлуетъ руку растлителя своей дочери.

Агамемнонъ наполовину убѣжденъ; одно его смущаетъ. Нечестивый Полиместоръ заявилъ себя союзникомъ грековъ; какъ бы войско не подумало, что его вождь своей любви къ плѣнницѣ принесъ въ жертву выгоды своихъ подданныхъ. Но Гекуба его успокаиваетъ: месть совершитъ она сама съ товарками-плѣнницами, отъ него требуется только допущенiе ея. Онъ согласенъ.

Она посылаетъ свою прислужницу вѣстницей къ Полиместору: пусть онъ съ дѣтьми придетъ къ ней для тайной бесѣды,

которая для него будетъ не менѣе важна, чѣмъ для нея. Всѣ уходятъ.

Слѣдующая хорическая пѣснь—*третій стасимъ*—даетъ знаменитое своимъ реализмомъ описаніе послѣдней ночи Иліона.

Является Полиместоръ. Выслушавъ его притворное соболѣзнованіе, Гекуба повѣряетъ ему свою мнимую тайну: описаніе мѣста, въ которомъ скрыты сокровища Пріамидовъ. Но это еще не все: онѣ, т.-е. троянскія плѣнницы, тайно увезли часть сокровищъ изъ Иліона; вотъ ее-то она желаетъ передать ему, чтобы онъ сберегъ ее для Полидора. Для этого онъ долженъ войти съ ней въ палатку.

Тамъ надъ нимъ и совершается месть. Мы слышимъ изнутри его бѣшеные крики: дѣтей его убиваютъ, у него самого вырываютъ глаза. Затѣмъ двери раскрываются; выходитъ торжествующая Гекуба, выходитъ ослѣпленный Полиместоръ. На его громкій плачъ приходитъ и Агамемнонъ. Въ чемъ дѣло? Здѣсь обиженный, тамъ обидчица; военачальникъ—естественный судья. Споръ ведется въ привычной для греческой трагедіи, насъ нѣсколько расхолаживающей формѣ «агона»; Агамемнонъ рѣшаетъ его въ пользу своей плѣнницы.

Тогда отвергнутый царь превращается въ пророка; свое знаніе онъ приписываетъ откровенію ѳракійскаго Діониса. «Ты бросишься въ море», говоритъ онъ Гекубѣ, «съ мачты корабля, взойдя на ея верхушку въ образѣ огнеокой псицы». «А послѣ смерти или при жизни стану я ею?» переспрашиваетъ она. «Послѣ смерти», отвѣчаетъ Полиместоръ, «и твоей могилѣ будетъ дано твое имя—курганомъ несчастной Псицы станетъ она, вѣхой для пловцовъ». Агамемнону онъ пророчитъ смерть отъ сѣкиры жены въ кровавой купели—за что́ разгнѣванный царь велитъ его выбросить на пустынный островъ. Затѣмъ онъ предлагаетъ Гекубѣ позаботиться о похоронахъ своихъ дѣтей; трагедіи конецъ.

III.

Первое, что́ всегда бросается въ глаза ея читателямъ, это—ея *двойственность*. Она не такъ рѣзка, какъ въ «Андромахѣ»: поэтъ сумѣлъ объединить обѣ части своей трагедіи не только внѣшнимъ образомъ—общностью завязки и развязки и личностью героини—но и внутренне, психологически, какъ было развито выше. Но при всемъ томъ съ точки зрѣнія фабулы трагедія Поли-

ксены является эпизодомъ въ трагедіи Полидора, допускающимъ также и другое соединеніе. Такъ, Сенека въ своихъ «Троянкахъ», о которыхъ еще будетъ рѣчь, соединилъ его не съ исторіей Полидора, а съ исторіей Астіанакта. И если мы читаемъ у схоліаста стиха 1 нашей трагедіи слова: «касающееся Поликсены можно найти и у Софокла», то мы въ правѣ сдѣлать изъ нихъ выводъ, что и у этого поэта смерть Поликсены не была связана со смертью Полидора.

Если мы поэтому ставимъ вопросъ о предшественникахъ Еврипида въ его «Гекубѣ», то мы должны поставить его раздѣльно для обѣихъ трагедій, изъ которыхъ она состоитъ, и которыя мы ради краткости будемъ называть просто «Поликсеной» и «Полидоромъ»

Для «Поликсены» дѣло обстоитъ сравнительно просто: мы уже назвали только-что «Поликсену» Софокла. Извѣстно о ней крайне мало, какъ и вообще о потерянныхъ драмахъ Софокла; но насъ она здѣсь интересуетъ лишь постольку, поскольку путемъ сравненія съ нею могутъ быть опредѣлены внесенные Еврипидомъ новые мотивы. А если такъ, то мы обладаемъ цѣннымъ средствомъ, чтобы приблизиться къ нашей цѣли: дѣло въ томъ, что для поэта, работающаго на основаніи поэмы своего предшественника, трудно вполнѣ отвлечься отъ его вліянія, трудно не сохранить подъ новой концепціей слѣды старой, которые будутъ тускло виднѣться, какъ виднѣются слѣды смытаго шрифта въ палимпсестахъ.

На одинъ такой слѣдъ мы указали выше; это—вопросъ о содержаніи Ахиллова требованія. Оно гласитъ двояко: либо «почтите мой прахъ кровью троянки», либо «принесите мнѣ въ жертву Поликсену». Первое мы ясно читаемъ въ аріи Гекубы ст. 94; второе въ прологѣ тѣни Полидора ст. 40, затѣмъ въ отвѣтѣ Гекубѣ Одиссея ст. 389 («тѣнь Ахилла трѣбуетъ не тебя, а ее»), оно же и легче уживается съ подробнымъ описаніемъ ахейскаго совѣщанія въ анапестахъ хора ст. 107 сл. Между тѣмъ только мотивировка перваго требованія понятна при еврипидовской концепціи трагедіи; Ахиллъ требуетъ, чтобы ахейцы на прощаніе почтили его могилу, а высшимъ почетомъ представляется принесеніе въ жертву человѣка, особенно дѣвы; остается метнуть жребій между плѣнницами—ср. легенду о первой мессенской войнѣ Павс. IV—жребій палъ бы на Поликсену, и дѣло пошло бы своимъ ходомъ. Но какъ мотивировать второе требованіе на почвѣ еврипидовской концепціи? Почему

Ахиллъ требуетъ себѣ именно Поликсену? На этотъ вопросъ мы отвѣта не получаемъ.

Отсюда выводъ одинъ: первое требованіе—новшество Еврипида, второе онъ заимствовалъ у Софокла и оно осталось у него, какъ слѣдъ стараго текста въ палимпсестѣ. Конечно, это не освобождаетъ насъ отъ вопроса: а Софоклъ какъ мотивировалъ эту исключительность въ требованіи Ахилла? Такъ какъ трагедія намъ не сохранилась, то путь рѣшенія загадки одинъ: надо осмотрѣться въ прочей традиціи. Если мы въ ней мотивировку найдемъ и притомъ только одну, то ее и можно будетъ признать софокловской.

И дѣйствительно мы находимъ ее, и притомъ только одну; прежде всего въ вышеназванныхъ «Троянкахъ» Сенеки. Здѣсь Ахиллъ требуетъ себѣ именно Поликсену—другой формулировки нѣтъ—но онъ требуетъ ее, какъ свою невѣсту (ст. 195; ср. 289; 364 Pyrrhus parenti *conjugem* tradat suo; 944 campo *maritus* ut sit Elysio; 1136 сл.). А это опять таки напоминаетъ намъ любопытную традицію о любви Ахилла и Поликсены; онъ увидѣлъ ее впервые изъ засады, которую онъ устроилъ противъ ея брата Троила, онъ выговорилъ ее себѣ какъ награду за миръ, къ которому онъ склонилъ ахейцевъ, и былъ убитъ Парисомъ и Аполлономъ во время бракосочетанія съ ней. Многіе (между прочими Вейль въ своей статьѣ о «Гекубѣ» стр. 204 сл.) считаютъ эту традицію поздней; въ противоположность къ нимъ, я (Софоклъ III, 325) предположилъ, что ее зналъ уже Софоклъ. Полагаю, что приведенныя здѣсь соображенія вполнѣ подтверждаютъ эту гипотезу.

Еврипидъ устранилъ идею помолвки; соотвѣтственно съ этимъ онъ и измѣнилъ само требованіе Ахилла. Въ этомъ его первое новшество.

Второе еще важнѣе. Въ сценѣ между Гекубой, Поликсеной и Одиссеемъ первая послѣ неудачи своей просьбы предлагаетъ дочери самой просить за себя и даже указываетъ ей путь: «и у него вѣдь есть дѣти», т. е. «заклинай его жизнью Телемаха». Но Поликсена отказывается отъ этого предложенія: я согласна умереть. Въ этомъ «отклоненномъ предложеніи» мы усматриваемъ т. наз. «рудиментарный мотивъ»: у Софокла она дѣйствительно просила Одиссея за себя, просила именемъ Телемаха. И дѣйствительно представленіе *добровольно* умирающей Поликсены не встрѣчается раньше Еврипида: вся изобразительная традиція знаетъ только *насильственно* закалываемую дѣву, со связанными руками, или схваченную ратниками. Са-

моотверженіе Поликсены—такое же новшество Еврипида, какъ и самоотверженіе Ифигеніи въ «Ифигеніи Авлидской».

Въ другихъ отношеніяхъ могло и не быть особыхъ измѣненій; уже названныхъ достаточно, чтобы придать прелесть новизны еврипидовской обработкѣ софокловской «Поликсены». Гораздо труднѣе вопросъ о «Полидорѣ».

Дѣйствительно, кто первый обработалъ геллеспонтскую легенду? Кое-кто думаетъ, что именно Еврипидъ, но Вейль въ указанной статьѣ (стр. 207) справедливо замѣчаетъ, что Еврипидъ, называя свою героиню дочерью Киссея, не указываетъ мотивовъ этого измѣненія гомеровской традиціи (см. выше) и даже не называетъ родины Киссея. «Это заставляетъ насъ думать», говоритъ онъ, «что другой поэтъ выдумалъ (вѣрнѣе: впервые обработалъ) миѳъ о Полидорѣ и мотивировалъ тѣ новыя частности, смысла которыхъ мы теперь уже не видимъ».

Къ этому соображенію Вейля я имѣю еще прибавить нѣкоторыя отъ себя.

Прежде всего, укажу на удвоеніе появленія тѣни Полидора: она появляется и Гекубѣ, и передъ зрителями. Послѣднее въ соотвѣтствіи съ манерой Еврипида; его предшественники, любившіе драматическіе прологи, ограничились бы первымъ, т. е. они дали бы такую сцену: Гекуба покоится передъ нами на землѣ, у ея головы появляется тѣнь Полидора и разсказываетъ ей про себя, затѣмъ она исчезаетъ и Гекуба просыпается.

И дѣйствительно, такую сцену мы имѣемъ, но только въ трагедіи болѣе поздняго поэта, въ знаменитой нѣкогда «Иліонѣ» Пакувія. Ея содержаніе намъ извѣстно благодаря Гигину (fab. 109) и нѣсколькимъ сохранившимся отрывкамъ, собраннымъ Риббекомъ (Tragicorum Romanorum fragmenta изд. III стр. 114 сл.) и объясненнымъ имъ же (die römische Tragödie 232 сл.). Дѣйствіе здѣсь много замысловатѣе, чѣмъ въ «Гекубѣ», и именно эта замысловатость заставляетъ думать, что оригиналомъ была піеса позднѣйшаго трагика въ родѣ Астидаманта.

Иліона была старшая дочь Пріама и Гекубы (неизвѣстная, къ слову сказать, ни Гомеру, ни классической греческой поэзіи до Еврипида включительно). Она была выдана за еракійскаго царя Полиместора (усугубленіе еврипидовскаго мотива, согласно которому онъ былъ только кунакомъ троянскаго царя). Когда Парисъ привезъ Елену, Пріамъ съ Гекубой постановили удалить изъ Трои своего младенца-сына Полидора (вѣроятно, подъ вліяніемъ пророчества Кассандры, предсказавшей царскому роду гибель отъ этого брака). Они дали его пи-

томцемъ, съ крупной суммой золота, Полиместорy и Иліонѣ; а такъ какъ у тѣхъ тогда какъ-разъ родился собственный сынъ Деипилъ, то Иліона перемѣнила имена обоихъ младенцевъ, желая во всякомъ случаѣ, даже, если бы одинъ погибъ, обезпечить наслѣдника дому Пріама. Такъ они и выросли вмѣстѣ—конечно, кромѣ Иліоны никто этой тайны не зналъ.

Наступили послѣднія времена Трои. Агамемнонъ, не желая, чтобы кто-либо уцѣлѣлъ изъ рода Пріама, предлагаетъ Полиместорy много золота и свою дочь Электру въ жены, если онъ убьетъ Полидора. Жадный царь соблазнился обѣщаніемъ и убилъ мнимаго Полидора—на дѣлѣ же собственнаго сына Деипила.

Здѣсь—начало трагедіи Пакувія. Иліона спитъ; во снѣ ей является скорбящая тѣнь ея непогребеннаго сына и произноситъ славную въ римскомъ театрѣ жалобу:

Тебя молю, родная: ты заботы утоляешь сномъ,
Меня же не жалѣешь ты: воспрянь и сына упокой,
Пока лѣсного звѣря пасть и хищной птицы клювъ его
Не растерзали: о, не дай, чтобъ кости обнажила плоть,
И прѣлой крови черный гной святую землю осквернилъ...

Испуганная сновидѣніемъ Иліона просыпается; ей кажется, что тѣнь еще при ней, она говоритъ ей:

Постой, промедли: разъ еще свою судьбу мнѣ разскажи!

Но тѣнь исчезла, оставивъ Иліону въ одинокой борьбѣ съ окружившими ее ужасами. Тогда къ ней приходитъ второй юноша, мнимый Деипилъ, а собственно Полидоръ, троянскій царевичъ. Онъ былъ въ Дельфахъ (почему, неизвѣстно), и тамъ оракулъ ему сказалъ, что его отецъ убитъ, мать въ плѣну, а родной городъ сожженъ. Считая себя сыномъ Полиместора и Иліоны, онъ поспѣшилъ къ нимъ и теперь обрадованъ, найдя ихъ въ добромъ здоровьи; но ему непонятно, почему оракулъ его обманулъ. Тогда Иліона открываетъ ему тайну его происхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ его помощи въ дѣлѣ мести противъ Полиместора. Онъ согласенъ; пользуясь его помощью, она ослѣпляетъ Полиместора—конечно, сказавъ ему раньше, что онъ убилъ собственнаго сына.

Послѣднія сцены происходятъ, повидимому, въ присутствіи Агамемнона и ахейскихъ вождей. Иліона, исполнивъ дѣло мести, падаетъ отъ собственной руки. Полиместоръ, вѣроятно, остается жить—ослѣпленіе не имѣло бы смысла, еслибы оно сопровождалось смертью; сравненіе отр. XVII со стихами «Гекубы» 1275 сл.

даетъ право заключить, что онъ пророчитъ Агамемнону и Кассандрѣ ожидающую ихъ гибель; о судьбѣ Полидора никакія догадки невозможны.

Эта эффектная трагедія представляется намъ развитіемъ и осложненіемъ нашей «Гекубы», но, конечно, ничто не мѣшало ея автору использовать и болѣе древніе мотивы. Такимъ является сновидѣніе Иліоны, находящее себѣ параллель въ сновидѣніи Евменидъ у Эсхила; сближая его съ указаннымъ мѣстомъ изъ Гекубы (ст. 30), т. е. съ удвоеніемъ появленія тѣни Полидора, мы приходимъ къ заключенію, что въ трагедіи-предшественницѣ этого удвоенія не было, и тѣнь Полидора въ драматическомъ прологѣ появлялась непосредственно и исключительно спящей матери Гекубѣ.

Второй моментъ—*убійство Полидора*. У Еврипида Полиместоръ его убиваетъ, затѣмъ бросаетъ въ море, а затѣмъ уже волна прибиваетъ его обратно къ тому же берегу. Это «обратно» возбуждаетъ наше подозрѣніе—особенно, если спросить себя, чего ради собственно ахейцы пожаловали къ ѳракійцамъ, гдѣ имъ дѣлать было нечего. Не представляла ли трагедія-предшественница театромъ дѣйствія *троянскій* берегъ? Тогда указанный мотивъ понятенъ: Полиместоръ бросилъ тѣло Полидора въ море, сильнымъ востоко-западнымъ теченіемъ Геллеспонта его отнесло къ троянскому берегу, гдѣ его нашла Гекуба. И дѣйствительно, это предположеніе можно подтвердить еще двумя соображеніями.

Во-первыхъ—это будетъ уже *третій* моментъ—обстановкой, при которой происходитъ *ослѣпленіе Полиместора*. И здѣсь мы встрѣчаемъ знакомое намъ уже удвоеніе: Гекуба заманиваетъ тирана въ роковую сѣть 1) обѣщаніемъ открыть ему троянскій тайникъ и 2) обѣщаніемъ передать ему захваченныя троянками драгоцѣнности. Изъ этихъ двухъ мотивовъ первый очень убѣдителенъ, но не дѣйствителенъ; онъ ни на шагъ не приближаетъ Гекубу къ задуманной цѣли, такъ какъ для того, чтобы узнать отъ Гекубы мѣстоположеніе тайника, ему нѣтъ надобности идти къ ней въ роковую палатку. Второй мотивъ, наоборотъ, дѣйствителенъ—именно онъ и ведетъ къ ослѣпленію царя—но зато совершенно не убѣдителенъ: какія у троянскихъ плѣнницъ могутъ оказаться драгоцѣнности? Поэтъ, очевидно, чувствовалъ неубѣдительность этого мотива и поэтому подготовилъ его ст. 615 сл., гдѣ героиня, еще не зная объ участи Полидора и озабоченная похоронами Поликсены, говоритъ: «соберу и украшенія для нея отъ плѣнницъ—не имѣетъ ли кто какую-нибудь драгоцѣнность, взятую ею изъ собственнаго дома и скрытую

отъ нынѣшнихъ господъ». Мы заключаемъ: въ трагедіи-предшественницѣ, въ которой сцена была у развалинъ Трои, дѣйствительнымъ былъ только *первый* мотивъ: Гекуба заманивала Полиместора обѣщаніемъ *показать*, а не описать, ему троянскій тайникъ и, уведши его подъ этимъ предлогомъ со сцены, при помощи плѣнницъ ослѣпила его. Прибавлю, что только при этомъ предположеніи объясняется и присутствіе *дѣтей* Полиместора. Въ нашей трагедіи совершенно непонятно, почему Полиместоръ ихъ беретъ съ собой; онъ очень резонно спрашиваетъ объ этомъ Гекубу въ ст. 1005; ея же отвѣтъ «для того, чтобы они знали о тайнѣ, если ты умрешь» насъ совсѣмъ не удовлетворяетъ; онъ могъ отвѣтить ей: «для этого нечего ихъ брать съ собой—я и самъ могу имъ о тайнѣ разсказать, если захочу». Другое дѣло, если Гекуба собирается показать Полиместору наглядно и воочію мѣсто нахожденія мнимыхъ сокровищъ: тутъ дѣйствительно нужны глаза. И вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, почему Полиместоръ беретъ съ собой только своихъ дѣтей, оставляя на сценѣ тѣлохранителей.

Тутъ мнѣ, однако, могутъ возразить слѣдующее: Гекуба 1) ослѣпляетъ Полиместора и 2) убиваетъ его дѣтей; нѣтъ ли и тутъ того же удвоенія? Отвѣчу: очень возможно. Но и въ этомъ случаѣ придется признать мотивъ дѣтей исконнымъ, а мотивъ ослѣпленія производнымъ. Логика возмездія покоится на talio: какъ Полиместоръ сдѣлалъ Гекубу бездѣтной, такъ и онъ долженъ стать бездѣтнымъ черезъ нее. Я поэтому скорѣе склоненъ допустить, что эффектный, но не логичный мотивъ ослѣпленія прибавленъ Еврипидомъ ради аріи ст. 1856 сл.

И, наконецъ, второе (счетомъ *четвертое*) соображеніе—это *превращеніе Гекубы*. Долженъ сказать—оно у Еврипида страдаетъ крайней запутанностью. Героинѣ предсказывается, что она съ верхушки мачты бросится въ море. Мы удивлены: старуха, едва двигающаяся съ помощью посоха (ст. 65), точно юнга, полѣзетъ на мачту! Сама она въ удивленіи переспрашиваетъ: «крылья у меня выростутъ на спинѣ или какъ это совершится?» Ей слѣпецъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, ты станешь огнеокой псицей». Значитъ, въ образѣ собаки она полѣзетъ на мачту—иначе понять этихъ словъ нельзя, да и схоліасты ихъ поняли именно такъ. Собственно собакамъ не дано лазить по деревьямъ, но пусть это будетъ чудесная собака. Что значитъ дальнѣйшій вопросъ Гекубы: «а мертвая или живая измѣню я сюда свою жизнь?» и особенно отвѣтъ Полиместора: «мертвая, и твой курганъ унаслѣдуетъ твое имя»?

Подождемъ смѣяться; читатель увидитъ, что дѣло выяснится вполнѣ удовлетворительно. Для этого приведемъ параллель изъ *Овидія*, разсказывающаго въ своемъ крупномъ эпосѣ также о превращеніи Гекубы (Превр. XIII, 554 сл.). Его зависимость отъ Еврипида доказывается помимо частностей тѣмъ, что и онъ соединяетъ смерть Поликсены со смертью Полидора, перенося также и первую на ѳракійское побережье; узнавъ убитаго сына, героиня требуетъ тайной бесѣды съ убійцей, и тотъ ей говоритъ:

„Молви скорѣе, Гекуба; тотъ даръ, передай его сыну.
Все, что даришь ему нынѣ, какъ то, что довѣрила раньше,
Я сохраню ему свято: въ свидѣтели Зевса зову я".
Смотритъ въ упоръ на злодѣя она—наливается злобой
Сердце—и вдругъ созываетъ невольницъ изъ павшаго града,
Ногти царю-лиходѣю вонзивъ въ вѣроломныя очи.
Силы ей гнѣвъ придаетъ; родники уже вытекли свѣта—
Все жъ не отходитъ она, обагренная кровью злодѣя,
И не глаза—ихъ ужъ нѣтъ—а пустыя ихъ ямы терзаетъ.
Тутъ одрисійскій народъ, разъяренный расправой съ тираномъ,
Съ градомъ и стрѣлъ и камней на троянку напалъ. А троянка
Въ камень, ее поразившій, съ рычаніемъ хриплымъ вцѣпилась,
Рѣчью отвѣтить хотѣла—изъ пасти лишь лай раздавался.
Мѣсто понынѣ хранитъ въ своемъ имени память о дѣлѣ.

Вотъ это послѣдовательно. Въ самый моментъ проявленія злобы происходитъ превращеніе; изступленную забрасываютъ камнями — такъ и произошелъ «курганъ Псицы». Ни о какомъ прыжкѣ въ море съ корабля не говорится.

Кому же понадобился этотъ прыжокъ въ море? Отвѣчу: тому же, кому понадобилось бросить въ море также и трупъ Полидора—*тому, кто представлялъ себѣ мѣстомъ дѣйствія не ѳракійскій, а троянскій берегъ*. Если расправа съ Полиместоромъ и превращеніе Гекубы происходили въ Троѣ, а «курганъ Псицы» находился на ѳракійскомъ берегу Геллеспонта, то необходимо было допустить, что превращенная достигла его вплавь. Брошенный въ море Полидоръ и бросившаяся въ море Гекуба—вполнѣ параллельны другъ другу; только Полидоръ, мертвый, долженъ былъ поплыть по теченію. Гекуба, живая, поплыла противъ него.

Еще одну параллель хочу я привести для выясненія одной подробности превращенія, а заодно и всего еврипидовскаго разсказа о немъ. Въ жизнеописаніи Аполлонія Тіанскаго (IV, 10) Филостратъ разсказываетъ, что его герой прекратилъ въ Ефесѣ чуму. Онъ созвалъ жителей въ театръ и, увидѣвъ подслѣповатаго нищаго старика, велѣлъ имъ забросать его камнями. Тѣ нехотя повиновались. Какъ только въ нищаго попалъ первый камень, онъ

открылъ глаза и *сверкнулъ изъ нихъ огнемъ*. Тутъ ефесцы поняли, что имѣютъ дѣло съ демономъ; камня полетѣли градомъ и надъ старикомъ образовался цѣлый холмъ. Черезъ нѣкоторое время Аполлоній велѣлъ имъ разрыть этотъ холмъ, и тогда на мѣстѣ старика оказался «песъ по виду вродѣ молосскихъ, величиною же съ самаго крупнаго льва, помятый камнями и съ пѣной вокругъ пасти, точно бѣшеный».

Думаю, что этотъ ефесскій «курганъ Пса» объясняетъ намъ одну частность, касающуюся геллеспонтскаго «кургана Псицы». Вспомнимъ, что у Еврипида ст. 1265 Полиместоръ пророчитъ Гекубѣ, что она станетъ «псицею объ огненномъ взорѣ» (pyrs' echusa dergmata); теперь мы поймемъ, что это не простой эпитетъ, что Гекубѣ предстоитъ превращеніе именно въ чудовищную собаку, такъ же, какъ и ефесскому колдуну. Всю сцену мы представляемъ себѣ такъ.

Подъ предлогомъ показать ему троянскій тайникъ, Гекуба увела Полиместора со сцены, отдѣливъ его отъ его свиты. Вскорѣ затѣмъ слышатся крики царя: Гекуба и троянки убиваютъ его дѣтей, ослѣпляютъ (быть можетъ) и его самого. Свита бросается къ ней, въ нее летятъ камни. Гекуба, пораженная, падаетъ, но на ея мѣстѣ появляется чудовищная собака съ пылающими глазами. Спасаясь отъ погони, она бѣжитъ къ морю; тѣ за ней. Она на корабль, тѣ и туда. Она на мачту—на то она чудовище—оттуда въ море. Тѣ за ней, настигаютъ ее у ѳракійскаго побережья и хоронятъ подъ грудой камней; такъ возникаетъ «Курганъ Псицы». Конечно, въ драмѣ все это было содержаніемъ отчасти разсказа вѣстника, отчасти пророчества—Кассандры или Елена.

Таково возстановленіе трагедіи-предшественницы еврипидовской «Гекубы»; всѣ затрудненія, представляемыя миѳопеей этой послѣдней, разрѣшаются при условіи, что въ той дѣйствіе происходило не на ѳракійскомъ, а на троянскомъ берегу. Но кто же, можно спросить, былъ авторомъ этой трагедіи-предшественницы?

Этотъ вопросъ сводится къ другому: кто первый обработалъ геллеспонтскую легенду о «курганѣ Псицы». Я думаю, мы можемъ позволить себѣ догадку въ этомъ направленіи, опираясь на слѣдующую комбинацію.

«Курганъ Псицы» вошелъ въ аѳинскій кругозоръ съ учрежденіемъ въ Херсонесѣ ѳракійскаго царства Филаидовъ въ 561 г., послѣдній властитель котораго, великій Мильтіадъ, долженъ былъ оставить его на произволъ персовъ въ 493 г. Послѣ саламинской

побѣды открылась аѳинянамъ возможность добыть Херсонесъ обратно; но персы въ немъ прочно засѣли, и только въ 476 г. удалось сыну Мильтіада, Кимону, добыть Сестъ, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и прочій Херсонесъ; съ 459 г. онъ опять принадлежитъ Аѳинамъ. Къ тому времени херсонесскія легенды должны были получить особый интересъ для аѳинянъ; ея поэта естественнѣе всего будетъ искать въ кругу Кимона. Съ 468 г. въ немъ состоялъ Софоклъ; но изъ его трагедій ни одна не можетъ быть съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ сюда отнесена, а вышеприведенная схолія на ст. 1 «Гекубы» вообще не благопріятствуетъ предположенію, чтобы Софоклъ былъ въ трагедіи Полидора предшественникомъ Еврипида. А такъ какъ мало вѣроятно, чтобы имъ былъ незначительный трагикъ, то можно будетъ, впредь до лучшей догадки, остановиться на Эсхилѣ. Среди его недошедшихъ до насъ драмъ, напр. «Неводщики» (Diktyulkoi) могли бы быть привлечены, разъ завязкой было нахожденіе брошеннаго въ море трупа Полидора.

Все это очень шатко; пусть. Главное для меня было установить, что Еврипидъ имѣлъ предшественника въ обработкѣ миѳа о Полидорѣ, а равно и указать, въ какихъ чертахъ его трагедія отличалась отъ той, которую намъ оставилъ онъ самъ.

А затѣмъ еще одно послѣднее слово о самой легендѣ. Поистинѣ удивителенъ ея консерватизмъ. «Курганъ Псицы» хранилъ память о страшной спутницѣ страшной Гекаты; Геката же, какъ мы видѣли, была первоначально тожественна съ троянской царицей Гекабой-Гекубой. И вотъ должна была возникнуть легенда о превращеніи этой Гекубы въ псицу, но и тутъ не было забыто, что эта псица—не обыкновенная собака, въ ея образѣ были оставлены тѣ чудовищныя черты, которыя были приличны звѣрю-спутнику царицы тѣней. Таковой осталась въ фантазіи грековъ эта «вѣха для пловцовъ» — нѣмой стражъ Геллеспонта, внушительное предостереженіе смѣльчакамъ, желавшимъ промѣнять привѣтливую лазурь Архипелага на бурную пучину Понта.

Ѳ. Зѣлинскій.

ВЪ ЛѢСУ.

Лѣсъ зеленый и косматый,
Точно лѣшій, тихо стонетъ...
Зорька мутью лиловатой
Замерла на небосклонѣ.

Не найти родной тропинки—
Затерялась въ пышныхъ травахъ...
Росъ вечернія слезинки
На кустахъ блестятъ кудрявыхъ.

Вьются тѣни кружевныя,
Съ вѣтромъ бродятъ ароматы...
Гаснутъ зори золотыя
Въ небосклонѣ лиловатомъ.

П. Орѣшинъ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ФОНЪ-МЮЛЛЕРЪ.

Разсказъ.

I.

Послѣ мирной жизни города съ его чистыми, аккуратными широкими улицами, яркоосвѣщенными витринами магазиновъ и окнами домовъ, звуками симфоническаго оркестра въ паркѣ, громкаго разговора и смѣха нарядной толпы, заполняющей аллеи и балконы ресторана—необычайно странными и жуткими казались теперь Еленѣ Николаевнѣ темная степь, царящая кругомъ тишина, нависшее, покрытое тучами, небо...

Точно сонъ какой-то, страшный, кошмарный сонъ...

Часто она пріостанавливалась и напряженно прислушивалась. Если вдали на дорогѣ слышались голоса или какой-нибудь шумъ—тревога охватывала ея душу и ей мерещились грубыя, дышащія злобой лица нѣмецкихъ солдатъ...

Она чувствовала себя сильно утомленной и продрогшей, и когда передъ ея глазами гдѣ-нибудь среди мрака загорался огонекъ, ей съ болѣзненной яркостью мерещилось тепло, сытость и уютъ. Она вспоминала недавніе ужины въ хорошихъ ресторанахъ, хорошо воспитанное общество подобныхъ себѣ людей, интересныя бесѣды... Съ особенною яркостью вспоминала она молодого приватъ-доцента Гейдельбергскаго университета фонъ-Мюллера, съ которымъ провела столько пріятныхъ и хорошихъ часовъ. Какъ жаль, что въ минуты ея глубокой растерянности его не было въ городѣ. Онъ навѣрное чѣмъ-нибудь помогъ бы

ей и облегчилъ бы ея положеніе. Вѣдь всегда онъ такъ внимательно и предупредительно относился къ ней.

Ихъ общіе знакомые даже говорили о томъ, что онъ влюбленъ въ нее и хочетъ сдѣлать ей предложеніе...

Какъ странно теперь, во время бѣгства, среди глубокой, холодной осенней ночи вспоминать все это. Точно была сказка и исчезла... Впрочемъ, почему сказка? Вѣдь вся жизнь ея проходила болѣе или менѣе спокойно, хорошо и красиво. Нѣтъ, то была не сказка, а дѣйствительность, а вотъ теперь наступила сказка... только злая, черная сказка...

Она вспомнила ту бѣшеную злобу, которую проявили къ ней жители чистаго и аккуратнаго городка, когда узнали о началѣ войны... Вспомнила хозяйку пансіона, въ которомъ она жила, слугъ, уличную чернь...

Вспомнила безобразныя сцены надругательства надъ русскими на улицахъ и на вокзалѣ. Вспомнила, какъ ее никто не хотѣлъ пускать въ гостиницу, и какъ она, уставшая, измученная, полуголодная, провела ночь подъ открытымъ небомъ...

Вспомнила потомъ, какъ, охваченная отчаяніемъ и страхомъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими соотечественниками сидѣла въ душномъ, тѣсномъ вагонѣ, мчась по направленію русской границы... Казалось, спасеніе уже близко, и черезъ нѣсколько часовъ всѣ они будутъ въ Россіи. Но случилось иначе. Вечеромъ на одной изъ маленькихъ станцій къ нимъ въ вагонъ явился кондукторъ и заявилъ, что поѣздъ дальше не пойдетъ. Потомъ грубо велѣлъ всѣмъ выходить изъ вагона...

Нѣсколько минутъ спустя поѣздъ отвели на запасной путь, и передъ глазами пассажировъ открылась широкая степь съ мерцающими кое-гдѣ огоньками...

И вдругъ Еленѣ Николаевнѣ съ необыкновенной ясностью представилась уже близкая Россія. Тамъ тоже такія же широкія степи, съ такими же, тускло мигающими вдали огоньками. Вдохнула полной грудью свѣжій, прохладный воздухъ, посмотрѣла на зажигающіяся кое-гдѣ въ тускнѣющемъ небѣ звѣзды. Тамъ, тоже такой же свѣжій осенній воздухъ, такъ же точно зажигаются теперь въ потемнѣвшемъ небѣ первыя звѣзды...

Оглядѣла небольшое зданіе вокзала, станціонныя постройки, огни семафоровъ и стрѣлокъ, и вдругъ станція показалась ей знакомой.

Немного погодя, узнавъ названіе станціи, она вспомнила, что, когда ѣхала въ Германію, то на этой самой станціи покупала

фрукты и долго любовалась красивыми окрестностями, напомнившими ей и тогда Россію. Вспомнила, что эта станція была верстахъ въ двадцати-тридцати отъ границы...

Сердце ея больно, больно сжалось. Вотъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ Россія, а она не можетъ до нея добраться... И вдругъ быстрая и острая мысль прорѣзала ея мозгъ. А что, если попытаться пройти это разстояніе пѣшкомъ? Вѣдь она привыкла много ходить и можетъ при напряженіи силъ пройти все это разстояніе за ночь...

И жутко и радостно стало на сердцѣ... И близко-близко представились русскіе поселки, деревни, лѣса, огороды, сады. Представились добродушныя лица крестьянъ, доброжелательное отношеніе повсюду, такъ хорошо знакомый, родной языкъ...

Но немного погодя тревога и безпокойство охватили ее. Вѣдь теперь здѣсь кругомъ непріятельскія войска, разъѣзды, заставы... Что, если ее схватятъ въ пути? Но потомъ она стала думать о томъ, что она вѣдь не шпіонка, а мирная русская курсистка, что она объяснитъ, что поѣздъ, съ которымъ она ѣхала въ Россію, задержался на близкой къ границѣ станціи, и что она рѣшила итти пѣшкомъ. Покажетъ свои документы, разскажетъ все искренне и подробно. Самое худшее, что они могутъ съ ней сдѣлать, это временно арестовать ее, т. е. лишить ее возможности добраться до родины, но это вѣдь съ нею уже случилось... Конечно, кромѣ этого она подвергается возможности нападенія грабителей, всякимъ неожиданностямъ—но вѣдь всему этому она подвергается уже съ того самаго дня, какъ была объявлена война между Россіей и Германіей. Развѣ не рисковала она своей жизнью и здоровьемъ въ пансіонѣ и въ дорогѣ. Зато, какая награда въ случаѣ благополучнаго окончанія пути ждетъ ее.

Вспомнила мать, отца, братьевъ, сестеръ, близкихъ, знакомыхъ. Вспомнила такъ хорошо знакомыя милыя улицы родного города...

Долго смотрѣла вдаль, въ сторону Россіи, и постепенно рѣшимость все сильнѣе и сильнѣе охватывала ея душу... Пусть будетъ, что будетъ, но она пойдетъ къ границѣ. Нѣтъ силъ больше томиться неизвѣстностью во вражеской странѣ. Все равно, здѣсь она также рискуетъ, какъ и въ дорогѣ. Защиты нѣтъ. И лучше итти по пустынному полю или лѣсу, чѣмъ находиться здѣсь, среди злобно настроенныхъ нѣмцевъ...

II.

Еленѣ Николаевнѣ не посчастливилось въ пути. На разсвѣтѣ она встрѣтилась съ нѣмецкимъ разъѣздомъ, которымъ и была захвачена въ плѣнъ, какъ «подозрительная личность».

Когда ее вели назадъ въ ближайшую деревушку, отчаяніе царило въ ея душѣ. Всю ночь надежда на близкое спасеніе бодрила ее. Ей уже мерещилась русская граница, русскіе солдаты, русскія деревни, села, города... Минутъ черезъ двадцать ее привели въ небольшое нѣмецкое селеніе. Около красиваго, чистенькаго домика отрядъ остановился, и одинъ изъ солдатъ вошелъ въ домикъ. Немного погодя онъ возвратился и велѣлъ Еленѣ Николаевнѣ итти за нимъ. Елена Николаевна вошла въ небольшую комнату, въ которой спиной къ ней за круглымъ столомъ сидѣлъ нѣмецкій офицеръ и что-то писалъ.

Нѣкоторое время онъ не оглядывался назадъ, продолжая писать, и Елена Николаевна видѣла только его коротко остриженный, щетинистый затылокъ и полную загорѣлую шею. Немного погодя онъ чуть повернулъ вбокъ голову, и тогда Елена Николаевна увидѣла профиль молодого, энергичнаго лица... И вдругъ это лицо показалось ей знакомымъ... «Гдѣ я видѣла этотъ профиль?»—пронеслось у нея въ головѣ.

Еще минуты двѣ что-то писалъ нѣмецкій лейтенантъ, потомъ медленнымъ и спокойнымъ движеніемъ снялъ пенснэ, положилъ его передъ собой на столъ и повернулъ назадъ голову.

Елена Николаевна чуть не вскрикнула отъ удивленія и радости. Передъ ней сидѣлъ одѣтый въ кавалерійскій мундиръ приватъ-доцентъ фонъ-Мюллеръ...

Онъ тоже сразу узналъ Елену Николаевну. И тоже радость и изумленіе выразились на его лицѣ.

— Какими судьбами? — спросилъ онъ, поднимаясь и протягивая ей руку. Потомъ онъ придвинулъ ей свое кресло и, остановившись напротивъ нея, по-прежнему смотря на нее удивленными и радостными глазами, сталъ разспрашивать у нея, при какихъ обстоятельствахъ ее захватилъ разъѣздъ и вообще какъ попала она въ расположеніе ихъ войска.

Елена Николаевна разсказала ему, какъ на ближайшей станціи задержали ихъ поѣздъ и какъ она пѣшкомъ рѣшила пробраться на русскую границу.

— Однако, храбрая вы,—сказалъ онъ, чуть усмѣхнувшись, и покачалъ головой. Она смотрѣла на его молодое, нравящееся ей лицо, вспоминала прогулки съ нимъ въ чистенькомъ и аккуратномъ нѣмецкомъ городкѣ, катаніе въ лодкѣ по красивому чистому озеру, посѣщеніе симфоническихъ концертовъ въ паркѣ— и ей вдругъ стало казаться, что нѣтъ никакой войны, что все по-прежнему кругомъ. Вотъ онъ, милый, вѣжливый приватъ-доцентъ фонъ-Мюллеръ, сидитъ напротивъ нея и ведетъ съ ней тихую и мирную бесѣду. Вотъ небо, ясное, голубое, виднѣется въ окнѣ, чистенькая, обсаженная зелеными деревьями улица уходитъ вдаль. Но вдругъ она замѣтила стоящаго у дверей приведшаго ее солдата... И тогда сразу ей вспомнилась тяжелая, полная волненія ночь, туманный разсвѣтъ, группа плотныхъ рослыхъ всадниковъ... Вспомнились ихъ грубые окрики, свой испугъ и стыдъ...

И тогда необыкновенно больно стало у нея на сердцѣ. Зачѣмъ все это? Откуда налетѣло это грозное, грубое, неудержимое? Зачѣмъ фонъ-Мюллеръ въ военномъ мундирѣ? Зачѣмъ этотъ вооруженный солдатъ у двери, зачѣмъ столько смертей, столько крови кругомъ?

Нервы ея упали, и ей захотѣлось заплакать... фонъ-Мюллеръ замѣтилъ ея волненіе и спросилъ:

— Вы, вѣрно, очень устали. Можетъ быть, вы хотите отдохнуть?

— Ахъ, нѣтъ,—сказала она,—я хочу поскорѣе въ Россію. Я готова не спать еще нѣсколько ночей, лишь бы только добраться до Россіи...

Тогда онъ вдругъ нахмурился. Нѣсколько мгновеній молчалъ, какъ бы что-то обдумывая, потомъ спросилъ:

— Развѣ въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи?

— Для меня лучше,— сказала она.

Онъ опять помолчалъ немного, потомъ, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Васъ еще подстрѣлятъ на русской границѣ ваши же солдаты...

— Они не будутъ стрѣлять въ женщину.

Онъ пожалъ плечами и какимъ-то страннымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Война такая вещь, что ни за что и ни за кого поручиться нельзя...

Потомъ сталъ совѣтовать ей переждать войну въ Германіи.

— У васъ въ Россіи опасно,—добавилъ онъ,—начинается революція... возстанія... У насъ же тихо и спокойно. Я устрою васъ у своихъ родныхъ, здѣсь недалеко, и вамъ тамъ будетъ хорошо и безопасно...

Немного погодя, посмотрѣвъ ей прямо въ лицо, онъ съ улыбкой добавилъ:

— Можетъ быть, меня тоже назначатъ туда, и мы опять будемъ гулять съ вами, кататься въ лодкѣ, слушать симфоническій оркестръ...

— Ахъ, это было хорошее время,—сказала она, вздохнувъ,—но зато потомъ сколько я натерпѣлась. Меня не хотѣли никуда пускать, всѣ были такъ грубы со мною...

Онъ опять пожалъ плечами...

— На войнѣ, какъ на войнѣ...—И потомъ добавилъ: ну, да ничего, за то вы теперь отдохнете...

Внимательными глазами оглядѣлъ ея лицо и ея фигуру...

— Вы похудѣли даже...

— Я ужасно измучилась...

— Можетъ быть, вы хотите что-нибудь выпить, закусить?

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она,—я хочу только поскорѣе въ Россію...

— А вамъ не жалко разстаться со мною?—спросилъ онъ вдругъ, чуть усмѣхнувшись.—Вѣдь, можетъ быть, мы никогда больше съ вами не увидимся.

— Пріѣзжайте послѣ войны въ Россію, такъ и увидимся...

— Я пріѣду туда не послѣ войны, а во время войны,—сказалъ онъ самоувѣренно.

Ей не понравился его тонъ, и она довольно холодно отвѣтила:

— Ну, вотъ, видите. Значитъ, тѣмъ болѣе вы должны отпустить меня теперь.

Нѣсколько мгновеній онъ молчалъ, потомъ проговорилъ:

— Вамъ въ Россіи будетъ хуже...

Тогда она уже раздраженно сказала:

— Во всякомъ случаѣ, въ Россіи меня не будутъ такъ мучить и преслѣдовать, какъ въ Германіи...

— Ничего неизвѣстно,—холодно проговорилъ онъ и, не глядя на нее, сталъ ходить по комнатѣ, гремя саблей.

Нѣсколько мгновеній они молчали. Она смотрѣла на его нахмурившееся лицо, лейтенантскій мундиръ, высокіе ботфорты, металлическую саблю, вспоминала сказанныя только-что имъ

фразы—и вдругъ ей стало казаться, что передъ ней ходитъ не вѣжливый и корректный фонъ-Мюллеръ, а кто-то другой, далекій отъ нея, непріятный, грубый и жестокій...

Немного погодя фонъ-Мюллеръ остановился, къ чему-то прислушиваясь. Потомъ сказалъ:

— Вотъ вы все стремитесь итти, а на границѣ стрѣляютъ и, вѣроятно, идетъ бой...

Она прислушалась. Дѣйствительно, далеко, далеко слышалась орудійная стрѣльба...

Фонъ-Мюллеръ вдругъ близко подошелъ къ ней и, нагнувшись къ ея лицу, тихо и ласково прошепталъ:—Право, останьтесь на время войны въ Германіи. Вы будете жить въ тихомъ, уютномъ городкѣ, и я буду пріѣзжать къ вамъ, мы будемъ кататься въ лодкѣ, гулять... Останьтесь...

Онъ взялъ ея руку и пожалъ ее...

Она подняла на него глаза, и вдругъ лицо его показалось ей прежнимъ, милымъ и симпатичнымъ. И снова ей вспомнились прогулки съ нимъ на озерѣ и по горамъ, ужины въ паркѣ, звуки симфоническаго оркестра... И на мгновеніе захотѣлось остаться. Можетъ быть, и правда, тамъ, гдѣ онъ ее поселитъ, будетъ тихо и спокойно... Но это было только одно мгновеніе. Жажда своего дома, своей родины, свиданія съ родными и близкими съ необыкновенной силой снова охватила ее... До боли стосковалась она за послѣдніе дни по всему этому... И, освободивъ свою руку, она тихо сказала:

— Нѣтъ, не могу остаться. Домой хочется, въ Россію, къ своимъ...

Тогда лицо его снова сдѣлалось хмурымъ и жесткимъ. Пожавъ плечами, онъ холодно проговорилъ:

— Однако, вы мало цѣните вниманіе къ себѣ...

Отошелъ къ столу и сталъ рыться между лежащими на немъ бумагами. Потомъ надѣлъ на голову каску и, не глядя на молодую дѣвушку, вышелъ изъ комнаты...

Черезъ нѣсколько мгновеній въ комнату вошелъ солдатъ и, насмѣшливымъ и вызывающимъ взглядомъ посмотрѣвъ на Елену Николаевну, усѣлся въ углу на стулъ. Немного погодя сталъ напѣвать какую-то нѣмецкую военную пѣсенку...

III.

Всегда сдержанный и уравновѣшенный, поручикъ фонъ-Мюллеръ на этотъ разъ вышелъ изъ избы раздраженный и насупившійся...

Желаніе нравящейся ему русской дѣвушки во что бы то ни стало пробраться въ Россію злило его и задѣвало его самолюбіе. Было бы такъ интересно и такъ красиво, если бы она осталась у его родныхъ на время войны, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отсюда. Онъ выхлопоталъ бы себѣ переводъ въ гарнизонъ этого города и могъ бы видѣться съ нею каждый день. Какое хорошее время началось бы тогда для него! Потомъ, по окончаніи войны, онъ могъ бы сдѣлать ей предложеніе и жениться на ней. Вѣдь она, если сказать по правдѣ, очень ему нравится. И онъ вспомнилъ, какая радость охватила его душу, когда сегодня утромъ его солдаты привели ее къ нему. Вѣдь онъ все время думалъ о ней. Все время передъ его глазами вставало ея юное, свѣжее лицо, ея стройная, гибкая фигура... Садясь на лошадь, чтобы ѣхать со своимъ отрядомъ на рекогносцировку, онъ подозвалъ къ себѣ одного изъ солдатъ и велѣлъ ему до его пріѣзда никуда не выпускать молодую дѣвушку изъ дома. «Когда возвращусь, посмотрю, какъ дальше поступить»—подумалъ онъ... День былъ красивый, солнечный, яркій: ясное голубое небо, дымчатыя бѣлыя облака, зеленыя дали полей съ раскинутыми повсюду рощами и перелѣсками навѣвали на душу какой-то тихій покой, и казалось необычайно страннымъ, что кругомъ передвигаются войска, витаетъ смерть и разрушеніе...

Фонъ-Мюллеръ любилъ теперь часто философствовать на эту тему, но сегодня всѣ мысли его были поглощены мыслью о молодой дѣвушкѣ... Неужели онъ отпуститъ ее въ Россію? Неужели это сбывшееся на яву его желаніе окончится ничѣмъ? А какъ хорошо могли бы они проводить время, если бы она осталась въ Германіи, въ его родномъ городкѣ! Тамъ такіе красивые бульвары, улицы, озера...

И всюду онъ былъ бы съ ней, всюду чувствовалъ бы ея присутствіе... Думая такъ, онъ вмѣстѣ со своими солдатами въѣхалъ въ небольшой лѣсокъ. Какая-то лѣнивая тишина ца-

рила здѣсь. Отчетливо и рѣзко отдавались удары копытъ о землю. Шуршали опавшіе съ вѣтокъ желтые и красные листья. Такъ въ тишинѣ среди увядающей осенней природы ѣхали они версты четыре. Вдругъ близкій громкій выстрѣлъ нарушилъ тишину и нѣсколько листьевъ упало у ногъ лошади лейтенанта фонъ-Мюллера... И въ тотъ же моментъ онъ услыхалъ крикъ своихъ солдатъ:—Русскіе...

Сердце его забилось быстрыми ударами, и онъ торопливо сталъ искать глазами невидимаго еще непріятеля...

Прозвучалъ второй выстрѣлъ, третій. Ближайшій къ нему солдатъ вдругъ свалился съ лошади и упалъ ничкомъ на землю. «Вотъ оно начинается»—подумалъ фонъ-Мюллеръ, и какая-то холодная дрожь прошла по его тѣлу...

Не успѣлъ онъ отдать приказаніе начинать стрѣлять, какъ изъ кустовъ быстро вынеслись казаки и съ гиканіемъ помчались на его отрядъ... Начался бой...

IV.

Лейтенантъ фонъ-Мюллеръ и его солдаты быстро скакали изъ лѣсу. Ихъ было теперь немного. Большинство осталось въ лѣсу мертвыми...

Когда проскакали версты четыре и вдали показался нѣмецкій поселокъ, фонъ-Мюллеръ почувствовалъ себя въ безопасности. Придержалъ лошадь и поѣхалъ рысью. Постепенно стали проясняться мысли, и вмѣстѣ съ ними все ярче и ярче начали вставать картины только-что происшедшаго кровопролитнаго боя. И жутки и страшны были эти картины для него, лишь впервые принявшаго участіе въ бою...

. . . . . .

. . . . . .

Кажется, все-таки слѣдовало бы надъ этимъ хорошенько призадуматься. Впрочемъ, все въ жизни относительно. Относительна любовь, ненависть, разбои, воровство, развратъ и пр. Положительнаго—нѣтъ ничего. Все находится въ зависимости отъ времени, обстоятельствъ, традицій. Что сегодня хорошо—завтра будетъ плохо, и наоборотъ. Что для однихъ преступно, то для другихъ геройство. У всякаго народа и отдѣльнаго человѣка

своя этика, свои разсужденія. Въ сущности же, разъ существуетъ легализованная война, значитъ, все дозволено, все разрѣшено... И вдругъ необычайно страннымъ показалось ему теперь, что нѣсколько часовъ тому назадъ онъ такъ вѣжливо и мягко просилъ упрямую русскую дѣвушку не уѣзжать въ Россію... Онъ, зарубившій только-что нѣсколько человѣкъ... Вѣдь собственно говоря, она въ его полной власти, и онъ можетъ не только не пустить ее на границу, но даже сдѣлать съ ней все, что пожелаетъ... И вдругъ помимо его воли какая-то тайная сладкая истома охватила его. И необычайно ярко представилась передъ глазами стройная гибкая фигура молодой дѣвушки, ея свѣжее смутлое молодое лицо, красивыя полныя губы...

Онъ усмѣхнулся и какъ-то устало потянулся въ сѣдлѣ. Немного погодя подумалъ: «А что, если взять да и совсѣмъ не пустить ее въ Россію. И въ свой родной городъ даже не отправлять, а поселить ее здѣсь гдѣ-нибудь по близости. Вѣдь она теперь въ полной моей власти. Кто тамъ станетъ слушать ее и заступаться за нее. Вѣдь теперь во время войны и не то еще продѣлываютъ мои товарищи-офицеры съ женщинами враждебныхъ Германіи державъ. Нужно пока забыть сентиментальность. Нужно помнить, что на войнѣ нужно поступать, какъ на войнѣ»... И вдругъ молодая дѣвушка почудилась ему близкой и доступной...

И снова, противъ его воли передъ нимъ представилась ея гибкая, стройная фигура, полныя сочныя губы, мягкія покатыя плечи, высокая упругая грудь... И страннымъ вдругъ стало, что, за время ихъ курортной жизни, онъ ни разу не поцѣловалъ ее, не обнялъ ее, не прижалъ къ себѣ ея упругаго молодого тѣла. Вѣдь были столько разъ удобные для этого случаи. И показалось вдругъ это смѣшнымъ. Оба молодые, красивые, полные жизни, и вдругъ ни одного поцѣлуя, ни одного объятія. Ужъ слишкомъ занятъ онъ былъ своими науками...

Онъ посмотрѣлъ вдаль, и ему съ необыкновенной ясностью представилась вдругъ маленькая, тѣсная комнатка, простой деревянный столъ, маленькое окно, разбросанные повсюду предметы военной амуниціи и среди всего этого молодая красивая дѣвушка...

Да вѣдь это сама судьба послала ему радость на войнѣ въ видѣ ея. Вѣдь онъ можетъ каждый день, каждый часъ видѣть ее около себя, говорить съ ней, слушать ея молодой звонкій голосъ. Онъ усмѣхнулся. Да зачѣмъ только видѣть ее и говорить съ нею... Онъ можетъ ласкать ея молодое, теплое, стройное тѣло. Такъ вотъ

вернется послѣ кровавой битвы въ тѣсную маленькую казарменную комнатку, а тамъ будетъ ждать его красивая дѣвушка, которую онъ сможетъ цѣловать, ласкать...

И такъ это будетъ сладко послѣ вида окровавленныхъ тѣлъ, послѣ стоновъ раненыхъ и умирающихъ, послѣ прикосновенія смерти... Вотъ и теперь, какъ сладостно ему знать, что черезъ нѣсколько часовъ онъ увидитъ среди холодной казенной, казарменной военной обстановки молодую дѣвушку... Съ ней онъ быстро забудетъ всѣ военныя неудобства и лишенія...

Онъ пришпорилъ лошадь и сталъ напряженными глазами смотрѣть передъ собой...

V.

Спустя часъ лейтенантъ фонъ-Мюллеръ въѣзжалъ во дворъ мѣста своей стоянки...

Слѣзая съ лошади, внимательными глазами скользнулъ по окнамъ своей комнаты. Ему показалось, что въ нихъ мелькнулъ силуэтъ молодой дѣвушки. И снова какая-то сладостная истома охватила его...

Войдя въ комнату, увидѣлъ дремлющаго на стулѣ у дверей солдата и сидящую на табуреткѣ у стола дѣвушку съ блѣднымъ серьезнымъ лицомъ...

При его входѣ она не повернула къ нему лица и не подняла на него глазъ. Это не понравилось ему, и глухое раздраженіе противъ нея зашевелилось въ его груди, и онъ съ усмѣшкой подумалъ: «Ну, что жъ, разъ она не желаетъ быть благосклонной ко мнѣ добровольно—я заставлю ее сдѣлать это силою».

Велѣлъ солдату уйти и сталъ снимать съ себя каску и палашъ, потомъ вымылъ въ тазу запачканныя кровью руки и сѣлъ къ столу. Молчалъ нѣсколько мгновеній, разсматривая лежащую передъ нимъ карту, искоса поглядывая на дѣвушку. Она сидѣла въ полуоборотъ къ нему, и ему ясно и отчетливо была видна ея высокая грудь, ея стройная красивая фигура, пышные темные волоса. «Какъ она красива, какъ она красива»— подумалъ онъ, и опять необычайно страннымъ показалось ему, что за все время, проведенное съ нею на курортѣ, онъ ни разу не обнялъ и не поцѣловалъ ее...

Молчали нѣсколько минутъ. Наконецъ дѣвушка холодно спросила:

— Вы отпустите меня сегодня, г. лейтенантъ?

Фонъ-Мюллеръ усмѣхнулся и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, не отпущу...

Она измѣнилась въ лицѣ.

— Значитъ, вы хотите употребить силу?

— Можетъ быть—сказалъ онъ.

Тогда она стала говорить о томъ, что ему, культурному человѣку, стыдно такъ поступать съ ней, что она этого отъ него никогда не ожидала, что теперь она потеряетъ къ нему всякое уваженіе...

Онъ слушалъ ее, смотрѣлъ на ея взволнованное, слегка поблѣднѣвшее лицо, на блестящій взглядъ ея большихъ, уже слегка испуганныхъ, глазъ, на всю ея упругую молодую фигуру—и она казалась ему все болѣе и болѣе красивой, все болѣе и болѣе манящей... И опять онъ подумалъ: «какъ странно, что за время нашего знакомства я ни разу не обнялъ и не поцѣловалъ ее. А у нея должно быть такое красивое и нѣжное тѣло». Немного погодя онъ сказалъ ей:

— Видите ли, теперь не время говорить о морали и о томъ, что́ вы ожидали отъ меня и чего не ожидали. Теперь война, и мораль и человѣческія отношенія сильно измѣнились. Вотъ я только-что собственными руками убилъ нѣсколько человѣкъ, а раньше я и ударить никогда никого не рѣшился бы... И убиваю не я одинъ, а всѣ, и преступленіемъ это не считается. Вотъ видите, какъ измѣнились теперь во время войны человѣческая мораль и человѣческія отношенія. Теперь будемъ говорить откровенно. Зачѣмъ же я буду отпускать васъ въ Россію, когда вы мнѣ нравитесь и я хочу имѣть васъ около себя...—И потомъ, усмѣхнувшись и странно-поблескивающими глазами посмотрѣвъ на нее, добавилъ:—Согласитесь, что это я еще очень мало требую отъ васъ...

— Но вѣдь это насиліе!—горячо воскликнула она—вѣдь вы же должны понять наконецъ, что такъ нельзя поступать культурному человѣку...

— А убивать можно?—спросилъ онъ, посмотрѣвъ ей прямо въ лицо. И потомъ, сдѣлавшись серьезнымъ, холодно добавилъ:—Теперь, знаете ли, такое время, что дѣйствуетъ больше сила, чѣмъ право... Да и вообще подобное разсужденіе мнѣ кажется и всегда болѣе правильнымъ... Напримѣръ, неизвѣстно, правы мы или нѣтъ, въ этой войнѣ, но на нашей сторонѣ сила, и мы завоюемъ Россію.

— Если у васъ въ Германіи всѣ такіе воины, какъ вы, г. лейтенантъ—проговорила съ легкой усмѣшкой дѣвушка—то вы сможете побѣдить только женщинъ, но не Россію...

— Мы побѣдимъ и женщинъ, и Россію,—сказалъ онъ...

Посмотрѣлъ на нее. Она смотрѣла на него, и злоба и пренебреженіе почудились ему въ ея взглядѣ. Тогда онъ вдругъ вспомнилъ ея обращеніе съ собой на курортѣ. Какая она была тамъ ласковая, внимательная къ нему, какими нѣжными и ласковыми глазами смотрѣла на него. И досада на то, что ушло уже отъ него теперь это время, съ необыкновенной силой охватила его: «Впрочемъ, чего же мнѣ досадовать и печалиться?—подумалъ онъ немного погодя.—Вѣдь я могу вернуть все это. Даже больше: я могу заставить ее быть не только вѣжливой и ласковой со мною, но могу даже заставить ее отдаться мнѣ... Если она желаетъ быть упрямой со мною, то и я буду упрямъ съ ней. И посмотримъ тогда, кто побѣдитъ. Она все продолжаетъ думать по мирному времени, а теперь нужно думать по военному времени. Мало ее еще, значитъ, проучили въ Германіи»...

Снова посмотрѣлъ на дѣвушку. Она по-прежнему смотрѣла на него со злобой и пренебреженіемъ...

Тогда онъ усмѣхнувшись сказалъ:

— Вы, повидимому, очень раздражены сейчасъ, а потому я рѣшилъ, чтобы дать вамъ немного успокоиться и одуматься, арестовать васъ на одну ночь вотъ въ этой комнатѣ,—онъ указалъ головой на дверь въ сосѣднюю комнату—а тамъ дальше я посмотрю, что́ съ вами дѣлать... Вы не желали слушать моихъ просьбъ—такъ теперь будете слушаться моихъ приказаній... На войнѣ, знаете ли, нужно поступать, какъ на войнѣ...

Тогда испугъ и растерянность выразились въ ея глазахъ...

Онъ замѣтилъ это и, внутренно усмѣхнувшись, подумалъ: «Кажется, испугалась барышня. Ну, что жъ, можетъ быть, теперь станетъ умнѣе»... И какое-то опьяняющее чувство сознанія своей силы вдругъ охватило его. И страннымъ вдругъ показалось, что раньше онъ церемонился съ нею. Конечно, если бы она была по-прежнему вѣжлива и мила съ нимъ, онъ тоже былъ бы вѣжливъ и милъ, но разъ она измѣнилась по отношенію къ нему, онъ тоже измѣнится по отношенію къ ней. Передъ ней не будетъ больше мягкаго и нерѣшительнаго приватъ-доцента Гейдельбергскаго университета, передъ ней будетъ теперь приказывающій и рѣшительный лейтенантъ прусской арміи.

Повернулся къ ней и холодно проговорилъ:

— Прошу васъ пожаловать въ ту комнату и хорошенько

подумать надъ своимъ положеніемъ... Можетъ быть, немного погодя вы одумаетесь и станете болѣе благосклонны и ласковы ко мнѣ...

— Какъ вамъ не стыдно,—проговорила она, и въ голосѣ ея послышались слезы и скрытая мольба...

«А,—торжествующе подумалъ онъ,—перемѣнила тонъ, наконецъ поняла мою силу. Поняла, что я не прежній приватъ-доцентъ, а лейтенантъ побѣдоносной арміи, Отто фонъ-Мюллеръ». Онъ быстро скользнулъ взглядомъ по ея лицу и по ея фигурѣ. И вдругъ вся она показалась ему теперь необыкновенно доступной и беззащитной... Вотъ хоть сейчасъ онъ можетъ подойти къ ней, сорвать съ нея одежду, цѣловать ее.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что голова его начинаетъ кружиться и передъ глазами съ ослѣпительной ясностью рисуется ея обнаженное бѣлое тѣло...

Прошло мгновеніе, и онъ почувствовалъ, что сейчасъ бросится на нее и со звѣринымъ крикомъ начнетъ цѣловать ее и срывать съ нея одежду. «Все, все, что захочу, то и сдѣлаю съ ней»,—смутно пронеслось въ его мозгу. Но вошелъ солдатъ, и онъ, собравъ всю свою силу воли, овладѣлъ собой. Но чувство своей силы, чувство возможности безнаказаннаго наслажденія—уже жгучей волной заполнили все его существо... И, посмотрѣвъ на дѣвушку уже властнымъ взглядомъ, онъ проговорилъ:

— Прошу васъ отправиться въ комнату, которую я вамъ указалъ, и ждать тамъ моихъ дальнѣйшихъ распоряженій...

Потомъ онъ приказалъ солдату остаться въ избѣ, а самъ, надѣвъ каску и прицѣпивъ шашку, вышелъ во дворъ и сталъ снова собираться вмѣстѣ со своимъ отрядомъ на рекогносцировку...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ со своимъ отрядомъ выѣхалъ изъ деревни. Вокругъ синѣли тихія и мирныя еще поля, спокойно голубѣло ясное небо, неподвижны были пожелтѣвшія, полуосыпавшіяся деревья... Онъ смотрѣлъ вокругъ, но не замѣчалъ уже ни зеленыхъ полей, ни синяго неба, ни неподвижныхъ, пожелтѣвшихъ деревьевъ,—его распаленное воображеніе рисовало передъ нимъ бѣлое нѣжное тѣло дѣвушки, ея разорванную одежду, ея растерянное лицо, испуганные молящіе глаза...

VI.

Ночью, когда фонъ-Мюллеръ вернулся домой, приливъ чувственности еще съ большей силой охватилъ его. Хотѣлось сейчасъ же ворваться въ комнату дѣвушки и со звѣриной жадностью овладѣть ею. Но минутами вдругъ точно угрызеніе совѣсти начинало шевелиться гдѣ-то въ глубинѣ его души. Тогда онъ съ усмѣшкой говорилъ себѣ: «Ну, что жъ, попробуемъ оправдать свой поступокъ объективно, холоднымъ разсудкомъ: я сегодня убилъ нѣсколько человѣкъ, и это не считается дурнымъ, ... И я убью еще многихъ людей . . . . . меня . . . наградятъ, повысятъ въ чинѣ. Почему же, если около меня находится красивая женщина, попавшая ко мнѣ благодаря войнѣ, я не могу насладиться ея тѣломъ? Вѣдь это . . . . . —пустяки, да, въ сущности, я думаю, что ей и самой это будетъ пріятно. Я красивъ, молодъ, и она, успокоившись, еще съ радостью будетъ вспоминать обо мнѣ въ своей варварской Россіи, гдѣ и мужчинъ-то интересныхъ, вѣрно, совсѣмъ нѣтъ».

. . . . . .

. . . . . .

Нѣсколько мгновеній неподвижно стоялъ на мѣстѣ, напряженными глазами смотря на дверь въ сосѣднюю комнату, потомъ пошелъ къ ней. Сначала шелъ осторожно, точно крадучись, но потомъ выпрямился и пошелъ, громко стуча шпорами, съ гордой и вызывающей улыбкой...

VII.

Послѣ того, какъ фонъ-Мюллеръ рѣзко измѣнилъ свое обращеніе съ Еленой Николаевной—жуткая тревога охватила ее... Она сознавала себя теперь въ полной его власти. «Вотъ какъ дико и ужасно окончилась наша встрѣча», — думала она. Потомъ съ печальной улыбкой она вспоминала ту ра-

дость, которая охватила ее, когда она увидѣла передъ собою въ избѣ фонъ-Мюллера. Ей почудилось тогда, что онъ посланъ ей самой судьбой, чтобы помочь добраться до Россіи и освободить ее изъ нѣмецкаго плѣна. Да вѣдь сначала онъ такъ тепло и участливо отнесся къ ней. Спрашивалъ, не обидѣли ли ее солдаты, предлагалъ ей отдохнуть, обогрѣться, закусить...

Что же такое произошло съ нимъ?.. Откуда же проявилось въ немъ столько звѣринаго, грубаго, жестокаго?

И вдругъ она вспомнила его фразу: «на войнѣ ни за кого и ни за что нельзя поручиться»... Неужели это правда?.. Какой ужасъ, какой кошмаръ!..

Вдругъ она вся насторожилась. Шаги и громкое звяканіе шпоръ раздались за дверью...

Потомъ слышно было, какъ кто-то подошелъ къ нимъ и дернулъ за ручку.

— Кто тамъ?!—спросила испуганнымъ, прерывающимся голосомъ Елена Николаевна, и страшная догадка прорѣзала ея мозгъ...

— Потрудитесь отворить дверь,—какимъ-то глухимъ и въ то же время повелительнымъ голосомъ проговорилъ фонъ-Мюллеръ.

— Но я уже собираюсь спать... я не одѣта...

— Это все равно,—сказалъ фонъ-Мюллеръ,—мнѣ необходимо васъ сейчасъ видѣть.

Елена Николаевна продолжала неподвижно стоять на мѣстѣ. Онъ снова постучалъ. Дѣвушка по-прежнему не двигалась. Тогда онъ съ силою ударилъ ногой въ дверь. Слабо держащійся крючекъ сорвался съ петель, и дверь открылась.

— Извиняюсь за безпокойство,—проговорилъ фонъ-Мюллеръ, входя въ комнату и дѣлая ей подъ козырекъ,—но мнѣ одному стало такъ скучно, что я рѣшилъ зайти къ вамъ...—И потомъ, посмотрѣвъ ей прямо въ лицо, добавилъ:—да, кромѣ того, мнѣ хотѣлось бы узнать, одумались ли вы наконецъ.

— Я не знаю, о чемъ вы спрашиваете?—тихо проговорила она.

Онъ усмѣхнулся.

— Я желаю знать: хотите ли вы, чтобы наши отношенія снова стали бы такія, какъ на курортѣ... т. е. даже не такія, а ближе, гораздо ближе...

— Я не понимаю васъ,—прошептала она и потомъ уже со слезами въ голосѣ стала говорить о томъ, что ему стыдно такъ глу-

миться надъ ней. Она все время считала его за благороднаго человѣка, а онъ оказался грубымъ и жестокимъ...

Потомъ, закрывъ лицо руками, она заплакала. Нѣсколько мгновеній онъ жадными глазами смотрѣлъ на ея вздрагивающія плечи, на ея маленькія, открытыя до локтя, бѣлыя руки... Потомъ подошелъ къ ней и, близко нагнувшись къ ея лицу, глухимъ голосомъ проговорилъ:

— Тогда я довольствовался только нашими бесѣдами, а теперь я хочу вашихъ ласкъ и вашей близости...

Она посмотрѣла на его лицо и, отшатнувшись, торопливо бросилась къ дверямъ, но онъ быстрымъ движеніемъ грубо схватилъ ее въ объятья и, тяжело и жарко дыша ей въ лицо, сталъ искать ея губъ... Нѣсколько секундъ они молча боролись. Съ каждой секундой Елена Николаевна чувствовала, что слабѣетъ... Вдругъ ея рука нащупала у пояса фонъ-Мюллера кобуру съ револьверомъ. Тогда быстрымъ движеніемъ она выхватила изъ нея револьверъ и выстрѣлила лейтенанту въ животъ...

— А... — глухо простоналъ онъ и, схвативъ ее за горло, съ силой сжалъ его, но въ слѣдующую секунду пальцы его уже ослабѣли, и онъ, выпустивъ ея шею, тяжело упалъ на полъ. Мгновеніе спустя онъ началъ хрипѣть, остановивъ на ней полный ненависти стеклянѣющій взглядъ...

Тогда она выскочила въ переднюю. Здѣсь, на мгновеніе пріостановившись, прислушалась. Тихо было еще кругомъ. Тогда быстро выскочила во дворъ и побѣжала по направленію темнѣющаго невдалекѣ сада...

Долго бѣжала Елена Николаевна по темному полю, спотыкаясь о кочки и кусты, пока не добѣжала наконецъ до опушки лѣса. Здѣсь обезсиленная, упала на мокрую росистую траву и стала напряженно прислушиваться. Сначала было тихо кругомъ, но потомъ на дорогѣ послышались голоса и топотъ быстро скачущихъ лошадей. Прозвучалъ выстрѣлъ, потомъ другой.

Немного погодя топотъ и голоса стали постепенно удаляться...

«Проскакали мимо»,—съ облегченіемъ подумала она. И надежда на спасеніе зашевелилась уже въ груди. Посмотрѣла въ темную даль. Тамъ Россія...

И вдругъ заплакала жалостливыми и безпомощными слезами...

И почудилось вдругъ, что теперь она никогда уже не до-

берется до Россіи, никогда уже не заживетъ прежней спокойной, мирной, ясной жизнью...

Что-то страшное, жуткое ворвалось въ ея жизнь и все исковеркало...

И съ необыкновенной ясностью вспомнился ей фонъ-Мюллеръ такимъ, какимъ она знала его на нѣмецкомъ курортѣ: спокойнымъ, симпатичнымъ, милымъ, вспомнились ихъ бесѣды, ихъ прогулки по ясному, тихому озеру...

Потомъ вспомнила лейтенанта фонъ-Мюллера. Какая страшная разница! Вспомнила его грубый голосъ, его дышащее необузданной животной страстью лицо, его объятія... Вспомнила его предсмертные хрипы, его остановившійся на ней, полный ненависти стеклянѣющій взглядъ...

И вѣдь это она убила его, она, не сдѣлавшая въ своей жизни никому никакого зла... Какой ужасъ, какой ужасъ! Вздрогнула и, закрывъ лицо руками, снова заплакала жалостливыми и безпомощными слезами. Плакала долго...

Наконецъ, немного успокоившись, поднялась съ земли и вошла въ лѣсъ. Сырой и влажный воздухъ охватилъ ее. Она вздрогнула и, вся сжавшись, пошла впередъ, натыкаясь на вѣтки и деревья...

И чѣмъ дольше шла она, чѣмъ гуще становился мракъ вокругъ нея, чѣмъ тусклѣе мерцали звѣзды за нависшими надъ ея головой вѣтками,—тѣмъ все ярче и ярче становились воспоминанія минувшаго вечера и страхъ все сильнѣе и сильнѣе охватывалъ ее...

И вдругъ ей стало казаться, что все происшедшее было лишь сномъ. Мрачнымъ, кошмарнымъ сномъ... И на нѣсколько мгновеній и стало легче. «Развѣ можетъ въ жизни быть такой ужасъ»,—подумала она... Но спустя немного, грустно усмѣхнувшись, прошептала: «Нѣтъ, это былъ не сонъ, нѣтъ, это былъ не сонъ». И съ необыкновенной ясностью, со всѣми мельчайшими подробностями вспомнила все то, что произошло съ ней съ начала войны.

И стало страшно, невыносимо страшно. Страшно за жизнь, за людей, за себя... Страшно, что надвинулось на человѣчество что-то грозное, жуткое, стихійное и захлестнуло міръ кровью и жестокостями... И, ломая руки и простирая ихъ къ далекому небу, она въ отчаяніи шептала: «о, если бы это было лишь сномъ, о, если бы это было лишь сномъ!».

Проходила постепенно ночь, и стали гаснуть въ небѣ звѣзды, тихій предразсвѣтный вѣтеръ зашевелилъ полуосыпавшіеся желтые

листья деревьевъ, гдѣ-то далеко, далеко стали перекликаться пѣтухи... Скоро кончился лѣсъ, и между деревьями показалось уже свѣтлое отъ предутреннихъ солнечныхъ лучей поле...

Обезсиленная, изнеможенная, разбитая физически и нравственно, Елена Николаевна едва добралась до опушки и тяжело опустилась на землю.

И вдругъ почувствовала, что все начинаетъ плыть передъ ней, и точно какая-то темная завѣса опускается на ея глаза...

Спустя нѣсколько мгновеній она потеряла сознаніе...

Днемъ проѣзжавшій по опушкѣ русскій отрядъ подобралъ ее, лежащую безъ чувствъ, и отвезъ въ ближайшее русское селеніе...

Вл. Кохановскій.

ЛУЧИ.

За окномъ, на мерзлой сѣти,
Блѣдный лучъ, изъ міра сновъ,
Засквозилъ вдругъ страннымъ свѣтомъ
И невѣдомымъ букетомъ
Съ неба брошенныхъ цвѣтовъ.

У меня въ душѣ такъ странно;
Въ самой тайной глубинѣ,
Иногда вдругъ лучъ трепещетъ,
И невѣдомое блещетъ,
Какъ луна въ окнѣ.

Сергѣй Комиссаровъ.

„ПРАКТИЧНОСТЬ“ Н. А. НЕКРАСОВА ВЪ ОСВѢЩЕНІИ ЦИФРОВЫХЪ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХЪ ДАННЫХЪ.

(По неизданному архиву конторы „Современника“).

I.

«Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова», такъ отозвался о поэтѣ Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ», написанномъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ его смерти. Этими словами, съ одной стороны, подводился итогъ тѣмъ темнымъ слухамъ о корыстолюбіи Некрасова, которые распространялись чуть ли не съ самаго начала его литературной дѣятельности, съ другой, опредѣлялся и на будущія времена извѣстный уголъ зрѣнія при оцѣнкѣ личности редактора-издателя «Современника». Многіе, даже доброжелательно относившіеся къ Некрасову, изслѣдователи, принявъ на вѣру сужденіе Достоевскаго, считали и считаютъ приверженность Некрасова къ деньгамъ не возбуждающей ни малѣйшаго сомнѣнія стороной его нравственной физіономіи, съ которой, хочешь-не хочешь, а надо мириться. Въ частности нерѣдко приходится встрѣчаться съ ссылками на эксплоататорскія замашки Некрасова, яко бы проявлявшіяся въ отношеніи сотрудниковъ тѣхъ журналовъ, которые онъ издавалъ и редактировалъ. Общеизвѣстны, напримѣръ, обвиненія его въ томъ, что онъ наживался на счетъ Бѣлинскаго, поставивъ его въ зависимое отъ себя положеніе. Весьма прозрачные намеки на денежную нечистоплотность Некрасова содержатся въ письмахъ Тургенева къ Полонскому; въ письмахъ же къ Герцену Тургеневъ упрекаетъ Некрасова въ поступкахъ прямо таки нечестныхъ. Что касается самого Герцена, то въ его глазахъ Некрасовъ являлся не болѣе, какъ «воромъ» и «мошенникомъ». Подобный же отзывъ данъ о Некрасовѣ Николаемъ Успенскимъ на страницахъ бульварнаго журнальчика «Развлеченіе». Ставятъ также Некра-

сову въ упрекъ, основываясь на воспоминаніяхъ Панаевой-Головачовой, самоубійство молодого литератора Піотровскаго, не получившаго повторнаго аванса. Подробно останавливаться на разборѣ этихъ обвиненій мы не имѣемъ въ виду, отмѣтимъ только, что одни изъ нихъ далеко не безусловны; а другіе опровергнуты.

Такъ, напримѣръ, Бѣлинскій, по объясненію самого Некрасова, не попалъ въ редакторы-издатели «Современника» только потому, что ни для кого изъ друзей его не было тайной, что онъ приговоренъ врачами къ смерти; годовое же жалованіе, назначенное ему, нельзя не признать по тѣмъ временамъ весьма и весьма значительнымъ.

Объективность упрековъ, предъявляемыхъ по адресу Некрасова Тургеневымъ, ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство изъ нихъ относится къ тому времени, когда между друзьями пробѣжала черная кошка; при этомъ нельзя не отмѣтить, что до своей окончательной ссоры съ Некрасовымъ Тургеневъ въ своихъ письмахъ къ нему (см. напр. письмо изъ Куртавнеля отъ 24/12 авг. 1857 г.) завѣрялъ его въ своемъ полнѣйшемъ довѣріи вообще, въ денежныхъ же дѣлахъ въ частности. И, что́ всего знаменательнѣе, это довѣріе ничуть не было поколеблено тѣмъ, что Тургеневу была хорошо извѣстна, такъ называемая, огаревская исторія, которая дала поводъ Герцену обвинять Некрасова въ воровствѣ и мошенничествѣ. Очевидно, что и въ ней виновность Некрасова не была ужъ такою безусловною; это предположеніе является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Чернышевскій, человѣкъ съ репутаціей, дѣйствительно, «чище снѣга альпійскихъ вершинъ», считалъ, что нападки на Некрасова со стороны Герцена и Огарева не имѣли подъ собой реальной почвы и были основаны на недоразумѣніи.

Лживость поклеповъ Ник. Успенскаго документально доказана завѣдовавшимъ конторою «Современника» Ип. Ал. Панаевымъ.

Выдать повторный авансъ Піотровскому Некрасовъ отказался не изъ скупости, а изъ суевѣрія карточнаго игрока, проигравшагося наканунѣ, какъ разъ послѣ выдачи Піотровскому [1]).

---

[1]) Въ напечатанномъ въ „Завѣтахъ“ „Добролюбовскомъ архивѣ“ приведено содержаніе одной изъ записокъ Некрасова къ Добролюбову, изъ которой явствуетъ, что, въ силу того же суевѣрія, Некрасовъ вообще избѣгалъ уплаты по вечерамъ, передъ отправленіемъ въ клубъ, не дѣлая исключенія даже для Добролюбова, съ которымъ былъ связанъ узами тѣсной дружбы.

Мы не хотимъ сказать, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ правота Некрасова представляется совершенно несомнѣнной; наше мнѣніе сводится лишь къ тому, что едва-ли они даютъ достаточное основаніе для его осужденія. Одно совершенно ясно, что Некрасову, болѣе чѣмъ кому бы то ни было, на собственномъ горькомъ опытѣ пришлось убѣдиться въ справедливости поговорки: «добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ». Даже люди, вполнѣ ему идейно единомысленные, большіе къ тому же поклонники его поэтическаго таланта, не могли иной разъ отрѣшиться отъ извѣстной подозрительности по отношенію къ тѣмъ его словамъ и дѣйствіямъ, которыя касались денежныхъ разсчетовъ. Весьма характеренъ въ указанномъ смыслѣ нижеслѣдующій разсказъ Михайловскаго: Михайловскій, задолжавъ крупную сумму конторѣ «Отеч. Записокъ», получилъ однажды отъ Некрасова отказъ въ новомъ авансѣ, послѣ чего вернулся домой «съ горькимъ и обиднымъ чувствомъ», котораго не могъ преоборотъ, хотя и «понималъ, что Некрасовъ правъ». Черезъ нѣсколько дней Некрасовъ пригласилъ Михайловскаго къ себѣ и, сказавъ: «вы намъ человѣкъ нужный», выдалъ просимыя деньги. Казалось бы, изъ этого эпизода можно сдѣлать только одинъ выводъ, а именно, что Некрасовъ былъ очень отзывчивымъ къ нуждамъ своихъ сотрудниковъ редакторомъ, разъ, несмотря на значительную задолженность одного изъ нихъ, заставившую его очень колебаться, все же, въ концѣ концовъ, пошелъ навстрѣчу его желаніямъ. Однако, Михайловскій, не будучи, очевидно, въ силахъ отдѣлаться отъ недовѣрія въ отношеніи чистоты мотивовъ, которые руководили Некрасовымъ, снова говоритъ «о тяжеломъ впечатлѣніи», оставленномъ словами поэта, находя, что «какъ-то ужъ очень жестко и обнаженно вышло», что деньги ему даются, какъ полезному и нужному сотруднику, а не какъ Ник. Конст. Михайловскому. Насколько не правъ былъ Михайловскій въ своихъ, правда, очень сдержанныхъ ламентаціяхъ по адресу Некрасова, можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма поэта къ Краевскому, непосредственно относящемуся и къ тому же времени и къ тѣмъ счетамъ, какъ и разсказанный Михайловскимъ эпизодъ: «Есть у насъ сотрудникъ Н. Михайловскій; теперь ясно, что это самый даровитый человѣкъ изъ новыхъ, и ему, безъ сомнѣнія, предстоитъ хорошая будущность. Кромѣ несомнѣнной талантливости, онъ человѣкъ со свѣдѣніями, очень энергиченъ и работящъ. «Отеч. Запискамъ» онъ можетъ быть полезенъ сильно и надолго. Человѣкъ онъ честный и скромный, но теперь, по поводу своей женитьбы, сильно нуждающійся.

Я очень радъ, что вы, какъ пишетъ мнѣ Елисеевъ, не отказали ему въ деньгахъ, несмотря на то, что онъ уже изрядно долженъ и конторѣ «Отеч. Зап.» и мнѣ лично. Легко можетъ быть, что вы и безъ этого моего письма не отказали бы ему и еще, но я на всякій случай прошу васъ не откажите ему, если обратится: у него теперь жена лѣчится въ Франценсбадѣ, и, кромѣ редакціи «Отеч. Зап.», некуда прибѣгнуть». Такимъ образомъ, дѣйствительное положеніе вещей было таково: Михайловскій «изрядно долженъ» и конторѣ и самому Некрасову; это не мѣшаетъ послѣднему радоваться при извѣстіи, что Краевскій не отказалъ ему въ кредитѣ и просить его, чтобы онъ не отказывалъ въ таковомъ и впредь. А на языкѣ самолюбиваго Михайловскаго, обидѣвшагося на полученный однажды отказъ, поведеніе Некрасова выходило и «жесткимъ», и «обнаженнымъ». Здѣсь, безъ всякаго сомнѣнія, проявилась все та же тенденція въ сужденіяхъ о Некрасовѣ руководствоваться тѣмъ взглядомъ на него, который, какъ мы видѣли, привелъ Достоевскаго къ его крылатому словцу о милліонѣ—демонѣ Некрасова. Досаднѣе всего, что словцо это сдѣлалось крылатымъ, хотя авторъ его, повидимому, далеко не былъ увѣренъ въ непогрѣшимости своей точки зрѣнія и предвидѣлъ возможность ея ограничительнаго толкованія. Какъ же иначе объяснить, хотя бы слѣдующее заявленіе Достоевскаго: «Я и не говорю уже о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ о нихъ не публиковалъ, но они, несомнѣнно, были, люди уже начинаютъ свидѣтельствовать о гуманности, нѣжности этой «практической» души. Г. Суворинъ уже опубликовалъ нѣчто; я увѣренъ, что обнаружится много и еще добрыхъ свидѣтельствъ,—не можетъ быть иначе». Въ этихъ словахъ нельзя не усмотрѣть, быть можетъ, нѣсколько замаскированнаго призыва къ тѣмъ, кому есть что сказать о добрыхъ дѣлахъ Некрасова, воспользоваться примѣромъ Суворина. Однако, на этотъ призывъ никто почти не откликнулся. Въ 80-ые и 90-ые года, періодъ глухого реакціоннаго безвременья, его тѣмъ болѣе позабыли, но въ 1901 году онъ былъ повторенъ Д. Мордовцевымъ. Констатируя, что время отъ времени приходится встрѣчаться съ выраженіями сомнѣній въ корректности Некрасова, какъ редактора-издателя, по отношенію къ своимъ сотрудникамъ, Мордовцевъ пишетъ: «долгъ справедливости требовалъ бы отъ этихъ немногихъ соработниковъ его, которые еще благополучно здравствуютъ,—категорически высказаться по затронутому вопросу». Желаніе Мордовцева исполнилось: въ дни 25-лѣтней годовщины смерти Некрасова на страницахъ многихъ

органовъ печати появились воспоминанія о Некрасовѣ цѣлаго ряда литераторовъ, имѣвшихъ съ нимъ личныя дѣла и отношенія. Матеріалъ, даваемый этими воспоминаніями, затерянными, въ значительной своей части, на столбцахъ газетъ и потому быстро изгладившимися изъ памяти не только публики, но и критики, дополненный результатами изученія еще неизвѣстнаго изслѣдователямъ архива конторы «Современника» за время отъ 1856 г. по 1866 г. и данными нѣкоторыхъ, еще не опубликованныхъ, писемъ Некрасова и къ Некрасову, мы и положили въ основу настоящей статьи.

Изъ помянувшихъ добрымъ словомъ Некрасова въ дни двадцатипятилѣтней годовщины его смерти, назовемъ, прежде всего, П. И. Вейнберга. Онъ припомнилъ изъ временъ своего знакомства съ Некрасовымъ, относившимся, по его словамъ, къ своимъ сотрудникамъ прямо-таки «идеально», такую сценку, очевидцемъ которой ему довелось быть:

«Приходитъ въ редакцію одинъ изъ его сотрудниковъ и проситъ у Некрасова авансъ въ 100 рублей.

«Что?—началъ кричать Н. А.—сто рублей, сто рублей! Гдѣ я возьму, гдѣ я самъ эти деньги возьму? разорить меня хотите! Да что вы сдѣлаете съ этими деньгами?»—Сотрудникъ заявляетъ, на что ему понадобились деньги.

«Ну вотъ, ну вотъ, что же вы на эти деньги сдѣлаете!.. Да вамъ, по крайней мѣрѣ надо 300—400 рублей, а гдѣ я возьму, гдѣ возьму такія деньги? Ему сколько денегъ нужно, а онъ сто рублей проситъ. Шутка ли сказать—400 рублей, банкиромъ меня желаете сдѣлать. Ну вотъ что: 400 рублей не дамъ, не дамъ, потому что не могу, а вотъ 300 возьмите». («Новости», 1902 г., 21 декабря).

Во время чествованія памяти Некрасова 25 февраля 1903 г. въ публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности тотъ же писатель передавалъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Некрасовымъ, который, уже будучи тяжко-больнымъ, не переставалъ проявлять самую нѣжную заботливость о своихъ сотрудникахъ. Впослѣдствіи Вейнбергъ описалъ это свиданіе въ особой статьѣ («Слово» 1907 г., 28 дек.), посвященной Некрасову:

«Въ послѣдній разъ я видѣлъ Некрасова,—читаемъ мы здѣсь,—въ началѣ лѣта 1877 года передъ отправленіемъ его на дачу (Строгановскую, на Черной рѣчкѣ), послѣ сдѣланной ему вѣнскимъ хирургомъ Бильротомъ операціи. Я тоже уѣзжалъ изъ Петрограда и зашелъ проститься. Николай Алексѣевичъ

стоялъ у билліарда, опершись на него обѣими руками, видимо отдыхая въ этомъ положеніи.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ я.

— Плохо, отецъ (обыкновенный терминъ его въ обращеніи къ близкимъ людямъ, хотя бы и значительно моложе его),—плохо! Нѣмецъ (проф. Бильротъ), уѣзжая, увѣрялъ меня, что я долго еще буду бременить собою землю... ну а я ему, хоть онъ и нѣмецъ, не особенно вѣрю... Радъ, что вы зашли. Можетъ быть, уже никогда въ жизни не увидимся; да и дѣло есть. Зайдите въ контору («Отечественныхъ Записокъ»)—тамъ я сдѣлалъ распоряженіе выдать вамъ двѣсти рублей авансу.

— Зачѣмъ же это, Николай Алексѣевичъ? Я вѣдь не просилъ... мнѣ въ настоящую минуту не нужно...

— Все равно! Вернусь ли я съ дачи или повезутъ меня оттуда прямо на кладбище—это еще Богъ вѣсть. А коли случится послѣднее,—такъ сотрудники могутъ очутиться безъ меня въ скверномъ положеніи: денежная нужда вѣдь сразу налетаетъ... Ну, я и распорядился на всякій случай,—хоть немного обезпечить авансами нашихъ «постоянныхъ». Ну, до свиданія, лягу... Коли не сейчасъ уѣдете за-границу, навѣстите на дачѣ...»

Такое же впечатлѣніе отъ общенія съ Некрасовымъ вынесъ и другой поэтъ, А. Н. Плещеевъ. Его сынъ, А. А. Плещеевъ, разсказываетъ («Биржевыя Вѣд.», 1902 г., декабрь; нынѣ этотъ разсказъ повторенъ въ III части «Воспоминаній» А. А. Плещеева), что отецъ его «глубоко уважалъ Николая Алексѣевича, и всюду, гдѣ только могъ, подчеркивалъ отношеніе Некрасова къ сотруднику». Въ распоряженіи А. А. Плещеева имѣются письма Некрасова къ отцу, изъ которыхъ «можно видѣть, насколько Некрасовъ хотѣлъ помочь отцу и хлопоталъ по одному денежному дѣлу».

П. В. Засодимскій, познакомившійся съ Некрасовымъ въ 1874 г., въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ («Новости», 1903 г. январь), въ свою очередь, отмѣчаетъ «ту предупредительность и обходительность, съ которыми онъ относился къ постояннымъ и случайнымъ сотрудникамъ... Честность и добросовѣстность Некрасова стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній».

Высоко интересны факты, сообщенные М. И. Писаревымъ («Новости», 1902 г. 25 дек.). Вотъ одинъ изъ нихъ, касающійся П. И. Якушкина. «Онъ долженъ былъ Некрасову, разсказывалъ М. И. Писаревъ, свыше 400 руб., которые получилъ отъ него авансомъ за обѣщанную статью. П. И. не могъ по болѣзни и другимъ причинамъ представить къ сроку уже оплачен-

ную статью, стѣснялся самъ объ этомъ писать Н. А. и поручилъ мнѣ извиниться за него передъ Н. А. и попросить его, если возможно, ссудить ему еще 50 р. Что же сдѣлалъ Некрасовъ? Онъ прислалъ на мое имя для П. И. не 50 а 250 руб., упрекая меня въ письмѣ, что я напрасно такъ много извинялся за П. И.»

Сотруднику другой газеты М. И. Писаревъ разсказывалъ объ отношеніи Некрасова къ Кущевскому: «Начинающій писатель, онъ только-что пріѣхалъ въ Петербургъ, но, не успѣвъ переступить порога редакціи, очутился въ больницѣ, такъ какъ сильно занемогъ. Лежа въ больницѣ, онъ написалъ разсказъ и наудачу послалъ его Некрасову. Кущевскій полагалъ, что, если разсказъ подойдетъ (въ чемъ, впрочемъ, онъ сильно сомнѣвался), онъ дастъ ему какихъ-нибудь 20—25 руб. Каково же было его изумленіе, когда въ одинъ прекрасный день пріѣзжаетъ къ нему въ больницу самъ Некрасовъ и отваливаетъ ему за разсказъ что-то больше сотни. Не менѣе симпатично отнесся онъ къ Рѣшетникову, когда прочелъ его «Подлиповцевъ». Чуя въ немъ человѣка большого таланта, онъ не замедлилъ отыскать его и, приведя къ себѣ, постарался обласкать и вознаградить, какъ только можно».

Число подобныхъ отзывовъ можно было бы въ нѣсколько разъ увеличить, использовавъ, кромѣ случайныхъ воспоминаній, вызванныхъ 25-лѣтіемъ смерти, другіе печатные источники. Однако, и приведенныхъ фактовъ, на нашъ взглядъ, болѣе чѣмъ достаточно. Скептически настроенный читатель не преминетъ назвать ихъ «анекдотами», и этотъ взглядъ, пожалуй, имѣлъ бы нѣкоторый raison d'être, если бы необыкновенно благожелательное отношеніе Некрасова къ матеріальнымъ нуждамъ сотрудниковъ не могло быть доказано ссылками на другой матеріалъ, не вызывающій уже никакихъ сомнѣній. Этотъ матеріалъ въ изобиліи даетъ архивъ конторы «Современника» [1]).

II.

Первое, что́ бросается въ глаза даже при бѣгломъ знакомствѣ съ конторскими книгами «Современника», это—широко практиковавшаяся система авансированія сотрудниковъ, которая

[1]) Пользуюсь случаемъ выразить мою глубочайшую благодарность дочери покойнаго Ип. Ал. Панаева, Ольгѣ Ипполитовнѣ Гильтебрандтъ, доставившей мнѣ возможность ознакомиться съ хранящимся у нея архивомъ конторы „Современника".

въ концѣ концовъ привела къ крайнему обремененію журнальнаго бюджета. Въ нашей книгѣ о Некрасовѣ цѣликомъ помѣщены очень интересныя воспоминанія завѣдывавшаго конторою «Современника» Ип. Ал. Панаева о тѣхъ порядкахъ, которые установились, благодаря щедрости Некрасова, въ отношеніи выдачъ авансовъ. «Безъ всякаго соображенія съ финансовымъ состояніемъ журнала, пишетъ И. А. Панаевъ, многимъ деньги выдавались впередъ, въ счетъ будущихъ работъ, на неопредѣленное время. На замѣчанія мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставятъ изданіе въ затрудненіе, Некрасовъ часто говорилъ, что, если денегъ у журнала не хватитъ, то для необходимыхъ потребностей изданія онъ дастъ свои собственныя деньги, что̀ неоднократно и дѣлалъ... Разумѣется, при этомъ не мало сдѣланныхъ выдачъ не было записано: онъ или дѣйствительно не припоминалъ ихъ, или не хотѣлъ вспоминать, и я имѣю основаніе думать, что не одна тысяча рублей осталась не записанной... Почти всякому обращавшемуся деньги выдавались впередъ... Вообще, выдачи денегъ изъ кассы «Современника» дѣлались въ такихъ размѣрахъ, что у издателей ничего къ концу года не оставалось... Резюмируя все, что̀ сказано мною касательно денежныхъ отношеній къ литераторамъ «Современника», я скажу, что такихъ лицъ, изъ помѣщавшихъ свои работы въ журналѣ, которыя не остались бы должными «Современнику», очень мало и что общая сумма долговъ представляетъ крупную сумму».

Картина, нарисованная Ип. Ал. Панаевымъ, какъ мы имѣли случай убѣдиться, изучая архивъ конторы «Современника», не голословна, а находится въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ сохранившихся документовъ, т.-е. конторскихъ книгъ и расписокъ. Вотъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ задолженность большинства сотрудниковъ «Современника», постоянно прибѣгавшихъ къ авансовымъ позаимствованіямъ изъ кассы журнала. Къ 1 янв. 1864 года долги отдѣльныхъ литераторовъ журналу достигли въ своей совокупности почти 35 тыс. рублей. Изъ нихъ наибольшія суммы приходились на долю Н. Г. Чернышевскаго (13.302 р. 78 к.), Н. А. Добролюбова (6.599 р. 25 к.), Н. Успенскаго (2.313 р. 55 к.), Н. Г. Помяловскаго (1.991 р. 17 к.), Колбасина (644 р. 32 к.), Григоровича (616 р. 50 к.), Бекетова (601 р.), Слѣпцова (522 р. 22 к.), Дріанскаго (450 р.), Пыпина (417 р. 8 к.) и т. д. Такъ какъ часть должниковъ журнала лишилась своей платежеспособности по обстоятельствамъ, отъ нихъ независящимъ (ссылка, смерть), то въ 1864 году Некрасовымъ было отдано распоряженіе списать долги этихъ

лицъ въ убыль. По счету Чернышевскаго было, такимъ образомъ, списано 14.354 р. 53 к. (долгъ самого Ник. Гавр. 13.302 р. 78 к. + 1.051 р. 75 к., забранные съ января по іюнь его женой, Ольгой Сократовной); по счету Добролюбова—6.239 р. 25 к. (долгъ Ник. Ал-ча по 1 янв. 1864 г. 5.329 р. 25 к. + 840 руб., выданные въ теченіе 1864 г. учителю Юрьеву на воспитаніе братьевъ Добролюбова; осталось на счетѣ Добролюбова къ 1 янв. 1865 г. всего 1.200 р., взятыхъ заимообразно на изданіе его сочиненій); по счету М. Л. Михайлова—137 р. 90 к. и т. д. Въ этомъ же году были списаны въ убыль по счету умершаго соредактора и соиздателя Некрасова, Ив. Ив. Панаева, 19.361 р. 36 к. (долгъ Ив. Ив. 17.388 р. 68 к. + 1.972 р. 68 к. вспоможенія, выданнаго его матери Маріи Екимовнѣ Панаевой); по счету его вдовы Авдотьи Яковлевны—5.280 р. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что балансъ 1864 г. пришлось свести съ дефицитомъ въ 19.643 р. 37 к.

Благодаря массовому, если такъ можно выразиться, списыванію долговъ въ убыль, къ слѣдующему 1865 г. задолженность сотрудниковъ «Современника» значительно сократилась: она не достигала даже $^1/_5$ прежней суммы, составляя нѣсколько менѣе 7.000 руб.

Уменьшеніе числа подписчиковъ на 1.310 (въ 1864 году ихъ было свыше 5.000, а въ 1865 г. осталось около 4.000), при тѣхъ же расходахъ и продолжавшемся, хотя и не въ такомъ грандіозномъ масштабѣ, какъ въ 1864 г., списываніи убылей, помѣшало «Современнику» улучшить свое матеріальное положеніе: балансъ 1865 г. былъ сведенъ уже съ дефицитомъ въ 23.307 р. 43 коп.

Система широкаго авансированія сотрудниковъ, ложившаяся, какъ мы видѣли, тяжкимъ бременемъ на бюджетъ журнала, обязана была своимъ происхожденіемъ, главнымъ образомъ, иниціативѣ самого Некрасова. Объ этомъ свидѣтельствуютъ десятки его собственноручныхъ записокъ къ Ип. Ал. Панаеву, служившихъ послѣднему оправдательными документами при веденіи денежной отчетности. Замѣтимъ, что большинство тѣхъ изъ нихъ, которыя далѣе будутъ приведены, относится къ 60-ымъ, а не къ 50-ымъ годамъ, такъ какъ въ архивѣ конторы «Современника» нами были найдены оправдательные документы, по преимуществу, за послѣднее шестилѣтіе существованія этого журнала.

Изъ записокъ предшествующаго періода процитируемъ, прежде всего, нижеслѣдующую, въ виду ея спеціальнаго, такъ

сказать, интереса: «Прошу г-на Вульфа [1]) выдать Ив. Серг. Тургеневу немедленно семьдесятъ пять рублей серебромъ или *сколько онъ потребуетъ*. Н. Некрасовъ. 1858 г. 7 іюля». Отсюда видно, что для Некрасова Тургеневъ являлся не только сотрудникомъ, находящимся на совершенно исключительномъ положеніи, но и человѣкомъ, заслуживающимъ самаго полнаго и безусловнаго довѣрія; такой именно смыслъ имѣютъ заключительныя слова записки: «выдать... *сколько онъ потребуетъ*».

А вотъ письмецо, являющееся доказательствомъ того, что Некрасовъ сплошь да рядомъ выдавалъ сотрудникамъ авансы изъ собственныхъ денегъ, а потомъ уже, если только помнилъ сдѣланныя выдачи, обращался въ контору журнала: «Любезнѣйшій Ипполитъ Александровичъ. Я далъ Потѣхину впередъ (что увидишь изъ прилаг. записки) 300 р., Салтыкову 100 р. Прошу тебя заплатить ихъ брату моему. Н. Некрасовъ. 1859 г. 1-го марта».

Небезынтересно въ психологическомъ отношеніи и письмо его къ Н. И. Костомарову отъ 21 декабря 1859 г.: «Милостивый Государь Николай Ивановичъ. На предл. Ваши я согласенъ. Потрудитесь прислать *Начало Руси*—я его помѣщу въ № 1-мъ. Деньги выдать вамъ будетъ можно къ 1-му янв. или вотъ вамъ записка на полученіе ихъ и Совр. 1860 года».

На оборотѣ: «Н. И. Костомарову выдать 300 руб. Н. Некрасовъ».

Минута колебанія, вызванная, очевидно, соображеніями о тяжести расходовъ по журналу, падающихъ въ значительной своей части на конецъ года, и все-таки вопросъ рѣшается въ наиболѣе выгодномъ для сотрудника духѣ—деньги ему выдаются тотчасъ же, а не недѣлею позже.

Изъ документовъ 1860 года приведемъ записку Добролюбова отъ 12 апрѣля: «Почтеннѣйшій Ипполитъ Александровичъ, Н. А. Некрасовъ проситъ Васъ выдать г. Елисееву 150 р. с., за статью, находящуюся въ редакціи, впередъ до разсчета. Вашъ Н. Добролюбовъ». Къ этому же году относится письмо Чернышевскаго къ Ип. Ал. Панаеву, въ которомъ онъ, съ согласія Некрасова, проситъ выдать ему 600 р., «если найдутся эти деньги», такъ какъ у него «теперь есть лишніе расходы». Ип. Алекс. Панаевъ, какъ это видно изъ его воспоминаній, ближе принималъ къ сердцу матеріальное положеніе журнала, чѣмъ его редакторъ-издатель: пользуясь лазейкой, заключающейся въ сло-

[1]) Карлъ Ивановичъ Вульфъ, старшій конторщикъ „Современника“.

вахъ: «если найдутся», онъ выдалъ Чернышевскому вдвое меньшую сумму (300 р.).

Готовность Некрасова идти навстрѣчу матеріальнымъ нуждамъ сотрудниковъ можетъ быть подтверждена и слѣдующей запиской его къ И. А. Панаеву: «Г-ну Григоровичу за повѣсть «*Пахотникъ и Бархатникъ*» прошу считать по сту руб. сер. за листъ, а *денегъ выдать, сколько возможно.* Н. Некрасовъ. 1860 г. 27 ноября».

Среди записокъ Некрасова за 1861 годъ нельзя не отмѣтить записки о высылкѣ Добролюбову 2.000 фр. во Флоренцію, снабженной такимъ примѣчаніемъ: «пожалуйста, милый Ипполитъ, вели послать деньги завтра же. Твой Некрасовъ». Нужно ли говорить, что это примѣчаніе, несмотря на весь свой лаконизмъ, въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ ту нѣжную заботливость, которую неизмѣнно проявлялъ Некрасовъ въ отношеніи Добролюбова? Нелишнимъ для ея характеристики штрихомъ будетъ и вотъ эта записка Николая Алексѣевича:

«Прошу Ипполита Александровича отправить на счетъ покойнаго Добролюбова:

Доктору	Бокову	180 р.
»	Боткину	50 »
»	Григоровичу	15 »
		215 р.

Н. Некрасовъ».

Далѣе среди оправдательныхъ документовъ 1861 г. обращаютъ на себя вниманіе многочисленныя записки Чернышевскаго, исправлявшаго въ отсутствіе Некрасова его редакторскія обязанности, о выдачѣ авансовъ Піотровскому, изъ которыхъ видно, что этотъ такъ грустно покончившій писатель ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть причисленъ къ пасынкамъ «Современника». Наоборотъ, его интересы не только не находились въ пренебреженіи, но служили предметомъ заботливаго вниманія со стороны редакціи журнала, въ особенности—Чернышевскаго. Послѣдній, однажды, обратился даже съ особымъ письмомъ къ Ип. А. Панаеву, доказывая права Піотровскаго на авансъ:

«Милостивѣйшій Государь Ипполитъ Александровичъ, читаемъ въ немъ, я просилъ бы васъ выдать еще 100 р. г. Піотровскому (И. А.), который прежде взялъ 100 р.

Статьи его были:

въ № IV.	1 л.	9 стр.
» № V.	1 »	13 »
	3 л.	6 стр.

и остался отъ № V къ № VI конецъ статьи, отправившійся на цензуру къ принцу Ольденбургскому, составляющій 1 л. $^1/_4$ или $1^1/_2$, такъ что, считая по 40 р., выйдетъ уже заработанныхъ имъ денегъ 4 л. 10 стр. 160+20р. Нѣсколько побольше 180 р., слѣдовательно впередъ пойдутъ всего рублей 10—15. 1861 г. 27 мая. Вашъ преданнѣйшій

Н. Чернышевскій».

И эта просьба Піотровскаго, столь энергично поддержанная Чернышевскимъ, и многочисленныя его просьбы, относящіяся къ послѣдующему времени, были удовлетворены конторою «Современника». Долгъ Піотровскаго журналу въ послѣдній годъ его сотрудничества достигалъ весьма значительной, по сравненію съ общей суммой его заработка, цифры.

Нельзя не отмѣтить также письма Ольги Сократовны Чернышевской къ Ип. Ал. Панаеву отъ 18 августа 1861 г., въ которомъ она проситъ выдать ей 50 руб. «въ счетъ денегъ за будущій мѣсяцъ... чрезвычайно нужны... пожалуйста, не откажите». Изъ этого письма видно, во-1-хъ, что Чернышевскіе, несмотря на значительность литературнаго заработка Николая Гавриловича, по временамъ очень нуждались въ деньгахъ и, во-2-хъ, что авансы въ редакціи «Современника» выдавались не только въ счетъ гонорара за статьи, но и въ счетъ постояннаго жалованія, уплачивавшагося ежемѣсячно наиболѣе близкимъ сотрудникамъ.

Не менѣе щедрою рукой производилась выдача авансовъ и въ послѣдующіе годы. Такъ, къ 1862 году относятся записки Некрасова о выдачѣ 50 р. «впередъ» одному изъ мелкихъ сотрудниковъ «Современника», Зиновьеву [1]), о выдачѣ 35 р. «впередъ» Вартлинскому за статью «Бюрократическій прессъ» и мн. др. Изъ этихъ записокъ, равно какъ изъ нижеприведеннаго письма А. Иванова, слѣдуетъ, что предупредительность «Современника» въ отношеніи авансированія сотрудниковъ рас-

[1]) Изъ документовъ 1866 г. явствуетъ, что Некрасову пришлось на свой счетъ хоронить этого своего сотрудника, о смерти котораго онъ былъ извѣщенъ нѣкоей г-жей Утиловой.

пространялась не только на видныхъ, уже успѣвшихъ стяжать себѣ извѣстность литераторовъ, но и на рядовыхъ работниковъ пера, робкими и неувѣренными шагами совершавшихъ свое литературное поприще. Письмо Иванова отъ 2-го апрѣля 1862 г. заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго вниманія, какъ по своимъ фактическимъ ссылкамъ, такъ и по проникающему его піетэту къ Некрасову. Приводимъ его полностью:

«Милостивый Государь
Николай Алексѣевичъ.

Извините, что безпокою васъ. Повѣрьте, мнѣ совѣстно, и я никакъ бы не рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ (я былъ вчера у васъ и не могъ заикнуться), если бы вчера же, у Дудышкина, не услышалъ отъ васъ самихъ, что вы даете своимъ сотрудникамъ впередъ деньги за статьи. Конечно, я не имѣю еще чести причислять себя къ нимъ, но вы сказали мнѣ, что статьи мои *Женитьба* и *Зеленый Баринъ* будутъ вами напечатаны. Въ этой надеждѣ, я прошу васъ, если возможно, одолжить мнѣ сколько-нибудь, примѣрно, деньжонокъ, въ счетъ находящихся у васъ статей (въ нихъ будетъ около 3-хъ листовъ). Я буду вамъ очень, очень благодаренъ, тѣмъ болѣе, что самъ считаю свои статьи очень слабыми. Но—Богъ милостивъ—авось приготовлю что-нибудь получше—у меня вчернѣ много матеріала—и тогда, если вы не откажетесь, почту за особенное удовольствіе представить на разсмотрѣніе ваше трудъ свой.

Позвольте, Милостивый Государь, увѣрить васъ въ моемъ глубокомъ уваженіи и совершенной готовности служить вамъ.

А. Ивановъ.

Изъ приписки, сдѣланной на поляхъ рукой Некрасова, видно, что желаніе г. Иванова было удовлетворено, и онъ получилъ нѣсколько «деньжонокъ».

Къ тому же 1862 г. относится записка Некрасова объ авансѣ Плещееву и уплатѣ гонорара новому сотруднику журнала, А. С. Суворину: «Прошу Ипполита Александровича выдать г-ну Плещееву двѣсти руб. сер., которые поступятъ частью уже за напечатанныя стихотворенія въ 1-омъ №, а частію за имѣю-

щіяся для слѣдующихъ №№ статьи г. Плещеева. — Прошу ему же вручить деньги по разсчету г. Суворина, разсчитавъ его по пятидесяти руб. сер. за листъ. Н. Некрасовъ. 27 марта.

Слѣдующій 1863 годъ начался для редакціи «Современника» при тяжелыхъ условіяхъ: она оповѣстила своихъ подписчиковъ о томъ, что принимаетъ на себя обязательство возвратить изъ подписной платы за 1862 г. по 8 руб. съ экземпляра, въ виду того, что въ теченіе большей части этого года журналъ не выходилъ, такъ какъ былъ пріостановленъ цензурою. Какъ видно изъ архива конторы, требованія о возвратѣ подписныхъ денегъ посыпались, какъ изъ рога изобилія. Было бы естественно при такомъ положеніи вещей стремиться къ нѣкоторому сокращенію расходовъ, въ частности воздерживаться отъ черезчуръ щедрой выдачи авансовъ. Ничуть не бывало. «Современникъ» остается вѣренъ своей прежней программѣ. По запискамъ Некрасова выдается Южакову «впередъ за его разсказы что пятьдесятъ рублей сер.» («да прежде, пишетъ Некрасовъ въ той же запискѣ отъ 14 января 1863 г., т. е. въ январѣ же, выдано мною г. Южакову двѣсти рублей»), «Максиму Алексѣевичу Антоновичу впередъ до разсчета, по четыреста рублей сер. ежемѣсячно» (8 февраля 1863 г.), тысячу рублей Салтыкову «въ счетъ работъ по «Современнику» (25 февраля 1863 г.), Ѳедору Бергу «въ счетъ будущаго еще пятьдесятъ рублей» (17 іюня 1863 г.), Левитову «сто пятьдесятъ рублей въ счетъ повѣсти, которую онъ уже доставилъ» (20 декабря), Слѣпцову и мн. др. Съ авансомъ Слѣпцову вышло, насколько можно судить по архивнымъ матеріаламъ, нѣкоторое препирательство между А. Н. Пыпинымъ и И. А. Панаевымъ. Пыпинъ, исполняя въ отсутствіе уѣхавшаго въ деревню Некрасова редакторскія обязанности, обратился къ Панаеву со слѣдующимъ письмомъ (отъ 13-го мая 1863 г.).

«Многоуважаемый Ипполитъ Александровичъ. Къ вамъ обратится г. В. Слѣпцовъ съ просьбой выдать ему впередъ нѣсколько денегъ въ счетъ будущихъ статей. За разсчетомъ напечатаннаго (съ майской книжки включительно) онъ считаетъ, что будетъ долженъ редакціи рублей 75. Теперь, по разнымъ семейнымъ дѣламъ, ему нужно рублей 300, и я нахожу, что эту выдачу Слѣпцову сдѣлать слѣдуетъ, такъ какъ онъ постоянный сотрудникъ редакціи; тѣмъ больше, что для слѣдующей же книжки предвидятся новыя его статьи.

Будьте поэтому такъ добры и снабдите Слѣпцова означенными деньгами. Преданный вамъ

А. Пыпинъ.

Слѣпцовъ будетъ у васъ сегодня-же».

Панаевъ, вмѣсто просимыхъ 300 р., счелъ возможнымъ выдать Слѣпцову лишь сто руб. Пыпинъ, однако, ревностно оберегая интересы Слѣпцова, не хотѣлъ признать себя побѣжденнымъ; онъ написалъ о происшедшемъ разногласіи Некрасову и уже 15 іюня имѣлъ возможность извѣстить Панаева, что получилъ отъ Некрасова письмо и записку о выдачѣ 300 руб. Слѣпцову, о которыхъ шла рѣчь». Послѣ этого Панаевъ выдалъ Слѣпцову еще 150 руб.

По запискѣ того же Пыпина авансомъ было выдано 150 р. Минаеву (12 авг.), «одному изъ сотрудниковъ, которыми журналъ дорожитъ».

Стоя на коммерческой точкѣ зрѣнія, можно, конечно, осуждать черезчуръ ужъ широкое авансированіе сотрудниковъ, практиковавшееся «Современникомъ», но съ моральной стороны щедрость некрасовскаго журнала заслуживаетъ самаго горячаго сочувствія, тѣмъ болѣе, что даже видные литераторы, сотрудничавшіе въ «Современникѣ», испытывали по временамъ самую острую нужду въ деньгахъ. Подтвержденіемъ этого могутъ служить нижеслѣдующія письма М. Е. Салтыкова и Я. П. Полонскаго къ И. А. Панаеву.

Письмо Салтыкова отъ 30 окт. 1863 г.

«Сдѣлайте одолженіе, многоуважаемый Ипполитъ Александровичъ, пришлите хоть 100 руб. въ счетъ должныхъ мнѣ редакціей денегъ. Крайне необходимо, потому что наступаетъ 1-ое число, а съ нимъ и неизбѣжные разсчеты.

Весь Вашъ М. Салтыковъ».

Письмо Салтыкова отъ 9 ноября 1863 г.

«Сдѣлайте одолженіе, многоуважаемый Ипполитъ Александровичъ, пришлите мнѣ впередъ до разсчета 150 руб., ибо имѣю самую великую крайность въ деньгахъ.

Весь Вашъ М. Салтыковъ».

Письмо Салтыкова отъ 16 ноября 1863 г.

«Милостивый Государь

Ипполитъ Александровичъ.

Имѣю, по-истинѣ, величайшую крайность въ деньгахъ, а потому покорнѣйше просилъ бы Васъ, если возможно прислать мнѣ со Звонаревымъ слѣдующее по прилагаемому счету.

Весь Вашъ М. Салтыковъ».

За редакціей оставалось	84 р.	— к.
Редакціонныхъ за октябрь	150 „	— „
За 10 стр. въ библіографіи (послѣднія 3 статьи)	62 „	50 „
Итого . . .	296 р.	50 к.

Письмо Полонскаго отъ 31 дек. 1863 г.

«Милостивый Государь

Ипполитъ Александровичъ.

Посылаю къ Вамъ мою кухарку—потому что самому нѣтъ ни минуты свободнаго времени, чтобы попасть къ Вамъ—зашелъ бы къ вамъ вечеркомъ, но у васъ дѣти, и очень можетъ быть, что будетъ елка—и въ такомъ случаѣ, я, какъ незванный гость, буду хуже татарина.

Пожалуйста, пришлите съ посланной остальные 57 рублей—выручите!

Будьте такъ милостивы...

Кухарка довольно честная женщина и ей можно повѣрить.—Отдайте ей деньги счетомъ и получите отъ нея мою расписку.—Съ 6 числа я жду отъ васъ посланника и никакъ не могу дождаться.

Прощайте, до пріятнаго свиданія!

Остаюсь

готовый къ услугамъ и преданный

Вамъ Я. Полонскій».

Сбоку: «Если кухарка не застанетъ васъ дома, ради Бога пришлите деньги завтра утромъ».

Сколь существенной иногда являлась для ничтожнаго лите-

раторскаго бюджета даже небольшая денежная помощь «Современника», можно видѣть изъ слѣдующей записки Щапова, относящейся уже къ 1864 году: «25 рублей получилъ. *Безмѣрно* благодаренъ. Постараюсь въ скорѣйшемъ времени расплатиться, какъ должно. А. Щаповъ. 10 января».

Не лишено выразительности и январское письмо Н. Благовѣщенскаго (отъ 1 янв. 1864 г.) Некрасову:

«Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ.

Если редакція Современника довѣритъ мнѣ еще *50* р. въ *счетъ будущихъ благъ*, я буду ей очень благодаренъ, ибо имѣю крайнюю нужду въ деньгахъ. Въ такомъ случаѣ я буду долженъ Вамъ всего 100 р. и не буду безпокоить редакцію своими просьбами до самой подачи статьи, то-есть до 15 февраля.

Вмѣстѣ съ деньгами потрудитесь выслать мнѣ, Николай Алексѣевичъ, «Данилушку» и «О воскресныхъ школахъ»—Помяловскаго. Эти тетради теперь мнѣ очень нужны.

Остаюсь въ ожиданіи
Преданный вамъ

Н. Благовѣщенскій».

Вверху рукою Некрасова: «выдать пятьдесятъ руб. Некр.».

Не въ лучшемъ матеріальномъ положеніи находился и Левитовъ, какъ это можно видѣть изъ его письма къ Некрасову отъ 22 сентября 1864 г.:

«Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ.

Покорнѣйше прошу васъ помочь въ томъ плохомъ положеніи, въ какое поставила меня почти трехмѣсячная болѣзнь нынѣшнимъ лѣтомъ,—вышлите мнѣ въ Москву рублей полтораста, или сто. Я въ свою очередь съ 10 ноября привезу лично Вамъ очеркъ, который

почти погасить мой долгъ, а къ декабрьской книжкѣ у меня для «Современника» будетъ большая повѣсть изъ степныхъ нравовъ.

Примите увѣреніе въ томъ уваженіи, съ какимъ остаюсь Вамъ, М-й Г-рь, готовый къ услугамъ

А. Левитовъ».

Внизу приписка Головачова: «Н. А. Н—въ просить Ип. Алекс. послать 50 руб., если можно. У Базунова денегъ нѣтъ».

Само собой разумѣется, что деньги эти были посланы Левитову.

Не касаясь другихъ оправдательныхъ документовъ по авансированію сотрудниковъ въ 1864 году, обращаемся къ послѣднимъ годамъ существованія «Современника». И въ это время, несмотря на крупный бюджетный дефицитъ, авансы выдавались на прежнихъ основаніяхъ [1]). Чрезвычайно характерно, что выдача ихъ не прекратилась даже тогда, когда надъ журналомъ былъ уже занесенъ Дамокловъ мечъ (послѣ покушенія 4-го апрѣля).

Изъ писемъ этого періода, касающихся авансовыхъ дѣлъ, отмѣтимъ письмо А. Михайлова-Шеллера къ Некрасову отъ 1 дек. 1864 года (платежъ по немъ послѣдовалъ въ январѣ 1865 г.):

«Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ!

Такъ какъ Вы обѣщали мнѣ заплатить впередъ за первую часть «Подсудимыхъ» въ серединѣ декабря, то я и обращаюсь къ Вамъ съ просьбою переслать деньги къ моей матери. По моему разсчету въ этой части будетъ 11 печатныхъ листовъ, если можно, то пошлите за всѣ; въ апрѣлѣ надѣюсь разсчитаться съ Вами и привезти вторую часть романа, которую обдѣлываю теперь въ Ниццѣ»...

---

[1]) Къ нимъ прибѣгали П. Вейнбергъ (записки Н—ва отъ 8 апр. 65 г. и 29 апр. 1866 г.), Гл. Ив. Успенскій (записка Н—ва отъ 12 апр. 65 г.), Полонскій (записка Н—ва отъ 20 апр. 65 г.), Рѣшетниковъ (записки Н—ва отъ 27 сент., 21 дек. 1865 г. и 29 апр. 1866 г.), Ватсонъ (записка Н—ва отъ 4 марта 1866 г.), Минаевъ (записка Н—ва отъ 21 марта и 25 апрѣля 1866 г.) и мн. другіе.

На письмѣ рукою Некрасова написано: «15-го декабря нужно будетъ послать 500 руб. сер. матери г. Шеллера. Н. Некрасовъ». Исполненіе этого распоряженія почему-то нѣсколько задержалось, но, во всякомъ случаѣ, въ началѣ января уплата аванса уже была произведена.

III.

Авансированіе на широкихъ основаніяхъ сотрудниковъ не было единственнымъ средствомъ, къ которому прибѣгалъ «Современникъ» въ цѣляхъ облегченія тяжелаго матеріальнаго положенія примыкавшихъ къ нему литераторовъ. Указаніе Ип. Ал. Панаева въ его воспоминаніяхъ на то, что Николай Алексѣевичъ предугадалъ много талантовъ и «многимъ своевременнымъ пособіемъ въ трудное время далъ возможность развиваться»,— подтверждается документами его архива. Дѣйствительно, вѣрно, что, какъ говоритъ Панаевъ, изъ кассы журнала «производились постоянныя ежемѣсячныя содержанія» нѣкоторымъ лицамъ. Къ ихъ числу относятся, между прочимъ, Н. Г. Помяловскій, В. Слѣпцовъ, Н. Успенскій и др. Послѣдній, какъ извѣстно, обнаружилъ удивительную неблагодарность въ отношеніи Некрасова. Отсылая интересующихся подробностями, по меньшей мѣрѣ, некрасиваго образа дѣйствій Н. Успенскаго къ статьѣ И. П. Панаева («Новое Время», 1889 г., 18-го янв.) и къ его воспоминаніямъ (см. нашу книгу стр. 134—136), отмѣтимъ свидѣтельство Елисеева (изъ неизданной части его воспоминаній) о томъ, что Некрасовъ во время послѣдняго своего объясненія съ Успенскимъ, былъ въ такой мѣрѣ возмущенъ его поведеніемъ, что оскорбилъ его дѣйствіемъ... Что касается Помяловскаго, то онъ съ глубокою признательностью принималъ субсидію «Современника». Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующимъ письмамъ его. Два изъ нихъ, написанныя въ маѣ 1862 г., адресованы Н. Г. Чернышевскому (Некрасовъ, который въ обычное время самъ выдавалъ Помяловскому его содержаніе, находился въ это время въ отсутствіи).

Первое изъ писемъ отъ 1 мая 1862 г. такого содержанія:

«Милостивый Государь

Николай Гавриловичъ!

Послѣ 9 мая я уѣзжаю изъ Питера на дачу, на задатокъ за квартиру долженъ внести въ первыхъ числахъ—иначе квартира можетъ быть передана дру-

гому жильцу. Поэтому нельзя ли выдачу шестидесяти рублей, о которой мы условились съ Вами, на этотъ разъ перенести на 2 мая, а въ будущее время на первую среду каждаго мѣсяца, потому что среда—Вашъ пріемный день. По этому дѣлу я и зайду къ Вамъ завтра.

Вполнѣ преданный Вамъ Н. Помяловскій».

Сверху рукой Чернышевскаго, всегда очень участливо относившагося къ такого рода просьбамъ, написано: «я просилъ бы Васъ, Ипполитъ Александровичъ, прислать эти деньги, если можно. Вашъ Н. Чернышевскій». 2-го мая Помяловскій уже получилъ просимое. Второе письмо отъ 13 мая 1862 г. гласитъ:

«Николай Гавриловичъ!

На случай, если не застану Васъ дома, я заготовилъ для Васъ записку.

Я совершенно ошибся въ разсчетѣ. Не взявъ во вниманіе перевозку, прислугу, водовоза, проѣзды и многое другое, я думалъ, что для меня достаточно будетъ 60 р. въ мѣсяцъ. Оказалось, что къ концу мѣсяца придется бѣдствовать. Потому я Васъ покорнѣйше прошу прибавить къ мѣсячной выдачѣ 15 рублей, т. е., ежемѣсячно 75 руб. Лишку, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, составится только 75 руб. Если можно, то завтра мнѣ передадите 15 добавочныхъ за май.

Вполнѣ преданный Вамъ
Помяловскій».

Въ 1862 году «Современникъ», какъ извѣстно, былъ пріостановленъ на восемь мѣсяцевъ; носились даже слухи о полномъ его прекращеніи. Это не помѣшало, однако, журналу, на прежнихъ основаніяхъ, оказывать свою помощь, какъ Помяловскому, такъ и другимъ литераторамъ, пользовавшимся ежемѣсячною субсидіею.

Остальныя письма Помяловскаго адресованы И. А. Панаеву и относятся уже къ 1863 г. Въ виду того, что они не лишены біографическаго интереса (біографія Помяловскаго, кстати сказать, изучена очень слабо, въ частности переписка его опубликована лишь въ незначительной своей части) приводимъ ихъ полностью.

Письмо отъ 24 мая 1863 г.:

«Милостивый Государь

Ипполитъ Александровичъ!

За мѣсяцъ май я получилъ отъ Васъ деньги чрезъ художника Фортунатова; за іюль покорнѣйше прошу Васъ выдать чрезъ подателя этой записки, брата моего, В. Г. Комарова. Деньги, семьдесятъ пять рублей серебромъ, необходимы мнѣ по случаю отъѣзда моего въ деревню. Надѣюсь, что не встрѣтится затрудненій для выдачи необходимой мнѣ суммы. И въ слѣдующіе мѣсяцы я буду получать отъ Васъ деньги черезъ брата.

Имѣю честь быть Вашъ покорный слуга

Н. Помяловскій».

Письмо отъ 29 сентября 1863 г., написанное за недѣлю до смерти, когда призракъ ея уже виталъ надъ постелью тяжело-больного писателя:

«Милостивый Государь

Ипполитъ Александровичъ!

Покорнѣйше прошу Васъ выдать брату моему, Владиміру Герасимовичу Комарову, за слѣдующій мѣсяцъ семьдесятъ пять руб. сер. Самъ я не могу быть у Васъ, потому что девятый день лежу въ постели и чрезъ силу подписываю свою фамилію.

Н. Помяловскій».

Получивъ это письмо, И. А. Панаевъ поспѣшилъ отправить къ Помяловскому съ деньгами служащаго конторы «Современника» Звонарева; когда Звонаревъ прибылъ на квартиру Н. Г., послѣдній былъ настолько слабъ, что не могъ даже расписаться въ полученіи; за него расписалась его сестра. Аккуратный Звонаревъ изложилъ все это въ особой припискѣ къ письму Помяловскаго:

«Деньги 75 р. сер. отданы Звонаревымъ, по личной просьбѣ г. Н. Помяловскаго, въ квартирѣ его, сестрѣ его А. Помяловской подъ вышеозначенную ея расписку. Самъ же расписки не могъ дать, потому что лежалъ въ постели по сильному нездоровью.

Звонаревъ».

Думается, что какъ эти документальныя свѣдѣнія, такъ и тотъ фактъ, что Помяловскій умеръ, оставшись долженъ «Современнику» цѣлыхъ 2 т. руб., подрываетъ мнѣніе тѣхъ біографовъ (напр. В. Острогорскій), которые готовы считать причиною его смерти недостатокъ «участливаго вниманія» къ нему со стороны «литературнаго круга». Во всякомъ случаѣ, редакторъ-издатель «Современника» отъ этого упрека остается совершенно свободнымъ. Показателемъ того, насколько онъ былъ далекъ отъ мысли смотрѣть на свой журналъ, какъ на источникъ личнаго обогащенія, является также высота выдаваемаго авторамъ гонорара, которую по тѣмъ временамъ, когда еще широко практиковалось безплатное сотрудничество, нельзя не признать исключительной.

Вотъ свѣдѣнія о полистной платѣ постоянныхъ сотрудниковъ «Современника» въ концѣ 50-хъ годовъ. Извѣстные беллетристы Островскій, Толстой, Тургеневъ, Григоровичъ, Салтыковъ-Щедринъ, Потѣхинъ и В. И. Даль получали не менѣе 75 руб. за листъ, а обычно значительно больше. Собственно по 75 р. «Современникъ» платилъ только Григоровичу и Далю, но при этомъ нужно замѣтить, что первый изъ нихъ въ 1857 году получилъ часть дивиденда, о чемъ будетъ сказано ниже.

Тургеневъ въ 1856 г. получалъ 100 руб. за листъ (напр. за «Фауста», помѣщеннаго въ № 10), въ слѣдующемъ, 1857 году, 75 р. за листъ (въ № 3 была помѣщена его комедія «Чужой хлѣбъ»), но зато имѣлъ долю въ дивидендѣ. Въ 1858 г. Тургеневъ помѣстилъ въ «Современникѣ» «Асю», за которую получилъ по 75 р. за листъ. Но уже въ 1859 г. ему былъ уплаченъ прямо-таки колоссальной гонораръ, въ 4.000 руб., за «Дворянское Гнѣздо» (въ этой повѣсти было менѣе 10 л., так. обр. Тургеневъ получилъ свыше 400 р. за листъ).

Что касается гр. Л. Н. Толстого, то онъ въ 1857 г. за большую повѣсть свою «Юность» (9 л. 7 стр.) былъ разсчитанъ по 100 р., а за короткій сравнительно очеркъ «Изъ записокъ кн. Нехлюдова» по 75 р.; надо замѣтить, что Толстой, въ свою очередь, пользовался въ это время дивидендомъ.

Островскій, четвертый писатель, имѣвшій право на полученіе дивиденда, какъ въ 1857 году (за ком. «Праздничный сонъ до обѣда» въ № 2), такъ и въ 1858 г. (за ком. «Не сошлись характеромъ») получалъ по 100 руб.

Салтыковъ-Щедринъ дебютировалъ въ «Современникѣ» разсказомъ «Женихъ» (въ № 10, 1857 г.), за который ему было уплачено по 100 руб. за листъ; въ слѣдующемъ году, когда матеріальное положеніе журнала значительно улучшилось,

онъ получилъ уже за «Развеселое Житье» (№ 2, 1859 г.)—125 р. Очевидно, по той же причинѣ и Потѣхину за этнографическій очеркъ «Рѣка Керженецъ» (№ 2) и за ком. «Новѣйшій Оракулъ» (№ 3) было уплачено по 125 р. за листъ.

Не столь крупные беллетристы получали значительно мѣнѣе—отъ 40 до 60 руб. за листъ.

Беллетристы второстепенные, которыхъ, кстати сказать, среди сотрудниковъ «Современника» было очень немного, получали по 30 и по 25 руб. за листъ, но такая оплата имѣла мѣсто лишь въ единичныхъ случаяхъ.

При расцѣнкѣ стиховъ, помѣщаемыхъ въ «Современникѣ», редакція руководствовалась уже не полистнымъ принципомъ; гонораръ уплачивался за каждое стихотвореніе въ отдѣльности, при чемъ небольшія лирическія пьесы, занимавшія лишь одну печатную страницу, оцѣнивались въ 10—15 руб. Такъ, по даннымъ 1856 и 1587 г.г., по 15 руб. за каждое стихотвореніе получали и Некрасовъ, и Фетъ, и Майковъ. Отмѣтимъ, что такая превосходная вещь, какъ «Тишина» Некрасова, дала своему автору всего 100 руб., хотя ему слѣдовало получить за нее по обычной расцѣнкѣ 120 руб. («Тишина» заняла 8 стр.).

Переводная беллетристика оплачивалась сравнительно дешево; такъ, присяжный поставщикъ ея Бутузовъ получалъ 10—12 руб. за листъ. Зато переводы въ стихахъ котировались довольно высоко [1]).

Послѣ беллетристическаго отдѣла въ «Современникѣ» разсматриваемаго періода наиважнѣйшимъ являлся критико-библіографическій. Въ серединѣ 50-хъ годовъ онъ находился всецѣло въ рукахъ Н. Г. Чернышевскаго. Его гонораръ за статьи критическія, библіографическія и литературныя, какъ напр., «Лессингъ», опредѣлялся въ 1856 и 1857 г.г. въ 40 руб. за печатный листъ. Въ слѣдующемъ году критико-библіографическій отдѣлъ, по желанію самого Ник. Гавр., перешелъ къ Добролюбову, Чернышевскій же оставилъ за собой экономическій и политическій отдѣлы. Въ соотвѣтствіи съ улучшившимся матеріальнымъ положеніемъ журнала онъ уже получалъ по 50 руб. за листъ; по этой расцѣнкѣ была оплачена, напр., его извѣстная статья «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» въ № 2, 1858 г. При

[1]) Такъ, напримѣръ, за переводъ „Фауста“ (9 л. 6 стр.) редакція заплатила въ 1856 г. Струговщикову 400 р.; за переводъ „Короля Лира“ въ томъ же году Дружинину 550 р. (по 50 р. за листъ); за 10 стих. Беранже въ 1857 г. 100 р.; за 6 стих. Гейне въ 1858 г. Михайлову—50 р.; за „Мазепу“ Байрона въ 1858 г. 81 р. 25 к. (по 50 р. за листъ), за переводъ „Паризины“ въ 1859 г. Григорьеву 150 руб. (по 100 руб. за листъ) и т. д.

сужденіи о размѣрахъ литературнаго заработка Чернышевскаго въ «Современникѣ» 50-хъ годовъ, надо имѣть въ виду, что уже съ 1856 г. онъ заключилъ съ Некрасовымъ условіе, по которому (оно приводится г. Ляцкимъ въ его статьѣ въ «Совр. Мірѣ», № 9, 1911 г.) ему назначалось постоянное жалованіе въ размѣрѣ 3.000 руб. въ годъ, за веденіе опредѣленныхъ отдѣловъ журнала, чтеніе вторыхъ корректуръ и участіе «въ заготовленіи матеріала и редакціи журнала». Подобное условіе, но относящееся уже къ 1858 г., было найдено и нами въ архивѣ конторы «Современника», оно оставляло ту же сумму жалованія, но полистный гонораръ поднимало съ 40 руб. до 50-ти, что́ вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ даннымъ, которыя приводились выше.

Добролюбовъ, начавшій свое сотрудничество въ «Современникѣ» статьями о «Собесѣдникѣ» (№№ 8 и 9, 1856 г.), получилъ за нихъ по расчету 30 руб. за листъ. Эту расцѣнку никоимъ образомъ нельзя считать низкой, если принять во вниманіе, что авторъ статей былъ студентъ, ничѣмъ не ознаменовавшій себя на литературномъ поприщѣ. Такъ же были оплачены, какъ статья «Нѣсколько словъ о воспитаніи» (№ 5, 1857 г.), послѣдняя изъ статей, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» *студентомъ*—Добролюбовымъ, такъ и статья его о сочиненіяхъ гр. Соллогуба (№ 7, 1857 г.). Съ сентября мѣсяца гонораръ Добролюбова былъ увеличенъ до 40 р. за листъ; однако, на этомъ уровнѣ онъ продержался менѣе года: съ мая 1858 г. онъ возросъ до 50 руб. за листъ, таковымъ и оставался въ теченіе всего 1859 г. При этомъ надо замѣтить, что съ 1858 г. Добролюбову было установлено опредѣленное жалованіе по 50 руб. въ мѣсяцъ за чтеніе вторыхъ корректуръ. Такъ какъ вторыя корректуры уже читались Чернышевскимъ, то едва-ли въ данномъ случаѣ мы не встрѣчаемся съ замаскированнымъ и извѣстнымъ образомъ обставленнымъ стремленіемъ улучшить матеріальное положеніе начинающаго писателя.

Гонораръ А. Н. Пыпина, работавшаго въ тѣхъ же и сопредѣльныхъ областяхъ, что́ и Добролюбовъ, 1856—57 г.г. колебался отъ 30 р. (Библіографія въ № 12, 1856 г.) до 32 р. («Замѣтки о журналахъ» въ № 11, 1856 г. и «Библіографія» въ № 1, 1857 г.); за статьи компилятивнаго характера («Китайская имперія», «Заграничныя извѣстія» въ 1857 г.) Пыпинъ получалъ отъ 20 до 25 руб. за листъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ гонораръ Пыпина значительно возросъ. Такъ за статьи «Два мѣсяца въ Прагѣ» (№ 4, 1859 г.), «Изъ Флоренціи» (№ 10,

1859 г.) и «Изъ Венеціи» (№ 12, 1859 г.) ему было уплачено уже по 50 руб.

Высоко цѣнились въ «Современникѣ» средины 50-хъ годовъ статьи Боткина, который еще въ 1857 г. (№ 1) за свою «Критику» получилъ по 50 р. за листъ.

Что касается статей по внутреннимъ и экономическимъ вопросамъ, то оплата ихъ была неодинакова: Чернышевскій, какъ мы знаемъ, получалъ за нихъ въ 1858—59 г.г. по 50 р. Столько же получилъ В. А. Панаевъ за свою «Общину» въ 1859 г. Вдвое дороже была оцѣнена извѣстная статья Кавелина «О новыхъ условіяхъ сельскаго быта» въ № 4, 1859 г. Остальные писатели, принимавшіе участіе въ этомъ отдѣлѣ, получали нѣсколько меньше, въ особенности въ срединѣ 50-хъ годовъ.

Статьи историческаго характера оцѣнивались гонораромъ въ соотвѣтствіи съ именемъ авторовъ. П. Пекарскій (ст. «Мистеріи» № 2, 1857 г. и ст. «Актеры при Петрѣ В.» № 2, 1858 г.) получалъ по 30 р., Н. Костомаровъ («Очеркъ торговли Моск. Руси» въ 1857 г. и «Могильныя преданія» въ 1858 г.) по 50 р. Столько же получили С. М. Соловьевъ за ст. «Русская промышленность» (№ 1, 1857 г.), Буслаевъ за ст. «Изображеніе Страшнаго Суда» (№ 10, 1857 г.) и Березинъ за ст. «Восточные реформаторы» (№ 10, 1857 г.).

И. И. Панаевъ, присяжный фельетонистъ журнала, за свои «Замѣтки новаго поэта», «Петербургскую жизнь», «Опытъ о хлыщахъ» и т. д. въ теченіе всего разсматриваемаго періода неизмѣнно получалъ по 50 р.

Приведенныхъ цифровыхъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы составить вполнѣ опредѣленное мнѣніе о размѣрахъ гонорара, выдававшагося въ «Современникѣ». Для всякаго маломальски знакомаго съ вопросомъ должно быть ясно, что гонораръ этотъ ни въ коемъ случаѣ нельзя признать эксплоататорскимъ; скорѣе наоборотъ, нерѣдко онъ достигалъ небывалой по тѣмъ временамъ высоты. Нами указывалось уже на то, что помѣщеніе безгонорарныхъ статей, обычное явленіе въ журналистикѣ первой половины XIX вѣка, почти не практиковалось «Современникомъ». Только въ видѣ исключенія, да и то очень немногія статьи печатались въ этомъ журналѣ даромъ. Тутъ, повидимому, рѣшающую роль играла традиція не оплачивать литературныхъ дебютовъ. Объ этой традиціи весьма опредѣленно говоритъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Л. Н. Толстому: «въ лучшихъ нашихъ журналахъ, читаемъ мы здѣсь, издавна существуетъ обычай не платить за первую повѣсть начинающему автору, котораго

журналъ впервые рекомендуетъ публикѣ», и ссылается въ дальнѣйшемъ какъ на собственный его и Панаева опытъ, такъ и на то, что «этому обычаю подверглись всѣ доселѣ начавшіе въ «Современникѣ» свое литературное поприще, какъ-то: Гончаровъ, Дружининъ и Авдѣевъ»... Не забудемъ, что цитируемое письмо относится къ октябрю 1852 г., когда подъ вліяніемъ реакціоннаго застоя въ журналистикѣ наступило затишье и матеріальное положеніе журналовъ, въ томъ числѣ и «Современника», было болѣе, чѣмъ неблестящее. Въ срединѣ же и концѣ 50-хъ годовъ, когда некрасовскій журналъ болѣе или менѣе окрѣпъ въ матеріальномъ отношеніи, печатаніе безгонорарныхъ статей, повторяемъ, практиковалось очень рѣдко.

Что касается авторскихъ гонораровъ въ послѣдующій періодъ существованія «Современника», 60-е годы, то они или увеличились, или удержались на прежней высотѣ. Этого нельзя не поставить въ плюсъ Некрасову, такъ какъ къ срединѣ 60-хъ годовъ матеріальное положеніе журнала снова ухудшилось, и онъ даже сталъ давать дефицитъ. Изъ крупныхъ беллетристовъ въ «Современникѣ» принимали въ это время участіе Гончаровъ, Григоровичъ, Салтыковъ-Щедринъ и Островскій. Гончаровъ въ январѣ 1860 года напечаталъ въ «Современникѣ» нѣсколько главъ изъ «Обрыва», получивъ за нихъ 1.000 руб. Вотъ подлинникъ его расписки:

> «Тысячу рублей серебр. получено мною отъ Николая Алексѣевича Некрасова за отрывокъ изъ романа (Эпизоды изъ жизни Райскаго) подъ заглавіемъ *Софья Николаевна Бѣловодова*, то-есть, за помѣщеніе сего отрывка въ журналѣ «Современникъ» 19 января 1860 г. Статскій совѣтникъ И. Гончаровъ».

Тысяча руб. за 2 л. 13 стр. текста, это составитъ свыше 350 р. за печатный листъ!

Гонораръ Григоровича увеличился на 33%: вмѣсто прежнихъ 75 р. за листъ онъ сталъ получать 100 р., напр. за разсказъ «Пахотникъ и Бархатникъ» (№ 11, 1860 г.).

Салтыковъ-Щедринъ за время своего участія въ редакціонномъ кружкѣ «Современника» (1863—1864 г.г.) получалъ по 100 руб. за печатный листъ, при чемъ не дѣлалось различія между его беллетристическими произведеніями и прочими статьями. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что сверхъ гонорара, Салтыкову уплачивалось жалованіе въ размѣрѣ 150 р.

въ мѣсяцъ, а съ другой стороны необыкновенную продуктивность этого писателя, о которой будетъ рѣчь ниже, то полистное вознагражденіе его никоимъ образомъ нельзя признать незначительнымъ. Въ началѣ же 1860-хъ годовъ, пока Салтыковъ былъ болѣе или менѣе случайнымъ сотрудникомъ «Современника», онъ получалъ болѣе крупные гонорары. Такъ, напримѣръ, за «Скрежетъ зубовный» (№ 1, 1860 г.) онъ получилъ по 250 руб. за листъ, а за «Нашъ дружескій хламъ» (№ 8, 1860 г.) по 200 руб.

Огромные гонорары платилъ «Современникъ» Островскому: въ 1860 г. (№ 9), за ком. «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», Островскій получилъ по 200 руб. за листъ; въ 1862 г. (№ 1) за драм. хронику «Козьма Мининъ», въ которой было всего 6 лист. 13 стр., 3.000 руб., т. е. по 450 руб. за листъ; въ 1865 г. за «Воеводу» (№ 1)—2.000 руб. и т. д.

Чтобы иллюстрировать отношенія Некрасова къ его сотоварищамъ-поэтамъ, приведемъ письмо къ нему Плещеева, относящееся къ концу 1861 г., изъ котораго видно, насколько эти отношенія были основанными на взаимномъ довѣріи и простыми:

«Добрѣйшій Николай Алексѣевичъ.

Извините меня—если я опять васъ потревожу. Дѣло въ томъ, что какъ вы себя обочли недавно, такъ я теперь обчелся.—Вы мнѣ должны были за Курве—60 руб. и за стихотвореніе, которое я нынче вамъ отдалъ—15 р.; значитъ всего 75 руб. А я у васъ взялъ всего 40 руб.—(а 15, которые вы мнѣ потомъ прислали—пошли за «Старика»). Итакъ за вами было не 20, а 35 руб.—Я получилъ нынче 20;—за вами 15.—По напечатаніи «Слуги и Служанки»—пришлите мнѣ, пожалуйста, записочку къ Базунову—на полученіе ихъ. Но еще бы лучше—если бы пораньше. Я теперь и 15-ти рублями не побрезгую, ибо нахожусь въ дурныхъ обстоятельствахъ.—Еще разъ извините; я знаю, что эти разсчеты скучны.

Весь вашъ А. Плещеевъ».

Небезынтересно и письмо Плещеева къ И. А. Панаеву, опять-таки свидѣтельствующее о полнѣйшемъ довѣріи, внушаемомъ «Современникомъ» его сотрудникамъ. Эти послѣдніе, какъ

увидитъ читатель, не считали иногда даже нужнымъ заключать съ редакціей предварительныхъ условій относительно платы, всецѣло полагаясь на ея добросовѣстность.

«Милостивый Государь Ипполитъ Александровичъ!

Имѣю честь препроводить къ Вамъ согласно Вашему требованію разчеты съ Соврем. за 1861 годъ; при чемъ покорнѣйше прошу Васъ сообщить, если возможно—такъ ли считаетъ редакція; потому что я съ ней предварительныхъ условій относительно платы не дѣлалъ и выставлялъ плату, соображаясь съ тѣмъ, что получалъ прежде и что получаютъ другіе изъ Современника. Если бы редакція считала меня въ долгу у себя — то я бы хотѣлъ знать, сколько именно остается за мной. Это мнѣ нужно для кое-какихъ соображеній.

Прилагаю также расписку отъ Костомаровыхъ въ полученіи 50 р. с. Затѣмъ съ чувствомъ искренняго уваженія я имѣю честь быть Вашъ покорный слуга

А. Плещеевъ».

Нужно ли говорить, что счетъ Плещеева безъ всякихъ возраженій былъ оплаченъ конторой.

Гонораръ Чернышевскаго и Добролюбова въ началѣ 60-хъ годовъ за статьи критическія и по внутреннимъ вопросамъ оставался на уровнѣ 50-ти рублей за печатный листъ.

Со смертью Добролюбова и послѣдовавшими вскорѣ арестомъ и ссылкой Чернышевскаго ихъ амплуа въ «Современникѣ» перешло къ М. А. Антоновичу, Ю. Г. Жуковскому, Гр. Зах. Елисееву, А. Н. Пыпину и М. Е. Салтыкову. Изъ конторской книги предпослѣдняго года существованія «Современника» (1865 г.) видно, что первый изъ нихъ получалъ по 75 р. за листъ, слѣдующіе три по 50 руб., послѣдній же, какъ указывалось выше, по 100 руб. Въ предшествующіе годы гонораръ названныхъ сотрудниковъ былъ приблизительно таковымъ же.— При сужденіи объ его размѣрахъ нельзя упускать изъ виду, что всѣ переименованныя лица состояли членами редакціонной коллегіи журнала и получали за это особое жалованіе.

Остальные сотрудники «Современника», писавшіе по тѣмъ же или сопредѣльнымъ вопросамъ, получали въ общемъ не менѣе, чѣмъ и въ 50-ые годы.

То же приходится сказать и относительно оплаты статей историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и т. д.

Выводъ изъ изслѣдованія вопроса о гонорарахъ сотрудниковъ «Современника» въ 60-ые годы аналогиченъ съ тѣмъ, который мы уже сдѣлали относительно 50-хъ годовъ: объ эксплоатаціи кого бы то ни было и рѣчи быть не могло, такъ какъ гонорары уплачивались по нормальной, *а нерѣдко и повышенной расцѣнкѣ*.

IV.

Однако, щедрое авансированіе, отнюдь не низкіе, а обыкновенно превышавшіе среднюю норму, гонорары далеко не исчерпываютъ проявленій того въ высшей степени безкорыстнаго отношенія къ матеріальнымъ нуждамъ и потребностямъ литературной братіи, котораго придерживался Некрасовъ. Извѣстна его попытка привлечь четырехъ крупнѣйшихъ сотрудниковъ «Современника», Толстого, Тургенева, Островскаго и Григоровича, къ участію въ дивидендѣ. Подлинника договора, оформившаго это участіе, намъ не удалось разыскать въ архивѣ конторы «Современника», но его содержаніе легко возстановить по черновику найденнаго нами разсчетнаго листа для опредѣленія размѣровъ дивиденда въ 1857 году. Въ договорѣ, повидимому, указывалось, что дивидендомъ слѣдуетъ считать доходъ отъ подписки сверхъ суммы, полученной отъ 3.200 первыхъ подписчиковъ, каковая сумма должна окупить расходы по изданію; этотъ дивидендъ было предложено дѣлить на 2 части, при чемъ первая часть въ размѣрѣ $^1/_3$ отходила на долю редакторовъ, остальныя же $^2/_3$ дѣлились между четырьмя сотрудниками — участниками, обязавшимися исключительнымъ сотрудничествомъ въ «Современникѣ», соотвѣтственно числу печатныхъ листовъ, написанныхъ каждымъ изъ нихъ. Изъ общей суммы дивиденда должна была вычитаться стоимость расходовъ по изданію тѣхъ экземпляровъ журнала, которые шли на удовлетвореніе подписчиковъ сверхъ первыхъ 3.200. По даннымъ конторы, сверхъ 3.200 на журналъ въ 1857 году подписалось 785 человѣкъ, уплатившихъ (подписная цѣна на журналъ равнялась 15 р. съ коп.) въ общей сложности 10.990 р. Расходъ по напечатанію дополнительныхъ экземпляровъ журнала былъ вычисленъ въ суммѣ 4.779 р. Такимъ образомъ, въ пользу участниковъ, считая редакторовъ, очистилось 6.211 руб.

Эти цифры неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, на-

сколько выгодно было для 4-хъ сотрудниковъ «Современника» участіе въ дивидендѣ, предложенное имъ Некрасовымъ. Вѣдь Толстой, Тургеневъ и Григоровичъ получали за каждый листъ ихъ произведеній, напечатанныхъ въ журналѣ, по 218 р. 40 к. (143 р. 40 к. дивиденда + 75 р. гонорара), а Островскій и того больше — 243 р. 40 к. (143 р. 40 к. дивиденда + 100 р. гонорара). И тѣмъ не менѣе соглашеніе этихъ писателей съ редакціей «Современника» вскорѣ разстроилось, и отнюдь не по винѣ редакціи. Ихъ сотрудничество съ самаго начала приняло случайный, спорадическій характеръ, что́ вызывало неудовольствіе среди подписчиковъ, въ числѣ которыхъ было немало подписавшихся на журналъ, главнымъ образомъ, ради объявленнаго исключительнаго сотрудничества въ немъ литературныхъ корифеевъ. Въ письмѣ къ Тургеневу отъ 27 іюля 1857 г. Некрасовъ горько жалуется на инертность «сотрудниковъ-участниковъ», выдѣляя, впрочемъ, Тургенева, какъ «имѣющаго къ бездѣйствію» достаточно «уважительныя причины». Независимо отъ личныхъ жалобъ, Некрасовъ разослалъ отъ редакціи «Современника» особые «циркуляры» на имя каждаго изъ четырехъ участниковъ. Въ этихъ циркулярахъ, составленныхъ въ очень рѣшительныхъ выраженіяхъ, говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

«Значительное приращеніе подписчиковъ, происшедшее, какъ не сомнѣвается Редакція, преимущественно въ слѣдствіе объявленія объ исключительномъ участіи въ журналѣ четырехъ любимыхъ публикою писателей, налагаетъ на нихъ обязанность о поддержаніи и оправданіи этого довѣрія. Между тѣмъ дѣятельность г.г. участниковъ до настоящаго времени весьма мало оправдывала ожиданія публики, слѣдствіемъ чего было:

а) Безчисленные толки въ публикѣ, неблагопріятные какъ для г.г. участниковъ, такъ и для журнала.

б) Охлажденіе къ журналу.

в) Бѣдность беллетристическаго отдѣла въ журналѣ сравнительно съ прежними годами.

«Что все вмѣстѣ можетъ привести журналъ къ паденію и потерѣ подписчиковъ, если настоящее положеніе дѣлъ будетъ продолжаться, то-есть: если г.г. участники соединенными силами и не теряя времени не исправятъ I-го отдѣла журнала и не докажутъ тѣмъ публикѣ, что недѣятельность ихъ была случайная, не угрожающая продолжаться постоянно, какъ теперь публика начинаетъ думать это...

«Употребляя съ своей стороны всѣ возможныя старанія

къ поддержанію журнала, дѣлая значительныя и непредвидѣнныя (при заключеніи условій съ г.г. участниками) издержки на улучшеніе другихъ его отдѣловъ, редакція надѣется, что и г.г. участники съ своей стороны позаботятся о поддержаніи журнала, съ достоинствомъ котораго, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, связана ихъ собственная добрая слава, какъ людей, печатно обязавшихся передъ публикой содѣйствовать его успѣху...

Подписали: Иванъ Панаевъ. Ник. Некрасовъ.

СПб. іюля 30 дня 1857 г.»

Къ сожалѣнію, ламентаціи редакціи, въ значительной степени, остались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Эта, окончившаяся такъ печально, попытка не можетъ не говорить въ пользу Некрасова, сознательно стремившагося объединить вокругъ журнала лучшія литературныя силы своего времени путемъ привлеченія ихъ къ участію въ прибыляхъ. Въ ней нельзя не усмотрѣть желанія стереть, елико возможно, ту грань, которая обычно раздѣляетъ капиталиста-издателя отъ работающаго на него сотрудника. Надѣясь, благодаря сотрудничеству литературныхъ корифеевъ, завоевать симпатіи широкихъ круговъ читающей публики и тѣмъ самымъ способствовать процвѣтанію и успѣху журнала, Некрасовъ, быть можетъ, заботился отчасти и о своихъ личныхъ выгодахъ, но содержаніе заключеннаго имъ съ сотрудниками договора, которое приводилось выше, убѣждаетъ насъ, что этотъ мотивъ едва-ли могъ имѣть сколько-нибудь рѣшающее значеніе, такъ какъ обусловить за собой лишь $^1/_6$ возможныхъ прибылей могъ только человѣкъ очень умѣренный и скромный въ отношеніи собственныхъ интересовъ. А между тѣмъ на Некрасовѣ въ то время, вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, лежала вся тяжесть редакціоннаго бремени, вслѣдствіе чего онъ, казалось бы, имѣлъ не только юридическое, но и моральное право на повышенный дивидендъ. Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ того, насколько редактору «Современника» вообще чужда была мысль о единоличномъ пользованіи доходами журнала, можетъ служить тотъ фактъ, что и впослѣдствіи, въ 60-ые годы, онъ нашелъ кого привлечь къ участію въ дивидендѣ; такими лицами были Чернышевскій и Добролюбовъ. На какихъ основаніяхъ состоялось ихъ привлеченіе, мы не имѣемъ свѣдѣній, но размѣры полученнаго ими дивиденда были довольно значительными. Такъ, въ конторскихъ книгахъ «Современника» содержатся указанія на то, что въ 1861 году Чернышевскій и Добролюбовъ получили по 5.000 рублей каждый, а въ 1862 году,

большую часть котораго журналъ не выходилъ, Чернышевскій получилъ 759 р. 90 к.

Участіе въ дивидендѣ лицъ, необладающихъ владѣльческими правами въ отношеніи журнала, является, само собою разумѣется, однимъ изъ главныхъ шаговъ на пути приданія предпріятію коллегіальнаго характера. Что идея коллегіальности была близка сердцу Некрасова, это можно видѣть также и изъ имѣвшаго мѣсто въ 60-ые годы распредѣленія редакторскихъ обязанностей между нѣсколькими лицами. Послѣ ареста Чернышевскаго, «главы консисторіи» (выраженіе Елисеева, содержащее въ себѣ намекъ на духовное происхожденіе большинства тогдашнихъ руководителей «Современника»), къ редактированію журнала были постепенно привлечены Антоновичъ, Елисеевъ, Салтыковъ и Пыпинъ. Въ концѣ 1865 г. редакціонная коллегія была пополнена Жуковскимъ, который какъ бы замѣнилъ снова поступившаго на государственную службу Салтыкова. Участіе въ составѣ редакціи не только налагало извѣстныя обязанности, тождественныя съ тѣми, которыя несъ въ свое время Чернышевскій, но и давало права на полученіе постояннаго жалованія, иногда превышавшаго сумму гонорара. По даннымъ архива конторы «Современника», въ 1865 году М. А. Антоновичъ изъ 4.595 р. общаго заработка—2.400 руб. получилъ собственно жалованія (по 200 руб. въ мѣсяцъ); А. Н. Пыпинъ изъ 3.800 руб. общаго заработка жалованія получилъ 2.400 руб. (по 200 р. въ мѣсяцъ); Елисеевъ изъ 2.537 р. 50 коп. общаго заработка жалованья получилъ всего 1.200 руб., такъ какъ получалъ не по 200, а по 100 руб. въ мѣсяцъ, будучи, по его собственному выраженію, «скорѣе титулярнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ» членомъ редакціи. Произошло это, какъ разсказываетъ Елисеевъ въ своихъ неизданныхъ воспоминаніяхъ, такимъ образомъ: послѣ пріостановки «Современника» въ 1862 году онъ, Елисеевъ, и М. А. Антоновичъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, порѣшили отказаться отъ сотрудничества въ немъ по его возобновленіи и вошли въ обязательства по отношенію къ другимъ изданіямъ. «Мнѣ предложено было, читаемъ въ воспоминаніяхъ Елисеева, редакторство въ «Очеркахъ», имѣвшихъ открыться въ январѣ 1863 года, и я контрактомъ обязался работать въ нихъ, пригласивъ и Антоновича вести въ нихъ отдѣлъ по иностранной политикѣ. Но когда пріѣхалъ Некрасовъ, онъ... настоятельно потребовалъ, чтобы мы оба участвовали въ «Совр.» въ качествѣ членовъ редакціи, сказавъ, что безъ этого онъ не откроетъ «Совр.». Такъ какъ «Совр.» намъ обоимъ былъ

очень дорогъ по своему направленію, то мы на это согласились. Я, какъ связанный срочной работой въ «Очеркахъ», обязался, давая ежемѣсячно въ журналъ свои внутреннія обозрѣнія», и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, издали, слѣдить за ходомъ «Совр.», Антоновичъ же былъ главнымъ въ немъ воротилой. Поэтому Антоновичъ, на которомъ лежала большая часть редакціонной работы «Совр.», получалъ, кромѣ платы, какъ литераторъ, полное жалованіе, какъ членъ редакціи; я, кромѣ платы за свои «внутреннія обозрѣнія», получалъ половинное жалованіе, какъ членъ редакціи. Редакторская работа въ «Очерк.» была мнѣ анаѳемская. Я не спалъ почти подъ рядъ всѣ ночи, пока они издавались. Въ крайнемъ изнеможеніи я немедленно по окончаніи ихъ отправился въ Крымъ, провелъ тамъ лѣто и только осенью воротился въ Петербургъ. Хотя теперь, по окончаніи «Очерк.» и по прекращеніи моей текущей работы въ нихъ, я могъ бы принять такое же дѣятельное участіе въ трудахъ редакціи, какъ и Антоновичъ, и потребовать уравненія моего съ нимъ и въ жалованіи, но не желалъ ни того, ни другого. Я все-таки не настолько поправился, чтобы болѣе работать, чѣмъ работалъ; работы этой, правда, было не особенно много: я поставлялъ внутреннія обозрѣнія въ «Современникѣ» и хронику прогресса въ «Искру», но для меня по моему крайне разстроенному здоровью этого было за глаза довольно. Так. обр. до самаго конца «Современника» я оставался титулярнымъ членомъ редакціи, на обязанности котораго лежало по-прежнему наблюдать, какъ онъ можетъ и умѣетъ, за правильнымъ ходомъ «Совр.». Само собою разумѣется, что обязанности эти понимались мною tacito modo въ силу того условія, съ которымъ я приглашенъ былъ Некрасовымъ въ члены редакціи «Совр.» при сказанномъ его возобновленіи въ 1862 г. Обязанности эти, конечно, не могли составлять для меня особаго бремени: «Совр.» такъ твердо усвоилъ главную суть своей задачи, что никогда не отклонялся отъ нея ни направо, ни налѣво».

Что касается Салтыкова, то его участіе въ редакціонной коллегіи «Современника» не было постояннымъ: оно ограничивалось періодомъ 1863—64 г.г., когда онъ жилъ въ Петербургѣ и, занимаясь исключительно литературой, развилъ, какъ писатель, необычайно интенсивную дѣятельность. Въ нашемъ распоряженіи имѣются его письма къ И. А. Панаеву, въ которыхъ онъ, приводя помѣсячные перечни своихъ статей и замѣтокъ, тщательно вычисляетъ количество страницъ и сумму слѣдуемаго за нихъ гонорара. Хотя жалованіе, получаемое Салтыковымъ, отнюдь

нельзя назвать незначительнымъ, 150 руб. въ мѣсяцъ, однако, нѣтъ ни одного мѣсяца, когда бы оно не то, чтобы превысило, но даже сравнялось съ полистнымъ гонораромъ. И все-таки Салтыковъ постоянно нуждался въ деньгахъ, нерѣдко долженъ былъ прибѣгать къ займамъ и безпокоить Ип. Ал. Панаева настойчивыми просьбами объ авансахъ.

Относительно жалованія Ю. Г. Жуковскаго приходится отмѣтить, что онъ сталъ получать его не сразу, но, во всякомъ случаѣ, за одну вторую половину 1865 г. оно было выдано ему въ размѣрѣ 1.500 руб.

Кромѣ переименованныхъ ближайшихъ сотрудниковъ, въ редакціонную коллегію «Современника», въ качествѣ второстепенныхъ ея членовъ, входили В. А. Слѣпцовъ и А. Ф. Головачевъ, получавшіе по 100 руб. въ мѣсяцъ.

Чтобы дорисовать картину въ высшей степени безкорыстнаго отношенія Н. А. Некрасова къ своему журналу, въ изданіи котораго онъ, безспорно, видѣлъ одну изъ формъ общественнаго служенія, но ни въ коемъ случаѣ не источникъ личнаго обогащенія, сошлемся на слѣдующее категорическое сужденіе И. А. Панаева изъ его воспоминаній: «разсчеты съ участвующими въ «Современникѣ» постоянными и случайными сотрудниками... производились такъ широко и неразсчетливо, что для текущихъ и необходимыхъ расходовъ по изданію не разъ встрѣчались затрудненія, вынуждавшія прибѣгать къ займамъ. Затрудненія устранялись, иногда, только благодаря субсидіямъ, даваемымъ Некрасовымъ изъ его собственныхъ денегъ, полученныхъ имъ изъ источниковъ, постороннихъ журналу...» Изъ послѣдующаго видно, что таковыми источниками И. А. Панаевъ считалъ доходы отъ изданія стихотвореній и карточные выигрыши. Соглашаясь, что можно быть различныхъ мнѣній о томъ, насколько хорошо играть въ карты, И. А. Панаевъ подчеркиваетъ, что «деньги, выигранныя Некрасовымъ у людей, которымъ не много стоило и проиграть, были употребляемы уже гораздо лучше, чѣмъ деньги, выигранныя многими другими. На деньги Некрасова не мало поддерживалось неимущихъ людей, много развивалось талантовъ, много бѣдняковъ выходили изъ затруднительнаго положенія».

Горячая апологія И. А. Панаева можетъ быть подтверждена документальными данными, неопровержимо устанавливающими тотъ фактъ, что позаимствованія изъ личныхъ денегъ Некрасова въ пользу кассы журнала дѣлались иногда щедрою рукой и достигали крупныхъ суммъ. Въ числѣ должниковъ Некрасова (едва-ли не по карточной игрѣ) былъ дѣйствительный

статскій совѣтникъ В...въ. Его именно долгъ и былъ однажды использованъ Некрасовымъ на пополненіе средствъ журнала, находившагося въ 1863—1864 г.г. въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Въ архивѣ конторы «Современника» сохранилась переписка по этому дѣлу Некрасова съ И. А. Панаевымъ. Первое письмо Некрасова, помѣченное 18 іюля 1863 г. («СПБ.»), гласило:

«Любезнѣйшій другъ Ипполитъ, извини, пожалуйста, что я тебѣ не отвѣчалъ долго.—На счетъ продажи стараго Современника и нашихъ изданій дѣйствуй, какъ найдешь лучшимъ. Я думаю, что слѣдуетъ продать за что придется.

Къ В...ву пора отправиться и уговориться съ нимъ, въ какіе сроки онъ будетъ уплачивать. Впрочемъ, мнѣ извѣстно, что къ 15-му августа онъ долженъ получить большую сумму. Поэтому ты старайся внушить ему, чтобы онъ тебѣ тысячъ пять далъ разомъ въ это время или къ 1-му сентября. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, что деньги эти онъ уплатитъ въ нынѣшнемъ году.

Пиши о подпискѣ—сколько теперь?

По прилагаемой запискѣ деньги дай женѣ Василья. Много ли продано моихъ стихотвореній? Публикацій не вижу.

Весь твой Н. Некрасовъ».

Это письмо, весь тонъ котораго свидѣтельствуетъ о наличности интимно-дружескихъ отношеній и полномъ довѣріи между Некрасовымъ и Панаевымъ, вызвало со стороны послѣдняго нижеслѣдующій отвѣтъ (отъ 15 авг. 1863 г.):

«Милый другъ Николай Алексѣевичъ, дней десять назадъ былъ я у В...ва и засталъ его дома. Онъ мнѣ объяснилъ, что въ настоящее время не имѣетъ вовсе денегъ и не можетъ уплатить даже и часть долга, объ чемъ писалъ уже и тебѣ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что во второй половинѣ сентября денегъ у него будетъ много, и что тогда онъ уплатитъ все, безъ сомнѣнія. Я нѣсколько разъ спрашивалъ его—точно ли можно разсчитывать на уплату во второй половинѣ сентября, и онъ повторилъ мнѣ, чтобы я въ этомъ былъ покоенъ. На просьбу мою уплатить въ настоящее время хоть сколько-нибудь, онъ обѣщалъ, если будетъ возможность достать немного денегъ, прислать ихъ въ теченіе недѣли, по прошествіи которой я уже не долженъ разсчитывать на получку до сентября...»

Надежды Некрасова и Панаева на полученіе долга въ сен-

тябрѣ 1863 г. не оправдались. Въ нашемъ распоряженіи имѣется письмо Некрасова отъ 19 февраля 1864 г., въ которомъ онъ проситъ Панаева прійти къ нему въ назначенный часъ, чтобы увидѣться у него съ В—вымъ и переписать векселя В—ва на свое имя. Сохранились въ архивѣ конторы «Современника» и переписанные векселя В—ва на сумму 8.200 руб. Однако, и по нимъ уплата задержалась. Въ октябрѣ 1864 г. И. А. Панаеву пришлось напомнить В—ву въ самыхъ настойчивыхъ выраженіяхъ объ его долгѣ. Интересно, что И. А. Панаевъ прямо мотивировалъ свои требованія матеріальнымъ кризисомъ, переживаемымъ «Современникомъ». «По дѣламъ Современника, писалъ онъ В—ву отъ 3 октября, я нахожусь въ весьма затруднительномъ положеніи. Нѣкоторымъ сотрудникамъ обѣщана была уплата въ концѣ сентября, и я не могъ выполнить своего обѣщанія. Вслѣдствіе этого я вынужденъ безпокоить Васъ снова и покорнѣйше просить не замедлить уплатою... иначе я буду поставленъ въ весьма непріятное положеніе, такъ какъ Современникъ въ настоящее время крайне нуждается въ деньгахъ»...

Подводя итогъ длинному ряду фактовъ, цифровыхъ и документальныхъ данныхъ, извлеченныхъ нами изъ архива конторы «Современника», мы въ правѣ утверждать, что пресловутая практичность Некрасова въ томъ ея истолкованіи, которое дѣлалось до послѣдняго времени, не болѣе какъ миѳъ. Возникъ же этотъ миѳъ, съ одной стороны, благодаря клеветамъ и инсинуаціямъ, распускавшимся о поэтѣ его недоброжелателями, въ родѣ Н. Успенскаго, съ другой стороны, вслѣдствіе безспорной дѣловитости Некрасова, выгодно отличавшей его отъ возросшихъ въ атмосферѣ барскаго сибаритства идеалистовъ 40-хъ годовъ, которымъ эта дѣловитость бросалась въ глаза и, будучи совершенно не свойственнымъ ихъ психикѣ качествомъ, вызывала обидныя для добраго имени поэта предположенія и замѣчанія. Даже Бѣлинскій, одинъ изъ искреннихъ доброжелателей Некрасова, человѣкъ, которому послѣдній считалъ себя безмѣрно обязаннымъ, сказалъ про него: «Некрасовъ наживетъ себѣ капиталецъ»,—сказалъ и ошибся, такъ какъ Некрасовъ, какъ извѣстно, капитальца себѣ не нажилъ. Временами, правда, въ его рукахъ бывали очень большія деньги, но именно не нажитыя, а случайно доставшіяся благодаря удачамъ въ игрѣ. И этихъ случайно доставшихся денегъ онъ не умѣлъ, да и не хотѣлъ задерживать у себя: онѣ проживались (что Некрасовъ любилъ пожить въ свое удовольствіе—это фактъ, который смѣшно было бы оспаривать), проигрывались тѣмъ, у кого были выиграны (справедли-

вость требуетъ, однако, отмѣтить, что Некрасовъ, игравшій расчетливо и сдержанно, гораздо больше выигрывалъ, чѣмъ проигрывалъ), а отчасти тратились на нужды «Современника» и его сотрудниковъ. Принимая ближайшее участіе въ веденіи хозяйственной стороны журнала, Некрасовъ иной разъ обнаруживалъ недюжинныя коммерческія способности [1]), которыя проявлялись и въ большомъ и въ маломъ. Некрасовъ, напримѣръ, никогда не далъ бы себя обсчитать и взять съ себя лишнее типографіи или бумажному фабриканту; когда видѣлъ, что съ него запрашиваютъ, онъ не прочь былъ и поторговаться. Вообще, считалъ своимъ долгомъ вникать во всѣ подробности журнальнаго хозяйства и дѣлалъ это не по принужденію, а искренно интересуясь вопросами хозяйственнаго порядка, являвшимися для многихъ презрѣнной прозой. Характерно въ этомъ отношеніи его письмецо къ И. А. Панаеву, относящееся, повидимому, къ началу 1866 года:

> «Я тоже болѣнъ и не выхожу. Бумагу не беретъ менѣе какъ 2 р. 90 к., мы такъ и порѣшили— еще на книги 2-ую и 3-ью, а тамъ увидимъ; прошлогодняя же бумага по *2 р. 55 к.*, менѣе не беретъ.
>
> Можетъ быть, ты сшибешь у него по пятаку.
>
> Онъ, впрочемъ, за *2 р. 90 к.* обѣщаетъ дѣлать бумагу лучше, чѣмъ доставилъ на 1-ый, я ему сказалъ, чтобъ сдѣлать *образецъ* за общею вашею подписью.
>
> Твой Некрасовъ».

«Сшибать по пятаку» съ цѣны, назначенной торговцемъ, Некрасовъ считалъ для себя позволительнымъ, но въ сшибаніи пятаковъ и рублей со своего брата литератора не повиненъ. Къ такому выводу неизбѣжно приводитъ изученіе архива конторы «Современника», лишній разъ доказывающее, что мертвый языкъ цифръ и документовъ иной разъ бываетъ самымъ вѣскимъ и убѣдительнымъ.

В. Евгеньевъ.

---

[1]) Не даромъ Н. К. Михайловскій записалъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующія слова: „Некрасовъ былъ, прежде всего, необыкновенно уменъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что на любомъ поприщѣ, которое избралъ для себя, онъ былъ бы однимъ изъ первыхъ людей уже въ силу своего ума. Онъ былъ бы, если бы захотѣлъ, блестящимъ генераломъ, выдающимся ученымъ, богатѣйшимъ купцомъ“...

РИЧАРДЪ ФЕРЛОНГЪ.

Романъ Темпля Сёрстона.

(*Продолженіе*) [1]).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вскорѣ послѣ возвращенія съ родины на Дикки обрушилось новое бѣдствіе: м-ръ Ниббсъ выѣхалъ изъ Гринвича. Контрактъ съ домовладѣльцемъ кончался, и его нельзя было возобновить, такъ какъ весь рядъ старыхъ построекъ былъ проданъ на сломъ. М-ръ Ниббсъ, въ своемъ пристрастіи къ зелени и простору, переѣхалъ еще дальше за городъ, въ Эльстри. Теперь Дикки могъ видаться съ нимъ только въ магазинѣ. Встрѣчались они въ тѣ рѣдкіе часы, когда Дикки бывалъ свободенъ отъ занятій, но тихіе вечера, которые они проводили вмѣстѣ за гравюрами, утрачены были навсегда. Однимъ взмахомъ руки, судьба устранила изъ жизни Дика вліяніе двухъ дружески расположенныхъ къ нему людей, и невыносимо уныло стали тянуться его дни.

М-me Марко со своимъ кокетливымъ цинизмомъ и m-ieur со своимъ шарлатанскимъ ремесломъ раздражали Дикки нестерпимо Съ отъѣздомъ м-ра Ниббса ему некуда было спасаться отъ нихъ. Послѣ ужина онъ уходилъ на верхъ, въ свою комнатку, къ своимъ рѣзнымъ доскамъ и работалъ при свѣчѣ, уныло, безъ радости и вдохновенія.

---

1) См. мартъ, стр. 205.

Впервые въ эти дни онъ испыталъ безнадежное уныніе художника, думающаго, что его творческая способность изсякла. Его рука не вносила въ работу трепетанія жизни, какъ раньше. Во время занятій, на курсахъ, онъ подолгу стоялъ, съ углемъ въ рукѣ, въ лѣнивой апатіи, тогда какъ прежде, бывало, работа такъ и кипѣла у него въ рукахъ.

Дикки думалъ, что его пѣсня спѣта, что его энергія и силы—сломлены. По ночамъ являлась мысль о самоубійствѣ. А днемъ во время работы въ ателье m-ieur Марко онъ презиралъ себя за то, что такъ безполезно губитъ свое время.

Въ такомъ настроеніи Дикки боялся пойти даже къ м-ру Ниббсу въ магазинъ. Маленькій антикваръ вѣрилъ въ него. Что, если онъ услышитъ мнѣніе Дика о самомъ себѣ?

Такъ проходилъ день за днемъ въ одиночествѣ, въ молчаливомъ, но упорномъ отчаяніи.

Вѣроятно, такое состояніе затянулось бы надолго, если бъ m-ieur Марко неожиданно не положилъ ему конецъ, создавъ въ жизни Дика перемѣну: а это было единственное, въ чемъ онъ въ этотъ моментъ нуждался.

M-me Марко ничего не разсказала мужу объ этюдѣ Дика, который она видѣла. Онъ помнилъ слова м-ра Ниббса, что мальчикъ умѣетъ рисовать, но какъ и что—ему было все равно.

Однажды вечеромъ, когда Дикки былъ на курсахъ, m-ieur Марко забрался въ его комнатку на мезонинѣ и увидѣлъ тамъ гравировальныя доски, надъ которыми Дикки работалъ урывками. Онъ поднялъ ихъ, улыбаясь. Въ этомъ видѣ онѣ казались такими дѣтски-безпомощными! M-ieur Марко даже пожалѣлъ Дика за его неумѣлость.

— Покажу ему какъ-нибудь свои портреты,—рѣшилъ онъ. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, въ періодъ подавленнаго настроенія Дикки онъ исполнилъ свое намѣреніе.

Съ большой помпой и со многими церемоніями онъ пригласилъ Дикки и свою жену въ мастерскую, устроилъ верхній свѣтъ, затѣмъ открылъ большой стѣнной шкафъ и вытащилъ оттуда портретъ m-me Марко въ массивной золоченой рамѣ.

— Вотъ,—говорилъ онъ, гордо выпячивая грудь и отходя назадъ, чтобы лучше видѣть,—я никогда не показываю своихъ работъ... правда, моя дорогая? И никогда я этого не продамъ. Не оттого, что хотѣлъ бы, да не могу, а оттого, что могъ бы, да не хочу!

Онъ подошелъ къ Дику и грузно опустилъ руку на его плечо.

— Двадцать сеансовъ, мой другъ... кропотливый трудъ, и все съ любовью! Вы замѣчаете линіи плечей? Сержентъ не могъ бы сдѣлать лучше. Я хочу обратить ваше вниманіе на детали. Конечно, вы можете сами ихъ замѣтить... вы художникъ... вы будете имъ... но все-таки я хочу вамъ указать кое-что... Смотрите этотъ цвѣтъ кожи. Каково? Кажется, если дотронешься, то кровь такъ и брызнетъ. А глаза! подойдите ближе и посмотрите на нихъ. Нѣтъ! еще ближе. Развѣ они не живые? Я работалъ надъ ними, работалъ, пока они не взглянули на меня и сказали: довольно! А сходство? Что тутъ говорить — это моя дорогая женушка! Иногда, бываетъ, работаю здѣсь одинъ, вынужу портретъ, и она смотритъ на меня и улыбается. А теперь скажите мнѣ ваше мнѣніе. Отъ чистаго сердца. Я не боюсь критики. Не обижусь.

И онъ заложилъ руки въ карманы, широко разставивъ ноги: лицо его сіяло довольствомъ. Въ молчаніи Дика ему слышались восторженныя похвалы, и не видѣлъ онъ, какіе лукавые огоньки прыгали въ глазахъ m-me.

— Сказать откровенно, что́ я думаю? — спросилъ Дикки. Огоньки въ глазахъ m-me Марко погасли, и она нахмурила брови, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія. Душа его была уязвлена. Ему было безразлично, что́ будетъ съ нимъ дальше!

— Да, съ полной откровенностью,—отвѣтилъ m-ieur Марко, все еще ничего не подозрѣвая.

— Такъ вотъ,— сказалъ Дикки,—по-моему, это фотографія, которую вы пересняли на полотно. Это не картина. Вы только раскрасили ее. Вотъ и все.

Вооруженный своими шарлатанскими хитростями, m-ieur Марко могъ бы вынести самую ядовитую критику, но быть такъ разоблаченнымъ въ своемъ обманѣ!—этого онъ не въ силахъ былъ стерпѣть. Щеки его запылали отъ гнѣва и досады, слова безсвязно полились съ его устъ.

— Никогда... никогда въ жизни меня такъ не оскорбляли!— закричалъ онъ. — Раскрашенная фотографія! Скажите на милость! Если бъ вамъ удалось когда-нибудь написать такой портретъ, вы бы на колѣняхъ Бога благодарили, вотъ что! Раскрашенная фотографія! И кому онъ это говоритъ? Мнѣ? мнѣ, извѣстному художнику, какимъ ему никогда не быть. Дорогая моя, что́ мнѣ дѣлать съ нимъ?

Но, не ожидая совѣта своей супруги, онъ подчинился порыву необузданной ярости.

— Вонъ изъ моего дома!—загремѣлъ онъ,—вонъ сію минуту, и вотъ вамъ ваше жалованье!

Онъ вынулъ изъ кармана горсть монетъ, тщательно отсчиталъ пять шиллинговъ и эффектно-презрительнымъ жестомъ бросилъ ихъ на полъ Они докатились къ самымъ ногамъ Дика. Но онъ не нагнулся, чтобы поднять ихъ.

— Извольте поднять эти пять шиллинговъ! — закричалъ m-ieur Марко.

— Благодарю васъ. Они — ваши, — сказалъ Дикки и пошелъ къ двери.

— Вы не возьмете ихъ?—спросилъ m-ieur Марко, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Нѣтъ.

M-me съ искреннимъ сожалѣніемъ посмотрѣла на Дикки.

— Глупый мальчикъ!—прошептала она тихо, но онъ услышалъ.

— Развѣ?—съ горечью воскликнулъ Дикки. Да,—я глупъ, что оставался здѣсь такъ долго. Это правда. Вы думаете, что есть какой-нибудь смыслъ малевать ваши тошнотворныя моря и небеса? Лучше ужъ пойти писать вывѣски для лавокъ. Ей Богу, лучше!

M-ieur Марко теперь не находилъ уже словъ! Если бъ онъ въ душѣ не былъ трусомъ, то взялъ бы Дикки за воротъ и спустилъ внизъ по лѣстницѣ. Хотѣлось ему этого сильно, даже руки чесались. Ему казалось, что жена сочтетъ это геройствомъ. Но глаза Дика горѣли злымъ блескомъ, и потому m-ieur Марко вмѣсто геройства счелъ болѣе благоразумнымъ подойти къ двери и распахнуть ее.

— Уйдите!— проговорилъ онъ, театрально поднявъ руку. Это прозвучало хорошо, и потому онъ еще разъ властно повторилъ:—Уйдите!

Дикки вышелъ, поднялся къ себѣ въ комнату и тотчасъ же сталъ укладывать свои вещи. Когда онъ уже заканчивалъ свои сборы и втискивалъ съ усиліемъ послѣднія мелочи въ свой маленькій чемоданчикъ, отворилась дверь и вошла m-me Марко.

— Вы идете чай пить? — спросила она.

— Чай пить?—удивился Дикки.

— Ну да.

— Нѣтъ... Благодарю васъ.

— Но развѣ вы серьезно уходите?—воскликнула она.

— Разумѣется.

— Но мужъ вовсе не хотѣлъ этого. Онъ уже жалѣетъ...

вы такъ выручаете его въ работѣ! Если вы пойдете теперь и скажете, что это не раскрашенная фотографія, то онъ къ завтрашнему дню все забудетъ.

— Но это въ самомъ дѣлѣ такъ,—не унимался Дикки,—это увеличенная фотографія. И вы думаете, что онъ удовлетворится такой явной ложью?

— Да, я думаю.

— Все равно. Я сказалъ, что уйду, и уйду. Ни за что теперь не останусь. Такъ ему и передайте. Я не хочу его больше видѣть.

Никакія убѣжденія m-me Марко не помогли. Когда потомъ супруги сидѣли въ столовой за чаемъ, они слышали, какъ громко хлопнула выходная дверь, и переглянулись въ нѣмомъ изумленіи.

M-ieur Марко поглядѣлъ изъ-за занавѣски въ окно, затѣмъ вернулся къ столу и пожалъ плечами.

— Этотъ мальчикъ,—сказалъ онъ,—никогда не будетъ художникомъ, дорогая моя! У него нѣтъ чутья, нѣтъ нюха. Онъ многому могъ выучиться у меня. Я обѣщалъ ему, что на дняхъ дамъ самостоятельно написать кораблекрушеніе. А вмѣсто этого онъ самъ потерпѣлъ крушеніе! Ха-ха-ха!

Онъ взялъ жену за руки и притянулъ къ себѣ.

Она посмѣялась его шуткѣ и поцѣловала его. И этого было довольно m-ieur Марко: онъ не спросилъ ее, отчего она вздыхаетъ.

II.

Когда Дикки отказался отъ пяти шиллинговъ m-ieur Марко, онъ не принялъ въ разсчетъ того обстоятельства, что въ карманѣ у него осталось всего три пенни. Гордость—это роскошь, доступная только богатымъ. Оттого-то m-me Марко назвала его глупымъ мальчикомъ: онъ былъ слишкомъ бѣденъ для того, чтобы позволить себѣ быть гордымъ.

Только очутившись на улицѣ, Дикки вспомнилъ состояніе своихъ финансовъ. Три пенни! Только-только, чтобы добраться до города. Онъ взглянулъ на часы. Было безъ четверти шесть. Пожалуй, если трамвай не задержится, можно еще застать м-ра Ниббса въ магазинѣ, и онъ дастъ ему немножко денегъ на первое время. Дику не приходило въ голову вернуться къ m-ieur Марко и потребовать свои пять шиллинговъ, съ которыми m-ieur

Марко такъ неохотно разстался. Но гордость Дика не допускала даже такой мысли.

Онъ вскочилъ въ проходившій вагонъ трамвая, и скоро верхушка Гринвичской обсерваторіи скрылась за рядами домовъ. Но когда послѣ долгой ѣзды, онъ очутился наконецъ на улицѣ Ватерлоо, то оказалось, что магазинъ м-ра Ниббса уже закрытъ. Старыя желѣзныя ставни сумрачно глядѣли на него.

Онъ заглянулъ въ щелку ящика для писемъ: свѣта не было. На другой сторонѣ улицы стоялъ полицейскій и пристально слѣдилъ за всѣми его движеніями: надо было уходить. Скоро будетъ ночь. Дикки безпомощно смотрѣлъ во всѣ стороны и не понималъ, куда ему дѣваться.

Почти машинально онъ повернулъ на Странд, какъ въ тотъ день, когда м-ръ Ниббсъ купилъ у него картину. По естественной ассоціаціи идей ему на память пришла Констанція.

Когда они разставались, она сказала ему, чтобы онъ приходилъ, не стѣсняясь, если будетъ въ нуждѣ. Теперь этотъ моментъ насталъ, но Дикки чувствовалъ, что нуждается не только въ пищѣ и кровѣ, но и въ дружескомъ участіи, въ сочувствіи. Даже больше того. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ объ измѣнѣ Доротеи, отсутствіе любви было точно голодъ, который ничѣмъ нельзя было заглушить. И сейчасъ, перебирая въ памяти все происшедшее, онъ вспоминалъ Констанцію, и—какой милой казалась она ему! Передъ нимъ встала сцена въ эстампномъ магазинѣ, когда она такъ горячо выступила въ его защиту. А затѣмъ вспоминался день ихъ прогулки въ Кью и наконецъ тѣ памятныя минуты безумія, которыя онъ научился теперь вспоминать все съ меньшимъ раскаяніемъ. А ея щедрость въ деньгахъ! Все это приходило ему на память. Но чѣмъ ярче вставали воспоминанія, тѣмъ рѣшительнѣе его гордость возставала противъ нихъ.

Съ этими мыслями Дикки незамѣтно дошелъ до свѣчной лавки въ Дрюри-Лэнѣ. Онъ постоялъ, посмотрѣлъ на знакомыя окна, но не могъ заставить себя войти.

Разъ ужъ дошло до того, что приходится ночевать на улицѣ, думалъ онъ, то что жъ! Надо имѣть мужество сдѣлать это. И онъ быстрыми, увѣренными шагами направился въ Политехникумъ, гдѣ по крайней мѣрѣ часа два могъ провести въ теплѣ.

Въ этотъ вечеръ въ натурномъ классѣ работа шла довольно вяло. Большинство учениковъ были люди, для которыхъ искусство было чѣмъ-то въ родѣ игры или спорта: они не очень дорожили своимъ временемъ. Какъ только учитель выходилъ изъ комнаты, они начинали дурачиться, шутить и мѣшали работаю-

щимъ. Несмотря на все это, Дикки въ этотъ вечеръ работалъ особенно сосредоточенно. Его этюдъ масломъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ проданъ м-ромъ Ниббсомъ за жалкую сумму въ два фунта; но, какъ классная работа, сдѣланная въ закуренной, безалаберной атмосферѣ мастерской, это была неподражаемая, мастерски сдѣланная вещь.

Нѣсколькими мазками онъ набросалъ фонъ, на которомъ вырисовывалась фигура модели. Главный интересъ этюда былъ яркій свѣтовой рефлексъ на плечѣ модели, а все остальное тонуло въ голубоватой мглѣ, таинственной и неясной, уносящей въ даль воображеніе.

Одна изъ работающихъ на курсахъ барышень встала изъ-за своего мольберта и, остановившись возлѣ Дика, нѣкоторое время смотрѣла на его работу.

— Вы это для какого-нибудь журнала дѣлаете? — спросила она.

Дикки покачалъ головой.

— Увы, нѣтъ.

— Каждый журналъ взялъ бы его, — сказала она.

— Вы такъ думаете? Вы не знаете журналовъ,—разсмѣялся Дикки, вспоминая свой опытъ. Онъ отлично представлялъ себѣ, что Чаннингъ сказалъ бы о такомъ этюдѣ!

— Имъ нужна зализанность,—пояснилъ онъ,—въ родѣ фотографіи въ краскахъ. Вотъ что!

Дѣвушка молчала, слѣдя за его работой. Затѣмъ она спросила, имѣетъ ли онъ заказы для художественныхъ магазиновъ.

Дикки отложилъ кисть, вынулъ папиросу и закурилъ.

— Вы, значитъ, думаете, что я продаю картины?—спросилъ онъ.

— Ну, да. Развѣ не такъ?

Онъ снова разсмѣялся короткимъ, сухимъ смѣхомъ. Что бы она сказала, если бъ узнала, что эту ночь онъ будетъ бродить по улицамъ? Эта мысль вызвала у него смѣхъ, но много было въ немъ горечи.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ наконецъ, — я не продаю картинъ... то-есть за восемь мѣсяцевъ моего пребыванія въ Лондонѣ я продалъ двѣ... по два фунта за каждую.

— Жанръ?

— Нѣтъ, пейзажъ.

— Должно быть, онъ выходитъ у васъ хорошо... а этой фигуры вы какъ будто боитесь, правда?

— Нѣтъ... чего жъ мнѣ боятся? Я просто ея не чувствую.

Я не могу дѣлать того, чего не вижу. Вотъ говорятъ: надо брать то, что́ есть. Мнѣ кажется, я и беру то, что́ есть.

Дѣвушка посмѣиваясь взглянула на него, но въ эту минуту подошелъ учитель, и она вернулась на свое мѣсто. Учитель остановился за спиной Дика и нѣсколько секундъ молча слѣдилъ за нимъ.

— Ну, какъ? Дало вамъ что-нибудь изученіе модели?— спросилъ онъ наконецъ.

— Да,—отвѣтилъ Дикки.

— Что́ же именно?

Тонъ учителя былъ рѣзкій. Если бы въ немъ была хоть капля участія, Дикки готовъ былъ на откровенность. Но въ немъ не было ни капли, и Дикки не могъ надѣяться ни на что.

— Вы хотите знать все по пунктамъ?—спросилъ Дикки.

— Да. Все по пунктамъ.

— Ладно. Такъ вотъ прежде всего я узналъ, что чѣмъ меньше зазубриваешь по рутинѣ и чѣмъ больше выучиваешь съ натуры, тѣмъ лучше для тебя. Это разъ. Затѣмъ убѣдился, что если человѣкъ взялся за кисть, то онъ долженъ быть готовъ ко всему. Это два. Затѣмъ я узналъ, что...

Учитель успѣлъ уже придти въ себя отъ изумленія. Онъ здѣсь для того, чтобы учить, а не для того, чтобы выслушивать отъ учениковъ всякія разсужденія. При большемъ знаніи человѣческой натуры, онъ уловилъ бы горькую нотку въ тонѣ Дика и понялъ бы, что тутъ что-то неладно. Но онъ ничего не уловилъ.

— Вся эта философія мнѣ неинтересна,—сказалъ онъ,— а я хотѣлъ знать, что́ вамъ дало изученіе модели? Насколько я вижу—ничего. Что это за синева кругомъ? Задрапированный задній фонъ темно-пурпурный.

— Эта синева,—объяснилъ Дикки,—это дымъ отъ папиросъ и трубокъ, которыя курятся въ этой комнатѣ.

— Пусть такъ. Но вы здѣсь не для того, чтобы писать это. Вы здѣсь для штудированія модели, а я для того, чтобы научить васъ этому. Если вы будете забавляться такой мазней, то я не могу научить васъ ничему. Замажьте все это и выпишите фигуру отчетливо.

— А если я рисую это для продажи?—сказалъ Дикки.— Если мнѣ нужны деньги, развѣ я, если вношу плату за ученіе, не имѣю права придти сюда и рисовать то, что́ мнѣ надо?

— Имѣете... Но тогда вамъ не нужна моя помощь. А вы надѣетесь продать эту штуку?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Дикки.

— То-то же!

— Я не надѣюсь продать что бы то ни было,—продолжалъ Дикки,—удастся, такъ это слѣпая удача.

— Вы студентъ политехникума?

— Нѣтъ.

— А гдѣ же?

— Нигдѣ.

Учитель повернулся на каблукахъ и сказалъ, смѣясь:

— Вы, знаете, поосторожнѣе, молодой человѣкъ! У васъ заводятся всякія идеи, а что дѣлать съ ними—вы и сами не знаете. Если вы хотите сработать эту фигуру, какъ слѣдуетъ, чистенько, то я при слѣдующемъ обходѣ укажу вамъ ошибки.

Дикки улыбнулся одними глазами. Онъ снялъ съ мольберта свой готовый этюдъ и прикрѣпилъ на его мѣсто чистый листъ бумаги. Черезъ часъ съ небольшимъ, когда классъ начиналъ расходиться, учитель вернулся. Онъ вступилъ въ должность недавно и плохо зналъ своихъ учениковъ. Онъ совершенно не ожидалъ, что Дикки исполнитъ его предложеніе, и потому остановился въ молчаливомъ изумленіи, увидѣвъ готовый эскизъ углемъ съ модели.

Рисунокъ отнюдь не былъ совершенствомъ. Но недостатки его были такого рода, что учитель не зналъ, какъ за нихъ взяться. Во всѣхъ отношеніяхъ рисунокъ этотъ былъ лучше всѣхъ, какіе онъ пересмотрѣлъ въ этотъ вечеръ. Барышня—сосѣдка Дика, слышавшая ихъ прежній разговоръ, прослѣдила отъ начала до конца весь процессъ его работы углемъ и теперь стояла рядомъ, побѣдоносно улыбаясь.

Учитель замѣтилъ ея присутствіе и оглянулся.

— Классъ оконченъ. Вы можете итти,—сказалъ онъ.

Она кивнула головой и стала медленно собирать свои вещи.

— Ну, что же?—началъ наконецъ Дикки.

— Да-а...—протянулъ учитель,—здѣсь вы, конечно... теперь вы ближе подошли къ моей области... вѣдь, такъ?

— Несомнѣнно,—сказалъ Дикки,—и я хочу, чтобы вы указали мнѣ мои ошибки.

— Да, да... Погодите. Дайте мнѣ присмотрѣться... Эта рука... того... какъ будто коротковата?

Онъ сдѣлалъ модели знакъ.

— Пожалуйста, минуту. Еще одну минуточку. Вы видите, она доходитъ...

— Доходитъ... куда?—спросилъ Дикки.

— Ахъ, нѣтъ... не знаю... кажется, она правильна.

— Плечо здѣсь недостаточно закруглено,—сказалъ Дикки,—если его чуточку округлить, то рука станетъ длиннѣе.

— Ну, вотъ... вотъ... Я зналъ, что тутъ что-то есть. А голова достаточно велика по-вашему?

— Нѣтъ.

— Затѣмъ контуръ этой ноги неправиленъ.

— Да... онъ испорченъ.

Учитель не зналъ, какъ быть дальше. Онъ привыкъ толковать о рисункахъ, безнадежныхъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Общая правильность этого этюда поставила его втупикъ. Быть учителемъ въ школѣ рисованія—значитъ быть самому неудачникомъ—и цѣлые дни заниматься исправленіемъ ошибокъ новыхъ, будущихъ неудачниковъ. Зрѣлая сознательность—это свойство, съ которымъ учителю почти никогда не приходится сталкиваться. И оттого онъ въ данномъ случаѣ былъ растерянъ, чтобы не сказать больше.

— Все-таки рисунокъ очень хорошъ,—продолжалъ онъ.—Вы умѣете работать, знаете ли. Только не надо тратить время на такіе фокусы, какъ тотъ этюдъ. Никакого толку вамъ отъ нихъ не будетъ. У васъ, повидимому, есть природныя способности. Сколько времени вы здѣсь учитесь?

— Почти два мѣсяца.

— А раньше не брали уроковъ?

— Нѣтъ.

— А-а! значитъ, врожденная способность.

Онъ кивкомъ головы отпустилъ натурщицу.

— Вы скоро начнете продавать свои вещи... если не будете пытаться слишкомъ рано. Слишкомъ рано продавать картины очень плохо.

— Развѣ?—спросилъ Дикки.—Я не думаю, чтобы это мнѣ повредило.

— Нѣтъ? Берегитесь этого... а пока спокойной ночи... спокойной ночи!

Онъ ушелъ. Дикки смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ, что онъ, навѣрное, ѣдетъ домой и его ждетъ вкусный ужинъ, пылающій каминъ, теплая постель. Но, несмотря на всю привлекательность этого, Дикки чувствовалъ, что не желалъ бы быть на мѣстѣ этого человѣка. Ни за что на свѣтѣ!

Выйдя на улицу, онъ увидалъ свою сосѣдку, стоявшую у подъѣзда.

— М-ръ Мэсонъ уже вышелъ?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Такъ, должно быть, онъ уже ушелъ,—сказала она и, радуясь своему маленькому маневру, пошла рядомъ съ Дикки: поджидала она именно его.

— Зачѣмъ они держатъ такихъ дураковъ, какъ этотъ?—сказала она,—какъ его?

— Онъ не дуракъ,—возразилъ Дикки,—и мнѣ кажется, онъ кое-что смыслитъ въ анатоміи... въ фигурѣ... Но, Боже мой! что это за жизнь!

— Ахъ!—искренно вырвалось у нея,—вамъ хорошо! Вы—настоящій человѣкъ.

И вышло какъ-то такъ, что эти слова на нѣсколько часовъ согрѣли Дикки не хуже пріятнаго ужина, пылающаго камина и теплой постели.

У станціи подземной дороги они разстались. Она исчезла въ толпѣ публики, хлынувшей изъ театровъ. А Дикки повернулъ назадъ и пошелъ по Риджентъ-стритъ къ яркимъ огнямъ Пикадилли.

— Я—настоящій человѣкъ,—повторялъ онъ про себя.—Я—настоящій человѣкъ.

Но становилось холоднѣе, и съ каждымъ разомъ слова эти ободряли все меньше и меньше.

III.

Провести зимнюю ночь на улицахъ Лондона нелегко. Тысячу разъ Дикки проклиналъ себя за то, что не зашелъ въ свѣчную лавку въ Дрюри-Лэнѣ, но и тысячу разъ радовался этому. Сколько было людей еще несчастнѣе его, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые остались безъ крова въ эту холодную ночь.

До двухъ часовъ на улицахъ было движеніе, и самый видъ людей какъ-то согрѣвалъ Дикки. Онъ ходилъ и ходилъ по наиболѣе оживленнымъ улицамъ, глубоко запустивъ руки въ карманы и поднявъ воротникъ пальто. И только, когда мимо по панели проходила одна изъ несчастныхъ женщинъ, ему становилось холодно—точно холодъ жизни пронизывалъ насквозь до самыхъ костей. Нѣкоторыя окидывали его усталымъ взглядомъ,

другія заговаривали. Обыкновенно, онѣ обращались съ однимъ изъ глупо-нѣжныхъ ласкательныхъ словъ, которыя каждый мужчина употребляетъ наединѣ съ любимой женщиной. Услыша его въ такомъ видѣ, онъ даетъ зарокъ никогда больше не произносить его.

Но въ этихъ женщинахъ была смѣлость, была бравада, и Дикки почувствовалъ стыдъ за малодушіе, овладѣвавшее имъ. Онѣ шли, высоко поднявъ голову, той походкой, которая бываетъ при тѣсной обуви, борясь съ усталостью и стараясь быть кокетливыми. Голоса ихъ звучали оживленно. Онѣ не жаловались, не хныкали. До самаго конца онѣ старались не быть попрошайками; но, когда время шло и онѣ видѣли, что торгъ не состоится, онѣ все-таки не обнаруживали отчаянія и съ удивительнымъ мужествомъ смотрѣли въ лицо этой одинокой холодной ночи.

На Оксфордъ-стритъ маленькаго роста дѣвушка стояла, смотря по сторонамъ, а затѣмъ перешла черезъ улицу прямо къ Дикки.

— Пойдемъ къ тебѣ домой, красавчикъ,—сказала она, слегка стуча зубами.

Дикки посмотрѣлъ на нее. Ей не могло быть больше восемнадцати лѣтъ, но уже жизнь положила неизгладимые слѣды на ея лицо. Одѣта она была убого. Удобство и теплота были принесены въ жертву жалкой модѣ, но всѣ ухищренія дешевки не скрывали ея нищеты.

— Я не иду домой,— отвѣтилъ спокойно Дикки.

— Ну, такъ пойдемъ въ гостиницу. Мнѣ ничего не надо...—увѣряла она, прибавляя такіе доводы, что Дикки стало жутко.

— Хожу это я сегодня съ четырехъ часовъ,—продолжала она, стараясь возбудить его жалость.—Невесело, знаешь ли! Пойдемъ! Будь кавалеромъ.

Горькій комизмъ этого приглашенія вызвалъ у Дикки улыбку.

— Я въ такой же позиціи, какъ и вы,—сказалъ онъ.

— Въ такой же... что?

— Въ такомъ же положеніи. Затрудненіи. Мнѣ приходится сегодня ночевать на улицѣ.

— Ну, разсказывай сказки!

— Честное слово. Придется спрятаться въ какой-нибудь подъѣздъ, а то ужъ очень холодъ донимаетъ.

Она оглядѣла его съ головы до ногъ.

— Вы не изъ простыхъ, —сказала она, улыбаясь. — Кто вы такой будете?

Дикки пожалъ плечами. Объясненіе съ ней могло бы даже быть интереснымъ, но на этомъ холодѣ не казалось ему соблазнительнымъ.

Дѣвушка повернулась уходить. Что жъ съ него взять? Дикки понималъ, что подъ ея веселой оболочкой скрывается больше мужества, чѣмъ у него. Она взглянула на него черезъ плечо и кивнула ему.

— Ну, ладно... желаю успѣха!—кинула она на прощаніе и быстро засѣменила на своихъ высокихъ каблукахъ по направленію къ смутно обрисовывавшейся въ ночной мглѣ фигурѣ.

— Боже! Боже!—пробормоталъ Дикки и побрелъ дальше.

Пробило два часа. Нѣсколько минутъ страшный городъ гудѣлъ звономъ, раздававшимся изъ разныхъ церквей. Затѣмъ улицы начали пустѣть. Человѣческій элементъ таялъ понемножку, и воцарялась настоящая ночь. Какъ въ нѣсколько минутъ неизвѣстно откуда толпа наполняетъ пустую улицу, такъ и эти жалкія фигуры разсѣялись и исчезли въ одно мгновенье. Теперь и на Оксфордъ-стритъ, и на Рижентъ-стритъ Дикки былъ совершенно одинокъ. Его сталъ одолѣвать холодъ. Зубы его стучали. Мысль о томъ, чтобы пробраться въ какой-нибудь подъѣздъ и лечь на полъ, которую онъ раньше отвергалъ, теперь все навязчивѣе представлялась его сознанію.

Изъ политехникума Дикки вышелъ съ увѣренностью, что онъ сможетъ всю ночь пробродить по улицамъ. Ему мало улыбалась мысль, что городовой вытащитъ его за шиворотъ изъ чужого подъѣзда. Но теперь онъ приходилъ къ заключенію, что ночное хожденіе по улицамъ требуетъ суровой тренировки. Онъ чувствовалъ изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, и невольно поглядывалъ по сторонамъ въ поискахъ мѣстечка, гдѣ можно было бы пріютиться. Пусть является полиція и заставитъ его уйти, хоть немного онъ полежитъ, закрывъ глаза и отдыхая.

На Іигморъ-стритъ передъ однимъ изъ магазиновъ оказался проходъ въ видѣ глубокой ниши, т. е. какъ разъ то, что́ было нужно. Оглядывая во всѣ стороны пустынную улицу, Дикки осторожно поднялся по ступенькамъ и легъ на полъ. Онъ успѣлъ только подумать, отказался ли бы теперь отецъ пустить его переночевать въ его прежней комнатѣ, и сразу заснулъ, хотя зубы его стучали отъ холода.

Въ какомъ часу—неизвѣстно—Дикки проснулся, какъ-будто отъ толчка: кто-то вошелъ въ *его* владѣнія. Вѣроятно, полиція.

Онъ сѣлъ, протирая глаза. Но это была не полиція, а старуха въ лохмотьяхъ, съ маленькимъ ларькомъ со спичками въ рукахъ. Она опустилась на ступеньки возлѣ него.

Въ первый моментъ у Дикки мелькнуло въ головѣ, что надо встать и уйти. Но такимъ облегченіемъ было сознаніе, что его не гонятъ насильно, что сонныя вѣки стали смыкаться. Онъ снова скорчился въ своемъ углу. Начиная поддаваться дремотѣ, онъ все-таки въ то же время разсматривалъ свою сосѣдку.

Заботливой рукой она поставила свой лотокъ со спичками въ самый защищенный уголъ и прикрыла ихъ платкомъ отъ сырости. Затѣмъ она плотнѣе укуталась въ свои лохмотья и, прислонясь спиною къ двери, придвинулась ближе къ Дикки, чтобы призанять у него немножко тепла.

Съ невольнымъ отвращеніемъ Дикки отшатнулся подальше и затаилъ дыханіе отъ запаха старыхъ тряпокъ, которымъ разило отъ нея. Но женщина не обратила никакого вниманія на это движеніе и придвинулась еще ближе.

Дикки сдѣлалъ движеніе, чтобы встать и уйти. Что за проклятіе. Вѣдь, не одинъ есть этотъ подъѣздъ. Его била дрожь, и, когда она схватила его за руку, отъ этого прикосновенія холодная струя побѣжала по всему тѣлу.

— Сиди, чего тамъ!—сказала она.

Голосъ у нея былъ хриплый, настоящій голосъ уличной женщины.

— Сиди,—повторила она.—Не уйдешь отсюда.

— Отчего, нѣтъ?—спросилъ Дикки, ожидая, что она скажетъ.

— Озябъ, вѣдь. Здѣсь не больно согрѣешься. Ну, а на улицѣ еще во сто разъ хуже.

— Я не очень боюсь холода.

Но щелканье зубовъ выдавало его.

Женщина хихикнула, все держа его руку.

— Ладно, ладно, это все намъ извѣстно,—сказала она.— Носъ воротишь, гордъ еще. Первый разъ ночуешь на улицѣ?

— Да.

— Ну, вотъ. Такъ я и думала. Разборчивъ больно! Хочешь уголокъ для себя одного. Знаю, знаю. А-ахъ, и холодъ же дьявольскій! А чтобы теплѣе было, мы вотъ какъ,—и она тѣснѣе прижалась къ нему.—Развѣ не лучше теперь?

И правда: Дикки сталъ согрѣваться отъ близости другого человѣческаго тѣла. Зубы перестали отбивать дробь. Да, такъ

удобнѣе. Ощущеніе отвращенія притупилось, точно засыпало въ немъ. Что же дѣлать?

Приходится спасаться отъ холода, прижимаясь къ этой грязной нищенкѣ. Если жизнь требуетъ этого, то такъ ли оно страшно и безобразно, какъ ему сначала казалось?

— Ну что, развѣ не лучше? — повторила она свой вопросъ.

— Да, лучше,— отвѣтилъ онъ.

— Теплѣе?

— Да.

— Вотъ видишь. Привыкнешь. Пройдетъ нѣсколько недѣль и будешь самъ высматривать, не лежитъ ли какой человѣкъ, вотъ какъ я дѣлаю. А съ начала оно чудно, конечно. Я помню, какъ первый разъ пришелъ какой-то малый и ложился рядомъ со мной. Я его какъ толкну. А онъ мнѣ говоритъ: «Напрасно изволите безпокоиться; я не охотникъ какой-нибудь, Господь упаси. Мнѣ бы только погрѣться». А я, какъ дура какая, вскочила и всю эту ночь какъ есть глазъ не сомкнула!

Дикки сонно улыбнулся и, отвернувъ голову, придвинулся корпусомъ ближе къ старухѣ. Нѣсколько минутъ они молча копошились другъ возлѣ друга, пока не нашли сравнительно удобное положеніе. Дикки засыпая чувствовалъ, что его разбираетъ безумное желаніе расхохотаться.

И то, что находясь въ подобномъ положеніи, Дикки ощущалъ желаніе смѣяться, было поворотнымъ пунктомъ въ его жизни—болѣе важнымъ, чѣмъ тотъ моментъ, когда онъ убѣжалъ изъ отцовскаго дома.

IV.

Разбудилъ его сѣрый утренній свѣтъ, робко заглядывавшій въ узкія улицы. Снова начиналась жизнь. До ушей Дика долетѣло звяканье молочныхъ ведеръ и хлопаніе крышекъ ящиковъ—куда метельщики высыпали соръ. Старуха въ лохмотьяхъ все еще спала. Чтобы ее разбудить изъ привычнаго для нея сна, надо было, очевидно, нѣчто посильнѣе сѣраго разсвѣта и первыхъ заглушенныхъ звуковъ ранняго городского утра. Дикки съ любопытствомъ смотрѣлъ на ея лицо, и хотя, проснувшись, онъ вздрогнулъ отъ ужаса передъ такимъ сосѣдствомъ, но теперь въ лицѣ ея онъ не находилъ ничего, оправдывающаго отвращеніе.

Она была стара. Но развѣ это говорило противъ нея? Лицо было блѣдное, худое, но не отталкивающее. Не надо думать, что бездомные люди всегда живутъ скверно. Лицо ея выражало терпѣніе и кротость, а закрытые глаза казались даже какими-то гордыми и удовлетворенными. Она была стара, некрасива, грязна, она была нищая,—вотъ ея грѣхи единственные, какіе Дикки могъ подмѣтить. А ея добродѣтелью былъ ея здравый смыслъ: она помѣшала ему пойти на улицу мерзнуть, потому, что сама познала глупость человѣческую, а главное, ей жалко стало неопытнаго мальчика.

Дикки осторожно поднялся и тихонько прислонилъ ея усталое тѣло въ теплый уголокъ, который онъ только-что оставилъ. Она все еще спала. Нужна была властная рука блюстителя порядка, чтобы разбудить ее. Дикки вышелъ на улицу. У него было такое чувство, что эта ночь научила его чему-то. Онъ понялъ законъ жизни, требующій, чтобы каждый человѣкъ давалъ, какъ и береть, полной рукой, понимая умомъ глубокую трагикомичность всего происходящаго.

Никогда еще Дикки не чувствовалъ такой острой радости жизни, такого жгучаго ощущенія борьбы, предстоящей ему, какъ въ это утро! никогда не отдавался онъ съ такой вѣрой игрѣ случайности, которая могла дать ему все!

Пустой желудокъ властно напоминалъ о себѣ, утренній холодъ пробиралъ Дикки такъ сильно, что опять зубъ не попадалъ у него на зубъ, но все же онъ легко пошелъ къ Странду и даже мурлыкалъ что-то про себя.

М-ръ Ниббсъ, обыкновенно, открывалъ свой магазинъ въ половинѣ девятаго. Дикки надѣялся поѣсть у него чего-нибудь. Когда онъ подошелъ, то увидѣлъ, что ставни подняты. Его этюдъ набережной былъ выставленъ въ окнѣ. И какъ ни голоденъ онъ былъ, все же Дикки не могъ не остановиться на минутку, чтобы полюбоваться на него. Онъ не видалъ его еще въ рамѣ. Только художникъ знаетъ, насколько рама поднимаетъ уваженіе къ самому себѣ.

— Ахъ, мастерскую бы мнѣ!—пробормоталъ онъ.—Боже мой! когда у меня будетъ мастерская?

Тутъ опять, только художникъ пойметъ его.

Наконецъ, Дикки вошелъ въ магазинъ. За прилавкомъ стоялъ какой-то незнакомый Дикки субъектъ и вырѣзывалъ золотой ободокъ къ рамѣ маленькимъ, заостреннымъ ножикомъ, который всегда употреблялъ м-ръ Ниббсъ.

— Гдѣ м-ръ Ниббсъ?—спросилъ Дикки, слегка оторопѣвъ

— Его сегодня нѣтъ въ магазинѣ.

— А гдѣ онъ?

— Его нѣтъ въ магазинѣ.

— Это я вижу. Онъ не придетъ сегодня утромъ?

— Нѣтъ.

— Отчего?

Человѣкъ окинулъ Дикки враждебнымъ взглядомъ: кто ты, молъ, такой, что учиняешь мнѣ допросъ?

— Онъ не придетъ,—отвѣтилъ онъ,—и оставилъ меня на свое мѣсто. Поняли?

— А что́ съ нимъ такое?—спросилъ Дикки.

Мужчина небрежно облокотился на прилавокъ. Онъ всегда гордился тѣмъ, что умѣетъ обращаться съ такого рода публикой.

— А какое вамъ до этого дѣло?—спросилъ онъ.

Дикки сдержалъ себя: ему такъ хотѣлось ѣсть!

— Я—художникъ,—объяснилъ онъ.—М-ръ Ниббсъ продаетъ мои картины. Вонъ та... посреди окна... съ пароходомъ—это моя. Мнѣ очень надо видѣть м-ра Ниббса.

— Хорошо... Мнѣ поручено говорить обо всѣхъ дѣлахъ.

Дикки пытливо взглянулъ на него. Мысли о ѣдѣ, о горячемъ чаѣ заслонили всѣ прочія соображенія, хотя онъ чувствовалъ, что тутъ необходимо дѣйствовать тонко.

— Видите ли,—сказалъ онъ и усмѣхнулся, представивъ себѣ, какъ будетъ сейчасъ изумленъ этотъ мужчина,—суть вотъ въ чемъ... Мнѣ надо... я хочу занять шесть пенсовъ... на завтракъ... Я... я голоденъ.

Эффектъ получился необычайный. Это было больше, чѣмъ изумленіе. Мужчина отпрянулъ отъ прилавка съ возгласомъ:

— Чортъ подери!

И еще разъ повторилъ:

— Чортъ подери!

— Я очень сожалѣю,—замѣтилъ Дикки.

— О чемъ вы сожалѣете? Въ жизни своей никогда не видѣлъ подобной исторіи: является человѣкъ съ улицы и проситъ шесть пенсовъ на завтракъ! Если бы я только хотѣлъ, сейчасъ позвалъ бы городового, и онъ упряталъ бы васъ куда слѣдуетъ. Пріятель м-ра Ниббса, это мнѣ нравится. Немало нашлось бы у него пріятелей, если бы можно было приходить за шестью пенсами.

Дикки почувствовалъ приступъ голода—особенно мучительный оттого, что надежды на завтракъ никакой не было.

— Значитъ, вы мнѣ не вѣрите?,—серьезно спросилъ онъ.

— Представьте, не вѣрю! Какъ мнѣ знать, кто вы такой? М-ръ Ниббсъ сильно простудился, слегъ въ постель и просилъ меня замѣнять его въ магазинѣ, пока онъ оправится. Хотѣлъ бы я видѣть его лицо, если бы я сказалъ ему, что я далъ полъ-шиллинга первому человѣку, который явился съ улицы и заявилъ, что ему нуженъ завтракъ.

— Я знаю, что́ бы сказалъ на это м-ръ Ниббсъ,—объявилъ Дикки.

— Вотъ какъ... вы знаете?

— Да... онъ сказалъ бы, что однимъ завтракомъ человѣкъ не будетъ сытъ цѣлый день.

— Ахъ, вотъ какъ! Вы очень хорошо знаете м-ра Ниббса. А теперь я васъ попрошу удалиться; у меня есть работа.

Дикки съ открытой насмѣшкой смотрѣлъ на него. Мужчина отвѣчалъ ему смѣлымъ, полнымъ презрѣнія взглядомъ. Ему нечего было стыдиться! правда на его сторонѣ. Для него, какъ для многихъ бѣдность—порокъ, безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ, а, вѣдь, этотъ парень просто попрошайничаетъ!

— Должно быть, вамъ никогда не приходилось голодать,—съ сердцемъ сказалъ Дикки.

— Нѣтъ. Избавилъ Богъ. Я всегда имѣлъ хлѣбъ и всегда зарабатывалъ его своимъ трудомъ.

— Какъ вамъ это должно быть утѣшительно, когда вы видите голоднаго человѣка!

— Утѣшительно или нѣтъ, это мое дѣло, а только я васъ прошу убраться. Если вы не уйдете, я позову городового. Нищенство у насъ запрещено закономъ.

Надежда на завтракъ пропала безвозвратно. Дикки понималъ это. Онъ повернулся и сталъ выходить изъ лавки. Напрасно было бы оставаться здѣсь дольше.

— Надѣюсь, вы будете еще здѣсь, когда м-ръ Ниббсъ вернется,—сказалъ онъ,—хотѣлось бы видѣть вашу физіономію, когда я разскажу ему все.

Слабое утѣшеніе! Въ подкрѣпленіе къ нему Дикки выходя пустилъ дверь, чтобы она хлопнула хорошенько, но забылъ, что на ней есть задерживающая пружина. Онъ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ ждалъ громкаго стука, но дверь остановилась въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ рамы, а затѣмъ тихо безъ всякаго шума закрылась механически.

Это разсмѣшило Дикки, и онъ громко расхохотался.—Его врагъ слѣдилъ за нимъ въ окно, сквозь отверстіе между рядами

картинъ, увидѣлъ его уходящимъ съ широкой улыбкой на лицѣ и опять громко чертыхнулся. Теперь уже онъ былъ абсолютно увѣренъ, что Дикки только притворялся голоднымъ. Человѣкъ не станетъ такъ смѣяться, если у него брюхо пустое!

А между тѣмъ Дикки все продолжалъ улыбаться, пока шелъ по мосту Ватерлоо. У него не выходилъ изъ головы великолѣпный эпизодъ съ дверью. Ему хотѣлось грохнуть такъ, чтобы задрожали картины на стѣнахъ, а все, чего онъ добился—былъ легонькій, похожій на вздохъ, скрипъ. И мысли его сосредоточились на безполезности злобы.

Конечно, Дикки чувствовалъ, какъ и раньше, голодъ, но теперь онъ уже зналъ, гдѣ утолитъ его. Ночь, проведенная на улицѣ, повидимому, излѣчила его отъ безумной гордости. Теперь онъ безъ всякаго колебанія направлялся къ Констанціи, ясно сознавая, что ищетъ у нея помощи и поддержки. Мысль о Доротеѣ не стояла надъ нимъ карающей тѣнью: онъ былъ свободенъ, свободенъ, какъ вѣтеръ, и впервые со времени возвращенія изъ Эккингтона онъ былъ радъ этому. Юность быстро осваивается съ неизбѣжнымъ. Проигралъ въ любви, зато выигралъ въ свободѣ! А въ это утро, когда холодное дыханіе вѣтра подхлестывало въ немъ энергію, онъ не могъ жалѣть о прошломъ. Появленіе Доротеи,—конечно, развѣяло бы его веселую вѣтренность, но Доротеи не было, и мимо него спѣшили въ свои конторы барышни съ новыми выпусками романовъ въ потертыхъ муфтахъ.

Никому изъ нихъ не могло бы придти въ голову, что этотъ энергичный молодой человѣкъ, съ поднятымъ воротникомъ и глубоко засунутыми въ карманы руками, провелъ эту ночь на дворѣ и теперь бродитъ въ поискахъ съѣстного. Поровнявшись съ Дикки, онѣ невольно прибавляли шагу: энергія точно лучами исходила отъ него. Онѣ видѣли, что онъ пересѣкъ Странд и сталъ подниматься къ Дрюри-Лэну. Не одна изъ нихъ съ интересомъ раздумывала, кто бы онъ могъ быть.

Подойдя къ свѣчной лавкѣ, Дикки не остановился въ нерѣшительности, какъ наканунѣ, а прямо вошелъ, вдыхая знакомый запахъ краски, мыла и керосина.

За прилавкомъ стоялъ новый мальчикъ и вытиралъ руки масляной тряпкой.

— Сбѣгай-ка наверхъ, малый,—сказалъ Дикки,—и доложи миссъ Бальдвинъ, что въ лавкѣ ее ждетъ одинъ знакомый.

Голосъ его звучалъ твердо, и мальчикъ тотчасъ побѣжалъ, съ масляной тряпкой въ рукѣ.

Послышались на лѣстницѣ шаги Констанціи. Сердце Дикки стучало, какъ молотъ. Сейчасъ, вотъ сейчасъ она повернетъ и выйдетъ изъ двери, надъ которой висятъ щетки и мочалки!

Когда она вошла въ лавку и увидѣла, кто ее ждетъ, она только звонко вскрикнула:—Дикки!

Но вся ея душа была въ этомъ словѣ.

V.

Возбужденная, радостная и не скрывающая своей радости, Констанція взяла Дикки за руку и потащила его наверхъ, въ столовую.

— Мама еще лежитъ,—говорила она.—Поѣхала вчера въ театръ, а оттуда зашла еще къ знакомымъ и, можете себѣ представить, вернулась только въ два часа ночи. Каково?.. Но, Боже мой! Вы пришли! Я никогда не думала, что это можетъ случиться. Никогда!

Они вошли въ столовую. Констанція закрыла дверь и подошла къ Дикки, глядя на него долгимъ взглядомъ. Слова «радость», «удовольствіе» не могутъ передать того чувства, которое она испытывала, увидѣвъ его снова. Она честно сдержала свое обѣщаніе: съ того дня, какъ они разстались, она не писала ему, ничѣмъ не тревожила его, считала его для себя потеряннымъ и старалась закалить себя въ сознаніи, что чувство ея пропало безъ отвѣта.

А теперь онъ вернулся, онъ—здѣсь! И снова надежда расцвѣтала въ ея сердцѣ. Но на что́ она надѣялась, она бы и сама не могла сказать. Всѣ ея ощущенія были въ эти минуты неопредѣленны и расплывчаты. Ясно чувствовалась только радость его присутствія.

— Какъ хорошо, Богъ ты мой!—воскликнула она, кладя руки къ нему на плечи и поворачивая его лицомъ къ свѣту.—Покажитесь, покажитесь! Какъ вы живете? Все еще въ Гринвичѣ? Все корабли? А картины еще продали? Помните вы того рамочника, съ которымъ мы сцѣпились? Я его встрѣтила на дняхъ, на улицѣ. Если бы вы только видѣли, какъ онъ посмотрѣлъ на меня? А я не могла выдержать и расхохоталась прямо ему въ лицо. Что́ такое... что́ съ вами? Вы такъ вдругъ поблѣднѣли? Что́ случилось?

Дикки улыбнулся.

— Я очень голоденъ,—сказалъ онъ откровенно,—я ничего не ѣлъ со вчерашняго утра, а эту ночь провелъ на улицѣ.

Онъ засмѣялся при этомъ воспоминаніи.

— Я спалъ подъ дверью магазина на Іигморъ-стритъ.

Констанція послѣ этого не задала ни одного вопроса, тогда какъ мужчина на ея мѣстѣ засыпалъ бы Дикки цѣлымъ градомъ. Она усадила его въ кресло и убѣжала изъ комнаты. Не успѣлъ онъ еще разобраться, въ чемъ дѣло, какъ она уже вернулась назадъ съ тарелками и чашкой въ рукахъ. И она не сказала ни слова до тѣхъ поръ, пока онъ не сидѣлъ за столомъ, съ аппетитомъ уплетая поданную ею ѣду.

Заботиться о немъ, предупреждать его малѣйшія желанія— тутъ она была въ своей стихіи! Не въ ея силахъ быть его опорой въ работѣ, но въ данномъ дѣлѣ она вполнѣ увѣрена въ себѣ. Она ничего не забыла, не пропустила ни одной вещи, которая могла бы быть ему нужна. Рядомъ съ его приборомъ она даже положила пачку папиросъ и коробку спичекъ, а затѣмъ сѣла смотрѣть, какъ онъ будетъ ѣсть. Нѣсколько минутъ онъ ѣлъ молча, затѣмъ взглянулъ на нее, въ ея глаза, свѣтившіеся лаской и довѣріемъ. Сердце Констанціи такъ и прильнуло къ нему: вѣдь онъ заглянулъ ей въ глаза.

— Я вотъ что думаю: та бѣдная старуха, которая спала со мной эту ночь,—сказалъ Дикки,—врядъ ли сидитъ теперь за такимъ роскошнымъ пиромъ, какъ я.

Констанція почувствовала, что разъ онъ самъ заговорилъ на эту тему, то она можетъ спрашивать его и удовлетворить любопытство, которое начинало уже томить ее.

Дикки разсказалъ ей все, что было съ нимъ, начиная съ поступленія въ ателье m-ieur Марко и до оставленія его. Теперь онъ, самъ того не сознавая, передавалъ все съ оттѣнкомъ юмора. И не разъ онъ заставлялъ Констанцію смѣяться, когда изображалъ этого удивительнаго проходимца съ его аршинами картинъ и хитроумными плутнями. А, когда онъ дошелъ до описанія портрета m-me Марко въ пышно-эффектномъ платьѣ, онъ самъ смѣялся весело, по-мальчишески.

— Хорошо... А что же вы теперь думаете дѣлать?—спросила Констанція, не смѣя надѣяться, что онъ захочетъ опять одолжаться у нея.—Поѣдете домой?

Въ ея голосѣ звенѣла дрожащая нотка тревожнаго предчувствія. Но Дикки покачалъ головой, и снова загорѣлись ея глаза, и она глубоко перевела стѣсненное дыханіе.

— Я былъ дома,—сказалъ Дикки.—Недѣли двѣ тому назадъ. Хотѣлъ переночевать у своихъ, но отецъ не раздѣлялъ этого желанія.

— Онъ выгналъ васъ?

— Въ родѣ того.

— Боже мой! Какой отецъ!

— Я думаю, что ему было не менѣе тяжело, чѣмъ мнѣ,— сказалъ Дикки. Теперь, глядя назадъ, онъ лучше понималъ то бурное объясненіе, чѣмъ тогда.

— А что̀ сказала сестра?

— Она хотѣла уѣхать со мной.

— Я бы тоже такъ! Мнѣ нравится ваша сестра.

— Да, она страшно хорошая... но все-таки для него это было бы слишкомъ большимъ ударомъ. Вѣдь, кромѣ Анни, у него ничего теперь не осталось.

— А *та*, другая? Что̀ она говорила?

Снова звучала дрожащая нотка тревоги. Она знала, что въ Эккингтонъ онъ ѣздилъ только, чтобы повидаться съ Доротеей.

— Она не знала, что̀ у меня произошло съ отцомъ,—отвѣтилъ Дикки.

— Не знала?

— Нѣтъ. Это случилось послѣ того, какъ я былъ у нея.

— Отчего же вы не пошли назадъ разсказать ей?

— Оттого, что...—онъ скривилъ губы, стараясь улыбнуться, но развѣ можно было заставить повѣрить, что ему не больно и теперь говорить объ этомъ,—оттого, что я узналъ, что она... что она разлюбила меня. Она выходитъ замужъ.

И, сказавъ это, онъ поднялъ глаза и улыбнулся. Сердце Констанціи затрепетало. Въ ней рождалась ликующая вѣра въ то, что она будетъ для него тѣмъ, чѣмъ никогда не была Доротея, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей было жаль Дикки и больно за него; она чувствовала, что память о Доротеѣ ему все еще дорога, но все же онъ здѣсь, съ ней, и она можетъ дать ему все, чего онъ лишенъ!

И въ отвѣтъ на его признаніе Констанція протянула черезъ столъ руку: врожденный тактъ подсказалъ ей, что комментаріи тутъ излишни.

— Что̀ же вы собираетесь теперь дѣлать?—спросила она послѣ короткаго молчанія.

Дикки, смѣясь, тряхнулъ головой.

— Если говорить откровенно,—сказалъ онъ,—то я собираюсь спать на воздухѣ, какъ эту ночь, пока м-ръ Ниббсъ не выздоровѣетъ и не вернется къ себѣ въ магазинъ. Живутъ, вѣдь, такъ другіе люди, Боже мой! Въ концѣ концовъ это вовсе не такъ страшно. Немножко холодно только теперь, но это, вѣдь, долго тянуться не будетъ. Черезъ нѣсколько дней м-ръ Ниббсъ вернется и если я

ничего другого не найду, то буду работать у него въ магазинѣ. На курсахъ у меня уплачено, такъ что ходить на занятія мнѣ помѣшать не могутъ. Кормежка—вотъ единственное, чего мнѣ не хватаетъ, и за этимъ я пришелъ къ вамъ сегодня.

Констанція терпѣливо слушала его, улыбаясь. Это былъ такой вздоръ, такой очаровательный вздоръ! Какъ это она могла бы нѣжиться въ теплой постели, зная, что онъ дрожитъ отъ холода на какихъ-нибудь ступенькахъ. Когда онъ окончилъ свой вздоръ, она разсмѣялась.

— Теперь слушайте, что́ я вамъ скажу,—начала она.—На самомъ верху у насъ есть комнатка, гдѣ я когда-то позировала вамъ съ кувшиномъ, а вы вносили въ свою картину «интимную нотку». Помните? Такъ вотъ вы тамъ будете жить, и, пожалуйста, безъ глупостей. Вы думаете, что я могла бы спать хоть пять минутъ, если бъ знала, что вы шатаетесь по улицамъ? Гдѣ ваши вещи?

— Я оставилъ ихъ вчера въ политехникумѣ.

— Ладно. Такъ сбѣгайте туда и принесите ихъ, а я скажу мамѣ, что у насъ есть жилецъ.

— Но, милая Констанція, я... я не могу платить.

— А кто васъ проситъ? Ахъ, Дикки! Нельзя же быть такимъ идіотомъ! Какъ вы можете платить, если у васъ нѣтъ денегъ? Если надо будетъ платить, я позабочусь объ этомъ. Но я знаю, что́ моя старушенція скажетъ. Вы помните тотъ день, когда вы лежали и плакали, и она застала васъ въ этомъ видѣ?

Дикки кивнулъ головой.

— Ну, вотъ: она тоже не забыла. Иногда она любитъ поворчать, но она страшно добрая, до глупости даже. И страшно любитъ людей, и не можетъ быть одна. Ну, ступайте за своими вещами и возвращайтесь, а я ужъ тутъ съ мамой все улажу.

Дикки испытывалъ пріятное чувство человѣка, за котораго другіе дѣлаютъ сложное и трудное дѣло. Онъ пошелъ въ политехникумъ, а когда вернулся, то засталъ уже въ лавкѣ м-съ Бальдвинъ съ локонами въ прическѣ, занятой отпускомъ товара.

Она привѣтствовала его широкой, радушной улыбкой и нѣсколько разъ многозначительно кивнула ему. А, когда покупатель ушелъ, она увлекла его въ проходъ, гдѣ они были почти скрыты за висящими рядами щетокъ, метелъ и всевозможныхъ другихъ предметовъ, украшающихъ собою мало помѣстительную свѣчную лавку.

— Не говорите Констанціи,—таинственно зашептала м-съ Бальдвинъ,—не говорите ей ничего, когда пойдете наверхъ: вы

будете имѣть свою прежнюю комнату, съ тѣмъ же утреннимъ завтракомъ, что и тогда, и платы я никакой не хочу. Только, ради Бога, не говорите Констанціи! Она набросится на меня, какъ кошка: за чѣмъ, молъ, отдала комнату задаромъ? Она мнѣ разсказала про васъ. И пришлось же нахолодаться вамъ, бѣдненькому! Слава Богу, отъ этого миловалъ Господь! Я и говорю ей, что надо, молъ, помочь Дикки, а она сразу какъ отрѣжетъ: «Только ужъ, пожалуйста, не вздумай отдавать ему комнату безъ денегъ!» Правду сказать, мнѣ это и въ голову не приходило, но лучше этого ничего не придумаешь. Жильца все равно нѣтъ, такъ что я ничего не теряю. «Не вздумай»,—говоритъ,—«отдавать ему задаромъ!» А я возьму и отдамъ. Вы скажете, что отдадите мнѣ позже, когда будутъ лишнія деньги. А мнѣ денегъ не нужно. Видитъ Богъ, я бы сама съ радостью согласилась, если бы знакомые люди предлагали мнѣ отъ чистаго сердца. Но у дочки моей, видите ли, свой разумъ и разсчету у нея больше, чѣмъ у меня, старухи. Такъ вотъ вы меня не выдавайте. А теперь идите наверхъ и отнесите вещи въ свою комнату. Кровать еще не постлана, но я къ вечеру приготовлю.

Все это окончательно ошеломило Дикки. Когда онъ на верхней площадкѣ лѣстницы встрѣтилъ Констанцію, то совсѣмъ не зналъ, что́ сказать.

— Ну, что́?—спросила она.

— Мнѣ сказано поставить свои вещи въ комнату,—отвѣтилъ онъ.

— И ничего мнѣ не говорить, правда? Да, съ ней легко справиться. Сто́итъ только сказать ей, чтобы она не дѣлала чего-нибудь, и ее будетъ всѣми силами тянуть сдѣлать это.

Она вдругъ остановилась. Глаза ея перестали смѣяться. Она положила руки къ нему на плечи и шепнула:

— Дикки!

А Дикки вспомнилъ то, что́ говорила ему m-me Марко, и подумалъ:

— А, вѣдь, m-me Марко была права!

VI.

Первые нѣсколько дней Дикки и Констанція дичились другъ друга, словно дѣти, для которыхъ все въ мірѣ ново и каждое ощущеніе — волшебное откровеніе. По молчаливому взаимному договору, они никогда не касались своего послѣдняго свиданія. Точно ничего не случилось, точно встрѣтились они

теперь впервые — только у обоихъ, когда они встрѣчались и разговаривали, было чувство неизбѣжности сближенія. Неизбѣжно было, что наступитъ день, когда перегородка сдержанности рухнетъ подъ напоромъ властныхъ требованій природы. Замирая и трепеща, оба ждали этого дня, боясь его и радуясь тому, что онъ придетъ.

Расходясь вечеромъ по своимъ комнатамъ, они желали другъ другу «спокойной ночи», а затѣмъ долго метались безъ сна, пока, наконецъ, къ разсвѣту не засыпали утомленные. Когда Констанція пѣла свои пѣсни и куплеты, она пѣла о немъ. Когда Дикки работалъ на курсахъ, онъ работалъ съ мыслью о ней.

Оба они жили, точно у края вулкана. Оба чувствовали, что земля уже горитъ у нихъ подъ ногами. Но дни шли, и все такъ же они оставались на краю, и Констанція едва смѣла взглянуть иногда на Дикки.

— Онъ тебѣ уже не нравится, какъ прежде? — спросила ее однажды мать.

Констанція пожала плечами и сказала:

— Отчего же? Онъ мнѣ очень нравится.

— Видно сразу мальчика изъ хорошей семьи,— сказала м-съ Бальдвинъ — онъ совсѣмъ какъ джентльменъ. Неизвѣстно, почему слова эти холодной струей проникли въ душу Констанціи. Даже ознобъ пробѣжалъ по ея спинѣ. Она вздрогнула.

— Простудилась ты, что ли?—спросила ее мать.

— Это тѣнь прошла по моей могилѣ,—отвѣтила Констанція.

Въ этотъ моментъ она невольно пророческимъ внутреннимъ взоромъ заглянула въ будущее. Какая женщина не боится его. Загадочной вереницей стоятъ передъ ней годы жизни, обѣщая хорошее, но и зловѣще тая много злого, страшнаго...

Долго въ эту ночь Констанція лежала безъ сна, но на утро снова съ ней было ея настоящее. Снова она почувствовала желанную близость того момента, который долженъ придти, и когда за завтракомъ глаза ея встрѣтились съ глазами Дикки, она невольно глубоко перевела духъ.

Три дня спустя м-съ Бальдвинъ объявила, что идетъ опять въ театръ и, можетъ быть, поужинаетъ вмѣстѣ со своими знакомыми. Одна и та же мысль мелькнула у Дикки и у Констанціи. Онъ старался улыбнуться, но удалось это только ей. Констанція стала шутливо упрекать мать въ легкомыслiи. Голосъ ея звучалъ искренно, какъ чувствовала и она сама и Дикки.

— Ай-ай! въ твои годы такъ кутить! — говорила она.— Куда же ты идешь?

— А въ «Паласъ», знаешь. Я люблю мелодрамы. Конечно, въ жизни такого не бываетъ, но зато ужъ есть что́ посмотрѣть. И въ карты мошенничаютъ, и дерутся—интересно! Ужъ за свои деньги всего насмотришься.

Въ этотъ вечеръ у Дикки не было занятій на курсахъ. Онъ ничего не сказалъ Констанціи, но пошелъ въ мюзикъ-холль, — гдѣ она выступала, взялъ себѣ мѣсто на галеркѣ и сталъ ждать ея выхода.

Было очень душно. Капли пота выступили на лбу Дикки, руки его были влажны. Онъ зналъ, также какъ и Констанція, что этотъ вечеръ будетъ рѣшающимъ въ ихъ жизни.

Когда занавѣсъ взвился передъ ея выходомъ, у Дикки нервно сжалось горло, и онъ напряженно наклонился впередъ. Ея номеръ не былъ популярнымъ, и выходила она въ началѣ программы; но въ наружности ея было что-то такое, что́ всегда вызывало привѣтственныя рукоплесканія. Она умѣла нравиться этой публикѣ. У нея была вполнѣ достойная тщательныхъ туалетныхъ работъ фигура, изящная шея и посадка головы, стройныя, тонкія ноги. Ее нельзя было назвать красивой, но глаза ея были прекрасны: большіе, темные, гордые глаза, сверкающіе мужествомъ. Ротъ ея былъ великъ, въ немъ не было кокетливаго жеманства, но истинная красота,—красота большой души, чувствовалась въ его складѣ. Что́ лишало Констанцію правъ на красоту—это ея носъ, но онъ-то и придавалъ ея лицу своеобразное очарованіе. Совершенно неожиданно онъ вздергивался вверхъ, забавно и лукаво. Чувствовалось, что тутъ утрачена красота, но ея не было жаль, взамѣнъ пріобрѣталась особенная живая привлекательность.

Такого рода было впечатлѣніе, вызывавшее у зрителей аплодисменты. Констанція еще и не начинала пѣть, какъ уже они были расположены къ ней; когда Дикки услышалъ вокругъ рукоплесканія, щеки у него загорѣлись, и онъ тоже сталъ аплодировать потными руками.

Констанція запѣла. Пѣла она одну изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя, подобно картинамъ m-ieur Марко, могутъ писаться аршинами. Дикки слушалъ, и его щеки запылали еще горячѣе. Онъ зналъ, что она поетъ плохо; онъ не могъ обмануть себя въ этомъ, какъ страстно ни хотѣлъ. Онъ чувствовалъ въ ея пѣніи смѣлость, и больше ничего. Сколько разъ она сама говорила ему, что чувствуетъ, что не умѣетъ пѣть, и каждый разъ, выходя на подмостки, все яснѣе ощущаетъ свою безнадежную бездарность. И теперь Дикки зналъ, что она внутренно дрожитъ. Получая обыкновенно

довольно жидкіе хлопки, она всегда, кончая свой номеръ, со страхомъ ждала шиканія.

— Мнѣ кажется, что, если бы меня ошикали,—призналась она однажды,—я бы ни за что не появилась больше на сценѣ.

Дикки зналъ, что и теперь она съ тайнымъ страхомъ ждетъ этого. И оттого, какъ только замерли послѣдніе аккорды ея пѣсни, онъ сталъ яростно апплодировать. Его въ самомъ дѣлѣ восхищала смѣлость Констанціи, и оттого его пылкій восторгъ выражался искренно и заразилъ всѣхъ сидящихъ кругомъ. Рукоплескала вся галерка. Подняли снова занавѣсъ. Констанція вышла и поклонилась. Дирижеръ кивнулъ головой и постучалъ палочкой. Она стала пѣть на бисъ.

Какъ только Констанція кончила, Дикки всталъ и сошелъ внизъ. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ больше переносить этой тропической температуры. Всѣ его мысли были какъ бы расплавлены, но, конечно, онъ зналъ, что это не только жара; главное, мысли о Констанціи, — и предстоящій вечеръ, *ихъ* вечеръ! Они ни слова не сказали о томъ, какъ провести его вмѣстѣ. Даже этого они стѣснялись. Констанція только спросила у него:

— У васъ есть классъ сегодня вечеромъ?

И, когда онъ покачалъ головой, оба поняли, что дальше не нужно никакихъ словъ.

Дикки хотѣлъ дождаться выхода Констанціи и проводить ее домой. Но время тянулось безконечно, а она все не появлялась. У него захватывало дыханіе и дергалось сердце каждый разъ, когда какая-нибудь фигура появлялась изъ темнаго прохода, ведущаго изъ-за кулисъ. И оттого, когда послѣ долгаго ожиданія вышла наконецъ сама Констанція, у него отъ волненія подогнулись колѣни, онъ упустилъ моментъ, чтобы окликнуть ее, и остался стоять съ бьющимся сердцемъ, глядя, какъ она быстро удаляется по направленію къ Дрюри-Лэну.

Только, подойдя къ углу Квинъ-стритъ, Дикки почти догналъ ее. Онъ замедлилъ шаги и подождалъ, пока она войдетъ въ домъ. Затѣмъ, когда ему казалось, что прошла уже цѣлая вѣчность, онъ тоже вошелъ и сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Онъ даже прошелъ мимо двери въ столовую, направляясь въ свою комнатку, но Констанція окликнула его:

— Вы идете къ себѣ работать?

— Да, я хотѣлъ...

Она робко взглянула на него.

— А я не могу вамъ помочь? Можетъ быть, вамъ нужно позировать для чего-нибудь?

— Нѣтъ... я вырѣзаю по дереву.

Онъ чувствовалъ, что говорить не то; что если онъ не исправитъ ошибки, то все погибло, и онъ очутится одинъ въ своей комнаткѣ. Онъ старался придумать, что́ бы такое сказать, но мозгъ отказывался работать. Выручила опять-таки Констанція. Она тоже увидѣла, что положеніе запутывается.

— Давайте, поужинаемъ сначала,— сказала она.—Я принесла кусокъ жареной рыбы.

Дикки слѣдилъ, какъ она накрывала столъ, и любовался каждымъ ея движеніемъ.

— Я сегодня биссировала, — объявила Констанція, когда они сѣли за столъ.

— Я знаю,—отвѣтилъ онъ.—Я былъ тамъ.

— Гдѣ?

Щеки ея вспыхнули. Она знала, что́ онъ могъ подумать. Всѣхъ этихъ людей въ театрѣ она привыкла видѣть, но его...

— На верху. На галеркѣ.

— А-а-а! такъ вотъ отчего тамъ такъ хлопали?

— Развѣ?—спросилъ Дикки.

— Это вы хлопали?

— Не только я... Всѣ... Всѣмъ нравилось.

У нея было на языкѣ спросить, какъ *ему* понравилось ея пѣніе, но она вѣ-время сдержалась. Если ему не понравилось, то, вѣдь, тяжело ему будетъ высказать это. Она сдѣлала надъ собой усиліе и промолчала.

— Отчего вы не остались до конца? — спросила она погодя,—тамъ есть нѣсколько интересныхъ номеровъ.

— Слишкомъ жарко тамъ наверху,—отвѣтилъ Дикки,—у меня голова растрещалась.

— И ушли сейчасъ же послѣ моего номера?

— Да.

— Вотъ диво, что я не видала васъ.

Онъ замѣтилъ въ ея голосѣ нотку возбужденія. Ему захотѣлось протянуть ей черезъ столъ руку, но она именно въ этотъ моментъ поднялась и стала убирать тарелки.

Когда они кончили ужинать и закурили папиросы, Дикки всталъ, неспѣша подошелъ къ буфету, гдѣ стояла лампа, и такъ же не спѣша погасилъ ее.

Когда онъ повернулся назадъ, Констанція стояла, вырисовываясь чернымъ силуэтомъ на фонѣ пылающаго камина; онъ видѣлъ, что она вся дрожитъ.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросила она, едва слышно. У нея не хватило голоса.

— Потому что такъ, при огнѣ, красивѣе. А подъ этой лампой все рѣзко. И говорить трудно. Вы сердитесь?

Констанція покачала головой, придвинула ближе къ камину кресло и сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ сѣлъ.

— А вы...—началъ Дикки.

Она снова отрицательно покачала головой. Не успѣлъ онъ запротестовать, какъ она уже опустилась на полъ и усѣлась по-турецки, поджавъ подъ себя ноги.

Долго они молчали. Въ такія минуты, при свѣтѣ камина, слова въ самомъ дѣлѣ—лишняя вещь. Отблескъ огня прыгалъ по ихъ лицамъ. Констанціи незачѣмъ было глядѣть вверхъ. Она знала, что глаза Дикки не отрываются отъ ея лица, и ей было все равно, кто заговоритъ первый и что́ будетъ сказано. Это были минуты полной удовлетворенности. Она была увѣрена въ немъ теперь. Надо было только ждать, и такая радость была въ этомъ ожиданіи, что она ни за что не потеряла и не измѣнила бы ни одной минуты.

Даже когда Дикки заговорилъ наконецъ, она не повернула головы, и все продолжала смотрѣть на раскаленные, серебристо-красные угли.

— Знаете ли вы,—сказалъ Дикки,—что, когда я уѣхалъ въ Гринвичъ... тогда... послѣ нашего прощанія... я очень страдалъ. Меня мучило раскаяніе.

— Я знала, что такъ будетъ,—отвѣтила она.

— А *вы*—тоже?

— Нѣтъ.

— Никогда?

— Никогда.

Онъ заглянулъ ей въ лицо. Она все еще не отводила взора отъ огня.

— Когда я потомъ поѣхалъ домой,—продолжалъ Дикки,—я... я разсказалъ Доротеѣ... я не сказалъ, кто... но я разсказалъ все.

Теперь Констанція вскинула на него глаза.

— Вы это сдѣлали до того, какъ она сказала про того мужчину?

— Да.

Глаза ея засверкали.

— Какой вы смѣлый!

— Не знаю,—сказалъ онъ,—я не хотѣлъ, чтобы она думала, что ничего такого не было.

— А что̀ она сказала?

— Она? Что она давно догадывалась объ этомъ; съ самаго моего отъѣзда въ Лондонъ она думала, что такъ будетъ.

Констанція быстро заглянула ему въ глаза.

— А-а-а... она угадала. Вотъ какъ! А почему именно она угадала? А? Развѣ она была такъ близка вамъ, чтобы догадаться?

Дикки открыто отвѣтилъ на ея взглядъ: что, если онъ потеряетъ ее теперь? Все равно она поняла и безъ его отвѣта.

— Что же?.. теперь и вы презираете меня,—проговорилъ онъ.

Констанція приподнялась, на колѣняхъ подползла къ его креслу и положила локти къ нему на колѣни, пристально глядя ему въ лицо.

— Мнѣ все равно, что̀ бы вы ни сдѣлали,—шептала она,—я не вѣрю, чтобы вы могли поступить безчестно или неискренно. И, слава Богу, вы живой человѣкъ, а не деревяшка. Она все время знала обо мнѣ, вы говорите? Ну, что̀ жъ? я тоже знала о ней. Женщина почувствуетъ женщину съ одного конца свѣта на другой. Имъ нѣтъ надобности встрѣчаться. Имъ довольно видѣть мужчину, котораго онѣ обѣ любятъ.

Она сняла съ его колѣнъ локти и обвила руками его шею.

— Презирать васъ?—шептала она.—Боже мой, Боже! Я никогда не думала, что можно такъ любить, какъ я тебя люблю. Ты—ребенокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такой сильный человѣкъ и ты умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ... я говорю глупости, я знаю, но...

Она шептала, волнуясь, почти безсвязныя слова, не зная, какъ выразить, какъ сложить къ его ногамъ огромную ношу своей любви. У нея не было словъ—только взгляды и полуслова и трепетная ласка легкихъ пальцевъ.

А Дикки, который воображалъ, что знаетъ, что̀ такое любовь, былъ ошеломленъ, покоренъ. Безсвязныя слова замирали у него въ ушахъ, ласкающія руки касались его глазъ. Онъ не въ силахъ былъ отвѣчать. Если это любовь, которую можетъ дать женщина, то любила ли его Доротея тогда.

— А теперь вы будете опять раскаиваться?—прошептала она.

Тутъ Дикки вышелъ изъ своего онѣмѣнія. Онъ прижалъ ее къ себѣ въ безумномъ объятіи. Не она одна умѣетъ любить! не только ея руки умѣютъ ласкать, губы—цѣловать! Съ жадной

нѣжностью онъ гладилъ ея лицо, ея волосы. Онъ крѣпко держалъ ее. Она—его. Онъ выпустилъ ее, затѣмъ снова привлекъ къ себѣ. Онъ осыпалъ ее такимъ безумнымъ дождемъ поцѣлуевъ, что она едва переводила дыханіе.

— Дѣтка моя!—шепталъ онъ.—Жена моя маленькая!

Онъ зналъ, что́ сказалъ. Сказалъ онъ это слово намѣренно. Но невольно руки его при этомъ разомкнулись. Констанція высвободилась и тяжело дыша стояла, съ изумленіемъ глядя на него.

— Дикки!—прошептала она.

— Да, да, я хочу такъ,—быстро сказалъ онъ.—Я и тогда и теперь думаю. Что́ такое? Отчего вы... отчего ты такъ смотришь на меня?

Она покачала головой и медленно опустилась на полъ возлѣ кресла.

Струна оборвалась. Онъ оборвалъ ее. Оборвалъ тяжестью того чудеснаго, о чемъ она никогда не мечтала. Минуту онъ стоялъ неподвижно, но затѣмъ, почуявъ инстинктивно, что происходитъ въ ея душѣ, онъ опустился на колѣни рядомъ съ ней.

— Я сказалъ это сознательно,—зашепталъ онъ опять.—Отчего ты думаешь, что я... такъ себѣ? Боже мой! Я никогда не думалъ ничего другого. Мы женимся и очень скоро... ты будешь моей женой.

Констанція ничего не отвѣтила. Она только взглянула на него. Онъ прочелъ въ ея взглядѣ ту особенную благодарность, которую могутъ чувствовать только женщины; затѣмъ слезы заволокли все, и она, рыдая и смѣясь, упала на шею Дикки.

VII.

Слова Дикки были искушеніемъ для Констанціи, искушеніемъ особенно сильнымъ и волнующимъ оттого, что оно было совершенно неожиданнымъ. Никогда ей и въ голову не приходило, что онъ заговоритъ о бракѣ. Онъ «совсѣмъ какъ настоящій джентльменъ», говорила о немъ м-съ Бальдвинъ. Какая же она ему жена? И, когда онъ покинулъ свѣчную лавку въ Дрюри-Лэнѣ, максимумъ надеждъ Констанціи былъ въ томъ, чтобы онъ вернулся къ ней, хоть на самое короткое время.

Когда она узнала отъ него про Доротею и убѣдилась, что на ея пути нѣтъ соперницы, то она стала надѣяться, что пройдетъ, можетъ быть, нѣсколько мѣсяцевъ или даже годъ, пока неотвратимое будущее не отниметъ его у нея.

И вотъ точно громъ съ яснаго неба упало на нее его предложеніе. Констанція почти всю ночь лежала съ открытыми глазами, взвѣшивая въ умѣ свое право на согласіе и обдумывая все то, что̀ ея совѣсть выдвигала, какъ препятствія.

Въ три часа ночи Констанція встала съ постели и зажгла свѣчи. Она поставила ихъ на туалетный столъ и подошла къ зеркалу, ища въ немъ отвѣта на свой мучительный вопросъ.

Глаза имѣли усталое выраженіе, но это отъ безсонницы. Утромъ они опять будутъ ясные. Ну, а когда они часто будутъ усталые, и годы наложатъ на нихъ свою печать, что́ тогда? Будетъ ли онъ тогда гордиться ею? Сможетъ ли она быть ему поддержкой? Она слышала, что о нѣкоторыхъ художникахъ говорятъ съ уваженіемъ, даже съ благоговѣніемъ. Въ своей ли роли она будетъ въ качествѣ жены такого человѣка? Сквозь тонкую ткань ночной рубашки обрисовывались изящныя, стройныя линіи ея стана. Вотъ чѣмъ она можетъ помочь: она будетъ позировать ему для картинъ! Брать натурщицу для него слишкомъ дорого. Да и вообще стоило ей подумать объ этомъ, какъ она чувствовала, что ни за что не уступитъ другой женщинѣ этого. Затѣмъ второе: она все-таки зарабатываетъ кое-что, а онъ бѣденъ, и это будетъ очень кстати. Но развѣ она не могла бы помогать ему всѣмъ этимъ, не выходя за него замужъ? Могла бы. Это вполнѣ ясно.

Но затѣмъ надо было разсудить и съ ея личной точки зрѣнія. Но когда она стала подыскивать доводы въ свою пользу, то ясно, до боли, почувствовала свое полное ничтожество. Вѣдь, Дикки даже не сказалъ, что ему нравится ея пѣніе. Да она и сама относилась къ нему равнодушно. Это былъ просто заработокъ, дающій ей возможность быть независимой отъ матери — вотъ и все. У нея нѣтъ будущаго. У нея красивые глаза, она знала это, хорошая фигура и губы, которыя нравятся мужчинамъ. Но что́ останется у нея черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ выйдетъ въ люди и станетъ знаменитостью, въ чемъ она не сомнѣвалась?

И въ мучительномъ сомнѣніи Констанція заплакала, закрывъ лицо руками. Зачѣмъ онъ сказалъ это? Зачѣмъ онъ мучитъ ее искушеніемъ? Какъ могло это слово сорваться съ его губъ? А безъ него какъ было бы все просто! И все-таки она чувствовала, что еще больше любитъ его за то, что онъ сказалъ это слово!

У Констанціи не съ кѣмъ было посовѣтоваться, некому помочь ей въ трудномъ рѣшеніи. Она отлично знала, что̀ бы ска-

зала ея мать, и она продолжала вслухъ, подражая голосу м-съ Бальдвинъ:

— Вотъ что, милая ты моя, разъ онъ влюбленъ въ тебя, такъ это дѣло хорошее. Я знала всегда, что онъ славный парень... даже, можно сказать, настоящій джентльменъ, и все вышло честь-честью; не то, чтобы ты его ловила. Нѣтъ, Боже сохрани! А затѣмъ я скажу тебѣ, что бракъ всегда лучше, чѣмъ другое... Но дѣлай по-своему, какъ знаешь. Наше дѣло— сторона.

Констанція разсмѣялась. Да, мать сказала бы вотъ именно такъ! Но кого ей спросить? Не самого же Дикки? Онъ не станетъ ее слушать. Онъ любитъ ее... слава Богу!—пробормотала она,—и не захочетъ слушать словъ сомнѣнія или входить въ обсужденіе малѣйшихъ ея недостатковъ.

Неужели нѣтъ никого изъ знающихъ его или ее, кто бы могъ дать ей совѣтъ? У нея мелькнула мысль объ отцѣ Дикки, но она тотчасъ же съ усмѣшкой отогнала ее. Человѣкъ, который могъ выгнать сына изъ своего дома, не захочетъ и не сможетъ входить въ подобное положеніе. Сестра его? Но она, при всей ея мягкой, сочувствующей натурѣ, не въ силахъ будетъ понять. Она не знаетъ жизни. Нѣтъ... тутъ нужна не женщина. Констанція инстинктивно чувствовала, что женщина въ данномъ дѣлѣ приняла бы, не разсуждая, ея сторону.

Это долженъ быть мужчина, которому близокъ Дикки и его интересы, потому что они непремѣнно должны быть приняты въ разсчетъ—это Констанція твердо сознавала, какъ ни трудно было ей это сознаніе. И, когда она передумывала все это, ей вдругъ вспомнился м-ръ Ниббсъ. Дикки такъ много разсказывалъ ей о маленькомъ антикварѣ, объ его дружескомъ участіи въ его работахъ и объ ихъ тихихъ вечерахъ въ Гринвичѣ.

Ну, конечно, онъ и есть тотъ, кого ей нужно! Въ сознаніи принятаго рѣшенія, Констанція успокоилась, потушила свѣчи и легла въ постель. Но долго она еще ворочалась, вздыхала и шептала: «Зачѣмъ онъ сказалъ о женитьбѣ? Ахъ, зачѣмъ?»,—и наконецъ уснула.

VIII.

На слѣдующее утро Констанція поздно лежала въ постели, чтобы не встрѣчаться съ Дикки за кофе. И только, услышавъ раздававшіеся сверху удары молотка—знакъ, что Дикки началъ

свою гравировальную работу — она быстро одѣлась, чтобы уходить.

Когда она проходила черезъ лавку, м-съ Бальдвинъ окликнула ее:

— Куда это ты такъ нарядилась?

— Куда надо, туда и нарядилась,— отрѣзала Констанція.— Можетъ быть, мнѣ агента повидать надо или что.—Все равно, дѣло мое.

М-съ Бальдвинъ вернулась покорно къ своей большой счетной книгѣ. Она никогда не задавала дочери больше одного вопроса. Этого было вполнѣ достаточно: либо она получала ожидаемый отвѣтъ, либо та обрывала ее, какъ сейчасъ, и уже ясно было, что всякіе дальнѣйшіе разспросы безполезны.

— Ты еще хотѣла что-то сказать?—спросила Констанція уже у самыхъ дверей. Она чувствовала, что была слишкомъ рѣзка, но не могла иначе. Вопросъ матери о нарядѣ заставилъ ее самое призадуматься надъ тѣмъ, для чего она въ самомъ дѣлѣ это сдѣлала. Конечно, ей хотѣлось предстать передъ м-ромъ Ниббсомъ въ самомъ лучшемъ своемъ видѣ: отъ этой встрѣчи, вѣдь, такъ много зависѣло! Она была взволнована предстоящимъ и оттого такъ легко впала въ раздраженный тонъ.

— Ты еще хотѣла что-то сказать? — спросила она, и ея верхняя губа слегка покривилась.

М-съ Бальдвинъ взглянула на нее, замѣтила это выраженіе и потеряла всякое желаніе къ дальнѣйшимъ разговорамъ. Она покачала головой, выглядывая изъ-за ящиковъ съ мыломъ, чтобы убѣдиться, что дочери уже нѣтъ.

— Ну, и характеръ!—бормотала м-съ Бальдвинъ, подводя итогъ столбцу цыфръ.—Скрытная, все про себя! Ничего не скажетъ. А задѣть ее—не дай Господи!

И, облегчивъ свою душу этими замѣчаніями вслухъ, м-съ Бальдвинъ стала наново подсчитывать тотъ же столбецъ.

Въ семьѣ Бальдвинъ у всѣхъ женщинъ была привычка говорить вслухъ наединѣ съ собой. Онѣ сами не знали этого своего обыкновенія, но, благодаря какому-то подсознательному процессу мысли, онѣ сообразно обстоятельствамъ измѣняли голосъ. Въ тиши лавки, напримѣръ, м-съ Бальдвинъ говорила обыкновеннымъ разговорнымъ голосомъ; Констанція же, спѣша теперь по улицѣ, понизила голосъ до еле слышнаго шопота.

— Какая я дура!—бормотала она, переходя черезъ мостъ, гдѣ кружили чайки. — Какая дура! Чего мнѣ такъ изводиться. Выбросить бы просто эти слова изъ головы, точно ихъ не было!

Замужъ ли за него выйти или такъ—все равно ужъ вѣрнѣе его нѣтъ. А связывать его—не годится. Онъ будетъ большимъ человѣкомъ. Тогда какъ ему избавиться отъ меня?

Констанція чувствовала, что такъ или иначе, а выйдетъ цѣлая исторія. Дикки не такой человѣкъ, чтобы бросить женщину. Связанъ онъ или не связанъ, а ему всегда трудно будетъ порвать съ ней.

Но зачѣмъ изводить себя всѣмъ этимъ? Отчего было не отказаться отъ брака сразу и предоставить дѣлу идти самому собой, какъ она представляла себѣ раньше, передъ тѣмъ какъ онъ произнесъ эти связывающія слова?

Трудно, почти невозможно опредѣлить, что такое бракъ для женщины, которая любитъ. Вѣдь, чѣмъ сильнѣе ея чувство, тѣмъ яснѣе она должна сознавать, что не законъ, а любовь связываетъ. Однако, только немногія женщины, съ преувеличеннымъ мнѣніемъ о своихъ интеллектуальныхъ способностяхъ, избрали бы свободу. Констанція не принадлежала къ ихъ числу.

Въ глубинѣ души она хотѣла быть законной женой Дикки и сознавала это свое желаніе. Но вопреки этому желанію и равная ему по силѣ таилась въ ней увѣренность, что это было бы недобросовѣстно по отношенію къ нему.

Такія противорѣчивыя мысли томили Констанцію всю дорогу, пока она не очутилась, наконецъ, въ магазинѣ м-ра Ниббса, съ глазу на глазъ съ самимъ маленькимъ антикваромъ, глаза котораго привѣтливо блеснули при видѣ ея поверхъ старыхъ роговыхъ очковъ.

— Что угодно, миссъ?—спросилъ онъ.

Она нервно откашлялась, но овладѣла собой и мужественно приступила къ дѣлу.

— У васъ въ окошкѣ картина,—начала она,—м-ра Ферлонга.

М-ръ Ниббсъ кивнулъ головой. Глаза Эмиліи выглянули изъ-за ея вѣчнаго романа.

— Какъ... какая цѣна?... то-есть, меня интересуетъ, хорошая ли это картина?

— Я покажу вамъ ее,—отвѣтилъ м-ръ Ниббсъ.

Констанція удержала его за руку:

— Нѣтъ, не надо... я видѣла ее въ витринѣ. Я бы хотѣла только знать, очень ли это хорошая картина?

— А вы развѣ не думаете такъ, миссъ?

— Да... я думаю... но я въ этомъ мало чего смыслю.

Дѣло было труднѣе, чѣмъ ей представлялось раньше. Мужчина никогда не догадывается, когда женщина чего-нибудь не договариваетъ.

— Вы хотите купить ее?—спросилъ м-ръ Ниббсъ.

— Нѣтъ... къ сожалѣнію... Два фунта десять для меня слишкомъ большая цѣна.

— Картина стóитъ этихъ денегъ,—объявилъ м-ръ Ниббсъ,—я продалъ другую за эту же цѣну недѣлю или двѣ тому назадъ.

— Мѣсяцъ,—отозвалась изъ своего угла Эмилія.

— Мѣсяцъ... совершенно правильно, — повторилъ м-ръ Ниббсъ.

— А у васъ есть еще другія его вещи?—спросила Констанція.

— Да... есть рѣзьба по дереву въ краскахъ. Первая работа въ этомъ родѣ, и его, и вообще. — Онъ принесъ ее изъ витрины.—Что вы скажете? Это онъ самъ придумалъ такъ ихъ дѣлать. Я сначала былъ противъ, но онъ не сдавался, и вотъ поставилъ-таки на своемъ! И сдѣлаетъ себѣ имя этой музыкой, вотъ увидите!

— Сколько это стóитъ?

— Это не для продажи, миссъ. Я поставилъ ее въ окно, но она не продается. Четыре человѣка уже спрашивали меня о цѣнѣ, но она не для продажи. Это первая Ферлонговская раскрашенная гравюра по дереву... хорошо звучитъ, правда?

Добрѣйшій м-ръ Ниббсъ въ такихъ же выраженіяхъ сказалъ это и тѣмъ четыремъ лицамъ, которыя справлялись у него о работахъ Дикки, и на всѣхъ его слова произвели впечатлѣніе. Констанція тоже не осталась къ нимъ равнодушна. Слова коснулись ея слуха и тяжко легли на душу.

— Значитъ, по-вашему, ему суждено быть большимъ человѣкомъ?—спросила она.

— Видите ли,—сказалъ м-ръ Ниббсъ и прислонился къ стойкѣ,—я могу вамъ вотъ что разсказать про него.

И онъ изложилъ ей первое посѣщеніе Дика, какъ онъ сразу угадалъ въ немъ талантъ, какъ почуялъ его съ того момента, какъ онъ вошелъ.

— Ты не зналъ ничего этого, пока онъ не сказалъ, что не хочетъ продать свою картину,—заявила Эмилія.

— Что?.. Да, пожалуй, я не зналъ,—согласился м-ръ Ниббсъ,—но все-таки я узналъ это раньше всѣхъ. На Бондъ-стритѣ и смотрѣть не желаютъ на его картины. Бѣдняга боится

ходить туда, даже въ лучшіе магазины. Но я хочу заставить его пойти все-таки на этихъ дняхъ. Мнѣ не хочется наживаться на немъ. Но если бъ я хотѣлъ, я могъ бы платить ему, скажемъ, двѣ сотенныхъ въ годъ (какъ многіе дѣлаютъ), онъ бы отдавалъ мнѣ всѣ свои работы года за три по крайности, а къ концу этого срока у меня была бы порядочная прибыль. Вотъ какъ!

Конечно, двухсотъ фунтовъ въ годъ м-ръ Ниббсъ платить былъ не въ состояніи, но все же это было благородное чувство, онъ зналъ это и благодушно улыбался, глядя на Констанцію и ожидая ея одобренія. Но Констанція была поглощена не столько его чувствами, сколько своими собственными. Теперь она знала. Конечно, проще было бы получить опредѣленный отвѣтъ на опредѣленный вопросъ. Но какъ это сдѣлать? Она тревожными глазами смотрѣла на м-ра Ниббса и ломала себѣ голову, какъ его спросить?

Но ничего не выходило. Она не могла заставить себя спросить, можно ли Дикки жениться на ней, и старалась только скрыть, по возможности, свое смущеніе.

— Но развѣ каждый художникъ дѣлается такимъ въ будущемъ, какимъ вы себѣ его представляете? — спросила она наконецъ.

М-ръ Ниббсъ печально покачалъ головой.

— О, нѣтъ! выбивается одинъ на тысячу. Есть, напримѣръ, такой Томасъ Паркеръ. Я продавалъ массу его картинъ.

— И теперь продаешь массу,—замѣтила Эмилія.

— И теперь продаю,—повторилъ онъ, — но онъ уже не тотъ, что раньше. Исписался. Нельзя писать виды Венеціи, когда въ окно такъ и несетъ жареной рыбой изъ сосѣдняго трактира. М-ръ Ферлонгъ какъ-то сказалъ мнѣ: «Эта картина Паркера пахнетъ, знаете, жареной рыбой». Каково! Другъ къ другу они безпощадны, эти господа художники. Если вещь имъ не нравится, то ужъ они ее по косточкамъ раскритикуютъ. Да... Вотъ... онъ зашелъ ко мнѣ какъ-то... м-ръ Ферлонгъ... помнишь, Эмилія?.. веселый, довольный, просто чуть не скачетъ отъ радости. «Знаете»,—говоритъ,—«адски забавно! Я былъ въ Національной галлереѣ и вижу, что Констэбль вовсе не Богъ вѣсть что такое».

М-ръ Ниббсъ подсунулъ руки подъ края своего рабочаго фартука, выпятилъ животъ и захохоталъ:

— Адски забавно, понимаете ли! «Констэбль не Богъ вѣсть что!» такъ и сказалъ. Слышали вы такую дерзость? Ха-ха-ха! Помилуйте! Констэбль—заслуженный академикъ и другъ графа

Дизарта, и вдругъ онъ «не Богъ вѣсть что такое!» И что вы думаете? пожалуй, этотъ мальчикъ и правъ! Все бываетъ...

— А кто... на комъ былъ женатъ этотъ... Констэбль? — спросила Констанція дрожащимъ голосомъ: въ вопросъ этотъ она вложила всѣ свои надежды и съ замирающимъ сердцемъ ждала отвѣта.

М-ръ Ниббсъ посмотрѣлъ на нее изъ-поцъ очковъ и затѣмъ повернулся къ Эмиліи, поглощенной своимъ чтеніемъ.

— На комъ былъ женатъ Констэбль?—спросилъ онъ.

Она съ досадой подняла голову.

— Какой Констэбль?

— Констэбль, знаменитый художникъ.

— Почемъ я знаю,—недовольно пробормотала она, и снова ушла въ свой романъ.

М-ръ Ниббсъ подошелъ къ полкѣ, гдѣ стояли разнаго рода справочники. Былъ тамъ и энциклопедическій словарь. Онъ снялъ одинъ изъ его томовъ.

— Сейчасъ мы посмотримъ,—говорилъ онъ,—Кон... Кон... Вотъ... Констэбль, Джонъ. Сынъ мельника. Родился 11-го іюня 1776. Ну, это не важно. Дальше... Да, вотъ: «женился на Мэри Бикнелль, дочери извѣстнаго адвоката, юрисконсульта адмиралтейства, богатой, свѣтской дѣвушкѣ»... Ничего, партію сдѣлалъ недурную!—закончилъ м-ръ Ниббсъ и съ улыбкой поднялъ глаза на Констанцію. Но улыбка мгновенно погасла, когда онъ взглянулъ на нее: ея лицо было сурово, глаза сверкали. Если бъ м-ръ Ниббсъ догадывался, кто она, онъ замѣтилъ бы, что въ ея глазахъ блестятъ слезы. Но онъ понялъ только, что тутъ что-то неладно, и отложилъ книгу.

Какое совпаденіе! Вѣдь, это точно пророчество. Сынъ мельника... какъ и Дикки... и женился на богатой, знатной дѣвушкѣ. Такъ вотъ каковъ отвѣтъ на ея сомнѣнія. Констанція храбро силилась подавить свое волненіе. Губы ея сложились въ упрямую, строгую линію.

— Ну вотъ... спасибо, что вы разсказали мнѣ все это,— сказала она.—Боюсь, что я отняла у васъ много времени.

Она быстро пошла къ двери и на-ходу еще слышала, какъ онъ выражалъ удовольствіе по поводу бесѣды съ ней и сожалѣніе, что не можетъ продать ей картину дешевле, такъ какъ самъ заплатилъ за нее два фунта—затѣмъ она очутилась на улицѣ.

Сначала у нея не было мыслей, и только, когда она дошла уже до моста, она подумала вдругъ, что м-ръ Ниббсъ несомнѣнно передастъ Дикки объ ея посѣщеніи. Она поспѣшила назадъ.

Дверь была открыта. Констанція вошла, робѣя, не зная, какъ сказать, и услышала голосъ Эмиліи, говорившей громко убѣдительно:

— Не спорю. Она, конечно, хорошенькая. — говорила она,—но все-таки мѣщанка.—Вспомни, какой у нея выговоръ! Знаемъ мы это: перышки-то красивыя, а пощипай такую птичку, увидишь, что подъ ними!

Констанція съ минуту стояла, не рѣшаясь войти. Наконецъ, собралась съ духомъ.

— Простите, пожалуйста,—сказала она, старательно выговаривая слова.

М-ръ Ниббсъ поспѣшилъ ей навстрѣчу.

— Я знакома съ м-ромъ Ферлонгомъ,—продолжала она,—и хочу просить васъ самымъ... самымъ...

— Убѣдительнымъ?—подсказалъ м-ръ Ниббсъ.

— Да, самымъ убѣдительнымъ образомъ не говорить ему, что я была у васъ. У меня есть свои основанія. Въ нихъ нѣтъ ничего дурного. Если вы разскажете ему, то это будетъ... нехорошо.

— Я не скажу,—обѣщалъ м-ръ Ниббсъ, и она поняла, что онъ не нарушитъ своего обѣщанія.

Когда Констанція ушла, маленькій антикваръ повернулся къ женѣ и сказалъ:

— Ну, что? Она побила всѣ твои романы, а?

— Она побила *меня*,—отвѣтила Эмилія.

IX.

Послѣ визита къ м-ру Ниббсу Констанціи не хотѣлось сразу возвращаться домой. Она позавтракала въ маленькомъ безлюдномъ ресторанчикѣ, а затѣмъ отправилась къ одной своей пріятельницѣ, которая служила въ табачномъ магазинѣ, и просидѣла съ ней, возлѣ кассы, почти полъ-дня. Онѣ болтали о платьяхъ и шляпахъ, о томъ, что было имъ сказано, и о томъ, что онѣ отвѣтили. Миссъ Шэдболтъ имѣла свою постоянную свиту поклонниковъ и нѣкоторый запасъ въ резервѣ и нерѣдко попадала благодаря этому, въ довольно странное положеніе. Когда она начинала говорить на эту тему, бесѣда не умолкала ни на минуту. Съ того времени, какъ онѣ съ Констанціей видѣлись въ послѣдній разъ, каждый изъ этихъ молодыхъ людей сказалъ многое такое, что было достойно передачи. Ея отвѣты тоже были не менѣе

важны. Онѣ выпили чаю тутъ же, въ магазинѣ, при чемъ Констанція была въ уголкѣ, полускрытая отъ покупателей. Чай давно былъ выпитъ, а разсказы все еще шли, съ выразительными жестами и досадливыми восклицаніями, когда входилъ покупатель и прерывалъ разговоръ.

Констанція за все время не сказала ни слова о Дикки. Нѣсколько разъ ее такъ и подмывало разсказать подругѣ и спросить ея совѣта, но ей стыдно было хвастать этимъ, кромѣ того, она знала, что совѣтъ будетъ таковъ, что все равно она не послѣдуетъ ему. И она молчала.

Однако, вызовъ на откровенность былъ. Когда миссъ Шэдболтъ совершенно истощила свой запасъ впечатлѣній, она, отпустивши покупателя, вернулась къ конторкѣ, со вздохомъ опустилась на стулъ и, окинувъ взглядомъ новый костюмъ Констанціи, цѣна и матеріалъ котораго обсуждался въ свое время, спросила:

— Ну, а какъ твои дѣла?

Когда двѣ дѣвушки не видались довольно давно, этотъ вопросъ имѣетъ только одинъ, вполнѣ опредѣленный смыслъ. Можно, конечно, сдѣлать видъ, что не понимаешь этого смысла, но какъ поступить, когда вопросу предшествуетъ краснорѣчивый взглядъ отъ шляпы до жакета, отъ жакета до юбки, затѣмъ, вплоть до кончиковъ ботинокъ? Констанція видѣла, что увильнуть нельзя, и улыбнулась.

— Мои дѣла—никакъ,—сказала она.

— Ну, вотъ еще! никогда не повѣрю!—воскликнула миссъ Шэдболтъ.—Я, вѣдь, тебѣ разсказала все.

— Я бы тоже разсказала, если бы было что,—сказала Констанція.—Мюзикъ-холлъ, знаешь, вовсе не такое веселое мѣсто, какъ ты себѣ представляешь. Пришлютъ иногда какіенибудь субъекты записку, но я не могу знакомиться такъ со всякимъ встрѣчнымъ.

— Такъ отчего же ты сегодня такая парадная?

— Ахъ... надо было... надо было пойти къ одному агенту. Вотъ и все.

Миссъ Шэдболтъ была разочарована: она чувствовала, что тутъ что то есть. И такъ какъ Констанція не посвящала ее въ это «что-то», то она рѣшила, что дѣло совсѣмъ серьезное.

— Ты, можетъ, замужъ выходишь?—спросила она послѣ долгой паузы. Констанція хмуро, безъ улыбки покачала головой. Это еще больше укрѣпило миссъ Шэдболтъ въ ея догадкѣ.

Между шестью и семью, когда она бывала свободна, онѣ пообѣдали. Любопытная пріятельница старалась при помощи

сотни маленькихъ хитростей вывѣдать у Констанціи ея секретъ. Наконецъ, Констанція устало улыбнулась и сказала ей:

— Я все равно ничего не скажу, голубчикъ. Да и нечего говорить. Такъ, есть кое-что непріятное... надо его проглотить и сдѣлать веселое лицо. Я еще не проглотила... Вотъ и все.

Въ этотъ вечеръ Дикки долженъ былъ быть въ классѣ. Констанція разсчитывала, что вернется изъ мюзикъ-холла и удалится къ себѣ въ комнату задолго до возвращенія Дикки. Еще одну ночь потолковать сама съ собой, пока не придетъ сонъ, и она знала, что окрѣпнетъ въ своемъ рѣшеніи и сможетъ, какъ она сказала, проглотить свою непріятность и сдѣлать веселое лицо. Другія дѣвушки и даже сама миссъ Шэдболтъ имѣли романы съ людьми другого круга. Но ни одной изъ нихъ не былъ предложенъ бракъ. Поклонникъ миссъ Шэдболтъ водилъ ее обѣдать, но никогда въ тѣ рестораны, гдѣ онъ могъ встрѣтить своихъ знакомыхъ. Онъ носилъ ей подарки, оказывалъ самое милое вниманіе, и миссъ Шэдболтъ говорила о немъ безъ конца, все ожидая, когда онъ предложитъ ей руку и сердце. Но онъ не предложилъ. И скоро этотъ маленькій романъ самъ собою прекратился. Брошка, ридикюль и браслетъ—вотъ все, что осталось ей въ воспоминаніе о немъ. Все это пришло теперь на умъ Констанціи.

Будущность Дикки рисовалась ей гораздо яснѣе, чѣмъ ему самому; яснѣе даже, чѣмъ тщеславной фантазіи м-ра Ниббса. Придетъ день, когда ея происхожденіе и воспитаніе станутъ между ними; какъ ни непосредственно она отдавалась своей любви къ Дикки, все же въ ея натурѣ была извѣстная разсудительность, которая помогала ей трезво смотрѣть даже на самое свое чувство.

Ей нужно было этотъ день побыть одной, безъ Дикки, внѣ привычной обстановки, для того чтобы убѣдить себя, что она даже не хотѣла быть его женой. Борьба была упорная, но въ концѣ концовъ она вышла побѣдительницей.

Одѣваясь въ уборной передъ выходомъ, Констанція смотрѣла въ зеркало и громко говорила, обращаясь къ своему изображенію:

— Тебѣ и не снилось никогда, что онъ женится! Ты этого вовсе не хотѣла. Ахъ! пока будетъ любить, не уйдетъ, а какъ разлюбитъ... то не все ли равно?

И она стала энергично накладывать румяна и бѣлила, продолжая энергично жестикулировать. Еще до выхода на сцену,

ея душевное смятеніе улеглось, а досада на судьбу смягчилась. Побѣда была одержана.

— Какъ глупо!—говорила она,—я такъ изводилась, какъ будто теряю его. Но Господи! изъ-за чего? Вѣдь, мы будемъ счастливы, счастливы, какъ младенцы! Что же я? Свѣтская невѣста, что ли,—изъ тѣхъ которыя идутъ на рынокъ и ищутъ покупателя? Для нихъ или бракъ или ничего. А для нашей сестры что такое бракъ — фью! Золотое кольцо не удержитъ меня. Если захочу, все равно уйду. И если ты меня спросишь,—сказала она, бросая на себя послѣдній взглядъ въ зеркало,—я скажу: дура ты, дура, если хочешь выходить замужъ за двадцатилѣтняго мальчика. Онъ только воображаетъ, что знаетъ себя. Нѣтъ, милая, это не годится. Ну, а теперь маршъ на сцену!

И она вышла изъ уборной, улыбаясь своимъ размышленіямъ. Она побѣдила. Она обманула самое себя. Твердо рѣшивъ забыть тѣ минуты, когда ее такъ прельщала мысль быть женой Дикки, она бойко вышла на сцену и съ вновь проснувшейся жизнерадостностью пропѣла свой номеръ.

Окончивъ, она снова вернулась въ уборную, гдѣ теперь гримировалась другая пѣвичка, и начала переодѣваться. И теперь уже молча рѣшила про себя, что пойдетъ къ политехникуму навстрѣчу Дику.

— Какъ сегодня?—спросила вдругъ ея товарка.—Пустовато, а?

Констанція пожала плечами. Она совершенно не замѣтила, сколько было публики.

— Если такъ,—сказала пѣвичка, понявъ по-своему, то надо для храбрости глотнуть чего-нибудь.

Она подошла къ двери и позвала женщину, прислуживавшую въ уборныхъ.

— Адски простудилась и не могу никакъ избавиться.

Она приложила руку къ груди и спѣла нѣсколько нотъ.

— Хрипитъ немножко. Правда? М-съ Ивэнсъ, добудьте мнѣ стаканчикъ порту. Это уже третій сегодня. Ну, а видъ у меня—ничего?

— Ничего,—отвѣтила Констанція,—все прекрасно.

Она быстро прошла проходъ, ведущій изъ кулисъ, на ходу оправляя шляпу и волосы. Въ Дрюри-Лэнѣ, недалеко отъ дома, какая-то фигура вынырнула изъ темноты и подошла къ ней. Это былъ Дикки.

— Я думала, что вы на занятіяхъ!—воскликнула Констанція, безмѣрно радуясь неожиданной встрѣчѣ.

— Я не пошелъ,—отвѣтилъ онъ,—я бы не могъ сегодня работать. Гдѣ вы были цѣлый день? М-съ Бальдвинъ говоритъ, что вы ушли съ утра. Я васъ искалъ повсюду. Она сказала, что вы, вѣроятно, пошли въ агентство... я былъ тамъ, они васъ не видали. Я обѣгалъ всѣ мѣста. Что́ случилось? Мнѣ казалось, что послѣ вчерашняго...

Констанція сжала его руку и громко засмѣялась: такъ пріятна была его тревога.

— Я нигдѣ не была,—сказала она.—Просто думала о вчерашнемъ. Вотъ и все.

— Ну... и что́?

Онъ наклонился, заглядывая ей въ лицо изъ-подъ полей шляпы.

— Я не зналъ, что́ и думать,—говорилъ Дикки,—вы ничего вчера не сказали. Вѣдь, мы поженимся, правда?

Онъ сжалъ ея руку. Онъ повторялъ тѣ же слова. Ночь не измѣнила его.

— Погодите. Объ этомъ поговоримъ дома.

— Но тамъ м-съ Бальдвинъ.

— Ну, тогда мы посидимъ въ лавкѣ.

Они тихо, со всѣми предосторожностями, отворили дверь и такъ же тихо закрыли ее. Висячая лампа съ рефлекторомъ тускло мерцала въ углу лавки. Они остановились и минутудвѣ прислушивались. М-съ Бальдвинъ ходила на верху. Дикки и Констанція молчали, пока ея шаги не затихли. Но вотъ раздалось знакомое скрипѣніе пружинъ стараго кресла. Констанція протянула руку, которой Дикки тотчасъ овладѣлъ.

— Да?—шепнулъ онъ,—скажите: да.

Она покачала головой. Въ одномъ углу лавки стоялъ деревянный ящикъ изъ-подъ свѣчей. Констанція направилась туда и присѣла на ящикъ. Дикки стоялъ возлѣ нея.

— Слушайте,—начала она мягко,—вчера у насъ вышла путаница... О законномъ бракѣ я никогда не думала. Не про насъ это. Что́ бы вы сдѣлали, если бы я вдругъ да на другого стала заглядываться?.. или *вы* стали бы... что́ тогда дѣлать? Нѣтъ, постойте, дайте мнѣ сказать. Я столько передумала сегодня. Мы еще съ вами дѣти. Я даже старше васъ. Какъ знать, что́ можетъ съ нами быть черезъ нѣсколько лѣтъ? Вы говорите: ничего. Нѣтъ, это неизвѣстно!.. Я еще не кончила. Надо быть благоразумными. И я говорю вотъ что́: если вы считаете, что нехорошо намъ быть вмѣстѣ, такъ лучше уходите совсѣмъ...

понимаете, что́ я думаю?.. потому что такъ нельзя. Мы слишкомъ любимъ другъ друга... Вы бы могли уйти?

Съ перехваченнымъ дыханіемъ она ждала его отвѣта, чувствуя, что его совѣсть велитъ ему уйти. И дѣйствительно, Дикки считалъ, что если ея рѣшеніе твердо (а оно казалось ему такимъ), то его долгъ уйти и сдѣлать это какъ можно скорѣе. Но жизнь безъ нея представлялась ему совершенно невозможной. А что́ сказалъ бы отецъ, если бы онъ сошелся съ Констанціей? Да не все ли равно? Важно его личное отношеніе. Лично онъ тоже осуждалъ такого рода исходъ, но въ жизни бываютъ вещи, отъ которыхъ не отмахнешься даже осужденіемъ...

Пока онъ обдумывалъ все это, Констанція ждала, нервно сжимая и разжимая руки, и слѣдила за выраженіемъ его лица, боясь, что если онъ захочетъ уйти, то ей придется отпустить его.

— О чемъ вы думаете, Дикки?—спросила она, наконецъ, когда уже дольше терпѣть была не въ силахъ.

Дикки приготовился сказать: «Я думаю о томъ, что изъ уваженія къ вамъ я долженъ уйти». Но вмѣсто этого его голосъ произнесъ другія слова. Онъ сказалъ: «Я думаю, какъ это мнѣ быть безъ васъ».

На лбу у него выступили капли пота. Какой стыдъ! Какъ онъ могъ сказать не то, что́ долженъ? Но, увидѣвъ впечатлѣніе, произведенное на Констанцію этими словами, онъ былъ радъ. Она схватила его горячую руку и прижалась къ ней губами.

— Вамъ было бы тяжело безъ меня?—шепнула она.

Дикки не зналъ, что́ съ нимъ дѣлается, но услышалъ, что онъ отвѣтилъ: «Да».

— Страшно?—спросила она.

— Страшно.

Констанція потянула его сѣсть рядомъ съ ней, и при этомъ движеніи три связки изъ кучи деревяшекъ упали съ ящика на полъ. Они услышали стукъ, но тотчасъ же забыли о немъ.

— Значитъ, вы не уйдете?—шептала Констанція.

Дикки весь дрожалъ. Какой отвѣтъ онъ могъ дать? Онъ спряталъ голову на колѣняхъ у Констанціи. Она сидѣла, нѣжно гладя его волосы, и радостно сознавала, что ея жертва принесена, что онъ остался свободенъ, а что она не совсѣмъ потеряла его. Передъ ними долгая жизнь. Кто знаетъ, что́ могутъ принести съ собою годы?

Вдругъ послышался стукъ растворяемой изъ квартиры двери. Дикки растерянно вскочилъ на ноги. Мелькнулъ свѣтъ, и они услышали дрожащій голосъ м-съ Бальдвинъ.

— Кто тамъ?—кричала она,—убирайтесь, пока не поздно. У меня есть полицейскій свистокъ, и я сейчасъ засвищу.

Констанція разсмѣялась. Дикки только блѣдно улыбнулся.

— Не будь такъ воинственна, мама,—сказала Констанція,—это только всего мы.

Раздался глубокій вздохъ. Затѣмъ м-съ Бальдвинъ спросила, что́ они тутъ дѣлаютъ.

— Разговариваемъ,—отвѣтила Констанція.—А теперь пойдемъ наверхъ. Посвѣти намъ.

Дикки прошелъ впередъ. Когда Констанція поравнялась съ матерью, та остановила ее и обняла за плечи.

— Что́ такое?—спросила дочь.

М-съ Бальдвинъ обождала, пока Дикки отошелъ такъ, что не могъ слышать ее.

— Я такъ рада, дорогая моя,—прошептала она,—хотя ты не можешь себѣ представить, до чего вы меня напугали.

— Вы чудачка, мама, право!—съ нѣжностью сказала Констанція. Она поцѣловала морщинистыя щеки матери, и онѣ пошли наверхъ. Всю дорогу м-съ Бальдвинъ на всѣ лады повторяла дочери, какъ она рада, что это, наконецъ, случилось.

X.

Когда м-съ Бальдвинъ узнала, что Констанція и Дикки не собираются вѣнчаться, она заявила, что такъ потрясена, что, по ея выраженію, даже перышко могло бы свалить ее съ ногъ. Но на самомъ дѣлѣ потрясеніе вовсе не было такъ велико.

Въ отношеніи къ морали, третье поколѣніе лондонцевъ является уже безконечно болѣе передовымъ, чѣмъ чуть ли не тридцатое поколѣніе деревенскихъ жителей. Среди трудящейся богемы, къ каковому классу принадлежали м-съ Бальдвинъ съ дочерью, бракъ можетъ быть удобнымъ, подходящимъ дѣломъ, но онъ никогда не разсматривается, какъ священный союзъ. По традиціи онъ не требуется, а изъ-за несоблюденія его рѣдко происходятъ печальныя послѣдствія. Разводъ для людей бѣдныхъ чрезвычайно затрудненъ, и оттого для нихъ бракъ — учрежденіе со многими недостатками, тогда какъ достоинствъ въ немъ мало.

И м-съ Бальдвинъ отнюдь не была потрясена сообщенной ей новостью. Ея гипербола на счетъ перышка должна была

изобразить ея разочарованіе: она полагала, что всякій джентльменъ долженъ предложить законный бракъ.

— Я думала, что онъ предложитъ тебѣ повѣнчаться честь-честью,—сказала она.—Не знаю, а только кажется мнѣ, что онъ выкарабкается въ концѣ концовъ.

Констанція горячо выступила въ защиту Дикки.

— Онъ и предлагалъ,—сказала она,—но я отказалась.

— Онъ предлагалъ? Ну, матушка, въ такомъ разѣ не я чудачка, а ты сама!

Она съ изумленіемъ глядѣла на дочь, отказываясь понять ее.

— Чего же ради ты отказалась?—спросила, она. — Ужъ не считаешь ли ты, что онъ слишкомъ плохъ для тебя?—Странная ты дѣвушка, какъ погляжу! Что́ толку тебѣ отъ этого театра, если ты ничѣмъ не пользуешься, какъ другія. А теперь вотъ это. Зачѣмъ было отказывать Дикки? Конечно, незавидный онъ женихъ, бѣденъ, какъ мышь церковная; но онъ хорошій, душевный малый... и что-то въ немъ есть... выйдетъ онъ въ люди въ концѣ концовъ. Что́ же у тебя на умѣ-то? Вѣдь на ящикѣ вы шушукались не спроста? Что вы будете дѣлать дальше?

— Мы еще не рѣшили.

— Ладно. Но про себя-то ты рѣшила! Я вижу это... И я не позволю вамъ оставаться здѣсь вмѣстѣ.

— Мы и не собираемся. Я зарабатываю два соверена въ недѣлю. Возьмемъ себѣ 2 маленькія комнатки и будемъ жить.

— На твои деньги?

— На общія. Когда онъ продаетъ картину, то получаетъ за нее два фунта.

М-съ Бальдвинъ стала размышлять обо всемъ, но, когда она почувствовала реально, что остается одна, ея нижняя губа задрожала. Констанція замѣтила, что она уже ищетъ глазами кончикъ своего фартука, и положила руку къ ней на плечи.

— Тутъ плакать, мама, нечего,—ласково сказала она, — слезами не помочь. И нечего вамъ притворяться, что вы никогда не слышали, чтобы двое взяли и сошлись вмѣстѣ. Отлично вы слышали! Мы скажемъ всѣмъ, что женаты. Кто будетъ знать? Я его люблю и онъ меня любитъ, но связывать его не стану. Когда придетъ время, онъ сможетъ жениться на настоящей лэди и, можетъ быть, это время не за-горами!

— Да - а... а мнѣ-то каково? — захныкала м-съ Бальдвинъ. —Останусь одна-одинешенька, а я люблю, чтобы возлѣ меня былъ веселый молодой народъ.

— На Квинѣ-стритѣ есть много комнатъ, — успокаивала ее Констанція.—Мы тамъ наймемъ, и по вечерамъ ты будешь приходить къ намъ. Это близехонько.

Мысль объ этихъ вечерахъ, объ ихъ общей жизни овладѣла воображеніемъ Констанціи. Она обняла мать.

— Ты помнишь Мэри? Какъ она была счастлива, когда они сошлись,—воскликнула она.—И никто о нихъ ничего дурного не говорилъ. А если и станутъ языки чесать, то мнѣ все равно. Я его люблю, и я все сдѣлаю, чтобы онъ былъ моимъ.

М-съ Бальдвинъ сквозь слезы взглянула на нее...

— Ну, что жъ? любишь, такъ и ладно,—сказала она.— Не ты первая, не ты послѣдняя. Только — охъ! — никогда оно добромъ не кончается... Никогда!

Въ домѣ № 12 на Квинъ-стритѣ, подъ самой крышей сдавались двѣ комнаты съ низко-спускающимися потолками. Въ одной изъ нихъ былъ верхній свѣтъ, что было удобно для мастерской. Констанція надѣла старенькое платье и пошла переговорить съ хозяиномъ, жившимъ рядомъ. Она умѣла вести дѣловые переговоры и не обмолвилась ни словомъ о своей сценической дѣятельности, такъ какъ о гонорарахъ артистокъ мюзикъ-холла въ публикѣ ходили самыя невѣроятныя легенды. Подъ именемъ м-съ Ферлонгъ она наняла комнаты за пять шиллинговъ въ недѣлю.

На лѣстницѣ между первымъ и вторымъ этажемъ была общая для всѣхъ жильцовъ водопроводная раковина. Внизу помѣщался табачный магазинъ, но входъ въ квартиры былъ отдѣльный. Это въ Квинъ-стритѣ производитъ впечатлѣніе. Покрасить окна и двери и оклеить комнаты свѣжими обоями хозяинъ долженъ былъ на свой счетъ. Дикки выбралъ для первой комнаты коричневые обои, а для спальни Констанція просила гирлянды розъ по кремовому фону и была удовлетворена въ своей просьбѣ. По желанію Констанціи, внизу у подъѣзда былъ устроенъ къ нимъ отдѣльный электрическій звонокъ. Правда, онъ являлся искушеніемъ всѣхъ сосѣднихъ мальчишекъ, но зато никто, кромѣ нихъ, въ домѣ не имѣлъ такого отличія, и это, въ самомъ дѣлѣ, было удобно.

Выше уже упоминалось, что м-съ Бальдвинъ очень скоро мирилась съ неизбѣжнымъ. Какъ только наняты были комнаты, она съ интересомъ стала участвовать въ заботахъ объ устройствѣ новаго гнѣздышка. Она заявила, что у нея въ лавкѣ есть кое-какія вещи, безъ которыхъ ей легко обойтись. Затѣмъ она сопро-

вождала Констанцію и Дикки въ мебельный магазинъ, гдѣ они въ разсрочку пріобрѣли массу великолѣпныхъ предметовъ, которыми могли бы гордиться даже богачи. Черезъ десять дней двѣ комнаты въ № 12-мъ стали неузнаваемы. Даже самъ хозяинъ, который каждое утро пріѣзжалъ на собственномъ моторѣ изъ Брикстона, широко раскрылъ ротъ, увидѣвъ обстановку, и подумалъ, что свалялъ дурака: надо было взять съ нихъ дороже! Впрочемъ, мебель была не въ его вкусѣ. Онъ любилъ обитыя плюшемъ кресла и непремѣнно темно-зеленыя. Все-таки онъ сказалъ, что очень красиво!

Все устраивала, всѣмъ распоряжалась Констанція. Дикки съ спокойнымъ удивленіемъ глядѣлъ на нее и высказывалъ свои желанія только, когда она спрашивала его. М-съ Бальдвинъ не говорила ему о своемъ разочарованіи. Раза два она слышала, какъ хозяинъ, обращаясь къ Констанціи, называлъ ее м-съ Ферлонгъ, и ей почти стало казаться, что дочь въ самомъ дѣлѣ замужемъ.

Дикки все это казалось сномъ. Каждый вечеръ, когда онъ шелъ наверхъ, въ свою комнатку, онъ дѣлалъ усилія, чтобы разобраться въ создавшемся положеніи. То, что всегда казалось ему такой непозволительной жизнью, теперь оказывалось такъ просто и легко, что ему представлялось временами, будто все на свѣтѣ перевернулось вверхъ дномъ. Но все оставалось на мѣстѣ, и Дикки, научившійся, со времени своей ночевки на улицѣ, относиться ко многому юмористически, сталъ брать жизнь, какъ она есть; часто ему представлялось, что онъ, какъ нищій, попалъ на мягкое ложе принца. Онъ съ наслажденіемъ принималъ неизвѣданное, и лишь смутно была взволнована его душа.

Какъ ни говори, а все-таки чистая совѣсть—отличная подушка. Дикки прекрасно спалось эти послѣднія ночи на мезонинѣ, потому что хоть онъ не сумѣлъ поступить, какъ герой долга и не ушелъ, оставивъ Констанцію, все же онъ сдѣлалъ все, чтобы убѣдить ее повѣнчаться. Много разъ съ того вечера въ лавкѣ онъ повторялъ свою просьбу. Но она была увѣрена въ немъ, и ея рѣшеніе было непреклонно.

— Пожалуйста, не надо говорить объ этомъ, — отвѣчала она,—ты долженъ дѣлать свое дѣло, работать, а если у меня не будетъ заработка въ Мюзикъ-холлѣ, то ты будешь продавать картины. Я только хочу, чтобы ты сказалъ своему м-ру Ниббсу, что ты не женатъ. Другіе пусть думаютъ, что хотятъ. Если хочешь, я буду носить кольцо. Но это вздоръ, правда? Кусочекъ

золота на пальцѣ, и уже меня станутъ уважать священники. Но тебѣ, вѣдь, на это наплевать, правда?

Дикки покачалъ головой.

— Надо купить кольцо,—сказалъ онъ.—Пусть священникъ уважаетъ тебя. Но я не понимаю, какъ быть съ Анни? Что я напишу имъ?

— Напиши, что ты женился. Вѣдь съ отцомъ твоимъ мнѣ не придется встрѣчаться?

Дикки засмѣялся.

— Да, этого бояться не приходится,—сказалъ онъ.—А если бы даже? Такъ что?

Констанція пристально взглянула на него.

— Я такая... мѣщанка,—сказала она.

— Ты! мѣщанка!—воскликнулъ онъ.

— Да... у меня выговоръ такой. А мама! Взгляни на нее въ воскресенье утромъ, когда она въ папильоткахъ.

— Ты! мѣщанка!—повторилъ Дикки. Онъ взялъ ее за плечи. Она была тутъ у него передъ глазами.—Мѣщанство не въ томъ, какъ человѣкъ выговариваетъ слова. Ты можешь сколько угодно проглатывать букву h, но у тебя такія честныя, чистыя мысли, хорошая ты моя! Нѣтъ ни одной лэди во всей Англіи съ такимъ золотымъ сердцемъ, какъ у тебя!

Отъ этихъ словъ ей стало такъ тепло! Даже какъ-будто что-то горячее обожгло глаза.

— Развѣ я проглатываю букву h?—спросила она кокетливо.

Онъ снялъ руки съ ея плечъ и обвилъ ея шею.

— Я сама замѣчаю это иногда,—продолжала она,—но какъ начну думать, такъ страшно боюсь, что понаставлю ихъ не тамъ, гдѣ надо. А въ пѣніи это незамѣтно совсѣмъ, такъ что ужъ...

— Не надо волноваться изъ-за этого, золотая моя,—шепталъ Дикки.—Говори просто то, что ты думаешь, и не думай, какъ это сказать. Въ словахъ не произношеніе важно, а важно, кто и съ какимъ чувствомъ говоритъ.

Весело насвистывая одну изъ пѣсенъ Констанціи, Дикки пошелъ къ м-ру Ниббсу. Онъ хотѣлъ занять у него денегъ, чтобы купить «кусочекъ золота» и «уваженіе попа». А Констанція послѣ его ухода стояла нѣкоторое время въ раздумьи: не правильнѣе ли было, въ концѣ концовъ, поймать его на словѣ и обвѣнчаться?

— Э-эхъ, тутъ не только выговоръ, — проговорила она вслухъ,—не только то, что я не умѣю держаться въ обществѣ, и

всякое такое. Не бросить же мнѣ маму... это невозможно... а подумать только: мама въ салонѣ извѣстнаго художника... да изъ нея ни въ жизнь не вывѣтрить керосина.

XI.

Въ день переѣзда Констанціи и Дикки въ № 12 на Квинъ-стритъ, они собрали гостей. Идея принадлежала м-съ Бальдвинъ. Она утверждала, что можно не считаться съ предразсудками, но съ обычаями все-таки считаться надо. Это былъ первый намекъ, который она сдѣлала Дикки по этому поводу. Онъ вспыхнулъ весь, даже лобъ покрылся красными пятнами.

— Вамъ нечего смущаться изъ-за этого, — спохватилась м-съ Бальдвинъ, —разъ Констанція заберетъ себѣ что въ голову, то ужъ и коломъ не выбьешь.

— Да, но... мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы знали, что я сдѣлалъ все, что могъ. Я хотѣлъ вѣнчаться.. я и теперь не отказываюсь... и никогда не откажусь.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, потому что какъ-ни-какъ, а породниться съ свѣчной лавкой—выгода не ахти какая.

Дикки не протестовалъ, хотя врядъ ли, вообще, думалъ когда-либо о женитьбѣ, какъ «о выгодѣ» съ той или иной стороны. Но, когда м-съ Бальдвинъ не получила никакого возраженія на свое замѣчаніе, она стала защищать свое дѣло. Дикки соглашался съ каждымъ словомъ.

— Конечно, это все-таки торговля,—замѣтила она, когда увидѣла, что хвалить ужъ дальше не стóитъ, такъ какъ онъ соглашается со всѣмъ,—это профессія, какъ, скажемъ, ваше рисованіе...

— Ну, что жъ, мой отецъ тоже человѣкъ коммерческій—сказалъ Дикки,—нѣтъ, просто Констанція думаетъ, что я могу надоѣсть ей, и тогда мы очутимся въ очень странномъ положеніи.

— Ахъ, что́ за народъ эти мужчины!—всплеснула руками м-съ Бальдвинъ.—Никогда имъ покою нѣтъ. Ну, не такъ дѣлается, какъ по правиламъ: женщина приспособится и не грызетъ себя. Констанція не хочетъ вѣнчаться разъ навсегда. Нечего, значитъ, и толковать объ этомъ. Сразу, какъ я узнала, меня точно обухóмъ по головѣ ударило, но потомъ, какъ я увидѣла, что вы ей кольцо купили обручальное, и въ комнатахъ все какъ у людей—ничего привыкла, отлегло отъ души. Конечно, сестрѣ

своей, которая въ Лэмбсѣ живетъ, я и не подумаю сказать, но Богъ ты мой! много есть такого, чего я ей не приду докладывать. А все-таки,—прибавила она, видя, что слишкомъ далеко пошла въ стремленіи успокоить совѣсть Дикки,—вы не думайте, что я одобряю такое устройство. Не по мнѣ оно, очень не по мнѣ, но разъ оно такъ ужъ есть, то оно есть, и мнѣ кажется, что вы должны въ четвергъ вечеромъ отпраздновать новоселье. Нечего голову вѣшать и будто стыдиться самого себя. Нехорошо это!

И вотъ явились гости: м-ръ Ниббсъ съ Эміліей, сама м-съ Бальдвинъ въ своемъ парадномъ платьѣ, въ которомъ она ходила въ театръ, и миссъ Шэдболтъ съ однимъ изъ своихъ поклонниковъ, м-ромъ Госсэджъ, приказчикомъ галантерейнаго магазина на Странднѣ, который демонстрировалъ на своей элегантной особѣ—послѣдней моды галстукъ, изящнѣйшіе манжеты и запонки.

Сначала былъ обѣдъ въ мастерской. Когда гости подымались по лѣстницѣ, усиленный стукъ ихъ шаговъ привлекъ вниманіе жильцовъ перваго и второго этажа, и они открыли свои двери, чтобы посмотрѣть проходящихъ гостей. М-съ Бизли, изъ второго этажа, не менѣе десяти минутъ наполняла водой кувшинъ возлѣ раковины, чтобы хорошенько разглядѣть всѣхъ, кто шелъ въ гости къ новымъ жильцамъ.

Все происходило такъ, какъ-будто бы Дикки съ Констанціей въ самомъ дѣлѣ были повѣнчаны по-настоящему этимъ утромъ. Только м-ръ Ниббсъ и Эмилія знали, что этого не было. Но, когда Дикки почувствовалъ крѣпкое пожатіе руки маленькаго анктиквара, онъ понялъ, что тотъ не осуждаетъ его, и ему стало легко.

И въ самомъ дѣлѣ м-ръ Ниббсъ даже втайнѣ доволенъ.

— Знаешь,—говорилъ онъ Эміліи,—я конечно, не скажу, что свободное сожительство и есть самое настоящее... но почти всѣ художники такъ поступаютъ. Понятно, это еще не резонъ для него. Она проста... мѣщанка,—это ты сказала—но и это не резонъ, потому что она все-таки очень хорошая дѣвушка.

— Тогда я не понимаю, чему ты такъ радъ, — замѣтила Эмилія.

— Кто сказалъ, что я радъ?

— Да погляди на себя въ зеркало,—предложила она. Разговоръ этотъ происходилъ во время туалета.—Глаза у тебя такъ и прыгаютъ. Того и гляди, выскочатъ. Это у тебя бываетъ, когда ты очень доволенъ чѣмъ-нибудь.

М-ръ Ниббсъ посмотрѣлъ въ зеркало и убѣдился, что отрицать было бы безполезно.

— Ну, что́ жъ?—сказалъ онъ,—правду сказать, я, дѣйствительно, доволенъ тѣмъ, что онъ пошелъ именно такъ, какъ я ожидалъ. Изъ него выйдетъ первоклассный художникъ. Вотъ увидишь. И эта дѣвушка,—не понимаетъ она ни бельмеса!—но она будетъ только ему помогать, а не мѣшать. Вотъ увидишь! Такихъ, какъ она, мало. Лучше, конечно, было имъ пожениться какъ слѣдуетъ, но разъ она не хочетъ... а ты знаешь, изъ-за чего она такъ? Изъ-за этого—какъ его? Констэбля съ его Мэри Бикнелль... да, да! Ну, если не хочетъ, такъ пусть будетъ такъ. А изъ него выйдетъ большой художникъ.

Такимъ образомъ вышло, что м-ръ Ниббсъ явился въ № 12 въ самомъ лучшемъ настроеніи. Сцену знакомства съ Констанціею онъ разыгралъ великолѣпно, въ стилѣ старой мелодраматической школы.

— Несказанно радъ познакомиться съ вами, м-съ Ферлонгъ,—произнесъ онъ съ изысканной любезностью,—вы, конечно, слышали, какъ я интересуюсь нашимъ молодымъ другомъ,—его глаза смѣялись,—а я не мало слыхалъ отъ него о васъ. Сердечно радъ и поздравляю васъ обоихъ.

Пожимая руку Констанціи съ такой энергіей, какъ-будто это былъ пожарный кранъ, м-ръ Ниббсъ отвелъ ее немного въ сторону.

— Ну что́, ловко это я?—шепнулъ онъ.

Она улыбнулась и пожала ему руку. Встрѣчи этой она очень боялась, но теперь, когда она сошла такъ удачно, ей было только весело. Съ сіяющимъ лицомъ она повернулась встрѣчать миссъ Пэдболтъ!—

— Ну, что, пилюлю ты, значитъ, проглотила благополучно?,—шепнула ей пріятельница.—Я такъ рада, душечка, такъ рада! Ты вдругъ—дома! Какъ это странно! Я жажду познакомиться съ твоимъ мужемъ. Ахъ, да, простите... я совсѣмъ забыла представить... мой добрый знакомый, м-ръ Госсэджъ.

При этихъ словахъ м-ръ Госсэджъ оставилъ въ покоѣ свои манжеты, рѣшительнымъ движеніемъ возстановилъ точное положеніе галстуха, выпрямился и выступилъ впередъ.

— Честь имѣю поздравить, м-съ Ферлонгъ,—сказалъ онъ,—очень пріятно познакомиться.

Проговоривъ это съ видомъ человѣка, привычнаго къ свѣтскому обращенію, онъ снова впалъ въ молчаніе, принявъ прежнюю, небрежную позу.

У стѣны стояли приготовленныя къ пиршеству шесть

бутылокъ вина. Дикки раскупоривалъ ихъ одну за другой,—по мѣрѣ того, какъ обѣдъ подвигался. На второмъ этажѣ м-съ Бизли съ завистью прислушивалась къ веселому шуму сверху, и разсказывала м-съ Куперъ, явившейся снизу, чтобы лучше послушать, что́ тамъ дѣлается, что у нихъ на свадьбѣ былъ точь въ точь такой же обѣдъ.

— Боже, какъ мы смѣялись,—говорила она,—ну, дотого дурачились, пока мужъ мой не пролилъ тарелку супа мнѣ на платье... а платье красивое было! серебристый шифонъ, понимаете, и немножко отдѣлано розовымъ... и шло оно мнѣ, ну, просто заглядѣніе!

Въ отвѣтъ на это м-съ Куперъ преподнесла свои свадебныя воспоминанія, и изъ нихъ оказывалось, что ея платье было лучше, такъ какъ на немъ были настоящія кружева. Тогда м-съ Бизли вспомнила, что и у нея былъ кусокъ настоящаго кружева. Но это слишкомъ дорогая вещь, чтобы носить ее. Да, кажется, оно еще лежитъ у нея гдѣ-то. Не желаетъ ли м-съ Куперъ взглянуть? Ахъ, нѣтъ, къ сожалѣнію, оно уже давно продано.

— Замужней женщинѣ не легко сохранить свои вещи въ цѣлости,—сентенціозно закончила она. Замѣчаніе это было столь глубоко, что м-съ Бизли могла только сокрушенно покачать головой.

Смѣхъ и шумъ наверху затихли. Слышенъ былъ стукъ отодвигаемаго стула. Пронесся шопотъ одобренія.

— Кто-то изъ нихъ собирается говорить рѣчь,—сказала м-съ Бизли. Она быстро поднялась, пошла къ двери и отворила ее.

— Да, это рѣчь,—заявила она и оглянулась. М-съ Куперъ была уже тутъ какъ тутъ.—Давайте, выйдемъ на лѣстницу.

Онѣ вышли на лѣстницу, но это было недостаточно близко. Онѣ поднялись на нѣсколько ступенекъ, затѣмъ выше, выше, и, наконецъ, очутились на верхней площадкѣ, тяжело дыша, запыхаясь и глубоко взволнованныя прослушанной рѣчью.

Ибо, дѣйствительно, была произнесена рѣчь. Послѣ трехъ бокаловъ кларета, м-ръ Ниббсъ, пользуясь минутнымъ затишьемъ, поднялся съ мѣста съ бокаломъ въ рукѣ.

— Тостъ, тостъ!—воскликнулъ м-ръ Госсэджъ, который, какъ человѣкъ свѣтскій, зналъ, что́ означаетъ подобное выступленіе.—Я былъ на прошлой недѣлѣ на большомъ обѣдѣ въ Гольборнѣ,—обратился онъ къ м-съ Бальдвинъ, своей сосѣдкѣ слѣва.—Дѣловой, знаете ли, обѣдъ.

М-съ Бальдвинъ кивнула головой. Она думала о томъ, какая Констанція сегодня хорошенькая.

— Рѣчь, рѣчь!—повторилъ м-ръ Госсэджъ.

— Сядь на мѣсто, Вильямъ,—сказала Эмилія.

Но нѣтъ! м-ръ Ниббсъ былъ на ногахъ, а когда человѣкъ уже минутъ десять готовился говорить, то его не легко заставить сѣсть на мѣсто.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!—началъ онъ и взялъ со стола вилку,—мнѣ не часто приходится говорить застольныя рѣчи.

— Ты никогда въ жизни не говорилъ, насколько мнѣ извѣстно,—вставила Эмилія.

— Совершенно вѣрно,—согласился онъ.—Я никогда въ жизни не говорилъ. И потому, господа, прошу... того... не ждать отъ меня краснорѣчія.

Вилка нѣсколько погнулась. Онъ положилъ ее назадъ.

— Какъ бы то ни было, но я считаю своимъ долгомъ, какъ самый старшій здѣсь...

— Какая скромность!—пробормоталъ м-ръ Госсэджъ.

— Благодарю васъ, сэръ... какъ старшій здѣсь...—но что́ это?—эта вилка лежитъ криво? Онъ поправилъ ее.—Какъ старшій среди...

— Дальше, дальше!—сказалъ м-ръ Госсэджъ.

— Я хочу выпить за здоровье ново... т. е. м-ра и м-съ Ферлонгъ.

М-ръ Госсэджъ громко застучалъ ножомъ объ столъ. М-съ Бальдвинъ почувствовала, что къ горлу у нея подступаетъ клубокъ, и она что-то взволнованно зашептала. Эмилія, замѣтивъ, что ея ораторъ протягиваетъ руку къ злосчастной вилкѣ, подтолкнула ее къ нему, а миссъ Пэдболтъ взглянула на него восторженно. Она первый разъ въ жизни слышала рѣчь и удивлялась, какъ человѣкъ можетъ вспомнить всѣ эти слова. Смущены были только Констанція и Дикки. Констанція—съ того момента, какъ м-ръ Ниббсъ запнулся на начатомъ словѣ «новобрачные», а Дикки съ самаго начала. Онъ чувствовалъ себя ужасно глупо и мечталъ все время о томъ, чтобы провалиться куда-нибудь во тьму, гдѣ никто не будетъ видѣть его лица.

Когда гулъ одобренія затихъ, м-ръ Ниббсъ отпилъ глотокъ и продолжалъ:

— Но прежде, чѣмъ вы опять наполните бокалы, я хочу прибавить два слова къ своему тосту.

Гдѣ эта вилка? Онъ сжалъ руку въ кулакъ и положилъ ее на столъ. Чортъ возьми!—надо оставить эту вилку въ покоѣ.

— Я хочу, господа, предложить вамъ поглубже...—слова стали путать его мысли. Онъ схватилъ снова вилку и продолжалъ уже проще:—отпить хорошій глотокъ изъ вашихъ бокаловъ еще за успѣхъ Ричарда Ферлонга. Немногіе изъ васъ имѣютъ дѣло съ художниками, но я имѣю, и я могу сказать, что...

— Пожалуйста, не надо!—взмолился Дикки.

— Я могу сказать, — невозмутимо продолжалъ м-ръ Ниббсъ,—что никогда еще не встрѣчалъ молодого человѣка, такъ много обѣщающаго, какъ онъ. Я продаю его картины, и если бъ онъ захотѣлъ, то могъ бы еще поднять цѣны на нихъ. Я знаю, что у него есть будущее, и надѣюсь, что съ помощью м-съ Ферлингъ,—онъ поднялъ бокалъ, обращаясь къ Констанціи—онъ сдѣлаетъ себѣ большое имя и, чортъ возьми, если я не доживу до этого! Господа! за здоровье новобрачныхъ,—ничего не подѣлаешь! слово уже сказано, и онъ успокоенно положилъ вилку,—и за успѣхъ Ричарда Ферлонга!

— За здоровье новобрачныхъ!—повторили всѣ, а м-ръ Госсэджъ приложилъ усилія, чтобы его голосъ былъ слышенъ позже всѣхъ,—и за успѣхъ Ричарда Ферлонга!

Дикки въ нервной растерянности не зналъ, куда дѣвать руки, куда смотрѣть. Онъ опустилъ руку подъ столъ и встрѣтился съ пальцами Констанціи. Онъ сжалъ ихъ, какъ въ тискахъ, но они оба не чувствовали боли. Когда, послѣ чоканья, всѣ снова усѣлись по мѣстамъ, м-ръ Госсэджъ опять сталъ стучать ножомъ по столу.

— Слово принадлежитъ,—сказалъ онъ,—м-ру Ричарду Ферлонгу.

— Нѣтъ... нѣтъ! я не собираюсь говорить!—встревожился Дикки.

— Вы должны отвѣтить на тостъ, сэръ,—настаивалъ м-ръ Госсэджъ.

— Скажи два слова,—шепнула Констанція.

— Интересно послушать его,—замѣтила миссъ Шэдболтъ, а м-ръ Ниббсъ въ поощреніе сказалъ Дику, что ему надо практиковаться, такъ какъ придется говорить рѣчи, когда онъ будетъ президентомъ Академіи. Всѣ засмѣялись, такъ какъ никто въ это не вѣрилъ, кромѣ Констанціи и м-ра Ниббса.

Наконецъ, Дикки всталъ.

— Если бъ я могъ,—началъ онъ дрожащимъ голосомъ,—

если бы... я умѣлъ говорить такъ, какъ м-ръ Ниббсъ, я бы сказалъ... но, господа, я не умѣю... Я хочу... я только благодарю васъ всѣхъ... это не рѣчь... а такъ. Вотъ все, что я могу сказать... и еще, что я очень, очень счастливъ... Да... больше ничего...

Зазвенѣли стаканы. М-съ Бальдвинъ, у которой волненіе окончательно перехватило горло, еле слышно шептала про себя: «бѣдный мальчикъ! бѣдный, славный мальчикъ!» и ощущала къ Дикки ту материнскую жалость, какъ тогда, когда она застала его въ слезахъ на постели.

Когда шумъ стихъ, м-ръ Госсэджъ обтянулъ свой жилетъ, поправилъ галстукъ и всталъ. Нельзя было пропустить такого удобнаго случая сказать рѣчь. Онъ не зналъ никого изъ присутствующихъ, кромѣ миссъ Шэдболтъ, и никогда прежде не чувствовалъ ораторскаго влеченія; но сейчасъ произнести спичъ— стало его непремѣнной цѣлью.

— Лэди и джентльмены!—началъ онъ и представилъ себѣ, какъ онъ завтра разскажетъ своимъ сослуживцамъ, что говорилъ за обѣдомъ рѣчь.

— Лэди и джентльмены!—повторилъ онъ еще разъ. Констанція взглянула на часы.

— Боже мой!—воскликнула она.—Черезъ двадцать минутъ мой выходъ! Простите, господа!

Всѣ повскакали съ мѣстъ и бросились помогать Констанціи скорѣе собраться. Только прерванный ораторъ стоялъ въ гордомъ одиночествѣ.

— Отчего бы намъ всѣмъ не отправиться въ Мюзикъ-холлъ, похлопать м-съ Ферлонгъ?—предложилъ м-ръ Ниббсъ.

Общій восторгъ встрѣтилъ это предложеніе. Побѣжали за своими пальто. М-ръ Госсэджъ медленно допилъ свой бокалъ и застегнулъ нижнюю пуговицу своего сюртука. Среди общей сутолоки изъ сосѣдней комнаты вылетѣла, какъ вихрь, Констанція и закричала:

— Это не больше часу! Мы еще всѣ вернемся сюда. А пока до свиданія!

Передъ ней распахнули дверь. Она налетѣла на оторопѣвшихъ отъ неожиданности м-съ Бизли и м-съ Куперъ и бѣгомъ пустилась внизъ.

XII.

Трудно опредѣлить, какимъ путемъ распространяются слухи, но только черезъ нѣсколько минутъ многимъ въ театрѣ стало извѣстно, что Констанція въ этотъ день вышла замужъ. Можетъ

быть, м-ръ Госсэджъ говорилъ объ этомъ съ миссъ Шэдболтъ въ вестибюлѣ, и его услышалъ одинъ изъ тѣхъ господъ во фракѣ, которые вездѣсущи и всезнающи. Можетъ быть, это случилось иначе. Какъ бы то ни было, а въ залѣ и въ оркестрѣ слухъ былъ пущенъ, и, когда на сцену вышла миссъ Констанція Бальдвинъ, она была встрѣчена такими единодушными рукоплесканіями, которыя, конечно, не могли получиться отъ шести человѣкъ «своихъ». И продолжались аплодисменты, не переставая, пока не запылали сквозь гримъ щеки Констанціи; она поняла, что публика посвящена въ ея тайну.

Кивкомъ головы она попросила дирижера начинать, но онъ только разсмѣялся и послалъ ей палочкой воздушный поцѣлуй, выжидая, пока привѣтствія улягутся.

Констанція стояла, вся дрожа отъ нервнаго возбужденія, не какъ артистка, а какъ женщина. Публика чувствовала это. Толпа составляетъ сужденіе такъ же быстро, какъ и отдѣльный человѣкъ. Между ней и публикой въ эти минуты не было рампы. Она была одна изъ нихъ.

И вотъ Констанція, наконецъ, запѣла. Голосъ ея былъ сдавленъ, дрожалъ, и Дикки наверху почувствовалъ, какъ и у него спазма сдавливаетъ горло, а у м-съ Бальдвинъ на глазахъ заблестѣли слезы.

— Не волнуйтесь, миссъ... тутъ все друзья,—закричалъ съ галерки чей-то голосъ, и робкое пѣніе Констанціи потонуло въ дружномъ смѣхѣ и новыхъ аплодисментахъ. Когда же послѣ этого снова наступила тишина, голосъ Констанціи окрѣпъ и она спѣла свою пѣснь съ огнемъ и увлеченіемъ.

Она биссировала три раза и могла бы пѣть еще безъ конца, но на очереди былъ слѣдующій номеръ. Ей подали на сцену небольшой букетъ фіалокъ, она откланялась на всѣ стороны, и занавѣсъ упалъ. Констанція сдѣлалась любимицей публики въ въ Мидльсексѣ—съ этого вечера ее уже будутъ помнить.

Судьба улыбнулась ей. Она знала это и пошла въ свою уборную съ переполненнымъ, умиленнымъ сердцемъ. Тогда только она замѣтила въ рукѣ своей фіалки и съ легкимъ радостнымъ крикомъ спрятала свое пылающее лицо въ душистыхъ цвѣтахъ. При этомъ движеніи она наткнулась на что-то твердое. Записка! Она вскрыла ее, смѣясь. Ей посылаютъ въ букетѣ записки, какъ настоящей «звѣздочкѣ».

Въ запискѣ было написано:

«Будь благословенна, моя прекрасная! Дикки».

Душевное напряженіе Констанціи, нараставшее въ теченіе всего вечера, достигло тутъ крайней степени; старая горничная,

войдя, увидѣла, что по щекамъ Констанціи катятся слезы, а она сама готова какъ-будто и смѣяться, и плакать разомъ.

— Ничего, ничего... вы, вѣдь, счастливы, да?—спросила старушка.—Всѣ говорятъ, что сегодня вы были очень, очень въ голосѣ.

Констанція разсмѣялась, и какъ лучъ солнца послѣ дождика улыбка освѣтила ея заплаканное лицо.

У театральнаго подъѣзда вся компанія поджидала ее. Никто не хотѣлъ слушать программу дальше. Провожать изъ театра популярную артистку варьете было больше, чѣмъ м-ръ Госсэджъ смѣлъ надѣяться. Однако, не ему выпало это на долю.

М-ръ Ниббсъ, подогрѣтый четырьмя бокалами вина и желаніемъ поговорить съ Констанціей à part, галантно предложилъ ей руку, что́ всѣхъ очень позабавило, за исключеніемъ м-ра Госсэджа.

— Милая моя,—сказалъ м-ръ Ниббсъ, скрывая отъ самого себя, что преимущественно́ вино возбудило его благородную любознательность.—Скажите, отчего вы не хотѣли вѣнчаться? Не обижайтесь на меня. Я—старый человѣкъ и могъ бы быть вашимъ отцомъ. Какъ это такъ вышло?

Констанція нѣкоторое время молчала.

— Вы помните,—проговорила она затѣмъ,—что м-съ Ниббсъ сказала въ тотъ день, когда я приходила къ вамъ?

— Что́ сказала? Она сказала, что вы хорошенькая.

— Можетъ быть... но, когда я вернулась, я слышала. Она сказала, что я простая мѣщанка и ее удивляетъ, что́ Дикки нашелъ во мнѣ.

— Ну, это такъ... бабья ерунда,—сказалъ м-ръ Ниббсъ.

Констанція покачала головой.

— Зачѣмъ все это? зачѣмъ портить сегодняшній вечеръ,—сказала она.—Я такъ счастлива, какъ никогда. Лучшаго мнѣ ничего не надо. И жена ваша сказала правду. Вы сами вотъ говорили, что у Дикки есть будущее, что онъ можетъ быть въ Академіи и много чего... Подумайте, какова я была бы тогда рядомъ съ нимъ—и говорю Богъ знаетъ какъ, и съ людьми не умѣю обращаться. Фу, даже думать неловко! Мы все равно какъ женаты. Ничего лучше мнѣ и не надо... Поѣдемте скорѣе. Надо догнать ихъ. Что скажете о рѣчи Дикки? А эти цвѣты,—она вынула букетикъ изъ-за корсажа,—это онъ прислалъ мнѣ. Скорѣе! Догонимъ ихъ.

М-ръ Ниббсъ пытался сопротивляться, но Констанція тащила его энергично: при всѣхъ своихъ достоинствахъ добрѣйшій м-ръ Ниббсъ былъ неинтереснымъ кавалеромъ.

Ей удалось уже недалеко отъ дома нагнать всѣхъ, и она проскользнула рукой подъ руку Дикки.

— Милый, — зашептала она, задыхаясь отъ быстрой ходьбы, — я нашла записочку... я нашла, Дикки... въ самой серединкѣ пучка. Ахъ, милый мой!

Сказано было немного, но слова были полны выраженія. Дикки ничего не отвѣтилъ. Онъ не могъ говорить, и это было еще выразительнѣе.

Всѣ снова собрались въ мастерской на третьемъ этажѣ. М-съ Бизли и м-съ Куперъ, потерявъ надежду на ихъ возвращеніе, ушли въ кинематографъ. Констанція спѣла нѣсколько вещей, а м-ръ Госсэджъ продекламировалъ стихи, художественно откинувъ прядь волосъ со лба, и объяснилъ, что когда-то онъ тоже стремился на сцену.

М-съ Бальдвингъ явно начинало клонить ко сну, но она мужественно слушала. Когда декламація кончилась, она выразила удивленіе, какъ можно заучить такъ много словъ на память.

— Это, видите ли, какъ кому,—объяснилъ м-ръ Госсэджъ,— очень трудно, если нѣтъ таланта, и легко, если онъ есть.

Декламація чрезвычайно понравилась Эмиліи, и она попросила м-ра Госсэджа прочесть еще что-нибудь. Не дожидаясь еще особыхъ просьбъ, онъ прочелъ еще маленькую вещь. Никто не спросилъ, чья она, и тогда м-ръ Госсэджъ скромно заявилъ, что это его собственная.

Наконецъ, когда м-съ Бальдвинъ зѣвнула уже въ двадцатый разъ, а у Эмиліи недвусмысленно смыкались глаза, гости стали расходиться.

Дикки и Констанція стояли на лѣстницѣ, прислушиваясь къ шагамъ уходившихъ. Хлопнула тяжелая дверь внизу. Все стихло. На нижней площадкѣ, въ темнотѣ сверкали глаза кошки, которую м-съ Бизли держала, чтобы уберечь отъ мышей свою кладовку.

— Какъ они свѣтятся!—сказала Констанція: въ эти дивнотрепетныя минуты она не рѣшилась сказать ничего другого.

Они вошли въ свою комнату, гдѣ былъ страшный безпорядокъ, и на полу валялись окурки и всякіе остатки пиршества. Констанція въ смущеніи наклонилась, чтобы поднять упавшій со стола бокалъ. Когда она поднялась, то увидѣла передъ собой раскрытыя объятія Дикки.

Съ англійскаго перевела М. Славинская.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Farfui).

Романъ Луіано Цукколи.

(*Продолженіе*) [1]).

IX.

Фарфуи сидѣлъ у ногъ Мореллы на любимой своей скамеечкѣ, зеленой съ красными цвѣтами, съ которой онъ не разставался. Случайно она ему попалась на глаза въ магазинѣ хозяйственныхъ принадлежностей, и онъ упросилъ мать купить ее—почему-то она страшно ему понравилась, хотя была простая, грубая и съ наивными цвѣточками и въ гостиной представляла собой странный контрастъ съ остальною мебелью, тяжелой и роскошной.

Фарфуи ходилъ за матерью изъ комнаты въ комнату и всюду таскалъ за собой свою скамеечку; а, когда ложился спать, раздѣваясь, клалъ на нее свое платье и бѣлье, и ни за что не положилъ бы его на что либо другое.

Морелла думала о Маріано, котораго она недавно встрѣтила на улицѣ.

Ей хотѣлось остановиться и сказать ему нѣсколько добрыхъ словъ, но этотъ бѣдный человѣкъ въ обтрепанномъ плащѣ и башмакахъ безъ каблуковъ слишкомъ обращалъ на себя вниманіе прохожихъ.

И, все-таки, Морелла не могла забыть о немъ. Онъ низко поклонился ей, даже и Фарфуи поклонился отдѣльно, и это ей понравилось.

---

[1]) См. мартъ, стр. 163.

И, когда въ этотъ же день Эдоардо Фальконаро заѣхалъ навѣстить ее, она заговорила съ нимъ объ этомъ. Нельзя ли помочь какъ-нибудь этому несчастному, послать ему денегъ—что ли.

Эдоардо улыбнулся и покачалъ головой.

— Нѣтъ, это безполезно. Сколько бы денегъ вы ему ни послали, всѣ они растаютъ у него въ рукахъ. Я самъ пробовалъ помогать ему—ничего не выходитъ. Второй разъ я не позволю себя одурачить, и это мнѣ досадно—не столько изъ-за него и изъ-за женщины, съ которой онъ живетъ, сколько изъ-за ребенка.

— Ребенка? Какого? Его ребенка? Развѣ у него есть ребенокъ?

Молодая женщина такъ заинтересовалась, что даже отложила вышиванье.

— Да, крохотный мальчуганчикъ; немножко больше года и зовутъ его Фаусто.

Наступило молчаніе. Морелла протянула руку и погладила золотые локоны Фарфуи, разглядывавшаго карточки въ альбомѣ, раскрытомъ у него на колѣняхъ.

— Вы не хотите помочь этому несчастному,—снова начала Морелла, и въ голосѣ ея звучало огорченіе. — Мнѣ непріятно слышать отъ васъ такія слова...

— Вы меня не поняли—я, вѣроятно, плохо выразился,—возразилъ Эдоардо.—Дѣло не въ томъ, что я не хочу помочь этому мальчику, а въ томъ, что я не вижу возможности помочь ему. Маріано—игрокъ; эта его дама—пьянствуетъ; всѣ попытки сдѣлать что-нибудь для мальчика разобьются о пороки и безуміе его родителей... Вотъ почему я говорю, что не позволю больше дурачить себя.

— Все-таки, что-нибудь перепало бы и мальчику,—замѣтила Морелла.—И ему было бы немного лучше... Теперь такіе холода стоятъ—онъ у нихъ замерзнетъ тамъ, бѣдняжка... Я прямо не могу успокоиться, такъ это волнуетъ меня.

Въ гостиной было тепло; въ каминѣ потрескивали дрова, вспыхивая веселенькими огоньками, синими и желтыми.

— Мы потолкуемъ объ этомъ съ Энцо,—сказалъ Эдоардо, чтобъ успокоить ее. — Посовѣтуемся, что́ можно для него сдѣлать.

У него не было ни малѣйшаго желанія изъ благотворительности заняться участью Маріано, какъ предлагала Морелла. Картина грязи и паденія, которую ему недавно пришлось уви-

дать своими глазами, вызвала въ немъ такое омерзѣніе, что никакого состраданія къ бывшему товарищу онъ больше не питалъ.

Но Морелла и по уходѣ его не могла успокоиться.

Въ тотъ самый день, въ тотъ самый часъ, когда Маріано Фриджеріо говорилъ съ Лоренцо, вливая въ сердце его смертельную отраву, Морелла думала о страшной нищетѣ, до которой дошелъ Маріано, и о катастрофѣ, угрожающей ему и его сыну.

Пять лѣтъ прошло съ того дня, какъ она заѣхала за мужемъ въ контору и встрѣтилась тамъ съ Маріано—въ тотъ самый день она отдалась Эдоардо, и забыть этотъ день она не могла. Но и пять лѣтъ не изгладили изъ ея памяти впечатлѣніе горькаго сарказма, съ которымъ Маріано упрекнулъ Лоренцо въ выгодной покупкѣ—его дома и его лошади.

Теперь они живутъ въ его бывшемъ домѣ, катаются на его лошади,—а Маріано со своимъ ребенкомъ зябнутъ въ нетопленной квартирѣ и умираютъ съ голоду.

Морелла взглянула на часы—и ужъ не колебалась больше.

Позвать къ себѣ въ домъ Маріано она не могла—изъ-за этого ей пришлось бы поссориться съ Лоренцо, но она могла пойти къ нему; адресъ его былъ ей извѣстенъ, черезъ Эдоардо. Жалость къ ребенку, голодному и зябнущему, быстро побѣдила отвращеніе и робость.

Она накинула на себя шубку и велѣла подавать карету, а Фарфуи поручила заботамъ гувернантки.

Маріано только-что вернулся домой, очень довольный тѣмъ, что такъ чудесно отомстилъ заразъ обоимъ: Эдоардо и Лоренцо. Но Ливія, ожидавшая, что онъ вернется съ деньгами, накинулась на него съ бранью и упреками.

— Успокойся,—сказалъ онъ ей:—будь хладнокровна, иначе я приколочу тебя.

Онъ пошарилъ въ карманахъ накидки:

— Вотъ тебѣ тридцать чентезими—онъ выложилъ деньги на столъ.—Купи на нихъ немного молока, немного хлѣба, немного «республики», и мы всѣ будемъ сыты... Денегъ у меня пѣтъ, согласенъ. Но есть человѣкъ, которому сейчасъ еще хуже нашего, хоть онъ сидитъ и по уши въ деньгахъ... Это утѣшеніе, не имѣющее ничего общаго съ кулинаріей...

— А пить что будемъ?—спросила Ливія, пересчитывая деньги на ладони.—На питье-то, вѣдь, не хватитъ.

— Пить будемъ воду. Холодная вода содѣйствуетъ пищеваренію.

Ливія швырнула деньги ему подъ ноги.

— Поди самъ покупай свою жратву... Если пить нечего, такъ я и ѣсть не буду.

Не обращая на нее вниманія, Маріано подошелъ къ постели и долго вглядывался въ спящаго ребенка.

Фаусто былъ блѣденъ; глаза его были обведены синеватыми кругами. На всемъ личикѣ лежала печать усталости и истощенія, какъ будто бремя жизни было слишкомъ тяжело для его хрупкихъ плечъ. И сонъ его былъ неспокойный; повременамъ онъ метался на постели, и съ запекшихся губъ его срывался слабый стонъ.

Маріано глубоко задумался, глядя на него, и вздрогнулъ отъ неожиданности, когда раздался звонокъ.

— Навѣрное, за деньгами кто-нибудь пришелъ,—сказалъ онъ Ливіи.—Скажи, что дома нѣтъ.

Ливія пошла отворять; услыхавъ ея изумленный возгласъ, Маріано обернулся.

Лицо его, и безъ того блѣдное, позеленѣло; все его тѣло задрожало мелкой дрожью.

На порогѣ стояла Морелла Моро, немного испуганная, но улыбающаяся. Въ комнатѣ распространился легкій запахъ духовъ; вуалетка, прикрывавшая лицо гостьи, не скрывала дружественной, ласковой улыбки. Контрастъ между этой синьорой, элегантной, утонченно изящной, съ благородной осанкой и привѣтливымъ лицомъ—и Ливіей, уже состарившейся, отцвѣтшей, растрепанной, неряшливо одѣтой, отупѣвшей отъ порока и нужды, былъ такъ разителенъ, что, несмотря на всю свою растерянность, Маріано сразу замѣтилъ его, и у него больно сжалось сердце.

При видѣ Мореллы онъ въ первый моментъ подумалъ, что Лоренцо, оправившись, поспѣшилъ домой, гдѣ устроилъ ужасную сцену женѣ, и молодая женщина, съ отчаянія, бросилась къ нему—спросить, на какомъ основаніи онъ ее обвиняетъ.

Но гостья улыбалась, застѣнчиво, но ласково, и была спокойна. Очевидно, она ничего еще не знала.

Ободрившись, Маріано кинулся навстрѣчу ей и, отстраняя Ливію, забормоталъ:

— Сеньора... Чему обязанъ честью?.. Мнѣ очень горько, что я вынужденъ такъ васъ принимать... Ливія, поди въ другую комнату... Пожалуйста, присядьте... Не могу предложить вамъ хорошаго кресла...

Морелла, по-прежнему застѣнчиво улыбаясь, сдѣлала нѣ-

сколько шаговъ, искусно скрывъ тягостное впечатлѣніе, которое произвела на нее эта холодная, полу-пустая комната и скверный запахъ непровѣтреннаго помѣщенія, сразу ударившій ей въ носъ...

— Не безпокойтесь,—сказала она, присаживаясь на диванъ.—Это мнѣ надо извиниться, что я ворвалась къ вамъ безъ спроса...

Ливія лѣниво поплелась въ другую комнату, подгоняемая свирѣпымъ взглядомъ Маріано, но поминутно оглядывалась на красивую синьору, на ея бархатную шубку, длинныя перчатки и лакированные башмачки, выглядывавшіе изъ-подъ подола юбки. И, скрывшись за дверью, тотчасъ же припала глазомъ къ замочной скважинѣ.

Морелла, не обратившая на нее никакого вниманія, озиралась, ища глазами Фаусто и не находя его:

— Гдѣ же Фаусто?—съ улыбкой спросила она Маріано.

X.

Маріано Фриджеріо вздрогнулъ и пошатнулся, словно отъ сильнаго удара въ грудь.

Фаусто? Она спрашиваетъ его о Фаусто, такъ ласково, такъ деликатно, она пришла посмотрѣть его мальчика! Маріано не вѣрилъ самъ себѣ, своимъ ушамъ:—та самая женщина, которую онъ часъ тому назадъ передъ ея мужемъ обвинилъ въ измѣнѣ супружескому долгу, чтобъ отомстить имъ обоимъ за своего мальчика, пришла утѣшить его и помочь.

Никогда въ жизни Маріано не страдалъ такъ: все, что еще оставалось въ немъ добраго и нѣжнаго, волною поднялось въ его душѣ и терзало ее острой болью.

— Фаусто?—пролепеталъ онъ.—Вы знаете про Фаусто?.. Вы хотите видѣть Фаусто?..

— Да,—отвѣтила Морелла, нѣсколько удивленная его волненіемъ. — Мнѣ сказали, что у васъ есть сынъ... и что... въ послѣднее время... дѣла у васъ не клеятся... Развѣ это не правда?..

— Фаусто здѣсь; онъ спитъ,—Маріано отодвинулъ дырявую ширму отъ кровати.

Морелла тотчасъ встала и пошла смотрѣть ребенка.

— Спитъ, бѣдняжка,—сказала она.—Блѣденькій какой! но хорошенькій... И очень хрупкій—его надо беречь...

Она нагнулась надъ мальчикомъ. Онъ былъ завернутъ въ кучу вонючихъ тряпокъ; головка его покоилась на довольно грязной подушкѣ; онъ дышалъ тяжело и по временамъ стоналъ.

Морелла протянула руку и погладила его по головкѣ, нѣжно-нѣжно, такъ что не разбудила его; потомъ, собравшись съ духомъ, нагнулась еще ниже и тихонько поцѣловала его въ лобикъ.

— Синьора!..—пролепеталъ Маріано.—Синьора!..

Въ глазахъ его стояли слезы; неудержимое рыданіе рвалось изъ груди.

Морелла нерѣшительно смотрѣла на него; потомъ, истолковавъ его волненіе по-своему, выговорила своимъ бархатнымъ голосомъ, нѣжнымъ, какъ ласка:

— Не отчаявайтесь такъ, синьоръ Фриджеріо... Меня просили передать вамъ немного денегъ для вашего мальчика... Вы только не обижайтесь... Всякій можетъ впасть въ нужду... И потомъ, вѣдь, это для Фаусто, такъ что вы не въ правѣ обижаться...

Изъ сумочки, висѣвшей у нея на рукѣ, она вынула кошелекъ и протянула его Маріано.

Они стояли рядомъ у кровати, на которой спалъ ребенокъ—Морелла, изящная и ясная, Маріано, все еще въ накидкѣ, которой онъ не успѣлъ снять, съ лицомъ, искаженнымъ угрызеніемъ и нестерпимой болью.

Но, увидавъ кошелекъ, онъ неожиданно выпрямился:

— Васъ просили—говорите вы? О! къ чему эта жалкая ложь?.. Вы сами пришли, сами пожалѣли...

Морелла покачала головой.—Не все ли равно?.. Это неважно: сама—не сама... Возьмите... купите на это дровъ—у васъ здѣсь холодно—и побольше хорошей ѣды для вашего мальчика... Черезъ нѣсколько дней онъ у васъ расцвѣтетъ... Возьмите же...

Но Маріано отстранилъ рукой протянутую ему руку въ тонкой шведской перчаткѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ рѣшительно.—Это невозможно.

Морелла, изумленная и обиженная, вопросительно подняла на него глаза; она была поражена.

— Синьора, это невозможно,—повторилъ Маріано.—Не спрашивайте, почему. Узнаете потомъ... Отъ васъ я не въ правѣ ничего принять. Синьора, будьте милосерды—не спрашивайте, почему... Поручаю вамъ моего мальчика... Онъ—да, *онъ* все можетъ принять; онъ неповиненъ... Поручаю его вамъ... Но *я*

ничего не могу взять отъ васъ... Я совершилъ преступленіе—только-что—совсѣмъ недавно... Но я самъ не зналъ, что дѣлаю... Пусть! я все скажу: я былъ голоденъ, мой Фаусто былъ голоденъ—меня обидѣли, выгнали вонъ... Я потерялъ голову...

Молодая женщина слушала этотъ растерянный лепетъ и думала, что Маріано боленъ, что онъ бредитъ наяву, и смотрѣла на него изумленно и встревоженно.

Маріано догадался, какія мысли бродятъ въ головѣ его гостьи.

— Вы спрашиваете себя, не сошелъ ли я съ ума, не правда ли?—Нѣтъ, я не сумасшедшій... Хотѣлъ бы быть имъ... Теперь я понялъ то, чего прежде не умѣлъ понять, но уже поздно—слишкомъ поздно. Синьора, позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку...

И, прежде чѣмъ Морелла успѣла опомниться отъ изумленія, онъ схватилъ ея руки и покрылъ ихъ поцѣлуями, такими жаркими, что и сквозь перчатки они жгли ей кожу. И, упавъ на одно колѣно, зарыдалъ...

— Я не понимаю, — растерянно пролепетала Морелла, слегка отодвигаясь.—Я не знаю, что съ вами... Вы говорите о какомъ-то преступленіи, не хотите ничего брать отъ меня... А мнѣ отъ души жаль вашего мальчика, и я пришла сюда, чтобы помочь ему, чтобъ избавить его отъ страданій... За что же вы отталкиваете меня?

— Моему мальчику? Да, да, я поручаю его вамъ,—повторилъ Маріано со слезами въ голосѣ.—Возьмите его подъ свое покровительство... Но денегъ я взять не могу... Синьора, я палъ очень низко—я уже говорилъ вамъ—да вы и сами видите... Но еще ниже я не хочу пасть... Я могу расплатиться и расплачусь...

Морелла снова забилась въ уголокъ дивана и смотрѣла на него пытливо и внимательно. Его странныя слова заронили въ ея душу страшное подозрѣніе и, чѣмъ усерднѣе она гнала его отъ себя, тѣмъ крѣпче оно укоренялось. Маріано говоритъ, что не можетъ взять отъ нея денегъ, потому что онъ совершилъ преступленіе... Какое же?..

— Какъ же такъ?—снова начала она.—Синьоръ Фальконаро сказалъ мнѣ, что вы нуждаетесь въ помощи, а теперь вы говорите, что вы можете расплатиться...

— Эдоардо?—воскликнулъ Маріано, раскрывъ глаза отъ изумленія.—Такъ и Эдоардо заботится обо мнѣ?

— Онъ мнѣ далъ вашъ адресъ. Отъ кого же другого я могла бы узнать его?

Это добило Маріано. — И Эдоардо тоже! Эдоардо и Морелла, обѣ его жертвы, заботятся о немъ, посылаютъ ему деньги, помогаютъ его мальчику...

Маріано такъ взволновался при имени Эдоардо, что это еще усилило подозрѣнія Мореллы, но раздумывать надъ этимъ было некогда, такъ какъ Фаусто проснулся и заплакалъ. Молодая женщина нагнулась надъ кроватью, взяла ребенка на руки и начала ласкать его; Маріано смотрѣлъ на нихъ обоихъ блуждающимъ взглядомъ человѣка, утратившаго всякое чувство реальности.

— Надо его покормить,—сказала Морелла.—Возьмите хоть это, вѣдь это же пустякъ—и пошлите купить ему немного молока и хлѣба. И кофе пусть купятъ... Ужъ эти деньги вы должны взять.

Маріано повиновался: взялъ золотую монету, которую она ему протягивала, и кинулся въ другую комнату.

— Ливія! Бѣги скорѣй—вотъ деньги,—купи немного кофе, молока и хлѣба...

— Это что еще за новости?—накинулась на него Ливія.— Долго она еще будетъ сидѣть у насъ, эта подлянка? Вы тутъ будете разыгрывать нѣжныя сцены, а я убирайся вонъ...

Маріано кинулся на нее съ перекошеннымъ лицомъ и поднятыми кулаками:

— Если ты еще скажешь одно слово, только ротъ раскроешь, я тебя вышвырну въ окно. Сказано тебѣ: иди купи— такъ и иди, а не то... И чтобъ живо у меня: одна нога здѣсь, другая тамъ!..

Видя, что это не пустая угроза, Ливія вся съежилась и выскочила на лѣстницу.

Маленькій Фаусто на рукахъ у красивой синьоры, которая ласково говорила съ нимъ и гладила его по головѣ, мгновенно успокоился.

— Сейчасъ мальчику кашки дадутъ,—говорила Морелла:— Много-много кашки—вкусной-вкусной...

И ребенокъ улыбался, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни, при мысли о ѣдѣ, которой онъ такъ часто ждалъ напрасно.

Маріано вернулся съ подносомъ, на которомъ было кофе и молоко, хлѣбъ и сухарики, и засталъ Моррелу и Фаусто уже друзьями.

Передавъ подносъ Морелле, онъ отошелъ въ уголокъ. Морелла накрошила булки въ молоко, подбавила немного кофе и терпѣливо, съ ложечки принялась кормить ребенка, который стоялъ у нея на колѣняхъ, цѣпляясь ручонками за ея шубку. Ребенокъ ѣлъ съ жадностью, заглядывая въ чашку, много ли тамъ еще осталось вкусной кашки, и лихорадочно блестѣвшіе глазки его свѣтились радостью.

— Ну, вотъ и покушали,—сказала Морелла, когда Фаусто съѣлъ все до дна.

И повернулась къ Маріано, указывая на сдачу, лежавшую на подносѣ:

— А теперь пошлите купить дровъ. Надо протопить эту печку. Ребенка нужно держать въ теплѣ.

Маріано продолжалъ стоять передъ ней, понуривъ голову.

— Я не знаю, какъ же мнѣ быть, если вы не хотите взять отъ меня денегъ? Вы поручили мнѣ своего мальчика—я не забуду о немъ...

— Вы теперь домой поѣдете?—неожиданно спросилъ Маріано.

— Да, конечно... Вамъ это кажется страннымъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Простите за нескромный вопросъ... Такъ вы не забудете моего Фаусто?

— Я обѣщаю вамъ это, — серьезно и вѣско сказала Морелла.

И испуганно отшатнулась, увидя, что Маріано порывисто нагнулся и цѣлуетъ подолъ ея платья.

— Что вы дѣлаете? Что за безуміе!..—взволнованно воскликнула она. И, отойдя на шагъ, протянула ему руку, съ улыбкой говоря:

— Ну, до свиданія.

— Прощайте, синьора,—отвѣтилъ Маріано, не взявъ протянутой ему руки.

Морелла поцѣловала Фаусто и вышла.

XI.

Маріано Фриджеріо было страшно за нее.

Маріано Фриджеріо, привыкшій уже терпѣть лишенія, страдать отъ голода и холода, ночи безъ сна лежать съ открытыми глазами, обдумывая самые невѣроятные планы, какъ разбогатѣть.—человѣкъ, когда-то упорно конкуррировавшій съ Лоренцо

Моро, силясь заставить его обанкротиться, и обанкротившійся самъ, а потомъ проигравшій въ карты полученное наслѣдство— игрокъ, гуляка, циникъ, мотъ и развратникъ, Маріано Фриджеріо теперь боялся за нее, не находилъ себѣ мѣста отъ страха.

Морелла Моро ѣдетъ теперь домой, довольная, что сдѣлала доброе дѣло, и жаждетъ поскорѣй обнять своего прелестнаго маленькаго Аквилейо. Навѣрно, думаетъ теперь съ удовольствіемъ о своемъ уютномъ тепломъ домѣ, о своемъ мальчикѣ, обо всей своей налаженной, уютной, чистой жизни, отъ которой она оторвалась на время, чтобы накормить другого обездоленнаго мальчика. Да, она съ улыбкой переступила этотъ порогъ, своими руками приготовила кашку его Фаусто, своими губами цѣловала его и, сидя въ этой неряшливой, убогой, грязной комнатѣ, ничѣмъ не выказала отвращенія, которое, навѣрное, испытывала.

Комната была еще полна запахомъ ея духовъ и ея лучезарнымъ присутствіемъ.

А тотъ, къ кому она пришла со словомъ утѣшенія и утолила голодъ его ребенка, не дальше, какъ сегодня утромъ, донесъ на нее мужу, обвиняя ее въ невѣрности, и указалъ на ея сына, какъ на живое доказательство ея вины — для того, чтобъ мужъ разсвирѣпѣлъ и выгналъ ихъ обоихъ изъ дому.

Морелла Моро возвращается теперь домой, съ спокойнымъ сердцемъ и доброй улыбкой на устахъ. А дома—что ждетъ ее дома? Отчаяніе и позоръ, принесенныя ей тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго она облагодѣтельствовала. Она своими руками накормила его сына,—а онъ нанесъ ей ударъ въ самое сердце, погубивъ ея Аквилейо!..

Маріано Фриджеріо, полулежа на плетеномъ диванчикѣ съ продавленнымъ сидѣньемъ, горестно раздумывалъ.

Ему жутко было тѣхъ послѣдствій, которыя неизбѣжно долженъ былъ повлечь за собой его доносъ. Незамѣтно отъ усталости и голоду онъ задремалъ и проснулся, услыхавъ шаги Ливіи, которая вертѣлась около него, допытываясь, сколько денегъ онъ выудилъ у нарядной синьоры.

Маріано вскочилъ на ноги и стиснулъ ея руку.

— Слушай внимательно. И помни: — если ты перебьешь меня, я разможжу голову тебѣ.

Ливія искоса поглядѣла на него. Въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ онъ способенъ разможжить ей голову объ стѣну. Глаза у него были мутные, лобъ весь въ морщинахъ, ротъ перекошенъ злобной гримасой, отъ которой у нея мурашки бѣгали по кожѣ.

Она изучила своего сожителя. Въ такія минуты ему лучше не перечить.

— Слушай внимательно. Синьора оставила немного денегъ. На эти деньги ты купишь дровъ и протопишь здѣсь печку. Потомъ займись Фаусто: вымой его и вычеши ему головку; и, если онъ еще попроситъ кушать, накорми его. Теперь онъ подъ покровительствомъ людей посильнѣе насъ съ тобой. Горе тебѣ, если ты будешь плохо смотрѣть за нимъ... За Фаусто я теперь спокоенъ—это для меня самое главное. Говорятъ, что если онъ будетъ хорошо ѣсть и спать, онъ скоро поздоровѣетъ; помни же—если черезъ двѣ недѣли онъ не будетъ у тебя здоровенькій и веселый, я тебя сброшу съ лѣстницы, какъ узелъ съ грязнымъ бѣльемъ. А, если тебѣ это не нравится, ступай на улицу, откуда пришла...

И онъ такъ тряхнулъ ее за руку, что она чуть не упала. Ни слова не отвѣтивъ, женщина молча, на цыпочкахъ, покорно отошла и занялась ребенкомъ.

Маріано снова улегся на своемъ диванчикѣ и до самаго вечера больше не промолвилъ слова и не дотронулся до ѣды, которую Ливія поставила передъ нимъ въ глубокой тарелкѣ.

Онъ думалъ о томъ, что теперь творится въ домѣ у Морелды Моро, и не могъ отогнать отъ себя образа молодой женщины, ясно улыбавшейся, не вѣдая, какая опасность ей грозитъ, и терпѣливо, съ ложечки кормившей Фаусто.

Новая мысль терзала Маріано.

Теперь, когда его злое дѣло разоблачено, онъ станетъ поперекъ дороги своему собственному сыну. Правда, Морелла обѣщала помочь Фаусто — но какъ же она станетъ помогать, зная, что его отецъ предалъ ее и ея сына, малютку Аквилейо, тоже ни въ чемъ не повиннаго. Вѣдь она — женщина и мать. Сможетъ ли она простить такое зло, причиненное ея ребенку, и оказывать благодѣянія сыну того, кто такъ подло оскорбилъ ее?

Поистинѣ, безумно требовать этого отъ нея.

И все, изъ чего складывалась его теперешняя жизнь: — нищета, убожество, грязь, крушеніе всякихъ надеждъ когда-нибудь подняться,—эта женщина, которая сейчасъ стоитъ возлѣ него, напуганная и безмолвная, но завтра же пойдетъ и вновь напьется—все это сразу встало передъ его глазами, противное до тошноты, и камнемъ придавило ему сердце.

Какая кому отъ него польза? Онъ — только помѣха другимъ и себѣ.

Даже, если допустить нелѣпое предположеніе, что Эдоардо

и Морелла простятъ ему, — не можетъ же онъ жить на ихъ счетъ, сѣсть имъ на шею, вмѣстѣ съ сыномъ и любовницей. А кто же дастъ ему работу?.. Да и что онъ можетъ дѣлать?... вѣдь, онъ не знаетъ никакого ремесла. На черную работу у него не хватитъ силъ... Было у него двадцать-пять тысячъ лиръ — онъ прокутилъ ихъ, пропилъ... Двадцать-пять тысячъ лиръ!.. Эта сумма теперь казалась ему сказочнымъ, неизсякаемымъ богатствомъ, и онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на свои пальцы, сквозь которые уплыло столько денегъ...

Нѣтъ, надо ему устраниться — пока онъ живъ, Фаусто не станетъ лучше.

Онъ вскочилъ съ дивана и подошелъ къ кровати, на которой снова уснулъ Фаусто, на тѣхъ же вонючихъ тряпкахъ, прижавшись головенкой къ грязной наволочкѣ...

Маріано съ жадностью кинулся цѣловать своего сына — накормленный, онъ спалъ теперь спокойно.

Потомъ повернулся къ Ливіи, которая, не смѣя лечь, свернулась въ углу кровати.

— Ты поняла?—Запомнила, что я тебѣ сказалъ? Если хочешь быть жива, смотри за нимъ, хорошенько смотри—не забрасывай его. Заруби себѣ на носу эти мои слова... Ты потомъ припомнишь ихъ и поймешь лучше, чѣмъ сейчасъ...

Онъ зажегъ свѣчку и поднесъ ее къ самому лицу женщины.

— Несчастная и ты. Надо было мнѣ предоставить тебя твоей участи—все-таки это было веселѣе нашей жизни...

И, не глядя больше на изумленную Ливію, воззрившуюся на него, онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату и заперся тамъ, дважды повернувъ ключъ въ замкѣ.

Ливія похолодѣла. Въ воздухѣ чувствовалось что-то необычное, роковое, близость какой-то катастрофы; это тяготило ее, и она не знала, куда дѣться отъ тревоги.

Осторожно, на цыпочкахъ, она подошла къ двери, прислушалась и услыхала, что Маріано шагаетъ взадъ и впередъ по комнатѣ—значитъ, взволнованъ.

— Маріано,—тихонько окликнула она.—Зачѣмъ ты заперся?

Маріано, не отвѣчая, продолжалъ шагать изъ угла въ уголъ.

Подождавъ немного, Ливія снова зашептала:

— Ты ничего не ѣлъ сегодня. Скушай что-нибудь и ложись спать. Тамъ холодно...

Снова молчаніе. Онъ не слыхалъ, или не слушалъ.

Ливія возвысила голосъ:

— Ради Бога, Маріано! умоляю тебя, откликнись—отвори... Мнѣ страшно.

Маріано подошелъ къ двери и, не отпирая, отвѣтилъ:

— Погоди... Я обѣщалъ заплатить и заплачу. Не торопи меня.

Женщина отошла отъ двери, дивясь про себя, что бы могли означать эти странныя слова.

Слышно было, какъ онъ отворилъ ящикъ стола; потомъ шаги его приблизились къ двери.

— Береги Фаусто.

Ливія хотѣла опять подойти къ двери, успокоить его,—и вдругъ испуганно отскочила назадъ. Въ двухъ шагахъ отъ нея, за дверью, раздался оглушительно громкій выстрѣлъ—и тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ звукъ паденія тяжелаго тѣла.

— Маріано!—закричала женщина, наваливаясь всѣмъ тѣломъ на дверь и дергая ее со всею силой, какую придавало ей отчаяніе.—Маріано! что ты сдѣлалъ...

Маріано Фриджеріо уже не могъ отвѣтить.

XII.

Обморокъ Лоренцо Моро, котораго словно обухомъ по головѣ хватилъ ядовитымъ словомъ Маріано Фриджеріо, длился не долго. Рабочіе подняли его, посадили на стулъ, спрыснули ему водой лицо и, только-было Паолино Торнаги хотѣлъ бѣжать за докторомъ, какъ хозяинъ открылъ глаза и пришелъ въ себя.

Съ удовольствіемъ, словно вернувшись изъ опаснаго путешествія, онъ оглядѣлъ своихъ рабочихъ, корридоръ съ полками, установленными лоснящимися кругами сыровъ, встревоженныхъ приказчиковъ. Замѣтилъ, что Маріано Фриджеріо исчезъ—и не спросилъ о немъ.

— Какъ вы себя чувствуете?—спрашивали его.—Получше вамъ теперь?

Кто-то сказалъ:

— Ступайте-ка домой, синьоръ Лоренцо. Вы слишкомъ заработались—вамъ нужно отдохнуть.

— Пусть кто-нибудь пойдетъ съ нимъ,—предложилъ другой.—Ему надо дать хорошенько выспаться—сонъ прибавляетъ силъ.

Другой заспорилъ:

— Нѣтъ; съ этимъ надо погодить. Его синьора испугается, если увидитъ, что мужъ ея не самъ пришелъ, а его привели.

— Это вѣрно. Погодимъ. Пожалуй, лучше было бы, все-таки, позвать врача.

— Принесите ему кофе—горячаго—это тоже бодритъ...

Всѣ толпились около него, заглядывали ему въ глаза; всѣ эти люди боялись за него и за себя, понимая, что исчезновеніе Лоренцо Моро привело бы къ закрытію складовъ, къ роспуску рабочихъ и поискамъ новаго мѣста; и невольно вспомнилась жестокая рабочая конкурренція въ городѣ и то, что сезонъ сейчасъ самый неблагопріятный...

Лоренцо Моро выслушалъ всѣхъ по очереди и вдругъ, неожиданно отстранивъ ихъ жестомъ, поднялся на ноги.

— Что за вздоръ вы тутъ болтаете? Какой докторъ? Зачѣмъ? Для кого?—сердито воскликнулъ онъ.—Вы думаете—я уже умеръ? Просто животъ простудилъ немного. Ну, гдѣ же фрейбургскіе сыры?.. За дѣло, ребята! Не теряйте времени. Если вы тутъ будете причитать надо мною, мы сегодня не поспѣемъ съ отправкой...

Рабочіе моментально изчезли, разсыпавшись по магазинамъ; приказчики вернулись на свои мѣста. Физическая сила и выносливость Лоренцо всегда восхищали ихъ; ослушаться его было немыслимо; это былъ кремень-человѣкъ, суровый, упрямый и бѣшеный въ гнѣвѣ; не было случая, чтобы онъ пошутилъ, посмѣялся вмѣстѣ съ своими служащими; но, если онъ и не жалѣлъ людей, онъ и не жалѣлъ и самого себя на работѣ, и это пріобрѣтало ему симпатіи, которыя онъ отталкивалъ своей жестокостью. Онъ былъ скупъ на слова, и первый изъ миланскихъ купцовъ повѣсилъ у себя въ конторѣ плакатикъ съ надписью: «Просятъ не засиживаться»—и нерѣдко принималъ посѣтителей стоя, чтобъ они не оставили безъ вниманія это предупрежденіе.

И теперь онъ принялся за работу. Но грузчики, замѣчая его необычайную разсѣянность, спрашивали себя, не «отшибло ли у него памороки» во время недавняго обморока, и поглядывали на него съ плохо скрытой тревогой.

И, дѣйствительно, скоро онъ почувствовалъ, что работать не въ силахъ, и, позвавъ старшаго приказчика, поручилъ ему слѣдить за рабочими, а самъ заперся въ комнатѣ, гдѣ онъ принималъ обыкновенно представителей другихъ торговыхъ фирмъ.

Работа шла своимъ чередомъ и не медленнѣй обыкновеннаго; но всѣ почему-то вдругъ загрустили, присмирѣли; проходя

мимо запертой двери, за которой сидѣлъ хозяинъ, рабочіе молча взглядывали на нее и спѣшили пройти мимо.

Лоренцо Моро приводилъ въ порядокъ свои мысли. Скоро надо будетъ итти домой — къ этому времени онъ долженъ все рѣшить. Въ первый моментъ бѣшенство ослѣпило его, залило кровью глаза... Ахъ, такъ вотъ что! Его жена измѣнила ему... Его ребенокъ — сынъ Эдоардо Фальконаро, и этотъ подкидышъ живетъ въ его домѣ, ѣстъ и пьетъ на его счетъ, носитъ его имя и унаслѣдуетъ всѣ его деньги, нажитыя съ такимъ трудомъ. Такъ нѣтъ же! Онъ задушитъ и мальчишку, и жену, а предателя-друга застрѣлитъ изъ револьвера... Или, можетъ быть, лучше выгнать изъ дому невѣрную жену, вмѣстѣ съ мальчишкой?—пусть возвращается къ своему идіоту—папашѣ, который воображаетъ, что его Морелла—образецъ всѣхъ добродѣтелей и лучше даже Изидоры... Посмотримъ, захочетъ ли онъ содержать ихъ...

Но инстинктъ дѣлового человѣка тираннически властвовалъ надъ нимъ. И этотъ голосъ говорилъ ему, что въ обоихъ случаяхъ—убьетъ ли онъ, или выгонитъ изъ дому жену, весь городъ будетъ издѣваться надъ нимъ за его спиной. Притомъ же, если онъ убьетъ, его сошлютъ на каторгу, и всѣ его враги только порадуются, что избавились отъ конкуррента... У него въ ушахъ уже звенѣло злорадное шипѣнье: «Чудесно! Спасибо женушкѣ — подбавила намъ воды на нашу мельницу. Теперь понятно, почему Фальконаро помогалъ ему—одному ему гдѣ бы справиться...—То-то онъ въ послѣднее время такъ зазнался, что фу, ты, ну, ты, въ дверь не пролѣзть.—Еще бы пролѣзть, когда на головѣ такое украшеніе!.. — Этого слѣдовало ожидать: мальчуганъ слишкомъ красивъ—гдѣ ему, медвѣдю, было сдѣлать такого красавчика... А онъ-то—болванъ! кичился сыномъ, не видя того, что его Аквилейо—вылитый портретъ Эдоардо. Ну, и молодчага же Маріано Фриджеріо!.. Вмѣсто побѣжденнаго оказался побѣдителемъ; пять лѣтъ ждалъ, но дождался-таки — всѣхъ сразу уконтентовалъ: и его, и супругу, и мальчишку, и любовника—всѣхъ сразу вышвырнулъ за бортъ, словно кучу навозу...

Ну, нѣтъ, дудки! Не на того напали. Изъ-за невѣрной жены и друга-предателя онъ не желаетъ стать общимъ посмѣшищемъ. Это его счастье, что онъ хлопнулся безъ чувствъ отъ такого открытія—не то онъ кинулся бы на Маріано Фриджеріо и тутъ же прикончилъ бы его... Случайный обморокъ спасъ его отъ величайшей глупости—такъ неужели же теперь, успокоившись, въ здравомъ умѣ, онъ продѣлаетъ еще худшую?—объявитъ всѣмъ, что другъ и жена его обманываютъ.

Ну, нѣтъ!

«Нѣтъ» онъ выговорилъ громко. Но тотчасъ же задалъ себѣ вопросъ: «Такъ что же дѣлать?»

Взялъ стулъ, придвинулъ его къ столу, сѣлъ, облокотился на столъ локтями, положилъ голову на руки и задумался.

Слышалъ, какъ ходили мимо рабочіе, слышалъ далекіе голоса приказчиковъ, выкрикивавшихъ номера; потомъ, постепенно, все затихло. Лоренцо взглянулъ на часы—пора было итти домой.

Въ умѣ его уже сложилось рѣшеніе, и теперь ему стало легче. Холодный воздухъ подбодрилъ его; онъ потеръ руки, говоря себѣ, что изъ всѣхъ бойцовъ онъ, все-таки, окажется наиболѣе сильнымъ.

Въ передней его встрѣтилъ Фарфуи, очень взвинченный; онъ не зналъ, гдѣ мама; губы его дрожали — у мальчика это было признакомъ сильнаго волненія. Онъ ждалъ, что папа возьметъ его на руки и поцѣлуетъ, и обычнымъ жестомъ поднялъ руки въ ожиданіи, но такъ и остался стоять съ поднятыми руками—Лоренцо прошелъ мимо, словно не замѣтивъ его.

— Синьора еще не вернулась,—доложила бонна.

Лоренцо не отвѣтилъ; прошелъ въ свою комнату и опустился въ кресло.

Сомнѣваться въ томъ, что Маріано сказалъ правду, было невозможно. Морелла всегда была холодна съ мужемъ и избѣгала его ласкъ, но былъ такой день—Лоренцо хорошо запомнилъ его, такъ какъ это былъ изъ ряда выходящій случай, — когда она не только отдалась ему, но сама искала его ласкъ, сама вызывала ихъ... а потомъ снова стала холодна и неприступна... очевидно найдя, что достаточно и этого, чтобъ оправдать беременность. Но развѣ только это?.. Лоренцо припоминалось множество мелкихъ деталей, и онъ дивился, какъ онъ раньше самъ не обращалъ на нихъ вниманія:—напримѣръ, странное сходство Фарфуи съ Эдоардо и, еще того больше, страстная привязанность Эдоардо къ мальчику; вѣдь когда Фарфуи былъ боленъ, онъ не отходилъ отъ него, да и вообще, интересуется каждой мелочью его жизни и возится съ нимъ по цѣлымъ днямъ... А какъ онъ радуется, когда мальчика отпускаютъ съ нимъ кататься, или иной разъ въ кинематографъ!.. Какъ заботится о его воспитаніи... Все это неопровержимыя доказательства. Маріано правъ былъ, называя его дуракомъ.

— Энцо! Энцо! Гдѣ ты?

Это зоветъ его Морелла. Онъ всталъ и пошелъ въ столовую, гдѣ уже сидѣли за столомъ его жена и Аквилейо.

— Я опоздала, правда?—говорила молодая женщина.—Извини, пожалуйста. Я поѣхала по одному благотворительному дѣлу и время пролетѣло незамѣтно.

Лоренцо исподлобья взглянулъ на нее.—По благотворительному дѣлу? Въ обѣденное время?

— Мнѣ не хочется разсказывать тебѣ объ этомъ,—съ улыбкой созналась Морелла.

— Я тебя ни о чемъ и не спрашиваю,—былъ отвѣтъ.

За столомъ прислуживала Пьерина, ловко и безшумно, слѣдя за Фарфуи, которому она разрѣзывала хлѣбъ и мясо. Послѣ долгой паузы Морелла сказала:

— Фарфуи сегодня немного опечаленъ—папочка даже не поздоровался съ нимъ.

Лоренцо вдругъ вспыхнулъ, какъ самъ не ожидалъ отъ себя:

— Пора, наконецъ, бросить эти глупости. Фарфуи! Фарфуи! Фарфуи! что это за имя? Окрестили его Джузеппе, такъ пусть всѣ и зовутъ его Джузеппе. Я такъ хочу и баста. И съ завтрашняго дня онъ будетъ ѣсть на кухнѣ...

Морелла съ изумленіемъ взглянула на него; горничная до того удивилась, что, позабывъ о всякой дисциплинѣ, замерла съ блюдомъ въ рукѣ, не ставя его на столъ...

— Уходите,—сказала ей Морелла.—Придете, когда я позову васъ...

Пьерина поставила блюдо на столъ и исчезла.

— Что это значитъ?—спросила Морелла, какъ только она скрылась за дверью.—Тебѣ угодно шутить?...

— Не имѣю ни малѣйшаго желанія. Я сказалъ, что Джузеппе долженъ зваться Джузеппе, и что съ завтрашняго дня онъ будетъ ѣсть на кухнѣ.

— Но, милый Энцо, такихъ приказаній не отдаютъ безъ объясненія причинъ, и дѣтей не воспитываютъ на кухнѣ,—холодно замѣтила Морелла.—Я вовсе не желаю, чтобъ мой сынъ жилъ съ прислугой...

— Ахъ, ты хочешь, чтобъ я объяснилъ...

Лоренцо запнулся и прикусилъ губы—онъ чуть-было не сдѣлалъ глупости...

— Никакихъ объясненій не будетъ,—поспѣшилъ онъ поправить промахъ.—Я отдаю приказанія, потому что въ правѣ отдавать ихъ, а другіе должны повиноваться.

— Ты ошибаешься. *Такъ* ты можешь разговаривать только съ своими приказчиками. Я повинуюсь только разумнымъ приказаніямъ. А, когда они неразумны и когда дѣло идетъ о нашемъ сынѣ, я отказыв овиноваться.

При словѣ «нашъ» рука Лоренцо сама собой потянулась къ ножу, но онъ совладалъ съ собой и спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Именно потому, что дѣло идетъ о *нашемъ* сынѣ, я имѣю право приказывать.

— Ты, значитъ, хочешь, чтобъ и я обѣдала на кухнѣ?—

— Ты? Я говорю о Джузеппе, а не о тебѣ...

— Если онъ пойдетъ на кухню, и я пойду съ нимъ— одного я его не оставлю тамъ,—объявила молодая женщина.

Фарфуи, прислушивавшійся къ разговору, широко раскрылъ глаза, недоумѣнно вздернулъ верхнюю губку и, повернувшись къ отцу, спросилъ:

— Папа, что я тебѣ сдѣлалъ? Я былъ хорошій, не шалилъ. Мамочка, правда, я сегодня былъ хорошій?

— Съ тобой не говорятъ, болванъ!—вскинулся на него Лоренцо.

Морелла встала, взяла на руки Фарфуи и, не говоря ни слова, пошла къ двери.

— Ты куда?

Она не отвѣтила, не обернулась; ушла въ свою спальню, позвала горничную, велѣла ей подать сюда оставшіяся кушанья: затѣмъ отослала горничную прислуживать барину.

Фарфуи сидѣлъ серьезный и задумчивый на своей скамеечкѣ, зеленой съ красными цвѣтами; мать поставила передъ нимъ стулъ, постелила салфеточку и положила ему на тарелку сладкаго.

— Мы наказаны, мамочка?—спрашивалъ онъ.

— Да, родной мой, наказаны.

— А мнѣ нравится. Мнѣ очень нравится обѣдать здѣсь. Что же ты не ѣшь, мамуся?

— Не хочется, мой мальчикъ.

Фарфуи кушалъ съ аппетитомъ: очевидно, гнѣвъ отца не слишкомъ огорчилъ его; вначалѣ онъ испугался, потому что мама не возражала, но быть наказаннымъ вмѣстѣ съ мамой ему даже нравилось. Онъ поминутно протягивалъ ручонку, чтобы погладить лицо матери, и просилъ, чтобъ она подержала ему стаканъ, пока онъ пьетъ, чтобы она не отходила отъ него.

— А Драдо не наказанъ?—неожиданно спросилъ онъ.

«Драдо» былъ Эдоардо Фальконаро. Почему ребенокъ вспомнилъ о немъ? Почему ему пришло въ голову, что и его большой другъ тоже можетъ быть наказанъ вмѣстѣ съ нимъ?

— Нѣтъ, онъ не наказанъ. Его никто не можетъ наказать.

— Потому что онъ большой—да? Когда я буду большой, меня тоже никто не посмѣетъ наказать.

Морелла думала. Подозрѣніе, мелькнувшее у ней подъ вліяніемъ странныхъ рѣчей Маріано Фриджеріо, снова воскресло, когда сынъ ея упомянулъ объ Эдоардо Фальконаро. Неужели Маріано донесъ на нихъ Лоренцо? Но какъ же могъ Лоренцо повѣрить человѣку съ улицы, у котораго не могло быть въ рукахъ никакихъ доказательствъ?

— Я бы хотѣлъ, чтобы и Драдо былъ наказанъ,—неожиданно заявилъ Фарфуи.

— Зачѣмъ же это? Развѣ ты не любишь Драдо?

— Люблю, но тогда и Драдо былъ бы здѣсь, и ты была бы веселѣй, если бъ Драдо былъ съ нами.

— Ахъ, мальчикъ мой, что ты такое говоришь!—вскричала молодая женщина, прижимая къ груди Фарфуи.

— Развѣ неправда? И я былъ бы доволенъ; онъ бы сидѣлъ вотъ тутъ, возлѣ меня. Почему ты, мамочка, не пошлешь за нимъ?

— Нельзя, голубчикъ. Дамѣ неудобно приглашать знакомыхъ къ себѣ въ спальню.

Фарфуи съ изумленіемъ взглянулъ на мать. Это незнакомое ему дотолѣ правило приличія показалось ему очень страннымъ; но, такъ какъ память у него чудесная, онъ тотъ часъ же нашелся:

— Отчего же, когда я былъ боленъ, Драдо входилъ къ тебѣ въ спальню?

— Ты съ ума сошелъ, Фарфуи!.. Кто тебѣ сказалъ это?..

— Я самъ видѣлъ...

— Тебѣ показалось...

— Нѣтъ. Драдо приходилъ ко мнѣ, а потомъ шелъ посмотрѣть на тебя, когда ты спала... Развѣ ты не помнишь, мамочка?.. Я помню...

— Кушай, дѣточка, кушай же пирожное... вотъ такъ, по кусочкамъ... Вѣдь и тетя Дора приходила...

— Да, и тетя Дора приходила и принесла мнѣ паяца. Ты помнишь, мамочка? И потомъ уходила... А Драдо не уходилъ совсѣмъ; онъ все время былъ здѣсь, много дней подрядъ, и когда свѣтло было, и когда темно...

Морелла слушала и трепетала. Какъ онъ отчетливо все помнитъ—съ какими подробностями! Дѣти все видятъ, и все запечатлѣвается у нихъ въ памяти съ необычайной ясностью...

Почему же онъ ни разу не сказалъ объ этомъ, словно чуялъ, что это опасно, и заговорилъ только съ матерью...

— И папа тоже приходилъ къ тебѣ.

— Нѣтъ.

— Какъ же нѣтъ. Я его видѣла.

Фарфуи разсмѣялся.

— И вовсе ты его не видѣла. И ты неправду говоришь. Папа не приходилъ ко мнѣ, потому что онъ гадкій.

— Тише, тише, ради Бога. Онъ приходилъ къ тебѣ, когда ты спалъ.

— Почему же тогда онъ не принесъ мнѣ паяца? И не смотрѣлъ на тебя, когда ты спишь, какъ смотрѣлъ Драдо.

Обѣдъ былъ конченъ, и Морелла предложила Фарфуи поиграть въ солдатики; но у мальчика было другое въ головѣ, и онъ не взялъ ящика съ солдатиками, который подавала ему мать.

— Ну хочешь, давай играть въ жмурки?—сказала Морелла.

— Не хочу. Такъ, значитъ, завтра мы обѣдаемъ въ кухнѣ?

— Не знаю, милый. Мы сдѣлаемъ такъ, какъ скажетъ папа.

— Мнѣ не нравится на кухнѣ. Я хочу и завтра кушать здѣсь.

Внизу раздался звонокъ.

— Это Драдо! Это Драдо,—воскликнулъ мальчикъ, вскакивая на ноги.

Это, дѣйствительно, могъ быть Эдоардо, который почти ежедневно приходилъ послѣ обѣда пофехтовать съ Лоренцо. Фарфуи обыкновенно присутствовалъ при этихъ поединкахъ, и его это очень забавляло. Звонъ рапиръ, возгласы и прыжки противниковъ приводили его въ восторгъ. Оба друга въ маскахъ казались ему чѣмъ-то въ родѣ огромныхъ насѣкомыхъ, подравшихся между собою: Лоренцо—муравьемъ, Эдоардо—стрекозой, и Фарфуи хлопалъ въ ладоши, когда стрекоза тѣснила муравья, къ которому онъ не чувствовалъ большой симпатіи.

Лоренцо и въ игрѣ обнаруживалъ такую же запальчивость, какъ въ жизни. Онъ почти не парировалъ ударовъ и нападалъ съ быстротой, почти невѣроятной при его грузномъ сложеніи, при чемъ не обращалъ вниманія на то, что открываетъ себя для ударовъ противника. Эдоардо, выше его ростомъ, гибче и разсчетливѣе, старался держать его на почтительной дистанціи, порой какъ-будто подставляясь, но ускользая во́-время, притворяясь

лѣнивымъ и медлительнымъ. И, въ концѣ концовъ, Лоренцо каждый разъ попадался на эту удочку и, не разсчитавъ разбѣга, неоднократно самъ натыкался на рапиру противника.

— Куда ты?—спросила Морелла, видя, что Фарфуи направляется къ двери.

— Я позову Драдо.

— Да нѣтъ же. Нельзя. Вѣдь мы наказаны. Драдо нельзя придти сюда.

Фарфуи, огорченный, остановился на порогѣ.

— Какъ же Драдо будетъ безъ Фарфуи и безъ мамочки?

— Не знаю, какъ онъ будетъ,—улыбнулась Морелла.

Она не ожидала визита Фальконаро, который уже заѣзжалъ къ ней утромъ, поговорить о Маріано Фриджеріо. Изъ осторожности, онъ никогда по два раза въ день не бывалъ у Моро, и Морелла дивилась, чѣмъ объяснить его приходъ, когда явилась горничная и доложила, что синьоръ Лоренцо и синьоръ Фальконаро просятъ барыню въ гостиную, чтобы сообщить ей важную новость.

XIII.

Залитая электрическимъ свѣтомъ гостиная сверкала позолотой. Свѣтъ, смягченный тяжелыми бархатными портьерами, легкими бликами ложился на большія вазы, темныя съ пестрыми прожилками, поставленныя тамъ и сямъ, безъ всякой симметріи, на толстыхъ мраморныхъ колоннахъ, розовато-алыхъ, казавшихся кровавыми; ласкалъ карнизы изъ рѣзного дуба, игралъ на позолотѣ мебели и подчеркивалъ рельефы кружева и вышивокъ, украшавшихъ кресла и диваны.

Центральная стѣна совершенно исчезала подъ роскошнымъ гобеленомъ, подареннымъ дочери Тито Барди, и вся комната казалась веселѣе отъ этой вышитой картины, въ ярчайшихъ краскахъ изображавшей похищеніе Европы.

Засунувъ руки въ карманы и опустивъ голову, Эдоардо Фальконаро безпокойно шагалъ по комнатѣ. Лоренцо Моро сидѣлъ въ креслѣ и посмѣивался.

— Я страшно огорченъ. У меня прямо совѣсть болитъ,—говорилъ Эдоардо.—Ты можешь говорить, что хочешь, но мнѣ стыдно вспомнить о своей дурацкой недовѣрчивости.

— Тише, тише!—говорилъ Лоренцо.—Гони прочь угрызенія: я разрѣшаю тебѣ это, какъ говорятъ священники: «отпускаю тебѣ грѣхъ твой»...

И онъ сдѣлалъ рукой благословляющій жестъ, вытянувъ впередъ два пальца: указательный и средній, а остальные пригнувъ къ ладони. Морелла, войдя, застала его въ этой позѣ; за ней вслѣдъ бѣжалъ Фарфуи, таща за собой свою скамеечку.

— Вотъ и отлично!—воскликнулъ Лоренцо, пока Эдоардо здоровался съ Мореллой.—Мы позвали тебя, чтобы сообщить тебѣ послѣднюю новость. Да будетъ тебѣ извѣстно, что Маріано Фриджеріо сегодня застрѣлился.

— Господи!—блѣднѣя, вскричала молодая женщина.

— Нѣтъ, вы посмотрите на нее!—иронически вскричалъ Лоренцо, видя, что жена его поблѣднѣла и опустилась въ кресло.—Однако, этотъ Маріано Фриджеріо, оказывается, былъ многими любимъ. Всѣ въ отчаяніи изъ-за того, что этотъ негодяй...

— Энцо! Энцо!—перебила его Морелла.—Не оскорбляй мертваго.

— Я тебѣ говорю, что онъ негодяй—и могу доказать это.

— Это былъ несчастный, котораго мы не сумѣли спасти,—возразила Морелла, обращаясь къ Эдоардо.—Я сегодня видѣла его: у меня и тогда было тяжелое предчувствіе, но я не могла себѣ представить, чтобы бѣдняга дошелъ до такой крайности.

— Ты видѣла его сегодня!?—изумленно поднялъ брови Лоренцо.

Морелла вкратцѣ разсказала о своемъ визитѣ къ Фриджеріо, описала убожество и нищету его жилища.

— Да нѣтъ, этого не разсказать словами. Я обѣщала ему не забывать его и его мальчика—вмѣсто отвѣта онъ убилъ себя. Значитъ, онъ не повѣрилъ мнѣ, усомнился во мнѣ.

Лоренцо Моро усмѣхался. Огорченіе его жены и Эдоардо казалось ему въ высокой степени забавнымъ: онъ еле сдерживался, чтобы въ грубѣйшей формѣ не повѣдать имъ о предательствѣ, учиненномъ по отношенію къ нимъ тѣмъ самымъ Маріано, котораго они оплакивали. Но, вмѣсто того, спокойно возражалъ:

— Онъ отлично сдѣлалъ, что убилъ себя. Работы онъ, все равно, никакой не нашелъ бы и, въ концѣ концовъ, очутился бы на каторгѣ—онъ предпочелъ смерть—это много практичнѣе. Я нахожу, что лучше и умнѣй онъ поступить не могъ. И это — единственный разумный поступокъ въ его жизни. Я только-что говорилъ Эдоардо, что нелѣпо терзаться угрызеніями совѣсти изъ-за того, что онъ не помогъ этой каналье.

— Энцо!—возмутилась Морелла.—Я еще разъ прошу тебя: не оскорбляй усопшаго. Этотъ несчастный виноватъ только въ

томъ, что расточилъ свое имущество, но нельзя же за это называть его мерзавцемъ. Онъ никому не причинилъ вреда, кромѣ себя.

Лоренцо Моро усмѣхнулся.

— Онъ никому не причинилъ вреда.—Онъ былъ ядовитъ, какъ скорпіонъ, и вредилъ всѣмъ, кто случайно подходилъ къ нему. Онъ былъ шпіонъ и доносчикъ, злодѣй, который наноситъ ударъ изъ-за угла, и низкій трусъ, который, ударивъ, тотчасъ же убѣгаетъ.

Это было сказано такъ выразительно и сильно, что Эдоардо и Морелла невольно переглянулись.

— *Тебѣ*-то что онъ сдѣлалъ?—спросила молодая женщина, пристально глядя на мужа.

— Мнѣ?—переспросилъ Лоренцо, перегибаясь впередъ, словно нацѣливаясь, чтобы метнуть дискъ.—*Мнѣ*?!.

Онъ прикусилъ губы, стиснулъ руками ручки кресла и договорилъ упавшимъ голосомъ:

— Мнѣ—ничего.

— И мнѣ ничего, — сказала Морелла. — А вамъ, Фальконаро?

— У меня о немъ сохранятся только хорошія воспоминанія.

— Такъ гдѣ же шпіонъ, гдѣ же предатель?

Лоренцо поднялся съ кресла и обошелъ гостиную, раздумывая; потомъ остановился передъ женой.

— Я знаю, что говорю, — выговорилъ онъ серьезно и вѣско.—И, если не привожу доказательствъ, это значитъ, что дѣло идетъ о такихъ вещахъ, о которыхъ не надо, нельзя говорить... Но позволь мнѣ выразить тебѣ мое недоумѣніе:— Эдоардо свой человѣкъ, и при немъ мнѣ нечего стѣсняться... Да, недоумѣніе. Ты была у Маріано Фриджеріо? У тебя хватило духу войти въ его берлогу, разговаривать съ нимъ, подать руку этой потаскухѣ, которую онъ держитъ у себя?..

— Дѣло шло о спасеніи его ребенка...

— А тѣ, кто видѣлъ, какъ ты вошла къ нему и вышла отъ него,—развѣ знали о его ребенкѣ?

Эдоардо Фальконаро слушалъ и съ трудомъ сдерживалъ улыбку.—Какъ это похоже на Лоренцо! Онъ огорченъ не тѣмъ, что жена его поступила неосмотрительно—онъ боится, какъ бы кто не осудилъ ее; его заботитъ только общественное мнѣніе; обдумывая какой-нибудь поступокъ, онъ сначала спрашиваетъ себя, что объ этомъ подумаютъ другіе, и затѣмъ уже рѣшаетъ,

какъ поступить. Въ тѣ времена, когда ему приходилось бороться съ ожесточенной конкурренціей своихъ враговъ, онъ боялся банкротства не столько потому, что оно разоритъ его, сколько изъ-за того впечатлѣнія, которое оно произведетъ на рынкѣ, и толковъ, которые оно вызоветъ.

— Кстати,—продолжалъ Лоренцо, — неужели ты забрала себѣ въ голову воспитывать еще и этого мальчишку? У насъ и такъ уже есть Польдо, который учится на нашъ счетъ. Такъ Польдо, по крайней мѣрѣ, сынъ порядочнаго человѣка, который всегда честно зарабатывалъ свой кусокъ хлѣба. А этотъ—сынъ уличной дѣвки и бездѣльника—я не желаю, чтобъ онъ путался у меня подъ ногами.

— Этого и не будетъ,—возразила Мореллa.—Можно помогать ребенку, и не держа его у себя дома.

— А я хочу! — неожиданно перебилъ Фарфуи. — Мнѣ нравится. Я хочу, чтобъ былъ новый мальчикъ. Я буду кормить его.

Эдоардо разсмѣялся и, посадивъ ребенка къ себѣ на колѣно, началъ подбрасывать его, приговаривая:—Гопъ-гопъ, лошадка!..

Теперь, когда Эдоардо и Фарфуи очутились другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу, сходство между ними поражало,—сходство не только въ колоритѣ, въ линіяхъ, въ глазахъ, но въ звукѣ голоса, въ движеніяхъ, которыхъ такой маленькій ребенокъ, какъ Фарфуи, не могъ сознательно перенять у взрослаго. У нихъ была одна и та же улыбка, одинъ и тотъ же жестъ, которымъ они оба отбивали тактъ пѣсенки, которую напѣвалъ Эдоардо... Только блѣдное золото волосъ было взято ребенкомъ у Мореллы.

Молодая женщина, испугавшись этого сопоставленія, сказала Эдоардо:

— Прошу васъ, спустите его на полъ.

Но еще раньше ея сходство это замѣтилъ Лоренцо, который соединилъ въ одно всѣ характерныя черточки ихъ троихъ и понялъ, что они составляютъ одну семью; онъ же между ними лишній, чужой, незваный гость, простакъ, который ставитъ свои бланки на чужихъ векселяхъ...

— И, слѣдовательно, Маріано былъ правъ,—заключилъ онъ вслухъ свои размышленія.

— Въ чемъ правъ?—съ изумленіемъ спросилъ Эдоардо.

— Въ томъ, что убилъ себя. Все равно, онъ былъ конченный человѣкъ.

Эдоардо нетерпѣливо отмахнулся отъ него.

— Извини меня, но я не въ состояніи понять, почему ты такъ злорадствуешь по поводу самоубійства этого бѣдняги. По-моему, мы всѣ немного виноваты въ этомъ,—кромѣ синьоры. Намъ, мужчинамъ, бывшимъ его пріятелямъ, надлежало найти ему занятіе и заставить его работать. Онъ былъ не старъ,—я думаю: не старше тебя, Энцо—если немного постараться, можно было бы поставить его на ноги. А вѣдь для него никто пальцъ о палецъ не ударилъ, да и онъ самъ ни у кого ничего не просилъ. Въ тотъ день, когда ему нечего стало ѣсть и нечего дать своему ребенку, онъ пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Будь онъ мерзавецъ, какъ ты говоришь, мало ли какихъ гадостей онъ могъ бы натворить, мало ли народу запутать, воспользовавшись своими знакомствами въ дѣловомъ мірѣ... Вѣдь, въ прежнее время у него было много друзей. И что же?—Изъ всѣхъ этихъ друзей только одна женщина, едва знакомая съ нимъ, пожалѣла его, давъ намъ всѣмъ урокъ милосердія и снисходительности... Я лично очень огорченъ и даже—что грѣха таить?—стыжусь, что во-время не созналъ своего долга и ничего не сдѣлалъ для человѣка, котораго, пока у него были деньги и онъ никому изъ насъ не докучалъ, я называлъ своимъ пріятелемъ...

Колючіе, маленькіе глазки Лоренцо насмѣшливо улыбались во все продолженіе этой длинной рѣчи.

— Хорошо сказано, — отвѣтилъ онъ: — очень хорошо! Именно *тебѣ* надлежитъ оплакивать этого покойника. Да будетъ тебѣ извѣстно, что онъ ненавидѣлъ тебя... Нѣтъ, нѣтъ, не пожимай плечами... Онъ ненавидѣлъ тебя. У него самого не хватало силы убить тебя, но онъ былъ очень не прочь, чтобы тебя укокошилъ кто-нибудь другой... А! ты хорошо дѣлаешь, что оплакиваешь бѣднаго Маріано, этого несравненнаго друга... Если бъ онъ могъ тебя слышать, какъ бы онъ дивился твоей простотѣ!

Эдоардо, наконецъ, это наскучило.

— Но послушай, вѣдь это же твоя фантазія. Откуда ты взялъ, что онъ ненавидѣлъ меня... хотѣлъ меня убить? Что за нелѣпость, Энцо!.. Когда же это онъ могъ хотѣть убить меня? Если ты знаешь что-нибудь, если у тебя есть факты, скажи прямо, но не позволяй управлять собою личной антипатіи, которая дѣлаетъ тебя жестокимъ...

— Факты? Разсказать?.. Когда онъ ненавидѣлъ тебя?. Когда хотѣлъ убить?.. — бормоталъ Лоренцо, глядя пристально на Эдоардо, который тоже пристально смотрѣлъ на него.

Наступило краткое молчаніе; Мореллѣ жутко было смотрѣть на этихъ двухъ людей, которые, стоя одинъ противъ другого, казалось, готовы были броситься другъ на друга.

— Я ничего не знаю,—глухо выговорилъ Лоренцо, неожиданно снова овладѣвъ собой. — Ничего не могу разсказать тебѣ... никакихъ фактовъ, все это мои фантазіи... Онъ былъ антипатиченъ мнѣ... Да, это правда: мнѣ онъ былъ антипатиченъ, и я жестокъ къ нему и послѣ смерти. Мнѣ казалось, что онъ дурно относился и къ тебѣ, и ко мнѣ... можетъ быть, я и ошибался... Это бываетъ: человѣкъ видитъ то, чего нѣтъ, а что есть—того не видитъ... Это всегда такъ бываетъ съ честными людьми, которые слишкомъ много работаютъ.

Снова наступила пауза. Воспользовавшись этимъ, Фарфуи неожиданно заявилъ:

— Драдо, а я завтра буду обѣдать въ кухнѣ.

— Что за глупости ты говоришь, Фарфуи.

— Нѣтъ, правда. Я буду обѣдать въ кухнѣ, и мамочка тоже будетъ обѣдать въ кухнѣ, — потому что папа хочетъ ѣсть одинъ, потому что онъ хочетъ все съѣсть самъ, а намъ ничего не дать, и потому я буду обѣдать въ кухнѣ.

— Боже, какой вздоръ!—сказалъ Эдоардо, снова беря ребенка на руки.

Но Лоренцо, боясь, какъ бы Фарфуи не выболталъ и остального, прервалъ его:

— Что жъ, Эдоардо, пойдемъ, пофехтуемъ?

Эдоардо взялъ за руку Фарфуи и откланялся Мореллѣ.

— Ну, сегодня вечеромъ,—говорилъ онъ, идя къ двери,—я дамъ тебѣ «капотъ». Такъ ты думаешь, что Маріано хотѣлъ устроить такъ, что меня кто-нибудь укокошилъ? Ахъ, Энцо, Энцо! какая у тебя романтическая голова!

— Что подѣлаешь? фантазеръ,—сдавленнымъ голосомъ повторялъ Лоренцо, кусая нижнюю губу. — Онъ былъ мнѣ антипатиченъ, это вѣрно: онъ мнѣ былъ антипатиченъ, и я страшно золъ на него... Но тебя онъ любилъ — о! тебя онъ очень любилъ—и меня тоже... меня тоже!..

Онъ неожиданно захохоталъ.

Морелла задрожала отъ этого саркастическаго смѣха, разнесшагося по всему дому, и, когда мужчины, вмѣстѣ съ Фарфуи, вышли, оставшись одна въ гостиной, она погрузилась въ глубокое раздумье.

XIV.

Вѣсть о трагической кончинѣ Маріано Фриджеріо поразила изумленіемъ и ужасомъ весь огромный муравейникъ, который начинается у Тичинскихъ воротъ и тянется на цѣлую милю, если не больше—самоубійства здѣсь не видѣли уже много лѣтъ. Больше всѣхъ взволновались рабочіе Лоренцо Моро и, припомнивъ сцену между Маріано и Лоренцо, пришли къ заключенію, что его самоубійство находится въ какой-то таинственной связи съ ихъ разговоромъ.

Пошептались объ этомъ съ пріятелями, и на другой день весь рынокъ облетѣла вѣсть:

— Бѣдный Маріано! Это Моро доканалъ его.

Лоренцо ничего не зналъ объ этой сплетнѣ, какъ змѣя переползавшей изъ конторы въ контору. Торговцы сыромъ сложились, чтобы устроить приличныя похороны своему бывшему товарищу, и въ полномъ составѣ шли за его гробомъ; Лоренцо тоже принялъ участіе въ складчинѣ, но когда появился среди провожатыхъ, замѣтилъ, что другіе перешептываются, и ему показалось, что его коллеги холодно здороваются съ нимъ—онъ не могъ объяснить себѣ причины.

Прислушиваясь къ разговорамъ провожатыхъ, онъ слышалъ только похвалы покойному и сочувственные ему отзывы, какъ будто хоронили какого-то героя, павшаго при атакѣ на врага, или погибшаго въ борьбѣ за недостижимый идеалъ.

Тѣ же разговоры слышались и въ магазинѣ у него, куда сошлись его обычные покупатели. Самая продажа шла медленнѣе обыкновеннаго, изъ-за разговоровъ о покойномъ—и это на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ послѣдній разъ бесѣдовалъ съ Маріано, возлѣ тѣхъ самыхъ вѣсовъ, на которые онъ рухнулъ, какъ быкъ, ошеломленный ударомъ обуха по головѣ.

— А? что вы скажете объ этомъ, синьоръ Моро?—говорилъ одинъ изъ купцовъ.—Понемножку—понемножку, всѣ уходятъ—сперва бѣдный Скопа, теперь вотъ—бѣдняга Фриджеріо... Какъ разъ, кто побойчѣй, тѣхъ и нѣтъ ужъ; остались только мы, старые сурки...

Говорившій это былъ Тонино Боккаделли, мужчина силы непомѣрной и съ сизо-багровымъ носомъ; голова его была повязана подъ шляпою цвѣтнымъ платкомъ, предохранявшимъ его отъ холода зимой и отъ чрезмѣрнаго зноя лѣтомъ: онъ зябко кутался въ орѣховаго цвѣта накидку съ заячьимъ воротникомъ.

— Славный малый былъ этотъ Фреджеріо,—продолжалъ онъ:—веселый, какъ рыбка, ловкій, образованный, интеллигентный; образованіемъ онъ могъ утереть носъ кому угодно... А помните, какъ...

И посыпались анекдоты; каждый разсказывалъ свое; припомнили и пророческій разговоръ между Скопой и Маріано...

— Нѣтъ, вы подумайте!—восклицалъ Тонино Боккаделли.— Въ этотъ день Скопа предсказалъ Маріано, что онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ—такъ оно и вышло; а Маріано сказалъ Скопѣ, что онъ кончитъ жизнь въ одиночной тюрьмѣ въ Палмаоцѣ— и Скопа сидитъ въ одиночкѣ... Вотъ и шутите послѣ этого.

— Хорошо, что онъ ничего больше не предсказывалъ, этотъ кудесникъ Маріано.

Лоренцо Моро съ горькой усмѣшкой на губахъ покорно слушалъ эти разговоры и не вмѣшивался въ нихъ, въ надеждѣ, что кліенты, выболтавшись, спохватятся, что время идетъ даромъ, и можно будетъ снова заняться дѣломъ. Вокругъ него стояли рабочіе, тоже обреченные на вынужденное бездѣлье; за спиной его сидѣлъ приказчикъ, отмѣчавшій въ записной книжкѣ сдѣлки.

Но при этихъ словахъ Моро невольно вздрогнулъ.

Развѣ Маріано ничего больше не говорилъ?.. Нѣтъ, говорилъ—вотъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, передъ этими самыми вѣсами, съ глазами, горѣвшими ненавистью и сарказмомъ, шипящимъ голосомъ онъ говорилъ... о немъ, Лоренцо, буквально слѣдующее: «Твоя мораль задавитъ тебя самого; ты задохнешься подъ бременемъ этой морали, гнусный карьеристъ!»...

Онъ сердито встряхнулся.—Однако, что же это, господа? Мы здѣсь за чѣмъ сошлись: разговоры разговаривать, или работать?.. Давай сюда товаръ; вотъ эти эмментальскіе попробуйте—сейчасъ мы взвѣсимъ ихъ...

— Что за спѣхъ такой?—удивился Тонино.—Мы толковали о бѣдномъ Фриджеріо... Вамъ непріятенъ этотъ разговоръ?..

— Мнѣ?—сорвался Лоренцо.—Мнѣ онъ столько же интересенъ сколько сухая фига... Если бъ всѣ негоціанты были таковы, какъ тотъ, кого вы называете бѣднымъ Фриджеріо, Миланъ превратился бы въ притонъ мерзавцевъ...

Купцы обиженно переглянулись и смолкли на минуту; затѣмъ, Тонино Боккаделли, самый авторитетный между ними, высказалъ то, что думали всѣ они:

— Нехорошо такъ говорить о мертвомъ. Не годится...

Лоренцо, нагнувшійся, чтобы вынуть пробу сыра, пожалъ

плечами, но Тонино продолжалъ съ грубой откровенностью простыхъ людей:

— Потому не хорошо, что вѣдь давеча на рынкѣ говорили, что именно вы и доконали Маріано...

Лоренцо выпрямился, сверкнувъ глазами, весь содрогнувшись, словно укушенный гадюкой:

— Я?—Я доконалъ его?.. Да вы съ ума сошли!.. Ничего я ему не сдѣлалъ, ни хорошаго, ни дурного... Ничего я объ этихъ дѣлахъ не знаю.

— Какъ же такъ: не знаете?.. Нѣтъ, вы этого не говорите, потому, въ тотъ самый день, когда онъ наложилъ на себя руки, бѣдный Маріано имѣлъ тутъ съ вами разговоръ...

Кругомъ воцарилось тревожное молчаніе; всѣ уставились на Лоренцо Моро, который весь вспыхнулъ, потомъ побагровѣлъ... и шагнулъ къ Тонино, который былъ на цѣлую голову выше его...

— Я—имѣлъ съ нимъ разговоръ... Можетъ быть, и имѣлъ... Такъ что же?.. Вы знаете, о чемъ мы разговаривали?.. Это мое дѣло и никого, кромѣ меня, не касается... Вы зачѣмъ сюда пришли—мѣшаться въ мои личныя дѣла или покупать у меня сыръ?.. Я его доконалъ!.. Я всегда былъ порядочнымъ человѣкомъ—вы это сами знаете... Маріано попробовалъ однажды разорить меня и промахнулся; я же никого не разорялъ—да его нечего было и разорять—онъ самъ объ этомъ позаботился... Ну, что же—будемъ продолжать?

Мрачно озираясь кругомъ, онъ повторилъ:

— Что жъ—будемъ продолжать?

— Будемъ продолжать,—отвѣтилъ Тонино Боккаделли,—десятокъ эмментальскихъ, мягкихъ, безъ корки, въ среднемъ по сто кило вѣсомъ...

Работа возобновилась. Лоренцо то и дѣло нагибался, вонзая пробный зондъ въ нѣжные бока сыровъ. Каждый молча дѣлалъ свое дѣло, и въ нѣсколько минутъ время, потраченное на болтовню, было наверстано; босоногіе рабочіе, подъ сердитыми взглядами хозяина, не бѣгали, а летали изъ корридора въ кладовыя и обратно; вѣшали быстро, говорили коротко и только самое необходимое, и на полу уже лежала цѣлая груда взвѣшенныхъ сыровъ.

Когда все было кончено, Лоренцо бросилъ на полъ зондъ, и, не поклонившись покупателямъ, направился къ дверямъ своей конторы; но Тонино нагналъ его и положилъ ему руку на плечо.

— Ну, полно, Моро—помиримся.

— Я ни съ кѣмъ не воевалъ,—не оборачиваясь, отвѣтилъ Лоренцо.

— Пойдемъ, запьемъ покупочку...

При каждой сдѣлкѣ, всѣ покупатели приглашали его выпить стаканчикъ; всѣ его служащіе, всѣ кліенты, даже рабочіе, всѣ пили, увѣряя, будто это прибавляетъ силы рукамъ. Но онъ изъ года въ годъ отказывался, инстинктивно чувствуя, что въ этой привычкѣ пить кроется опасность, что иллюзія силы, которую будто бы даетъ вино, ведетъ къ болѣзни или отупѣнію; и то и дѣло напоминалъ тѣмъ и другимъ, что, если бъ Скопа не пилъ безъ просыпу, онъ не попалъ бы на каторгу.

Но на этотъ разъ онъ рѣшительно сказалъ:

— Пойдемъ!

Всѣ вмѣстѣ они перешли черезъ улицу и вошли въ кабачекъ, пріютившійся какъ разъ напротивъ склада.

Появленіе Лоренцо Моро всѣхъ очень удивило. Хозяинъ кабачка выбѣжалъ встрѣчать его, оторвавшись на мигъ отъ выложенной блестящимъ оловомъ стойки, на которой стояли рядышкомъ нѣсколько дюжинъ стакановъ и плетеныя подставки.

Тонино Боккаделли былъ гордъ своей побѣдой: это онъ привелъ сюда милліонера и даже бы какъ протежировалъ ему, посвящая его въ тайны рискованнаго удовольствія. Онъ заставилъ его отвѣдать краснаго ликера, потомъ бѣлаго, потомъ зеленаго, чтобы «въ брюхѣ развѣвался національный флагъ». И Лоренцо пилъ, посмѣиваясь, вдругъ развеселившись, довольный робкой, почти раболѣпною угодливостью, оказываемой ему мелкими торговцами, изъ которыхъ большинство были ему должны и которыхъ, какъ говорилъ Тонино, онъ могъ «сглодать единымъ духомъ».

Въ тѣсной комнатѣ, уставленной столами изъ некрашеннаго дерева, царилъ полумракъ; мутный свѣтъ зимняго дня вливался въ нее черезъ окошко какъ-то бокомъ; посѣтители сидѣли всѣ въ пальто и, выпивъ, крякали, прикрывая ладонью ротъ. Кабатчикъ, котораго звали Карлотто, въ честь нежданнаго именитаго гостя зажегъ газъ, и по стѣнамъ запрыгали гигантскія тѣни завсегдатаевъ, и отъ красноватаго искусственнаго свѣта, смѣшавшагося съ свѣтомъ дня, еще мрачнѣе и угрюмѣй сталъ этотъ гибельный притонъ.

Лоренцо, какъ водится, поставилъ угощеніе новоиспеченнымъ пріятелямъ; на столѣ появились новые подносы съ разно-

цвѣтными графинами; снова наполнились стаканы. Закурили трубки; въ воздухѣ распространился запахъ табаку.

Дверь поминутно отворялась и затворялась, скрипя заржавленными петлями; каждый, войдя, бросалъ монету на прилавокъ, получалъ свою мѣшанину, оборачивался и, увидавъ Лоренцо Моро, спѣшилъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе.

Въ концѣ концовъ Лоренцо, все же, первый всталъ и, пожавъ протянутыя ему руки новоиспеченныхъ друзей, вышелъ невѣрной поступью и вернулся въ контору.

На другой день весь рынокъ говорилъ объ этомъ сенсаціонномъ событіи, приводя его въ связь съ самоубійствомъ Маріано Фриджеріо.

— А Моро напился вчера, знаете?—говорили одни.

— Это его совѣсть грызетъ. Онъ такъ доконалъ Маріано. Это отъ угрызенія,—отвѣчали другіе.

XV.

Съ этого дня Лоренцо Моро каждое утро начиналъ съ того, что заходилъ къ Карлотто выпить стаканчикъ, да и въ теченіе дня нерѣдко одинъ, или въ компаніи съ другими торговцами, переходилъ черезъ улицу и просиживалъ по нѣсколько часовъ въ тавернѣ.

Онъ пристрастился къ вину. Оно согрѣвало ему душу и тѣло, вызывало въ немъ бурную веселость, отгоняло отъ него дурныя мысли; притомъ же ему льстило, что самъ Карлотто и завсегдатаи кабачка всячески ухаживали за нимъ. Никогда еще у нихъ не бывало такого именитаго богатея-собутыльника, и они дорожили этимъ.

Лоренцо же испытывалъ потребность въ развлеченіяхъ. Онъ обрекъ себя на такую пытку, который не выдумаетъ и палачъ—на вѣчное молчаніе.

Молчать! — Таить въ себѣ обиду, не смѣть никому пожаловаться, ни съ кѣмъ отвести душу, чтобы не стать посмѣшищемъ,—что для него было всего страшнѣй—молчать и улыбаться—пожимать руку Эдоардо, невѣрному другу, который обманулъ его,—вѣроятно, и продолжаетъ обманывать, и выказывать дружеское расположеніе къ нему; разговаривать съ Мореллой, выслушивать ея разсказы о Фарфуи и обсуждать съ ней вмѣстѣ его будущее, зная, что Морелло измѣнила ему, что ребенокъ не его, а Эдоардо, что все вокругъ—ложь и обманъ.

Молчать! А тѣмъ временемъ ненависть и подозрѣнія терзали, грызли, словно злокачественная опухоль, по кусочкамъ разъѣдали его сердце.

Онъ даже не смѣлъ провѣрить. Быть можетъ, Морелла и сейчасъ—любовница Эдоардо — быть можетъ, интимныя отношенія между ними продолжаются — быть можетъ, она преподнесетъ ему еще другого сына?..

Какъ узнать? Допросить прислугу? — Нѣтъ, это слишкомъ рискованно. Если прислуга сама не знаетъ и не догадывается, это значитъ навести ее на слѣдъ; тогда она сама начнетъ присматриваться и развѣдывать, въ свирѣпой надеждѣ дознаться, что барыня обманываетъ барина. Прислуга до такихъ вещей очень лакома. А, если знаетъ, то, скорѣй всего, будетъ покрывать измѣнницу, такъ какъ Эдоардо Фальконаро настолько же любезенъ сердцу его слугъ, насколько онъ, Лоренцо, непріятенъ имъ.

Значитъ, остается одно: не обращать вниманія, молчать и улыбаться.

И пить.

Вначалѣ Лоренцо пилъ вино, потомъ пристрастился къ абсенту. Ему приносили ликеръ даже въ рабочій кабинетъ, и онъ подолгу задумчиво слѣдилъ за каплями, мѣрно и монотонно падавшими изъ хрустальнаго графина въ зеленый бокалъ.

Вокругъ него было настороженное и пугливое безмолвіе. Служащіе сидѣли, уткнувъ носы въ работу, не смѣя обмѣняться словомъ, приведенные въ уныніе этимъ печальнымъ зрѣлищемъ головокружительнаго паденія патрона, котораго они привыкли уважать.

Куда дѣвался ихъ хозяинъ, бодрый, суровый, неутомимый, способный работать по четырнадцати часовъ въ день и, возвратившись изъ утомительнаго путешествія, тотчасъ же взяться за работу, не давъ себѣ ни единаго часа передышки и ни на минуту не вздремнувъ, чтобъ отдохнуть послѣ безсонной ночи.

Въ одинъ мѣсяцъ онъ преобразился: за этотъ мѣсяцъ онъ научился пить такъ, что перещеголялъ самого Боккаделли. Но никто не смѣлъ заговорить съ нимъ объ этомъ и предостеречь его.

Временами его угрюмое молчаніе прорывалось неожиданными вспышками, и въ гнѣвѣ онъ теперь былъ грозенъ и страшенъ: разсердившись на служащаго, мгновенно багровѣлъ, стискивалъ кулаки, оралъ такъ, что дрожали стѣны; одинъ разъ запустилъ чернильницей въ конторщика и чуть не ранилъ его

въ голову. Когда, послѣ долгаго періода лаконическихъ приказовъ, по корридору разносился громкій, вздрагивающій отъ злости голосъ хозяина, служащіе говорили:

— Началось изверженіе вулкана.

И въ этотъ день тщательно избѣгали попадаться ему на глаза, а, когда ихъ звали въ кабинетъ, трепетали.

Морелла Моро видѣла и не вѣрила глазамъ своимъ.

Въ тотъ день, когда Лоренцо впервые вернулся домой пьянымъ, и въ лицо ей пахнуло тошнотворнымъ запахомъ виннаго перегара, молодая женщина объяснила это случайностью. По всей вѣроятности, пріятели убѣдили его выпить, и съ непривычки онъ почувствовалъ себя нехорошо. Она ничего не сказала мужу по этому поводу и только удалила отъ него Фарфуи, чтобъ онъ не замѣтилъ, что отецъ его пошатывается.

Но и въ послѣдніе дни онъ сталъ приходить, если не пьянымъ, то навеселѣ. Отъ него за версту пахло водкой и виномъ; онъ сердился изъ-за пустяковъ, или же впадалъ въ угрюмое молчаніе, такъ что слова отъ него нельзя было добиться; безъ всякой причины начиналъ хохотать во все горло, и прислуга исподтишка, но съ удивленіемъ поглядывала на него.

Фарфуи первый, въ простотѣ души, донесъ на отца.

— Ты знаешь, мамочка? — сказалъ онъ разъ Морелль.— Папа больше не сидитъ въ конторѣ... Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ почти тамъ не бываетъ, и Палино разсказываетъ мнѣ чудеснѣйшія сказки—это хорошо, что папы нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? А гдѣ же онъ?—удивилась Морелла.

— Онъ все время теперь сидитъ напротивъ, въ этой лавкѣ... ну, знаешь, гдѣ много, много стакановъ, всѣ рядышкомъ стоятъ, и красивыя бутылки, разноцвѣтныя...

— У Карлотто?

— Вотъ, вотъ, у Карлотто. Папа все время сидитъ у Карлотто. Мнѣ это нравится, потому что Палино мнѣ разсказываетъ сказки.

Морелла испуганно провела рукой по лбу.

Ей стало ясно все! Маріано Фриджеріо разсказалъ Лоренцо, что она ему измѣнила съ Эдоардо; потому онъ и не хотѣлъ взять отъ нея денегъ. Лоренцо все знаетъ, молчитъ и пьетъ... Морелла слишкомъ хорошо знала своего мужа, чтобы не находить этого молчанія логичнымъ съ его точки зрѣнія: онъ боится быть смѣшнымъ и притворяется, что ничего не знаетъ.

— Никому не говори объ этомъ,—попросила Морелла сына.—Никому. О томъ, что папа сидитъ у Карлотто. Мальчикамъ не слѣдуетъ говорить о такихъ вещахъ.

— Я никому не скажу, мамочка. Я только тебѣ все говорю.

Мать горячо обняла своего мальчика и прижала его къ груди.

Ну, да, Маріано выдалъ ихъ... Доказательства?.. А Фарфуи?—онъ живое доказательство... Достаточно взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ несомнѣнности измѣны... Вѣдь, въ первый же разъ, что Маріано встрѣтилъ Эдоардо вмѣстѣ съ Фарфуи, онъ воскликнулъ: «Послушай, да вѣдь это же твой сынъ!»

Морелла рѣшила поговорить съ Лоренцо, попенять ему.

Однажды онъ вернулся домой раньше обыкновеннаго; это было во вторникъ, когда у жены его былъ пріемный день, и, вопреки своему обыкновенію, вмѣшался въ разговоръ, шутилъ, болталъ, былъ необычайно говорливъ.

— Энцо, что ты себѣ думаешь?—сказала ему Морелла, когда гости разошлись.

Лоренцо воспросительно воззрился на нее.

— Что ты себѣ думаешь?—повторила Морелла—Ты по цѣлымъ днямъ сидишь у Карлотто, неприлично ведешь себя... Что съ тобой? Съ чего это ты вдругъ такъ распустился?

Онъ проворчалъ что-то сквозь зубы и вынулъ изъ кармана трубочку.

— Я неприлично веду себя? Нѣтъ, не я... не я неприлично веду себя... а другіе...

— Другіе?.. Кто же эти другіе?..

— Никто... Почемъ я знаю!..

Испуганная Морелла заломила руки.

— Прошу тебя,—взмолилась она,—подумай о томъ, что ты дѣлаешь. Вѣдь у тебя есть сынъ—какой примѣръ ты подаешь ему?

Лоренцо ринулся-было впередъ, такъ что едва не коснулся губами губъ жены; но тотчасъ же сдержался и отвѣтилъ:

— У меня есть сынъ... Да, это правда, у меня сынъ!..

И больше ничего не сказалъ и, мрачный, нахмуренный, сурово глядѣлъ на жену, которая продолжала умолять его бросить пить.

Не обращая на нее вниманія, онъ вышелъ изъ дому и направился прямо въ таверну, гдѣ встрѣтилъ Боккаделли. Тотъ предложилъ ему выпить стаканчикъ; Лоренцо выпилъ, потомъ,

въ свою очередь, угостилъ его, кто-то изъ завсегдатаевъ началъ восхищаться, какъ они много могутъ выпить, и польщенный Лоренцо велѣлъ подать новую порцію...

Вечеромъ, въ обычный часъ, когда Моро возвращался домой къ обѣду, Морелла услыхала какой-то странный топотъ и голоса въ передней. Затѣмъ появилась Пьерина, которая, очевидно, имѣла что-то сообщить и не знала, какъ сказать это, и только растерянно глядѣла на свою синьору.

Морелла встала и вышла въ переднюю.

Трое рабочихъ притащили Лоренцо, мертвецки пьянаго; двое держали его за плечи, одинъ за ноги; онъ, повидимому, спалъ; лицо у него было сине-багровое, ротъ перекошенъ на сторону.

— Мама!—крикнулъ Фарфуи, вбѣгая въ переднюю.

Морелла заслонила собой отъ него отца и, закрывъ рукою глазки мальчику, увлекла его за собой въ гостиную.

— Пойдемъ, пойдемъ, Фарфуи. Я разскажу тебѣ хорошенькую сказочку.

Мальчикъ, ничего не успѣвшій увидать, смѣялся.

— Хорошую? Лучше, чѣмъ тѣ, которыя разсказываетъ Палино? Лучше, чѣмъ исторія про короля съ золотою лошадью?

— Лучше, лучше!—увѣряла мать.

— Но о чемъ же ты плачешь? О чемъ ты плачешь, мамочка? Палино не плачетъ, когда разсказываетъ сказки.

XVI.

Ненависть Лоренцо Моро къ Фарфуи за эти дни неожиданно страшно возросла. Онъ упорно молчалъ цѣлыми днями, но совершенно не выносилъ присутствія мальчика, котораго умышленно дразнилъ, систематически переча его вкусамъ и привычкамъ.

Толчкомъ ноги онъ разбилъ вдребезги зеленую скамеечку съ красными цвѣтами, которую Фарфуи любилъ, какъ живое существо, и мать должна была сейчасъ же купить ему новую и спрятать ее въ дѣтской, чтобы и ее не постигла участь первой.

Далѣе, Лоренцо запретилъ Фарфуи показываться въ магазинъ, подъ предлогомъ, что онъ мѣшаетъ служащимъ. Ребенка это страшно огорчило, такъ какъ для него было огромнымъ удовольствіемъ навѣщать своихъ великановъ-друзей, рабочихъ, которые

принимали его съ большимъ почетомъ и наперерывъ старались угодить ему.

Точно также запрещено ему было ходить въ конюшню и разговаривать съ швейцаромъ. Такимъ образомъ, его огромное вначалѣ царство съ часу на часъ суживалось, и, такъ какъ скамеечки нельзя было вынести изъ дѣтской, онъ и самъ вынужденъ былъ безвыходно тамъ сидѣть.

Изъ-за этого онъ большую часть времени проводилъ внѣ дома, у Эдоардо, или у тети Изидоры, или у дѣдушки.

Онъ никому не жаловался и не плакалъ, былъ какъ будто скорѣе удивленъ, чѣмъ огорченъ,—его большіе сѣрые глаза почти всегда выражали теперь недоумѣніе—но съ каждымъ днемъ худѣлъ и блѣднѣлъ.

Родные, которымъ Морелла ничего еще не говорила о семейной драмѣ, разыгрывавшейся у нихъ дома, замѣчали, что Фарфуи сталъ невеселъ, но приписывали это холоду и туманамъ. А Фарфуи держалъ слово, данное матери, и что зналъ, о томъ никому не разсказывалъ.

Единственный, кто зналъ и видѣлъ все, былъ Эдоардо Фальконаро.

Онъ сразу замѣтилъ перемѣну въ Лоренцо во время вечернихъ упражненій въ фехтованіи. Однажды, атакуя его, Лоренцо чуть не упалъ въ его объятія, такъ разобралъ его хмѣль; а въ послѣдующіе вечера нападалъ на него такъ бѣшено и съ такими коварными уловками, что Эдоардо принужденъ былъ защищаться, какъ будто это было не простое фехтованье, а настоящій поединокъ.

При этихъ схваткахъ неизмѣнно присутствовалъ теперь Пино Монти, колоссъ и весельчакъ, который со шпагой въ рукѣ обнаруживалъ ловкость и проворство леопарда. Отъ него также не укрылось, что съ нѣкотораго времени Лоренцо не отвѣтственъ за свои поступки и, подъ предлогомъ желанія послѣдить за игрою своего бывшаго ученика и выправить его ошибки, онъ выпросилъ у него позволеніе присутствовать при вечернихъ сеансахъ фехтованія.

Вмѣшательство маэстро не разъ уже оказывалось полезнымъ, умѣряя пылъ Лоренцо Моро.

— Странно, странно! — говорилъ однажды Пино Монти, послѣ сеанса возвращаясь въ городъ вмѣстѣ съ Фальконаро.—Моро сталъ форменнымъ пьяницей и, какъ у всѣхъ пьяницъ, у него свои винтики, но можно сказать, что это проявляется только съ вами. Вы замѣтили? Онъ всегда норовитъ пырнуть васъ гдѣ-

нибудь около шеи, гдѣ кончается маска... Это опасная игра; будьте насторожѣ.

— Я и такъ насторожѣ; можете не сомнѣваться,—отвѣтилъ Эдоардо.

— Со мною онъ не позволяетъ себѣ такихъ шутокъ... Простите за вопросъ, если онъ нескромный, но скажите: зачѣмъ вы съ нимъ фехтуете? Я бы не сталъ драться и на рапирахъ съ сумасшедшимъ. Со мною пусть себѣ фехтуетъ, потому я живо спущу съ него шкуру, если онъ позволитъ себѣ задѣть мою. Но вамъ совѣтовалъ бы уклониться, синьоръ Фальконаро.

— Не могу!—вырвалось у Эдоардо; но тотчасъ же онъ поспѣшилъ объяснить:

— Не могу, потому что это было бы все равно, что сказать ему, что я знаю объ его пьянствѣ и не довѣряю ему... Я слишкомъ хорошо отношусь къ нему...

— Ну, а я послалъ бы его ко всѣмъ чертямъ, — грубо сказалъ маэстро.—Во всякомъ случаѣ, будьте на-чеку...

Въ дѣйствительности, Эдоардо потому не могъ отказаться отъ сеансовъ фехтованья, что это отняло бы у него единственный предлогъ ежедневно бывать у Мореллы и съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдить за всѣмъ происходившимъ. Молодая женщина, конечно, подѣлилась съ нимъ своими опасеніями, и онъ былъ насторожѣ, не только за себя. Въ его присутствіи Лоренцо не позволялъ себѣ грубыхъ выходокъ противъ Фэрфуи, и его визиты были развлеченіемъ для мальчика, разстроеннаго неожиданно явившейся необходимостью отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ.

Увѣренный отнынѣ, что Лоренцо ополчился на Фарфуи и съ злобной изобрѣтательностью пьяницы каждый день будетъ придумывать что-нибудь новое, чтобы помучить ни въ чемъ неповиннаго ребенка, на которомъ сосредоточилась вся его ненависть, Фальконаро готовъ былъ вырвать его у отца и увезти къ себѣ.

Фарфуи былъ его. Никто другой не смѣетъ держать его у себя и распоряжаться имъ.

Но какъ же вырвать ребенка изъ рукъ человѣка, котораго законъ называетъ его отцомъ? Въ лучшемъ случаѣ ребенка взяли бы къ себѣ родные — тетка съ дядей, или дѣдушка; съ какой же стати поселился бы онъ у Эдоардо, котораго въ глазахъ общества ничто не связывало съ семьею Моро, кромѣ простой дружбы.

Эдоардо всячески изощрялся, чтобы не испортить отношеній:

по вечерамъ фехтовалъ съ Лоренцо, который всякій разъ норовилъ всадить ему шпагу въ горло; днемъ же неизмѣнно наносилъ визитъ Мореллѣ, забывая объ осторожности, которую оба они соблюдали до тѣхъ поръ, и нерѣдко оставался обѣдать, чтобы дать Фарфуи поѣсть спокойно и безъ страха, что отецъ опять выгонитъ его изъ-за стола. Мальчикъ жилъ теперь подъ защитой матери и Эдоардо; имъ не надо было сговариваться, чтобы понять другъ друга: одинъ изъ двухъ всегда былъ возлѣ Фарфуи; и всѣ ухищренія Лоренцо, каждый день норовившаго уязвить ребенка какимъ-нибудь запретомъ, или грубымъ окрикомъ, разбивались объ эту неусыпную бдительность; и ненависть къ нему Лоренцо отъ этого только возрастала, распаляя ему сердце.

Съ виду жизнь въ домѣ шла, какъ прежде, ровно и спокойно, но на дѣлѣ стала для всѣхъ четырехъ адомъ.

XVII.

Подъ вечеръ туманнаго и дождливаго дня Лоренцо Моро подали письмо, въ которомъ Тито Барди просилъ его побывать сегодня же.

Лоренцо давно ужъ не видался съ тестемъ, отговариваясь недосугомъ, срочной работой, или неотложнымъ дѣловымъ свиданіемъ, каждый разъ, какъ старикъ звалъ его къ себѣ. Онъ избѣгалъ тестя, какъ избѣгалъ и шурина, Федерико Берарди, боясь, какъ бы тотъ или другой не замѣтили перемѣны въ немъ и не догадались, что̀ творится у него на душѣ.

— Что̀ ему нужно отъ меня?—говорилъ онъ себѣ, вертя въ рукахъ записку.

Онъ взглянулъ на часы, стоявшіе на письменномъ столѣ.— До обѣда еще цѣлыхъ два часа. За это время можно успѣть съѣздить на віа Мороне. Онъ велѣлъ запрягать и, въ противность всѣмъ своимъ привычкамъ, такъ какъ обыкновенно онъ или ходилъ пѣшкомъ, или, когда дѣло было къ спѣху, ѣздилъ въ трамваѣ, въ каретѣ поѣхалъ къ Тито Барди.

Едва взглянувъ на тестя, онъ сразу понялъ, что старикъ не въ духѣ, и Тито Барди, въ свою очередь, едва Лоренцо успѣлъ переступить порогъ, понялъ, что это уже не тотъ человѣкъ, какимъ онъ раньше былъ.

— Извини, что я тебя побезпокоилъ,—началъ Тито Барди, указывая ему на стулъ.—Мнѣ велѣно беречься холода и ту-

мана—не то я самъ пріѣхалъ бы къ тебѣ, чтобъ не отнимать у тебя времени...

Онъ помолчалъ немного и усѣлся на обычное свое мѣсто, у любимаго стола; возлѣ кресла Тито стоялъ стеклянный шкафчикъ съ нѣсколькими полками, на которыхъ были разставлены игрушки внука—фигурки изъ слоновой кости, которымъ Фарфуи всѣмъ далъ собственныя имена.

Тито Барди поднялъ голову, пристально воззрился на зятя и неожиданно заявилъ:

— Ты мнѣ не нравишься.

Лицо Лоренцо приняло вопросительное выраженіе.

— Что́ вы хотите сказать этимъ?

— А то, что ты Богъ знаетъ какъ ведешь себя. Да отъ тебя винищемъ за версту разитъ—ты только вошелъ, какъ я почувствовалъ.

— Ай!—подумалъ Лоренцо.—Морелла уже нажаловалась на меня.

— Это правда, или неправда, что ты пьешь?—допытывался тесть, не сводя испытующаго взгляда съ зятя.

— Пью,—дерзко отвѣчалъ Лоренцо.

То, что старикъ такъ просто и безцеремонно заговорилъ съ нимъ объ его порокѣ, разсердило Лоренцо, и онъ рѣшилъ не поддаваться.

— Это, конечно, твое дѣло,—продолжалъ старикъ.—Ты сознаешься, что сталъ пить, да и странно было бы отрицать, когда твой цвѣтъ лица и дыханіе выдаютъ тебя. Мнѣ больно видѣть тебя такимъ: не думалъ я, что на старости лѣтъ мнѣ доведется увидѣть такое унизительное зрѣлище—да вотъ, ошибся... Тебѣ угодно пьянствовать и быть посмѣшищемъ своихъ рабочихъ...—твое дѣло. У каждаго сумасшедшаго своя фантазія. Но вѣдь ты не сумасшедшій; не могу я повѣрить, что ты спятилъ... И потому позвалъ тебя, чтобы ты мнѣ объяснилъ, что́ тебя довело до этого позора. Я старый человѣкъ, мнѣ ты можешь довѣриться. Что́ ты мнѣ скажешь, останется вотъ здѣсь.

Тито Барди ткнулъ себя указательнымъ пальцемъ въ лобъ и повторилъ:

— Вотъ здѣсь. И дальше не пойдетъ. Никто въ мірѣ объ этомъ не узнаетъ... но я имѣю право поступить по-своему, если твои доводы не покажутся мнѣ уважительными...

Рѣзкій смѣхъ Лоренцо Моро прервалъ его рѣчь.

— Извини, пожалуйста, дорогой Тито,—заговорилъ онъ, взволнованно бѣгая по комнатѣ:—извини, что я перебилъ тебя,

но, право же, ты можешь и не продолжать. Я понялъ: ты думаешь, что я пью, чтобъ что-нибудь позабыть—какую-нибудь несправедливость, непріятность—ну, почемъ я знаю?.. Очень тебѣ благодаренъ за твою доброту и вниманіе... Но мнѣ не на что и не на кого жаловаться. Все идетъ превосходно, такъ чудесно, что ничего больше и ничего лучшаго я не могъ бы и желать.

Лицо старика омрачилось; въ свою очередь, онъ удивленно прервалъ зятя:

— Тогда зачѣмъ же?..

— Зачѣмъ? Да очень просто: я пью, потому что это доставляетъ мнѣ удовольствіе. Только и всего.

Старикъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ты эти шуточки оставь. Я тебѣ не дуракъ дался, чтобы ты со мною шутилъ. Не бываетъ того, чтобы въ сорокъ шесть лѣтъ человѣкъ ни съ того, ни съ сего запьянствовалъ — такъ, капризъ нашелъ:—всталъ утромъ и для препровожденія времени началъ глотать вино и ликеры... Ты всю жизнь былъ трезвенникомъ...

Лоренцо пожалъ плечами.

— Кто же тебѣ говоритъ, что я однажды утромъ всталъ и для препровожденія времени напился? Просто у меня торговля совсѣмъ другого сорта, чѣмъ твоя: твоя—аристократическая, моя—плебейская... У насъ такъ ужъ принято: запивать сдѣлки: нынче стаканчикъ, завтра стаканчикъ, а тамъ...

— Вздоръ!—разсердился Тито.—Скажите, пожалуйста! торговля того требуетъ! Почему же раньше не требовала? Сколько лѣтъ ты торгуешь, сколько сдѣлокъ заключилъ, не запивая ихъ? До чего же ты разсчитываешь дойти съ этимъ пристрастіемъ къ «стаканчикамъ»? Мнѣ нужно это знать, чтобы не оставлять своей дочери въ рукахъ неисправимаго пьяницы.

— Твоей дочери! Твоей дочери!.. — восклицалъ Лоренцо, ставъ у стола и барабаня по немъ кулаками. — Ахъ! ты безпокоишься за свою дочь? Ты боишься оставить ее у меня, потому что я пью?.. Скажите, пожалуйста!.. Твоя дочь...

За спиной Тито Барди, какъ разъ напротивъ Лоренцо, висѣло старинное зеркало въ потускнѣвшей золоченой рамѣ. Случайно взглянувъ на себя въ зеркало, Лоренцо тотчасъ же опомнился...

— Морелла была здѣсь? — спросилъ онъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ.—Она вамъ жаловалась на меня?

— Нѣтъ. Мнѣ большого труда стоило выпытать что-нибудь

отъ нея, и то я ничего почти не узналъ. Но, несмотря на недомолвки Мореллы, я понялъ, что у васъ дома все перемѣнилось. И вотъ, позвалъ тебя, чтобы поговорить съ тобой, но тебя мнѣ незачѣмъ было и спрашивать: какъ только я тебя увидѣлъ, мнѣ все стало ясно. Ты погляди на себя въ зеркало, благо, оно у тебя передъ носомъ: на что ты сталъ похожъ!.. И, повторяю: можетъ быть, я неправъ, но я, все-таки, думаю, что въ сорокъ шесть лѣтъ ни съ того, ни съ сего по кабакамъ не шатаются... Должна быть причина, что-нибудь такое, чего я не знаю и что имѣю право знать.

Онъ задумался на минуту и снова, съ стариковскимъ упорствомъ, продолжалъ настаивать:

— Давай обсудимъ вмѣстѣ. Можетъ быть, у тебя плохо идутъ дѣла?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, ты нуждаешься въ деньгахъ?

— Нѣтъ.

— Можетъ, у тебя нелады съ Мореллой?

— Нѣтъ.

Старикъ опять задумался.

— Будемъ ужъ все говорить, до конца—можетъ быть, ты влюбился?

Лоренцо не отвѣтилъ; только пожалъ плечами, буркнулъ что-то себѣ подъ носъ и иронически захохоталъ.

— Можетъ, у тебя мысли какія-нибудь непріятныя, угрызенія совѣсти—почемъ я знаю?

Лоренцо, не отходя отъ стола, дерзко возразилъ:

— Угрызенія? Откуда же у меня могутъ быть угрызенія?.. Ты бредишь, милый Тито... Не къ лицу тебѣ ремесло исповѣдника... Занимался бы ты лучше своимъ антикварскимъ дѣломъ... Угрызенія!.. Мнѣ незнакомо это слово; я даже не знаю, что это за чувство... Я всю свою жизнь честно трудился, и мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя. Никогда я не продавалъ нашихъ мѣстныхъ сыровъ за швейцарскіе или маргарина за масло. Это антикваріи продаютъ за настоящія древности, сфабрикованныя ими у себя дома, я же поддѣльнымъ товаромъ не торгую; мои деньги честно заработаны, нажиты не обманомъ... Нѣтъ, положительно, ты бредишь. Можетъ быть, кому-нибудь другому слѣдовало бы терзаться угрызеніями, а не мнѣ—это возможно... Можетъ, кому другому слѣдовало бы не спать по ночамъ и мучиться, потому что онъ, дѣйствительно, сплутовалъ, подлѣйшимъ образомъ, и продолжаетъ пользоваться уваженіемъ честныхъ людей, хоть я и

знаю, что онъ дьявольски ловко надуваетъ тѣхъ, кто вѣритъ ему... Этого я не отрицаю: можетъ, кто-нибудь неподалеку отъ моего дома и мучается угрызеніями, но только не я...

Замѣтивъ, что старикъ съ жадностью слушаетъ его и ждетъ разъясненія загадки, онъ вдругъ прикусилъ себѣ губы и сердито прижалъ ладонь къ губамъ, какъ будто хотѣлъ припечатать ихъ, чтобъ онѣ не выдали его.

— Ну? что жъ ты замолчалъ?—допытывался Тито Барди.— Кто-то кого-то обманулъ. Кто-то неподалеку отъ твоего дома, можетъ быть, мучается угрызеніями. Дальше, дальше!.. Значитъ, я вѣрно говорилъ, что тутъ что-то есть... Соберись съ духомъ, Энцо; обѣщаю тебѣ ни словомъ не обмолвиться никому о томъ, что ты довѣришь мнѣ. Скажи мнѣ все.

— Сказать тебѣ все? — повторилъ Лоренцо, окончательно овладѣвъ собой.— Ничего я тебѣ не скажу.

Тито Барди откинулся на спинку кресла, безнадежно разводя руками.

— Ничего я тебѣ не скажу, потому что мнѣ нечего сказать. Понимаешь: — *не-че-го*. Угрызенія? Обманъ?.. Я даже не помню, о чемъ мы говорили. Кто же можетъ терзаться угрызеніями неподалеку отъ моего дома? Вздоръ! Пустая болтовня!.. Все спокойно и у меня дома, и около меня. Все идетъ превосходно...

— Неправда! — крикнулъ Тито Барди, вскакивая на ноги и метнувъ на зятя такой молніеносный, живой и яркій взглядъ, какъ будто онъ былъ юноша, а не старикъ. — Неправда! Все идетъ скверно— въ этомъ *я* могу тебя завѣрить... Морелла сама на себя не похожа; мальчикъ тоже измѣнился... Я давно это замѣтилъ; и Федерико съ Изидорой, и всѣ, у кого есть глаза, не могутъ не замѣтить этого... Скажи по правдѣ: что ты имѣешь противъ своей жены и сына?.. Я же не чужой человѣкъ... я не могу смотрѣть на это сложа руки... Я люблю Мореллу и Фарфуи, и имѣю право все знать... Они не говорятъ— даже невинное дитя, и то не говоритъ ничего — должно быть, мать не позволяетъ... Но ты обязанъ говорить — обязанъ дать мнѣ отчетъ въ своемъ поведеніи.

— Я? Я обязанъ тебѣ давать отчеты?... А, ты у *меня* требуешь отчета? Хорошо же! Въ такомъ случаѣ...

Онъ снова увидѣлъ себя въ зеркалѣ и прикусилъ языкъ.

— Въ такомъ случаѣ — ничего. — Онъ засмѣялся.—Если Морелла и Джузеппе измѣнились...

— Джузеппе?—удивленно переспросилъ Тито Барди. — Кто такой Джузеппе?

— Мальчикъ—развѣ ты не знаешь? Его зовутъ Джузеппе Тито Аквилейо, и я его зову Джузеппе, а всѣ прочія дурацкія прозвища предоставляю его матери и друзьямъ его матери, если это имъ доставляетъ удовольствіе... И, такъ, ты говоришь, что Морелла и Джузеппе измѣнились. Такъ я-то тутъ при чемъ? Это ихъ дѣло; мало ли какія у нихъ мысли... Я ничего не знаю, я ни въ чемъ не виноватъ...

Старикъ поблѣднѣлъ; глаза его сверкнули, голосъ звучалъ грозно.

— Какъ?!—съ негодованіемъ закричалъ онъ.—Вотъ какъ ты разсуждаешь! Что за цинизмъ! Ты признаешь, что твоя жена и сынъ твой измѣнились, исхудали, изнервничались, опечалены—а тебѣ и горя мало — ты говоришь, что ты тутъ ни при чемъ, что мало ли у нихъ какія мысли! Разъ навсегда, будемъ говорить на чистоту. Ты зачѣмъ сюда пришелъ — шутки надо мной шутить или говорить серьезно?

— Я?—Лоренцо пожалъ плечами. Я—пришелъ, потому что *ты* позвалъ меня, чтобъ сдѣлать *тебѣ* удовольствіе, но обсуждать эти вопросы ни съ тобой, ни съ кѣмъ-либо другимъ не имѣю ни малѣйшаго желанія. И прошу тебя не настаивать. Давно уже, ужъ много лѣтъ, я никому, кромѣ себя, не отдаю отчета въ своихъ поступкахъ. Ты меня спросилъ, нравится ли мнѣ пьянствовать; я могъ бы сказать тебѣ: нѣтъ, но я отвѣтилъ: да. Это—единственное удовольствіе, которое я себѣ разрѣшаю, и отнять его у себя я не позволю. Я не таковъ, какъ другіе, которые не пьянствуютъ, ведутъ жизнь, съ виду трезвую, а исподтишка предаются всякимъ порокамъ... Оставимъ ихъ, не будемъ говорить о нихъ... Ну, мнѣ пора...

— Но вѣдь дѣло идетъ о моей дочери!—снова закричалъ Тито Барди.—Какъ же ты не понимаешь. Какъ мнѣ втолковать въ твою баранью голову, что я хлопочу о своей дочери и забочусь о ней. Имѣю я право на это, или нѣтъ?

— Имѣешь; этого я не отрицаю.

— Ну, такъ знай же, что, если черезъ недѣлю я не увижу своей дочери веселой и спокойной, какъ она была прежде, я возьму ее къ себѣ... Понялъ?

— Она не пойдетъ,—холодно сказалъ Лоренцо.

— Какъ: не пойдетъ? Пойдетъ!

— Нѣтъ, не пойдетъ; она не дѣвчонка—ей тридцать-одинъ годъ. Переѣхать ей къ тебѣ—это скандалъ—мало ли что люди

станутъ говорить—зачѣмъ подавать поводъ къ сплетнямъ? Совѣтую вамъ всѣмъ подумать, прежде чѣмъ дѣлать такія глупости... Притомъ же, веселость и спокойствіе Мореллы зависятъ не отъ меня...

— А отъ кого же?

— Не знаю.

— Но, вѣдь, въ твоихъ словахъ нѣтъ ни капли здраваго смысла.

— Не безпокойся—здраваго смысла у меня достаточно. Твоя дочь капризна, а сынъ твоей дочери еще капризнѣе ея...

— Ложь! вранье! Неправда! Мальчикъ чудесный; онъ уменъ, какъ взрослый, онъ въ жизнь свою никогда не капризничалъ. Ты не достоинъ счастья имѣть такихъ жену и сына, какъ Морелла и Фарфуи.

Лоренцо насмѣшливо зааплодировалъ:

— Чудесно сказано. Великолѣпно! Я недостоинъ счастья имѣть такихъ жену и сына. Вотъ *въ этомъ* — но и только въ этомъ—я вполнѣ съ тобой согласенъ.

Онъ схватилъ шляпу со стола, подошелъ къ старику, захохоталъ ему въ лицо и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Перевела съ итальянскаго З. Журавская.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КРАЙ БОЛЬШИХЪ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.

(Южная Колхида).

На первомъ всероссійскомъ курортномъ съѣздѣ, 7—11 января, не было представителей «Южной Колхиды»—прибатумскаго края, въ окрестностяхъ котораго наши войска, шагъ за шагомъ, выбиваютъ сейчасъ упорнаго противника изъ горныхъ, почти неприступныхъ позицій. Батумцамъ—не до съѣзда, а безъ нихъ никто не напомнилъ объ этомъ краѣ. Между тѣмъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что вскорѣ послѣ войны, значеніе этого южнаго уголка Россіи,—единственнаго района своеобразно субтропической культуры и одного изъ лучшихъ курортовъ по своимъ природнымъ качествамъ, будетъ оцѣнено по достоинству, если не нами, то нашими иностранными друзьями. Вотъ почему, мнѣ думается, что предлагаемые читателямъ очерки, написанные еще передъ самымъ началомъ войны, представятъ для нихъ извѣстный интересъ.

I. Общіе контуры.

Давно это было... около двадцати лѣтъ назадъ. Юношей - первокурсникомъ я увлекся въ Питерѣ драмой, часто бывалъ въ Маломъ театрѣ, гдѣ тогда давались лучшія новинки и между ними—«Ганнеле» Гауптмана, растрогавшая меня до слезъ. Тамъ, въ концѣ пьесы, когда одинъ изъ небожителей уводитъ душу Ганнеле на небо, задняя декорація изображала роскошную бѣломраморную лѣстницу, осѣненную пальмами, пышными лаврами, олеандрами и другими тропическими растеніями. Эта лѣстница, вздымавшаяся до небесъ, долго грезилась мнѣ во снѣ.

И вотъ, спустя два—три мѣсяца я увидѣлъ такую же лѣстницу наяву, — близъ Батума. Былъ декабрь. Вырвавшись изъ снѣжной русской равнины, прокатившись по темно-синему, на рѣдкость зимой спокойному морю, я сразу попалъ на батумскій приморскій бульваръ,

гдѣ по вѣчно зеленымъ аллеямъ гуляли дамы въ цвѣтныхъ платьяхъ, иныя съ открытыми головами,—было больше 20-ти градусовъ тепла. Оттуда на поѣздъ, идущій здѣсь по берегу моря; справа отъ него мелькали утопающія въ зелени дачи и между ними—одна съ бѣлокаменной лѣстницей, идущей отъ моря вверхъ къ холму и установленной растеніями еще красивѣе тѣхъ, которыя я видѣлъ въ театрѣ. Послѣ я видѣлъ много прекрасныхъ мѣстъ, но этотъ уголокъ навсегда врѣзался въ мою память...

Съ начала 1900-хъ годовъ я провожу въ «Южной Колхидѣ» каждое лѣто. При ближайшемъ разсмотрѣніи яркія краски первыхъ впечатлѣній ранней юности потускнѣли; но и теперь, хотя я и плохой патріотъ, однако, на мой взглядъ, эта «Русская Ривьера» гораздо красивѣе Ривьеры итальянской, тѣмъ болѣе южнаго берега Крыма, куда ѣздятъ любоваться природой десятки тысячъ москвичей и петроградцевъ. Но, кромѣ красотъ природы, сюда привлекаютъ большія и малыя возможности, заложенныя на землѣ, въ землѣ и подъ землей въ этомъ уголкѣ, единственномъ въ своемъ родѣ не только въ Россіи, но, какъ говорятъ, и въ Европѣ.

То, что называютъ въ географіи Южной Колхидой,—крохотный кусочекъ Черноморскаго побережья въ углу, образуемомъ Кавказомъ и Малой Азіей: въ длину, по берегу, отъ мѣстечка Кобулети до турецкой границы въ немъ менѣе 50-ти верстъ, въ глубину, до высокихъ горъ,—не больше 5—10 верстъ,- всего, стало быть, культуроспособная площадь его приблизительно равна 300—400 кв. верстъ. Но несомнѣнно, что раціонально вложенные сюда милліоны, еще болѣе разумно направленный человѣческій трудъ и стройная общественная организація создадутъ возможность безбѣднаго, а для иныхъ и счастливаго существованія сотнямъ тысячъ людей въ районѣ и вокругъ него.

Исключительныя климатическія и отчасти почвенныя условія позволяютъ развить здѣсь небывалую для Россіи и Европы сельскохозяйственную культуру, главную основу которой, судя по накопившемуся до сихъ поръ опыту, составятъ чай, японскіе мандарины, бамбукъ. Теплыя, почти безморозныя зимы, прохладное лѣто, удивительно разнообразный рельефъ, субтропическая растительность подталкиваютъ предпріимчивую мысль на устройство здѣсь второго всероссійскаго курорта. Правда, развитію курорта мѣшаютъ дожди, лихорадки. Батумъ—pissoir de la mer noire, какъ называютъ его французы, и количество дождей тутъ вчетверо больше петроградскаго, но уничтоженіе лихорадокъ и смягченіе дождливости при помощи осушенія края—въ человѣческихъ рукахъ. Наконецъ, черезъ батумскій портъ уже сейчасъ проходитъ около 100 милліоновъ пудовъ

груза, и ждутъ, что черезъ 10—20 лѣтъ пойдетъ 200—250 милліоновъ. Вокругъ Батума и его района по направленію къ Карсу вся мѣстность покрыта заявочными столбами, а желѣзная дорога, для которой производятся сейчасъ изысканія, организованная батумскимъ городскимъ управленіемъ, даетъ (черезъ Карсъ), быть можетъ, выходъ къ морю, великому міровому пути отъ Индіи... Сейчасъ вблизи Батума работаетъ выстроенный англичанами мѣдноплавильный заводъ, производительность котораго не ниже сибирской, а запасъ мѣдной руды опредѣляется милліардами пудовъ. Есть много залежей и другихъ полезныхъ ископаемыхъ...

Итакъ, роскошный субтропическій *садъ*, *курортъ*, *торгово-промышленный центръ*, — вотъ три большихъ возможности этого маленькаго уголка, южнаго мыса Россійской имперіи. Къ этому нужно еще добавить многогранность: сконцентрированное въ одномъ мѣстѣ разнообразіе рельефа, почвы, растительности, населенія, культурно-экономической жизни. Съ сѣвера и юга на горизонтѣ въ ясную погоду видны сверкающіе снѣговые кавказскіе и малоазіатскіе хребты; сзади, на сѣверо-востокѣ, ограждаетъ отъ холодныхъ вѣтровъ слегка припудренная снѣгомъ цѣпь Аджарскихъ горъ, отъ которой мягкими складками, постепенно понижаясь, скатываются къ морю округленные зеленѣющіе холмы. На сѣверной грани района и въ центрѣ холмы не доходятъ до моря; на наносныхъ дюнахъ образовались двѣ болотистыя равнины, на которыхъ стоятъ гор. Батумъ и мѣстечко Кобулети, имѣющее едва-ли не единственный на Кавказѣ песчаный пляжъ длиной въ 12 верстъ. Равнины, холмы, долины, горы, ущелья, весь этотъ рельефъ, перевитый серебристыми лентами безчисленныхъ рѣчекъ, начертанъ природой удивительно нѣжными, гармоническими линіями, какихъ не встрѣтишь на другихъ побережьяхъ Кавказа и Крыма.

Разнообразію рельефа соотвѣтствуетъ разнообразіе почвъ. На взглядъ непосвященнаго, тутъ всего три сорта почвы: красный латиретъ,—первичный продуктъ распада горныхъ породъ,—этотъ же латиретъ, смѣшанный съ перегноемъ лѣсовъ и папоротниковъ, даетъ нѣчто въ родѣ сѣверо-русскаго суглинка, и, наконецъ, прибрежный морской песокъ на дюнахъ. Но на самомъ дѣлѣ основная латеритная почва, образовавшаяся изъ твердыхъ каменныхъ породъ, андезитовъ и трахитовъ, находится на разнообразныхъ стадіяхъ своего «созрѣванія», содержитъ самое различное количество питательныхъ веществъ, и сельскіе хозяева въ недоумѣніи разводятъ руками, не понимая, почему въ одномъ мѣстѣ у нихъ мандарины даютъ прекрасный урожай, а рядышкомъ чахнутъ и гибнутъ безъ удобренія и покрываются паразитами. Изслѣдователи, дѣлавшіе глубокіе разрѣзы почвы, по-

ложительно видѣли, какъ постепенно черный и сѣрый камень претворяется въ красную первобытную землю первыхъ людей и какъ при этомъ варьируютъ ея физико-химическія свойства.

Еще разнообразнѣе рельефа и почвы—растительность и люди. Дикая растительность была гораздо величественнѣе и въ общемъ разнообразнѣе нынѣшней, культурной. Громадныя двадцатисаженныя колонны буковъ, грабовъ, каштановъ, обвитыя толстыми колючими ліанами, плющемъ, гордо возвышались надъ подлѣскомъ изъ рододендроновъ, азалій, лавровишенъ, перепутанныхъ здѣшней ліанообразной ежевикой въ непроходимую чащу, въ которой безъ топора нельзя было сдѣлать двухъ шаговъ. Подъ этой чащей ни травинки; нога тонетъ въ сыромъ слоѣ опавшихъ листьевъ, не слышно ползаютъ темные ужи и змѣи. Внизу вѣчная тьма, наверху—ни звука. Пѣвчихъ птицъ въ этихъ лѣсахъ нѣтъ. Говорятъ, таковы были лѣса третичной геологической эпохи, когда люди еще не нарождались на свѣтъ. И нынѣшнему человѣку жутко въ такомъ лѣсу. Онъ—его врагъ и первымъ дѣломъ, поселившись здѣсь, начинаетъ съ его истребленія. Болѣе цѣнныя породы,—красное дерево, самшиты,—были истреблены въ первую голову. Теперь гордые чинары и буки рубятся на дрова, пережигаются на уголь, и десятки рабочихъ съ надрывомъ выворачиваютъ колоссальные пни и десятисаженныя корневища. Что насаждается вмѣсто этого,—уму непостижимо. Въ каждомъ саду тѣснятся другъ подлѣ друга сотни породъ австралійскихъ, новозеландскихъ, японо-китайскихъ, гималайскихъ, чилійскихъ, бразильскихъ,—вообще породъ американскихъ субтропиковъ, алжирскихъ, южно-европейскихъ, словомъ, всѣхъ пяти странъ свѣта. И эта многоцвѣтная флора не только живетъ и прозябаетъ, а очень часто и благоденствуетъ. Самому старому саду въ округѣ всего 25 лѣтъ, и стоитъ взглянуть, до какихъ размѣровъ доросли тамъ финиковыя пальмы, хамеропсы, латаніи, драцены, агавы, араукаріи и т. д. Пятнадцатилѣтніе эвкалипты не уступаютъ столѣтнимъ букамъ, рощи бамбука—великана «моосо» такъ же величественны, какъ какая-нибудь пихтовая тайга въ Сибири. Растительный міръ открываетъ передъ заѣзжей публикой изъ равнинной Россіи максимумъ возможностей и, пожалуй, служитъ главной приманкой края. Увидавъ здѣшнюю природу, генералы, сановники, военные, чиновники, десятки лѣтъ корпѣвшіе въ канцеляріяхъ, интеллигенты самыхъ пестрыхъ профессій заражаются страстно охотой во что бы то ни стало здѣсь жить и «творить», убухиваютъ въ землю свои большія и малыя сбереженія, роются самоотверженно въ красномъ латеритѣ, прогораютъ одинъ за другимъ... и все-таки не плачутъ; все-таки какъ бабочки на огонь десятки новыхъ «культуртрегеровъ»

каждый годъ привлекаются на батумское побережье... Такую «тягу къ землѣ», какая вспыхиваетъ у пріѣзжей интеллигенціи, не всегда увидишь даже у русскаго крестьянина.

Люди—также разнообразны. Не говоря о «культуртрегерахъ», представляющихъ самый яркій калейдоскопъ «осколочныхъ» людей всевозможныхъ профессій,—трудовой классъ—турки, греки, грузины, армяне, аджарцы, курды, персы, наконецъ, русскіе поселенцы-крестьяне, рабочіе, мастеровщина,—все такъ же пестро, какъ и природа. И, какъ обломки разныхъ горныхъ породъ, эти пестрыя «племена, нарѣчія, состоянія» еще не сглажены, еще трутся и царапаются шероховатостью своихъ особыхъ обычаевъ, навыковъ, культуры другъ о друга. Отъ дикаго курда, кочующаго со своими стадами по ближнимъ горамъ и долинамъ, до гвардейскаго полковника, поглядывающаго на него изъ-за своей изгороди,—разстояніе тысячелѣтней исторіи человѣчества. А между тѣмъ на почвѣ сельскохозяйственныхъ, житейскихъ и иныхъ отношеній всему этому вавилонскому смѣшенію языковъ постоянно приходится сталкиваться другъ съ другомъ. И пока общее культурно-соціальное развитіе не сотретъ эти твердые обломки расъ, народностей, классовъ въ однородную массу людей вообще, подобно тому, какъ море стираетъ разнородные камни въ однородный песокъ,—до тѣхъ поръ антагонизмъ и взаимное отчужденіе между ними неизбѣжны. Ассимиляція мѣстнымъ населеніемъ общеевропейской культуры—также одна изъ возможностей, осуществленіе которой представляетъ краеугольный камень для эволюціи края.

Вотъ, стало быть, главныя возможности этого маленькаго, но драгоцѣннаго алмаза земли русской. Что сдѣлано для ихъ осуществленія и каковы шансы на это въ ближайшемъ будущемъ, увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

II. Сельское хозяйство.

Культуртрегерское движеніе. Въ настоящій моментъ изъ трехъ развѣтвленій экономической эволюціи края, сельскаго хозяйства, курортнаго дѣла и индустріи,—на авансцену выдвинулось первое. Въ этомъ субтропическомъ климатѣ, при исключительномъ обиліи влаги и свѣта, полевыя культуры, хотя бы и туземныя,—кукуруза и рисъ—представляютъ nonsens, а потому первые же культуртрегеры края, оставивъ земледѣліе, перешли на садовую культуру.

Культуртрегерское движеніе началось съ 80-хъ г.г., когда вокругъ Батума появились «русскіе американцы» и, увлеченные

богатствомъ природы, стали строить дачи и пробовать ощупью сортименты растеній разныхъ странъ. Были между ними и высоко интеллигентные люди, какъ г. Криштофовичъ, и понынѣ личность извѣстная въ агрономіи,—полк. Соловцовъ, business-man'ы, какъ д. Альфонсъ, и сѣрые мужички,—въ родѣ Звѣрева, коробейника изъ Рязанской губ. Садили они сады вдоль полотна желѣзной дороги, въ 3—5-ти верстахъ отъ города, а сзади, изъ дремучаго лѣса, на нихъ нападали дикіе кабаны и разбойники. Отъ кабановъ отбиться было легко, отъ разбойниковъ мудренѣе, потому что мѣстная администрація, боявшаяся интеллигентовъ, мѣшавшихъ ей обдѣлывать свои темныя дѣлишки, случалось, прямо натравляла на нихъ не только вольныхъ туземцевъ, но и служащихъ въ милиціи, и Криштофовичъ описываетъ, какъ милиціонеры прехладнокровно среди бѣлаго дня охотились на него съ берданками [1]).

Серьезное культуртрегерство начинается, собственно, со второй половины 90-хъ г.г. Благодаря любезности одного изъ членовъ Батумскаго сельскохозяйственнаго общества я получилъ, въ придачу къ довольно тощему комплекту печатныхъ источниковъ, бланки переписи дачевладѣльцевъ, произведенной обществомъ наканунѣ выставки «Русская Ривьера», которыя и разработалъ. По даннымъ этой разработки, до 1901 г. основалось 21% культурныхъ садовладѣній (не считая владѣльцевъ трудового типа и туземцевъ), въ 1901—1905 г.г.—31%, въ 1906—1909 г.г.—17%, въ 1910—1913 г.г.—31%. Какъ видно изъ этого, культуртрегерское движеніе сильно упало послѣ 1905 года. Причины этого—страхъ буржуазной интеллигенціи передъ революціей, отбившей на время охоту къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ, опасеніе осложненій съ Турціей, окрѣпшей послѣ константинопольскаго переворота, шовинистически настроенной и мечтавшей о реваншѣ; наконецъ, экономическій кризисъ Батума, въ которомъ послѣ двухлѣтней забастовки рабочихъ закрылись огромные заводы Ротшильда, Нобеля, Манташева и др. Къ 1910 г. всѣ страхи буржуазіи разсѣялись, Батумъ сталъ опять оживать, волна пріѣзжихъ изъ Россіи растетъ, и окрестное трудовое населеніе, лишившись подсобныхъ заработковъ на заводахъ, обратило серьезное вниманіе на сельское хозяйство.

Переписанныхъ Батумскимъ сельскохозяйственнымъ обществомъ садовладѣльцевъ я раздѣлилъ на три группы: 1) на «интеллигенцію» въ широкомъ смыслѣ, служилую и неслужилую; 2) торгово-промышленный классъ и предпринимателей чистой воды, пользующихся

---

[1]) См. статьи г. Криштофовича въ „Недѣлѣ“ 80-хъ г.г. и въ „Сельскомъ Хозяинѣ“ 1903—1904 г.г.

наемнымъ трудомъ, и 3) на трудовыхъ владѣльцевъ, обрабатывающихъ участки, главнымъ образомъ, своей семьей. Культуртрегерами являются первыя двѣ группы.

«Интеллигенты» представляютъ необычайно пестрый конгломератъ генераловъ, аристократіи, гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, гражданскихъ чиновъ всѣхъ ранговъ и цвѣтовъ и лицъ либеральныхъ профессій, начиная профессорами и кончая опереточными антрепренерами. По переписи $^3/_4$ ихъ принадлежитъ къ служилому сословію, что вполнѣ понятно, такъ какъ, послѣ ухода турокъ, владѣльцемъ свободныхъ земель стала казна, раздававшая участки лицамъ, ближе стоящимъ къ власти. Вторая группа, «предпринимательская», по численности вдвое уступаетъ «интеллигентской», которая, такимъ образомъ, является ядромъ мѣстнаго культуртрегерства.

Нельзя отрицать, что охваченные «тягой къ землѣ» военные и чиновники не жалѣли средствъ для культированія своихъ участковъ. Разработанныя по тремъ указаннымъ группамъ данныя переписи показываютъ, что у «интеллигентовъ» подъ садами и огородами находится 60% всей площади, у «предпринимателей»—$54^1/_2$%. Стоимость построекъ на одно хозяйство у первыхъ—7.110 руб. въ среднемъ, у вторыхъ—2.360 руб., въ то время какъ размѣръ участка у интеллигента 4 десятины, у «предпринимателя»—$6^1/_2$ дес. Валовой расходъ (на рабочихъ, удобреніе и проч.) на закультивированную десятину у первыхъ 295 р., у вторыхъ—231 руб. Но, увы, интеллигентскія предпріятія удивительно *бездоходны*: 63% хозяйствъ, о которыхъ имѣются нужныя свѣдѣнія, не получаютъ ни копейки дохода; у остальныхъ чистый убытокъ равенъ 16%. Предпріятій, имѣющихъ хоть какую-нибудь чистую прибыль, всего 9 изъ 150-ти переписанныхъ.

Группа предпринимателей, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ уже получаетъ чистую прибыль, достигающую въ среднемъ 360 руб. на одно хозяйство или около 100 руб. на культурную десятину. Это немного при тамошнемъ типѣ хозяйства, но все же доказываетъ большую жизнеспособность культуртрегеровъ этого типа.

А между тѣмъ, интеллигентность, казалось бы, для здѣшней культуры—свойство не менѣе драгоцѣнное, чѣмъ климатъ... Вѣдь главный хозяинъ края, русское правительство, до послѣдняго времени очень мало заботилось о томъ, чтобы наставить владѣльцевъ на правильный путь, установить сортименты подходящихъ растеній, выяснить способы ихъ разведенія и ухода, опредѣлить доходность каждаго вида. Всѣ хозяева дѣйствуютъ на свой рискъ и страхъ,

вслѣпую, бросаясь то на декоративныя растенія, то на европейскія плодовыя деревья, то на чай, на мандарины, бамбуки. Поэтому, à priori надо было бы заключить, что интеллигентный человѣкъ легче ориентируется въ незнакомыхъ условіяхъ, быстрѣе и продуктивнѣе используетъ результаты своего и чужого опыта и, выкарабкавшись на вѣрную дорогу, станетъ полезнымъ для себя и для другихъ. Не тутъ-то было. Невдалекѣ отъ огромнаго удѣльнаго имѣнія въ Чаквѣ взялъ на аренду пять десятинъ непроходимаго болота рязанскій мужичекъ Звѣревъ. Послѣ осушки болота сталъ онъ, первый въ краѣ, садить клубнику и малину, дающую здѣсь по три урожая въ годъ и кормился, отвозя малину на батумскій базаръ. Но вотъ удѣлы занялись опытами съ чаемъ: выписали сѣмена, разводили ихъ въ теплицахъ; такъ же дѣйствовала фирма К. и С. Поповъ и интеллигентные чаедѣлы. Звѣревъ, выпросивъ нѣсколько фунтовъ сѣмянъ у удѣловъ, посадилъ ихъ прямо въ грунтъ, такъ какъ не имѣлъ средствъ на оранжерею, и доподлинно открылъ Америку, доказавъ, что чай здѣсь можно выращивать на воздухѣ, а, стало быть, чайная промышленность осуществима. Онъ же изобрѣлъ легчайшіе пріемы кустарной обработки чая, домодѣльныя машины изъ дерева и проложилъ дорогу для крестьянскаго чайнаго производства. А нашъ братъ, интеллигентъ, выросшій въ городахъ, видавшій природу только на дачахъ, не способенъ стать піонеромъ сельскохозяйственной культуры просто потому уже, что онъ отродясь и лопаты не держалъ въ рукахъ.

Еще болѣе виноватъ *абсентеизмъ*: на 42 интеллигентныхъ владѣльца и арендатора, живущихъ постоянно на мѣстѣ, приходится 92, бросившихъ свои участки на руки сторожей и садовниковъ, разныхъ Аурсуновъ и Махметовъ. Одинъ живетъ во Владивостокѣ, десятки въ Питерѣ и Москвѣ и черезъ два года въ третій пріѣзжаютъ сюда отдохнуть на дачѣ. И курьезно, что при переписи сами Махметки на вопросъ, что нужно для улучшенія хозяйства, не разъ отвѣчали: «Чтобы хозяинъ жилъ здѣсь». Совершенно понятны здѣшнія жалобы на безлюдье: «генераловъ много, а людей нѣтъ». У предпринимателей—наоборотъ: на 68 живущихъ постоянно хозяевъ и арендаторовъ приходится только 13 отсутствующихъ. Отсюда и результаты иного калибра.

Но все-таки «интеллигенты» ставили свое хозяйство сначала сами: возводили постройки, садили растенія, знакомили своихъ Махмудокъ съ уходомъ за ними. Какъ же они его поставили? А вотъ какъ: 72 хозяина оцѣнили свои хозяйственныя постройки въ 45.000 а барскія—въ 467.000. Барскія, это—дачи съ бельведерами. Судя по этимъ цифрамъ, можно считать, что на такія дачи интеллигенты пока затратили въ округѣ не менѣе милліона. И дачи эти устраи-

вали въ большинствѣ для себя, а не для жильцовъ, съ большими залами, гостиными, столовыми въ модномъ стилѣ; въ землю же вкладывали гораздо меньше. Во всемъ районѣ, гдѣ количество садовъ и огородовъ у культуртрегеровъ достигаетъ теперь почти 1.000 десятинъ (не считая удѣловъ), въ 1913 г. черезъ сельскохозяйственное общество было выписано искусственныхъ удобреній на три тысячи, а лѣчебныхъ средствъ для растеній—на $1^1/_2$ тысячи; всего по $4^1/_2$ руб. на десятину, хотя здѣшняя система хозяйства должна быть высоко интенсивна.

Я говорилъ выше, что почва здѣсь мало плодородная, требующая огромнаго количества удобренія навознаго и минеральнаго. Обработка исключительно ручная. «И Китай, и Японія, и батумское побережье самой природой приспособлены къ тому, чтобы почвы ихъ обрабатывать рукой человѣка, а не трудомъ животнымъ» (проф. Красновъ). Наконецъ, климатъ способствуетъ роскошному росту растеній, но онъ же порождаетъ безчисленныя арміи паразитовъ, почему послѣ удобренія требуется самый тщательный уходъ, надзоръ, постоянное лѣченіе, неустанная борьба съ вредными насѣкомыми и паразитными грибами. Но нашъ служилый классъ оказался мало приспособленнымъ къ продуктивному интенсивному труду на землѣ. Уже теперь почти вездѣ на воротахъ дачъ «интеллигентовъ» красуются надписи: «продается», «продается»...

Пока что, покупателей мало: продавцы дорожатся, а охотниковъ платить «за чужія глупости», какъ выразился одинъ заѣзжій изъ Россіи предприниматель, не много на свѣтѣ.

III. Капиталъ и трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ субтропиковъ.

Предприниматели, въ общемъ, жизнеспособнѣе интеллигентовъ; поселившись поближе къ Батуму, они не заводили дачъ съ бельведерами, декоративныхъ садовъ, а, построивъ небольшіе домики, облюбовывали какую-нибудь одну спеціальную культуру, сами работали на-ряду съ рабочими и, какъ мы видѣли, уже добились кое-какихъ доходовъ. Но болѣе или менѣе широкое будущее капитализма въ здѣшнемъ чайно-мандариновомъ промыслѣ зависитъ, конечно, отъ его доходности вообще, а не отъ талантовъ и умѣнья первыхъ піонеровъ. И вотъ, что касается чая, то 15—20-ти-лѣтній опытъ уже указалъ на то, что, по крайней мѣрѣ, для небольшихъ капиталистовъ—это дѣло мало выгодное, главнымъ образомъ, вслѣдствіе недостатка и дороговизны рабочихъ рукъ.

Въ Китаѣ, на Цейлонѣ капиталистическое производство чая

обусловлено дешевизной рабочихъ, особенно женщинъ и дѣтей, такъ какъ на плантаціяхъ женскій и дѣтскій трудъ въ большомъ ходу. У насъ турчанки не идутъ, потому что съ открытымъ лицомъ имъ работать не подобаетъ, а съ закрытымъ невозможно. Грузины и сами рѣдко идутъ и женъ, и дѣтей не отпускаютъ. Курды—уходятъ въ горы какъ разъ ко времени чайнаго сбора. Русскіе не ѣдутъ сюда—далеко, да и лихорадки боятся. Остаются мѣстные аджарцы, которые до начала «бума» брали по 7—8 руб., потомъ 12—15 руб. По словамъ г. Криштофовича, благодаря дождямъ и праздникамъ, половина мѣсяца пропадаетъ, и 12 рублей превращаются въ 24...

Разсчетливые американцы не разводятъ у себя чая, хотя онъ бы отлично могъ у нихъ расти въ 6 южныхъ штатахъ, а ввозятъ 80 милліоновъ фунтовъ изъ Китая, потому что у нихъ рабочія руки еще дороже.

Производство чая сейчасъ построено по такой системѣ: въ 1912 г. подъ чаемъ въ округѣ было 714 дес., въ томъ числѣ у удѣловъ на Чаквѣ 450 дес. и у К. и С. Попова—105 дес. У остальныхъ плантаторовъ, числомъ 112, было 159 дес.—менѣе, чѣмъ по $1^1/_2$ дес., въ среднемъ. Мелкіе плантаторы сами не сушатъ листъ, а сдаютъ его на фабрики—въ удѣлъ, Попову и еще двумъ - тремъ частнымъ фабрикантамъ. Удѣлъ платилъ по 13,5 коп. за фунтъ листьевъ, теперь понизилъ до 12,8 коп. и собирался понизить до $9^1/_2$ коп. Если бы онъ это сдѣлалъ — плантаторы сплошь были бы разорены, потому что и теперь, по разсчетамъ г. Тимофеева, ихъ чистый доходъ не превышаетъ 40 руб. на дес. Но разсчеты г. Тимофеева построены на среднемъ урожаѣ въ 3.400 фун. листа съ дес. Такихъ урожаевъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ: у удѣловъ, за послѣдніе три года—1.900 фунтовъ, у мелкихъ плантаторовъ—менѣе 700, что, впрочемъ, зависитъ отъ молодости ихъ плантацій. Очевидно, что предприниматель - плантаторъ балансируетъ на канатѣ: поколеблется равновѣсіе урожаевъ, вздорожаютъ рабочіе — и все его предпріятіе рухнетъ въ пропасть [1]). Лучше положеніе предпринимателя, который

---

1) Предприниматели и интеллигенты уже убѣдились въ невыгодности чайнаго дѣла и бросились на мандарины. Пошелъ мандариновый „бумъ“: въ 1907 г. было насажено 26.000 корней, въ 1913 г. оказалось въ грунтѣ 240.000, а всѣхъ прочихъ плодовыхъ деревьевъ (по переписи) — 91.000. Между тѣмъ мандариновая культура, если и требуетъ меньше рабочихъ, зато нуждается въ высокомъ *качествѣ* труда, котораго наемный рабочій безъ присмотра дать не можетъ. Кромѣ тщательнаго ухода, организація сбыта мандариновъ — ихъ упаковка, транспортъ, храненіе и продажа на внутреннемъ рынкѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ чая. Первый полный сборъ мандариновъ у насъ будетъ черезъ 8 лѣтъ—тогда и можно будетъ подсчитать, что выйдетъ изъ мандариноваго „бума“ для предпринимателей.

заводитъ свою фабрику. По Тимофееву, его доходъ доростаетъ до 300 руб. съ десятины, но для фабрики нужно насадить плантацію въ 50 дес. или обезпечить себя соотвѣтственнымъ количествомъ сырьё на сторонѣ. Фабрика обходится недорого: для производства 30—40.000 фунтовъ чая—отъ $8^1/_2$ до 10 тыс. рублей. Но разведеніе десятины чая стоитъ до 900 руб., обработка и сборъ около 400 руб. Вотъ почему, самой раціональной была бы такая организація: предприниматели строятъ фабрики въ средѣ *крестьянскаго* населенія, а крестьяне заводятъ плантаціи и сбываютъ листъ предпринимателямъ. Если такой организаціи не наладится, — чайное дѣло въ большомъ масштабѣ у насъ не пойдетъ.

Чай можетъ произрастать не только въ Батумскомъ округѣ, но и на латеритѣ въ сосѣднемъ Озургетскомъ уѣздѣ, Кутаисской губ. По приблизительному подсчету, площадь чайныхъ плантацій можетъ быть доведена до 33.000 десятинъ и производство чая до 27 милл. фунтовъ, т. е. до $^1/_3$—$^1/_4$ всего чайнаго ввоза въ Россію. Батумскіе и озургетскіе крестьяне съ прошлаго года приступили къ чайной культурѣ, и площадь крестьянскихъ плантацій опредѣляется пока въ 50 дес. Для крестьянъ, у которыхъ трудъ свой, не купленный, весь вопросъ лишь въ *сбытѣ*; чайная же культура для нихъ особенныхъ трудностей не представляетъ, потому что они природные садоводы и свою землю знаютъ, а 350 — 400 руб. валового дохода съ дес. на полу не валяются.

Я говорю о *мѣстныхъ* крестьянахъ — аджарцахъ и гурійцахъ и о грекахъ-колонистахъ. Русскихъ поселенцевъ надо сбросить со счета. Не знаю, зачѣмъ правительству понадобилось въ этой природной оранжереѣ сажать полтавскихъ, могилевскихъ и закубанскихъ хлѣборобовъ; но чуть ли не со времени турецкой войны оно упорно производитъ опыты русской колонизаціи, аккуратно кончающіеся разореніемъ и бѣгствомъ колонистовъ. Переселенческіе участки нарѣзаются на болотистыхъ низинахъ—русскіе, дескать, къ горамъ не привычны. Въ видѣ выгона дано непроходимое болото. Изолированные отъ населенныхъ пунктовъ (только сейчасъ проводится дорога черезъ болото), брошенные на жертву лихорадокъ, они не знали даже, приходя сюда, какъ сѣется кукуруза, не то что мандарины. Никто не удосужился имъ разсказать, какой здѣсь климатъ и почва—никто не училъ, не лѣчилъ и не помогалъ имъ... Понятно, что они мерли и разбѣгались, и разъ, и два, и три, и пять, — Богъ вѣсть, сколько партій приходило сюда, садилось на полгода — на годъ на землю, умножало кладбищенское населеніе и затѣмъ безслѣдно таяло во мглѣ громадной Россіи. По словамъ начальства — все это были

пьяницы и лѣнтяи; костями этихъ пьяницъ и лѣнтяевъ вымощены окрестныя болота, а «трезвыхъ» работниковъ все нѣтъ и нѣтъ...

Болѣе удачна была правительственная попытка призвать грековъ изъ Турціи. Пріѣхали больше контрабандисты да каменщики, поселились въ горахъ и живутъ пока, — не плачутъ... Ихъ хозяйство—сколокъ съ туземнаго и имѣетъ свои особенности, отличающія его какъ отъ культуртрегерскаго, такъ и русскаго. Культуртрегеры исключительно садоводы и притомъ — *модники*: нынче въ модѣ декоративныя растенія — всѣ бросаются на нихъ; пошла мода на чай—всѣ, какъ по командѣ, поворачиваютъ на чай, на мандарины—давай мандарины. Словно сельскохозяйственная культура—это какія-то дамскія шляпки... Русскіе поселенцы, какъ хлѣборобы по натурѣ, ничего, кромѣ полеводства, не знаютъ: первые засельщики изъ нихъ пробовали садить «пашаничку» — теперь съ грѣхомъ пополамъ научились сѣять кукурузу,—на томъ и остановились...

Туземное крестьянское хозяйство—гораздо сложнѣе, а потому и устойчивѣе. Имѣя 5—6—10 десятинъ на горахъ и низинахъ, каждый изъ нихъ заводитъ порядочный садъ, кукурузное и рисовое поле, пару коровъ, быковъ, лошадей... Садоводство—старинное, сохранившееся отъ турецкихъ временъ. Еще до прихода русскихъ здѣсь были апельсиновыя и лимонныя рощи, частью вырубленныя, частью померзшія—сохранились лишь за Чорохомъ къ турецкой границѣ, куда до сихъ поръ ни прохода, ни проѣзда нѣтъ въ дождливое время. Въ 10 переписанныхъ селеніяхъ при 740 дымахъ оказалось 140 тыс. фундуковъ (крупный орѣхъ), $8^1/_2$ тыс. апельсиновыхъ, 2,1 тыс. лимонныхъ деревьевъ и 35 тыс. прочихъ плодовыхъ и винограда. Виноградъ здѣсь—тоже въ родѣ дерева: возлѣ дуба или ольхи сажается лоза, которая потомъ обвиваетъ дерево и растетъ себѣ на волѣ 60—70 лѣтъ, давая по 3—4 пуда ягодъ, очень вкусныхъ (сортъ изабелла), но для вина мало пригодныхъ. Отъ продажи фруктовъ сады приносятъ 40—300 руб. на дымъ, а для себя хозяева имѣютъ 1—2 дес. кукурузы и риса. За 35 лѣтъ владычества русскихъ, туземцы не научились говорить по-русски и до сихъ поръ находятся подъ сильнымъ вліяніемъ своего духовенства. Но послѣднія событія въ Турціи надломили кору невѣжества и фанатизма — тяга къ свѣту, къ образованію уже пустила первые ростки въ ихъ средѣ... Населеніе жаждетъ русскихъ школъ, дорогъ, оно понимаетъ пользу прогрессивной сельскохозяйственной культуры—оно готово воспринять сѣмена «разумнаго, добраго, вѣчнаго»... Но, какъ я писалъ выше — въ округѣ генераловъ много, а «людей» нѣтъ — сѣять некому.

Магометане—аджарцы—родные братья озургетскихъ гурійцевъ.

У гурійцевъ такое же хозяйство—только апельсиновъ нѣтъ. Гурійцы еще сильнѣе тяготѣютъ къ образованію и при малѣйшей возможности тянутъ дѣтей въ гимназіи и университеты. Гурійцы, послѣ революціи — на плохомъ счету у начальства. Ихъ столица Озургеты была сожжена въ эпоху карательныхъ экспедицій; какъ ни просятъ озургетцы — гимназій имъ не даютъ, косо смотрятъ и на всякія общественныя начинанія.

Таковъ тотъ человѣческій матеріалъ, на которомъ строится зданіе субтропической культуры. Эта культура требуетъ тѣснѣйшаго взаимодѣйствія *труда* и *капитала*: съ одной стороны, она въ высшей степени трудоемка и интенсивна, а потому наиболѣе приспособлена къ хозяйствамъ трудового и полутрудового типа, съ другой,—исключительно *рыночна*, а стало быть, требуетъ организаціи сбыта и переработки продуктовъ. Чайная фабрика будетъ доходна лишь тогда, когда окрестные крестьяне научатся разводить чайные кусты, а заниматься чаеводствомъ они станутъ лишь въ томъ случаѣ, если найдутъ возлѣ себя обезпеченный сбытъ листьевъ. То же самое нужно сказать и относительно мандариноваго бамбуковаго, воскового [1]) и лаковаго дѣла, отчасти промышленнаго цвѣтоводства, посадокъ рами (растенія, дающаго матерію, похожую на шелкъ), новозеландскаго льна и десятковъ другихъ субтропическихъ культуръ, которыя привились и могутъ здѣсь привиться и которыя безъ объединенія капитала съ трудомъ—мертворожденны. Одинъ капиталъ, безъ поддержки его трудомъ *самостоятельнаго* крестьянства—безсиленъ; одинъ трудъ, безъ организаціи его знаніемъ и капиталомъ—безплоденъ...

Сейчасъ у насъ нѣтъ ни единенія труда съ капиталомъ, ни раціональнаго знанія. Всѣ три группы—интеллигентовъ, предпринимателей, трудового населенія—и отдѣльныя хозяйственныя ячейки внутри ихъ, живутъ и дѣйствуютъ каждая на свой страхъ, растрачивая безплодно на всѣ стороны широкіе потоки средствъ и энергіи. Одна изъ самыхъ богатыхъ и культурныхъ группъ — интеллигентская—несомнѣнно обречена на ликвидацію, если только не броситъ сельскаго хозяйства и не перейдетъ на курортное дѣло; предпринимательская—покуда не имѣетъ поддержки отъ крестьянъ и сама копается въ землѣ—малопродуктивна. Крестьяне ведутъ хозяйство, какъ Аллахъ заповѣдалъ, и перебиваются съ хлѣба на квасъ, точнѣе сказать, съ кукурузы на лобію (фасоль). Всѣ три группы

---

[1]) Восковое дерево даетъ воскъ изъ плодовъ. „Всѣ свѣчи церквей Грузіи могли бы быть сдѣланы изъ батумскаго воска“—говоритъ проф. А. Н. Красновъ.

отрѣзаны другъ отъ друга національнымъ, сословнымъ, соціальнымъ и культурно-бытовымъ антагонизмомъ и живутъ—каждая за китайской стѣной. Какой богатырь разрушитъ эти стѣны, вызоветъ къ жизни дремлющія силы людей и природы?.. Этотъ богатырь—безпрепятственная самоорганизація общественныхъ силъ, возможная лишь при улучшеніи общеполитическихъ условій.

Люди, жаждущіе внести свѣтъ во тьму, и темные люди, жаждущіе свѣта, тогда отыщутъ другъ друга, трудъ и капиталъ объединятся и удесятерятъ посредствомъ объединенія свою продуктивность. Капиталъ можетъ быть буржуазный и *кооперативный*. По обычному шаблону, капитализація предшествуетъ кооперація. Но въ сельскомъ хозяйствѣ во многихъ мѣстахъ кооперативный капиталъ упреждаетъ капиталъ буржуазный, и наша субтропическая культура представляетъ массу удобныхъ моментовъ для самостоятельной кооператизаціи, именно благодаря тѣсной зависимости капитала отъ труда.

Но кооперативное движеніе на мѣстахъ всецѣло зависитъ отъ туземной интеллигенціи,—не той «интеллигенціи» въ кавычкахъ, которая строитъ на морскомъ берегу дачи съ бельведерами и живетъ въ столицахъ и заграницахъ, а той, которая выходитъ и будетъ выходить изъ нѣдръ своего народа.

IV. Курортъ.

Есть такая шаблонная картина—«все въ будущемъ»: молодая дѣвица сидитъ въ бѣломъ платьѣ на скамейкѣ; мечтательный взоръ ея устремленъ въ морскую даль, въ рукѣ алая роза, отъ которой она отрываетъ лепестокъ за лепесткомъ—должно быть, гадаетъ..

Такъ точно наши «интеллигенты», чиновные люди въ отставкѣ, сидятъ въ своихъ бельведерахъ у берега моря и гадаютъ: у нихъ тоже все въ «будущемъ». Прошлое для нихъ—сельское хозяйство полно отравленныхъ воспоминаній; а вотъ, будь здѣсь *курортъ*,—тогда все пошло бы по-иному... «Интеллигенты» да и предприниматели захватили прибрежную сторону отъ Кобулетъ до Батума, а сейчасъ передвигаются на югъ, въ дикій, но очаровательный зачорохскій край—къ турецкой границѣ. Эта полоса—ея равнины, пологіе, округленные холмы, красивые мысы, которые стоятъ въ морѣ, какъ ароматныя, полныя зелени и цвѣтовъ корзины на огромномъ голубомъ подносѣ—мѣсто, лучше котораго по внѣшнему виду и температурѣ въ Россіи не найдешь. Средняя годовая

t°+15°, не ниже ривьерской, зимняя+7,5° на 1—2 градуса холоднѣе Ниццы и Санъ-Ремо, а лѣтняя+23°;—прохладнѣе, чѣмъ зачастую въ Москвѣ. Круглый годъ зеленѣетъ большинство деревьевъ и цвѣтутъ цвѣты. Но въ этой зеленой теплой корзинѣ, кромѣ розъ, спрятаны и шипы. Ровная субтропическая температура порождается не только географической широтой, но и необычайной *влажностью* этого мокрѣйшаго изъ мокрыхъ мѣстъ Европы. 2.500 миллиметровъ осадковъ—это вшестеро больше, чѣмъ въ нечерноземномъ центрѣ Россіи и въ 12 разъ больше, чѣмъ на засушливомъ югѣ. Влажность даетъ роскошную растительность, умѣряетъ зиму и лѣто, но и родитъ болота и лихорадки. И хотя у насъ лихорадокъ не больше, чѣмъ въ другихъ районахъ Черноморскаго побережья,—одно упоминаніе о болотахъ отбрасываетъ россійскую курортную публику на тысячи верстъ отъ нашего края.

Уничтоженіе болотъ—conditio sine qua non курортнаго дѣла у насъ. Большая часть болотъ принадлежитъ казнѣ, меньшая городу, крестьянамъ, садовладѣльцамъ. У казны, въ частности у переселенческаго вѣдомства болото именуется выгономъ, хотя въ этомъ выгонѣ недавно провалилось полотно прокладываемой вѣдомствомъ шоссейной дороги. Болота, большей частью торфяныя, и осушка ихъ, превращеніе въ луга, въ пашни, въ сады, несомнѣнно, окупили бы большую часть, если не всѣ затраты. Говорятъ, даже находились предпріимчивые иностранцы, предлагавшіе осушить крупнѣйшее болото въ районѣ, позади Кобулетъ; говорятъ, до японской войны сама казна хотѣла осушить болото, но война тогда съѣла всѣ ассигновки. Д-ръ Тріантафиллиде въ своей брошюрѣ, изданной въ 1898 г., упоминаетъ о томъ, что прибатумскія болота собираются, молъ, осушить въ будущемъ году; съ тѣхъ поръ прошло 16 лѣтъ, и самъ докторъ давно убитъ разбойниками, а лягушки и комары до сихъ поръ еще блаженствуютъ на болотахъ...

Второе условіе—удобное сообщеніе—*внѣшнее* съ центромъ Россіи и *внутреннее* въ прибрежной полосѣ. Отъ Москвы сюда ѣзды четверо сутокъ моремъ и сушей, на выборъ. Большинство пріѣзжихъ находитъ такой путь утомительнымъ: черноморская, а еще лучше—перевальная дорога исправитъ этотъ дефектъ... Но и сейчасъ возможны улучшенія внутренняго сообщенія: проведеніе шоссейныхъ дорогъ, заведеніе дилижансовъ, пароходиковъ, крейсирующихъ по побережью. Теперь, случается въ дождливую пору, что трудно больного нельзя дотащить до Батума на разстояніи 3-хъ верстъ отъ желѣзной дороги: въ иныхъ мѣстахъ только верхомъ и проѣдешь. Дороги раскисаютъ, ихъ поверхность становится скользкой, какъ спина лягушки.

Третье условіе—хотя бы минимальный комфортъ для пріѣзжихъ и сравнительно умѣренныя цѣны. Цѣны за дачи и на продукты у насъ, какъ и всюду, растутъ,—за бутылку молока платятъ 15 коп., но комфорта нѣтъ. Нѣтъ сносныхъ гостиницъ, пансіоновъ, курзаловъ, никакихъ развлеченій, кромѣ воя шакаловъ на болотахъ по вечерамъ. Это—въ окрестностяхъ Батума, а въ самомъ Батумѣ лѣтомъ жарко, удобствъ въ гостиницахъ тоже мало, цѣны высокія. Не такъ давно попытка Батумской управы прорекламировать Южную Колхиду, какъ курортъ, кончилась проваломъ: пріѣхавшіе по рекламѣ сейчасъ же вернулись, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ.

Итакъ, осушка болотъ, сообщеніе, комфортъ—вотъ три условія для созданія здѣсь курорта; а это значитъ не только деньги, деньги и деньги—но и *люди*—энергичные, дѣловые организаторы. Это значитъ—свободное мѣстное самоуправленіе, общественная самодѣятельность и иниціатива—эти европейскіе цвѣты, безъ которыхъ не даетъ плодовъ самая роскошная природа. Когда у насъ расцвѣтутъ эти цвѣты, мы, пожалуй, поспоримъ не только съ Крымомъ, а и съ лазурной Ривьерой. Пока же сейчасъ (въ іюнѣ 1914 г.) получено извѣстіе, что ходатайство кобулетцевъ о превращеніи ихъ мѣстечка въ посадъ—отклонено кавказской администраціей.

V. Промышленность.

Эта — тоже въ будущемъ, а потому о ней два слова. Горное дѣло начало развиваться позади Батума въ Артвинскомъ округѣ, гдѣ найдены богатѣйшія залежи мѣдной руды, марганца, сѣрнаго колчедана, мрамора, серебра свинцоваго и др. Больше всего мѣди, которую и начали разрабатывать англичане, затратившіе нѣсколько милліоновъ на устройство крупнаго предпріятія верстахъ въ 40 отъ Батума. Условія выработки гораздо лучше уральскихъ, но главный недостатокъ—отсутствіе рельсоваго пути. Сейчасъ городъ производитъ изысканія на проведеніе электрической дороги отъ Батума на Карсъ черезъ рудоносные районы.

Вторая отрасль промышленности—лѣсное дѣло. Казенныхъ лѣсовъ по горамъ и ущельямъ 251.000 дес.; послѣ болотъ—лѣса мрачные, сырые съ массой гнилья—вторая причина лихорадокъ. Послѣ того, какъ на побережьи лѣса истреблены, уже не слышно про свирѣпыя вспышки маляріи, принимавшей въ былые годы эпидемическій характеръ. Нѣтъ и тропическихъ ливней, продолжавшихся по двѣ недѣли безпрерывно: климатъ «на глазъ» сталъ замѣтно суше и здоровѣе за послѣднее десятилѣтіе. Но вѣтеръ, дующій

съ горъ, продолжаетъ еще наносить лихорадочные міазмы на окрестныя дачи. Разрѣженіе лѣсовъ, полезное въ гигіеническомъ отношеніи, связано съ расцвѣтомъ горнопромышленности. Развитіе горной промышленности вызоветъ къ жизни и громадное техническое дѣло: явятся фабрики для изготовленія изъ бука и ольхи трехслойнаго фарніера, паркета, гнутой мебели, бочекъ въ готовомъ видѣ и пр. Имѣющуюся въ избыткѣ даровую силу водопадовъ, горныхъ рѣкъ и озеръ не замедлятъ осѣдлать на пользу не только горнаго дѣла, но и для сушки и консервированія лѣса электрическимъ путемъ [1]). Теперь букъ рубятъ на дрова и жгутъ на уголь, а ольха считается здѣсь ненавистнымъ деревомъ, родительницей лихорадокъ, потому что любитъ болота.

Въ одной повѣсти столичная писательница задумывается надъ тѣмъ, какъ это въ столицахъ культивируютъ, отшлифовываютъ крохотные талантики, а въ провинціи, въ глуши чуть ли не геніи пропадаютъ, даже не подозрѣвая объ этомъ. Но я думаю, я убѣжденъ, что нашъ «геній» — даръ великой матери-природы не пропадетъ, потому что онъ *вѣченъ*. И настанетъ время, придутъ люди, которые сумѣютъ развернуть во всю ширь его неиспользованныя дарованія и эти люди—сотни тысячъ людей будутъ счастливы въ крохотномъ уголкѣ. Ближайшая прибрежная полоса обратится въ большой комфортабельный курортъ, гдѣ усталые, больные, мрачные труженики большихъ городовъ полными ковшами будутъ черпать здоровье и бодрость жизни у высокихъ пальмъ, бѣлоствольныхъ эквалиптовъ, у синяго моря, у горячаго солнца... Во второй линіи—поближе къ горамъ культурные трудовые земледѣльцы и садоводы покроютъ холмы и долины чайными, мандариновыми и бамбуковыми плантаціями, и въ зелени садовъ мало замѣтны будутъ низенькія строенія кооперативныхъ фабрикъ, факторій, мастерскихъ, складовъ транспорта и храненія. Еще дальше, у подножья снѣговыхъ горъ пріютятся молочныя фермы, а на высотахъ альпійскихъ пастбищъ зазвенятъ колокольчики на шеѣ гордыхъ вожаковъ крестьянскаго стада. Изъ каменистой груди горъ выростутъ толстыя колонны трубъ, въ лѣсахъ послышится визгъ стальныхъ пилъ и ревъ буйнаго Чороха не заглушитъ свистковъ электровоза.

Въ этой картинѣ, которая рисуется прогрессивнымъ дѣятелямъ края, мнѣ кажется, не меньше своей поэзіи, чѣмъ было здѣсь въ турецкую эпоху, когда на узкихъ тропинкахъ, во мракѣ лѣсовъ человѣкъ

---

[1]) „Цѣнности Батумской области“.

подстерегалъ человѣка, медвѣдь—кому, шакалъ—зайца. И въ природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ шла ожесточенная борьба, *взаимоистребленіе*. Современная русская культура уничтожила лѣса и звѣрей, отодвинула къ горамъ туземцевъ и въ общемъ не придала краю пока ни особой поэзіи, ни богатства.

Будемъ надѣяться, что послѣ великой войны, какъ всегда послѣ періодовъ бурь и разрушенія, настанетъ періодъ могучаго творчества человѣческихъ массъ. И тогда картина, нарисованная сейчасъ, хотя въ основныхъ своихъ контурахъ, изъ области фантазіи перейдетъ въ дѣйствительность.

И. Огановскій.

ВОЕННЫЙ ЦЕНТРЪ ГЕРМАНСКОЙ ИНДУСТРІИ.

I.

Нынѣшняя война принесла германской промышленности несравненно больше перемѣнъ, чѣмъ война 1870 г. Тогда Германія не была отрѣзана отъ подвоза сырыхъ матеріаловъ изъ-за моря. Тогда отъ производительнаго труда было призвано подъ знамена лишь менѣе 1.200 тыс. чел. Тогда весь міръ, кромѣ Франціи, открытъ былъ для нѣмецкаго экспорта. Тогда, словомъ, послѣ замѣшательства первыхъ двухъ мѣсяцевъ производительная дѣятельность пришла въ порядокъ безъ какого-либо измѣненія направленія и организаціи, какими обладала она до войны. Теперь, наоборотъ, измѣнилось и то, и другое: и самые предметы производства, и организація управленія имъ. Только путемъ такой двойной реорганизаціи, матеріальной и внутренней, смогла германская индустрія спастись отъ неизбѣжнаго иначе крушенія, а быть можетъ—даже и укрѣпить нѣсколько свои позиціи для предстоящаго послѣ войны обычнаго состязанія съ индустріей другихъ государствъ.

Во главѣ работъ по преобразованію сталъ учрежденный для этого особый центральный военнопромышленный совѣтъ—Kriegsausschuss der deutschen Industrie. Первымъ оффиціальнымъ днемъ военной мобилизаціи было 2 августа нов. ст., и въ послѣдній день первой недѣли этой мобилизаціи, 8 авг., состоялось учредительное собраніе Kriegsausschuss'a. Въ немъ приняли участіе члены союзнаго совѣта Германской имперіи, имперскій министръ внутреннихъ

дѣлъ, представители банковъ и уполномоченные обоихъ центральныхъ союзовъ германскихъ промышленниковъ, объединяющихъ «тяжелую» и «легкую» индустріи: Zentralverband deutscher Industrieller и Bund der Industriellen. Составъ впр. совѣта былъ опредѣленъ въ этомъ засѣданіи состоящимъ изъ 24 крупныхъ банковскихъ и индустріальныхъ дѣятелей (директоръ Deutsche Bank Гвиннеръ, дир. Dresdener Bank Мюллеръ, дир. Diskonto Gesellschaft Урбигъ, дир. Mitteldeutsche Kreditbank Веберъ, представитель фирмы С. Блейхредера Бляшке, затѣмъ Борзигъ, Сименсъ и другіе индустріальные магнаты). Въ Kriegsausschuss'ѣ сходились нити отъ всѣхъ важнѣйшихъ банковыхъ институтовъ страны и отъ 90% индустріи. Замѣститель канцлера Дельбрюкъ назначилъ туда своимъ комиссаромъ одного изъ директоровъ своего вѣдомства (Дельбрюкъ состоитъ имперскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Прочіе министры, имперскіе, прусскіе, саксонскіе, вюртембергскіе и др., разослали циркуляры всѣмъ властямъ всячески поддерживать «заслуживающія благодарности стремленія» Kriegsausschuss'а. Оба центральныхъ индустріальныхъ союза закрыли свою газету въ пользу «Mitteilungen» впр. совѣта, первый № которыхъ вышелъ уже 14 августа.

Задачи новой организаціи слѣдующимъ образомъ очерчены въ первомъ же ея «воззваніи къ германской индустріи», подписанномъ 8 авг. «Необходимо, насколько возможно, поддержать хозяйственную работу, раціональнѣйшимъ образомъ собрать и организовать имѣющіяся для этого въ распоряженіи силы, чтобы прежде всего избѣгнуто было раздробленіе и расточеніе средствъ нашей хозяйственной мощи. Сплоченіе всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ средствъ, какія объединяетъ въ себѣ промышленность, подъ единымъ руководствомъ опытнѣйшихъ руководителей нѣмецкаго труда, въ общеніи съ имперскимъ правительствомъ и съ германскимъ финансовымъ капиталомъ,—вотъ большая задача, которую мы должны рѣшить. Дѣло идетъ о планомѣрной совмѣстной дѣятельности уже существующихъ индустріальныхъ организацій для полнаго силы раздѣленія труда, для цѣлесообразнаго примѣненія наличныхъ національныхъ хозяйственныхъ силъ, не только для военныхъ надобностей, но и ради обезпеченія внутреннихъ потребностей страны во все продолженіе войны. Это вопросы жизни германской промышленности, которые стоятъ теперь на картѣ. Мы должны обезпечить систематическое распредѣленіе и доставку служащихъ и рабочихъ, какъ для сельскаго хозяйства, такъ и для промышленности обрабатывающей. Мы можемъ содѣйствовать поддержкѣ и доставкѣ занятія страдающимъ вслѣдствіе войны отраслямъ индустріи путемъ передачи имъ частей производительнаго процесса отъ другихъ заваленныхъ

требованіями отраслей и т. п. Мы хотимъ организовать скорѣйшее выполненіе всѣхъ поставокъ для государства и отдѣльныхъ отраслей управленія. Мы желаемъ собрать индустріальныя силы для поддержки общихъ національныхъ цѣлей и держать готовыми для всѣхъ дальнѣйшихъ задачъ, какія въ эти серьезныя времена могутъ быть поставлены индустріи». Далѣе идетъ сообщеніе о личномъ составѣ Kriegsausschuss'a, о предоставленіи въ его распоряженіе всѣхъ организацій и учрежденій обоихъ центральныхъ союзовъ промышленниковъ и т. п.

Поставить «подъ единое руководство» «испытанныхъ вождей» всю промышленную жизнь 70-милліонной страны—такова была грандіозная цѣль, провозглашенная приведеннымъ воззваніемъ. Теперь, послѣ болѣе чѣмъ полугодичнаго опыта, надо признать въ общемъ этотъ экспериментъ удавшимся. Германская индустрія потеряла, правда, двѣ трети своего экспорта. Она сумѣла замѣнить это переходомъ къ изготовленію предметовъ, доставлявшихся изъ-за границы, или производившихся дома, но понадобившихся теперь въ большемъ количествѣ по причинѣ войны. Германская индустрія лишилась подвоза значительной части сырыхъ матеріаловъ. Она справилась и съ этимъ созданіемъ суррогатовъ, широкимъ использованіемъ технической изобрѣтательности.

До войны предсказывали, что съ каждымъ ея мѣсяцемъ будетъ все расширяться кругъ банкротящихся германскихъ фирмъ, все сокращаться будутъ торгово-промышленные обороты страны, все расти безработица. Общее крушеніе должно было начаться съ фабрикантовъ предметовъ экспорта и роскоши, продолжаться банками, какъ связанными съ ними, и постигнуть въ концѣ концовъ и счастливцевъ, работающихъ на внутренній рынокъ, ибо покупательная сила внутренняго рынка должна была быть совершенно подорвана все растущей массовой безработицей. Къ тому же населеніе должно было бы лишиться многаго, что получалось изъ-за границы или матеріалы для чего привозились изъ-за границы.

Вѣроятно, все это такъ и осуществилось бы, если бы каждая хозяйственная единица осталась предоставленной себѣ самой, если бы въ хозяйственной жизни страны по-прежнему господствовала частная конкурренція: одни были бы завалены военными заказами и не могли бы выполнить ихъ въ срокъ, другіе банкротились бы, и покупательная сила рынка все болѣе сходила бы на нѣтъ. Въ дѣйствительности же получилась слѣдующая картина. Выручка отъ грузового движенія по желѣзнымъ дорогамъ (тарифы не увеличивались) составила въ августѣ н. ст. (первый мѣсяцъ войны) всего 41,2% выручки за тотъ же мѣсяцъ предшествовавшаго года. Далѣе,

если засчитать и мобилизованныхъ, и безработныхъ (по августовскому уровню), ко второй половинѣ этого мѣсяца германская промышленность занимала лишь 52% того количества рабочихъ рукъ, какое она примѣняла до войны. На рабочемъ рынкѣ, по итоговымъ даннымъ посредническихъ учрежденій по указанію труда, на каждое замѣщавшееся мѣсто приходилось свыше чѣмъ по десяти желающихъ получить занятіе. Такимъ образомъ, первый мѣсяцъ какъ бы оправдывалъ пессимистическія ожиданія. Но къ концу его начало уже сказываться вліяніе дѣятельности Kriegsausschuss'a и цѣлаго ряда вызванныхъ по его мысли къ жизни подсобныхъ организацій, о которыхъ рѣчь ниже.

Были приняты мѣры, позволившія производить на шелковыхъ фабрикахъ перевязочные матеріалы, на бархатныхъ—матерію для палатокъ, на зонтичныхъ—непромокаемыя ткани, на велосипедныхъ—кровати, на фабрикахъ швейныхъ машинъ—шрапнели, фотографическихъ аппаратовъ—освѣтительныя принадлежности и карманныя лампы (сводка Крэтцига отъ 1 дек. 1914 г.). Фабрики шляпъ изготовляютъ войлочныя одѣяла, химическія—санитарно-фармацевтическіе препараты и препараты для удобренія (вмѣсто привозившагося изъ Чили), піанинныя—гильзы для патроновъ, стеклянныя—вмѣсто бутылокъ для пива и вина на экспортъ—медицинскія склянки и т. п. (сводка Кунова 24 янв.). Рекордъ побили крупныя типографіи и бумажныя фабрики, которыя по недостатку чисто-типографской работы изготовляютъ теперь и бокалы для питья, и теплыя одѣяла, и жилетки, и вату—все изъ бумаги. Уже изъ приведенныхъ примѣровъ, число коихъ можно было бы по произволу умножить (сошлюсь на другіе, приводившіеся мною въ «Русск. Вѣд.»), можно видѣть, что переходъ отъ одной фабрикаціи къ другой требовалъ значительныхъ техническихъ перемѣнъ вообще и умѣнья и желанія рабочихъ приспособиться къ новымъ требованіямъ производства въ частности. Возможность техническихъ перемѣнъ облегчена была политикой Kriegsausschuss'a и подсобныхъ организацій, проведшихъ распредѣленіе заказовъ по предпріятіямъ въ соотвѣтствіи съ наименѣе труднымъ для даннаго предпріятія направленіемъ техническаго приспособленія, и облегчившихъ его соотвѣтственнымъ направленіемъ средствъ кредитныхъ институтовъ. Полное уравненіе всѣхъ предпріятій въ условіяхъ снабженія рабочими силами и сырыми матеріалами, равномѣрное и централизованное распредѣленіе заказовъ и вообще сбыта, не только на казну, но и экспортнаго и на внутренній рынокъ — все это позволило вновь открыться закрывшимся-было фабрикамъ и вернуться къ станкамъ потерявшимъ-было занятіе рабочимъ.

Въ итогѣ доходы отъ перевозокъ по желѣзнымъ дорогамъ, по сравненію каждый разъ съ тѣмъ же мѣсяцемъ предшествовавшаго года, составили въ августѣ 1914 г.—41,2%, въ сентябрѣ—68,7%, въ октябрѣ—79,6%, въ ноябрѣ—81,4%, въ декабрѣ—95,9%, въ январѣ 1915 г.—92,2%. При этомъ надо еще замѣтить, что въ августѣ весьма замѣтную долю составляютъ перевозки военныхъ грузовъ, а затѣмъ, постепенно понижаясь, доля ихъ доходитъ въ январѣ всего лишь до 6,4%. За вычетомъ этого, выручка отъ грузового движенія составляетъ, слѣдовательно, уже шесть седьмыхъ нормальной величины—заслуживающіе вниманія результаты для страны, ведущей войну на три фронта. Выручка отъ пассажирскаго движенія, составлявшая еще въ сентябрѣ лишь 49,6% нормальной, въ январѣ дошла также до 84,6%.

Подобнымъ образомъ развивалось положеніе и на рынкѣ рабочихъ рукъ. По сводкѣ данныхъ посредническихъ учрежденій для всей Германіи (№ 2 Reichsarbeitsblatt за 1915 г.), количество мѣстъ относилось къ числу домогавшихся ихъ лицъ въ августѣ какъ 1 къ 10, въ октябрѣ уже 1:4, въ декабрѣ 1:3 и въ февралѣ 1915 г. даже только 1:2. Среди членовъ профессіональныхъ союзовъ процентъ безработныхъ понизился съ 22 въ началѣ сентября до 6,6 на 30 янв. н. ст. и т. п. Преувеличивать, впрочемъ, не приходится: на двѣ трети безработица уменьшилась просто оттого, что за время съ начала сентября по 30 янв. въ Германіи призвана на военную службу еще ровно треть того количества людей, какое призвано было за первый мѣсяцъ войны по начало сентября н. с. Это какъ разъ поглотило $^2/_3$ уменьшенія количества безработныхъ (подробные подсчеты въ № 9 за 1915 г. Korrespondenzblatt'a — центральнаго органа германскихъ «свободныхъ» профессіональныхъ союзовъ), и лишь остальная треть приходится на дѣйствительное улучшеніе положенія и расширеніе хозяйственной дѣятельности. Но надлежитъ удивляться, конечно, не небольшимъ сравнительно размѣрамъ увеличенія абсолютнаго количества занятыхъ лицъ, а тому, что не происходило дальнѣйшаго и быстраго его уменьшенія. Въ этомъ и сказывались результаты перевода германской индустріи на новые рельсы—на рельсы централизованнаго, планомѣрнаго и согласованнаго руководства производствомъ.

Направленная къ этому дѣятельность Kriegsausschuss'a и подсобныхъ организацій распадается на семь главныхъ отраслей: обезпеченіе промышленности сырыми матеріалами, обезпеченіе рабочими руками, регулированіе поставокъ на казну, внутренняго сбыта, экспорта и транспорта и удовлетвореніе потребности въ кредитѣ. Обслуживались еще вопросы правовые, по интернаціональной аги-

таціи и т. п., но все это не имѣетъ уже прямого отношенія къ дѣлу. Ниже сопоставлены сжато данныя изъ первыхъ семи областей.

II.

Одной изъ первенствующихъ задачъ въ дѣятельности Kriegsausschuss'а была забота о наличности и распредѣленіи матеріаловъ для производства. Застой въ подвозѣ однихъ сырыхъ матеріаловъ и секвестръ другихъ военнымъ вѣдомствомъ (напр., мѣди) создаетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ бо́льшія затрудненія германской индустріи. Значительная ея часть была построена въ разсчетѣ на непрерывное общеніе съ міровымъ рынкомъ. Теперь у Германіи сохранилось непрерывное сообщеніе лишь съ рядомъ европейскихъ государствъ, поглотившихъ въ 1913 г., правда, цѣлыхъ 41,2% ея экспорта, но доставившихъ ей только 25,4% ея ввоза. Въ 1913 г. Германія ввезла на 607 милл. мар. хлопчатой бумаги, на 413 м. м. сырой и на 61 м. м. чесанной шерсти, на 335 м. м. сырой мѣди, на 322 м. м. необдѣланной кожи, на 275 м. м. угля и на 227 м. м. желѣзной руды, на 355 м. м. всевозможныхъ шкуръ и мѣховъ (козьихъ, бараньихъ, телячьихъ и т. д.), на 172 м. м. чилійской селитры, на 122 м. м. копры и на 47 м. м. кальція, на 158 м. м. некрашеннаго шелка-сырца, на 147 м. м. резины, на 237 м. м. лѣса, на 135 м. м. необработанныхъ табачныхъ листьевъ, на 116 м. м. хлопчатобумажной и на 108 м. м. шерстяной пряжи, на 70 м. м. керосина и на 46 м. м. другихъ минеральныхъ маслъ, на 60 мил. кишекъ и т. п., на 58 м. м. цинка и на 57 м. м. льна. Не считая угля, желѣзной руды и лѣса (все это частью можетъ быть произведено дома, частью получено изъ Швеціи), оказывается, на 3.400 милл. марокъ въ годъ получала Германія сырыхъ матеріаловъ для своего производства изъ-за границы (по Jahrbuch'у Герм. Имп. за 1914 г.), и притомъ, главнымъ образомъ, изъ воюющихъ съ нею странъ или изъ-за океана.

Подобно Робинзону на необитаемомъ островѣ, осталась теперь Германія, предоставленная самой себѣ въ границахъ своей страны. Заботливо осматриваетъ она у себя всякую мелочь, все стараясь приспособить для надобностей своего производства, изъ всякаго предмета извлечь пользу, прежній отбросъ превратить въ сырой матеріалъ для новаго производства, создать замѣну привычнымъ матеріаламъ при изготовленіи новыхъ продуктовъ того же назначенія и такой же пригодности. И техника творитъ чудеса. Теперь сказалось въ полной мѣрѣ значеніе громаднаго количества химиковъ, образованныхъ инженеровъ и ученыхъ, какимъ давно гордится Германія. Вновь и вновь наблюдая удачное замѣщеніе образующихся

или намѣчающихся пробѣловъ техническими усовершенствованіями, рядовой нѣмецъ начинаетъ испытывать такую увѣренность въ силѣ своей науки, что генералъ Фалькенгаймъ, нынѣ нач. ген. штаба, заявилъ въ одномъ интервью: «если не будетъ для пороха селитры—наши ученые приготовятъ намъ ее изъ песковъ Бранденбурга». Селитры, дѣйствительно, не хватило, но ученые оказались еще хитрѣе, чѣмъ думалъ генералъ: они стали ловить азотъ прямо изъ воздуха и такимъ—нѣсколько дорогимъ, что̀ не имѣетъ во время войны обычнаго значенія—способомъ освободили Германію отъ иностранной зависимости при фабрикаціи взрывчатыхъ веществъ.

Чрезвычайное развитіе электротехнической индустріи въ Германіи вызываетъ потребность въ большомъ количествѣ мѣди. Телеграфы, телефоны, провода электрическаго освѣщенія, трамваевъ и т. д., въ свою очередь, требуютъ ея въ большомъ количествѣ. Между тѣмъ военныя надобности требуютъ еще болѣе громадныхъ количествъ мѣди. Мѣдныя части машинъ постоянно стоящихъ подъ парами боевыхъ судовъ, исполняющихъ сверхнормальную работу осей желѣзнодорожныхъ вагоновъ и т. п. соперничаютъ если не въ быстротѣ изнашиванія, то въ расходуемыхъ массахъ съ кольцами на оболочкахъ гранатъ, съ патронными гильзами, съ нѣкоторыми принадлежностями минъ и т. п. По разсчету военныхъ властей, всѣхъ свободныхъ запасовъ мѣди не въ дѣлѣ (и въ видѣ непроданной проволоки и т. п.) было въ Германіи въ январѣ столько, что хватило бы еще на два года войны при исключительномъ обращеніи на военныя цѣли (ст. Lux'a въ № 4 «Soz. Monatshefte» за 1915 г.). Потому вся эта мѣдь, у кого бы она ни находилась, и секвестрована государствомъ въ томъ же январѣ и употребляется только на военныя и жел.-дор. надобности.

Электрическая промышленность осталась безъ мѣди. Между тѣмъ ей предъявляются теперь особо крупныя требованія: недостатокъ керосина Германія замѣняетъ необычайнымъ развитіемъ электрическаго освѣщенія; въ совершенно исключительномъ объемѣ вводится оно теперь въ сельскихъ мѣстностяхъ. И вотъ германскимъ техникамъ, благодаря новой системѣ изоляціи, удалось замѣнить мѣдь для проволокъ мягкимъ никеллированнымъ желѣзомъ, котораго можно имѣть въ Германіи сколько угодно. При этомъ устранена была отъ роли изолятора резина—ибо и ея подвозъ прекратился.

Подобные же вопросы пришлось рѣшать техникѣ въ примѣненіи къ бензину и резинѣ. Оба предмета потребляются, главнымъ образомъ, автомобилями, отчасти велосипедами и т. д. Бензинъ легко замѣненъ былъ спиртомъ. Но спиртъ приготовлялся, главнымъ образомъ, изъ картофеля, а картофель нуженъ теперь для людей, потому

производство спирта было даже ограничено, вообще не менѣе, чѣмъ на 40% (постановленіе союзнаго совѣта), а въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи даже почти на 70% (напр. въ Вестфаліи). Когда выяснилось положеніе, проведены были нѣкоторыя подготовительныя мѣры, и съ февраля производство спирта вновь предписано увеличить до 100 %, но съ тѣмъ, чтобы онъ выкуривался *изъ сахара*. А запасовъ сахара въ Германіи имѣется на два года, ибо она всегда вывозила половину за границу. Въ виду такого примѣненія сахара правительство предписало теперь сократить посѣвы свеклы на будущій годъ не до 50%, какъ предполагалось (сахаръ теперь не вывозится, такъ что и нечего производить на экспортъ),—съэкономленную площадь предполагалось занять пшеницей,—а только до 75%, всего на четверть.

Что касается машинныхъ и другихъ техническихъ маслъ, то проектируется между прочимъ усиленное культивированіе растенія, дающаго рициновое масло (oleum rizini). Какъ показали опыты, почвенные и климатическія условія Германіи вполнѣ подходятъ для его произрастанія. Широкіе круги знаютъ «касторку» лишь какъ медицинское средство. Между тѣмъ она съ успѣхомъ служитъ приготовленію масляныхъ препаратовъ для текстильной и кожаной индустріи, равно и для производства мыла. Найденъ способъ химическимъ путемъ получать изъ рициноваго масла твердые жиры. Въ этой формѣ оно совершенно лишено запаха и идетъ на изготовленіе свѣчей, мыла и т. п. На ближайшіе мѣсяцы запасовъ еще достаточно, а ко времени ихъ истощенія разсчитываютъ покрыть недостачу разведеніемъ рициноваго сѣмени и т. п.

Хуже обстоитъ дѣло съ резиной. Въ лабораторіяхъ задача искусственнаго приготовленія резины, правда, рѣшена, но вслѣдствіе дороговизны и трудности процесса нѣтъ и рѣчи о покрытіи потребности въ ней уже теперь такимъ путемъ. Резина примѣняется, главнымъ образомъ, для изготовленія эластичныхъ ободковъ на колесахъ автомобилей и велосипедовъ, для фабрикаціи газо- и водоподающихъ рукавовъ, для производства изолирующихъ оболочекъ проводящей электрическій токъ проволоки, для изготовленія гребешковъ, пальто, хирургическихъ инструментовъ и т. п. Нѣмцы поступили слѣдующимъ образомъ. Для изолирующихъ оболочекъ, гребешковъ, пальто и ряда другихъ предметовъ резина уже вовсе не примѣняется и замѣнена туземными матеріалами. Всѣ запасы резервированы для надобностей военныхъ автомобилей, шины которыхъ быстро изнашиваются, и для грузового движенія въ городахъ и т. п. Запрещено съ 15 марта н. ст. употребленіе автомобилей, служившихъ лишь удобству или роскоши. По сообщенію Nordd. Allgem. Zeit. отъ 26 февраля н. ст. это сокращаетъ количество находив-

шихся въ концѣ февраля въ движеніи автомобилей на половину. Что будетъ, когда не хватитъ резины и для другой половины? Въ собраніи союза германскихъ инженеровъ Эхельгайзеръ указалъ, какъ на выходъ, на опыты по созданію столь эластичной стали, которая могла бы замѣнить резину для ободовъ; нѣсколько патентовъ уже взято, и работа въ этомъ направленіи продолжается.

Въ спискѣ ввозимыхъ въ Германію сырыхъ матеріаловъ довольно видную роль играютъ кишки—безъ нихъ немыслимо производство колбасы, а колбаса—привычный и необходимый предметъ питанія германскаго обывателя. Послѣ почти полнаго прекращенія ввоза кишекъ цѣна на нихъ стала быстро расти и на колбасномъ рынкѣ поднялась тревога. Тогда приготовлена была для обертыванья колбасы бумага разныхъ сортовъ, съ успѣхомъ замѣнившая кишки для всякаго рода колбасныхъ издѣлій, кромѣ только особо любимыхъ въ Германіи короткихъ толстенькихъ Wiener Wurstchen. Производство послѣднихъ должно поэтому прекратиться (для нихъ годится только одна спеціальная короткая кишка изъ бараньяго желудка).

Особенно крупную роль сыграла бумага при замѣнѣ шерсти. Шерсти ввозилось, какъ приведено выше, болѣе чѣмъ на 400 милл. марокъ въ годъ. Здѣсь техника сдѣлала прямо чудеса и производство многихъ введенныхъ теперь бумажныхъ предметовъ по общимъ отзывамъ останется и послѣ войны—настолько они удобны, практичны и дешевы. Жилетки, одѣяла, теплые чулки, полотенца, туфли, скатерти, дорожки, и т. д.—все вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію, имѣетъ приличный видъ, отличается прочностью и стоитъ—зимняя мужская куртка изъ бумаги напр., въ хорошемъ исполненіи 6 мар. 50 пфен. Рѣчь идетъ не о хлопчатой бумагѣ, а о самой обыкновенной—напр., одѣяла приготовляются просто изъ старой газетной бумаги. Иногда шерсть замѣняется и какимъ-нибудь другимъ матеріаломъ—напр., матрацы набиваются древесными опилками, старательно размельченными,—но бумага рѣшительно доминируетъ. Правительство распорядилось, чтобы въ этомъ году изъ лѣсовъ отпускали на продажу (для постройекъ, переработки бумаги и т. д.,) не только то количество, какое отпускается обычно согласно принципамъ правильнаго лѣсного хозяйства, но просто сколько потребуется. Распредѣленіе же тѣхъ запасовъ шерсти и шерстяныхъ отбросовъ, какіе привозятся изъ завоеванныхъ районовъ, поручено для всей Германіи лейпцигскому «союзу шерстяной торговли».

Переработкѣ въ качествѣ сырыхъ матеріаловъ подвергаются теперь, далѣе, всевозможные отбросы и отслужившіе предметы, на которые раньше не обращалось вниманія. Примѣромъ можетъ слу-

жить примѣненіе газетной бумаги для выдѣлки теплыхъ одѣялъ и кухонныхъ отбросовъ для кормленія молочныхъ коровъ (въ одномъ Берлинѣ 22 тысячи коровъ питаются этими отбросами). Крупное значеніе имѣютъ и запасы сырыхъ матеріаловъ, привезенные изъ Франціи. Какъ извѣстно, германскія войска занимаютъ какъ разъ наиболѣе промышленный районъ этой страны. По сообщенію оффиціальнаго агентства Вольфа, изъ Лилля, Рубэ и другихъ центровъ французской индустріи вывезено въ Германію на сумму около милліарда франковъ шерсти, хлопчатой бумаги, кожъ и шкуръ, жировыхъ препаратовъ и т. п. Въ западной Германіи устроено три складочныхъ мѣста для этихъ запасовъ для планомѣрнаго распредѣленія по нѣмецкимъ предпріятіямъ. Если принять во вниманіе обычную годовую цѣнность ввоза въ Германію сырыхъ матеріаловъ, то одна эта добыча покрываетъ потребность нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Главное, впрочемъ, не въ этомъ увеличеніи запасовъ, а въ систематическомъ стремленіи замѣнить ввозившіеся сырые матеріалы туземными произведеніями.

Стремленіе это нашло до нѣкоторой степени отголосокъ и въ земледѣліи. Помимо замѣны чилійскаго удобренія препаратами кальція, можно указать, напр., на изготовленіе «сахарныхъ шницелей» и «соломенной муки». Первыми кормятъ коровъ, послѣднею — свиней. Какъ извѣстно, въ Германію ввозилось большое количество корма для животныхъ. Теперешній недостатокъ его владѣльцы пытались замѣнить скармливаніемъ зернового хлѣба и картофеля. Послѣ секвестра хлѣба государствомъ (съ 1 февр.) и выяснившейся необходимости сохранить картофель для населенія, предстояло значительно сократить свиноводство, теперь очень выгодное благодаря цѣнамъ на мясо. Не желая пойти на это, сельскіе хозяева принимаются теперь перемалывать въ муку обыкновенную солому, и оказывается, въ такомъ видѣ этотъ кормъ довольно пригоденъ для свиней. Были сдѣланы даже попытки, правда неудачныя, убѣдить въ пригодности его и для людей.

Уже изъ описанія того, какъ бьется германская техника надъ замѣщеніемъ истощающихся сырыхъ матеріаловъ, понятно, какую важность имѣетъ сейчасъ общій ихъ учетъ и правильное распредѣленіе по отдѣльнымъ отраслямъ индустріи и между отдѣльными предпріятіями. Первому служитъ январьскій законъ (постановленіе союзнаго совѣта) о періодическомъ сборѣ свѣдѣній относительно имѣющихся въ странѣ запасовъ сырыхъ матеріаловъ, предметовъ массового потребленія и питательныхъ средствъ. Второе осуществляется Kriegsausschuss'омъ и подсобными организаціями.

На собраніи среднерейнскаго союза фабрикантовъ во Франк-

фуртѣ 17 декабря н. ст. докладывавшій о внутренней реорганизаціи германской индустріи д-ръ Швейггофферъ сказалъ между прочимъ: «Съ цѣлью путемъ планомѣрнаго регулированія снабженія матеріалами создать соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ—съ самаго начала было однимъ изъ главныхъ стремленій Kriegsausschuss'a, который находился для этого въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ заинтересованными кругами и соотвѣтственными агентами правительства. Во многихъ случаяхъ, въ виду ограниченности запасовъ сырыхъ матеріаловъ, были основаны «военныя общества сырыхъ матеріаловъ» (Kriegsrohstoffgesellschaften), большей частью въ формѣ бездивидендныхъ акціонерныхъ обществъ, главной цѣлью которыхъ является созданіе, распредѣленіе и обращеніе къ примѣненію отдѣльныхъ родовъ сырыхъ матеріаловъ».

На упомянутыя здѣсь общества и легла значительная часть технической и организаціонной работы по приспособленію нѣмецкой промышленности къ новымъ условіямъ. Въ каждой отрасли ея этотъ распредѣлительный центръ составлялся изъ соединенія въ соотвѣтственное общество всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ предпріятій данной индустріи. Отдѣльныя предпріятія отказывались тѣмъ самымъ отъ права самимъ пріискивать себѣ сырые матеріалы. Вся наличность ихъ въ странѣ для данной индустріи поступала въ единое распоряженіе соотвѣтственнаго распредѣлительнаго центра. Онъ раздавалъ ихъ на равныхъ для всѣхъ условіяхъ и съ учетомъ равномѣрности использованія производительныхъ возможностей каждаго предпріятія. Какъ увидимъ, это централизованное регулированіе заготовки матеріаловъ дополнялось во многихъ случаяхъ такимъ же централизованнымъ распредѣленіемъ заказовъ для данной индустріи, къ какому бы изъ ея представителей они ни обращались, и планомѣрнымъ регулированіемъ сбыта вообще.

Еще нѣтъ полной сводки данныхъ о дѣятельности Kriegsausschuss'a. Но въ его «Mitteilungen» есть сообщенія о дѣятельности 17 центровъ указаннаго типа (сырые матеріалы): Deutsche Rohhaut-A.-G.; Flachsabrechnungsstelle; Juteabrechnungsstelle; Kautschukabrechnungsstelle; Kriegschemikalien - A. - G.; Kriegskammwoll - A. - G.; Kriegsleder - A. - G.; Kriegsmetall - A. - G.; Kriegswollbedarf - A. - G.; Leinengarnabrechnungsstelle; Rohbaumwollabrechnungsstelle; Vereinigung des Wollhandels in Leipzig (см. выше); Kriegsleder - Ausrüstungs - Verband; Kriegstuch-Verband; Kriegs-Weber-Verband и общество, объединившее съ этими же цѣлями всѣ табачныя фабрики. Если вспомнить, что мѣдь выпала изъ торговаго оборота, а уголь почти цѣликомъ находился въ однѣхъ рукахъ и до войны (рейнско-вестф. синдикатъ) и,

сравнить этотъ списокъ съ приведеннымъ выше спискомъ всѣхъ главнѣйшихъ привозимыхъ въ Германію сырыхъ матеріаловъ, то обнаружится почти полное совпаденіе. Надо добавить, что дѣйствительная планомѣрность и урегулированность снабженія германской промышленности сырыми матеріалами еще больше, ибо на-ряду съ дѣятельностью Kriegsausschuss'a для указанныхъ отраслей, имѣли мѣсто подобныя же правительственныя мѣры для другихъ отраслей. Такъ, въ февралѣ учреждено было имперское бюро по распредѣленію сахара-сырца. Передъ этимъ постановленіемъ союзнаго совѣта объединено было въ вѣдѣніи спеціально созданнаго общества производство и распредѣленіе нѣкоторыхъ картофельныхъ продуктовъ и крахмала. Въ силу установленной закономъ 25 января н. ст. хлѣбной монополіи регулируется съ полнымъ исключеніемъ частной конкурренціи снабженіе мукомольной индустріи. Мѣдь выдается государствомъ отдѣльнымъ предпріятіямъ только въ соотвѣтствіи съ государственными надобностями и т. п. Даже усиленное снабженіе земледѣлія паровыми двигателями (въ виду уменьшенія количества сельскохозяйственныхъ рабочихъ) правительство стремится объединить въ соотвѣтственныхъ аграрныхъ организаціяхъ, иногда само вызывая ихъ къ жизни (равно какъ культивированіе болотъ и пустырей силами русскихъ военноплѣнныхъ и т. п.).

III.

Измѣненіе пропорціональности въ соотношеніи между размѣрами отдѣльныхъ индустрій, неизбѣжно связанное съ описанной выше реорганизаціей, вызываетъ передвиженіе рабочихъ изъ однѣхъ ея отраслей въ другія. Къ такой же перемѣнѣ занятія ведутъ и техническія измѣненія процесса производства въ данной индустріи, когда измѣняется вдругъ матеріалъ, изъ котораго она приготовляетъ свои продукты, какъ мы видѣли это выше на рядѣ примѣровъ. Отсюда вытекаетъ необходимость для рабочаго умѣть быстро овладѣть новымъ матеріаломъ, новыми пріемами работы: не со всякимъ человѣческимъ матеріаломъ можно продѣлать то преобразованіе, какому подвергла себя германская промышленность.

Интеллигентный рабочій, способный разобраться въ новомъ дѣлѣ, не въ малой степени созданъ наличностью въ Германіи всевозможныхъ обширныхъ рабочихъ организацій. Это значеніе ихъ подчеркивается теперь и лицами, не принадлежащими къ кругамъ дѣятелей рабочаго движенія. Въ восточной Германіи съ ея болѣе отсталыми отношеніями и менѣе развитымъ профессіональнымъ и политическимъ рабочимъ движеніемъ процессъ реорганизаціи

промышленности оказался поэтому значительно затрудненнымъ. Секретарь союза восточно-германскихъ промышленниковъ д-ръ Іонъ пишетъ въ органѣ этого союза, что многія предпріятія должны были сократить производство или остановиться именно по причинѣ невозможности новой постановки дѣла съ наличными у нихъ рабочими. Д-ръ Іонъ жалуется по этому поводу, что восточно-германская индустрія вообще принуждена обходиться менѣе цѣннымъ людскимъ матеріаломъ, чѣмъ центръ, сѣверъ, западъ и югъ, но забываетъ прибавить о причинахъ этого. «С.-д. лучшіе солдаты, у нихъ сознательнѣй дисциплина и больше иниціативы», отозвался недавно одинъ нѣмецкій генералъ. То же оказывается и въ чисто-профессіональной сферѣ: чѣмъ больше рабочій привыкъ къ самодѣятельности, къ организаціи—тѣмъ больше можетъ на него положиться и сама индустрія.

Рихардъ Фрейндъ, предсѣдатель примыкающаго къ имперскому вѣдомству внутреннихъ дѣлъ союза учрежденій по указанію труда, писалъ въ № 357 «Frankfurter Zeitung» за 1914 годъ: «Крупныя предпріятія, у которыхъ мобилизація отняла много рабочихъ силъ разныхъ категорій, принуждены были предпринять ихъ перегруппировку, которая по истинѣ была не легка и которая стала возможна только благодаря энергіи и умѣнью приноровиться къ мѣсту германскаго пролетаріата. Пекари и горшечники стали формовщиками, сверлильщики по дереву — сверлильщиками по металлу, портфельщики, сапожники и переплетчики преобразовались въ сѣдельщиковъ, столяры приноровились къ плотничнымъ работамъ, инженеры стали мастерами и старшими рабочими въ металлической промышленности, торговцы, трамвайщики и печатники опредѣлились на почту. Стремленіе рабочаго переучиться нашло себѣ поддержку въ разнообразныхъ учрежденіяхъ. Были учреждены особые курсы для пожелавшихъ обслуживать сельскохозяйственныя паровыя машины кочегаровъ и машинистовъ изъ индустріи, въ Оффенбахѣ союзъ кожевенныхъ рабочихъ организовалъ особыя учебныя мастерскія для превращенія портфельщиковъ въ сѣдельщиковъ и т. д., и т. д.».

Всѣ эти переучиванья и превращенья происходили въ обстановкѣ величайшей циркуляціи рабочихъ, созданной реорганизаціей индустріи и измѣненіями въ соотношеніи ея отраслей, и въ обстановкѣ большой безработицы, развившейся въ первый мѣсяцъ по объявленіи войны. Это потребовало немедленнаго регулированія рынка труда, чтобы избѣжать полнаго хаоса, чтобы не потерять изъ виду спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ, чтобы не стояли по отсутствію квалифицированныхъ рабочихъ фабрики и заводы въ то

самое время, когда эти рабочіе бьются гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, не въ силахъ отыскать себѣ подходящаго занятія. Въ предварительномъ отчетѣ въ № 6 своего органа Kriegsausschuss пишетъ, что съ перваго же дня онъ осаждался требованіями немедленнаго урегулированія этого дѣла и сейчасъ же приступилъ къ соединеннымъ переговорамъ съ союзомъ германскихъ обществъ работодателей, съ представителями имперскаго и прусскаго правительствъ и союза учрежденій по указанію труда. Въ итогѣ состоялось постановленіе союзнаго совѣта объ учрежденіи «имперскаго центра учрежденій по указанію труда» и циркуляры министра торговли и промышленности отъ 15 и 16 авг. нов. ст. объ объединеніи дѣятельности всѣхъ биржъ труда на мѣстахъ.

Тысячи всевозможныхъ мелкихъ и среднихъ, конкуррирующихъ между собой и иногда взаимно враждебныхъ учрежденій по указанію спроса и предложенія труда были связаны, такимъ образомъ, въ единую сѣть. О предшествовавшемъ состояніи анархіи можно судить по тому, что въ одномъ, напримѣръ, Берлинѣ, не считая предмѣстій, было свыше 400 (не 40, а 400) независимыхъ другъ отъ друга, необмѣнивающихся свѣдѣніями, необъединенныхъ въ высшемъ органѣ, и потому въ значительной мѣрѣ безполезныхъ мѣстныхъ «биржъ труда», вѣрнѣе—«бюро по безплатному указанію работы». Нечего ужъ и говорить, что эти бюро руководствовались совершенно различными принципами въ своей дѣятельности, превращаясь нерѣдко въ учрежденія, форменнымъ образомъ способствующія ухудшенію условій труда. А несвязанность одного раіона съ другимъ совершенно исключала возможность планомѣрнаго передвиженія рабочихъ массъ изъ однѣхъ частей страны въ другія, изъ однѣхъ отраслей индустріи въ другія,—къ чему открылась довольно широко использованная возможность послѣ учрежденія Reichsarbeitszentrale и централизаціи свѣдѣній мѣстныхъ бюро. Опытъ оказался настолько заслуживающимъ вниманія, что даже прусскій ландтагъ, вообще весьма мало расположенный къ соціальнымъ реформамъ, высказался въ февралѣ за дальнѣйшее усовершенствованіе и внесеніе стройности во всю организацію рынка труда въ общегерманскомъ масштабѣ и за сохраненіе ея также для мирнаго времени.

Дабы рабочіе не обходили эту организацію, съ одной стороны, и дабы поставить всѣхъ предпринимателей въ равныя условія по обезпеченію рабочей силой, съ другой,—въ основу дѣятельности центральнаго имперскаго бюро по указанію труда былъ положенъ принципъ соблюденія тарифныхъ договоровъ объ условіяхъ труда, заключенныхъ организаціями рабочихъ съ союзами хозяевъ еще до

войны. Больше того,—когда это бюро обратилось къ профессіональнымъ союзамъ индустріальныхъ рабочихъ съ предложеніемъ отправить своихъ безработныхъ членовъ въ помѣщичьи экономіи для уборки урожая, и когда рабочія организаціи въ отвѣтъ потребовали, чтобы былъ раньше отмѣненъ знаменитый прусскій «законъ о челяди», лишающій сельскохозяйственныхъ батраковъ въ Пруссіи многихъ правъ, къ которымъ привыкли городскіе рабочіе, вплоть до права коалицій,—то постановленіемъ правительства пріостановлено было на это время дѣйствіе пресловутаго «закона о челяди», котораго не могли раньше пошатнуть цѣлыя десятилѣтія агитаціи. При реорганизаціи индустріи рабочій оказался слишкомъ важнымъ источникомъ успѣха, чтобы можно было вовсе не считаться съ его интересами и требованіями.

Дать нѣкоторое представленіе о размѣрахъ произведенной работы по урегулированію рынка труда могутъ слѣдующія цифры. Послѣ завершенія перваго періода мобилизаціи къ началу сентября н. ст. осталось около 13 милліоновъ наемныхъ рабочихъ и работницъ. Изъ нихъ въ это время безъ работы было около 3.400 тысячъ человѣкъ. По даннымъ же къ 1 февраля н. ст., безработныхъ оставалось всего менѣе 800 тыс. чел. на все государство, при чемъ дополнительно было мобилизовано за эти 5 мѣсяцевъ изъ рабочихъ рядовъ еще милліонъ съ третью человѣкъ; остальные—милліонъ съ четвертью были поставлены за это время на работу. Дѣйствительная циркуляція рабочихъ была, впрочемъ, еще больше, такъ какъ не мало изъ тѣхъ, кто былъ занятъ и въ началѣ сентября и къ 1 февраля, успѣли перемѣниться за это время мѣстами, что не отражается на итоговыхъ цифрахъ безработицы, но создаетъ много добавочнаго труда при руководствѣ рынкомъ спроса и предложенія работы.

Вообще же въ состояніи германскаго рынка труда за протекшіе 8 мѣсяцевъ войны нѣмецкіе наблюдатели намѣчаютъ три періода. Первый періодъ—первый мѣсяцъ войны. Это время общаго безпокойства, застоя, повальной пріостановки предпріятій, выбитыхъ изъ колеи войной и потерей экспорта; это время—массовой безработицы, избытка рабочихъ рукъ на рынкѣ. За этимъ послѣдовало полугодіе второго періода—время удачнаго приспособленія промышленности къ военной обстановкѣ путемъ созданія руководства ею изъ единаго центра, внутренней перегруппировки на основѣ непстощенныхъ еще въ общемъ запасовъ сырыхъ матеріаловъ и вполнѣ достаточной наличности рабочихъ рукъ. Въ мартѣ, по выводамъ внимательнаго и осторожнаго наблюдателя германской хозяйственной жизни А. Нордена, начинаетъ намѣчаться уже третій періодъ — періодъ,

когда почувствуется стѣсненность въ рабочихъ силахъ, особенно во время полевыхъ работъ, и который будетъ стоять подъ знакомъ «растягиванія запасовъ» подобно тому, какъ это происходитъ уже съ хлѣбомъ и овсомъ. Правительство обѣщаетъ принять мѣры, чтобы къ полевымъ работамъ быть въ состояніи дать отпускъ изъ казармъ максимальному числу обучающихся рекрутъ. Но въ общемъ вѣроятно придется, при достаточно долгой продолжительности войны, просто пріостановить или серьезно сократить менѣе необходимыя производства и сосредоточить людей и средства въ томъ, безъ чего нельзя обойтись. Начало уже положено предписаннымъ союзнымъ совѣтомъ въ концѣ февраля сокращеніемъ пивоваренаго производства на 40% (въ розничной продажѣ это вызвало повышеніе на одинъ пфеннигъ за бокалъ—обычную берлинскую кружку). Наличность Kriegsausschuss'а съ подсобными организаціями—залогъ того, что всѣ сокращенія и растягиванія «третьяго періода», если они окажутся дѣйствительно необходимыми, будутъ происходить организованно и планомѣрно, безъ внесенія полнаго разстройства и общаго банкротства въ хозяйственную жизнь страны въ цѣломъ.

Изъ дѣятельности Kriegsausschuss'а на поприщѣ обезпеченія предпріятій личными силами надо отмѣтить еще одинъ пунктъ. Центръ германскихъ промышленниковъ взялъ на себя хлопоты передъ правительствомъ объ освобожденіи отъ военной службы тѣхъ фабрикантовъ и директоровъ фабрикъ, организаторскіе таланты и познанія которыхъ необходимы для продолженія дѣятельности соотвѣтственныхъ предпріятій. Въ своемъ органѣ отъ 5 сентября н. ст. Kriegsausschuss сообщаетъ, что онъ добился возвращенія изъ военной службы уже 2.400 лицъ, «облеченныхъ отвѣтственнымъ и руководящимъ положеніемъ въ разныхъ отрасляхъ индустріи» (стр. 55). Проще говоря, магнаты германской промышленности, ради прекрасныхъ глазъ которыхъ и ведется въ значительной степени Германіей вся эта война,—когда доходитъ до нихъ очередь стать подъ знамена, умѣютъ найти способъ остаться дома, да еще по самымъ патріотическимъ побужденіямъ. И въ послѣдующихъ №№ попадаются подобныя же сообщенія; но, къ сожалѣнію, уже безъ цифровыхъ данныхъ.

Что касается до рабочихъ и прочихъ простыхъ смертныхъ, то здѣсь Kriegsausschuss условился съ военнымъ начальствомъ объ одной мѣрѣ: чтобы сначала принимались въ разсчетъ всѣ добровольцы, а образующійся вслѣдствіе пріема добровольцевъ излишекъ отпускался изъ запасныхъ и ополченцевъ. Въ началѣ это имѣло большое значеніе, такъ какъ были призваны далеко не всѣ разряды, и многіе, подлежавшіе призыву лишь позже, или и вовсе не подлежав-

шіе, записались въ добровольцы. Общее число ихъ достигло грандіозной цифры въ два милліона человѣкъ (въ томъ числѣ 90 тысячъ отъ Эльзаса, т. е. выше средняго %). Съ дополнительными призывами экономія отъ зачета добровольцевъ крайне понизилась.

IV.

Рядомъ съ регулированіемъ обезпеченія предпріятій сырыми матеріалами и рабочими руками шло регулированіе сбыта, на которое и опирались первыя двѣ стороны дѣятельности Kriegsausschuss'a. Здѣсь приходится различать три рода отраслей промышленности: имѣющія отношеніе къ обслуживанію созданныхъ войной потребностей, продолжавшія работать на экспортъ и занятыя удовлетвореніемъ спроса обычнаго внутренняго рынка. Поскольку индустрія входила сразу въ два изъ этихъ разрядовъ, она входила либо въ двѣ организаціонныя сѣти, какъ металлическая, или объединяла обѣ функціи въ одной организаціи, какъ табачная.

Непосредственное руководящее участіе въ дѣлѣ Kriegsausschuss'a больше всего сказалось въ области военной и экспортной индустріи. Подъ «военной» слѣдуетъ понимать, разумѣется, не только производство ружей и пушекъ, но всего, что имѣетъ отношеніе къ созданнымъ войною потребностямъ. Сюда относится производство платья, верхней одежды и палатокъ для войскъ, всевозможныхъ кожаныхъ издѣлій, теплаго бѣлья, картонныхъ и всякихъ коробокъ для упаковки подарковъ солдатамъ, папиросъ для нихъ же, санитарныхъ принадлежностей, походной посуды и т. д. Какое развитіе получили посылки въ дѣйствующую армію, видно изъ того, напр., что за одну предрождественскую недѣлю было отправлено туда изъ Германіи $8^1/_2$ милліоновъ посылокъ (не считая вкладываемаго въ обычныя письма большого вѣса). По подсчетамъ нѣмецкихъ журналовъ численность всѣхъ членовъ семей рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, непосредственно обслуживающихъ потребности войны, превышаетъ семь милліоновъ человѣкъ, а сумма всѣхъ сдѣланныхъ по случаю войны правительствомъ заказовъ приближается уже къ годовой стоимости всего германскаго экспорта.

Какъ сообщаетъ Кг.-а. въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, между нимъ и правительствомъ состоялось такое соглашеніе относительно всѣхъ заказовъ на военныя надобности. Создаются распредѣлительныя инстанціи въ каждой индустріи, и правительство обращается со своими заказами впредь не къ отдѣльнымъ предпріятіямъ, а къ этимъ бюро. Послѣднія слѣдятъ за тѣмъ, чтобы однѣ фирмы не были переобременены заказами, когда другимъ нечего дѣлать и т. п.

Во многихъ случаяхъ заказъ распредѣляется такъ, что каждому предпріятію достаются лишь отдѣльныя операціи производственнаго процесса. Иногда создается такая стройная организація управленія производствомъ, какая, можно думать, останется и послѣ войны. Всѣ табачныя фабрики Германіи, напр., объединены теперь въ «Deutsche Zentrale für Lieferungen von Tabakfabrikaten». Эта Zentrale раздѣлила всю Германію на семь раіоновъ и такъ правильно регламентируетъ производство каждаго отдѣльнаго предпріятія и всей индустріи въ цѣломъ, что вся табачная промышленность можетъ быть теперь разсматриваема, какъ одно хозяйство. Въ такомъ видѣ она уже настолько «созрѣла» для государственной монополіи, что возможно послужитъ однимъ изъ первыхъ ея объектовъ, когда наступитъ время изыскивать средства для покрытія процентовъ по заключеннымъ во время войны займамъ.

Что касается экспортныхъ индустрій, то по сводкѣ въ «Mitteilungen» отъ 6 февраля при содѣйствіи Kriegsausschuss'a были учреждены до тѣхъ поръ 11 регулирующихъ центровъ: Zentralstelle für die chemische Industrie; Zentralstelle für die Eisen-und Stahlindustrie; Zentralstelle für Gerbstoffe, Häute und Felle zur Lederbereitung, Leder und Lederwaren; Zentralstelle für die Giessereien; Zentralastelle für die Kautschukverarbeitenden Betriebe; Zentralstelle für die Maschinenindustrie; Zentralstelle für die optische Industrie; Zentralstelle für die Papierindustrie; Zentralstelle für Wollengarn; Zentralstelle für Wollengewebe; Zentralstelle für Zuckerindustrie. Продукты однѣхъ этихъ отраслей промышленности обнимаютъ 38,3% всего германскаго экспорта 1913 г. Вывозъ же нѣкоторыхъ другихъ регулировался могущественными синдикатами и до войны—напр., угля и кокса (7% всего экспорта въ 1913 г.). Война дала, такимъ образомъ, громадный толчекъ сплоченію германской индустріи, внесенію единства въ управленіе ею, лучшей организаціи внутри нея—и тѣмъ самымъ увеличила ея боеспособность и въ мирной конкурренціи между индустріями разныхъ странъ послѣ войны.

Впрочемъ, и сейчасъ было бы ошибочно считать германскую промышленность несуществующей на внѣшнемъ рынкѣ. Выше уже указано, что въ однѣ только европейскія страны, не состоящія съ нею сейчасъ въ войнѣ, Германія отправляла обычно до войны свыше 40% своего экспорта. Спросъ этихъ странъ на нѣмецкія произведенія, послѣ общаго сокращенія первыхъ мѣсяцевъ войны, постепенно даже возрастаетъ въ виду затрудненности полученія товаровъ изъ Англіи. Такъ, Италія приступила теперь къ закупкамъ на нѣмецкихъ рынкахъ угля, которымъ снабжалась раньше изъ Англіи. Нѣмецкое правительство дало понять въ своихъ оффиціозныхъ газе-

тахъ, что Германія можетъ взять на себя снабженіе Италіи углемъ и желѣзной рудой въ томъ же объемѣ и по тѣмъ же цѣнамъ, какъ это дѣлала до сихъ поръ Англія, пусть только итальянцы доставляютъ свои желѣзнодорожные вагоны. Впрочемъ, даже и въ первые худшіе мѣсяцы войны нѣмецкій экспортъ въ европейскія страны, соединенныя съ Германіей возможностью безпрепятственнаго сообщенія (Голландія, Данія, Норвегія, Швеція, Бельгія, Австрія, Венгрія, Швейцарія, Италія, Румынія, Болгарія, Греція, Турція), уменьшился далеко не въ такой степени, какъ это обычно у насъ предполагаютъ. Такъ, по оффиціальному итальянскому отчету, ввозъ изъ Германіи въ Италію достигъ въ 1914 г. суммы въ 498 милл. лиръ противъ 613 милл. лиръ въ 1913 (изъ Англіи соотвѣтственно 507 м. л. и 592 м. л.). Для ввоза изъ Австро-Венгріи въ Италію за тѣ же годы получаются цифры 229 милл. и 265 милл. лиръ. Ввозъ изъ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ въ Италію уменьшился значительнѣе (на 18 м. л.), чѣмъ изъ Германіи и Австріи. И эти цифры типичны: за время войны доля Германіи на нейтральныхъ европейскихъ рынкахъ возрасла. Быть можетъ, именно потому, что ни въ одной другой странѣ не было создано въ такомъ широкомъ масштабѣ такого организованнаго планомѣрнаго руководства индустріальной, вообще хозяйственной жизнью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекратилась и заокеанская торговля. Kriegsausschuss вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу (№ 29 его органа) мѣры, принимаемыя имъ для созданія технической возможности вывоза изъ Германіи товаровъ въ Сѣверную и Южную Америки. О путяхъ этого вывоза онъ публикуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Относящіяся сюда свѣдѣнія сообщаются довѣрительно заинтересованнымъ фирмамъ, которыя приглашаются поддерживать постоянное общеніе съ отдѣломъ Kriegsausschuss'а для внѣшней торговли». Идея поставить конспиративно заокеанскій вывозъ такой страны, какъ Германія, кажется сначала довольно эксцентричной. Однако, впечатлѣніе это проходитъ, когда знакомишься съ отчетами американскихъ генеральныхъ консуловъ въ Германіи и вывозѣ изъ ихъ округовъ въ Соединенные Штаты за время войны. Въ «Handelszeitung» мнѣ попались 4 такихъ отчета. Изъ округа *лейпцигскаго* генер. консула вывезено въ Соед. Штаты въ 1914 г. на сумму 6.323 тыс. долларовъ противъ 9.961 тыс. долл. въ 1913 г. Изъ округа *бреславльскаго* ген. конс. за послѣдніе три мѣсяца 1914 г. вывезено въ С. Шт. на 856,6 тыс. марокъ, — меньше противъ того же періода 1913 г. на 361 тыс. мар. (за весь годъ 3.620 т. мар. и 5.016 т. мар.). Изъ округа *дрезденскаго* ген. конс. за 1914 г. вывезено въ Соед. Шт. на 4.373 тыс. долл. противъ

5.434 тыс. долл. за предшествовавшій годъ. Наконецъ, изъ округа *кобургскаго* ген. конс. вывезено въ С. Шт. за послѣднюю четверть 1914 г. даже на 2.202 тыс. долл. противъ 1.446 тыс. долл. за послѣднюю четверть 1913 г., т. е. больше на половину, несмотря на войну. Изъ всѣхъ четырехъ округовъ вмѣстѣ за послѣдніе три мѣсяца 1914 г. Германія вывезла въ Соединенные Штаты до 75% того количества, какое вывозила за то же время въ мирное время. Между тѣмъ, экспортъ только въ Соед. Штаты, Бразилію и Аргентину составилъ въ 1913 г. 12% всего германскаго вывоза. Съ присоединеніемъ 42%, какіе вывозились въ невоюющія противъ Германіи европ. страны, можно считать, что за Германіей и во время войны остается половина экспорта, какимъ она обладала раньше; остальная же половина покрыта въ полной мѣрѣ военными заказами, вся сумма которыхъ остается внутри страны, ибо Германія не заказываетъ за границей ни пушекъ, ни сверлильныхъ станковъ и т. п. Немудрено, что въ итогѣ германская промышленность, переорганизовавшись сообразно запросамъ времени, имѣетъ достаточно занятія; тѣмъ болѣе, что покупательная способность внутренняго рынка поддерживается широко (сравнительно съ другими государствами) проведенной помощью безработнымъ и семьямъ мобилизованныхъ. Я приводилъ уже въ печати разсчеты, изъ которыхъ видно, что семья мобилизованнаго рабочаго имѣетъ въ Берлинѣ сейчасъ около трехъ четвертей средняго дохода германской рабочей семьи въ нормальное время (и содержитъ однимъ взрослымъ человѣкомъ менѣе).

Что касается промышленности, работающей спеціально на внутренній рынокъ, то и въ ней произошло такое же объединеніе управленія цѣлыми индустріями въ рукахъ одного центра. По большей части это имѣло мѣсто въ формѣ учрежденія такъ называемыхъ «Arbeitsgemeinschaften». Такъ были названы своеобразныя соглашенія между союзами рабочихъ и союзами хозяевъ, объединившія въ каждой промышленности всѣ организаціи всевозможныхъ направленій тѣхъ и другихъ. Такъ организованы теперь въ Германіи: строительная промышленность (въ Arbeitsgemeinschaft, въ которую входитъ около 60 тысячъ хозяевъ и около милліона рабочихъ), типографское дѣло, деревообдѣлочное, производство бѣлья и платья (кромѣ нѣкоторыхъ конфекціонеровъ), обойное, малярное и т. д. Сущность заключается въ томъ, что рабочіе и хозяева соединяютъ усилія для регулированія данной индустріи и привлеченія къ ней заказовъ. Бюро Arbeitsgemeinschaft'а, составляемое изъ равнаго количества представителей союзовъ рабочихъ и союзовъ предпринимателей, регулируетъ передвиженіе рабочихъ внутри индустріи и распредѣленіе

въ ней заказовъ и работъ. Хозяева обязуются признавать и соблюдать тарифныя соглашенія объ условіяхъ труда, не стремясь къ ухудшенію положенія рабочихъ, а рабочіе зато не бастуютъ. Въ учрежденіи Arbeitsgemeinschaft'овъ сказался, безъ сомнѣнія, помимо ихъ роли въ промышленности, высшій пунктъ провозглашеннаго въ Германіи на время войны «междуклассоваго перемирія». Именно поэтому нельзя ждать отъ этихъ образованій прочности, какая способна была бы пережить условія, создавшія Burgfriede. По крайней мѣрѣ, А. Виннигъ, иниціаторъ самаго большого изъ Arbeitsgemeinschaften, строительнаго (Виннигъ — секретарь самаго большого изъ союзовъ строительныхъ рабочихъ), пишетъ, что онъ не считаетъ возможнымъ сохраненіе ихъ и на время послѣ войны, какъ ни интересенъ самъ по себѣ фактъ, что предприниматели согласились въ извѣстныхъ отношеніяхъ отказаться отъ точки зрѣнія «единаго хозяина въ домѣ» и согласились допустить представителей рабочихъ въ равномъ числѣ участвовать въ регулированіи снабженія предпріятій заказами и рабочими силами. Въ послѣднемъ отношеніи любопытенъ, между прочимъ, основанный 19 февраля «военный комитетъ металлическихъ предпріятій Велико-Берлина» (т. е. Берлина съ предмѣстьями, что по даннымъ на 1 января 1915 г. составляетъ районъ съ 4,1 милл. жителей). Комитетъ основанъ, при посредничествѣ военнаго министерства, съ одной стороны, союзомъ берлинскихъ металлозаводчиковъ, съ другой—девятью профессіональными рабочими союзами разныхъ направленій, члены которыхъ заняты на металлообдѣлывающихъ предпріятіяхъ Берлина (металлисты, деревообдѣлочники, кочегары и т. д.). Комитетъ состоитъ изъ трехъ хозяевъ и трехъ рабочихъ, избранныхъ каждой стороной. Полномочія комитета заключаются въ опредѣленіи того, при какихъ условіяхъ рабочій имѣетъ право оставить службу, несмотря на несогласіе хозяина отпустить его (напр., если хозяинъ не желаетъ прибавить платы и не желаетъ въ то же время упустить рабочаго, имѣющаго въ виду, быть можетъ, лучшее мѣсто). Безъ увольнительнаго свидѣтельства отъ этого комитета (или отъ хозяина) ни одинъ рабочій-мужчина не имѣетъ права перейти въ Берлинѣ съ одной металлической фабрики на другую. По существу это представляетъ собою, конечно, чувствительное ограниченіе свободы передвиженія, лишь нѣсколько смягчаемое тѣмъ, что окончательное рѣшеніе предоставлено на половину представителямъ самого же рабочаго. Я привожу этотъ примѣръ, чтобы показать, къ какимъ мѣрамъ прикрѣпленія по отношенію къ квалифицированнымъ рабочимъ начинаетъ прибѣгать германская индустрія по мѣрѣ того, какъ повторныя мобилизаціи начинаютъ заставлять ее испытывать въ нихъ недо-

статокъ. Создаются отношенія, напоминающія многимъ—регулированіе цѣнъ, регулированіе производства и сбыта, регулированіе рабочей силы и т. д.—иногда даже въ деталяхъ старыя отношенія цехового періода: замкнутый, заранѣе опредѣленный, предоставленный самому себѣ рынокъ приводитъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ и для отдѣльнаго нѣмецкаго города 15-го столѣтія и для всей Германіи 20-го вѣка. Въ иныхъ отрасляхъ, какъ мукомольная, хлѣбопекаренная, кожевенная и т. д., иниціативу и руководство беретъ на себя государство, въ другихъ регулированіе складывается, такъ сказать, извнутри. Но въ общемъ и цѣломъ *побѣда принципа централизованнаго регулированія*, разъ только хозяйственная жизнь стала передъ серьезнымъ испытаніемъ, *надъ принципомъ частнаго усмотрѣнія* и анархической конкурренціи представляется несомнѣнной. Современная Германія дала міру образецъ централизованнаго руководства народнымъ хозяйствомъ, какъ единой планомѣрно работающей машиной [1]). Ключи отъ машины находятся въ современной Германіи въ рукахъ Сименса, Борзига, Гвиннера, Блейхредера,—представителей крупнѣйшихъ банковъ и крупнѣйшихъ накопленій индустріальнаго капитала въ странѣ. Кто держитъ ключи отъ машины, тотъ и управляетъ ею по своему усмотрѣнію; но принципіальный интересъ доказательства на опытѣ громадной страны возможности построенія такой единой машины въ сложной обстановкѣ современной культурной жизни,—остается и сохраняетъ все свое общественно-научное значеніе.

М. Лурье.

ОЧЕРКЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ НАСТРОЕНІЙ.

Ради удобства выраженія, ради экономіи времени, а возможно по непривычкѣ быстро анализировать понятіе, которое естественно вводится въ рѣчь, мы часто дѣлаемъ категорическія заявленія, которымъ вѣримъ сами, но которыя могутъ быть очень далеки отъ истины. Возьмемъ злободневный примѣръ: «Такая-то страна, — скажемъ Италія,—хочетъ войны». Что разумѣть подъ словомъ Италія? Ея правительство? Ея народъ? Большинство ея народа? Массу? Парламентъ? Поли-

1) Kriegsausschuss занимался еще много организаціей кредита (учрежденіе Kriegsbank'овъ), транспорта (Transport-A. C. съ кап. въ 20 м. м.) и т. д.; но разросшіеся размѣры корреспонденціи не даютъ возможности остановиться на этомъ.

тиковъ? Короля? Офицерство? Каждый подъ этимъ выраженіемъ «Италія» можетъ разумѣть свое, и каждый другой въ правѣ съ нимъ не согласиться. Самъ данный вопросъ, конечно, абсолютной важности не представляетъ; но замѣнимъ его другимъ, столь же категорическимъ утвержденіемъ: «Интересы Италіи требуютъ ея вмѣшательства въ войну»,—и передъ нами поводъ для оживленнѣйшаго спора, въ которомъ говорящій «да» можетъ быть такъ же правъ, какъ и говорящій «нѣтъ». Личный интересъ мой, промышленника Ломбардіи, требуетъ балканскихъ рынковъ; но мой братъ, обыватель Калабріи, предпочелъ бы, чтобы деньги, данныя имъ казнѣ, были употреблены на постройку школы и на устройство въ его мѣстечкѣ артезіанскаго колодца. Я, офицеръ, политикъ, патріотъ, желаю дать реваншъ Австріи за Кустоццу; онъ, гражданинъ, также политикъ, также патріотъ,—не видитъ надобности ни въ какихъ реваншахъ подобнаго рода. Но, быть можетъ, выше нашихъ личныхъ интересовъ и побужденій стоитъ интересъ государства? Прекрасно. Но интересы государства мы понимаемъ по-разному, согласные лишь въ томъ что государство—это мы, ломбардецъ и калабріецъ, фабрикантъ и, обыватель; мы, намъ подобные, какъ и не похожіе на насъ въ другихъ областяхъ страны. Наши нужды, матеріальныя и духовныя, не могутъ быть солидарны, пока общежитіе построено на борьбѣ всевозможныхъ личныхъ, общественныхъ и классовыхъ интересовъ. Слѣдовательно, и выраженіе «интересы Италіи» можетъ быть только условнымъ, ни для кого не обязательнымъ. Спросите мать, считаетъ ли она цѣну крови ея сына достаточно дешевой платой за пріобрѣтеніе всего австрійскаго Küstenland'а? И въ правѣ ли вы назвать ее плохой гражданкой, если она отвѣтитъ: «нѣтъ; даже одна капля его крови дороже всей соленой массы Адріатики». Всякій имѣетъ право, но никто не обязанъ быть героемъ; къ этому званіе гражданина не обязываетъ.

Это маленькое предисловіе я дѣлаю, разумѣется, не для того, чтобы поднимать старый нерѣшенный споръ Тразимаха и Сократа о природѣ государства. Является ли государство «организмомъ» или «организаціей властвованія», или «носителемъ нравственнаго закона», или «общежительнымъ союзомъ»,—признаемъ его, вслѣдъ за М. Ковалевскимъ, прежде всего реальностью. И въ дальнѣйшемъ, говоря о намѣреніяхъ «Италіи» и объ ея интересахъ, воздержимся отъ итоговъ и обобщеній. Какъ относится къ войнѣ европейской и къ войнѣ своей собственной, въ данную минуту—предстоящей, итальянскій обыватель—рабочій, депутатъ, солдатъ, министръ, шоффферъ, крестьянинъ, продавецъ открытокъ, артистъ, скупщикъ хлѣба, служитель церкви и т. д.?

Не думаю, чтобы въ Италіи были такіе медвѣжьи углы, куда бы совершенно не проникъ интересъ къ европейской войнѣ. Въ маленькой странѣ, гдѣ печать пользуется исключительной свободой, газета проникаетъ рѣшительно во всѣ мѣстечки, гдѣ есть синдикъ, священникъ и врачъ, и не только газета мѣстная, провинціальная, но и «столичная»—миланская, римская, неаполитанская. Но, разумѣется, въ разной степени и не всюду интересъ къ войнѣ отвлекаетъ вниманіе населенія отъ мѣстныхъ обывательскихъ интересовъ. Въ столицахъ онъ поглощаетъ почти все общественное вниманіе, и разговоръ о войнѣ не есть бесѣда избранныхъ, а есть общая постоянная тема дня. Не только въ кафе, какъ естественныхъ политическихъ клубахъ, послѣдній выпускъ газеты опредѣляетъ общій характеръ бесѣды, но и въ частной обывательской квартирѣ особо крупный заголовокъ газеты производитъ сенсацію. Это понятно динаково въ городѣ промышленномъ, какъ и въ городѣ чиновничьемъ. Миланскій промышленникъ долженъ внимательно слѣдить за бѣгомъ облачковъ на политическомъ горизонтѣ; съ этимъ онъ долженъ сообразовать свои операціи. Его нервностью заражается его приказчикъ, его распоряженія отзываются на судьбѣ рабочихъ. Всѣ знаютъ, что критическій моментъ можетъ сразу сразить благополучіе однихъ и создать другимъ неожиданную удачу. Въ данный періодъ событій (періодъ нейтралитета Италіи) цѣлый рядъ крупныхъ коммерческихъ предпріятій живетъ «отъ нейтралитета»: одни—наживаясь на внутреннемъ потребленіи, путемъ искусственнаго раздуванья хлѣбныхъ цѣнъ, другіе—извлекая огромные доходы изъ контрабанды того же хлѣба, каучука, мѣди и кожи въ Германію и Австрію. Путь отъ Милана до Кьяссо, на швейцарской границѣ, кишитъ темными дѣльцами, рискующими ради небывалой наживы и умѣющими, конечно, уменьшить рискъ путемъ выдѣленія въ пользу другихъ доли своего процента. Для всей этой массы смѣлыхъ коммерсантовъ, неожиданно развернувшихъ обороты до баснословныхъ размѣровъ, для обслуживающей ихъ арміи комиссіонеровъ, агентовъ, маклеровъ, маленькихъ таможенныхъ чиновниковъ, желѣзнодорожниковъ и т. п. нейтралитетъ является наиболѣе желательной позиціей Италіи въ конфликтѣ. Объявленіе войны не дастъ имъ такихъ доходовъ даже и при большой затратѣ энергіи. Съ крупными заказами правительство обратится къ прочнымъ и солиднымъ фирмамъ, не идущимъ на рискъ ради временной наживы. Сверхъ того не только объявленіе войны, но уже и самая подготовка къ ней вызываютъ особыя таможенныя строгости, заставляя королей контрабанды удѣлять большій и большій процентъ въ качествѣ страхованія себя отъ риска отвѣтственности. Правда, игра дѣлается еще азартнѣе,

выигрышъ еще крупнѣе, но и возможность полнаго крушенія все очевиднѣе.

Въ противоположность этимъ дѣятелямъ, промышленники крупные и солидные склонны скорѣе отрицательно относиться къ длительному состоянію нейтралитета. Правда, сама по себѣ война можетъ дать непосредственный доходъ лишь немногимъ изъ нихъ, главнымъ образомъ поставщикамъ казны. Для другихъ фирмъ война, если и не грозитъ разореніемъ, все же угрожаетъ длительной заминкой въ дѣлахъ. Но есть два соображенія, заставляющія предпочесть войну нейтралитету. Во-первыхъ, не отъ одной своей, итальянской, войны можетъ понести убытки промышленность. Европейская война, вызвавшая общую заминку торговыхъ операцій, доведшая до минимума внѣшній обмѣнъ товаровъ, введшая въ торговыя операціи рискъ, азартъ, случайности, нервность, уже сама по себѣ есть зло. Чѣмъ скорѣе она окончится, тѣмъ лучше. Выступленіе Италіи поможетъ скорѣйшей ликвидаціи міровой войны. Лучше перенести боль сильнѣйшую, но временную, чѣмъ долгое время испытывать острое недомоганіе. Таково первое соображеніе. Но сверхъ того, война съ Австріей, начатая въ столь благопріятныхъ условіяхъ, когда противникъ уже истощенъ неравнымъ боемъ съ Россіей, сулитъ территоріальныя пріобрѣтенія, каковы irredentныя провинціи и, что еще важнѣе,—открываетъ балканскіе рынки для итальянской промышленности. То, что безразлично для спекулянтовъ,—весьма важно для солидныхъ капиталистовъ, смотрящихъ дальше въ будущее. Этими чисто-матеріальными соображеніями объясняется несомнѣнный «патріотическій подъемъ» крупныхъ промышленныхъ сферъ сѣвера Италіи.

Въ иныхъ условіяхъ мелкій промышленникъ и коммерсантъ. На его дѣлахъ европейская война отзывается менѣе замѣтно, а вступленіе Италіи въ конфликтъ также не грозитъ его операціямъ особыми осложненіями, развѣ что война будетъ неудачной и, вмѣсто ожидаемаго вступленія итальянскаго войска въ Трентино, нѣмцы и австрійцы окажутся въ Миланѣ. Поэтому психологія мелкаго капиталиста ближе къ психологіи обще-обывательской. Онъ полагается на правительство, которое «лучше знаетъ». Перспектива «полученія кое-чего и безъ войны», на которую намекалъ Джолитти въ опубликованномъ прессой его письмѣ къ Пеано (ad hoc написанномъ), ближе всего улыбается мелкому коммерсанту. Естественно поэтому, что и вся итальянская международная политика послѣднихъ мѣсяцевъ, базирующаяся на выторговываніи льготъ и обѣщаній у обѣихъ воюющихъ сторонъ, носитъ характеръ мелочной лавочки, гдѣ торгуютъ съ запросомъ. Между теоріей Джолитти и практикой Саландры

существенной разницы нѣтъ; «священный эгоизмъ» послѣдняго столь же меркантиленъ и мелокъ, какъ и «политика подачекъ» перваго.

Въ совершенно иныхъ, гораздо болѣе сложныхъ условіяхъ, находится рабочій классъ, психологія котораго многогранна. Съ одной стороны и нейтралитетъ, и война одинаково больно бьютъ по карману рабочаго. Ему естественно быть принципіально противъ всякой войны, какъ вынуждающей Италію вступиться, такъ и вынуждающей ее терпѣть послѣдствія нейтралитета. Вздорожаніе жизни и другихъ съѣстныхъ припасовъ и ростъ арміи безработныхъ отзывается на бюджетѣ рабочаго такъ сильно, что ему естественно прежде всего желать мира. Такимъ образомъ массу рабочихъ составляютъ не интервенціонисты и не нейтралисты, а пасифисты. Но какъ водворить въ Европѣ миръ? По мнѣнію однихъ, нужно думать прежде всего о мирѣ у себя дома, предоставивъ Европу ея участи. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нуждѣ рабочаго класса—не должно быть мѣста сентиментальностямъ; да и не во имя демократическихъ идей борется соглашеніе противъ союза, а во имя выгодъ крупныхъ капиталистовъ. Такъ учатъ итальянскаго рабочаго итальянскіе ортодоксальные соціалисты. Но единства и въ ихъ средѣ нѣтъ. Есть теченіе, также считающее всякую войну великимъ зломъ, но не видящее спасенія въ нейтралитетѣ, который самъ по себѣ разорителенъ, а рѣшенію вопроса не помогаетъ. И вотъ изъ среды соціалистовъ выдѣляется группа «не абсолютныхъ нейтралистовъ», полагающихъ, что выступленіе Италіи въ благопріятный моментъ можетъ рѣшительно положить предѣлъ европейской войнѣ и, слѣдовательно, хотя бы и дорогой цѣной, купить миръ, столь нужный рабочему классу. Наконецъ, нѣтъ недостатка и въ интервенціонистахъ, не только согласныхъ съ вышеприведеннымъ соображеніемъ, но и считающихъ выступленіе Италіи морально обязательнымъ. Для этой группы европейская война не есть война обычная, рожденная борьбой капиталовъ. Нѣтъ, это міровой споръ идей демократіи и прогресса съ идеей милитаристской, борьба культуры духа противъ «культуры» бронированнаго кулака. Эта война должна установить и защитить право національностей на самоопредѣленіе и самоуправленіе, должна дать урокъ деспотизму, готовому наложить руку на всю Европу и огнемъ и мечемъ подавить всякую самостоятельность. Рабочій классъ долженъ опредѣлить свою позицію и, отрѣшившись отъ узко эгоистическихъ, къ тому же невѣрно понятыхъ задачъ, встать на защиту правой стороны, представленной въ этой борьбѣ народовъ Франціей—классической страной демократіи, Англіей—страной порядка и свободы, и Россіей—страной будущаго и защитницей оскорбленнаго

народа. И Италія должна немедленно, не торгуясь, выступить противъ Австріи, вѣковой угнетательницы національностей, въ томъ числѣ и итальянской, и противъ Германіи, опоры абсолютизма и милитаризма. Таковъ взглядъ соціалистовъ-интервенціонистовъ, во главѣ которыхъ всталъ Бенито Муссолини, бывшій редакторъ «Avanti, теперь издающій собственную боевую газету «Popolo d'Italia».

Особо стоятъ соціалисты-реформисты, также сторонники немедленнаго выступленія Италіи, но не столько во имя «идеаловъ рабочаго класса», сколько во имя реальныхъ интересовъ итальянскаго народа. Это сближаетъ ихъ одинаково съ націоналистами и съ Саландрой, поскольку, конечно, интервенціонизмъ Саландры можетъ считаться искреннимъ. «Сентиментальность» послѣдователей Муссолини реформистамъ чужда.

Рядъ этихъ разнородныхъ вліяній дѣлитъ на группы, иногда непримиримыя, организованную часть рабочаго класса. Но остается главная масса, «несознательная», которая совсѣмъ уже неспособна разобраться въ лабиринтѣ европейскихъ и національныхъ интересовъ, какъ и въ лабиринтѣ идей демократіи или милитаризма. Для этой массы европейская война любопытна лишь постольку, поскольку она отражается на заработкѣ и хозяйствѣ рабочаго, и мѣшаетъ ему искать работы на сторонѣ, въ одномъ изъ сосѣднихъ государствъ. Естественно, что рабочій сѣверной промышленной Италіи ощущаетъ вліяніе войны сильнѣе; на югѣ она сказывается, главнымъ образомъ, лишь вздорожаніемъ хлѣба. Какъ и всякая несознательная народная масса, эта часть рабочаго класса не идетъ далеко за объясненіемъ причинъ дороговизны жизни; ей не легко додуматься, что закрытіе Дарданеллъ рѣшительно подняло стоимость зерна, какъ форсированіе проливовъ флотомъ союзниковъ можетъ удешевить это зерно; нѣсколько понятнѣе ей темные слухи о контрабандномъ вывозѣ муки и съѣстныхъ продуктовъ въ Германію,—слухи, уже бывшіе причиной частичныхъ волненій. Естественнѣе же и проще всего объяснить растущую дороговизну хлѣба недостаточной распорядительностью правительства и органовъ мѣстныхъ самоуправленій,—въ чемъ, кстати сказать, не малая доля правды. Эта психологически-постоянная оппозиціонная черточка вообще въ итальянскомъ характерѣ; когда портится погода и начинаетъ идти дождь, итальянцы, подшучивая надъ своей оппозиціонностью, говорятъ: ma che fa il governo?—чего правительство смотритъ? Governo ladro! —узаконенное объясненіе для всѣхъ народныхъ бѣдствій. Поэтому говорить объ убѣжденныхъ нейтралистахъ или интервенціонистахъ этой части итальянской рабочей массы нельзя. «Avanti» напрасно огромными буквами печатаетъ во главѣ газетнаго листа: «Весь пролетаріатъ Италіи выска-

зывается противъ войны», какъ Бенито Муссолини напрасно увѣряетъ, что «весь рабочій народъ требуетъ немедленнаго вмѣшательства Италіи».

Городъ чиновничій, каковъ Римъ, реагируетъ на военныя событія не менѣе сильно, чѣмъ городъ промышленный. Если европейскій конфликтъ и не особенно отражается на чиновничьемъ быту, зато здѣсь центръ итальянской политики, парламентъ, министерства, дирекціи партій. Въ любомъ кафе и въ любомъ обществѣ вы встрѣтите такъ называемое освѣдомленное лицо, двоюродный братъ котораго дружитъ со вторымъ секретаремъ такой-то важной персоны и который поэтому загадочно-увѣренно улыбается толкамъ и соображеніямъ профановъ. Здѣсь центръ итальянскаго журнализма (хотя газеты и не лучшія), отсюда пускаются по всей странѣ достовѣрные и фабрикованые слухи, интервью, догадки, фразы—этихъ великихъ людей момента и т. п. При демократизмѣ итальянской жизни, между средой крупныхъ и маленькихъ чиновниковъ нѣтъ высокой ранговой стѣны, и интересы тѣхъ и другихъ почти сливаются, создавая компактную, характерную чиновно-обывательскую массу, наклонную къ политиканству, чувствительную къ настроенію дня, мыслящую и говорящую слогомъ утренняго выпуска газеты, любящую «критиковать», но мало способную къ критикѣ. Именно здѣсь легче всего срываются аплодисменты удачной, хотя бы и переведенной съ французскаго, парламентской фразой, которая на болѣе вдумчиваго и спокойнаго провинціала впечатлѣнія не производитъ. Но зато чиновничій Римъ, лучше зная политическую среду и, слѣдовательно, менѣе уважая ея членовъ, скорѣе умѣетъ перейти отъ аплодисментовъ къ шиканію и свисту. Вчерашняго минутнаго героя онъ сегодня съ легкимъ сердцемъ развѣнчиваетъ, вчерашнее «достовѣрнѣйшее извѣстіе» сегодня замѣняетъ инымъ, діаметрально противоположнымъ по содержанію.

Показателемъ итальянскаго народнаго и общественнаго настроенія Римъ ни въ коемъ случаѣ быть не можетъ, какъ вообще не могутъ дать о немъ понятіе чиновничья среда, парламентъ и правящіе классы. Отражая взгляды правительства и его оффиціозной газеты (такъ сказать, послѣдней «исходящей бумаги»), Римъ не можетъ не быть преданнѣйшимъ сторонникомъ «политики священнаго эгоизма», каковымъ заявляетъ себя и Саландра; завтра вернется къ власти Джолитти, величайшій чиновникъ Италіи, и Римъ будетъ просто нейтралистскимъ, безъ вычурныхъ выраженій. При любомъ министрѣ онъ останется преданнѣйшимъ городомъ, тратящимъ много словъ на разсужденія, но въ итогѣ всегда согласнымъ съ начальствомъ.

Гораздо болѣе любопытнымъ объектомъ для наблюденія является тихая провинція Италіи. Извѣстія—сверхъ обычнаго газетнаго сумбура—приходятъ сюда не спѣша, но гостятъ здѣсь основательнѣе, обсуждаются серьезнѣе, со всѣхъ сторонъ, взвѣшиваются, оцѣниваются, включаются въ сумму выводовъ. Достаточно прочесть случайныя письма въ редакцію провинціаловъ, чтобы понять, насколько медлительнѣе и солиднѣе работаетъ здѣсь обывательская голова. Провинціи гораздо свойственнѣе обсуждать военныя событія съ гуманитарной точки зрѣнія. При медленномъ темпѣ жизни небольшого городка, гдѣ смерть муниципальнаго совѣтника или адвоката — рѣдкое и важное событіе, жителямъ его не можетъ быть свойственно глотать походя новости пяти-шести выпусковъ газетъ въ день, не задерживая вниманія на такихъ пустякахъ, какъ гибель десанта на потопленномъ суднѣ и траншейный бой съ двумя стами жертвъ. Житель провинціи не просматриваетъ, а читаетъ свою газету, которую онъ выписываетъ или покупаетъ изо дня въ день и къ которой привыкъ. Онъ не сможетъ съ такой легкостью оцѣнить положенія, какъ это дѣлаетъ другъ кузена второго секретаря важной персоны, но зато онъ критически мыслитъ, чего недостаетъ легкомысленному другу кузена. Политики римскаго кафе свободнымъ очеркомъ изложатъ вамъ, чего требуетъ священный эгоизмъ итальянской націи; но вы въ правѣ усомниться, знаютъ ли они границы Юлійской Венеціи и составъ населенія Далмаціи. Провинціалъ, быть можетъ, еще не выработалъ себѣ опредѣленнаго мнѣнія о насущности тѣхъ или иныхъ интересовъ Италіи, но онъ желаетъ знать, а не ловить и повторять фразы; и онъ поразитъ васъ знаніемъ и границъ, и процента, и «историческихъ правъ», и «экономическихъ основаній». Конечно, я сравниваю здѣсь два типа, столичный и провинціальный, предполагая за ними приблизительное равенство соціальнаго положенія. Истинное общественное мнѣніе Италіи живетъ не въ столицѣ, во всякомъ случаѣ не въ Римѣ, а въ провинціи. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что народъ итальянскій слѣдуетъ искать не въ большихъ городахъ, а въ среднихъ и маленькихъ коммунахъ, разбросанныхъ по горамъ и долинамъ сѣвера и юга Италіи.

Чуждаясь конечныхъ выводовъ, я не берусь опредѣлить господствующее отношеніе этого общественнаго мнѣнія къ войнѣ европейской и къ возможному выступленію Италіи. Къ тому же не могу не признаться, что, живя преимущественно въ Римѣ, я не имѣю для подобныхъ категорическихъ выводовъ достаточнаго запаса наблюденій. Но кое-какія вѣхи для характеристики общественнаго отношенія къ войнѣ намѣтить возможно, путемъ частью исключенія,

частью утвержденія тѣхъ выводовъ, которые нерѣдко въ слишкомъ категорической формѣ дѣлаются въ печати итальянской и иностранной. Въ началѣ этого очерка я уже говорилъ, что фразы: «Италія хочетъ войны» или «интересы Италіи требуютъ»—въ сущности ничего означать не могутъ; это только фразы. Не сомнѣваюсь, что есть въ Италіи пламенные сторонники объявленія войны; это, главнымъ образомъ, молодежь, ирредентистски настроенная, считающая оскорбительнымъ для достоинства великой державы быть лишь зрительницей, а не участницей міровыхъ событій. Когда мы читаемъ, что у насъ въ Россіи сотни дѣтей убѣгаютъ изъ родительскаго дома, стремясь на поля битвы, мы знаемъ, что двоякое побужденіе руководитъ этими молодыми воинами: во-первыхъ, такъ присущая дѣтскому возрасту жажда подвига и страсть къ необыкновенному, во-вторыхъ, рано рождающійся патріотизмъ, взвинченный до степени экстаза разсказами о страданіяхъ и смерти за величіе родины. Проведите параллель: и въ Италіи есть пылкая молодежь, слушающая разсказы о зарубежныхъ братьяхъ, «задавленныхъ Австріей», о насильственной смерти Гульельмо Обердана, молодого героя ирредентной Италіи, о завѣтахъ созидателей свободной Италіи довершить ихъ дѣло и т. п. У Италіи, претендующей быть преемницей Римской Имперіи, властительницы міра, нѣтъ, конечно, недостатка въ прекрасныхъ героическихъ разсказахъ: ими полна и недавняя исторія ея освобожденія изъ-подъ двуглаваго ига Австріи. Мудрено ли, что въ ней не мало пламенныхъ головъ, стремящихся отомстить разомъ и за Лиссу, и за Кустоццу, и за подавленіе національности зарубежныхъ братьевъ. Эта пылкая молодежь—неизмѣнный кліентъ генерала Риччотти Гарибальди, кліентъ, который составляетъ вполнѣ безобидный антуражъ этого посредственнѣйшаго сына великаго отца. Но изъ такихъ юныхъ платоническихъ «гарибальдійцевъ» вырабатываются настоящіе гарибальдійцы второго призыва, тѣ, которые сейчасъ сражаются во Франціи за Францію, вмѣстѣ съ внуками Джузеппе Гарибальди (сыновьями Риччотти). Этихъ, уже взрослыхъ гарибальдійцевъ увлекла на войну не одна жажда подвига, а и сознаніе, что они, подобно ихъ духовному вождю Гарибальди, сражаются за правое дѣло, за народъ, бросившій въ міръ идею демократіи и республики; космополиты въ служеніи генію свободы, они, какъ патріоты, бросаются въ атаку, соединяя въ боевомъ крикѣ имена Италіи и Франціи. И ихъ, говоря о настроеніи разныхъ слоевъ итальянскаго общества, мы обязаны сознательно исключить изъ общей оцѣнки, какъ благороднѣйшій пережитокъ героической эпохи Италіи. Отдавъ молодымъ героямъ Италіи дань почтительнаго изумленія, мы должны говорить въ дальнѣйшемъ лишь о массовыхъ типахъ.

Конечно, кромѣ «рвущихся въ бой», есть еще много категорій сторонниковъ немедленнаго выступленія. Кромѣ уже упомянутыхъ нами раньше категорій разсчетливыхъ капиталистовъ, промышленниковъ и идейныхъ организованныхъ рабочихъ, значительная часть итальянскихъ «реальныхъ политиковъ» полагаетъ, что дальнѣйшее промедленіе Италіи можетъ привести къ потерѣ ею доли въ будущемъ дѣлежѣ. Тѣ, кто уже не строитъ болѣе иллюзіи о возможности побѣды центральныхъ державъ (эти иллюзіи, естественно, гаснутъ), боятся, что слишкомъ несмѣлая политика оставитъ Италію съ маленькимъ вознагражденіемъ за нейтралитетъ, а это было бы ударомъ по возросшему національному самолюбію страны. Нѣкоторыми учитывается и опасность неожиданной побѣды германизма,— что было равносильно пораженію Италіи, которая, конечно, поплатилась бы за плохое доказательство дружескихъ чувствъ къ старымъ союзникамъ. Съ другой стороны, внезапный перевѣсъ державъ соглашенія, напримѣръ просьба о мирѣ со стороны Австро-Венгріи или Турціи, сдѣлавъ ненужной помощь Италіи, поставитъ ее въ изолированное положеніе, безъ прежнихъ связей и безъ новыхъ друзей. Естественно, что, выступивъ возможно позже, можно разсчитывать на меньшее сопротивленіе противника и легче его побороть, сохранивъ лишнія тысячи жизней и лишніе милліоны денегъ. Но можно ли угадать моментъ? Не правильнѣе ли пустить, наконецъ, въ дѣло ту военную машину, которая не даромъ же такъ дорого обходилась странѣ, и обезпечить разомъ и крупную добычу, и быструю ликвидацію европейской войны, разорительной и при нейтралитетѣ? Таковы въ общемъ разсужденія политиковъ, сторонниковъ немедленнаго выступленія, руководящихся, подобно Саландрѣ, соображеніями національнаго эгоизма, но не одобряющихъ медлительности министерства. Главный пунктъ ихъ расхожденія во взглядахъ съ Саландрой состоитъ въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, Италія должна свои интересы завоевать оружіемъ, а не дипломатическимъ торгашествомъ. Даже средній воинъ пользуется среди крупныхъ борцовъ все же бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ самый ловкій биржевой маклеръ; и солдатъ Гарибальди сдѣлалъ больше, чѣмъ финансистъ Кавуръ.

Говоря о сторонникахъ немедленнаго выступленія, я имѣю всегда въ виду лишь тѣхъ, кто стоитъ за объявленіе войны Австріи и ея союзницамъ. Сторонниковъ боевого союза съ центральными державами, по крайней мѣрѣ открытыхъ, совершенно нѣтъ: немногіе активные германофилы скрываются подъ кличкой нейтралистовъ, и ихъ группу, какъ quantité negligeable, я просто не принимаю во вниманіе.

Категорія интервенціонистовъ въ данную минуту очень сильна

и численно. Ее поддерживаютъ крупные органы печати, какъ миланскіе Secolo и Popolo d'Italia, римскіе Messaggero и Idea Nazionale. Съ ними все время заигрываетъ и органъ Соннино, полуоффиціозъ Giornale d'Italia, время отъ времени пускающій аллярмистскую статью, чтобы на-завтра истолковать ее въ духѣ лойальнаго нейтралитета и «подготовленія гражданъ къ великому часу». Болѣе умѣренной позиціи держится Corriere della Sera, самая вліятельная газета Италіи, сочувствующая правительственному «вооруженному нейтралитету», но не слишкомъ довѣряющая силамъ Соннино и Саландры. Что касается до джолиттіанской Tribuna, то она не безъ искусства скрываетъ (если имѣетъ) свою точку зрѣнія, въ общемъ одобряя правительство за выдержку и избѣгая нервныхъ выходокъ, свойственныхъ прочей прессѣ.

Застрѣльщиками интервенціонизма выступаютъ націоналисты, предводительствуемые группой, сплотившейся вокругъ Idea Nazionale. Еще недавно слабенькая еженедѣльная газета, съ момента войны Idea Nazionale нашла широкій кругъ читателей и стала выпускать нѣсколько изданій въ день. Это—крупный боевой листокъ, опредѣлившій себѣ крайнюю позицію, трубящій въ военныя трубы, кричащій evviva савойскому дому, Италіи, Триполитаніи, Тріесту, Тренто и войску. Газета яростно нападаетъ на медлительность Саландры, хотя ея девизъ совершенно совпадаетъ съ девизомъ министерства: «священный эгоизмъ націи». Націоналисты не задаются вопросами о томъ, на чьей сторонѣ правда и справедливость; ихъ знамени не только чужды, но и враждебны идеалы демократіи и свободы. Если они готовы защищать право національности на самоопредѣленіе, то лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о національности итальянской. Націоналистское теченіе — дурной продуктъ итальянской колоніальной и имперіалистской политики, типичное отраженіе германскаго вліянія на политическій духъ Италіи. Но въ данную минуту націоналисты популярны, и ряды ихъ пополняются элементами, не исключительно шовинистскими. Имъ помогаетъ опредѣленность ихъ позиціи.

Любопытно, что отношеніе къ войнѣ произвело полную перетасовку въ группировкѣ политическихъ партій. Такъ, напримѣръ, ортодоксальные соціалисты, рѣзко расходясь съ реформистами, республиканцами и радикалами, партнерами по крайней лѣвой, ближе всего сходятся съ клерикалами, также сторонниками нейтралитета ad oltranza. Отъ клерикаловъ ихъ отдѣляетъ только скрытое и явное австрофильство послѣднихъ, тогда какъ соціалисты этимъ все же не грѣшны. Война породила и ихъ интимную близость съ джолиттіанцами, оставшимися вѣрными своему вліятельному вождю. Съ другой стороны,

республиканцы и независимые соціалисты, сторонники войны, заговорили совершенно одинаковымъ языкомъ съ націоналистами, апологетами короля, капитала, милитаризма, «историческихъ правъ» и «священнаго эгоизма». Это вноситъ такой сумбуръ въ политическую жизнь страны, что иногда, дѣйствительно, невозможно провести серьезную грань между отношеніемъ къ данному моменту носителя краснаго галстука и носителя черной сутаны, какъ нельзя бываетъ отличить и націоналиста отъ масона. Нейтралитетъ растлилъ политическую среду, уничтоживъ между партіями тѣ естественныя грани, которыя создавались на основѣ отношенія къ вопросамъ внутренней политики. Я сознательно приписываю это вліянію нейтралитета, какъ состоянія неопредѣленнаго и неестественнаго, тогда какъ война стираетъ грани между партіями въ иномъ смыслѣ: она не создаетъ сумбурной перегруппировки, но объединяетъ всѣхъ на платформѣ гражданственности, а не на условной программѣ... Мы наблюдали и наблюдали это одинаково во Франціи, какъ и въ Россіи, какъ и въ Германіи.

Намъ лучше, выполняя намѣченный планъ, перейти вновь отъ характеристики партійныхъ взглядовъ къ обзору настроенія живыхъ общественныхъ группъ. Настроеніе рабочей среды не можетъ быть опредѣлено соціалистической партійной директивой, а подъ республиканцами или клерикалами должны разумѣться опредѣленныя лица разныхъ соціальныхъ положеній, не всегда прикрытыя обезличивающей ихъ партійной маской. Такъ, напримѣръ, чрезвычайно любопытно усвоить, какъ относятся къ возможной войнѣ тѣ, кто сами должны воевать: офицеры, солдаты, запасные чины.

Италія—единственная великая держава, о боевыхъ способностяхъ войска которой еще не имѣлось случая составить опредѣленнаго мнѣнія. Со времени своего полнаго объединенія, Италія вела лишь колоніальныя войны, не могущія служить показателями ея боевой мощи. Оккупація Триполитаніи обошлась безъ крупныхъ сраженій даже на прежнюю мѣрку. Сто тысячъ солдатъ было послано въ сѣверную Африку, и потери итальянцевъ за все время войны съ Турціей не превысили двухъ тысячъ. Самый характеръ колоніальной войны не могъ ни обнаружить стратегическихъ талантовъ, ни выдвинуть героевъ. То, что воспѣвалъ въ своихъ одахъ Габріэле д'Аннунціо, было лишь перепѣвомъ хвалебныхъ газетныхъ телеграммъ. Флотъ итальянскій—гордость Италіи—почти все время оставался въ полномъ бездѣйствіи, не имѣя передъ собой соперника и не смѣя, въ виду протеста другихъ державъ, предпринять что-нибудь у европейскихъ и азіатскихъ береговъ Турціи. Единственнымъ красивымъ военнымъ жестомъ флота была ночная демонстра-

ція въ Дарданеллахъ, когда итальянскій флотъ, оставшись незамѣченнымъ, дошелъ до узкаго мѣста въ проливѣ, но это былъ лишь жестъ, безъ всякаго внутренняго значенія.

Такимъ образомъ, послѣднимъ выступленіемъ итальянскаго войска, уже принадлежащимъ исторіи, является война 1866 года, въ союзѣ съ Пруссіей противъ Австріи. Особо памятными изъ эпизодовъ этой войны остаются пораженіе итальянской арміи при Кустоццѣ (24 іюня), гдѣ эрцгерцогъ Альбрехтъ на голову разбилъ Ламармору, и еще худшее пораженіе флота при Лиссѣ (20 іюля), за которое итальянскій адмиралъ Персано, разбитый Тегетгофомъ, былъ преданъ военному суду и лишенъ чиновъ. Эти два пораженія, въ связи съ предательствомъ Бисмарка, заключившаго съ Австріей сепаратный миръ, явились причиной того, что Трентино и Тріестъ остаются до сихъ поръ за Австріей, а за итальянскимъ войскомъ не установилось доброй военной славы.

Такое мнѣніе не можетъ быть справедливымъ уже потому, что за пятьдесятъ лѣтъ итальянская армія изъ подсобной и едва шедшей въ счетъ стала первоклассной величиной. Если до сихъ поръ она не имѣла случая проявить себя въ большой патріотической войнѣ, то это одно еще не можетъ быть основаніемъ для критическихъ сужденій. Мы, русскіе, особенно должны помнить, что и нашей арміи дальневосточная война не дала славы, тогда какъ спустя десять лѣтъ она оказалась особенно сильной въ томъ, въ чемъ ее считали особенно слабой, — напримѣръ, въ артиллерійскомъ боѣ. Итальянское королевство образовалось сравнительно недавно, и еще много позже итальянскій народъ почувствовалъ себя единой націей. Возможно, что въ такой популярной войнѣ, какою должна явиться война съ Австріей, мы откроемъ въ итальянской арміи доблести, о которыхъ не подозрѣвали. Какъ ни былъ стратегически ничтоженъ походъ въ Триполи, все же и онъ далъ итальянскимъ солдатамъ и офицерамъ нѣкоторую практическую подготовку. Но опытъ европейской войны показалъ, что духъ войска, отразитель духа народа, еще важнѣе, чѣмъ дисциплина и учебная подготовка. Поэтому намъ особенно важно знать настроеніе итальянскаго войска наканунѣ войны.

Мнѣ приходилось не разъ слышать, что итальянское офицерство не пылаетъ нетерпѣніемъ ринуться на Австрію. Не имѣю данныхъ ни отрицать, ни утверждать этого. Думаю, однако, что вообще предразсудочно ждать, чтобы солдатъ, сидя дома, рвался въ бой, когда родинѣ его не грозитъ никакой опасности отъ внѣшняго врага. Не это важно. Важно, чтобы онъ, идя на войну, зналъ и понималъ, за что онъ идетъ, чтобы онъ, какъ гражданинъ, одобрялъ цѣль

похода, который онъ совершаетъ, какъ солдатъ. Я уже выше сказалъ, что война съ Австріей—единственно-мыслимая популярная война въ Италіи. Австрія—старый врагъ, съ которымъ счеты еще не сведены, и, въ союзѣ съ Германіей, серьезный врагъ, на котораго можно идти лишь сплоченными рядами и съ сознаніемъ серьезности задачи. Я видалъ, какъ отправлялись итальянскіе солдаты въ Триполи.

Несмотря на малую популярность колоніальной войны въ народѣ (въ верхнихъ слояхъ общества она была, несомнѣнно, популярной), я, не разъ присутствуя при отправкѣ войскъ, никогда не наблюдалъ ни недовольства, ни разгульнаго отчаянія, какъ видалъ на родинѣ въ 1904 году. Итальянскій солдатъ отличается той же привѣтливостью и тѣмъ же добродушіемъ, какъ и народъ Италіи; онъ не знаетъ желѣзной дисциплины пруссаковъ, на его лицѣ нѣтъ слѣдовъ муштры и забитости. Онъ не машина и не пушечное мясо и не долженъ потеряться и отдаться паникѣ въ рѣшительный моментъ, а всѣмъ извѣстно, какое значеніе въ современной войнѣ имѣетъ самостоятельность и интеллигентность солдата. То же нужно сказать и объ итальянскомъ офицерѣ, слишкомъ похожемъ на гражданина, чтобы отъ него можно было ожидать истинно-прусскихъ звѣрствъ. Отношенія между солдатами и офицерами въ Италіи прекрасны, быть можетъ какъ нигдѣ. Это почти товарищескія отношенія, нисколько не мѣшающія дисциплинѣ, когда она нужна. Итальянская армія можетъ быть недостаточно обученной, но она, несомнѣнно, прекрасно сплочена внутренне и не можетъ разсыпаться отъ внѣшнихъ ударовъ. Она спаяна патріотической гражданской спайкой, гораздо болѣе важной, чѣмъ внѣшняя желѣзная дисциплина.

И если въ данный моментъ итальянская армія не горитъ и не рвется вступить въ ужаснѣйшую изъ войнъ, какія знала Европа, то это не даетъ намъ права причислить ея офицерство и ея рядовыхъ къ противникамъ войны или, хотя бы, къ нейтралистамъ. Никогда армія въ Италіи не управляла страной: даже ея высшіе чины чуждались политиканства. Свободные граждане внѣ строя, въ строю ея солдаты и офицеры будутъ сплоченной и дружной силой и для защиты родины и для борьбы за ея насущные интересы. Въ этомъ мы сомнѣваться не можемъ, и въ этомъ не сомнѣвается въ Италіи ни одинъ человѣкъ.

Тотъ фактъ (если это фактъ), что итальянское офицерство не выказываетъ особаго боевого нетерпѣнія, я склоненъ считать даже благопріятнымъ. Итальянскому темпераменту вообще свойственно быстро возгораться и столь же быстро тухнуть. Въ

прежнее время, когда войны рѣшались иногда двумя-тремя большими сраженіями, боевой пылъ слѣдовало, быть можетъ, возбуждать даже искусственно. Теперь условія войны перемѣнились. Теперь отъ арміи требуется не одинъ форсированный натискъ, а прежде всего выдержка, качество, прежде не имѣвшее столь рѣшающаго значенія. Чѣмъ серьезнѣе и вдумчивѣе итальянское офицерство относится къ предстоящимъ ему задачамъ, тѣмъ лучше для арміи и для страны, какъ и для будущихъ союзниковъ этой страны.

Въ военное время ряды дѣйствующей арміи пополняются элементами гражданскими, не спеціалистами военнаго дѣла. Ряды офицерства пополнятся молодежью съ высшимъ и среднимъ образованіемъ. Какой духъ внесетъ она въ ряды арміи? Какое настроеніе господствуетъ сейчасъ въ ея собственныхъ рядахъ?

Выше мы уже говорили, что итальянское юношество не только за войну, но и всей душой за войну,—и это такъ понятно. Ортодоксальные соціалисты организуютъ кружки «молодыхъ соціалистовъ» «giovani di socialisti»), которымъ внушаютъ устраивать демонстраціи противъ войны, за нейтралитетъ ad oltranza. Обычная тактическая партійная ошибка! Давно уже доказано, что участіе зеленой молодежи не усиливаетъ, а ослабляетъ вѣсъ и значеніе серьезной политической партіи; это поздно поняли итальянскіе ортодоксы, на глазахъ которыхъ кружки юноше такъ и мѣняютъ присвоенные имъ догмой цвѣта. Въ студенческихъ рядахъ (студенчество здѣсь и моложе и много неразвитѣе нашего) безтолковая и безсвязная, но пылкая и рѣшительная проповѣдь какого-нибудь футуриста Маринетти производитъ гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ методическія выкладки программныхъ людей, вѣрующихъ въ непреложность желѣзнаго закона Маркса. Студенческой молодежи естественно быть на сторонѣ того, что выходитъ изъ ряда обыденныхъ понятій и переживаній и что звучитъ трубнымъ призывомъ. Сейчасъ студенты охотно идутъ за націоналистами, разсуждающими прямолинейно и выражающими свое мнѣніе не академически, а путемъ шумныхъ демонстрацій. Не велика цѣнность ни ихъ настроенія, ни ихъ выходокъ. Но на ихъ сторонѣ преимущество action directe,—и они побѣждаютъ впечатлительную молодежь, которая охотно бросаетъ стульями въ профессоровъ-германофиловъ, какъ было въ Римѣ съ профессоромъ Грасси, какъ случалось и съ другими «мужьями нѣмокъ». Сцены печальныя, но хорошо характеризующія настроеніе студенчества, которое нейтральностью отнюдь не грѣшитъ.

Намъ не исчерпать всѣхъ общественныхъ категорій итальянскаго народа. Но мы не имѣемъ права не остановиться на той ка-

тегоріи, которая объединяетъ рядъ другихъ, въ нее входящихъ, и именуется «обывательской». Не политикъ, не воинъ, не ученый, не купецъ, не чиновникъ (хотя бы были и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ), а прежде всего обыватель. Категорія, не признанная научной соціальной градаціей, категорія, нѣсколько даже презираемая, но несомнѣнно важнѣйшая и многочисленнѣйшая. Та категорія, которая больше другихъ имѣетъ право на клички «вся Италія», «весь народъ». Это—сотни и тысячи двойниковъ синьора Oronzo E. Marginati, ufficiale di scrittura, ex-candidato ecc. Мнѣ очень жаль, что лишь немногимъ изъ читателей можетъ быть знакомъ этотъ великолѣпный обывательскій типъ «протестующаго гражданина» (il cittadino che protesta), отъ имени котораго еженедѣльно въ римскомъ Travaso пишетъ письма въ редакцію талантливый юмористъ и беллетристъ Лукателли.

Обыватель не имѣетъ партійнаго знамени; вмѣсто него, онъ водружаетъ на древко ту «свою рубашку», которая «ближе къ тѣлу». Онъ исповѣдуетъ тѣ идеи, которыя сулятъ ему практическое благополучіе, и одобряетъ то правительство, при которомъ рѣже идетъ дождь и рѣже случаются землетрясенія. Онъ не чуждъ патріотизма и національной гордости и съ достоинствомъ называетъ себя prima italiano e poi mammifero (прежде всего итальянцемъ и лишь затѣмъ млекопитающимъ). Но, реагируя и на внѣшнія событія, онъ все же, главнымъ образомъ, обыватель, сынъ своего города, житель своей улицы, глава своей семьи.

Когда утромъ обыватель читаетъ Messaggero или въ иномъ городѣ другую «свою» газету, онъ проникается важностью заголовка и слѣдитъ глазами текстъ замѣтокъ и телеграммъ курсивомъ и жирнымъ шрифтомъ. Онъ понимаетъ важность европейской войны, но скучаетъ вѣчнымъ «топтаньемъ на мѣстѣ» на западномъ фронтѣ. Ему нравятся крупныя цифры убитыхъ и большіе діаметры пушекъ. Слабо знакомый съ географіей, онъ, сидя въ столовой, мысленно представляетъ себѣ Тренто и Тріестъ въ прихожей, Дарданеллы въ кухнѣ, Варшаву въ сосѣдней квартирѣ, — и этой упрощенной картой иллюстрируетъ свое чтеніе. Если самъ онъ не числится въ запасѣ, то ничего не имѣетъ противъ войны въ Италіи. Это не значитъ, что онъ эгоистъ; онъ можетъ искренно сочувствовать опасеніямъ сосѣдки, «соры Нины», сынъ которой призванъ; но ея сыну онъ укажетъ на долгъ гражданина защищать отечество. Онъ вполнѣ раздѣляетъ идею національнаго священнаго эгоизма, провозглашеннаго Саландрой, такъ какъ, въ сущности, это и есть идея «своей рубашки». Англичанъ онъ уважаетъ, австрійцевъ не любитъ, къ русскимъ питаетъ интересъ, какъ ко всему «экзотическому». Но

всего характернѣе для его обывательской психологіи та легость и естественность, съ которой онъ, читая свою газету, переходитъ отъ событій европейской важности къ извѣстіямъ своего квартала. Любопытно, что потонулъ броненосецъ, но не менѣе, если не болѣе любопытно, что вчера, въ Римѣ una donna si é buttata dal terzo piano—женщина бросилась съ третьяго этажа,—или что въ одномъ изъ центральныхъ отелей убита любовникомъ шведская gentildonna графиня Гамильтонъ. Вопросъ о Дарданеллахъ можетъ прискучить, а эта городская хроника столь полна интереса и неожиданностей, особенно, если окажется, что сора Нина знакома съ сорой Джуліей, рядомъ съ домомъ которой случился fattaccio.

Обыватель можетъ быть нейтралистомъ или интервенціонистомъ въ зависимости отъ настроенія и подъ вліяніемъ разговора съ «политиками» сосѣдней трактиріи. Но вотъ вздорожалъ на три сольдо хлѣбъ—и обыватель яснѣе ощущаетъ важность европейской войны. И тогда обыватель начинаетъ «протестовать». Ma che fa il governo? Въ эту минуту онъ является законнымъ участникомъ въ созданіи такъ называемаго общественнаго мнѣнія и, слѣдовательно, созидателемъ судебъ своей страны.

Если теперь мы зададимся вопросомъ, каково же господствующее обывательское настроеніе въ Италіи,—то, прежде всего, я думаю, убѣдимся... въ полной неважности этого вопроса. Протестующій гражданинъ этого типа безвреденъ и безобиденъ. Онъ платитъ налоги, чтобы правительство и муниципальный совѣтъ охраняли его благополучіе. Имъ онъ ввѣряетъ судьбу свою и своей страны, и имъ онъ вѣренъ (даже и протестуя), пока они управляютъ судьбами страны такъ, чтобы знамя ближайшей къ тѣлу рубашки могло гордо развѣваться на протянутой изъ окна въ окно веревкѣ. Поэтому въ данный моментъ онъ—сторонникъ нейтралитета «бодрствующаго, вооруженнаго и готоваго», партизанъ священнаго національнаго эгоизма; завтра онъ можетъ сдѣлаться гражданиномъ воинственнымъ и пойдетъ, вмѣстѣ съ другими ему подобными, смотрѣть, какъ будутъ бить стекла въ австрійскомъ посольствѣ, не принимая, впрочемъ, близкаго въ этомъ подвигѣ участія. А если священный національный эгоизмъ потребуетъ продажи Италіи съ публичнаго торга (ибо можно «получить кое-что и безъ войны»), обыватель сумѣетъ примириться и съ этимъ, а быть можетъ даже одобритъ мудрую политику правительства.

Но да не смущаетъ насъ такой типъ «гражданина у себя дома!» Не онъ вершитъ судьбы отечества и не его стадная психологія важна. Важна равнодѣйствующая психологіи всѣхъ разнообразныхъ соціальныхъ категорій, которая и является *волей народа*,

стоящей надъ народомъ. Сегодня эта воля уступлена одному оффиціальному правителю государства, завтра можетъ быть передана другому или отнята у обоихъ, и она всегда проявится и заставитъ себя уважать въ рѣшительный моментъ. Воля народа создала Третью Италію; воля народа можетъ расширить ея предѣлы или улучшить жизнь въ предѣлахъ настоящихъ. О томъ же, какова эта воля народа, направляющая его судьбы въ переживаемый нами моментъ, мы узнаемъ много позже, когда этотъ моментъ, какъ и многіе предшествовавшіе, станетъ достояніемъ исторіи. Сейчасъ мы можемъ лишь рисовать съ натуры отрывки итальянскихъ настроеній. Знать же сейчасъ о томъ, чего хочетъ «вся Италія» или чего требуетъ ея дѣйствительные интересы—задача невыполнимая.

М. А. Осоргинъ.

СУЖДЕНІЯ О ВИЛЬГЕЛЬМѢ II.

I.

Нѣкоторыя странныя черты характера и дѣятельности Вильгельма II давно уже обращали на себя вниманіе компетентныхъ наблюдателей. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ Германіи надѣлала много шума небольшая, но весьма содержательная брошюра подъ заглавіемъ: «Калигула. Этюдъ о маніи величія римскихъ цезарей». Авторъ ея, Квидде, излагая факты, касающіеся Калигулы, незамѣтно, путемъ скрытыхъ намековъ и умолчаній, наводитъ читателя на мысль о параллели между полоумнымъ повелителемъ Рима и гордымъ потомкомъ Гогенцоллерновъ. Даже біографическія данныя, имѣющія въ сущности мало общаго въ обоихъ случаяхъ, расположены такимъ образомъ, что должны производить впечатлѣніе полной аналогіи.

«Гай Цезарь, по прозванію Калигула—говоритъ Квидде—былъ еще очень молодъ, когда неожиданно былъ призванъ къ власти. Вдали отъ родины, еще во цвѣтѣ лѣтъ, скончался его отецъ, и въ народѣ было много толковъ о загадочныхъ причинахъ его смерти. Народъ потерялъ въ немъ своего любимца; никто изъ царствующей фамиліи не пользовался такой популярностью: онъ былъ дорогъ войскамъ по многимъ походамъ, въ которыхъ онъ дѣлилъ съ простымъ народомъ всѣ тягости войны. Но не только какъ полково-

децъ былъ онъ близокъ народу; его семейная жизнь, его скромныя манеры, пріятное добродушіе во всѣхъ обстоятельствахъ, подкупающій шутливый тонъ его разговора,—все это привлекало къ нему какъ солдатъ, такъ и мирныхъ гражданъ. Впрочемъ, хотя на него возлагались высокія и почетныя должности, но въ важнѣйшихъ вопросахъ внутренней политики онъ былъ осужденъ на бездѣйствіе, пока жилъ старый императоръ. Если бы онъ достигъ власти, то наступили бы, какъ ожидалось, болѣе счастливыя времена, и устранился бы глухой гнетъ, тяготѣвшій надъ всей имперіей». Подъ видомъ Германика дается здѣсь какъ будто портретъ преждевременно скончавшагося сына и преемника Вильгельма I, императора Фридриха III.

Начало царствованія Калигулы характеризуется далѣе тѣми же чертами, какъ первые годы управленія Вильгельма II. Всемогущій довѣренный совѣтникъ Тиверія, начальникъ преторіанцевъ Макронъ, авторитету котораго раньше безусловно подчинялся новый повелитель, вскорѣ потерялъ свое прежнее вліяніе; самъ императоръ взялъ въ свои руки бразды правленія, и его личный режимъ возбудилъ большія надежды въ широкихъ слояхъ населенія; казалось, что начнется эра реформъ и откроется просторъ для либеральныхъ идей. Въ политической жизни повѣяло какъ будто свѣжимъ духомъ; общественному мнѣнію была предоставлена нѣкоторая свобода, прекращены процессы за оскорбленіе величества, объявлена амнистія политическимъ заключеннымъ и допущены къ обращенію сочиненія, считавшіяся прежде запретными. Однако, иллюзія продолжалась недолго. Калигула не замедлилъ раскрыть свою истинную природу. «Основной пружиной его дѣйствій было тщеславіе, желаніе быть предметомъ удивленія въ качествѣ покровителя народныхъ интересовъ и пріобрѣсть славу великаго человѣка передъ потомствомъ. Съ нервной торопливостью, порывистыми скачками переходилъ онъ постоянно отъ одной задачи къ другой, часто впадая въ противорѣчія, и обнаруживалъ при этомъ стремленіе дѣлать все самому. Онъ не терпѣлъ около себя никакой самостоятельной индивидуальности; онъ хотѣлъ быть своимъ собственнымъ министромъ и лично выступать во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Манія величія цезарей выражалась въ цѣломъ рядѣ его предпріятій и поступковъ—въ начатыхъ имъ исполинскихъ сооруженіяхъ и постройкахъ, въ грандіозныхъ, театрально обставленныхъ военныхъ маневрахъ, въ фиктивныхъ побѣдоносныхъ походахъ и тріумфахъ и, наконецъ, въ его мечтѣ о господствѣ на моряхъ и океанахъ. Онъ часто предпринималъ морскія путешествія и экскурсіи на своихъ роскошныхъ яхтахъ, не стѣсняясь погодой... Особенно старался онъ блистать въ области

краснорѣчія. Онъ говорилъ охотно и много и, по свидѣтельству современниковъ, обладалъ для этого извѣстнымъ талантомъ; онъ любилъ приводить цитаты изъ классиковъ для опредѣленія своей собственной исключительной роли. Такъ, въ одномъ случаѣ онъ привелъ слова Гомера: «одинъ долженъ быть повелитель, одинъ только король». Чаще всего повторялъ онъ изреченіе: «пусть ненавидятъ, лишь бы боялись». «Цезари этого рода—продолжаетъ Квидде—вѣрятъ въ свое собственное право, приписываютъ себѣ особую миссію, чувствуютъ себя въ особыхъ отношеніяхъ съ божествомъ, считаютъ себя избранниками его и, наконецъ, сами заявляютъ притязаніе на божескія почести. Близкими къ подобному сумасшествію оказываются идеи многихъ повелителей, которыхъ нельзя еще относить къ числу душевно-больныхъ; таково было, напр., міросозерцаніе Фридриха-Вильгельма IV, когда онъ былъ еще психически здоровъ» [1]).

Въ изложеніи Квидде характеристика Калигулы прямо переходитъ въ характеристику Вильгельма II. Исключительное тщеславіе и самомнѣніе, нервная неустойчивость и перемѣнчивость въ цѣляхъ и намѣреніяхъ, вѣра въ свою провиденціальную миссію и въ свою близость къ божеству, неспособность терпѣть около себя выдающихся людей, страсть къ вооруженіямъ и военнымъ маневрамъ, стремленіе къ господству на моряхъ, ораторскій талантъ, склонность къ театральности въ пріемахъ и выступленіяхъ,—все это, несомнѣнно, свойственно Вильгельму II, какъ и Калигулѣ. И любимыя изреченія Вильгельма II точно также выражаютъ, главнымъ образомъ, идею личной неограниченной власти: «воля короля—высшій законъ»; «кто носитъ сюртукъ короля, т. е. военный мундиръ, тотъ принадлежитъ королю тѣломъ и душою»; «кто противъ меня, того я сокрушу» и т. п. Когда онъ уволилъ Бисмарка, въ которомъ нѣмецкій народъ привыкъ видѣть надежнаго безсмѣннаго руководителя созданной имъ германской имперіи, то этотъ актъ могъ считаться тогда признакомъ какой-то ненормальности, и въ массѣ нѣмецкаго общества замѣтно было безпокойство по поводу возможныхъ неблагопріятныхъ перемѣнъ въ области внѣшней политики; но, сдѣлавшись своимъ собственнымъ канцлеромъ, Вильгельмъ II не обнаружилъ опасной предпріимчивости въ международныхъ дѣлахъ и не оправдалъ тѣхъ тревожныхъ ожиданій, отголоскомъ которыхъ служила отчасти брошюра Квидде. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ онъ держался въ предѣлахъ политическихъ комбинацій и союзовъ, унаслѣ-

1) *L. Quidde.* Caligula. Eine Studie über römischen Cäsarenwahnsinn, Leipzig.

дованныхъ отъ Бисмарка; онъ не отступалъ отъ системы вооруженнаго мира и только постепенно расширялъ кругъ германскихъ интересовъ до размѣровъ міровыхъ притязаній, опираясь на колоссальный промышленный ростъ Германіи и на колонизаторскія потребности ея населенія. На этой почвѣ, съ одной стороны, усиливалось стремленіе на ближній Востокъ, въ ущербъ традиціонной дружбѣ съ оффиціальной Россіею, а съ другой—создавалось лихорадочное соперничество съ Англіею на моряхъ. Какъ бы ни судить объ этой политикѣ, но она не даетъ матеріала для сравненія съ дѣяніями Калигулы.

II.

При всей странности нѣкоторыхъ личныхъ идей и вкусовъ Вильгельма II, общее направленіе его дѣятельности одобрялось господствующими классами Германіи. Представители крупной промышленности и торговли, какъ и привилегированные землевладѣльцы-аграріи, были всецѣло на его сторонѣ; даже соціалъ-демократы готовы были слѣдовать за нимъ, если бы онъ откровенно порвалъ съ Россіею, которая была и оставалась для нихъ оплотомъ реакціи и обскурантизма въ Европѣ. Большинство нѣмецкаго народа было солидарно съ Вильгельмомъ II въ его планахъ міровой гегемоніи; оттого и грандіозныя вооруженія, связанныя съ непомѣрно возростающими затратами на армію и флотъ, принимались страною какъ нѣчто неизбѣжное и обязательное, ибо, по общему убѣжденію, эти усилія должны были рано или поздно окупиться въ случаѣ военнаго разгрома противниковъ и соперниковъ.

Вильгельмъ II далеко не всегда поддавался внушеніямъ преувеличеннаго самолюбія; онъ умѣлъ сдерживать и скрывать свои чувства, когда этого требовали извѣстныя государственныя соображенія. Въ памятномъ ноябрьскомъ кризисѣ 1908 года, по поводу его неосторожныхъ и безтактныхъ заявленій, напечатанныхъ въ одной изъ лондонскихъ газетъ, онъ съ удивительнымъ самообладаніемъ выдержалъ бурю общественнаго протеста, имѣвшаго впервые не партійный, а всенародный характеръ. Ему ставили въ вину чрезмѣрную экспансивность въ бесѣдахъ съ иностранными журналистами и политическими дѣятелями—экспансивность, которая разстраивала обычную работу германской дипломатіи и могла привести къ опаснѣйшимъ послѣдствіямъ. Тогдашній канцлеръ князь Бюловъ имѣлъ мужество предложить императору отказаться отъ частныхъ политическихъ бесѣдъ и соблюдать сдержанность, обязательную для конституціоннаго монарха, и Вильгельмъ II далъ требуемое отъ

него обѣщаніе, которое и было оффиціально сообщено имперскому парламенту въ бурномъ засѣданіи 10-го ноября. Безъ сомнѣнія, императоръ затаилъ въ себѣ чувство обиды и не могъ уже съ прежнею довѣрчивостью относиться къ своему канцлеру и къ поддерживавшимъ его консерваторамъ; но онъ ни въ чемъ не проявлялъ своего раздраженія и молча перенесъ ударъ, нанесенный его престижу руками «преданныхъ слугъ».

Подъ вліяніемъ этой «черной недѣли» прусскаго монархизма стали выступать въ печати усердные защитники монархическаго принципа, воплощаемаго Вильгельмомъ II, и ихъ обычные доводы съ наибольшею яркостью выражены въ книгѣ Адольфа Штейна, вышедшей въ Берлинѣ въ началѣ 1909 года. «Король Дитрихъ—говоритъ авторъ въ предисловіи—былъ сильно стѣсненъ въ непріятельской землѣ; но вѣрный Берхтунгъ сражался въ первыхъ рядахъ, и съ нимъ его пять сыновей. Каждый разъ, когда падалъ одинъ изъ сыновей, Берхтунгъ съ смѣющимся лицомъ оборачивался къ королю, чтобы тотъ не замѣтилъ потери и оставался въ бодромъ настроеніи. Король Дитрихъ опять стоитъ подъ градомъ стрѣлъ; вѣрнаго Берхтунга я не могу еще отыскать, но я хотѣлъ бы быть однимъ изъ его сыновей». Разумѣется, тонъ средневѣковой рыцарской вѣрности понадобился Адольфу Штейну вовсе не для того, чтобы показать свою готовность незамѣтно и скромно умереть за короля, не смущая его видомъ своей жертвы; напротивъ, въ отличіе отъ тихо падающихъ сыновей Берхтунга, онъ публично заявляетъ о своемъ желаніи заступиться за стѣсненнаго врагами монарха, чтобы заслужить его милость. «Врагами» на этотъ разъ являлись соотечественники и подданные короля, начиная съ его министровъ и приближенныхъ, и выступающимъ въ защиту его добровольцамъ нисколько не угрожала гибель, а могла достаться только награда или благоволеніе въ той или другой формѣ. Сравненіе этихъ льстивыхъ заступниковъ съ самоотверженнымъ Берхтунгомъ и его сыновьями характеризуетъ весь духъ книги Адольфа Штейна.

Штейнъ старается доказать, что всѣ ошибки и увлеченія германской политики, приписываемыя иниціативѣ Вильгельма II, объясняются лишь неумѣлостью и бездарностью высшей бюрократіи. Императоръ, по словамъ Штейна, обыкновенно подписывалъ или утверждалъ то, что ему предлагали оффиціальные совѣтники; такъ, знаменитая поздравительная депеша къ президенту Крюгеру въ концѣ 1895 года была составлена въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и представлена къ подписи канцлеромъ княземъ Гогенлоэ, въ видѣ косвеннаго отвѣта на запросъ Трансвааля объ отношеніи къ нему Германіи. Неудачное «интервью» въ „Daily Telegraph»,

поднявшее такую бурю въ ноябрѣ 1908 года, попало въ печать только по небрежности князя Бюлова, на предварительный просмотръ котораго была послана императоромъ рукопись этой статьи. Во многихъ случаяхъ, какъ увѣряетъ авторъ, Вильгельму II приходится произносить оффиціальныя или привѣтственныя рѣчи, написанныя для него какимъ-нибудь «тайнымъ совѣтникомъ», и за возможныя въ нихъ неловкія фразы печать несправедливо обрушивается на императора, который въ сущности не выходитъ изъ роли конституціоннаго государя. Но если въ самомъ дѣлѣ «за сотни глупостей, совершаемыхъ отъ имени Вильгельма II, отвѣтственна только бюрократія», то чѣмъ объяснить такую систематическую несостоятельность ея высшихъ представителей? Вѣдь на довѣренные посты приближенныхъ совѣтниковъ выбираетъ только императоръ, и онъ руководствуется при этомъ, конечно, своимъ личнымъ вкусомъ и симпатіями; и если онъ почему-то обнаруживаетъ спеціальную слабость къ людямъ ограниченнымъ и бездарнымъ, то въ этомъ всего менѣе виновато общественное мнѣніе. Между тѣмъ общественное мнѣніе складывалось неблагопріятно для Вильгельма II будто бы только въ силу злостныхъ сплетенъ и фантастическихъ слуховъ. Говорили, что императоръ заказалъ складную ораторскую трибуну для своихъ путешествій, чтобы имѣть возможность произносить рѣчи при каждой остановкѣ. Это считалось вполнѣ правдоподобнымъ — говоритъ Адольфъ Штейнъ.—«Неронъ публично игралъ въ театрѣ; Коммодъ выступалъ передъ всѣми на аренѣ. Демократъ профессоръ Квидде написалъ свою брошюру о Калигулѣ, какъ явный памфлетъ на Вильгельма II,—и, слѣдовательно, даже люди науки вѣрили въ помѣшательство цезарей въ данномъ случаѣ. Распространяются сплетни, что Вильгельмъ II — душевно-больной, что вся его семья состоитъ изъ дегенератовъ, что одна изъ принцессъ, Викторія-Луиза—глухонѣмая. И напуганные обыватели со вздохомъ шепчутъ другъ другу: «такая компанія управляетъ нами»! Адольфъ Штейнъ, напротивъ, утверждаетъ, что нѣтъ людей, болѣе нормальныхъ и здоровыхъ, чѣмъ Вильгельмъ II и его семья, и что даже кронпринцъ иногда способенъ разсуждать и дѣйствовать по-человѣчески. Правда, Вильгельмъ II считаетъ себя посланникомъ и представителемъ Бога, какъ монархъ «Божіею милостью»; но этотъ мистицизмъ происходитъ будто бы отъ набожной скромности, которая заставляетъ его видѣть источникъ своей власти не въ себѣ самомъ и не въ своемъ собственномъ правѣ и могуществѣ, а въ волѣ и милости Провидѣнія. Даже извѣстное обращеніе къ рекрутамъ, устанавливающее обязанность, по долгу присяги, «стрѣлять въ отцовъ и братьевъ», оправдывается Штейномъ, какъ глубоко трогательное и правдивое.

Съ такою же легкостью авторъ справляется и со всѣми другими обвиненіями и упреками, выставляемыми противъ Вильгельма II. Слухи о придворной камарильѣ, о вліятельныхъ фаворитахъ и друзьяхъ, признаются неосновательными или преувеличенными; чрезмѣрное вниманіе, удѣляемое постояннымъ мелочнымъ измѣненіямъ военной формы, вытекаетъ будто бы изъ соображеній цѣлесообразности, хотя это трудно подтвердить въ отдѣльныхъ случаяхъ. По словамъ Штейна, нѣмецкій народъ имѣетъ совершенно невѣрное представленіе о своемъ императорѣ и принимаетъ за истину всякія ложныя свѣдѣнія, распространенію которыхъ сознательно или невольно потворствуетъ бюрократія [1]). Другими словами, масса нѣмецкаго народа была недовольна императоромъ, и все содержаніе книжки Штейна сводится къ попыткѣ выяснить тѣ недоразумѣнія, которыя лежали въ основѣ этого скрытаго или явнаго антагонизма между Вильгельмомъ II и нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и этотъ антагонизмъ, повидимому, исчезъ или потерялъ практическое значеніе. Вопросъ о ненормальности Вильгельма II остается открытымъ; онъ ставится даже чаще прежняго. Два обстоятельства наводятъ на мысль объ умственномъ разстройствѣ: во-первыхъ, неожиданно быстрый, ничѣмъ разумнымъ не вызванный и необъяснимый переходъ отъ многолѣтняго вооруженнаго мира къ самой страшной всеобщей войнѣ, и во-вторыхъ, еще болѣе—эта ужасающая, безцѣльная жестокость, съ какою совершается дѣло разрушенія и истребленія, въ связи съ грубымъ нарушеніемъ всякихъ международныхъ нормъ, по личному предписанію императора, какъ верховнаго вождя германскихъ армій и флота. Быть хранителемъ международнаго мира въ продолженіе цѣлой четверти вѣка и, затѣмъ, внезапно затѣять неслыханную бойню, даже безъ предварительнаго выясненія числа возможныхъ враговъ,—это скачекъ, немыслимый при здравомъ умѣ. Вильгельмъ II былъ настолько убѣжденнымъ хранителемъ общаго мира по системѣ постоянныхъ вооруженій, что серьезно претендовалъ даже на Нобелевскую премію за свои заслуги въ этой области практической политики. Испытанный «миролюбецъ», державшій наготовѣ свой «бронированный кулакъ» для внушенія страха чужимъ народамъ и государствамъ, имѣлъ полную возможность остаться такимъ миролюбцемъ до конца, и всѣ по-неволѣ примирились бы съ усвоенными имъ формами разорительнаго военнаго спорта. Мирный правитель, привыкшій имѣть дѣло съ войсками и флотомъ только на безобидныхъ, театрально обставленныхъ маневрахъ, не могъ пре-

---

1) Wilhelm II. Von Adolph Stein. Leipzig, 1909.

вратиться вдругъ въ кровожаднаго полководца, для котораго ничего не стоитъ пожертвовать милліономъ человѣкъ съ цѣлью одержанія какого-нибудь временнаго военнаго успѣха; еще менѣе поводовъ имѣлъ бы этотъ добродѣтельный семьянинъ санкціонировать такія звѣрства, которыя не вызываются потребностями войны и совершенно не соотвѣтствуютъ природѣ и нравамъ культурныхъ народовъ.

Однако, именно въ этихъ воинственныхъ рѣшеніяхъ и увлеченіяхъ не видно было никакого противорѣчія между большинствомъ нѣмецкаго народа и императоромъ Вильгельмомъ II. Въ европейской печати за послѣдніе годы прекратились толки о психическихъ недостаткахъ Вильгельма II, и въ его дѣйствіяхъ отмѣчалась разсчетливая цѣлесообразность, которая бросала свѣтъ и на всю предшествующую политику Германіи. «Талантливый идеологъ и властитель германской имперіи, умѣющій соединять гимны въ честь мира съ безпрерывной подготовкою къ войнѣ,»— какъ отзывается о немъ П. Н. Милюковъ въ книжкѣ, вышедшей въ 1911 году [1]),—является выдающимся, артистически ловкимъ, сознательно лукавымъ, безусловно отвѣтственнымъ правителемъ и въ новѣйшей характеристикѣ, принадлежащей перу бывшаго бельгійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, барона Бейенса [2]). По мнѣнію Бейенса, имѣвшаго случай неоднократно бесѣдовать съ императоромъ и его приближенными, жестоко заблуждаются люди, которые придавали вѣру слухамъ о неуравновѣшенности или ненормальности Вильгельма II во время кризиса, приведшаго къ войнѣ. Напротивъ, онъ пользовался всѣми своими умственными силами, когда издалъ приказъ о поспѣшной мобилизаціи; планъ нападенія былъ задуманъ и выработанъ во всѣхъ подробностяхъ нѣсколькими годами раньше, и императоръ сознательно, въ полномъ согласіи съ своими военными совѣтниками, далъ сигналъ къ началу военныхъ дѣйствій». Императоръ явился уже выразителемъ общаго настроенія, направленнаго къ скорѣйшему использованію накопленныхъ колоссальныхъ военныхъ средствъ и силъ для побѣдоносной завоевательной войны. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Германіи стало все сильнѣе обозначаться это наступательно-имперіалистское теченіе, нельзя было уже говорить объ односторонней руководящей роли Вильгельма II въ подготовлявшейся катастрофѣ. Если тутъ было безуміе, то это было безуміе не отдѣльныхъ лицъ, а массовое, національное, навѣянное годами военно-политической пропаганды.

---

[1]) „Вооруженный миръ и ограниченіе вооруженій“ стр. 87.

[2]) „Revue des deux Mondes“, 1915, Mars 1—15.

Вопросъ о личной ненормальности Вильгельма II поглощается, такимъ образомъ, несравненно болѣе важнымъ вопросомъ о поразительномъ злокачественномъ психозѣ, овладѣвшемъ значительной частью народныхъ массъ и передовой интеллигенціи одной изъ великихъ націй культурнаго мира. Народъ и интеллигенція охотно, съ воодушевленіемъ и вѣрой, пошли по кровавому пути, избранному совѣтниками германскаго императора,—и это національное безуміе не можетъ быть объяснено умственными или нравственными дефектами Вильгельма II.

Л. Слонимскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Декабристъ И. Д. Якушкинъ начинаетъ свои «Записки» указаніемъ на огромное значеніе 1812-го года «въ политическомъ существованіи народа русскаго». Психологическій корень этого значенія, по его словамъ, лежитъ въ томъ удивительномъ, сознательномъ единствѣ, которое спаяло однимъ порывомъ всѣ слои народа, сверху донизу. «Ну, слава Богу, вся Россія въ походъ пошла!»—такъ формулировалъ это единство рядовой солдатъ, шагавшій возлѣ Якушкина по рязанской дорогѣ. Всенародная масса проснулась: «Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ». Энтузіазмъ этого дѣла разрушилъ стѣну, отдѣлявшую привилегированные верхи отъ безправнаго народа, и раскрылъ ихъ душу для такихъ новыхъ, всеобъемлющихъ и углубленныхъ переживаній, которыя обогащали ихъ психическій опытъ драгоцѣннымъ знаніемъ. Самъ императоръ Александръ «никогда прежде и никогда послѣ не былъ такъ сближенъ со своимъ народомъ, какъ въ это время, въ это время онъ его любилъ и уважалъ», потому что на моментъ раскрылись передъ нимъ въ русскомъ народѣ такія свойства, которыхъ онъ прежде не зналъ, и про которыя позабылъ. Лично Александру Павловичу не суждено было осознать всю значительность пережитого имъ во время Отечественной войны, закрѣпить въ душѣ свѣтъ, озарившій тогда его сердце, и осуществить раскрывшіяся при его сіяніи возможности, и личныя, и общественныя, Но для лучшей части русскихъ гражданъ урокъ не прошелъ даромъ, и не одно только политическое возрожденіе наше связано съ нашествіемъ двунадесяти языкъ. Покойный Александръ Николаевичъ

Веселовскій научилъ насъ и величайшій художественный подвигъ Россіи XIX вѣка, дѣятельность Пушкина, возводить къ тому же трагическому моменту въ жизни русскаго народа.

То, что переживаетъ Россія въ настоящее время, по психологической сущности весьма близко къ переживаніямъ 1812-го года. Столь же безспорная цѣль встала передъ нами, столь же глубоко всколыхнула она наше сердце и нашъ разумъ, столь же единомысленно устремилась вся Россія на великій и страшный подвигъ. Всѣхъ насъ вмѣстѣ и каждаго изъ насъ въ отдѣльности позвала исторія къ суровому отвѣту и властно требуетъ, чтобы мы обнаружили все наше богатство и всю нашу нищету. Не только государство и общество вынуждены нынѣ въ крайнемъ напряженіи показать истинную мѣру своихъ силъ и возможностей, но и каждая личность, такъ или иначе отзываясь на всенародное движеніе, становясь къ нему въ то или иное отношеніе, раскрываетъ предѣлы своего духа и сама надъ собою произноситъ послѣдній судъ. Въ жизнеспособной индивидуальности небывалыя, громовыя событія порождаютъ новые, дотолѣ невѣдомые для нея самой, отклики и озаренія и раскрываютъ передъ ней врата новой, полноцѣнной и творческой жизни. Живые же мертвецы остаются передъ вызовомъ судьбы безмолвными, либо растерянно продолжаютъ лепетать старыя слова, кое-кого плѣняющія въ періодъ всеобщаго маразма и застоя, но жалко обнаруживающія свое кладбищенское убожество при пробужденіи зиждительныхъ силъ, возстающихъ среди громовъ и молній.

Всеобъемлющая «переоцѣнка цѣнностей», передъ которой блѣднѣютъ всѣ предыдущія попытки такого рода, захватила всѣ области нашей жизни; не могла она не коснуться и сферы искусства. Мы знаемъ, что за послѣдніе годы въ нашей литературѣ самымъ беззаконнымъ образомъ перемѣшались живые таланты съ раскрашенными восковыми фигурами, и жизнь не давала осязательнаго критерія для отличенія художественной правды отъ лжи. Теперь этотъ критерій нарождается. Мертвый человѣкъ не можетъ быть живымъ художникомъ, ибо искусство есть лишь функція жизни, одно изъ ея проявленій. И вотъ, когда загремѣла труба Архангела надъ Россіей, все живое въ странѣ, въ томъ числѣ и въ искусствѣ, не могло такъ или иначе не откликнуться на будящій зовъ. Не проснулись только тѣ, кто не могъ проснуться,— обитатели гробовъ повапленныхъ.

Подъ откликомъ художника на зовы военнаго времени я менѣе всего разумѣю спеціальное культивированіе батальныхъ сюжетовъ въ искусствѣ. Скорѣе даже наоборотъ. Когда на выставкахъ теперь собираютъ батальную живопись, въ театрахъ ставятъ «злободневныя

пьесы», а въ концертахъ поютъ про погибшихъ воиновъ и иныя бѣдствія боевой грозы, я склоненъ видѣть въ этомъ, въ лучшемъ случаѣ, естественный публицистическій порывъ, а въ худшемъ— исканіе дешевой популярности. Очевидно, что ни тотъ, ни другой мотивъ ничего общаго съ задачами искусства и съ искусствомъ вообще не имѣетъ. Психологія художественнаго творчества такова, что авторъ не можетъ творить иначе, какъ почерпая матеріалъ изъ того, что̀ пережилъ и перестрадалъ, но пережитое только тогда можетъ стать объектомъ художественнаго воспроизведенія, когда оно дѣйствительно уже пережито, т.-е. стало прошлымъ, отодвинулось въ извѣстное отдаленіе. Въ моментъ же остраго и глубокаго переживанія художникъ безмолвствуетъ, а если не безмолвствуетъ, то у него получается не законченное произведеніе искусства, а нѣчто клочковатое, безформенное, безсильное адэкватно передать истинное существо его душевнаго волненія.

Такъ случается и съ современными писателями, бросающимися на военныя темы. Ихъ произведенія либо обнаруживаютъ, что великія событія проходятъ совсѣмъ мимо нихъ, не пробуждая ни одной новой струны въ ихъ душахъ, либо эти произведенія художественно немощны, и тѣмъ немощнѣе, чѣмъ шире и глубже захотѣлъ писатель отразить знаменательный смыслъ взволновавшихъ его событій.

Типичнѣйшимъ образцомъ произведеній перваго порядка является новая драма М. Арцыбашева «Война» (15-й сборникъ «Земля»). Слабосильный пессимистъ, давно уже привыкшій сосредоточиваться на тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя дѣлаютъ ее отвратительной, угрюмый скептикъ, находящій какое-то своеобразное, злобное удовольствіе въ развѣнчаніи всякихъ благородныхъ сторонъ человѣческой натуры, Арцыбашевъ и при свѣтѣ опоясывающихъ нашу жизнь нынѣ роковыхъ зарницъ не увидалъ ровно ничего, кромѣ того, что̀ видѣлъ и раньше, среди удручающаго застоя недавнихъ дней. Его новая пьеса есть только варіантъ той клеветы на женщину, которой была его прошлогодняя драма «Ревность». Нина, жена офицера, рисуется безупречно чистой и даже возвышенной натурой, пока мужъ остается при ней. Но стоило ему уйти подъ нѣмецкія пули, какъ Нина, подъ бременемъ чисто-животнаго томленія, чуть-чуть не отдается князю, который давно въ нее влюбленъ, но котораго она совсѣмъ не любитъ. Когда же мужъ возвращается съ оторванными ногами, Нина въ ужасѣ шарахается отъ него и попадаетъ прямо въ объятія настойчиваго въ своей страстности князя.

«Все это достаточно омерзительно», выражаясь словами

одного изъ персонажей Арцыбашевской пьесы, но для насъ сейчасъ важенъ не моральный судъ надъ авторомъ, а выясненіе причины, которая человѣка съ несомнѣннымъ и незаурядным талантомъ сдѣлала дальтонистомъ, способнымъ изъ всего богатаго разнообразія жизненныхъ красокъ и явленій воспринимать и художественно отображать лишь самые мутные и низкопробные тона и факты. Разгадка лежитъ въ томъ неисцѣлимомъ эгоцентроизмѣ, которымъ поражена душа Арцыбашева, и который все наростаетъ и наростаетъ въ немъ. Въ свое время трагедія нашего освободительнаго движенія смогла еще на одинъ моментъ ударить по его сердцу и вызвать въ немъ цѣлительную боль за чужое страданіе. И тогда онъ написалъ едва-ли не лучшую свою повѣсть «Рабочій Шевыревъ». Теперь вся мука новаго великаго страстотерпчества, ворвавшагося въ нашу жизнь, безсильна вывести Арцыбашева за роковую черту сосредоточенности на собственныхъ скорбяхъ отдѣльной личности, сжечь на огнѣ всенароднаго страданія маленькое, самозамкнутое «я» и возродить къ новой жизни въ лонѣ всенароднаго просвѣтлѣнія и всенароднаго подвига.

«У меня есть своя жизнь! Пусть моя жизнь маленькая, ничтожная, но я не хочу, чтобы коверкали и разбивали мою жизнь! Не хочу!» Такъ выкрикиваетъ истерически Нина, и хотя знаетъ, что неправа, но все же безсильна подняться въ иную плоскость. Ея партнеръ, князь, зрячѣе Нины въ томъ смыслѣ, что даже и не считаетъ такую жизнь—жизнью. «Даже и не игра, а такъ, какая-то длительная агонія! Развѣ мы живемъ здѣсь? Мы только существуемъ! Всѣ наши интересы, несчастія и хлопоты такъ мелки и ничтожны! Наши поступки банальны»... Онъ знаетъ, что настоящая жизнь, настоящая глубина человѣческой личности, во всѣхъ ея скрытыхъ возможностяхъ, раскрывается лишь тамъ, гдѣ, «лицомъ къ лицу со смертью, спадаетъ прочь эта повседневная шелуха, и человѣкъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ бы быть всегда». Князь понимаетъ это и однако же не идетъ туда, къ источнику полноты жизни, а остается прикованнымъ къ своему маленькому призрачному мірку, гдѣ человѣкъ цѣликомъ остается за заколдованной стѣной самаго маломочнаго и безнадежно тлѣннаго уголка своей личности. Въ этотъ же самый уголъ уткнулся, безвозвратно похоронивъ лучшія силы своего «я», и авторъ, и тѣмъ не менѣе беретъ на себя смѣлость произносить изъ своего подполья приговоръ надъ человѣческой натурой вообще и надъ всѣмъ бытіемъ...

Поистинѣ, есть мертвецы, которыхъ и труба Архангела не разбудитъ...

Неразъ приходилось мнѣ въ прошлые годы оплакивать на

этихъ страницахъ преждевременное разложеніе другого, еще болѣе крупнаго, современнаго таланта. Говорю о Леонидѣ Андреевѣ, творчество котораго вначалѣ возбудило такую радость во всѣхъ, любящихъ русскую литературу, а затѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе стало погружаться въ туманъ, лишь изрѣдка прорѣзываемый вспышками истинной вдохновенности. Теперь снова воскресаетъ въ насъ радостная надежда. Гроза, потрясшая русскій народъ и всѣ народы Россіи, всколыхнула и душу этого писателя. Всегда склонный къ крайнему индивидуализму, онъ нынѣ какъ бы исцѣлился отъ своего изнурительнаго недуга. Писатель по призванію, большой мастеръ слова, онъ и на текущія событія откликнулся полнозвучно, какъ писатель, но лучшее, что вышло за эти мѣсяцы изъ-подъ его пера,— откровенная, горячая и талантливая публицистика. Его статьи о болгаро-сербскихъ отношеніяхъ, дышащія подлиннымъ благородствомъ общественно-чуткаго темперамента, властно возстали противъ торгашескаго скопидомства въ національной политикѣ и потребовали отъ народа, ищущаго для себя свѣтлаго будущаго, чтобы онъ доказалъ свое право на это, обнаруживъ способность почтить подвигъ и героизмъ даже во врагѣ своемъ и обидчикѣ. Той же способности на самоотверженный подвигъ требуетъ Леонидъ Андреевъ въ «Днѣ печати» и отъ насъ, призывая насъ безраздѣльно отдаться борьбѣ за наше народное существованіе и достоинство, справедливо утверждая, что, непреклонно добиваясь великой побѣды, мы воскресимъ въ себѣ и разовьемъ тѣ самыя силы нашего духа, которыя затѣмъ не потерпятъ, чтобы и внутреннее наше бытіе осталось непреображеннымъ.

Выразить въ такихъ формахъ переживаемыя, но еще не пережитыя, волненія и естественно и всегда доступно для человѣка слова. Такимъ путемъ становится онъ практическимъ борцомъ и дѣятелемъ, поддерживая и направляя массовую волю на достиженіе конкретныхъ, очередныхъ цѣлей, выдвигаемыхъ дѣйствительностью. Но истинно-художественное произведеніе никогда не преслѣдуетъ практическихъ, волевыхъ задачъ. Оно ведетъ къ созерцанію и проникновенію, а не къ поступкамъ. Вихрь волевыхъ устремленій, обогащая душу новымъ опытомъ, раскрывая въ ней высоты, невѣдомыя въ спокойномъ состояніи, придаетъ ей въ то же время нѣкоторую односторонность, необходимую для большей дѣйственности и сконцентрированности ударной силы. А такая односторонность уже сама по себѣ исключаетъ широту захвата и уравновѣшенность, безусловно необходимыя для подлинно художественной работы. Вотъ почему, когда Леонидъ Андреевъ, охваченный благотворнымъ потокомъ общественнаго подъема, захотѣлъ заговорить о современности не только какъ

публицистъ, но и какъ художникъ, у него получилось произведеніе совсѣмъ слабое. Его новая пьеса «Король, законъ и свобода», пытающаяся изобразить трагическую судьбу бельгійскаго народа, вышла архитектурно нестройной, населенной блѣдными, расплывчатыми фигурами, страдающей мѣстами ходульностью и пафосомъ, чрезмѣрно рѣзкой свѣтотѣнью. Бельгійцы у него—въ маскахъ трогательныхъ героевъ, нѣмцы—въ маскахъ деревянныхъ тупицъ; и тѣ, и другіе—утрированныя схемы, а не живыя лица. Протоколизмъ телеграммъ съ театра войны переплелся, не сливаясь органически, съ фантастикой художественнаго вымысла, и въ общемъ получилось произведеніе, стилистически повторяющее всѣ недостатки послѣднихъ пьесъ Леонида Андреева, посвященныхъ изображенію кошмаровъ его причудливой и мрачной фантазіи.

Между тѣмъ замыселъ этой пьесы свидѣтельствуетъ о томъ, что событія разбудили въ душѣ писателя цѣлый міръ новыхъ чувствъ и идей, дотолѣ ему почти чуждыхъ. Онъ позналъ ту силу духа человѣческаго, которая способна вознести человѣка надъ всѣмъ зримымъ хаосомъ бытія, казавшимся Андрееву прежде безликой и ужасной непобѣдимостью, зло издѣвающейся надъ усиліями человѣчества. Его индивидуалистическое сердце пережило всепоглощающую боль за попранныхъ насиліемъ и святой гнѣвъ противъ насильниковъ. Не разумомъ, а чувствомъ онъ понялъ, что человѣкъ не одинокъ на землѣ, а связанъ тысячами незримыхъ нитей съ семьей, родиной и со всѣмъ родомъ людскимъ, съ прошлымъ, настоящимъ и будущимъ, что есть для него желанная правда и ненавистное зло, что дано ему неудержимо хотѣть бороться за справедливость и сокрушать гнусность. Почуялъ онъ и то, что только на почвѣ ощущеній этого порядка выясняется подлинная личность и познаетъ подлинные пути свои и самый смыслъ бытія своего. Но вѣдь говорить объ этихъ вещахъ стилемъ, подсказанныхъ совсѣмъ другими настроеніями и идеями, невозможно. Каждое содержаніе создаетъ свою собственную художественную форму, и пока новое народившееся въ душѣ содержаніе не оформилось такимъ именно своимъ, специфическимъ и неотторжимымъ отъ него образомъ, до тѣхъ поръ оно и не можетъ быть сколько-нибудь адэкватно выраженнымъ. Мало того, неготовость формы знаменуетъ, что и само содержаніе не пріобрѣло еще устойчиваго бытія въ душѣ художника, находится еще въ бродячемъ, зачаточномъ состояніи, и требуется болѣе или менѣе значительное время, пока оно найдетъ свою истинную сущность и свои подлинныя очертанія. Предваряя этотъ внутренній созидательный процессъ, прилаживая новое содержаніе къ старымъ, чуждымъ формамъ, художникъ неизбѣжно приходитъ къ тому, что подгибаетъ

новое, нарождающееся подъ старое, уже отжившее, т.-е., навязывая новымъ проблескамъ старыя формы, онъ эти проблески по существу окрашиваетъ старымъ содержаніемъ, отождествляетъ съ нимъ и тѣмъ самымъ лишаетъ, быть можетъ, самыхъ важныхъ элементовъ. Пренебрегая этими непреложными законами психологіи художественнаго творчества, Леонидъ Андреевъ за послѣдніе годы губилъ одинъ за другимъ всѣ зачатки новыхъ поэтическихъ созданій, зарождавшихся въ его душѣ, не давая имъ дозрѣть и торопливо втискивая ихъ въ привычныя для него, разъ навсегда выработанныя имъ колодки. Было бы крайне прискорбно, если бы и теперь онъ не отрѣшился отъ этой торопливой манеры и въ погонѣ за быстротой писанія не далъ бы выкристаллизоваться во всей глубинѣ и своеобразіи тому, что̀ поднято въ его творческомъ духѣ великими событіями, переживаемыми нынѣ Россіей и всѣмъ міромъ.

Гораздо болѣе правильному инстинкту повинуются тѣ наши художники-писатели, которые, повинуясь захватившей ихъ волнѣ всенароднаго одушевленія, бросились туда, гдѣ творится новая психологія и новая жизнь. Они отказались на время отъ синтетической художественной работы, а просто живутъ всѣми фибрами своего духа, впитываютъ въ себя освѣжающую и возвышающую атмосферу, ростутъ, какъ растетъ сейчасъ всякій человѣкъ, не замуровавшійся въ келью подъ елью, и не спѣшатъ объективировать плоды этого роста въ законченныхъ произведеніяхъ. Самое большее, что̀ они дѣлаютъ, какъ писатели, это—дѣлятся съ читателемъ своими конкретными, дробными наблюденіями и переживаніями, спускаются до уровня простого корреспондента и, не предвосхищая тѣхъ широкихъ выводовъ философскаго и сердцевѣдческаго характера, которые современемъ получатся изъ создающагося сейчасъ новаго вѣдѣнія о тайникахъ человѣческаго духа, остаются въ рамкахъ даннаго момента со всей той его случайной корой, которую сниметъ впослѣдствіи истинное искусство, чтобы подъ оболочкой временнаго показать вѣчную сущность.

Къ числу такихъ писателей, ярко переживающихъ современность и явно преображающихся подъ ея необычайными откровеніями, я долженъ прежде всего отнести талантливаго графа А. Н. Толстого. Мы хорошо знаемъ, какимъ онъ былъ вчера. Несомнѣнно, одаренный, съ сильнымъ, но хаотическимъ темпераментомъ, онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживалъ какую-то дѣтскую растерянность передъ жизнью. Всѣ его герои, часто трогательные и недюжинные, совершали систематически какіе-то неуклюжіе и непонятные поступки, безъ всякаго видимаго основанія калѣчили существованіе и себѣ, и тѣмъ, съ кѣмъ ихъ сталкивала судьба, и въ

концѣ концовъ гибли нелѣпо и ненужно. Выросшіе обыкновенно въ допотопной усадьбѣ, сами похожіе на допотопныхъ существъ, по-своему сильные и вмѣстѣ беззащитные, они никакъ не могли оріентироваться въ современной обстановкѣ, смотрѣли на жизнь невидящими глазами, не понимая ни окружающаго, ни самихъ себя. Такъ и сходили они со сцены, не уразумѣвъ ни своихъ желаній, ни своего мѣста на землѣ, и весь міръ представлялся автору сплошнымъ вихремъ сумбура и озорства, оглушающимъ человѣка дотого, что у него даже не остается въ душѣ ни мѣста, ни времени для желанія разобраться въ этомъ хаосѣ и добраться хоть до какого нибудь смысла.

Сейчасъ передъ нами совершенно другой человѣкъ. Его послѣдняя книжка: «На войнѣ», сборникъ безпритязательныхъ корреспонденцій съ театра военныхъ дѣйствій, поражаетъ единствомъ и четкостью настроенія, которымъ проникнуты всѣ эти отрывочные разсказы о попадающихся на пути пейзажахъ, хатахъ, поѣздахъ крестьянахъ, попахъ, офицерахъ, солдатахъ и т. п. Боевыхъ картинъ почти нѣтъ въ книгѣ, авторъ какъ будто намѣренно избѣгаетъ останавливаться на нихъ, но всякій фактъ, всякая мелочь пріобрѣтаютъ для него особую полноцѣнность. Все зажило въ глазахъ вчера еще растерянnаго наблюдателя единой, осмысленной жизнью, во всемъ раскрывается его сердцу невѣдомая ранѣе тайна, которой авторъ не можетъ еще сказать во всей ея многозначительности, но которой онъ весь уже исполненъ съ трепетомъ пробуждающейся силы, и его трепетъ невольно передается читателю. «Я не знаю, откуда это, но сейчасъ у меня есть отечество, Россія, родина... *Мы стали вдругъ обогащенными новою любовью.* Все проходящее, наносное и растлѣвающее—неустройство наше, настроенія и неврастенія, личная жизнь и борьба партій—все вдругъ отошло, какъ море отъ береговъ, и впервые *обнажилось ядро новой культуры*—сердце наше, воля наша, спокойствіе наше»... Обогащенный новою любовью, россійскій интеллигентъ, обычно «склонный къ сосредоточенному унынію, состоянію въ высшей степени бездѣятельному, хотя и не лишенному благородныхъ мыслей», сразу собралъ свою расплескавшуюся душу воедино и ощутилъ въ себѣ и вкусъ къ жизни, и вѣру въ нее. У «темнаго, соннаго и пьянаго» народа оказалось «нѣжное, безконечно ясное сердце», и онъ «внезапно, въ одинъ день, какъ молнію, почувствовалъ всѣ свои силы и то, что всѣ эти силы хороши и нужны». Да и вся Россія, «варварская, лѣзущая по швамъ, грязная, доживающая послѣдніе дни Россія», чудесно преобразилась, «словно стала вся однимъ хозяйствомъ, приспѣло время жатвы, и всѣ, взявъ серпы, пошли жать». Трагиче-

скій духъ пролетѣлъ по нашей странѣ, говоритъ далѣе авторъ, и въ одинъ день мы стали крѣпкимъ, рѣшительнымъ, чистымъ народомъ.

Пусть подъемъ, переживаемый, на-ряду со многими милліонами, графомъ А. Н. Толстымъ, даетъ реальной жизни и духу человѣческому одностороннее освѣщеніе, но въ самой этой односторонности лежитъ залогъ грядущей полноты пониманія. Вѣдь вчера большинство изъ насъ тоже было во власти односторонности, только противоположной. Рефлекторъ нашего вниманія былъ до такой степени сосредоточенъ на отрицательныхъ явленіяхъ общественныхъ и индивидуальныхъ, на малодушіи, эгоизмѣ, пошлости и распадѣ, что многіе склонны были забывать или даже прямо отрицать реальность героическаго и творческаго, благороднаго и самоотверженнаго. И благо тѣмъ, кто, пройдя черезъ это подполье жизни, не утратилъ способности увидѣть теперь просторъ небесъ и прелесть міросданія. Пусть отдается онъ смѣло и цѣлостно обаянію красоты и величія, пусть дышетъ полной грудью и навѣки крѣпко запечатлѣетъ въ своемъ сердцѣ знаніе этой стороны жизни, раскрывающейся лишь въ рѣдкіе, торжественные моменты. Придетъ время, подполье опять предъявитъ свои будничныя права, и тогда настанетъ пора снова помѣряться двумъ правдамъ, злой и доброй. Ариманъ подыметъ свою темную десницу на благостнаго Ормузда. Но бой этотъ возобновится завтра не при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ происходилъ вчера: завтра подъ знамена свѣтлаго бога станутъ всѣ, кто раньше не зналъ его и впервые узрѣлъ нынѣ, среди громовъ небывалой катастрофы. Въ этомъ основа всѣхъ нашихъ надеждъ, въ этомъ залогъ нашего великаго будущаго, и въ жизни, и въ искусствѣ.

Вѣдь наша прекрасная литература съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ обозначился ея самобытный обликъ, всегда была учительницей жизни. Прозрѣнія нашихъ художниковъ всегда устремлялись въ тѣ глубины духа, гдѣ совершается извѣчная борьба между тлѣніемъ изжитого и наростаніемъ грядущаго. Они всегда были бодрыми идеалистами, не потому, чтобы предавались дряблому, розовенькому оптимизму, трусливо закрывающему глаза на ужасы сущаго. Нѣтъ, ни одна литература въ мірѣ не шла съ большею безтрепетностью и безпощадностью въ самыя ужасныя дебри психическаго распада, ни одна не рисковала съ такимъ дерзновеніемъ срывать послѣдніе покровы съ уродовъ, гнѣздящихся въ этихъ дебряхъ. Но лишь немощные эпигоны могучихъ творцовъ распростирались ницъ передъ уродствомъ и возлагали на его отвратительную голову вѣнецъ міродержавности. Истинные носители русскаго духа всегда умѣли въ отвѣтъ на самые злые соблазны рас-

крыть такія сокровища вѣчно творящаго начала, которыя властно утверждали дарованную человѣку силу побѣдить и преобразить все нечистое и губящее въ высшую красоту и гармонію. За послѣднія десятилѣтія знаніе этой силы стало какъ бы истощаться въ нашемъ искусствѣ. Волна разслабляющаго пессимизма поднималась повременамъ такъ высоко, что грозила потопить драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное намъ предыдущими поколѣніями. Судьбѣ угодно было въ грозѣ и бурѣ наново принести намъ откровеніе, что нашъ народъ не только озвѣрѣлый, но и «мужественный, простой, непоколебимый и скромный», да и мы сами способны не только падать въ преисподнюю, но и возноситься къ небесамъ. Такъ создается нынѣ въ душахъ нашихъ художниковъ снова матеріалъ для возстановленія утраченнаго было равновѣсія въ познаніи обоихъ полюсовъ духа, и благо тѣмъ, которые окажутся способными воспринять великій урокъ и взрастить въ будущемъ творчествѣ своемъ его мудрые плоды.

Всякому надо пользоваться сейчасъ ниспосланнымъ намъ озареніемъ и впитывать сердцемъ все, что раскрывается въ его свѣтѣ. Для этого нѣтъ даже необходимости держаться исключительно тамъ, гдѣ въ кровавыхъ боляхъ рѣшается судьба Европы. Вся жизнь, всюду, звучитъ теперь по иному, и куда бы ни направили мы слухъ нашъ, вездѣ услышимъ мы многое такое, что раньше не звучало, или чего мы раньше не умѣли услышать,—и все это полно глубокаго смысла, все это надо принять въ свою душу и запомнить твердо, чтобы не забыть тогда, когда кончится священная трагедія, захлопнутся врата храма, и снова вступитъ въ свои права обыденность. Все это—вода живая, и отъ того, сколько сможемъ мы запасти ея на предстоящій путь, зависитъ то, что мы на этомъ пути обрѣтемъ, каждый въ своей сферѣ: общественный дѣятель—въ сферѣ воплощенія преображенной Россіи, художникъ и мыслитель—въ сферѣ раскрытія новаго вѣдѣнія о духѣ.

И мы уже видимъ, какъ всѣ чуткіе писатели наши, каждый по-своему, каждый въ той области, гдѣ онъ привыкъ вращаться или куда забросили его обстоятельства, жадно всматриваются въ тѣ проявленія чувства и мысли, которыя тѣсно связаны съ самой сущностью нынѣ свершающагося. Въ этомъ отношеніи весьма характерна новая книжечка А. М. Ремизова: «За святую Русь. Думы о родной землѣ». Энтузіастическій почитатель старой легенды и народной сказки, онъ и теперь, потрясенный новыми волненіями и непривычными думами, пошелъ въ этотъ излюбленный имъ міръ,—и тамъ нашелъ внятные отклики на свои переживанія. Старая мудрость повѣдала ему великую правду страданія за родную землю

и поддержала его вѣру въ то, что изъ этого страданія выростаетъ «великое благословеніе на новую грядущую жизнь русскаго народа». Другой нашъ талантливый писатель, Ив. Шмелевъ, ушелъ въ глушь деревни и разсказываетъ намъ на страницахъ «Сѣверныхъ Записокъ», въ рядѣ очерковъ, озаглавленныхъ «Суровые дни», про то, что̀ увидѣлъ и услышалъ, вращаясь въ крестьянской средѣ. Вокругъ него «совершается таинство». Деревенскій обитатель потрясенъ до самыхъ сокровенныхъ нѣдръ души своей, и его непривычная мысль изо всѣхъ силъ старается уяснить себѣ, «что къ чему». До отчетливаго осмысленія событій работа эта не доходитъ въ томъ кругѣ, который наблюдаетъ Шмелевъ, въ лучшемъ случаѣ получается какая-нибудь новая легенда, новый болѣе или менѣе удачный символъ. Но подъ всѣми нескладными разсужденіями деревенскихъ философовъ чувствуется такая черноземная и многообѣщающая сила, которая не можетъ пройти безслѣдно. И, проникаясь этой силой, сливаясь съ нею, самъ писатель трепещетъ отъ какихъ-то неясныхъ, но радостныхъ предчувствій, и особой свѣжестью вѣетъ отъ его мастерскихъ этюдовъ.

Таковы наиболѣе типичные образцы нашей «литературы военнаго времени». Они неспособны удовлетворить насъ съ художественной точки зрѣнія, но заслуживаютъ полнаго вниманія, какъ свидѣтельство о томъ огромномъ психологическомъ сдвигѣ, который переживаетъ сейчасъ вся Россія, начиная съ образованнѣйшихъ верховъ и кончая глухой деревней. Все это, конечно, еще не искусство, но несетъ въ себѣ необычайно цѣнные элементы, которые обѣщаютъ въ недалекомъ будущемъ новый періодъ творческаго подъема въ области художественной, какъ и въ другихъ областяхъ нашей жизни.

С. Адріановъ.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Введеніе городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ.—Записка главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ.—Необходимость дополненія правилъ 2-го февраля о землевладѣніи иностранныхъ подданныхъ и выходцевъ.—В. И. Яковенко †.

Въ первый день Пасхи обнародовано состоявшееся на основаніи ст. 87-ой зак. осн. и Высочайше утвержденное 17-го марта положеніе совѣта министровъ о распространеніи дѣйствія городового

положеніи 11 іюня 1892 года на города губерній Царства Польскаго. Подъ новымъ наименованіемъ положеніе 17-го марта воспроизводитъ почти буквально законопроектъ, внесенный въ Госуд. Думу, по Высочайшему повелѣнію, 9-го іюня прошлаго года и оставшійся неразсмотрѣннымъ за прекращеніемъ сессіи—а этотъ законопроектъ былъ, въ свою очередь, повтореніемъ принятаго Госуд. Думой въ 1913 г., но въ 1914 г. разбившагося о неустраненное разногласіе между Думой и Госуд. Совѣтомъ[1]). Сравнительно съ городовымъ положеніемъ 1892 г., новыя правила составляютъ нѣкоторый шагъ впередъ (распространеніе избирательнаго права на квартиронанимателей, отдѣленіе, въ Варшавѣ и Лодзи, обязанностей предсѣдателя думы отъ обязанностей президента, т.-е., городского головы), сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ городской реформы въ Царствѣ Польскомъ—столь же несомнѣнный шагъ назадъ (повышеніе ценза для квартиронанимателей, непредоставленіе активнаго избирательнаго права женщинамъ, право администраціи имѣть надзоръ не только за законностью, но и за правильностью дѣйствій городского самоуправленія, ухудшеніе положенія евреевъ). Въ такомъ видѣ положеніе 17-го марта едва-ли можетъ стать однимъ изъ краеугольныхъ камней будущей организаціи Царства Польскаго; едва-ли также имъ уравновѣшивается исключеніе Холмской губерніи изъ состава губерній Царства Польскаго[2]).

Введеніе въ дѣйствіе положенія 17-го марта предстоитъ еще нескоро: въ Варшавѣ оно должно состояться не позднѣе 1-го января 1916 года, въ другихъ городахъ—въ сроки по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, былъ ли налицо достаточный поводъ для изданія этого положенія въ порядкѣ, установленномъ ст. 87-ою зак. осн. По словамъ совѣта министровъ, «дарованіе городамъ губерній Царства Польскаго болѣе совершеннаго городского общественнаго управленія, составляющаго предметъ осо-

---

[1]) Первоначальный проектъ, внесенный въ третью Думу въ 1910 г. и принятый ею съ нѣкоторыми поправками, былъ значительно измѣненъ къ худшему Госуд. Совѣтомъ. Четвертая Дума согласилась со всѣми этими измѣненіями, за исключеніемъ одного, на которомъ продолжалъ настаивать Госуд. Совѣтъ.

[2]) Совѣтъ министровъ, имѣя въ виду, что закономъ 23 іюня 1912 г Холмская губернія выдѣлена только изъ управленія варшавскаго генералъ-губернатора, а не изъ состава губерній Царства Польскаго, и полагая, что примѣненіе городового положенія въ холмскомъ краѣ должно послѣдовать въ особомъ, сообразно съ мѣстными условіями, порядкѣ, призналъ необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, включить въ правила 17-го марта постановленіе объ изъятіи Холмской губерніи изъ состава губерній Царства Польскаго.

быхъ ожиданій мѣстнаго населенія, представлялось желательнымъ осуществить въ качествѣ чрезвычайной монаршей милости», чѣмъ и мотивируется обнародованіе положенія 17-го марта въ первый день Пасхи, въ нынѣшнемъ году праздновавшейся одновременно какъ православною, такъ и католическою церковью. Едва-ли, однако, понятіе о чрезвычайной милости совпадаетъ съ понятіемъ о чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 87-ой. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣется такая совокупность фактовъ, при которой опасно промедленіе, *необходимо* безотлагательное дѣйствіе. Конечно, полякамъ обѣщано самоуправленіе, и оно должно быть дано имъ; но его условія, его формы могутъ быть установлены окончательно лишь послѣ войны—и позволительно думать, что тогда они во многомъ не совпадутъ съ правилами 17-го марта. Намъ кажется, что объясненіе поспѣшности, съ которою изданы эти правила, слѣдуетъ искать въ исторіи мытарствъ, которымъ подвергался законопроектъ о городской реформѣ въ Царствѣ Польскомъ. Государственный Совѣтъ упорно противился введенію польскаго языка, на равныхъ правахъ съ русскимъ, въ городскія учрежденія Царства; между тѣмъ, воззваніе верховнаго главнокомандующаго возвѣстило Польшѣ свободу ея роднаго языка. Отсюда желаніе поскорѣе сдѣлать первый шагъ къ осуществленію этой свободы. И дѣйствительно, постановленія о языкѣ составляютъ лучшую часть положенія 17-го марта, хотя въ сущности они немногимъ отличаются отъ тѣхъ, которыя были проектированы еще П. А. Столыпинымъ и приняты какъ третьей, такъ и четвертой Государственной Думой. Если бы не противодѣйствіе Государственнаго Совѣта, въ городскихъ учрежденіяхъ Царства Польскаго уже теперь польскому языку принадлежали бы права гражданства въ той мѣрѣ, въ какой они предоставляются ему правилами 17-го марта... Не посчастливилось, при изданіи послѣднихъ, языку литовскому. Третья Дума включила въ разсмотрѣнный ею законопроектъ разрѣшеніе употреблять въ городскихъ думахъ Сувалкской губерніи, рядомъ съ языками русскимъ и польскимъ, и языка литовскаго; съ этимъ согласилась и четвертая Дума. Иначе отнеслись къ вопросу правила 17-го марта: въ восьми городскихъ думахъ Сувалкской губерніи они признаютъ обязательнымъ употребленіе общегосударственнаго, т.-е. русскаго языка. Между тѣмъ, въ концѣ прошлаго вѣка литовцы составляли больше половины населенія Сувалкской губерніи (389 тыс. изъ 738); поляковъ числилось въ ней около 159 тыс. (21½%), русскихъ—31 тыс. (съ небольшимъ 4%; остальное населеніе—евреи и нѣмцы). То уваженіе къ правамъ другихъ народностей, котораго воззваніе верховнаго главнокомандующаго ожидаетъ отъ возрождающейся Польши, требовало бы иного отношенія къ племени,

составляющему, во всякомъ случаѣ, весьма значительную часть населенія данной мѣстности.

Положеніемъ 17-го марта сохранено раздѣленіе избирателей на національныя куріи, особенно благопріятное для русскихъ, за которыми, если ихъ не менѣе *пяти*, обезпечено во всякомъ случаѣ представительство въ городской думѣ, особенно неблагопріятное—для евреевъ: число гласныхъ, избираемыхъ послѣдними, не можетъ превышать одной пятой общаго числа гласныхъ — въ городахъ, гдѣ евреи составляютъ болѣе половины городского населенія, одной десятой—во всѣхъ остальныхъ городахъ. Евреи не могутъ быть предсѣдателями городскихъ думъ, президентами [1]), вице-президентами, городскими старостами, помощниками президента и городского старосты, членами управъ [2]), городскими секретарями и секретарями управъ; они не допускаются къ завѣдыванію отдѣльными отраслями городского хозяйства и управленія. При тѣхъ отношеніяхъ между поляками и евреями, которыя господствуютъ, въ настоящее время, въ Царствѣ Польскомъ, всѣ эти ограниченія окажутся, быть можетъ, соотвѣтствующими желаніямъ большинства польскаго населенія края; но едва-ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что они совмѣстны съ «уваженіемъ къ правамъ другихъ народностей», о которомъ упомянуто выше. Не на взаимномъ недовѣріи національностей, не на взаимной ихъ враждѣ, питаемой неравноправностью, можетъ установиться новая, нормальная жизнь въ воскресшей Польшѣ. Что правоограниченія, вводимыя положеніемъ 17-го марта, бьютъ дальше цѣли — это, какъ намъ кажется, не могутъ не признать даже сколько-нибудь разсудительные изъ числа польскихъ противниковъ еврейства. Допустимъ, на минуту, что интересы городского населенія въ Царствѣ Польскомъ требуютъ искусственныхъ мѣръ, направленныхъ къ уменьшенію числа гласныхъ-евреевъ; но разъ что большинство въ городской думѣ, и большинство значительное, обезпечено за поляками, есть ли основаніе лишать евреевъ права занятія должностей, замѣщаемыхъ по выборамъ? Вѣдь этимъ самымъ у польскаго большинства отнимается возможность отдать ту или другую должность въ городскомъ общественномъ управленіи лицу, наиболѣе способному исполнять ее. Гласнаго-еврея, общепризнаннаго знатока больничнаго, санитарнаго, водопроводнаго дѣла, гласные-поляки, хотя бы и не чуждые юдофобства, охотно поставили бы, можетъ быть, во главѣ соотвѣтствующей отрасли городского хозяйства; но этого не допускаетъ законъ, стѣсняя, такимъ образомъ, свободу дѣйствій самихъ хозяевъ края. Это положеніе дѣлъ можно было бы сравнить съ превышеніемъ

[1]) Званіе президента соотвѣтствуетъ званію городского головы.

[2]) Первоначальный проектъ П. А. Столыпина допускалъ избраніе *одного* еврея въ члены городской управы.

необходимой обороны — если бы необходимой, въ принципѣ, была, въ данномъ случаѣ, самая оборона. На самомъ дѣлѣ польскій элементъ въ краѣ настолько силенъ, что не нуждается ни въ какой специфической защитѣ.

Если прибавить ко всему сказанному до сихъ поръ, что правила 17-го марта сохраняютъ такія слабыя стороны дѣйствующаго въ имперіи городового положенія, какъ утвержденіе администраціей избираемыхъ думою должностныхъ лицъ и административный надзоръ не только за законностью, но и за цѣлесообразностью постановленій городскихъ думъ, то нельзя не придти къ заключенію, что не достигнуто еще такое рѣшеніе вопроса о городскомъ самоуправленіи въ Царствѣ Польскомъ, которое гармонировало бы съ открытымъ настоящею войною новымъ фазисомъ русско-польскихъ отношеній. Что могло показаться цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ то время, когда о воскресеніи Польши, о предоставленіи ей «свободы въ языкѣ, въ вѣрѣ, въ самоуправленіи» не было еще и рѣчи, то является теперь не болѣе, какъ переходной мѣрой, подготовляющей полный разрывъ съ прошедшимъ. Къ тому же выводу можно придти и другимъ путемъ. Городовое положеніе 1892 г. доживаетъ въ имперіи свои послѣдніе дни: осужденное еще указомъ 12 декабря 1904 года, оно держится только по инерціи, никого не удовлетворяя и тормозя на каждомъ шагу развитіе общественной жизни. Понятно, что распространеніе его на Царство Польское, хотя бы и съ расширеніемъ правъ польскаго языка, не можетъ быть разсматриваемо какъ первый даръ освобождаемому польскому народу. Истинное самоуправленіе еще впереди какъ для Царства Польскаго, такъ и для Россійской имперіи.

Сожалѣя, мѣсяцъ тому назадъ, что правила 2-го февраля о землевладѣніи и землепользованіи иностранныхъ подданныхъ и выходцевъ не были проведены черезъ законодательныя учрежденія, мы выразили предположеніе, что разсмотрѣніе ихъ въ обычномъ порядкѣ могло бы обезпечить бо́льшую ихъ полноту и цѣлесообразность, предупредить дефекты и недомолвки, обусловливаемые торопливостью и односторонностью подготовки. Главною изъ такихъ недомолвокъ слѣдуетъ считать отсутствіе спеціальныхъ постановленій о томъ, кто можетъ являться покупателемъ обязательно поступающихъ въ продажу земель. Какъ иностраннымъ подданнымъ, такъ и иностраннымъ выходцамъ, подходящимъ подъ дѣйствіе правилъ 2-го февраля, предоставлено отчуждать, въ теченіе опредѣленныхъ сроковъ, принадлежащія имъ внѣ городскихъ поселеній недвижимыя имущества, по добровольнымъ соглашеніямъ, лицамъ, имѣющимъ право на пріобрѣтеніе такихъ имуществъ. Имущества, оставшіяся неотчужденными, подлежатъ продажѣ съ

публичнаго торга въ общемъ порядкѣ, установленномъ для безспорныхъ взысканій, при одномъ только особомъ условіи: о днѣ торга долженъ быть заблаговременно извѣщенъ крестьянскій земельный банкъ. Ничто не мѣшаетъ, такимъ образомъ, переходу отчуждаемыхъ имѣній, по купчимъ крѣпостямъ или съ публичнаго торга, къ случайнымъ покупателямъ изъ среды частныхъ лицъ; ничто, въ правилахъ 2-го февраля, не направлено къ тому, чтобы предопредѣлить сосредоточеніе земли, подлежащей отчужденію, въ рукахъ тѣхъ общественныхъ группъ, которыя всего болѣе въ ней нуждаются и всего лучше могутъ использовать ее какъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ государства. Такими группами являются безземельные и малоземельные крестьяне, и между ними въ особенности тѣ, на которыхъ всего тяжелѣе отразилась и отразится настоящая война.

Упущенное при изданіи правилъ 2-го февраля выставлено на видъ въ запискѣ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ, содержаніе которой оглашено недавно въ печати. «Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій,—говоритъ А. В. Кривошеинъ,—на очередь станетъ вопросъ о мѣрахъ къ улучшенію хозяйственнаго благосостоянія тѣхъ, кто самоотверженно несетъ нынѣ труды на полѣ брани въ защиту отечества. Въ ряду такихъ мѣръ забота объ увеличеніи земельнаго обезпеченія вернувшихся съ войны сельскихъ жителей займетъ главнѣйшее мѣсто, и имѣющійся въ рукахъ государства запасъ земли откроетъ возможность наиболѣе широкихъ мѣропріятій въ указанномъ направленіи». Съ этой точки зрѣнія, по мнѣнію А. В. Кривошеина, надлежитъ разсматривать какъ земли, принадлежащія крестьянскому банку, такъ и тѣ, которыя, въ связи съ указами 2-го февраля, могутъ поступить въ распоряженіе правительства. Эти указы «создали усиленный спросъ на кредитную помощь со стороны крестьянъ-покупателей, которые безъ содѣйствія государства едва-ли окажутся въ состояніи справиться съ пріобрѣтеніемъ поступающихъ въ продажу земель». Операціи крестьянскаго банка по выдачѣ ссудъ на покупку этихъ земель должны производиться на самыхъ широкихъ и льготныхъ для крестьянъ основаніяхъ. «Банкъ можетъ воспользоваться создавшимся положеніемъ и для того, чтобы увеличить свой собственный земельный фондъ, выступивъ покупателемъ на предполагаемыя въ продажу владѣнія». Отсюда выводится необходимость «неотложнаго перераспредѣленія служебныхъ силъ банка и пересмотра правилъ его дѣятельности». Совѣтъ министровъ, разсмотрѣвъ записку А. В. Кривошеина, высказался за образованіе, для всесторонняго обсужденія возбужденныхъ ею вопросовъ, двухъ комиссій: одной—при главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія, другой—при министерствѣ юстиціи.

О степени важности вопроса, выдвинутаго на очередь запиской А. В. Кривошеина, можно судить по слѣдующимъ даннымъ, приведеннымъ недавно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 53). Въ рукахъ крестьянскаго земельнаго банка оставалось къ 1-му января текущаго года нераспроданными 2.611.097 д. земли, но изъ нихъ 1.081.757 дес. временно не подлежатъ продажѣ, за нахожденіемъ въ долгосрочной арендѣ или по другимъ причинамъ. Какъ ни велико количество казенныхъ земель, только сравнительно небольшая ихъ часть годна, въ настоящее время, для заселенія и обработки. Все меньше и меньше становится и количество земель Азіатской Россіи, куда можетъ быть направлено переселеніе. Между тѣмъ, малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянскихъ дворовъ въ Россіи насчитывается болѣе шести милліоновъ. Количество земель, подлежащихъ отчужденію за силою указовъ 2-го февраля, доходитъ до трехъ милліоновъ десятинъ. Далеко недостаточное для надѣленія землею тѣхъ дворовъ, члены которыхъ участвовали или участвуютъ въ настоящей войнѣ (по приблизительному разсчету «Русскихъ Вѣдомостей», такихъ дворовъ около 3 милліоновъ, а средній надѣлъ на дворъ можно считать въ десять десятинъ), оно все же представляетъ рессурсъ болѣе крупный, чѣмъ земли казенныя и находящіяся въ распоряженіи Крестьянскаго Банка. Чрезвычайно важно, поэтому, закрѣпить его за государствомъ, не допуская распыленія его въ частныхъ рукахъ. Всякая потеря времени, съ этой точки зрѣнія, грозитъ неотвратимымъ и трудно поправимымъ ущербомъ. Собственники земель, подлежащихъ отчужденію, могутъ, во избѣжаніе риска, сопряженнаго съ публичной продажей, поспѣшить заключеніемъ частныхъ сдѣлокъ и такимъ образомъ уменьшить земельный фондъ, распредѣленіе котораго, во всемъ его объемѣ, между дѣйствительно нуждающимися въ землѣ является вопросомъ первостепенной государственной важности. Чѣмъ короче сроки, назначенные для продажи, тѣмъ настоятельнѣе принятіе мѣръ, обезпечивающихъ переходъ отчуждаемой земли въ крестьянскія руки, по цѣнѣ, не превышающей дѣйствительной стоимости участка, и на условіяхъ, не грозящихъ утратой только-что пріобрѣтеннаго права. Дѣятельность комиссій, образованіе которыхъ предрѣшено положеніемъ совѣта министровъ, легко можетъ затянуться. Не ожидая ея окончанія, слѣдовало бы приступить теперь же къ дополненію правилъ 2-го февраля постановленіемъ, устраняющимъ элементъ случайности въ ихъ примѣненіи, т.-е. опредѣляющимъ составъ покупателей по добровольнымъ сдѣлкамъ и замѣняющимъ публичную продажу переходомъ въ распоряженіе Крестьянскаго Банка или другого государственнаго органа. Всего цѣлесообразнѣе, конечно, было бы провести такой актъ обычнымъ путемъ, черезъ

законодательныя учрежденія; но, въ виду спѣшности дѣла, онъ можетъ быть изданъ на основаніи ст. 87-ой, какъ необходимое дополненіе къ установленнымъ въ томъ же порядкѣ правиламъ 2-го февраля.

Въ запискѣ главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ обращаетъ на себя вниманіе не только предложеніе привлечь Крестьянскій Банкъ къ участію въ перемѣщеніи земельной собственности, вызываемомъ правилами 2-го февраля, но и общая идея, изъ которой исходитъ это предложеніе. Признаваемая А. В. Кривошеинымъ необходимость «заботы объ увеличеніи земельнаго обезпеченія» возвращаетъ въ область правительственнаго кругозора вопросъ, много лѣтъ сряду бывшій изъ нея изъятымъ. До 1905-го года,—замѣчаютъ по этому поводу «Русскія Вѣдомости»,—«проблема крестьянскаго малоземелья являлась ядромъ аграрнаго вопроса не только для представителей прогрессивныхъ общественныхъ направленій, но и для нѣкоторыхъ носителей государственной власти. Но послѣ 1905-го года въ центрѣ широко развернутой аграрной реформы было поставлено не расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, а развитіе производительныхъ силъ въ сельскомъ хозяйствѣ, котораго правительство надѣялось достигнуть при помощи землеустройства и агрикультурныхъ мѣропріятій. «Земельный» вопросъ, въ тѣсномъ смыслѣ, былъ отодвинутъ на второй планъ и для расширенія крестьянскаго землевладѣнія примѣнялись тѣ же палліативныя мѣры, какъ и раньше: переселеніе въ Сибирь и дѣятельность Крестьянскаго Банка. Теперь въ запискѣ заявляется, что забота объ увеличеніи земельнаго обезпеченія вернувшихся съ войны сельскихъ жителей въ ряду мѣръ, улучшающихъ ихъ хозяйственное благосостояніе, займетъ главнѣйшее мѣсто: иначе говоря, въ аграрной политикѣ какъ-будто намѣчается поворотъ на старый путь. Этотъ поворотъ давно уже сталъ необходимъ въ глазахъ большинства общественныхъ и практическихъ дѣятелей въ деревнѣ. Восемь слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени указа 9-го ноября, показали, что ни разрушеніе общины, ни землеустройство, ни даже агрикультура и кооперація не могутъ устранить главнѣйшей преграды для сельскохозяйственной эволюціи страны — крестьянскаго малоземелья. Собравшіеся впервые на всероссійскій съѣздъ въ Кіевѣ дѣятели по сельскому хозяйству указали, что агрономія обслуживаетъ по преимуществу относительно обезпеченные землей слои крестьянства, а малоземельнымъ, составляющимъ главную по численности часть сельскаго населенія, она почти недоступна. Поэтому главнѣйшей мѣрой аграрной политики съѣздъ призналъ расширеніе площадей землевладѣнія и землепользованія малоземельныхъ хозяйствъ. Точно такъ же практика землеустройства показала, что при переходѣ на хутора и отруба малоземельные, какъ и въ Западной Европѣ, не выигрываютъ,

а проигрываютъ, теряя общія пастбища для скота и сторонніе заработки. Наконецъ, въ кредитныхъ товариществахъ малоземельные участвуютъ въ минимальномъ количествѣ, потому что такія хозяйства некредитоспособны». Заключительный выводъ, къ которому приходитъ газета, состоитъ въ томъ, что «мѣропріятія, перечисленныя въ запискѣ А. В. Кривошеина, могутъ принести извѣстную пользу малоземельному населенію, но далеко недостаточны для покрытія земельной нужды даже семействъ воиновъ-земледѣльцевъ. Между тѣмъ, успѣшное развитіе сельскаго хозяйства требуетъ расширенія землевладѣнія у всѣхъ малоземельныхъ категорій крестьянъ, а не только тѣхъ, которыхъ записка имѣетъ въ виду». Едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію, что именно такою окажется, по окончаніи войны, постановка земельнаго вопроса.

Скончавшійся на дняхъ Валентинъ Ивановичъ Яковенко началъ свою дѣятельность какъ земскій статистикъ, работая въ Москвѣ, Твери, Смоленскѣ, Петербургѣ, съ тѣмъ знаніемъ дѣла и съ тою къ нему любовью, какими отличались лучшіе ученики и послѣдователи Орлова, Эрисмана и Анненскаго. Пишущій эти строки видѣлъ его труды въ петербургскомъ губернскомъ земствѣ и хорошо знаетъ, какъ много потеряло послѣднее, когда сочувственная телеграмма, посланная Н. Ѳ. Анненскому послѣ извѣстнаго инцидента во время мартовскихъ безпорядковъ (1901-го года) на площади Казанскаго собора, повлекла за собою вынужденный отъѣздъ В. И. изъ столицы... Еще въ молодые годы много писавшій въ «Отечественныхъ Запискахъ», затѣмъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», В. И. сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ф. Ѳ. Павленкова по изданію предпринятой имъ біографической библіотеки, а послѣ его смерти, какъ его душеприказчикъ, принялъ самое дѣятельное участіе въ окончаніи его издательскихъ дѣлъ и въ организаціи, на завѣщанныя имъ средства, цѣлой сѣти безплатныхъ сельскихъ библіотекъ-читаленъ. В. И. принадлежитъ также заслуга доведенія до конца перваго въ Россіи сравнительно полнаго изданія сочиненій Герцена. Много препятствій разнаго рода онъ встрѣчалъ и на послѣднемъ своемъ пути, но это не помѣшало ему продолжать и завершить просвѣтительное дѣло, задуманное Павленковымъ на пользу широкихъ массъ русскаго народа.

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Общее политическое положеніе въ Европѣ.—Рѣчи британскихъ министровъ.—Пренія въ германскомъ парламентѣ.—Патріотическія похвальбы и лживыя оффиціальныя увѣренія.—Стоимость войны.—Звѣрства на морѣ и Соединенные Штаты.

Девятый мѣсяцъ войны не внесъ существенныхъ перемѣнъ въ общее политическое положеніе Европы. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ не достигла еще такого успѣха, который позволялъ бы думать и говорить о скоромъ заключеніи мира. Германскія войска все еще продолжаютъ занимать Бельгію, часть сѣверной Франціи и нѣсколько губерній нашего Царства Польскаго, но нигдѣ не могутъ двигаться впередъ; русскія арміи неудержимо пробиваютъ себѣ дорогу черезъ Карпаты, угрожая Кракову и Силезіи; можно сказать, что военныя силы Австро-Венгріи почти сломлены и не въ состояніи уже противостоять дальнѣйшему русскому наступленію; наконецъ Турція дѣлаетъ отчаянныя усилія для отраженія тяжелыхъ ударовъ, наносимыхъ ей съ разныхъ сторонъ войсками и флотами непріятельскихъ державъ. Рядомъ съ обезсиленными союзниками—австрійцами и турками—Германія держится еще твердо и принимаетъ иногда побѣдоносный видъ; но самые ярые нѣмецкіе патріоты не могутъ не сознавать, что условія борьбы становятся съ теченіемъ времени все болѣе трудными для нѣмцевъ и что о дѣйствительной побѣдѣ надъ противниками нечего уже думать.

Перспектива мира остается еще въ туманѣ будущаго, и распространяемые нѣмецкими доброжелателями слухи о какихъ-то миролюбивыхъ предположеніяхъ не имѣютъ подъ собою никакой почвы. Британскій премьеръ Асквитъ еще недавно категорически подтвердилъ въ парламентѣ то, что было сказано имъ въ ноябрѣ прошлаго года. «Я часто слышу шопотъ о возможныхъ условіяхъ мира,—говорилъ онъ въ рѣчи 1-го марта:—безъ сомнѣнія, миръ есть величайшее человѣческое благо, но теперь не время говорить о мирѣ. Тѣ, которые толкуютъ о мирѣ, какъ бы ни были превосходны ихъ намѣренія, кажутся мнѣ жертвами печальнаго самообольщенія. Мы находимся теперь среди шума и грохота бури, которая колеблетъ самыя основы земного существованія. Будетъ время говорить о мирѣ, когда приблизится осуществленіе великихъ

задачъ, которыя мы и союзники наши взяли на себя, отправляясь въ нашъ долгій и бурный путь... Мы не допустимъ никакого послабленія или уступки въ преслѣдованіи тѣхъ цѣлей, которыя я намѣтилъ въ ноябрѣ. Это великія цѣли, и для достиженія ихъ мы должны пустить въ ходъ всѣ наши рессурсы, какъ матеріальные, такъ и духовные. Съ матеріальной стороны требуются люди, деньги, боевые снаряды и всевозможныя военныя принадлежности. Съ духовной стороны необходимы тѣ старыя прирожденныя качества нашей расы, которыя никогда не измѣняли намъ во времена испытаній,— качества самообладанія, самоотверженія, терпѣнія, упорства, готовности нести тягости для общей пользы, единеніе, вытекающее изъ господствующаго чувства общаго дѣла, неизмѣнная вѣра, непоколебимая рѣшимость». Именно эти общеизвѣстныя свойства британской расы повсюду поддерживаютъ твердое убѣжденіе, что предпріятіе, въ которомъ участвуетъ Англія, будетъ доведено до конца. Оттого нѣмцы съ такою исключительною ненавистью относятся къ англичанамъ, какъ къ опаснѣйшимъ своимъ врагамъ, и стараются, вопреки очевидности, взвалить на нихъ отвѣтственность за разгорѣвшуюся войну. Англичане съ видимымъ равнодушіемъ встрѣчаютъ эти злостныя измышленія, изрѣдка напоминая публикѣ противорѣчащіе имъ факты.

Тѣмъ же духомъ спокойной увѣренности проникнута рѣчь, произнесенная 22 (9) марта на митингѣ въ Лондонѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сэромъ Эдуардомъ Греемъ. «Война—сказалъ между прочимъ министръ—могла быть избѣгнута при помощи европейской конференціи, которая собралась бы, гдѣ и когда пожелала бы Германія. Франція соглашалась на конференцію, Италія выразила свое согласіе, Россія была также согласна, и теперь мы знаемъ, что русское правительство предлагало германскому императору передать спорный вопросъ на разрѣшеніе Гаагскаго международнаго трибунала. Германія отвергла всякія предложенія этого рода, и потому на нее падаетъ цѣликомъ вся отвѣтственность за вовлеченіе Европы въ войну. Въ послѣдніе годы мы давали Германіи опредѣленное обѣщаніе, что никакое нападеніе на нее не получитъ поддержки съ нашей стороны. Мы отказались обѣщать только одно— что Англія безусловно останется пассивною, каковы бы ни были наступательныя дѣйствія Германіи противъ ея сосѣдей. Мы знаемъ теперь, что Германія была готова къ войнѣ, какъ могла быть готова только нація, имѣющая въ виду воевать. На нашей памяти въ четвертый разъ Пруссія устраиваетъ въ Европѣ войну: шлезвигъ-гольштинскую въ 1864 году, противъ Австріи въ 1866 году и противъ Франціи въ 1870 году. Изъ обнародованныхъ въ свое время

документовъ извѣстно, что всѣ эти войны были задуманы и подготовлены Пруссіею. Теперь опять произошло то же самое. Мы рѣшили добиться того, чтобы это было въ послѣдній разъ и чтобы война больше не могла подготовляться въ Германіи. Мы дали Бельгіи обѣщаніе, что мы не нарушимъ ея нейтралитета до тѣхъ поръ, пока будутъ его соблюдать другія державы; я увѣрилъ въ этомъ Бельгію задолго до войны. Передъ настоящимъ конфликтомъ я предложилъ Франціи и Германіи дать такое же обѣщаніе; Германія отказалась. Когда послѣ того германцы вторглись въ Бельгію, мы вынуждены были противиться этому всѣми нашими силами. Если бы мы не сдѣлали этого въ самомъ началѣ, когда Германія напала на бельгійцевъ, разстрѣливала воюющихъ и безоружныхъ, опустошала страну, нарушая законы войны какъ новѣйшихъ, такъ и древнихъ временъ,—едва-ли нашелся бы теперь хоть одинъ человѣкъ, который призналъ бы, что мы могли остаться неподвижными и простыми зрителями, не заклеймивъ себя вѣчнымъ позоромъ. Что касается результата, за который мы боремся, то наступитъ время, когда условія мира будутъ предложены нашими союзниками и нами самими; но существеннымъ условіемъ должно быть возстановленіе существованія и независимости Бельгіи, съ возмѣщеніемъ, въ предѣлахъ возможности, всѣхъ жестокихъ бѣдствій, которыя ей пришлось вынести. Это составляетъ часть той цѣли, которой мы хотимъ достигнуть. Эта великая цѣль заключается для европейскихъ націй въ томъ, чтобы имѣть право жить своею собственною самостоятельною жизнью, самимъ опредѣлять для себя формы правленія и обезпечить съ полною свободою свое національное развитіе, независимо отъ того, идетъ ли дѣло о большихъ государствахъ или малыхъ. Вотъ нашъ идеалъ. Другого рода идеалъ проповѣдуется нѣмецкими профессорами и публицистами. Этотъ идеалъ заставляетъ вѣрить, что нѣмцы—народъ исключительный, для котораго все возможно и которому нельзя сопротивляться, и всякое оказываемое ему противодѣйствіе должно быть караемо самымъ суровымъ и варварскимъ образомъ. Германія должна свободно устанавливать свое господство надъ всѣми націями материка. Но я предпочелъ бы погибнуть или навсегда покинуть этотъ материкъ, чѣмъ жить при такихъ условіяхъ. Послѣ войны, мы должны будемъ—мы и другія европейскія націи—пользоваться свободою жить безъ постоянныхъ угрозъ, исходящихъ отъ верховныхъ распорядителей военнаго дѣла, безъ брянцанія оружіемъ, безъ столкновенія шпагъ, которыя, наконецъ, могутъ быть вложены въ ножны. Мы съ нашими союзниками надѣемся обезпечить для Европы право на независимость, право преслѣдовать наши интересы въ духѣ идеала и свободы».

Парламентская оппозиція въ Англіи вполнѣ солидарна съ правительствомъ и поддерживаетъ его безъ всякихъ оговорокъ въ области иностранной политики, хотя никто не стѣсняетъ свободы сужденій отдѣльныхъ лицъ и группъ; оппозиція дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ по убѣжденію, а не по принужденію. Въ печати раздаются голоса и противъ войны и въ защиту Германіи, и эти голоса, принадлежащіе большею частью ирландцамъ, не заглушаются никакой цензурой, ни предупредительною, ни карательною. Нѣчто совершенно другое видимъ мы въ Германіи. Тамъ дозволяется говорить только о подвигахъ и побѣдахъ нѣмецкихъ войскъ, подводныхъ лодокъ и «цепеллиновъ», и даже въ имперскомъ парламентѣ депутаты лишены возможности высказываться открыто по волнующимъ ихъ вопросамъ.

Свобода мнѣній ограничивается у нѣмцевъ особымъ узко-національнымъ патріотизмомъ, въ которомъ чувствуется что-то сервильное. Наиболѣе вліятельныя общественныя организаціи—аграрная лига, германскій крестьянскій союзъ, центральный союзъ германскихъ промышленниковъ, торгово-промышленная лига, ганзейская лига, германская лига среднихъ классовъ—обратились къ рейхстагу съ петиціею о допущеніи свободнаго обсужденія условій мира. Въ этой петиціи между прочимъ опровергается точка зрѣнія оффиціальныхъ газетъ, считающихъ такое обсужденіе неудобнымъ или опаснымъ, въ виду возможныхъ разногласій. «Если бы было дозволено свободное обсужденіе предмета и условій мира,—говорится въ петиціи,—то обнаружилось бы, что, за ничтожными исключеніями, весь германскій народъ, безъ различія партій, проникнутъ одною могущественною волею. Эта воля направлена къ тому, чтобы Германія держалась твердо до конца и чтобы наше нѣмецкое отечество вышло изъ этой навязанной ему борьбы за существованіе болѣе великимъ и сильнымъ, съ обезпеченными границами на западѣ и востокѣ и съ расширеніемъ европейской и колоніальныхъ территорій, необходимымъ для безопасности нашихъ морскихъ силъ, какъ и по военнымъ и экономическимъ причинамъ. Безъ этого территоріальнаго расширенія не можетъ быть достигнута наша общая цѣль—окончаніе войны такимъ способомъ, чтобы повтореніе подобныхъ столкновеній стало фактически невозможнымъ».

Другими словами, дѣловые люди, представители крупныхъ промышленныхъ организацій, рисуютъ себѣ ближайшее будущее въ видѣ невѣроятной фантастической картины, которая для человѣка съ здравымъ смысломъ представляется болѣзненной галлюцинаціею. Эти дѣловые люди вѣрятъ будто бы въ возможность настолько полнаго и окончательнаго разгрома Франціи, Англіи и Россіи, что онѣ вынуждены будутъ подчиниться Германіи, исполнить всѣ ея требованія и отказаться отъ всякой самостоятельной международной роли въ буду-

шемъ. Гдѣ и въ чемъ видятъ они признаки такого неслыханнаго торжества германскаго оружія надъ тремя великими державами, превосходящими Германію въ нѣсколько разъ по численности населенія и по финансовымъ рессурсамъ,—непонятно. Допустимъ на минуту, что германцы до конца сохранятъ свои позиціи въ занятыхъ ими чужихъ земляхъ и что противникамъ не удастся выбить ихъ оттуда; но значитъ ли это, что государства, которымъ принадлежатъ эти территоріи, признаютъ себя побѣжденными и добровольно отдадутъ себя подъ высшую власть Германіи? Какъ могутъ нѣмцы заставить Англію не только возвратить отнятыя у нихъ колоніи, но еще прибавить новыя? Мыслимо ли предположить, что Германія, съ своими запрятанными въ Кильскомъ каналѣ броненосцами, при помощи однѣхъ подводныхъ лодокъ и воздушныхъ кораблей, уничтожитъ морское владычество Англіи и принудитъ къ покорности гордую британскую націю? Наконецъ, можно ли говорить о побѣдѣ надъ Россіею, когда русскія войска прочно водворились въ предѣлахъ Австро-Венгріи и угрожаютъ оттуда Пруссіи? Естественно, что положеніе Германіи значительно ослабляется положеніемъ ея союзниковъ, австрійцевъ, и шансы ея падаютъ съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ увеличенія численности враждебныхъ армій и усовершенствованія ихъ вооруженія; постоянный подвозъ необходимыхъ припасовъ и боевыхъ принадлежностей изъ Америки и другихъ нейтральныхъ странъ обезпеченъ для Англіи и Франціи, тогда какъ для Германіи всѣ морскіе пути закрыты. При такихъ обстоятельствахъ дѣловые нѣмецкіе патріоты не могутъ не понимать, что мечта объ окончательномъ успѣхѣ Германіи и о полномъ обезсиленіи ея противниковъ есть чистѣйшая фантазія. Если они дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ въ эту мечту, то это объясняется лишь системою обычнаго подлаживанья къ идеямъ оффиціальнаго патріотизма, не имѣющаго ничего общаго съ условіями и требованіями реальной дѣйствительности.

До какого сознательнаго ослѣпленія доходитъ этотъ оффиціальный германскій патріотизмъ, можно видѣть изъ бюджетной рѣчи новаго имперскаго министра финансовъ, Гельфериха. Онъ прямо заявилъ, что по его разсчету всѣ чрезвычайные военные расходы Германіи должны быть возмѣщены ея врагами и что необходимая для этого побѣда будетъ достигнута, вѣроятно, въ теченіе предстоящаго финансоваго года. Но пока, въ ожиданіи непріятельской контрибуціи, нѣмцамъ приходится напрягать свои силы для удовлетворенія потребностей арміи и флота; а потребности эти выражаются въ такихъ колоссальныхъ цифрахъ, какихъ еще не зналъ міръ. Правительство уже получило въ два пріема кредитъ на сумму въ десять милліардовъ марокъ, и теперь оно вновь обращается къ пар-

ламенту за такимъ же кредитомъ въ десять милліардовъ. «Какъ ни громадны эти жертвы, но онѣ не такъ велики, какъ жертвы доброю германскою кровью, которая лилась и будетъ еще литься на западѣ и востокѣ». Первый германскій военный заемъ, по словамъ Гельфериха, оказался блестящею финансовою операціею, и такой же успѣхъ должны имѣть и дальнѣйшія усилія. «Война требуетъ не только того, чтобы всѣ способные носить оружіе участвовали въ битвахъ, но и того, чтобы всѣ сберегали и чтобы всѣ платили. Тѣ, которые расточительны и остаются «слугами маммона», принадлежатъ къ одной категоріи съ дезертирами. Нѣмецкій народъ долженъ дѣлать все, что онъ можетъ, и слѣдуетъ заклеймить позоромъ каждаго, кто держится эгоистически въ сторонѣ». Оспаривая заявленія британскаго министра Ллойда-Джорджа о томъ, что побѣда достанется странѣ, располагающей большимъ количествомъ милліоновъ, Гельферихъ доказываетъ, что пруссаки привыкли побѣждать не серебромъ, а доброю нѣмецкою сталью. «Мы смотримъ на войну,—продолжаетъ онъ,—какъ на самое тяжелое, но также самое благородное испытаніе, которое вызываетъ и доводитъ до величайшаго напряженія всѣ нравственныя, умственныя и матеріальныя силы нѣмецкаго народа. Этотъ взглядъ на войну даетъ лучшее основаніе для нашей увѣренности, чѣмъ золото и серебро всего міра». Тѣмъ не менѣе, выжиманіе золота и серебра изъ населенія занятыхъ мѣстностей составляетъ одну изъ главныхъ заботъ германскихъ военныхъ властей, и иногда кажется, что съ точки зрѣнія этихъ властей самая цѣль войны сводится къ систематическому грабежу и разбою. Фразы о благородномъ, возвышенномъ характерѣ подобной войны утѣшительны для нѣмцевъ только до тѣхъ поръ, пока роль безпощадныхъ грабителей достается имъ на чужой территоріи; но тѣ же нѣмцы находятъ войну возмутительно гнусною, когда она закрываетъ доступъ продовольствія въ Германію и можетъ заставить ея населеніе почувствовать на себѣ хотя бы нѣкоторую долю тѣхъ бѣдствій, какимъ они подвергли мирныхъ жителей Бельгіи и нашихъ польскихъ провинцій. Пренебрежительный отзывъ объ англійскихъ милліонахъ на мѣшаетъ, однако, германскому министру соблазнять слушателей мыслью о захватѣ этихъ милліоновъ въ видѣ контрибуціи, и нѣмецкая публика, повидимому, принимаетъ на вѣру эти патріотическія мечтанія. Льстивый національный самообманъ есть существенный элементъ обычнаго нѣмецкаго патріотизма, и онъ же лежитъ въ основѣ внѣшняго единодушія партій въ парламентѣ.

При обсужденіи бюджета въ рейхстагѣ 20-го марта (нов. ст.) это внѣшнее единодушіе было нарушено отдѣльными соціалъ-демократами, при шумныхъ протестахъ большинства ихъ товарищей.

Депутатъ Ледебуръ позволилъ себѣ критиковать распоряженія военной администраціи, которая пытается онѣмечить занятыя части французской территоріи и вызываетъ этимъ ненужное раздраженіе; такая политика—говоритъ Ледебуръ—побуждаетъ населеніе извѣстныхъ округовъ Эльзаса-Лотарингіи желать возстановленія въ нихъ французской власти. При этихъ словахъ раздались возгласы, призывавшіе оратора къ молчанію; Ледебуръ поспѣшилъ оговориться, что онъ вполнѣ признаетъ славные подвиги и заслуги германскихъ войскъ и генераловъ, но онъ считаетъ нужнымъ подтвердить, что политическія дѣйствія вождей не находятся на высотѣ задачи. Въ видѣ примѣра онъ сослался на жестокій приказъ Гинденбурга, чтобы за каждое нѣмецкое село, сожженное русскими, были уничтожены три русскія деревни. «Это варварство!»—отозвался съ мѣста депутатъ Либкнехтъ и поднялъ этимъ цѣлую бурю въ палатѣ. Патріоты кричали: «Измѣнники! Какъ они смѣютъ нападать на высшее военное начальство!» Предсѣдательствовавшій вице-президентъ Дове призвалъ Либкнехта къ порядку. Ледебуръ пояснилъ, что приведенный имъ приказъ «наносить ударъ не только русскимъ, но и полякамъ и литовцамъ, на содѣйствіе которыхъ нѣмцы должны разсчитывать». Шумъ возобновился; растерявшійся вице-президентъ объявилъ, что критика военной администраціи недопустима въ рейхстагѣ. Ледебуръ хотѣлъ продолжать свою рѣчь, но ему не дали говорить; товарищи по партіи громко упрекали его въ нарушеніи партійной дисциплины. Ледебуръ успѣлъ все-таки сказать: «Германская политика должна быть такова, чтобы подвластное населеніе видѣло въ Германіи защиту и охрану своей свободы. Какъ соціалистъ и нѣмецкій патріотъ, я считаю своею обязанностью настаивать на этомъ. Я дѣлаю это въ интересахъ моего дорогого отечества и всей Европы». Большинство встрѣтило эти слова насмѣшками: самое примѣненіе слова «патріотъ» къ дерзкому соціалъ-демократу казалось нелѣпостью; а между тѣмъ сознательный, разумный патріотизмъ былъ именно на сторонѣ Ледебура, а не на сторонѣ его оппонентовъ.

Весь этотъ шумный эпизодъ нисколько не повліялъ, конечно, на исходъ голосованія. Бюджетъ былъ утвержденъ рейхстагомъ почти единогласно; только одинъ Либкнехтъ высказался отрицательно, а Ледебуръ съ 29 товарищами покинулъ залъ засѣданія передъ подачей голосовъ. Отъ имени соціалъ-демократической фракціи депутатъ Шейдеманъ выступилъ съ слѣдующимъ объясненіямъ по мотивамъ голосованія: «Основанія, побудившія насъ вотировать военные кре-

даты 4-го августа и 2-го декабря, сохраняютъ понынѣ свою силу. Послѣ великихъ и славныхъ подвиговъ нашихъ войскъ и ихъ предводителей мы имѣемъ твердую увѣренность въ достиженіи прочнаго и почетнаго мира. Подтверждая рѣшительную волю добиться этой цѣли, мы одобряемъ бюджетъ текущаго года». Такимъ образомъ, значительное большинство соціалъ-демократическихъ депутатовъ отгородило себя отъ защитниковъ старыхъ идеаловъ рабочей демократіи и откровенно примкнуло къ лагерю патріотовъ обычнаго типа. Оффиціальныя нѣмецкія газеты выражаютъ по этому поводу свое удовольствіе.

Грандіозные размѣры настоящей войны сказываются и въ цифрахъ военныхъ расходовъ. Публика мало-по-малу привыкаетъ говорить о милліардахъ, какъ въ былое время говорили о милліонахъ. Британскій премьеръ Асквитъ, предлагая палатѣ общинъ утвердить кредитъ на военныя надобности въ суммѣ 362 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около трехъ милліардовъ шестисотъ двадцати милліоновъ рублей на наши деньги), напомнилъ нѣкоторые бюджеты прежнихъ войнъ. Великія войны, продолжавшіяся болѣе двадцати лѣтъ, съ 1793 до 1815 года, обошлись Англіи всего въ 831 милл. фунтовъ. Крымская война стоила англичанамъ всего 70 милліоновъ фунтовъ. Трехлѣтняя война въ южной Африкѣ, съ 1899 до марта 1903 г., поглотила 211 милліоновъ фунтовъ. Англія тратитъ теперь на армію и флотъ приблизительно по два милліона фунтовъ въ день.

Этимъ цифрамъ соотвѣтствуютъ и расходы другихъ державъ. По словамъ германскаго министра финансовъ Гельфериха, военныя издержки четырехъ главныхъ воюющихъ странъ составляютъ не менѣе 75 милліоновъ фунтовъ въ недѣлю. Въ лондонскомъ статистическомъ обществѣ сдѣланъ былъ недавно докладъ, сообщающій много любопытныхъ свѣдѣній и вычисленій относительно стоимости войны. Авторъ доклада, Эдгаръ Краммондъ, приходитъ къ выводу, что до конца іюля настоящаго года, если не будетъ остановки въ военныхъ дѣйствіяхъ, общій итогъ прямыхъ и косвенныхъ затратъ участвующихъ въ войнѣ державъ, за исключеніемъ Сербіи, Турціи и Японіи, опредѣлится въ 9.147 милліоновъ фунтовъ (т. е. 91.470 милліоновъ руб.). Сумма расходовъ союзниковъ доходитъ до 4.871 милліоновъ фунтовъ, а Германіи съ Австріею—4.277 милліоновъ. Сверхъ того, значительные расходы и убытки падаютъ на нейтральныя государства. Краммондъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что общая цифра всѣхъ военныхъ затратъ раздѣляется почти равномѣрно между

двумя главными группами воюющихъ странъ. Прямая потеря капитала всѣхъ воюющихъ можетъ быть установлена приблизительно въ четыре милліарда фунтовъ (40 милліардовъ рублей), а потеря доходовъ—въ 5.150 милліоновъ фунтовъ.

Общественное мнѣніе не считается уже съ этими баснословными цифрами, такъ какъ всѣ умы заняты болѣе страшными потерями—ежедневными, постоянно возрастающими потерями человѣческихъ жизней. Эти потери невозможно и не принято переводить на деньги; но тѣ милліоны молодыхъ и здоровыхъ представителей культурныхъ націй, которые погибли и должны еще погибнуть въ бояхъ и лазаретахъ, воплощаютъ въ себѣ неисчислимую массу духовныхъ и матеріальныхъ цѣнностей, утрата которыхъ несравненно важнѣе всякихъ финансовыхъ потерь. Близорукіе нѣмецкіе дѣльцы надѣялись возмѣстить свои затраченные милліарды ограбленіемъ Англіи и Франціи послѣ побѣдоносной войны; но народы не обогащаются грабежомъ среди общаго разоренія сосѣднихъ странъ. Израсходованные милліарды никакъ не могутъ быть возмѣщены наложеніемъ новыхъ разорительныхъ контрибуцій на побѣжденныхъ: общая сумма затратъ не уменьшится отъ того, что одна изъ воюющихъ сторонъ подвергнется еще добавочному разоренію. Матеріальныя и промышленныя потери, вслѣдствіе прекращенія производства и опустошенія цѣлаго ряда богатѣйшихъ мѣстностей и городовъ, остаются безозвратными и невознаградимыми. Наконецъ, погибшія человѣческія жизни не возстановятся ни для побѣдителей, ни для побѣжденныхъ. Нѣмецкіе патріоты обманываютъ себя, разсуждая о возможныхъ выгодахъ побѣды; эти выгоды—такого рода, что въ здравомъ умѣ нельзя было бы ради нихъ предпринимать войну. Какъ явленіе безусловно ирраціональное, война вообще не подлежитъ объясненію и оцѣнкѣ съ точки зрѣнія логики и здраваго смысла. Германскіе правители кинулись въ омутъ кроваваго предпріятія въ разсчетѣ на добычу, не отдавъ себѣ яснаго отчета въ томъ, какова можетъ быть эта добыча и какою цѣною можетъ она достаться; и они могли сдѣлать это только потому, что были поставлены во главѣ великой и могущественной имперіи съ неограниченною военною властью, безъ всякой серьезной отвѣтственности предъ страною. Массы нѣмецкаго народа невольно поддавались иллюзіямъ, которыя въ силу разныхъ побужденій поддерживались и авторитетными честолюбцами, и видными промышленными дѣятелями, и учеными спеціалистами. . . . . .

. . . . . .

Въ печати ежедневно сообщаются факты безчеловѣчной жестокости въ военныхъ дѣйствіяхъ на сушѣ и на морѣ. Эти факты почти исключительно касаются нѣмцевъ и ихъ командировъ; они не имѣютъ случайнаго характера, а вытекаютъ изъ сознательной системы террора, связанной съ отрицаніемъ всякихъ существующихъ нормъ международнаго права. Германскія подводныя лодки топятъ безъ предупрежденія, вмѣстѣ съ экипажемъ и пассажирами, не только британскіе частные пароходы, но и нейтральные, и противъ этого новаго способа морской войны слишкомъ слабо протестуетъ общественная совѣсть независимыхъ нейтральныхъ странъ.

Соединенные Штаты съ самаго начала войны отнеслись неодобрительно къ распоряженіямъ Англіи, стѣснявшимъ нейтральную и прежде всего американскую торговлю, и обращали мало вниманія на дѣйствія Германіи, неспособной задѣвать какіе-либо американскіе интересы. Вліятельные американскіе нѣмцы, располагающіе значительнымъ числомъ единомышленниковъ среди членовъ конгресса, направляли политику страны по руслу явнаго германофильства и подготовляли спеціальныя мѣры для защиты и охраны германскихъ промышленныхъ интересовъ, энергически поддерживая въ то же время оффиціальную и газетную полемику противъ Англіи. Противъ этихъ односторонникъ нѣмецкихъ вліяній рѣшительно возставалъ бывшій президентъ Рузевельтъ, но его протесты не имѣли до сихъ поръ замѣтнаго положительнаго результата. Дѣло именно въ томъ, что всякая мѣра, принимаемая англичанами противъ торговли нейтральныхъ націй съ Германіею, имѣетъ непосредственное практическое значеніе на моряхъ и океанахъ, отражаясь весьма чувствительно на крупныхъ торговыхъ интересахъ разныхъ странъ и въ томъ числѣ Соединенныхъ Штатовъ, — тогда какъ Германія можетъ дѣйствовать только въ предѣлахъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, и притомъ главнымъ образомъ при помощи подводныхъ лодокъ. Германскіе способы морской войны, какъ бы возмутительны они ни были, не касаются Америки и не могутъ существенно повредить ея торговому судоходству; оттого и американское правительство мало интересуется германскими злоупотребленіями и очень внимательно слѣдитъ за отвѣтными мѣропріятіями Англіи.

Лондонскій кабинетъ, въ отвѣтъ на объявленную Германіею подводную и минную блокаду, опубликовалъ 11-го марта постановленіе о дѣйствительной блокадѣ германскихъ береговъ и портовъ судами британскаго флота, съ цѣлью преградить доступъ какихъ бы то ни было нейтральныхъ кораблей къ германскому побережью. Эта мѣра необходимой законной обороны со стороны Англіи вы-

звала серьезныя возраженія со стороны Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ она несомнѣнно должна еще болѣе прежняго стѣснить и ограничить американскую торговлю; британское правительство съ своей стороны старается успокоить американцевъ и обязывается относиться къ ихъ интересамъ съ величайшимъ вниманіемъ, обѣщая вознаградить всѣ возможные убытки владѣльцевъ пострадавшихъ кораблей и ихъ грузовъ,—но тѣмъ не менѣе американцы недовольны, и недовольство ихъ обращено именно противъ Англіи, а не противъ Германіи. Англія не допускаетъ никакихъ существенныхъ отступленій отъ принятыхъ международныхъ правилъ и обычаевъ и тщательно избѣгаетъ всякихъ ненужныхъ жестокостей; но ей приходится постоянно защищаться отъ обвиненій и притязаній, предъявляемыхъ ей Соединенными Штатами, и этотъ оффиціальный споръ принимаетъ иногда довольно непріятный оттѣнокъ. Германія своими подводными и воздушными «военными операціями» нарушаетъ, можно сказать, всякіе божескіе и человѣческіе законы, и однако противъ ея поведенія не возражаетъ правительство Соединенныхъ Штатовъ и никакой оффиціальной полемики по этому поводу не происходитъ. А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что голосъ великой американской республики могъ бы оказать нѣкоторое умѣряющее дѣйствіе на умы самодовольныхъ правителей и патріотовъ Германской имперіи.

ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ.

I.

Въ лицѣ графа Сергѣя Юльевича Витте сошелъ въ могилу крупнѣйшій государственный дѣятель, и, какъ бы ни расходились сужденія о немъ, его выдающееся, часто опредѣляющее значеніе въ нашемъ правительственномъ аппаратѣ за послѣднія десятилѣтія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Перейдя съ частной желѣзнодорожной службы на службу государственную сравнительно поздно, лишь

на сороковомъ году жизни, С. Ю. дѣлаетъ совсѣмъ необычную карьеру и быстро достигаетъ высшихъ іерархическихъ ступеней, и это одно уже привлекаетъ къ нему всеобщее вниманіе, особенно сферъ служебныхъ. Приглашенный въ 1888 году министромъ Вышнеградскимъ на должность директора только-что образованнаго тогда департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, онъ назначается въ 1892 году министромъ путей сообщенія и въ томъ же году, осенью, перемѣщается на постъ министра финансовъ. Съ первыхъ шаговъ служебной дѣятельности С. Ю. проявляется его сильная индивидуальность, энергія, выдающаяся трудоспособность и стремленіе освободиться отъ рутины. Отмѣченная этими свойствами широкая дѣятельность его выражается въ рядѣ крупнѣйшихъ нововведеній, и если оставаться въ границахъ только самыхъ главныхъ начинаній, то во всякомъ случаѣ необходимо отмѣтить слѣдующія мѣропріятія, широко задуманныя и настойчиво проведенныя имъ въ жизнь.

Первое, что слѣдуетъ упомянуть, это — реформу тарифнаго дѣла, состоявшую въ подчиненіи послѣдняго государственному руководительству и, въ особенности, въ унификаціи хлѣбныхъ тарифовъ. Среди крупныхъ мѣропріятій въ области желѣзнодорожной выдается, далѣе, энергичный приступъ къ осуществленію великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, законченнаго въ 1901 году. Затѣмъ, идетъ выкупъ въ казну Николаевской жел. дороги,—смѣлое, по тогдашнему времени даже прямо невѣроятное рѣшеніе. Оно поразило какъ громомъ заинтересованныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ самымъ высшимъ сферамъ, окончательно свалило ихъ всесильнаго агента, сказочную фигуру нѣкоего американца Уайненса, и дало начало новому направленію въ нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ. При значительномъ расширеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ,—длина которыхъ возросла съ 29.000 верстъ до 54.000, или на 87 %,—за время управленія С. Ю. происходитъ еще и сосредоточеніе важнѣйшей ея части въ рукахъ казны, а также подчиненіе частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства государственному контролю. Энергично проведенный выкупъ 14.000 съ лишкомъ верстъ желѣзныхъ дорогъ представлялъ, безспорно, весьма сложную и по тогдашнимъ условіямъ очень не легкую операцію.

Далѣе—надо указать на созидательную дѣятельность С. Ю. въ области народнаго просвѣщенія. Насадитель коммерческаго образованія у насъ, онъ съ помощью, главнымъ образомъ, общественныхъ и частныхъ средствъ создалъ на пространствѣ всей Россіи широкую сѣть среднихъ школъ, удовлетворившихъ не только спеціальнымъ цѣлямъ коммерческаго образованія, но и задачамъ образованія общаго. 15 апрѣля 1896 года было утверждено положеніе о

коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, установившее новые типы школъ и предоставившее обществу, въ лицѣ попечительныхъ совѣтовъ, право участія въ завѣдываніи учебными заведеніями,— право, имѣвшее огромное вліяніе на успѣшное ихъ развитіе. Этимъ же законодательнымъ актомъ были учреждены въ составѣ департамента торговли и мануфактуръ спеціальные органы для завѣдыванія учебною частью: особое учебное отдѣленіе, учебный комитетъ и совѣтъ по учебнымъ дѣламъ. 10 марта 1897 года было издано положеніе о сельскихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ—«деревенскихъ технологическихъ институтахъ», какъ ихъ называлъ гр. Витте. 10 іюня 1902 г. получило законодательное утвержденіе положеніе о художественно-промышленныхъ учрежденіяхъ, а 18 марта того же года—положеніе о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ и курсахъ. Но С. Ю. не останавливается только на низшемъ и среднемъ образованіи, а идетъ далѣе и учреждаетъ три высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведенія—политехническіе институты. Въ 1899 г. основаны Кіевскій и Варшавскій институты, а 19 февраля 1899 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ Петербургскаго политехническаго института. Этотъ послѣдній отличался и по своимъ размѣрамъ, и по спеціальности своихъ отдѣленій: онъ былъ образованъ сначала въ составѣ трехъ техническихъ отдѣленій—электро-механическаго, металлургическаго и кораблестроительнаго и, кромѣ того, отдѣленія экономическаго, представлявшаго въ то время новый типъ высшей школы, вызвавшей рѣзкія возраженія со стороны министра просвѣщенія Боголѣпова, но послужившей потомъ образцомъ для учебныхъ заведеній этого рода. Положеніе объ институтѣ, пройдя не безъ треній черезъ Государственный Совѣтъ (хотя новый министръ просвѣщенія Ванновскій съ своей стороны не возражалъ)—было утверждено 2 мая 1902 года; однако, открытіе института, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій времени, затормозилось на полгода и послѣдоваго лишь въ октябрѣ. Одна исторія возникновенія этого высшаго учебнаго заведенія можетъ наглядно показать, съ какими затрудненіями приходилось бороться и сколько препятствій, часто самыхъ неожиданныхъ, нужно было преодолѣвать для осуществленія задуманнаго плана, безусловно полезнаго. Но какъ бы то ни было, чтобы судить о разницѣ въ положеніи высшей школы, созданной тогда министерствомъ финансовъ, и той, которая находится въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія, достаточно привести на память хотя бы только то, что политехническіе институты съ момента учрежденія получили право избранія своихъ профессоровъ и преподавателей, а университеты съ 1884 года и по сей часъ лишены этого важнѣйшаго права. Само собой понятно, что вѣдомство

просвѣщенія и близкіе ему правящіе круги были настроены противъ начинаній гр. Витте, особенно въ періодъ министерства Боголѣпова.

Крупнѣйшимъ дѣломъ, осуществленнымъ за время министерства С. Ю., является его денежная реформа. Переходъ къ золотой валютѣ, совершившійся у насъ вопреки мнѣнію и желанію вліятельныхъ сферъ, потребовалъ, понятно, настойчивости и огромнаго напряженія силъ со стороны его иниціатора, которому пришлось идти противъ сильнаго теченія и не только на верхахъ, не только въ Государственномъ Совѣтѣ, но и въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Конечно, было бы несправедливо приписывать иниціативу денежной реформы исключительно одному гр. Витте: довольно общеизвѣстно, что необходимость ея сознавалась уже и Рейтерномъ, а ближайшіе предшественники С. Ю.—Бунге и Вышнеградскій, какъ еще надняхъ справедливо указывалось въ печати, отчасти и подготовили ее. Но первый изъ нихъ, повидимому, не предполагалъ переходить къ золотому монометаллизму, несмотря на то, что въ его время была уже ясна демонетизація серебра. Затѣмъ,—самое главное, ни Бунге, ни Вышнеградскій, каково бы ни было ихъ отношеніе къ вопросу о металлическомъ обращеніи, не могли перейти къ нему и не въ состояніи были отказаться отъ бумажно-денежнаго обращенія по причинѣ недостатка металлическаго фонда и невозможности, вслѣдствіе того, возстановить размѣнъ кредитныхъ билетовъ. Образованіе необходимаго размѣннаго фонда,—по крайней мѣрѣ,—значительной его части (около 700 милл. рублей)—было осуществлено гр. Витте посредствомъ ежегоднаго ассигнованія по росписямъ, чего рѣшительно не въ силахъ были сдѣлать его предшественники. Параллельно съ накопленіемъ именно золотого фонда, начиная съ 1893 г., министерство финансовъ принимаетъ мѣры къ упорядоченію колеблющагося курса нашего рубля, для чего устанавливается пошлина на вывозимые и ввозимые изъ-заграницы кредитные билеты, усиливается надзоръ за биржами и воспрещаются сдѣлки на разность по покупкѣ и продажѣ золотой валюты. С. Ю. стремился вполнѣ правильно къ упроченію курса нашего кредитнаго рубля въ извѣстномъ соотношеніи именно съ золотомъ, такъ какъ поддерживать курсъ по отношенію къ серебру, въ виду колебаній его цѣны и постоянной наклонности къ паденію, представлялось явно нецѣлесообразнымъ. Рѣшительные шаги къ денежной реформѣ начинаются уже съ 1895 года, послѣ представленія министра финансовъ въ Госуд. Совѣтъ о разрѣшеніи сдѣлокъ на золотую валюту и послѣ изданія о томъ закона 8 мая того же года, за которымъ слѣдовалъ законъ 6 ноября о пріемѣ золота по курсу въ казенные платежи.

Предлагая перейти къ металлическому денежному обращенію, С. Ю., какъ сказано, стоялъ за монометаллизмъ и, вслѣдствіе демонетизаціи серебра,—за золотую валюту. Указомъ 8 августа 1896 г. и 3 января 1897 г. важнѣйшіе вопросы денежной реформы были уже разрѣшены: курсъ кредитнаго рубля узаконенъ и операціи Государств. банка по покупкѣ и продажѣ золота по твердому курсу утратили характеръ временной мѣры и замѣнились возстановленіемъ размѣна кредитныхъ билетовъ. Указъ 29 августа 1897 года установилъ эмиссіонное право Госуд. банка и, вмѣстѣ съ этимъ, придалъ нашимъ кредитнымъ билетамъ характеръ банковыхъ билетовъ, имѣющихъ быть выпускаемыми впредь только для потребностей самаго банка. Наконецъ, по новому монетному уставу 1899 года—государственной россійской монетой признанъ рубль, содержащій въ себѣ 17,424 чистаго золота. Въ настоящее время, громадное и благотворное значеніе золотого обращенія не возбуждаетъ болѣе сомнѣній, и огромная заслуга покойнаго графа С. Ю. въ этомъ дѣлѣ первостепенной важности,—можно думать,—ясна для всѣхъ.

Рядомъ съ измѣненіемъ денежной системы надо поставить питейную реформу,—отмѣну акцизной системы и замѣну ея казенной продажей вина, имѣвшей, безспорно, огромныя преимущества предъ продажей частной. Для осуществленія этого начинанія необходимо было тоже преодолѣть массу препятствій и вооружить противъ себя многочисленный классъ заинтересованныхъ, дружно отстаивавшихъ частныя питейныя заведенія, которыя тѣсно переплетали выгоды кабатчика съ выгодами винокуреннаго заводчика и землевладѣльца, открывавшаго на своей землѣ кабакъ, гдѣ разорялся и, говоря безъ всякаго преувеличенія, буквально отравлялся народъ. Борьба съ монополіей велась упорная, но потерпѣвшіе отъ монополіи никогда не теряли надежды на возвратъ того золотого времени, когда царила акцизная система съ ея частнымъ кабакомъ.

Огромное значеніе имѣлъ С. Ю. въ качествѣ иниціатора и предсѣдателя Высочайше учрежденнаго въ 1902 году Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Какъ бы ни было велико уклоненіе принятой къ руководству программы Особаго совѣщанія отъ первоначальныхъ предположеній и проектовъ ея, во всякомъ случаѣ, совѣщаніе это, съ образованными на мѣстахъ сельскохозяйственными комитетами, поставило на очередь важнѣйшіе вопросы русскаго народнаго хозяйства и пробудило общественное настроеніе даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашего отечества. Труды совѣщанія,—это многотомное изданіе,—будутъ всегда служить яркимъ свидѣтельствомъ того, а также драгоцѣннымъ мате-

ріаломъ для всѣхъ интересующихся условіями данной эпохи и характерными чертами ея хозяйственнаго строя.

Я не буду касаться здѣсь ни реформы Государств. банка, ни изданія новаго устава Крестьянскаго банка, ни многихъ финансовыхъ мѣръ, въ числѣ которыхъ были и весьма удачныя, какъ напр. конверсіи, давшія возможность при возрастаніи государственнаго долга на 43% увеличить платежъ по этому долгу лишь на 15%; не остановлюсь также на оцѣнкѣ выдающейся роли покойнаго С. Ю. при заключеніи двухъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и на его заслугахъ по мирному договору съ Японіей. Опуская все это, въ заключеніе не могу не упомянуть только того, что гр. С. Ю. Витте былъ авторомъ всеподданнѣйшаго доклада, сопровождавшаго великій актъ 17 октября 1905 года, открывшій новую страницу русской исторіи.

А. Посниковъ.

II.

Будущему историку предстоитъ дать правильную оцѣнку всей дѣятельности графа Витте. Онъ скажетъ, что сдѣлано было покойнымъ въ отношеніи къ финансовому и государственному строительству, онъ оцѣнитъ тѣ заслуги, какія въ сферѣ дипломатическихъ сношеній должны быть признаны за Витте, какъ заключившимъ выгодный, на мой взглядъ, миръ въ Портсмутѣ. Онъ взвѣситъ также тѣ препятствія, какія Витте встрѣтилъ на пути реформъ въ косности однихъ, въ скрытомъ или явномъ недоброжелательствѣ другихъ. Онъ покажетъ, какъ трудно было человѣку, поднявшемуся на одинъ изъ высшихъ постовъ въ государствѣ, благодаря собственному уму и таланту, отстаивать свое положеніе отъ завистниковъ и людей, матеріальные интересы которыхъ были задѣты его мѣропріятіями.

Моя задача въ настоящее время болѣе скромная: я бы хотѣлъ отвѣтить на вопросъ, *чѣмъ былъ Витте на самомъ дѣлѣ*? Успѣшнымъ ли честолюбцемъ, не всегда разборчивымъ на средства, мѣняющимъ свои взгляды сообразно обстоятельствамъ—такимъ изображаютъ его враги; или человѣкомъ, неизмѣнно озабоченнымъ матеріальнымъ процвѣтаніемъ своей родины и благомъ широкихъ народныхъ слоевъ русскаго общества?

Если бы кто въ наши дни назвалъ Витте министромъ-народо-

любцемъ, то на него, разумѣется, напустились бы всѣ лѣвыя партіи. А между тѣмъ, едва-ли кто изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей былъ болѣе его озабоченъ подъемомъ матеріальнаго благосостоянія русскаго мужика и русскаго рабочаго.

Но, скажутъ намъ, развѣ не онъ завелъ казенку и развѣ не она высасывала всѣ соки народа?—Казенку завела и швейцарская республика, и монополія, какъ она въ ней примѣнялась, ни мало не увеличила пьянства, а, напротивъ, содѣйствовала его сокращенію.

Витте не разъ настаивалъ, что интересы казны при введеніи монополіи далеко не были главными. Имѣлось прежде всего въ виду дать народу не поддѣльное вино и сразу увеличить его цѣну, а быстрый подъемъ ея всегда считался однимъ изъ средствъ борьбы съ алкоголизмомъ.

Витте и недавно не напугала мысль сократить доходы казны чуть не на милліардъ въ интересахъ отрезвленія народа. Онъ сидѣлъ въ одной со мною комиссіи Госуд. Совѣта по борьбѣ съ алкоголизмомъ и смѣло шелъ на замѣну монополіи новыми налогами, въ томъ числѣ подоходнымъ. Онъ понималъ, что трудъ отрезвленнаго крестьянина вернетъ сторицею тѣ потери для казны, къ какимъ поведетъ отмѣна монополіи.

Борьба съ крестьянскимъ малоземельемъ, съ крестьянской темнотою, съ крестьянскимъ безправіемъ,—никогда не сходила съ его программы. Его не пугала мысль о фабричномъ законодательствѣ, скажу болѣе—о государственномъ соціализмѣ, о постоянномъ вмѣшательствѣ власти въ отношенія предпринимателей и рабочихъ. Онъ стоялъ за систему обязательнаго страхованія, и не изъ его устъ послышались бы нападки въ родѣ тѣхъ, какія недавно направлены были П. Н. Дурново противъ рабочихъ кассъ, названныхъ имъ ячейками соціальной революціи.

Витте не запугали бы и рабочіе синдикаты, какъ не пугала его мысль о созданіи трестовъ, для изученія которыхъ отправленъ былъ имъ въ Америку покойный академикъ Янжулъ.

Вѣроятно, ни на одну реформу Витте не пошелъ менѣе охотно, какъ на реформу нашихъ законодательныхъ учрежденій. Онъ былъ слишкомъ долго духовнымъ вождемъ нашей всемогущей бюрократіи, чтобы съ легкимъ сердцемъ пойти на опытъ представительныхъ учрежденій. Но, какъ разумный консерваторъ, онъ понималъ необходимость своевременныхъ уступокъ общественному мнѣнію. А, разъ сдѣлавъ извѣстный шагъ, онъ не соглашался на попятное движеніе и считалъ «глумленіемъ» всякія попытки обойти законъ о Думѣ и Учрежденіи Гос. Совѣта, съ цѣлью свести на-нѣтъ

данныя обѣщанія. Самую избирательную систему онъ Положеніемъ 14 декабря, хотя и весьма недостаточно, но все-таки расширилъ.

Къ сожалѣнію, ему не удалось составить кабинета изъ общественныхъ дѣятелей. Къ властному бюрократу передовые борцы за народное обновленіе отнеслись съ понятной подозрительностью. И Витте ушелъ отъ направляемаго имъ дотолѣ кормила, подаривъ Россію передъ своимъ уходомъ новымъ и выгоднымъ для насъ займомъ во Франціи.

Мы до сихъ поръ видѣли въ немъ только мужа совѣта, горячаго, задорнаго, но стоящаго на-стражѣ народныхъ интересовъ. Онъ отстаивалъ всегда проведенныя или задуманныя имъ реформы, будетъ ли то свобода совѣсти, или насаждаемое имъ профессіональное образованіе, тѣ коммерческія училища и политехническіе институты, которыми онъ, какъ сѣтью, при ближайшемъ участіи В. И. Ковалевскаго, покрылъ всю Россію. Въ союзѣ сегодня съ лѣвыми, завтра съ правыми,—онъ велъ свою линію, умножая число своихъ враговъ и хулителей. Послѣднее не пугало его. Онъ видѣлъ, наоборотъ, въ накопленіи препятствій доказательство своей живучести. Рѣчь Витте всегда была оригинальна, а его выступленіе носило характеръ событія. Съ его смертью сходитъ со сцены министръ-реформаторъ и мужъ совѣта.

Потомство отнесется къ нему, несомнѣнно, съ бо́льшимъ признаніемъ, чѣмъ современники. Ему отдадутъ справедливость, какъ одному изъ министровъ переходной эпохи отъ абсолютизма къ представительному строю.

Надѣленный желѣзной волею и властный по темпераменту, Витте шелъ на опытъ свободныхъ порядковъ и дебатирующихъ камеръ, такъ сказать, «скрѣпя сердце». Всѣ знали о его ближайшемъ участіи въ подготовкѣ манифеста 17-го октября, всѣ помнятъ сопровождавшій этотъ манифестъ призывъ къ созданію солидарнаго правительства; но немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что Сергѣй Юльевичъ, ища исхода изъ той смуты, которая вызвана была неудачной войной съ Японіей и долго сдерживаемымъ недовольствомъ той политикой, высшимъ выразителемъ которой былъ Плеве, не сразу остановился на мысли о необходимости перехода къ представительнымъ порядкамъ. Одно время онъ думалъ положить конецъ броженію широко задуманной аграрной реформой. Крестьяне должны были получить добавочные надѣлы подъ условіемъ обязательнаго выкупа части помѣщичьихъ земель. Я могъ бы назвать даже лицо, къ которому Витте намѣревался обратиться для проведенія въ жизнь этой реформы, и, разумѣется, не назову его.

Витте былъ прекраснымъ діагностомъ и потому заблаговре-

мешно давалъ себѣ отчетъ въ томъ, какія послѣдствія можетъ имѣть и агрессивная политика на Дальнемъ Востокѣ, и та открытая вражда съ обществомъ, какая предшествовала крупному повороту въ сторону обновленнаго строя. Онъ не сочувствовалъ русско-японской войнѣ и открыто враждовалъ съ тѣми, кто изъ коммерческаго предпріятія на Ялу создали столкновеніе двухъ имперій.

Мнѣ пришлось заглянуть въ его рукописные мемуары, пестрящіе выдержками изъ оффиціальныхъ документовъ, его личныхъ докладовъ и донесеній. Трудно вынести изъ нихъ другое впечатлѣніе, кромѣ того, что, рискуя своей карьерой, Витте упорно проводилъ мысль о миролюбивой политикѣ столько же по отношенію къ русскому обществу, сколько и къ надвигавшемуся врагу на Востокѣ. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что могущество Россіи создастъ широкое развитіе для ея промышленности и откроетъ возможность использовать скрытыя въ ея нѣдрахъ сокровища съ помощью иностранныхъ капиталовъ. Но они придутъ къ намъ,—утверждалъ онъ,—только въ случаѣ обезпеченія и туземцамъ, и иностранцамъ, благъ правового порядка, строгой законности при устраненіи административнаго произвола. Для могущества Россіи, думалъ онъ, необходимо поднять не одно матеріальное благосостояніе крестьянина, но и сдѣлать его, по выраженію Побѣдоносцева, которое онъ любилъ повторять, «персоной», т.-е. равноправнымъ гражданиномъ.

Витте игралъ слишкомъ большую роль, какъ глава русской бюрократіи, въ царствованіе Александра III, чтобы позволить кому бы то ни было, а тѣмъ болѣе мѣстному представительству, колебать устойчивость составляемаго имъ бюджета. Отсюда для многихъ непонятная и создавшая ему враговъ на мѣстахъ борьба его не столько съ земствомъ, сколько съ неограниченностью его права самообложенія на мѣстныя нужды. Отсюда—составленная по его порученію докладная записка Кутлера, въ которой ребромъ ставился вопросъ—примиримо-ли земство съ неограниченнымъ самодержавіемъ или нѣтъ. Такъ какъ Витте былъ упоренъ въ отстаиваніи правильности когда-либо всѣхъ рекомендованныхъ имъ мѣръ, то и послѣ наступленія, не безъ его участія, обновленнаго строя онъ счелъ не только возможнымъ, но и желательнымъ переизданіе внушеннаго имъ доклада въ формѣ брошюры, а отъ этого, конечно, число его противниковъ въ средѣ земскихъ людей далеко не уменьшилось.

Витте былъ протекціонистомъ не только потому, что видѣлъ въ поощреніи промышленности высокимъ таможеннымъ тарифомъ средство къ ея быстрому развитію, но также по той причинѣ, что, подобно многимъ у насъ, связывалъ ростъ заработной платы и подъемъ благосостоянія среди рабочихъ съ защитительными пошлинами. Онъ,

какъ я полагаю, не давалъ себѣ отчета въ томъ, что усиливающійся отходъ изъ деревни выбрасываетъ на рынокъ съ каждымъ годомъ все большее и большее число свободныхъ рукъ, число, превышающее спросъ фабрикантовъ и заводчиковъ, что и позволяетъ имъ сохранять заработную плату на сравнительно низкомъ уровнѣ. Витте дорожилъ матеріальнымъ благосостояніемъ рабочаго въ такой же мѣрѣ, какъ и русскаго крестьянина. Если послѣднему онъ желалъ обезпечить равноправіе и земельное довольство, то первому онъ готовъ былъ придти на помощь путемъ фабричнаго законодательства. Многимъ, вѣроятно, неизвѣстно, что онъ рекомендовалъ одно время покойнаго академика Янжула въ министры финансовъ на томъ основаніи, что считалъ его неограниченнымъ сторонниковъ защиты труда; и считалъ не безъ основанія. Вѣдь старшій инспекторъ промышленности московскаго района, какъ своими журнальными статьями, знакомившими русское общество съ фабричнымъ законодательствомъ Англіи, Германіи и Швейцаріи, такъ и своими отчетами о состояніи промышленности и рабочихъ какъ въ московскомъ раіонѣ, такъ и въ Царствѣ Польскомъ, не мало содѣйствовалъ выясненію задачъ правительства въ регулированіи отношеній предпринимателей и исполнителей труда. Витте былъ убѣжденъ въ томъ, что матеріальное благосостояніе народныхъ массъ можетъ быть обезпечено только подъ условіемъ широкаго развитія не одной грамотности, но и образованія вообще. Онъ считалъ «предубѣжденіемъ либераловъ» борьбу съ церковно-приходской школой и не скрывалъ въ этомъ отношеніи своего разномыслія, не опасаясь того, что послѣдствіемъ можетъ быть охлажденіе людей, къ которымъ онъ открыто тяготѣлъ. Изъ его устъ, правда, вырывались нерѣдко слова, что прошлое, а именно занятіе въ теченіе долгихъ лѣтъ первенствующаго положенія въ царствованіе Александра III, мѣшаетъ ему идти съ ними одной дорогой. Онъ говорилъ это и въ частныхъ разговорахъ, и съ трибуны Гос. Совѣта.

Когда на Витте въ первые годы, слѣдовавшіе за манифестомъ 17-го октября, обрушились непрощавшіе ему этой современемъ затерявшейся грамоты, мнѣ пришлось какъ-то сказать ему: «не постигаю этихъ нападокъ со стороны именно консерваторовъ, такъ какъ вы сами не болѣе, какъ послѣдовательный консерваторъ». И Витте согласился со мной.

Да, такимъ консерваторомъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Консерваторъ, какъ показываетъ примѣръ всей Европы, не тотъ, кто довольствуется защитой и проведеніемъ въ жизнь положенія: «такъ было, такъ и будетъ», а тотъ, кто, приноровляясь къ требованіямъ жизни, дѣлаетъ благоразумныя уступки духу времени. Витте старался

по возможности ограничить число этихъ уступокъ и шелъ только на тѣ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, могла выиграть государственная мощь Россіи. Не понятымъ своими современниками консерваторомъ онъ перейдетъ и въ исторію.

Россія обязана будетъ ему не одной разумной и во-время проведенной реформой. Если русскій рубль не палъ до 50 копѣекъ въ разгаръ несчастной войны на Дальнемъ Востокѣ и послѣдовавшаго за нею революціоннаго броженія, если онъ сохранилъ всю свою покупательную силу, то этимъ Россія обязана своевременно проведенной монетной реформѣ, проведенной, какъ хорошо извѣстно, не безъ малаго труда. Биметаллисты нашлись не въ одной Россіи, и дружественная намъ республика въ лицѣ тогдашняго предсѣдателя совѣта министровъ Мелина рекомендовала намъ принятіе серебряной валюты, не безъ разсчета освободить подвалы Banque de France отъ чрезмѣрной залежи бѣлаго металла.

Если въ настоящее время, въ минуту небывалой еще опасности для нашего отечества, благодаря «сильному и коварному врагу», какъ недавно выразился Государь, всѣ классы русскаго общества, безъ различія сословій и партій, сошлись въ дружномъ служеніи Престолу и Отечеству, то потому, что возникли у насъ условія, позволяющія надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ народъ русскій въ лицѣ своихъ представителей будетъ призванъ къ дѣйствительному служенію странѣ, и что равная свобода обезпечена будетъ всѣмъ, безъ различія религіи и національности.

Созданію порядка, при которомъ стало возможнымъ достиженіе этого результата, содѣйствовалъ въ свое время отошедшій отъ насъ государственный дѣятель. Вѣчная ему память!..

Максимъ Ковалевскій.

А. М. КОЛЮБАКИНЪ.

(Воспоминанія) [1]).

Историкъ политической трибуны Франціи писалъ почти 100 лѣтъ спустя послѣ французской революціи,—въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка: «До сихъ поръ никто не предпринялъ изслѣдованія о полита-

[1]) Рѣчь, произнесенная на вечерѣ, посвященномъ памяти А. М. Колюбакина, 12 марта 1915 г.

ческомъ краснорѣчіи временъ революціи не потому, что тема неблагодарна, и не потому, что она далека отъ интересующихъ насъ теперь мыслей. Нѣтъ, можетъ быть, именно потому, что тема еще слишкомъ жгуча, и что нельзя было литературно оцѣнивать краснорѣчіе, страсть котораго есть еще наша страсть».

Примѣните эту мѣрку къ нашимъ условіямъ—къ сроку, протекшему,—къ страстямъ, которыя въ насъ только и родились и въ насъ не стынутъ,—къ человѣку, съ которымъ мы такъ кровно, такъ близко связаны, какъ Александръ Михайловичъ,—и вы поймете, что говорить объ А. М., какъ ораторѣ, не значитъ расцѣнивать его политическое краснорѣчіе. Это значитъ только собрать нѣсколько живыхъ впечатлѣній и воспоминаній,—главнымъ образомъ, такихъ, въ которыхъ выступаетъ его ораторскій обликъ,—и сохранить ихъ для будущаго, для тѣхъ временъ, когда страсти будутъ уже не наши, но будетъ жить не менѣе возвышенное, спокойное преклоненіе передъ памятью одного изъ первыхъ и крупнѣйшихъ политическихъ ораторовъ изъ эпохи нашей политической весны.

Воспоминанія объ ораторѣ—да это все тѣ же воспоминанія о человѣкѣ, о движущихъ силахъ его души. Ибо ошибочно думать, что ораторъ силенъ связностью, вылощенностью и отточенностью рѣчи: онъ силенъ тѣмъ творческимъ началомъ, которое живетъ въ его душѣ, которое его самого поднимаетъ, которое возбуждаетъ слушателя. Изучить оратора—значитъ, прежде всего, изучить это творческое начало. Для однихъ это желѣзный обручъ логическаго построенія, для другихъ—сознаніе моральнаго долга, для третьихъ—живое ощущеніе художественной, эстетической цѣльности явленія, для иныхъ, наконецъ, восторженная, диктуемая страстью рѣшимость воли. Колюбакинъ былъ ораторъ этого именно, послѣдняго, типа. Онъ былъ человѣкъ, у котораго между убѣжденіемъ и рѣшимостью никогда не становилась блѣдная тѣнь размышленія. Съ какимъ-то внутреннимъ сіяніемъ, разливавшимся и по всему лицу его и во всѣхъ движеніяхъ, онъ шелъ порывисто, безъ размышленія, на всякій трудъ;—пошелъ бы и на казнь,—только бы цѣль была правая, достойная. Сіяніемъ этимъ онъ былъ одинаково окруженъ и тогда, когда привѣтствовали его толпы здѣсь, въ этой залѣ и въ другихъ столичныхъ залахъ, на митингахъ, посылая его въ Думу своимъ представителемъ, и тамъ, въ тюремномъ корридорѣ, когда, конвоируемый стражей, онъ становился въ шеренгу, между двухъ уголовныхъ преступниковъ, для отбыванія такъ называемой тюремной прогулки. Изъ-подъ маленькой дорожной сѣрой фуражки, которую онъ носилъ въ тюрьмѣ, его большіе каріе глаза свѣтились тѣмъ же радостнымъ блескомъ, тѣмъ же сознаніемъ вѣрности избраннаго пути. Въ этихъ глазахъ, когда наши взгляды

случайно на мигъ встрѣтились, былъ энтузіазмъ, была нѣмая клятва устоять—въ нихъ не было ни горечи, ни сомнѣнія.

Первый разъ я увидѣлъ его сіяющаго этимъ особымъ свѣтомъ восторга въ день его избранія въ предсѣдатели новгородской губернской земской управы. То было въ началѣ девятисотыхъ годовъ, въ самый разгаръ плевенскаго режима. Случайный гость въ Новгородѣ, я отправился въ Дворянскій домъ на земское собраніе въ качествѣ зрителя, который никого не зналъ и котораго никто не зналъ. Большая толпа земскихъ гласныхъ чрезвычайно волновалась. Предстояли выборы. Противъ стараго предсѣдателя, преклонившагося передъ старымъ режимомъ, велась яростная атака. Волненіе охватило и публику: побѣдитъ ли новый, молодой кандидатъ, или не побѣдитъ. Самого его нѣтъ въ залѣ, но о немъ всѣ говорятъ. Одни говорятъ: «слишкомъ молодъ»,—другіе: «слишкомъ красенъ», но всѣ говорятъ: «очень краснорѣчивъ». И кое-кто произноситъ имя: Колюбакинъ,—имя, ничего мнѣ, столичному жителю, не говорящее. Идетъ медленно шарометаніе, вереницею тянутся люди къ урнѣ—старые, очень старые, какъ мнѣ показалось. Среди нихъ, помнится, покойный уже нынѣ перводумецъ Корсаковъ и здравствующій поднесь Несторъ адвокатуры, уже тогда бѣлый, какъ лунь, Стасовъ. «Эти старики—шушукаются мои сосѣди—несомнѣнно за молодого». Какой же молодой ихъ такъ плѣнилъ? Выборы кончены, и съ торжествомъ, при грохотѣ аплодисментовъ всей залы—и тѣхъ, кто называлъ его слишкомъ краснымъ и молодымъ,—аплодисментовъ столь заразительныхъ, что и я къ нимъ вчужѣ присоединился,—вводятъ Колюбакина. Одѣтый весьма не торжественно, въ какомъ-то рыжемъ пиджакѣ, блѣдный, но сіяющій, стройный, какъ дубъ молодой, онъ становится у стола, и раздается его звонкій, ласкающій ухо, голосъ. И помню отчетливо, какъ этотъ голосъ быстро, покончивъ съ выраженіемъ обычной благодарности и готовности служить мѣстнымъ нуждамъ, переноситъ слушателя въ болѣе широкія сферы, связываетъ земское дѣло съ дѣломъ общаго освобожденія, какъ онъ манитъ и зоветъ туда, въ невѣдомыя, запретныя тогда, выси. И да будетъ мнѣ позволено съ особою благодарностью передъ памятью усопшаго сказать: эти слова и эти призывные звуки на бой мнѣ, столичному жителю, впервые пришлось услышать, въ открытомъ мѣстѣ, въ большомъ собраніи, въ государственномъ учрежденіи, тамъ, въ захолустьѣ, изъ горячихъ устъ, замолкнувшихъ нынѣ навѣки. Пришлось услышать,—не вычитать въ недозволенномъ листкѣ, а услышать, быть частью толпы, которая поддается чарамъ живого слова. И въ эту минуту полусознательно чуялось: вотъ рождается новая сила—русское политическое краснорѣчіе. Есть оно, значитъ,—гдѣ-то подъ спудомъ, задавленное, но не убитое. И

какъ нѣкогда, по мановенію творцовъ великой судебной реформы, съ необычайной силою вышло изъ тайныхъ нѣдръ народныхъ и неожиданно расцвѣло своеобразнымъ блескомъ и богатствомъ наше судебное краснорѣчіе,—такъ достаточно поднять еще одну плиту, и выступитъ наружу еще одно драгоцѣнное народное сокровище: даръ живого слова, направленнаго къ непосредственному, дѣйственному единенію людей въ борьбѣ за политическій идеалъ. Такія предчувствія овладѣли душою тогда, въ предразсвѣтную пору, подъ звукъ голоса молодого, стройнаго предсѣдателя. И предчувствія эти,—къ гордости нашей, надо сказать,—блестяще оправдались.

Мнѣ не дано было тогда ни сблизиться, ни даже познакомиться съ А. М.,—я уѣхалъ, унося въ душѣ радостный, весенній образъ, не догадываясь, что онъ станетъ современемъ всѣмъ намъ здѣсь такъ трогательно близокъ.

Минуло два года. Общественная волна вздымалась все выше и выше. Мы переживали эпоху съѣздовъ, союзовъ. Съѣздъ союза писателей засѣдалъ въ какомъ-то гимнастическомъ залѣ на Мойкѣ. Толпа примелькнувшихся уже лицъ заполняла залъ. Вдругъ бросилась мнѣ въ глаза съ предсѣдательскаго мѣста своеобразная фигура высокаго человѣка въ плохо къ нему идущемъ, туго застегнутомъ черномъ сюртукѣ, держащагося особнякомъ, повидимому, никому въ этой средѣ неизвѣстнаго. Лицо открытое, залитое румянцемъ, глаза, горящіе какимъ-то особымъ огнемъ. Да это онъ, молодой, стройный новгородскій предсѣдатель. Для какой цѣли, по какому праву? Въ нестрой толпѣ литераторовъ, газетчиковъ, журналистовъ—предсѣдатель земской управы. Онъ попросилъ слова—голосъ зазвучалъ, точно мелодическая струна—тотъ же незабываемый голосъ—и вся зала къ нему повернулась. Держа газетный листокъ въ рукѣ, онъ объяснилъ, что, какъ предсѣдатель управы, онъ редактируетъ этотъ именно листокъ «Извѣстія Новгородскаго Земства», и что пожелалъ этимъ воспользоваться, чтобы примкнуть къ общей работѣ интеллигенціи, — интеллигенціи, которая такъ проникнута демократическими началами. Это введеніе было горячо встрѣчено, и предсѣдатель управы заговорилъ, а писатели заслушались.

Мысль о необходимости связи нашей работы — земской, городской и, особенно, общеполитической—съ возможно широкими слоями русской интеллигенціи,—мысль, такъ просто воплощенная имъ тогда въ присоединеніи земца къ интеллигентскому писательскому съѣзду, составляла его credo въ теченіе всей дальнѣйшей его общественной дѣятельности. Она исходила изъ ощущенія, что въ русской интеллигентской средѣ, политически строго недифференцированной, иногда въ практическихъ планахъ наивной—лежатъ, однако, самыя цѣнныя за-

лежи высшихъ порывовъ къ общественной дѣятельности, — что тамъ неизсякаемый источникъ того идеализма, безъ тѣсной связи съ которымъ истинная плодотворная политическая дѣятельность невозможна.

Моментъ формированія кадетской партіи изъ двухъ союзовъ — союза освобожденія и союза земцевъ-конституціоналистовъ — засталъ Колюбакина въ обоихъ союзахъ, и весь жаръ его дѣятельности сталъ съ этой минуты протекать по новому, единому, болѣе широкому руслу. Съ этого времени исчезаютъ и воспоминанія объ отдѣльныхъ встрѣчахъ съ нимъ,—идетъ повседневное, сплошное дружное движеніе впередъ, бокъ-о-бокъ, въ тысячѣ моментовъ и комбинацій; воспоминанія объ индивидуальныхъ дѣйствіяхъ и заслугахъ стушевываются на общемъ фонѣ крупныхъ событій. Создаются открытыя коллегіи—партіи, комитеты,—выступающіе наружу, какъ цѣлое, безымянное. Въ одной изъ такихъ коллегій—въ центральномъ комитетѣ к.-д. партіи—и растворилась на время вся работа Александра Михайловича. Внутри нашей коллегіи не было, собственно, никогда рѣзкаго дѣленія на два крыла—лѣвое и правое въ обиходномъ смыслѣ словъ,—но были, естественно, люди болѣе холодные и болѣе горячіе, люди рефлексіи и люди дѣйствія, дипломаты и энтузіасты. Къ числу горячихъ, къ группѣ энтузіастовъ, къ крылу людей рѣшительнаго дѣйствія всегда и неизмѣнно принадлежалъ Колюбакинъ. Его нельзя было назвать «политикомъ» въ обыденномъ смыслѣ; составленіе тактическихъ плановъ, кропотливое изо дня въ день наблюденіе за правильнымъ ходомъ ладьи, вся партійная и общеполитическая стратегія, неизбѣжная въ политической жизни вообще и въ парламентской въ особенности,—не входили въ сферу его компетенціи и не влекли его къ себѣ. Но планъ созданный, линія правильно взятая,—практическая мысль, выкристаллизованная соотвѣтственно основнымъ нашимъ общимъ идеямъ, поднимала его, вдохновляла и находила уже въ немъ самаго горячаго, убѣжденнаго трибуна.

Да, *трибунъ*,—таково было настоящее его призваніе. Небольшой партійный кругъ друзей оказывался часто тѣсной ареной, слишкомъ скромной аудиторіей для его огненныхъ рѣчей. А говорить иначе, какъ огненными словами, онъ не могъ. И потому наиболѣе благодарное для него поприще было народное собраніе, открытая каѳедра. Движеніе и шорохъ толпы возбуждали его, окрыляя мысль; вдохновлявшія его общія идеи получали для него въ эти минуты реальность живыхъ существъ, и образы ихъ носились надъ нимъ, двигали имъ и толпою слушателей и поднимали толпу до уровня вдохновеннаго оратора Образъ и мысли были несложны, какъ несложна истина, какъ проста и безхитростна вѣра; они даже повторялись—повторялись неизбѣжно,—но, и повторяя ихъ, ораторъ каждый разъ вновь вдохновлялся—точно вновь въ нихъ увѣровалъ; вѣрила и вдохновлялась за нимъ и толпа.

Такъ слова молитвы, изъ вѣка повторяемыя, никогда не теряютъ возвышающей силы для истинно вѣрующаго. И если угодно, рѣчь его была именно для тѣхъ, кто еще склоненъ увлекаться и вѣрить,—не для изъѣденной умствованіемъ, испорченной многообразіемъ впечатлѣній, холодной и сдержанной столичной аудиторіи, а для той огромной Россіи, изжаждавшейся по живомъ, свободномъ словѣ, умиляющейся передъ высокимъ энтузіазмомъ, пріемлющей пророка, поддающейся его чарамъ, идущей за нимъ. Отъ этой Россіи, нѣсколько намъ далекой, всегда полутаинственной, онъ являлся благодатнымъ посланцомъ къ намъ; въ минуты радости приносилъ ея ликованіе, въ минуты горя — ея сочувствіе. Нѣтъ угла въ Россіи, гдѣ бы онъ не насаждалъ нашего ученія, не водрузилъ нашего знамени. И если политическая партія крѣпка только непосредственною связью со страною, если для жизнеспособности ей нуженъ не только ученый и дальновидный командный составъ, но и организованная, преданная и готовая на бой армія, то создателемъ, вдохновителемъ и организаторомъ этой нашей арміи являлся не кто иной, какъ Колюбакинъ.

Однако, этотъ вдохновитель и вѣстникъ далекой провинціи въ концѣ концовъ сумѣлъ найти доступъ и къ сердцу столицы и намъ, перводумцамъ, избранникамъ столицы, подобаетъ вспомнить о немъ здѣсь, какъ о нашемъ преемникѣ. Если идеалы, посѣянные первою Думою, дороги вамъ—дороги въ томъ чистомъ, неприкладномъ видѣ въ какомъ мы только и успѣли ихъ выростить, то мы, первые, случайные, но вѣрные носители этихъ идеаловъ, можемъ свидѣтельствовать вамъ, что первая Дума, со всѣмъ ея опредѣленнымъ, уже отпечатлѣвшимся въ исторіи обликомъ, радостно, съ восторгомъ приняла бы въ свое лоно этого новаго избранника. Такой онъ былъ родной ей, близкій по духу.

То было время мрачное. Облетѣли цвѣты надеждъ, догорѣли огни юныхъ восторговъ—первая Дума отошла въ область исторіи, трагическая жизнь второй Думы только-что трагически прекратилась. Надо было идти въ третью Думу; надо было бы не только идти—надо было заставить вѣрить избирателей,—всѣхъ васъ,—что стоитъ идти, что идея народнаго представительства не умерла, что искру тлѣющую надо раздуть и добыть изъ нея пламя, что нельзя дать ей потухнуть во имя будущаго, ради прошедшаго,—что отчаяніе пустынно и ничего не родитъ. И долженъ былъ это дѣлать въ вашей средѣ человѣкъ новый, Петербургу чуждый, эксъ-гвардейскій офицеръ и эксъ-предсѣдатель провинціальный земской управы. Сколько бывшихъ радикаловъ въ ту пору предались дешевому скептицизму, и сколько нужно было истинной вѣры, чтобы не поддаться. У Колюба-

жина хватило этой вѣры, — и ею онъ побѣдилъ. Ибо онъ былъ по преимуществу человѣкъ вѣры.

Двухъ такихъ вѣрующихъ, вдохновенныхъ ораторовъ знала тусклая эпоха третьей Думы: одинъ былъ Карауловъ, другой—Колюбакинъ. Одинъ горѣлъ ровнымъ, никогда не меркнущимъ внутреннимъ свѣтомъ религіознаго экстаза, питаемаго одинокимъ размышленіемъ, молитвою, интимнымъ углубленіемъ вопросовъ индивидуальной совѣсти. Отсюда, отъ этихъ вопросовъ индивидуальной совѣсти, шелъ у Караулова путь къ служенію общественному. Непосредственное воздѣйствіе общественной среды ему не требовалось. Могучая фигура пророка съ львиною головою потрясала васъ всегда одинаково: въ народной толпѣ, на трибунѣ Думы и въ одинокой проникновенной бесѣдѣ съ глазу на глазъ. Онъ не нуждался во внѣшней обстановкѣ—въ возбужденіи толпы и въ ея поддержкѣ,—самый процессъ выявленія того, что было въ душѣ, происходилъ просто, безъ внезапныхъ потрясеній, безъ случайныхъ приступовъ воодушевленія. То былъ вѣчный внутренній подъемъ, неизбывно-напряженное состояніе души, легко и просто выходившее наружу, когда только душа сама почувствовала потребность проявиться. И запасъ словъ у Караулова былъ малъ, и интонаціи голоса не разнообразны, и движеніе рѣчи грузно,—но каждое слово, звукъ каждый точно отъ души отрывался и мощно, съ силою однотонныхъ раскатовъ грома, поднималъ душу слушателей. Тутъ не было личнаго сближенія съ ораторомъ—не черезъ него слушатель подвигался на дѣло, а непосредственно, точно собственнымъ взмахомъ воспрянувшей души, оказывался вырваннымъ изъ когтей обыденности и перенесеннымъ въ другой міръ, куда его звалъ этотъ почти безличный, титаническій трубный звукъ. Въ рѣчи не было блестокъ, въ умѣ не было подвижности, игры. Веселье, легкое, острое возбужденіе, переливы мысли были ему чужды. Одноцвѣтный гигантъ—монолитъ.

Изъ чистаго родника вѣры черпалъ свое ораторское вдохновеніе, родственный ему по духу, Колюбакинъ. Не изъ вѣры религіозной, возводящей себя открыто къ божественному, мистическому первоисточнику,—но изъ этической вѣры въ идеалъ, въ неизбѣжность торжества правды, вѣры въ категорическій императивъ добра, въ благость человѣческой природы. Оттого онъ не боялся, а жаждалъ свободы,—ея боятся только тѣ, кто презираетъ или ненавидитъ человѣка, кто не вѣритъ въ добрыя начала его души. Для него *эта* вѣра была альфой и омегой всего существованія. У этихъ предѣловъ останавливался его пытливый умъ. Онъ не стучался во врата Сезама;—онъ не жаждалъ иного источника жизни, ибо стихійно чувствовалъ, что въ ней, въ этой вѣрѣ, была вся его сила, всѣ нити, связующія его съ прошлымъ, съ грядущимъ, вся основа его бытія. Она-то была разлита во всемъ

его существѣ, она-то сіяла нимбомъ надъ его головою, горѣла въ очахъ, сказывалась во всѣхъ движеніяхъ и даже въ томъ своеобразномъ, порывистомъ жестѣ, съ которымъ, точно толкаемый невидимой силой, онъ направлялся къ мѣсту своего священнодѣйствія— къ ораторской каѳедрѣ.

Вѣчно присущая въ состояніи покоя, эта вѣра нуждалась, однако, для своего возбужденія, во внѣшнемъ стимулѣ. Этимъ стимуломъ могла быть новая, извнѣ полученная идея, могъ быть вызовъ противника, могъ быть рѣзкій жизненный диссонансъ, то могла быть, наконецъ, — и была дѣйствительно всего чаще, — вся взволнованная, до основъ взбудораженная конфликтами, эпоха. Искра, снаружи брошенная, зажигала душу яркимъ пламенемъ, и она не уставала горѣть, пока не проявляла себя дѣйственно и въ этомъ дѣйственномъ порывѣ не увлекала за собою другихъ. Въ промежутки онъ могъ быть веселъ, игривъ, даже ребячески шаловливъ и легкомысленъ, — добрый товарищъ, веселый собесѣдникъ; въ серьезныхъ кабинетныхъ бесѣдахъ могъ быть вялъ, могъ казаться неинтереснымъ, иногда вычурнымъ, иногда и банальнымъ. Ровная, беззвучная атмосфера дѣловой бесѣды обезцвѣчивала его; и тонъ рѣчи, и порывистыя движенія, и даже звукъ голоса дисгармонировали съ сѣрымъ полусвѣтомъ комнатнаго фона. Ему нужны были яркій свѣтъ, и звуки, и краски, и рокотъ толпы, и лязгъ скрещивающагося оружія. Онъ тогда хватался и за свой мечъ крестоносца и съ напряженными мускулами, съ грозно поднятою головою, кидался въ бой. И не было больше ни безпечной радости, ни безцвѣтной вялости—было слово, которое, какъ мечъ, рубитъ, которое сковываетъ волю слушателя, которое тянетъ его, властно тянетъ къ оратору, невидимыми нитями связываетъ съ его мыслями, со всей душою говорящаго, такъ что вы ужъ только черезъ него воспринимаете, только его глазами видите, за нимъ идете,—и непроизвольно двигаетесь такъ, какъ онъ хочетъ; мускулы напрягаются къ дѣйствію, которое онъ вамъ повелительно диктуетъ...

Здѣсь вѣнецъ и предѣлъ ораторскаго искусства, здѣсь совершается величайшее таинство человѣческаго слова: оно двигаетъ на дѣло. Такъ говорили вожди великихъ народныхъ движеній, такъ говорили фанатики, призывающіе къ дѣйственному подвигу въ борьбѣ за вѣру. И именно такъ,—я въ этомъ не сомнѣваюсь,—съ такимъ же порывистымъ движеніемъ, съ тѣмъ же сіяніемъ вѣры и съ тѣмъ же властнымъ, неотразимымъ звукомъ призыва онъ повелъ въ бой, въ послѣдній бой, своихъ солдатъ въ ту темную ночь, освѣщаемый молніей вражескихъ огней, при громовомъ звукѣ вражескихъ орудій. И здѣсь, и тамъ онъ былъ одинъ и тотъ же. Гармонія и единство не только въ идейныхъ цѣляхъ, — гармонія и единство въ творческихъ

процессахъ. Ибо едина была та душевная основа, изъ которой ткалась вся его жизнь: цѣлостная, восторженная вѣра въ способность человѣка водворить царство правды на землѣ.

Весенняя эпоха общественнаго подъема, приведшая насъ въ первую Думу, знаменовалась героизмомъ массовымъ. Много было разлито кругомъ духовной красоты, но на общемъ яркомъ фонѣ не выдѣлялись рѣзко индивидуальности; да и меньше требовалось духовной силы, чтобы воспрянуть и вдохновиться рѣшимостью на жертву. На тускломъ фонѣ послѣдующихъ лѣтъ рѣзко выдѣляются два яркихъ человѣческихъ лика особенной душевной красоты — два факела среди тьмы: Карауловъ и Колюбакинъ. Они были родственны духомъ и искренно любили другъ друга. И не будетъ умаленіемъ памяти А. М., если, въ день его поминокъ, поставимъ его рядомъ съ ранѣе отошедшимъ другомъ и призовемъ всѣхъ блуждающихъ, усталыхъ, сомнѣвающихся: — придите, вникните въ смыслъ жизни этихъ двухъ людей и скажите, хватитъ ли у васъ безвѣрія и сомнѣнія, чтобы затмить этотъ яркій огонь любви и восторга. Да будутъ же оба они благословенны для насъ въ дни тяжкихъ испытаній и въ неминуемые грядущіе дни великихъ радостей.

М. Винаверъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Кончина гр. С. Ю. Витте.—Два съѣзда.—Дворянскій съѣздъ о поддержаніи винокуренной промышленности.—Семь мѣсяцевъ работы всероссійскаго земскаго союза.—Дороговизна предметовъ первой необходимости.—Упреки по адресу городского самоуправленія.—Дѣло В. А. Маклакова, П. С. Егорова и П. Б. Струве.—Сообщеніе о раскрытомъ шпіонствѣ.

Какъ ни относиться къ графу С. Ю. Витте, но нельзя не признать, что за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ,—со времени эпохи реформъ Александра II,—онъ былъ самымъ крупнымъ и, пожалуй, единственнымъ крупнымъ государственнымъ человѣкомъ въ Россіи.

Какъ человѣкъ, который былъ на цѣлую голову выше всѣхъ современныхъ ему бюрократовъ, гр. Витте, конечно, имѣлъ гораздо болѣе враговъ, чѣмъ людей, искренно къ нему расположенныхъ. Къ тому же, онъ появился въ Петербургѣ человѣкомъ чужимъ для

высшихъ бюрократическихъ и аристократическихъ сферъ—и такимъ, въ сущности, остался. Немало у насъ бывало министровъ весьма скромнаго происхожденія и не проходившихъ черезъ петербургскія канцеляріи, словомъ—такихъ, послѣ назначенія которыхъ въ свѣтскихъ гостиныхъ презрительно спрашивали: «кто онъ и откуда»? Но всѣ они чрезвычайно быстро обыкновенно усваивали если не свѣтскій лоскъ, то обычные министерскіе пріемы и навыки и дѣлались своими людьми въ кругахъ высшаго чиновничества. Витте же не только ничего не спѣшилъ усвоить ни при своемъ первомъ появленіи въ столицѣ, ни впослѣдствіи, но, напротивъ, какъ только получилъ власть, сталъ стремиться въ другихъ ломать съ молокомъ ими всосанныя традиціи и привычки.

И всякій разъ, когда его звѣзда закатывалась, вчерашніе друзья ему за это мстили. Возводившій властвованіе и власть въ предметъ поклоненія и культа, Витте съ любовью ощущалъ въ себѣ и давалъ чувствовать другимъ свою силу. Онъ органически не могъ быть одинокимъ. Въ періоды, когда онъ бывалъ у дѣлъ, онъ стремился завязывать отношенія съ общественными дѣятелями, съ представителями печати, съ профессорами, съ міромъ банковъ. Вступая въ бесѣду, Витте ставилъ вопросы и оставлялъ у собесѣдника впечатлѣніе, что его цѣль—выслушивать и слушать. Но въ дѣйствительности смыслъ бесѣдъ для него состоялъ въ томъ, чтобы не онъ, а его слушали,—чтобы слушали и проникались, если не его приказаніями, то его всегда импонировавшими, ясностью и категоричностью, сужденіями.

Этихъ бесѣдъ направо и налѣво чиновничьи круги ему тоже не прощали. Уволенный министръ у насъ сейчасъ старательно замыкается въ свою скорлупу. Такова твердо сложившаяся традиція. А Витте всегда дѣлался по увольненіи особенно говорливымъ, и вокругъ его имени если не шумъ, то шопотъ, никогда не замолкали. Стремясь во всѣ минуты своей жизни къ власти и только къ власти, онъ въ дни отстраненія отъ нея не отдавался, какъ другіе, однимъ мечтамъ о случаѣ, который снова вернетъ ему утраченную силу. Онъ искалъ этого случая, готовился къ нему и подготовлялъ его. Въ этомъ коренится объясненіе его постоянныхъ выступленій въ послѣдніе годы въ Государственномъ Совѣтѣ,—выступленій, изъ которыхъ весьма и весьма многія отнюдь не способствовали увеличенію славы его имени, поскольку оно связано съ манифестомъ 17 октября. Жажда власти была болѣзнью Витте. И чѣмъ больше возможность ея возврата уменьшалась, тѣмъ болѣе онъ нервничалъ и тѣмъ чаще дѣлалъ непоправимыя ошибки.

По поводу смерти С. Ю. Витте, въ печати въ первые же дни

появилось безчисленное множество воспоминаній и характеристикъ на основаніи личнаго съ нимъ знакомства авторовъ. Дѣйствительно, кругъ лицъ, которымъ доводилось видѣть Витте и говорить съ нимъ на общественно-политическія темы, былъ безграниченъ и безконечно разнообразенъ. И понятно, что бесѣды съ такимъ большимъ человѣкомъ не исчезали изъ памяти. Но, конечно, для вѣрнаго и исчерпывающаго слова о Витте время еще не настало. Его историческая фигура, несомнѣнно, получитъ полное освѣщеніе, но лишь черезъ много лѣтъ. Пока можно освѣщать лишь отдѣльныя черточки и штрихи.

Основный упрекъ, который дѣлали Витте при жизни и который проходитъ въ его некрологахъ,—упрекъ въ неискренности. И оспаривать этотъ упрекъ не приходится. Но мы позволяемъ себѣ думать, что въ его жизни былъ моментъ, когда онъ отдавался взятому на себя великому дѣлу со всею искренностью любящаго родину человѣка, горѣвшаго пламеннымъ желаніемъ вывести ее ихъ вихря революціи и поставить на обновленные устои государственнаго бытія. Нужно ли говорить, къ какимъ мѣсяцамъ и днямъ этотъ моментъ относится?

Въ дни, непосредственно предшествовавшіе 17-му октября 1905 года и непосредственно за этой датой слѣдовавшіе, по желанію Витте, мнѣ приходилось съ нимъ видѣться чуть не ежедневно. Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ немъ постепенно и съ большой внутренней борьбой наростало сознаніе необходимости измѣненія формъ государственнаго строя. Для него, проведшаго въ условіяхъ стараго строя, вопреки раздававшимся отовсюду возраженіямъ, винную монополію и реформу денежной системы, было, само собою разумѣется, нелегко усвоить это сознаніе. Все существо его властной натуры ему противилось. Но когда это сознаніе онъ воспринялъ, онъ безъ лукавства и безъ какихъ бы то ни было скрытыхъ или недосказанныхъ мыслей занесъ въ свой докладъ: «Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній».

Прямотой и искренностью онъ былъ проникнутъ въ ночь на 18-ое октября, когда дѣлалъ распоряженіе о составленіи проекта новаго избирательнаго закона и проекта указа объ амнистіи, и затѣмъ утромъ, когда въ его пріемной были собраны представители печати. Онъ былъ одинаково искрененъ во всѣхъ своихъ настойчивыхъ обращеніяхъ къ общественнымъ дѣятелямъ съ просьбой вступить въ министерство и дать ему поддержку. Спустя всего два мѣсяца, этого Витте уже не было... Въ послѣдній разъ я съ нимъ видѣлся въ февралѣ 1906-го года.

Одновременно были созваны два съѣзда: съѣздъ объединеннаго дворянства въ Петроградѣ и собраніе уполномоченныхъ всероссійскаго земскаго союза—въ Москвѣ. И тамъ, и тутъ, по ихъ сословной принадлежности, были въ сущности, одни и тѣ же люди: дворяне-землевладѣльцы. И тамъ, и тутъ предметомъ занятій были вопросы, связанные съ войной и войною вызванные. Общій же тонъ сужденій и рѣшеній съѣздовъ былъ діаметрально противоположный. Читая газетные отчеты, можно было думать, что въ Петроградѣ и въ Москвѣ собирались люди двухъ различныхъ міровъ, не имѣющіе между собой ничего общаго ни въ классовомъ отношеніи, ни въ политическомъ, ни по воспитанію, ни по правамъ и традиціямъ.

Повторилось любопытное явленіе нашей жизни, давно подмѣченное и много разъ отмѣчавшееся въ литературѣ. Дворяне въ пиджакахъ и въ сюртукахъ, на земскихъ собраніяхъ, говорятъ и мыслятъ не такъ и не о томъ, о чемъ и какъ они мыслятъ и говорятъ во фракахъ и въ мундирахъ,—на собраніяхъ дворянскихъ. Это явленіе съ 1906-го года стало исчезать. Дворяне-землевладѣльцы и въ земствѣ заговорили тогда языкомъ дворянскихъ собраній на темы о всяческомъ и всевозможномъ обузданіи и искорененіи. Но время шло, реальная близость къ землѣ и къ нуждамъ деревни, словомъ, земское дѣло, помимо ихъ воли, ломало въ тѣхъ, кто взяли это дѣло въ свои руки съ искоренительными цѣлями, вѣру въ созидательную силу политики искорененія. Ломало и сломило.

Мартовское собраніе уполномоченныхъ земскаго союза это воочію засвидѣтельствовало. Половину участниковъ составляли предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, т.-е. та категорія прошедшихъ искусъ министерскаго утвержденія земцевъ, которая еще недавно наиболѣе полно была охвачена реакціонными тенденціями. И, несмотря на это, собраніе во всѣхъ рѣшеніяхъ и сужденіяхъ единодушно стояло на почвѣ земской самостоятельности и земскаго обособленія отъ мѣстной и центральной администраціи. Мартовскій же съѣздъ объединеннаго дворянства съ той же очевидностью засвидѣтельствовалъ, что помѣстнаго землевладѣльческаго дворянства, какъ сословія, поскольку оно отрываетъ себя отъ безсословнаго и надсословнаго земскаго дѣла, ликвидація реакціонныхъ настроеній не коснулась. Главнымъ отзвукомъ войны на дворянскомъ съѣздѣ служили вопросы о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія, о мѣрахъ поддержанія лишенной нынѣ смысла винокуренной промышленности и объ использованіи труда военно-плѣнныхъ.

Въ общей оцѣнкѣ запрета продажи водки и внезапно открывшейся картины отрезвленія народа дворянскій съѣздъ не отказался отъ общаго, охватившаго всю «землю», теченія. На съѣздѣ было

даже сдѣлано предложеніе протестовать противъ постановленія совѣщанія при министерствѣ торговли и промышленности о разрѣшеніи продажи легкихъ виноградныхъ винъ и пива. Но отраженія въ резолюціяхъ это предложеніе не получило. И вообще на съѣздѣ гораздо болѣе, нежели объ итогахъ трезвости, говорилось объ обратной сторонѣ медали: о борьбѣ съ потребленіемъ суррогатовъ спирта, объ усиленіи наказаній за ихъ продажу и за совершеніе преступленій въ состояніи опьяненія, о «надвигающихся затрудненіяхъ» въ винокуренной промышленности. Послѣднему вопросу былъ посвященъ особый докладъ бывшаго товарища министра финансовъ І. І. Новицкаго. Докладъ, судя по газетнымъ отчетамъ, имѣлъ цѣлью выясненіе мѣръ развитія техническаго примѣненія спирта. Главныя положенія доклада съѣздомъ приняты.

Винокуренная промышленность издавна занимаетъ у насъ привилегированное положеніе. Даже тогда, когда всѣ заботы государства были направлены на воспособленіе промышленности фабрично-заводской, а сельское хозяйство вовсе не привлекало къ себѣ вниманія,—даже и тогда винокуреніе пользовалось энергичной поддержкой. При этомъ обычно подчеркивалось значеніе для сельскаго хозяйства питанія скота, а для питанія скота побочнаго продукта винокуренія—барды. Но само собою разумѣется, что пока водка была основою государственнаго бюджета, главный интересъ финансоваго вѣдомства составляли не барда и не питаніе скота, а выгонка спирта и возможность имѣть такіе его запасы, которые обезпечивали бы въ каждый данный моментъ ростъ требованія на водку. Употребленіе спирта, какъ источника свѣта и какъ продукта горѣнія, явилось въ то время слѣдствіемъ, съ одной стороны, стремленія вліятельнаго класса крупныхъ землевладѣльцевъ держать хлѣбныя цѣны на опредѣленной высотѣ, а съ другой—потребности министерства финансовъ имѣть всегда на-готовѣ излишекъ винокуренныхъ заводовъ и спирта.

Но и до упраздненія «пьянаго бюджета» такое обращеніе продукта питанія людей въ продуктъ сжиганія рѣзало глазъ своей несообразностью и въ отношеніи бѣднаго населенія — жестокостью. Въ условіяхъ же отказа государства жить на счетъ отравленія народа алкоголемъ, въ рекомендуемыхъ І. І. Новицкимъ мѣропріятіяхъ выступаетъ одна, ничѣмъ не прикрытая забота объ искусственномъ поднятіи цѣнъ на хлѣбъ. Если хлѣбный спиртъ получитъ, какъ того желаютъ «объединенные» дворяне, широкое техническое примѣненіе, то окажется, что въ странѣ, гдѣ бо́льшая половина населенія живетъ впроголодь и не доѣдаетъ и гдѣ земли больше подъ лѣсомъ, чѣмъ подъ злаками, что въ такой странѣ, дабы быки и ко-

ровы имѣли барду и дабы хозяйственно-экономическій кризисъ не создалъ затрудненій для крупнаго землевладѣнія, зерно и картофель будутъ идти на отопленіе, вмѣсто угля, дровъ и нефти, и на освѣщеніе, вмѣсто керосина и газа!

Въ цѣляхъ поддержанія винокуренной промышленности уже убита широко развившаяся было выдѣлка древеснаго спирта, служившая одной изъ немногихъ формъ эксплоатаціи наименѣе цѣнныхъ породъ лѣса въ наиболѣе удаленной отъ мѣстъ сплава сѣверной и восточной глуши. Аппетиты дворянъ-землевладѣльцевъ стремятся нынѣ къ тому, чтобы обращенное въ спиртъ зерно выступило конкуррентомъ пластамъ каменнаго угля и нефтянымъ фонтанамъ. Системой акциза и премій, конечно, это сдѣлать возможно. Но неужели же недоѣданіе такъ-таки и должно быть вѣчнымъ удѣломъ крестьянской деревни? Чѣмъ курить спиртъ, чтобы получалась барда, не проще ли ввести въ кормъ скота зерновые продукты въ ихъ чистомъ видѣ, а не какъ отбросъ винокуренія?..

Собранію уполномоченныхъ земскаго союза не приходилось долго останавливаться ни на выясненіи задачъ союза, ни на разсмотрѣніи отчетныхъ данныхъ главнаго комитета. Задача земской помощи войнѣ и земскаго обслуживанія «тыла арміи», — помощи больнымъ и раненымъ воинамъ и способствованія успѣшнѣйшему снабженію войскъ,—при всей ея необъятной громадности, слишкомъ ясна и проста.

Какъ только вспыхнула война, русская земщина, въ лицѣ объединившагося земства и объединившихся городовъ, предложила свои услуги. Ей было тогда сказано, что ея услуги нужны лишь для одной формы работы въ тылу,—притомъ въ тылу глубокомъ, — для устройства лазаретовъ. Но вскорѣ ей было отведено участіе въ организаціи эвакуаціи, въ устройствѣ передовыхъ перевязочно-питательныхъ отрядовъ и бань, словомъ, въ обслуживаніи не только тыла, но и фронта, не только воиновъ, потерявшихъ боеспособность, но и воиновъ подъ ружьемъ. И не было дѣла, отъ котораго земскій и городской союзъ уклонялись бы. Работа безпрерывно развивалась и ширилась и, какъ показалъ опытъ, будетъ ширится и въ дальнѣйшемъ. На первомъ собраніи земскихъ уполномоченныхъ, 30-го іюля, разсчеты вращались вокругъ цифры въ шесть милліоновъ рублей. На второмъ собраніи было доложено, что на 1-е марта земскій союзъ, не считая союза городовъ, истратилъ 56 милліоновъ.

Мартовское собраніе единогласно одобрило предположенія главнаго комитета о томъ, чтобы онъ, не разбирая формъ помощи, а

считаясь только съ мѣрою силъ союза, оказывалъ содѣйствіе арміи «въ выполненіи ею ея великаго ратнаго подвига». Въ частности, собраніе также единогласно приняло программу организаціи борьбы съ заразными болѣзнями. Въ этомъ дѣлѣ, исключительной для арміи важности, работа союза до послѣдняго времени встрѣчала препятствія, ибо его не предполагалось выпускать изъ рукъ правительственнаго учрежденія—такъ называемой чумной комиссіи. И устраненіе союза уже вызывало самыя серьезныя опасенія. Но главноуполномоченный земскаго союза, кн. Г. Е. Львовъ, не остановился передъ препятствіями вѣдомственнаго характера. Онъ лично представилъ о положеніи дѣла верховному главнокомандующему, благодаря вмѣшательству котораго энергіи союза открыто это дѣло. Съѣздъ уже имѣлъ передъ собою формальное извѣщеніе о состоявшемся Высочайшемъ соизволеніи.

Въ своей вступительной рѣчи князь Львовъ напомнилъ, что въ работѣ союза, заслужившей самое цѣнное, какое только можетъ быть, признаніе—признаніе арміи,—Россія пожинаетъ плоды великихъ идей, вложенныхъ въ нашу жизнь творцомъ земскихъ учрежденій,—идей, «въ которыхъ мы получили государственное воспитаніе». Благодаря этимъ идеямъ,—говорилъ онъ,—«въ моментъ исторической величайшей важности народъ русскій оказался достаточно организованнымъ для того, чтобы вынести жестокіе удары судьбы и встрѣтить ихъ не разсѣянными и разрозненными, а собранными силами, въ строю и порядкѣ, какъ боевая армія». И онъ имѣлъ завидное право воскликнуть: «страшно подумать, что было бы, если бы не было земства»!..

Сознаніемъ, что союзомъ сдѣлано и дѣлается великое дѣло служенія войнѣ, были охвачены всѣ участники съѣзда.

Каждый чувствовалъ себя активной песчинкой въ организованной «землей» арміи гражданъ, и ощущеніе удовлетворенности было той атмосферой, въ которой выслушивались доклады и сообщенія главнаго комитета. Участниками съѣзда явно сознавалось и то, чѣмъ силенъ союзъ, по сравненію съ земскими учрежденіями губерній. Земскій и городской союзы—живой и первый опытъ общественнаго самоуправленія, освобожденнаго отъ путъ административнаго недовѣрія и административной опеки. И этотъ опытъ каждый день свидѣтельствуетъ, что особенно нужно земству и городамъ, для плодотворной работы въ дѣлѣ попеченія о ввѣряемыхъ имъ пользахъ и нуждахъ. Не надо стѣны между общественными дѣятелями и дѣлаемымъ ими дѣломъ; не надо мучить ихъ «неослабнымъ надзоромъ» и отравляющими энергію заподозрѣваніями. Имъ органически необходима самостоятельность.

Единодушное осужденіе на съѣздѣ вызвала попытка къ расколу и къ обособленію, которую, вслѣдъ за курскимъ земствомъ, вноситъ въ общее дѣло областной комитетъ кіевской, подольской и волынской губерній. Комитетъ образовался еще въ августѣ и тогда же во главѣ его всталъ представитель націоналистовъ въ Государственной Думѣ, П. Н. Балашовъ. Выставляя на своихъ бланкахъ, «всероссійскій земскій союзъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на войнѣ» и, слѣдовательно, покрываясь флагомъ земскаго союза, областной комитетъ дѣйствуетъ, однако, настолько обособленно, что даже и существованіе его московскому главному комитету стало извѣстно только въ декабрѣ. И въ то же время комитетъ бралъ на себя такія отвѣтственныя задачи общаго значенія, какъ продовольственная помощь населенію Галиціи. Съѣздъ призналъ, что областной комитетъ трехъ юго-западныхъ губерній въ настоящее время не можетъ считаться входящимъ въ союзъ и что онъ можетъ быть включенъ въ него лишь при условіи объединенія кассы и отчетности и упраздненія должности особаго главноуполномоченнаго.

Газета, по заслугамъ носящая кличку «Ежесуточнаго Доносителя», съ завидной ясностью формулируетъ и съ еще болѣе завидной простотой разрѣшаетъ всѣ самыя сложныя правовыя и соціально-экономическія проблемы жгучей современности. По адресъ-календарямъ и вывѣскамъ она разыскиваетъ чиновниковъ, академиковъ и купцовъ съ нѣмецкими фамиліями и, направляя на нихъ указующій перстъ, полагаетъ, что совершаетъ большое патріотическое дѣло освобожденія отъ нѣмецкаго «засилья». Не разъ это мало почтенное занятіе, изъ-за соззвучія нѣмецкихъ фамилій съ русскими и изъ-за рискованности вообще столь упрощеннаго пріема сыска, ставила газету въ смѣшное положеніе, но ея усердіе не ослабѣваетъ. Такъ еще недавно одинъ изъ анонимныхъ сотрудниковъ газеты написалъ пламенную статью, въ которой, возмущаясь стилистическими погрѣшностями языка академика-оріенталиста Радлова, обрушивался на новаго министра народнаго просвѣщенія за то, что онъ возложилъ на неумѣющаго правильно писать по-русски «нѣмца» предсѣдательствованіе въ ученомъ комитетѣ министерства. Въ дѣйствительности же членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ и состоитъ правда, тоже Радловъ, но не нѣмецъ, не академикъ и не оріенталистъ, а русскій изъ русскихъ, извѣстный профессоръ и философъ и одинъ изъ лучшихъ русскихъ стилистовъ.

Съ той же простотой разрѣшаетъ «Ежесуточный Доноситель» вопросъ о мѣрахъ борьбы съ растущей дороговизной дровъ, хлѣба, мяса, яицъ, овса,—словомъ, предметовъ первой необходимости. Вопросъ рисуется газетѣ до азбучности яснымъ: причина дороговизны—алчность «обнаглѣвшихъ» торговцевъ; причина ея безудержнаго роста — бездѣятельность городского общественнаго управленія. Въ чрезвычайномъ засѣданіи петроградской городской думы 17 марта городской голова, гр. И. И. Толстой, говорилъ, что въ борьбѣ съ дороговизной городское общественное управленіе сдѣлало все, что было ему доступно, для охраненія интересовъ населенія, и если цѣны на продукты тѣмъ не менѣе не понизились, то въ этомъ городскіе дѣятели неповинны. Письмами «столичныхъ обывателей», «читателей» и т. д. органъ одного изъ гг. Сувориныхъ заявляетъ противъ этихъ словъ рѣшительный протестъ и кричитъ: «прозѣвали»!—прозѣвали своевременно выработать таксу на продукты, усиленно закупаемые къ Пасхѣ.

Во всѣ критическія минуты промышленной жизни алчность къ наживѣ несомнѣнно играетъ нѣкоторую роль. Но все сводить къ торговой алчности, конечно, невозможно. Не она управляетъ закономъ спроса-предложенія, а наоборотъ. Дороговизна, испытываемая сейчасъ повсемѣстно, а особенно остро—въ большихъ городахъ, есть слѣдствіе сокращенія предложенія, при томъ же самомъ или, вѣрнѣе, даже увеличившемся спросѣ. Насколько увеличился въ нынѣшнемъ году предпасхальный спросъ всевозможной снѣди, цифровыя данныя еще не раскрыли. Но что онъ долженъ былъ увеличиться, въ этомъ едва-ли могутъ быть сомнѣнія. Въ связи съ войной, съ усиленнымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, съ выдачами пайковъ семьямъ запасныхъ и ратниковъ, а, главное, въ связи съ прекращеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ если не увеличилось богатство страны, то, во всякомъ случаѣ, увеличилось количество обращающихся въ странѣ денежныхъ знаковъ и повысилась покупательная способность массъ населенія. Въ газетахъ сообщалось, что городскіе ломбарды представляли передъ праздниками совершенно необычайную картину: работали не столько кассы выдачи ссудъ, сколько кассы выкупа залоговъ. И это естественно, ибо всѣ тѣ сотни милліоновъ рублей, которыя тратились на водку, пиво и вино, въ нынѣшнемъ году остались свободными. Значительная ихъ часть ушла въ сберегательныя кассы, куда приливъ денегъ безпрерывно продолжается. На другую же часть городскіе рабочіе классы усиленно покупали дрова и продукты питанія.

Но одновременно съ городомъ увеличилась сумма денежныхъ знаковъ, а равно потребительная способность, и въ деревнѣ, т.-е.

тамъ, откуда идутъ въ городъ и яйца, и творогъ, и масло, и ветчина, и телятина, и дрова. Конечно, куры несутъ яйца въ нынѣшнемъ году такъ же точно, какъ несли въ прежніе годы. Конечно, и молока даютъ коровы не меньше. Но пока, подъ вывѣсками казенныхъ винныхъ лавокъ, дѣйствовалъ выкачивавшій силы деревни насосъ, города получали дешевые предметы первой необходимости за счетъ голоданія деревни. А теперь деревня стала отправлять на городскіе рынки уже другой, значительно пониженный, излишекъ. Когда, вызванныя изъятіемъ изъ обращенія водки, новыя экономическія условія деревенской жизни окрѣпнутъ, повысится производительность деревни. На первыхъ же порахъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что крестьянская деревня, внезапно получившая возможность ѣсть болѣе сытно, прежде всего позаботилась о себѣ.

Такимъ образомъ, основная причина дороговизны предметовъ первой необходимости лежитъ неизмѣримо глубже не только алчности торговцевъ, но и нарушенія правильности подвоза грузовъ. Денежныхъ знаковъ явилось въ обращеніи вдвое больше,—деньги, слѣдовательно, стали дешевле. Исчезъ кабакъ—стало меньше голодающихъ, и тѣмъ, кто ранѣе не голодали, приходится дороже оплачивать продукты питанія. Анонимные авторы писемъ въ «Вечернее Время», хотя они проливаютъ слезы о «бѣдномъ людѣ», въ сущности пишутъ о себѣ, о своихъ собственныхъ горестяхъ и бѣдахъ. Да, людямъ средняго достатка жить сдѣлалось гораздо труднѣе. Но въ бюджетѣ крестьянъ и рабочихъ дороговизна мяса, хлѣба, яицъ и молока съ избыткомъ искупается отсутствіемъ тратъ на водку. Въ кругахъ тѣхъ же людей «средняго достатка» все чаще и громче раздаются лицемѣрныя восклицанія о денатуратѣ и политурѣ, на которыя у «бѣднаго люда» яко бы столько же уходитъ денегъ, сколько уходило прежде на водку и пиво. Конечно, въ этихъ восклицаніяхъ нѣтъ и тѣни правды. Но несомнѣнно также и то, что послѣ восьми мѣсяцевъ принудительной народной трезвости уже стали обозначаться новыя условія распредѣленія и потребленія цѣнностей въ странѣ.

Поскольку, однако, въ чрезвычайно важномъ явленіи растущей дороговизны играютъ роль и факторы иного порядка, какъ затрудненность подвоза грузовъ и злоупотребленія торговцевъ, пользующихся случаемъ для наживы, постольку нельзя отрицать, само собой разумѣется, и необходимости принятія соотвѣтственныхъ мѣръ противодѣйствія. Этимъ мѣрамъ неразумно только придавать преувеличенное значеніе. И что касается, въ частности, системы таксъ, то, какъ учитъ опытъ, ея цѣлесообразность весьма относительна. Въ Петроградѣ на каждой извощичьей пролеткѣ красуется дощечка

съ таксой. Ѣздить же по таксѣ нельзя уже въ теченіе многихъ лѣтъ. И всѣ это отлично знаютъ. Если наивный обыватель вздумаетъ ѣхать по таксѣ и принудитъ къ тому извощика при помощи городового, то онъ испытаетъ столь много удовольствія, что, конечно, второй разъ не повторитъ эксперимента. Существуетъ такая же миѳическая такса на бѣлый хлѣбъ. Даже таксы, огражденныя трехтысячными штрафами и тремя мѣсяцами заключенія въ тюрьмѣ, оказывались недолговѣчными. Для ихъ дѣйствительности приходилось ставить за прилавки городовыхъ.

Упреки по адресу городского самоуправленія, на которые, въ связи съ дороговизной, не скупятся люди «средняго достатка», объясняются, съ одной стороны, тѣмъ успокоеніемъ, которое получаетъ чувствующій себя незаслуженно обиженнымъ человѣкъ, когда ему удается найти виноватаго, а съ другой,—возможностью безбоязненно бранить и мѣшать съ грязью «отцовъ города» и давать имъ изумительныя по простотѣ и категоричности указанія. Въ какихъ рамкахъ приходится дѣйствовать въ данномъ отношеніи городскому самоуправленію,—этимъ не интересуются. Насколько мало имѣетъ городъ средствъ и способовъ дѣйствія—этого не знаютъ.

Къ предметамъ вѣдомства городского общественнаго управленія законъ, между прочимъ, относитъ «попеченіе объ устраненіи недостатка и излишней дороговизны предметовъ первой необходимости способами, имѣющимися для сего въ распоряженіи общественнаго управленія; устройство въ этихъ цѣляхъ продажи топлива, хлѣба и мяса». Такимъ образомъ, возлагая на городское самоуправленіе попеченіе какъ объ «устраненіи недостатка», такъ равно объ устраненіи «излишней дороговизны» предметовъ первой необходимости, законъ опредѣленно указываетъ лишь одинъ способъ достиженія цѣли: «устройство продажи топлива, хлѣба и мяса». Какіе же другіе имѣются у города для того въ распоряженіи способы, ближайшимъ образомъ не обозначено.

Какъ ни великъ бюджетъ Петрограда, но если бы городъ задумалъ взять въ свои руки всю торговлю топливомъ, хлѣбомъ и мясомъ, или хотя бы взять ее въ такихъ размѣрахъ, чтобы частная торговля была вынуждена съ этимъ серьезно считаться, то никакихъ средствъ не было бы достаточно. Петроградъ потребляетъ одного ржаного хлѣба пятьдесятъ тысячъ пудовъ въ день. И надо къ тому же учитывать, что городъ обязанъ былъ бы вести эту колоссальную торговую операцію завѣдомо въ убытокъ, выдерживая напряженную до послѣдней степени конкурренцію и не имѣя возможности покрывать убытки по однѣмъ отраслямъ торговли повышенной прибыльностью по другимъ. Но если бы даже городское

самоуправленіе и вступило на этотъ рискованный путь, то вопросъ не былъ бы разрѣшенъ. Вопросъ минуты не въ «излишней дороговизнѣ» предметовъ первой необходимости, самой по себѣ взятой, а въ недостаткѣ ихъ. Въ Петроградѣ нѣтъ дровъ, угля, овса, мало мяса и мало ржаной и пшеничной муки. Регулированіе же подвоза грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ находится не только внѣ власти городского самоуправленія, но и внѣ возможности съ его стороны какого бы то ни было воздѣйствія, кромѣ обращаемыхъ къ администраціи просьбъ.

Въ распоряженіи города еще имѣются только таксы и изданіе обязательныхъ постановленій. Одинъ изъ корреспондентовъ «Вечерняго Времени» возмущается тѣмъ, что несчастные обыватели вынуждены платить по 15 коп. за фунтъ творогу, по 40 коп. за десятокъ плохенькихъ яицъ и т. д., только благодаря тому, что наши городскіе дѣятели прозѣвали своевременно озаботиться выработкой таксы. И вмѣстѣ съ нимъ возмущаются руководители газеты. Если же однако они дали бы себѣ трудъ прочесть законъ,—положеніе объ общественномъ управленіи Петрограда 1903 г. (ст. 54 п. 14),—то узнали бы, что ни на яйца, ни на молочные продукты, ни на дрова, ни на овесъ городская дума устанавливать таксы не имѣетъ права. Изъ предметовъ первой необходимости распоряженіемъ города могутъ быть устанавливаемы таксы исключительно на хлѣбъ и мясо. Слѣдовательно, если и признавать спасительную силу системы таксъ, укорять городъ въ томъ, что онъ что-то «прозѣвалъ» передъ Пасхой, не приходится.

Борьба города съ «излишней дороговизной» обязательными постановленіями представляется съ формальной стороны весьма спорной, а въ смыслѣ цѣлесообразности—сомнительной. Ст. 99 положенія 1903-го года ограничительно исчисляетъ «предметы», по которымъ могутъ быть составляемы обязательныя постановленія, и среди этихъ «предметовъ» упоминанія объ урегулированіи производства торговли не имѣется. Съ другой стороны, обязательныя постановленія органовъ самоуправленія, по ихъ сути, представляютъ собою не что иное, какъ карательныя правила, издаваемыя въ развитіе общихъ нормъ уголовнаго закона. А потому бороться ими можно только съ злоупотребленіями отдѣльныхъ лицъ, а отнюдь не съ экономическими причинами такихъ сложныхъ явленій, какъ недостатокъ и дороговизна предметовъ первой необходимости. Ни на урегулированіе подвоза, ни на пониженіе цѣнъ въ мѣстахъ производства, воздѣйствовать обязательными постановленіями невозможно.

Въ предѣлахъ дѣйствующаго закона должно, какъ это ни

грустно, сказать, что городское самоуправленіе не обладаетъ средствами осуществленія возложенной на него обязанности попеченія «объ устраненіи недостатка и излишней дороговизны предметовъ первой необходимости». И петроградская городская дума, въ засѣданіи 17 марта, это опредѣленно высказала. Дума возбудила ходатайство передъ правительствомъ «объ образованіи особаго центральнаго имперскаго комитета изъ представителей заинтересованныхъ министерствъ, городовъ, земствъ, кооперативовъ, общественныхъ организацій и биржевыхъ комитетовъ, для выясненія наличныхъ запасовъ продуктовъ, регулированія правильнаго подвоза ихъ въ большіе центры потребленія, въ мѣста обсѣмененія и неурожайныя мѣста и для выработки мѣръ обезпеченія населенія и промышленности предметами первой необходимости и согласованія и объединенія всѣхъ мѣръ по борьбѣ съ дороговизной, принимаемыхъ на мѣстахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ городская дума, сознавая, что обстоятельства минуты налагаютъ на нее обязанность не только просить и ходатайствовать, но и безотлагательно дѣйствовать, рѣшила образовать городскія торговыя попечительства по типу попечительствъ санитарныхъ, съ объединеніемъ ихъ дѣятельности въ существующемъ при городскомъ головѣ комитетѣ по мѣропріятіямъ военнаго времени. Но это рѣшеніе градоначальникомъ опротестовано и потому приведеніе его въ исполненіе пріостановлено.

Въ обычномъ порядкѣ разсматривались и шаблонный получили исходъ два дѣла, возникшія по поводу статей В. А. Маклакова, напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Русской Мысли» вслѣдъ за окончаніемъ процесса Бейлиса. Обвинительная власть усмотрѣла въ статьяхъ признаки дѣянія, предусмотрѣннаго п. 3 ст. 1034^3 улож. о наказ. Къ отвѣтственности были привлечены авторъ и редакторы: «Русскихъ Вѣдомостей» — П. В. Егоровъ, «Русской Мысли»—П. Б. Струве. Московскій окружный судъ призналъ всѣхъ троихъ виновными и назначилъ каждому два мѣсяца ареста при тюрьмѣ.

Изъ статьи, напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», В. А. Маклакову инкриминировались «завѣдомо ложныя» утвержденія, что «исключительное разслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго было наряжено въ угоду правымъ партіямъ», что власть дѣйствовала «въ угоду двуглавцамъ» и слѣдствію была поставлена задача доказать, «что Ющинскаго убили жиды», въ виду чего виновнымъ была обезпечена безнаказанность, и они за это платили «лжесвидѣтельствомъ на невиннаго». Изъ статьи же, напечатанной въ журналѣ и уже по одному тому имѣвшей значительный объемъ и со-

державшей немало разнообразныхъ утвержденій и мыслей, преступный характеръ былъ, въ сущности, усмотрѣнъ въ одномъ единственномъ словѣ: «замяли». По выводу обвинительнаго акта В. А. Маклаковъ и П. Б. Струве обвинялись въ томъ, что они «сообщили завѣдомо ложныя свѣдѣнія о дѣятельности органовъ правительственной власти въ г. Кіевѣ, возбуждающія въ населеніи враждебныя къ нимъ отношенія, а именно, что представители правительственной власти г. Кіева «замяли» дѣло о разбрасываніи преступныхъ прокламацій на могилѣ Андрея Ющинскаго въ день его похоронъ».

И что П. Б. Струве предстоятъ два мѣсяца лишенія свободы только за одно это слово, имъ, по праву редактора, не вычеркнутое и не замѣненное синонимомъ, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій діалогъ между предсѣдателемъ суда и В. А. Маклаковымъ, имѣвшій мѣсто послѣ подробныхъ и весьма многосторонникъ по содержанію объясненій послѣдняго.

Предсѣдатель.—«Обвиняемый Маклаковъ, угодно ли вамъ отвѣтить на такой вопросъ: считаете ли вы возможнымъ о всякомъ прекращенномъ дѣлѣ заявить, что оно замято?».

Маклаковъ.—«Конечно, нѣтъ. Я говорю, что дѣло замято, если можно было виновника найти, но власть этого не захотѣла. Именно въ этомъ смыслѣ я и сказалъ, что дѣло о разбрасываніи прокламацій было замято, и въ подтвержденіе этого просилъ слѣдователя осмотрѣть самое дѣло. Но онъ этого не сдѣлалъ».

Предсѣдатель.—«Вы говорили, что власть должна быть гарантирована отъ нареканій. Интересно знать, чѣмъ гарантирована тогда судебная власть отъ упрековъ, что дѣло замято, разъ оно прекращено?»

Маклаковъ.—«Она гарантирована отвѣтственностью говорящаго. Если вы осмотрите дѣло и найдете, что оно прекращено было правильно, я охотно приму наказаніе. Но вы должны это дѣло истребовать и осмотрѣть, чтобы имѣть право сказать, что я ошибаюсь».

Предсѣдатель.—«Но мы не можемъ провѣрять правильность дѣйствій административной власти».

Маклаковъ.—«Вы должны ее провѣрить, если хотите обвинять меня по статьѣ, которая караетъ за сообщеніе завѣдомо ложныхъ свѣдѣній. Вы не имѣете права обвинять по ней и въ то же время отказываться убѣдиться, что правда на моей сторонѣ».

Итакъ, судомъ признана завѣдомая лживость въ томъ, ссылку на фактическую правдивость чего судъ не счелъ себя въ правѣ провѣрить. Если твердо стоять на отрицаніи права суда повѣрять «правильность дѣйствій административной власти», то разъ предметъ

обвиненія составляетъ заявленіе подсудимаго въ печати, что эти дѣйствія были неправильны, юридически возможнымъ представляется одинъ исходъ: оправдательный приговоръ по недоказанности обвиненія. Ибо законъ караетъ «распространеніе посредствомъ печати завѣдомо ложныхъ... свѣдѣній». Слѣдовательно, на обвиненіи лежитъ обязанность доказать лживость свѣдѣнія даже въ двоякомъ отношеніи: наличность лживости объективной и субъективной. И пока утвержденія подсудимаго, что онъ писалъ правду, не опровергнуты, обвинительный приговоръ будетъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ основами уголовнаго права и процесса. В. А. Маклакову принадлежало неотъемлемое право требовать, чтобы судъ, прежде осужденія его, установилъ, правильно ли или неправильно было прекращено дѣло о разбрасываніи прокламацій на могилѣ Ющинскаго, т. е. было ли дѣло прекращено въ порядкѣ закономъ или «замято».

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца изъ устъ въ уста передавались слухи о раскрытомъ шпіонствѣ и объ изобличеніи въ позорнѣйшемъ изъ позорныхъ преступленій бывшаго жандармскаго офицера, подполковника Мясоѣдова, памятнаго по толкамъ, которые нѣсколько лѣтъ назадъ связывались съ его именемъ и имѣли слѣдствіемъ его дуэль съ А. И. Гучковымъ. Эти слухи получили подтвержденіе въ сообщеніи штаба верховнаго главнокомандующаго, опубликованномъ 21 марта.

Сообщеніе гласитъ: «На основаніи полученныхъ свѣдѣній о дѣятельности подполковника Мясоѣдова, занимавшаго должность переводчика при штабѣ 10-й арміи, за нимъ было установлено наблюденіе. Какъ только послѣднее подтвердило предположеніе о преступномъ характерѣ дѣятельности этого штабъ-офицера, имѣвшаго сношенія съ агентами одной изъ воюющихъ съ нами державъ, онъ былъ арестованъ. Въ связи съ нимъ были арестованы и другія заподозрѣнныя въ той же преступной дѣятельности лица, не принадлежащія къ составу арміи. Назначенное надъ Мясоѣдовымъ и его соучастниками слѣдствіе вполнѣ опредѣленно установило несомнѣнную виновность перваго. Въ виду этого Мясоѣдовъ былъ преданъ военно-полевому суду по обвиненію въ шпіонствѣ и мародерствѣ. Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе. Что касается остальныхъ соучастниковъ этого тяжкаго преступленія, то слѣдствіе о нихъ продолжается для исчерпывающаго выясненія всѣхъ сопричастныхъ къ дѣлу лицъ. По мѣрѣ установленія ихъ виновности, они будутъ предаваться соотвѣтственному суду».

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Восьмой мѣсяцъ войны).

Самымъ крупнымъ событіемъ за истекшій мѣсяцъ было паденіе первоклассной австрійской крѣпости Перемышля. Нѣкоторые военные спеціалисты считаютъ Перемышль наиболѣе сильной крѣпостью всей центральной Европы. Во всякомъ случаѣ онъ былъ значительно сильнѣе всякой другой крѣпости, которая становилась объектомъ военныхъ дѣйствій въ теченіе настоящей войны. Укрѣпленія Перемышля гораздо новѣе и вслѣдствіе этого сильнѣе фортовъ Антверпена, Мобежа, Льежа и Намюра, взятыхъ германцами на западномъ театрѣ войны. Въ то же время Перемышль нельзя и сравнивать по его значенію съ второстепенными австрійскими крѣпостями Ярославомъ, Сенявой, Миколаевымъ и Галичемъ, взятыми нами въ Галиціи. Это была наиболѣе сильная изъ австрійскихъ крѣпостей и самый важный пунктъ обороны на сѣверномъ галиційскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, и поэтому его паденіе не могло не оказать очень большого вліянія на весь дальнѣйшій ходъ кампаніи.

Къ Перемышлю мы впервые подошли въ началѣ сентября послѣ окончанія боевъ въ восточной Галиціи. Вслѣдъ за паденіемъ Сенявы и Ярослава, Перемышль былъ обложенъ нашими войсками, а въ 20-хъ числахъ сентября нами былъ предпринятъ штурмъ отдѣльныхъ перемышльскихъ фортовъ, увѣнчавшійся частичнымъ успѣхомъ и давшій въ свое время поводъ къ возникновенію слуховъ о паденіи Перемышля, проникшихъ даже въ печать. Взять крѣпость открытымъ штурмомъ намъ въ то же время все-таки не удалось, а вслѣдъ за тѣмъ общее наступленіе германцевъ и австрійцевъ на линію Вислы и Сана заставило насъ снять блокаду Перемышля. Возобновилась эта блокада только послѣ отступленія австрійцевъ съ Сана, именно 30 октября. Въ теченіе долгаго времени мы ограничивались только блокадой, и болѣе правильныя осадныя работы начались не ранѣе января, когда впервые появилась подъ Перемышлемъ наша осадная артиллерія. Но и эти осадныя работы велись очень осторожно, и до самаго конца операцій наше обложеніе крѣпости оставалось широкимъ. Не далѣе, какъ 3 марта сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомляло о томъ, что наши войска на сѣверномъ фронтѣ Перемышля заняли высоту на

ружейномъ выстрѣлѣ отъ фортовъ. Еще позже было сообщеніе о занятіи нами селенія Красновице на западномъ фронтѣ и объ отѣсненіи гарнизона къ крѣпости на линію фортовъ. Иными словами вплоть до самаго паденія крѣпости, мы еще оставались на довольно значительномъ разстояніи отъ крѣпостныхъ фортовъ и не переходили къ непосредственной атакѣ на эти укрѣпленія.

Перемышльскій гарнизонъ все время осады придерживался очень активнаго образа дѣйствій и производилъ многочисленныя вылазки большими силами. Наиболѣе крупные размѣры изъ всѣхъ этихъ вылазокъ имѣли двѣ. Одна изъ нихъ была произведена въ началѣ декабря въ юго-западномъ направленіи къ селенію Бирчѣ на соединеніе съ австрійскими арміями, наступавшими въ тотъ моментъ черезъ Карпаты. Другая особенно крупная вылазка была произведена уже почти наканунѣ паденія крѣпости 6 марта. Этой вылазкѣ предшествовала въ теченіе цѣлыхъ сутокъ ураганная артиллерійская стрѣльба крѣпостныхъ фортовъ на сѣверномъ и южномъ фронтахъ. Въ теченіе сутокъ австрійцами было здѣсь истрачено до 20.000 снарядовъ, причинившихъ впрочемъ намъ очень незначительныя потери, не превышавшія 70 человѣкъ. На другой день рано утромъ 6 марта австрійцы предприняли большую вылазку въ восточномъ направленіи, при чемъ въ составѣ вылазочной колонны была вся 23-я гонведная дивизія и еще нѣкоторыя другія части. Вылазка производилась съ большимъ упорствомъ и была окончательно отбита нами только къ 8 часамъ дня; австрійцамъ не удалось достигнуть нашихъ окоповъ и они, понеся огромныя потери, были отброшены на линію фортовъ, при чемъ намъ досталось очень большое количество плѣнныхъ (107 офицеровъ и 3.954 нижнихъ чина) и 16 пулеметовъ.

Безумная трата снарядовъ 5 марта и вылазка 6 марта, не обѣщавшая крупнаго успѣха даже въ случаѣ удачи, уже были яснымъ признаками того, что крѣпость доживаетъ послѣдніе дни и что сдачи ея можно ждать со дня на день. И дѣйствительно эта сдача послѣдовала черезъ 3 дня послѣ послѣдней вылазки, именно утромъ 9 марта. При этомъ обнаружилось, что гарнизонъ крѣпости значительно превышаетъ силы, которыя требовались длиной крѣпостного обвода. Вмѣсто нормальнаго гарнизона въ 40 или самое большее 60 тысячъ человѣкъ въ Перемышлѣ до конца осады сохранилось 120.000 человѣкъ, а принимая во вниманіе значительное число убитыхъ и попавшихъ къ намъ въ плѣнъ еще до сдачи солдатъ, можно опредѣлить первоначальныя силы крѣпостного гарнизона не менѣе, чѣмъ въ 150.000 человѣкъ. Повидимому, такая величина гарнизона, переобремененіе крѣпости живой силой и послужило одной изъ . . . . . причинъ, ... скораго паденія

крѣпости. Такой чрезмѣрный гарнизонъ не только не увеличивалъ обороноспособности крѣпости, но наоборотъ значительно ослаблялъ ее, потому что крѣпостные склады и запасы были разсчитаны конечно не на такой колоссальный гарнизонъ, и запасы крѣпости, которыхъ для нормальнаго гарнизона хватило бы вѣроятно не менѣе, какъ на годъ, были истощены уже въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Да и крѣпостныя помѣщенія, не разсчитанныя на такое количество людей, не могли предоставить гарнизону необходимыхъ удобствъ, что способствовало развитію эпидемическихъ заболѣваній . . . . . .

. . . . . .

До сихъ поръ еще пока нельзя вполнѣ точно отвѣтить на вопросъ: случайно или не случайно были заперты въ Перемышлѣ такія большія австрійскія силы. Повидимому, это все-таки было не случайно. Отступленіе австрійцевъ съ линіи Сана было выполнено 23-го октября, а обложеніе нами Перемышля закончилось только къ 30 октября. Въ виду этого у австрійцевъ было около недѣли времени для того, чтобы отвести свои войска изъ крѣпости. А кромѣ того, какъ теперь извѣстно, австрійцы уже послѣ того, какъ выяснился исходъ боевъ въ западной Польшѣ на средней Вислѣ, предвидя необходимость очистить линію Сана, еще задолго до 23 октября отводили назадъ свои обозы и тяжелую артиллерію. Вслѣдствіе этого они, разумѣется, могли и не перегружать Перемышль излишними силами. Во всякомъ случаѣ послѣ 23 октября и вплоть до обложенія Перемышля, не было никакихъ крупныхъ боевъ, въ результатѣ которыхъ австрійскія силы были бы отброшены на Перемышль и отрѣзаны отъ другихъ путей отступленія. Поэтому, надо думать, что австрійцы умышленно оставили въ Перемышлѣ такія большія силы, которыя значительно превышаютъ нормальную численность гарнизона и которыя должны были не столько оборонять самую крѣпость, сколько выполнять болѣе важную задачу. Очевидно, австрійцы считали свое отступленіе съ линіи Сана непродолжительнымъ и разсчитывали въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ вновь повторить попытку своего наступленія на восточную Галицію. Ради этого они именно и оставили подъ Перемышлемъ значительныя силы, съ одной стороны, чтобы не отводить ихъ безъ нужды назадъ, а съ другой—въ разсчетѣ на то, что находящіяся въ Перемышлѣ полевыя войска окажутъ могущественное содѣйствіе новому австрійскому наступленію.

Эти разсчеты оказались совершенно ошибочными. Правда, австрійцы, вскорѣ послѣ своего отступленія съ Сана, возобновили попытки вновь продвигаться впередъ, и уже въ декабрѣ ихъ на-

ступленіе носило очень рѣшительный характеръ, но эти попытки оказались совершенно безрезультатными. Наши войска остановили австрійцевъ на Карпатахъ и на линіи рѣки Дунайца, и всѣ попытки австрійцевъ пробиться дальше оказались безрезультатными. Многочисленный гарнизонъ Перемышля не могъ подать руку помощи пробивающимся впередъ полевымъ австрійскимъ войскамъ, и крѣпость оставалась отрѣзанной. Чѣмъ долѣе длилась осада, тѣмъ больше давало себя чувствовать переобремененіе крѣпости гарнизономъ, и, наоборотъ, чѣмъ ближе выступала опасность паденія крѣпости, тѣмъ настойчивѣе становились попытки австрійцевъ выручить ее. Еще въ январѣ австрійцы выбирали для своихъ атакъ такія направленія на Карпатскомъ фронтѣ, которыя не выводили ихъ непосредственно къ Перемышлю. Въ то время они еще разсчитывали на возможность пробиться къ Львову и достигнуть однимъ ударомъ чего-либо болѣе крупнаго, чѣмъ выручка Перемышля. Но ихъ дальнѣйшія атаки, сосредоточенныя на Балигродскомъ направленіи, выводящемъ скорѣе всего къ Перемышлю, свидѣтельствовали о томъ, что они понимали опасное положеніе крѣпости и спѣшили придти ей на помощь. Австрійское наступленіе на Балигродскомъ направленіи носило особенно бурный характеръ; атаки здѣсь непрерывно слѣдовали одна за другой, и австрійцы не останавливались при этомъ передъ самыми тяжелыми потерями. И все-таки ихъ усилія оказались тщетными—они не могли прорвать линію расположенія нашихъ войскъ и пробиться къ Перемышлю, и 9 марта Перемышль капитулировалъ безъ всякихъ условій.

Паденіе этой крѣпости несомнѣнно будетъ имѣть очень большое значеніе. Прежде всего оно освобождаетъ значительныя наши силы, цѣлую армію генерала Селиванова, которая осаждала Перемышль. О численности этой арміи въ нашемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но во всякомъ случаѣ она не можетъ быть менѣе численной, чѣмъ силы гарнизона, которыя, какъ уже сказано, первоначально достигали не менѣе 150.000 человѣкъ. Эта осадная армія состояла преимущественно изъ второочередныхъ полковъ и ополченскихъ дружинъ, но продолжительное стояніе подъ крѣпостью и непрерывные бои, которые приходилось предпринимать для отраженія вылазокъ гарнизона и для атакъ на непріятельскія укрѣпленныя позиціи, дали нашимъ войсковымъ частямъ необходимый опытъ и боевую практику, такъ что врядъ ли можно предполагать, чтобы эти второочередныя части и ополченскія дружины уступали въ настоящее время первоочереднымъ полкамъ. Во всякомъ случаѣ въ данный моментъ освободилась большая армія, появленіе которой на томъ или другомъ участкѣ нашего боевого фронта можетъ сыграть

рѣшающую роль. Но это еще не самое важное послѣдствіе паденія Перемышля. Еще большую роль играетъ то обстоятельство, что за нами теперь обезпечена полная свобода маневрированія на западно-галиційскомъ и на карпатскомъ фронтахъ. До послѣдняго времени линія расположенія нашихъ главныхъ силъ на Карпатахъ находилась на нѣкоторыхъ участкахъ всего въ 50—60 верстахъ отъ линіи перемышльскихъ фортовъ, т.-е. на такомъ разстояніи, на которомъ маневренное значеніе первоклассной крѣпости еще даетъ себя сильно чувствовать. Намъ все время приходилось считаться съ возможностью, что какая-нибудь случайная удача австрійцевъ дастъ имъ возможность прорваться въ какомъ-нибудь мѣстѣ черезъ линію расположенія нашихъ войскъ и войти въ сношенія съ Перемышлемъ. Такой случайный прорывъ, не опасный при другихъ условіяхъ, или даже наоборотъ опасный для самого прорывающагося при данныхъ условіяхъ, при наличности для нашихъ противниковъ такого сильнаго опорнаго пункта, какъ Перемышль, могъ бы быть чреватъ для насъ очень тяжелыми послѣдствіями. Въ виду этого нашимъ главнымъ силамъ, стоявшимъ въ западной Галиціи и на карпатскомъ фронтѣ, приходилось не столько думать о выполненіи самостоятельныхъ операцій, сколько о прикрытіи операцій, происходившихъ подъ Перемышлемъ. Иными словами, Перемышль связывалъ не только осадную армію Селиванова, но и главныя наши силы на австрійскомъ фронтѣ, которыя теперь получили полную свободу. Наконецъ, взятіе Перемышля предоставило въ наше распоряженіе всю желѣзнодорожную сѣть Галиціи, тогда какъ до сихъ поръ главныя двухколейныя линіи были заперты Перемышлемъ и намъ приходилось довольствоваться преимущественно обходными одноколейными или подъѣздными путями. Извѣстную цѣну имѣетъ наконецъ и моральное значеніе паденія Перемышля. Оно является, такъ сказать, явной безспорной нашей побѣдой и столь же явнымъ пораженіемъ Австріи. Сообщенія австрійскаго генеральнаго штаба довольно легко раньше успокаивали общественное мнѣніе относительно неудачъ австрійской арміи, объясняя ея отступленіе стратегическими соображеніями и преувеличивая нѣкоторые отдѣльные частичные успѣхи, которыхъ удавалось достигнуть австрійцамъ. Фактъ паденія Перемышля нельзя, конечно, оправдать никакими стратегическими соображеніями, и онъ можетъ быть воспринятъ австрійскимъ общественнымъ мнѣніемъ не иначе, какъ тяжелое пораженіе Австріи. Такое же впечатлѣніе сдача крѣпости произвела и въ нейтральныхъ странахъ, общественнымъ мнѣніемъ которыхъ Австрія, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, считала нужнымъ дорожить.

Всѣ эти послѣдствія паденія Перемышля не могутъ, конечно, сказаться немедленно. Для эвакуаціи плѣнныхъ изъ крѣпости по-

требуется довольно продолжительное время. Еще большее время нужно для того, чтобы переправить осадную армію на какой-либо другой участокъ фронта. Равнымъ образомъ и для возстановленія желѣзнодорожнаго сообщенія тоже нужно извѣстное время. Поэтому въ теченіе истекшаго мѣсяца вліяніе паденія Перемышля еще не успѣло сказаться въ полной мѣрѣ, и главные результаты его мы увидимъ лишь въ будущемъ мѣсяцѣ. Тѣмъ не менѣе на галиційскомъ фронтѣ уже и теперь начали намѣчаться нѣкоторыя перемѣны, имѣющія довольно существенное значеніе. Какъ извѣстно, въ серединѣ января, мы до извѣстной степени вели наступленіе въ области западныхъ карпатскихъ, Дуклинскихъ проходовъ, но это наступленіе не было глубокимъ и скоро остановилось послѣ того, какъ мы заняли Свидникъ, Мезо-Лаборчъ и Лупковъ. Равнымъ образомъ нѣсколько продвигались впередъ въ январѣ мы также и въ области верхняго Сана, но и здѣсь наше продвиженіе не было глубоко. Затѣмъ какъ въ области Дуклинскихъ проходовъ, такъ и на верхнемъ Санѣ австрійцы вновь перешли къ наступленію, а мы въ теченіе всего февраля придерживались строго оборонительнаго образа дѣйствій, ограничиваясь отраженіемъ непріятельскихъ атакъ или самое большее короткими контръ-ударами. Въ этихъ ожесточенныхъ атакахъ энергія австрійцевъ была въ значительной степени исчерпана и силы ихъ подорваны. Съ тѣхъ поръ, какъ началось большое карпатское сраженіе, т.-е. приблизительно съ 8-го января, австрійцы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ непрерывныхъ боевъ потеряли на Карпатскомъ фронтѣ одними плѣнными не менѣе 90.000 человѣкъ, число же ихъ убитыхъ и раненыхъ, конечно, должно было быть гораздо больше. Наступающей стороной являлись австрійцы, и мы ни въ одномъ случаѣ не преслѣдовали ихъ достаточно глубоко, а при такихъ условіяхъ потери австрійцевъ плѣнными могутъ составлять лишь относительно небольшую часть ихъ общихъ потерь. Поэтому, если австрійцы потеряли плѣнными 90.000 человѣкъ, ихъ потери убитыми и ранеными должны исчисляться сотнями тысячъ человѣкъ. Не достигнувъ никакихъ положительныхъ результатовъ, не сбивъ насъ съ Карпатъ и не прорвавшись на выручку Перемышля, австрійцы въ этихъ непрерывныхъ двухмѣсячныхъ бояхъ уложили цѣлую большую армію. Около 7 марта возобновились наши активныя операціи на западномъ участкѣ карпатскаго фронта въ районѣ Свидника по направленію на Бартфельдъ, у Мезо Лаборча и въ районѣ Лупкова. Первый рѣшительный ударъ былъ нанесенъ нами австрійцамъ въ районѣ Лупкова, гдѣ мы захватили важнѣйшія австрійскія укрѣпленныя позиціи на главномъ хребтѣ Бескидъ. Это заставило австрійцевъ оттянуть назадъ и свои силы на нѣко-

торыхъ участкахъ Балигродскаго направленія. Вслѣдъ за тѣмъ началось наше наступленіе въ районѣ Свидника и Бартфельда, и къ настоящему времени русскія войска приближаются къ Бартфельду. Еще позже началось наше наступленіе въ области верхняго Сана. Пока за нѣсколько дней наше наступленіе, встрѣтившее упорное сопротивленіе австрійцевъ и ведущееся на Карпатскихъ горахъ, еще покрытыхъ снѣгами, не могло быть очень глубокимъ, и его успѣхи выражаются не столько въ занятіи территоріи, сколько въ пораженіи живой силы противника, его полевой арміи. За двѣ недѣли, съ 8 по 23 марта включительно, въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго упоминается о взятыхъ нами въ плѣнъ 50.000 австрійцевъ съ нѣсколькими сотнями офицеровъ, 23 орудіями и очень большимъ числомъ пулеметовъ. Но надо имѣть въ виду, что сообщенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго даютъ лишь предварительныя цифры, въ большинствѣ случаевъ еще не полныя. Болѣе поздніе по времени обзоры «Армейскаго Вѣстника» опредѣляютъ потери австрійцевъ плѣнными въ значительно болѣе крупныхъ цифрахъ, приблизительно въ полтора раза превышающихъ цифры, даваемыя сообщеніями штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Въ виду этого дѣйствительныя потери австрійцевъ плѣнными въ теченіе означенной недѣли достигаютъ, вѣроятно, 70.000 человѣкъ. Раньше австрійцы за два мѣсяца потеряли 90.000 плѣнныхъ, теперь за двѣ лишь недѣли число такихъ плѣнныхъ составляетъ 50.000 или, можетъ быть, 70.000 человѣкъ. Это является до извѣстной степени показателемъ перемѣны характера операцій, ведущихся на Карпатахъ.

Австрійцы не сразу отказались отъ иниціативы на карпатскомъ фронтѣ. Мѣстами они все-таки пробовали вести наступленіе, но всѣ подобнаго рода попытки носили частный характеръ и оставались по-прежнему безуспѣшными. Съ большей энергіей держались германцы на Мункачскомъ направленіи, гдѣ они изо дня въ день долбили наши позиціи у Козювки, съ упорствомъ, далеко оставляющимъ за собою аналогичныя атаки германцевъ на Изерѣ и у Ипра въ Бельгіи, или на Бзурѣ и Равкѣ въ западной Польшѣ. Линіи Козювки германцы достигли еще въ 20-хъ числахъ января, и уже 25 января они произвели здѣсь въ одинъ день 22 атаки. Съ тѣхъ поръ въ теченіе полутора мѣсяцевъ не было почти что ни одного дня, когда бы они не возобновляли своихъ атакъ въ этомъ направленіи, и названіе Козювки стало однимъ изъ самыхъ популярныхъ именъ, выдвинувшихся въ теченіе настоящей войны. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти атаки, производимыя со страшной энергіей, оставались безрезультатными, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ германцамъ не удалось здѣсь продвинуться впередъ.

Не произошло также никакихъ перемѣнъ и на болѣе восточномъ Вышковскомъ направленіи. Здѣсь положеніе сторонъ оставалось въ теченіе истекшаго мѣсяца такимъ же, какимъ оно было еще въ январѣ.

Болѣе оживленный характеръ носили военныя дѣйствія въ восточной Галиціи на такъ называемомъ Мармарошскомъ направленіи. Наступленіе австрійцевъ, ведшееся въ первой половинѣ февраля, было нами остановлено на путяхъ къ Долинѣ и Галичу. 19 февраля мы взяли обратно Станиславовъ, занятый австрійцами 7 февраля, и начали постепенно сбивать австрійцевъ къ югу по направленію къ Надворной и Коломыгѣ. Отступавшіе австрійцы заняли укрѣпленныя позиціи у Цуцилува и Отыни, и здѣсь около 6 марта начались бои, которые по опредѣленію «Армейскаго Вѣстника» носили ожесточенный характеръ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ исходѣ этихъ боевъ опубликовано не было, и всѣ свѣдѣнія съ этого участка нашего фронта касались преимущественно небольшихъ столкновеній въ еще болѣе восточной части Галиціи, примыкающей непосредственно къ Буковинѣ, къ области средняго Днѣстра, въ районѣ Нижніова и Залещиковъ, гдѣ австрійцы дѣлали по временамъ попытки переправиться на лѣвый берегъ рѣки,—попытки безъ особенно большого труда отбиваемыя нами.

15-го марта довольно значительный австрійскій отрядъ, выступившій изъ Черновицъ, перешелъ нашу границу и вторгся въ предѣлы Бессарабіи, направляясь къ Хотину. Это вторженіе въ наши предѣлы могло имѣть какой-либо смыслъ только какъ демонстрація или средство хотя бы немного загладить горечь паденія Перемышля и поднять упавшее настроеніе австрійскаго общества. Вести дѣйствительно серьезное наступленіе въ этомъ направленіи австрійцы никоимъ образомъ не могли. Они прежде всего были бы не въ состояніи развернуть на узкомъ пространствѣ между Днѣстромъ и румынской границей значительныя силы, а затѣмъ при своемъ дальнѣйшемъ проникновеніи въ наши предѣлы австрійцы ставили бы въ опасное положеніе свои собственныя войска, которымъ грозила бы опасность быть прижатыми къ румынской границѣ. Австрійское вторженіе въ Бессарабію было ликвидировано очень скоро. Уже 17-го марта австрійскія войска были разбиты нами у деревни Шиловцы и Малинцы, потерявъ одними плѣнными 33 офицера и 2.100 нижнихъ чиновъ, послѣ чего они отошли къ своей границѣ. 21-го и 22-го марта послѣдовало новое сраженіе уже въ Буковинѣ въ районѣ села Окна (къ сѣверу отъ Черновицъ) и австрійцы понесли новое пораженіе, потерявъ плѣнными 1.000 человѣкъ.

Въ западной Польшѣ рѣшительныхъ боевъ и крупныхъ пере-

мѣнъ въ общемъ положеніи въ теченіе всего истекшаго мѣсяца не было. Германцы неоднократно предпринимали здѣсь демонстраціи съ цѣлью отвлеченія нашего вниманія отъ другихъ фронтовъ. Чаще всего демонстраціи предпринимались въ районѣ Пилицы и по временамъ носили очень серьезный характеръ, о чемъ можно судить хотя бы потому, что они влекли за собою очень большія потери для германцевъ, опредѣляемыя нашими оффиціальными источниками около 25.000 человѣкъ. По временамъ эти демонстраціи велись сразу въ нѣсколькихъ направленіяхъ на Бзурѣ, у Равы, на Пилицѣ, у Богуслава и Лопушино, и одно время можно было думать, что дѣйствія германцевъ носятъ здѣсь не просто демонстративный характеръ, а преслѣдуютъ болѣе серьезную цѣль. Но дальнѣйшія событія показали, что такое предположеніе было ошибочно, и германцы не вели здѣсь серьезнаго рѣшительнаго наступленія. Положеніе сторонъ здѣсь въ теченіе мѣсяца оставалось почти не измѣненнымъ и представляется теперь такимъ же, какимъ оно было въ 20-хъ числахъ января послѣ безумныхъ германскихъ атакъ въ районѣ Боржимова. Главныя силы обѣихъ сторонъ все-таки сосредоточены въ западной Польшѣ, но въ данный моментъ онѣ всѣ бездѣйствуютъ.

На восточно-прусскомъ фронтѣ бои въ большомъ масштабѣ продолжались въ теченіе всего мѣсяца, но до сихъ поръ не привели ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Русская побѣда у Прасныша, одержанная къ 15 февраля, не имѣла такого рѣшающаго значенія, какой можно было приписывать ей въ первое время. Правда, германскія войска послѣ этого довольно поспѣшно отступили къ своей границѣ и, согласно сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 19 февраля, боевыя столкновенія здѣсь происходили на фронтѣ между Млавой и Хоржеле, т.-е. у самой германской границы. Но черезъ нѣсколько дней наши оффиціальныя донесенія уже отмѣчали появленіе значительныхъ силъ германцевъ, ведшихъ наступленіе къ югу отъ Хоржеле, а въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 25 февраля говорилось о наступленіи непріятеля «значительными силами, полученными путемъ перегруппировки за счетъ Гродненскаго района, а также вновь подвезенныхъ изъ внутреннихъ областей Германіи». Частныя сообщенія петроградскихъ газетъ опредѣляли силы противника, дѣйствовавшаго въ Прасныпскомъ районѣ, очень крупными цифрами, доходящими чуть не до 10 корпусовъ. Но, несмотря на наличность здѣсь очень большихъ германскихъ силъ, ихъ наступленіе велось, начиная съ перваго же дня, очень вяло и медленно. Уже 27 февраля наши оффиціальныя донесенія отмѣчали, что наступленіе непріятеля сдерживается нашими войсками. Въ дальнѣйшемъ все время непріятель-

скія атаки чередовались съ нашими контръ-атаками, и въ общемъ германское наступленіе велось отнюдь не съ той энергіей, какую оно проявляло обыкновенно на другихъ участкахъ фронта. Вялость германскаго наступленія въ Праснышскомъ районѣ давала поводъ думать, что обнаруженіе именно здѣсь очень значительныхъ силъ, произведенное къ тому же безъ острой необходимости, имѣло до извѣстной степени демонстративный характеръ и должно было отвлечь сюда наши силы, для того чтобы впослѣдствіи германцы могли сразу перекинуться на какой-нибудь другой участокъ фронта. Но дальнѣйшія событія показали, что въ германскомъ наступленіи въ Праснышскомъ районѣ демонстраціи не было, потому что все-таки, несмотря на вялость этого наступленія, Праснышскій районъ представлялъ районъ относительно наибольшаго проявленія германской энергіи на нашемъ сѣверномъ фронтѣ. На всѣхъ другихъ участкахъ восточно-прусскаго фронта германцы либо совсѣмъ не дѣлали попытокъ вести наступленіе, либо вели это наступленіе еще съ меньшей энергіей, чѣмъ въ Праснышскомъ районѣ.

Главное измѣненіе въ теченіи боевъ, шедшихъ въ Праснышскомъ районѣ, сводилось къ тому, что область этихъ боевъ постоянно расширялась на востокъ и достигла, въ концѣ концовъ, до р. Писсы, т.-е. стала уже охватывать не только Праснышскій районъ, но и всѣ пути, ведущіе съ сѣвера къ Остроленкѣ и Новограду. Однако, линія боевыхъ столкновеній въ теченіе нѣсколькихъ недѣль подрядъ оставалась почти неизмѣнной. Уже въ первыхъ числахъ марта фронтъ боевыхъ столкновеній шелъ приблизительно по линіи деревень Серафинъ, Тартакъ, Вахъ, Завады, Зіомекъ, Едноорожецъ, Мхово, т.-е. въ общемъ шелъ приблизительно на половинномъ разстояніи между германской границей и линіей теченія рѣки Нарева. Позднѣйшія донесенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго упоминаютъ всѣ тѣ же названія деревень, и за двѣ слишкомъ недѣли ни та, ни другая сторона не могли сколько-нибудь значительно продвинуться впередъ. Праснышское сраженіе осталось до сихъ поръ не рѣшеннымъ, но до извѣстной степени можно говорить о томъ, что перевѣсъ остается и здѣсь на нашей сторонѣ. Во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ мы тѣснили противника, отнимали у него отдѣльныя селенія и высоты, занимали его окопы, захватывали большее или меньшее количество плѣнныхъ, орудій и пулеметовъ. Наиболѣе замѣтный частный успѣхъ можно было отмѣтить на двудневныхъ бояхъ у селенія Едноорожецъ 1-го и 2-го марта, гдѣ нами было захвачено 17 орудій.

Къ востоку отъ Остроленскаго направленія на путяхъ, веду-

щихъ къ Ломжѣ съ сѣвера, боевыя столкновенія происходили только въ самомъ началѣ отчетнаго мѣсяца, когда они велись съ одной стороны у деревни Моцарже, находящейся на правомъ берегу рѣки Бобра, а съ другой стороны на путяхъ, ведущихъ къ Ломжѣ съ сѣвера отъ Кольна и Стависки. Затѣмъ здѣсь наступило длительное затишье, которое не нарушается и до настоящаго времени.

Подъ Оссовцемъ въ теченіе истекшаго мѣсяца германцы въ общемъ проявляли значительно меньшую энергію, чѣмъ раньше. Однако, до сихъ поръ не прекратилась осада этой крѣпости, хотя, въ сущности говоря, выраженіе «осада» въ данномъ случаѣ является не вполнѣ примѣнимымъ, потому что германцы не могли обложить нашу крѣпость со всѣхъ сторонъ, а вели противъ нея атаки только съ одного сѣвернаго фронта. Попытки германцевъ овладѣть крѣпостью не дали никакихъ существенныхъ результатовъ. Установленныя на дальней дистанціи германскія тяжелыя орудія, въ числѣ которыхъ были и пресловутыя 16-ти-дюймовыя мортиры, давали сравнительно очень мало попаданій и причиняли вслѣдствіе этого самый незначительный вредъ крѣпостнымъ сооруженіямъ. Попытки же германцевъ подвинуть орудія на болѣе близкое разстояніе неизмѣнно встрѣчали энергичное сопротивленіе со стороны крѣпостной артиллеріи, и нашъ огонь въ большинствѣ случаевъ побуждалъ германцевъ отказываться отъ этихъ попытокъ и оттягивать свою осадную артиллерію назадъ. Равнымъ образомъ были совершенно неудачными попытки германцевъ приблизиться къ Оссовцу пѣхотными частями и оттѣснить въ крѣпость наши пѣхотныя части, занимавшія полевые окопы. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ перевѣсъ въ дуэли между нашей крѣпостной артиллеріей и германскими осадными орудіями явно оставался на нашей сторонѣ. Были дни, когда германская стрѣльба по Оссовцу почти совсѣмъ не прекращалась съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней возобновиться, но уже съ нѣсколько ослабленными силами. Не отказываясь совершенно пока отъ нападенія на Оссовецъ, германцы тѣмъ не менѣе въ теченіе мѣсяца значительно ослабили свою энергію здѣсь, и ихъ дѣйстія противъ крѣпости начинаютъ уже носить въ значительной степени демонстративный характеръ. Во всякомъ случаѣ свою задачу Оссовецъ выполнилъ, надолго задержавъ непріятеля и не давъ ему возможности прорваться черезъ линію Бобра.

Дальнѣйшій къ востоку участокъ нашего боевого фронта, охватывающій раіонъ южной, и отчасти средней части Сувалкской губерніи, обнаруживалъ въ теченіе мѣсяца наибольшія колебанія въ положеніи сторонъ. Начало мѣсяца застало русскія войска въ періодѣ ихъ постепеннаго продвиженія впередъ къ сѣверо-западу отъ Гродна

и линіи Бобра и къ западу отъ линіи Нѣмана. На самомъ рубежѣ двухъ мѣсяцевъ германцы въ средней части Сувалкской губерніи еще удерживали линію Симно-Серее, а въ южной части той же губерніи боевыя дѣйствія еще развивались въ Гродненскомъ раіонѣ. Лишь 22 февраля сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго отмѣчало, что намъ удалось оттѣснить германцевъ за линію Сопоцкинъ—Липскъ, при чемъ надо помнить, что Сопоцкинъ находится всего въ 24 верстахъ отъ Гродна. Дальнѣйшія дѣйствія стали развиваться въ нѣсколько болѣе энергичномъ темпѣ, и на слѣдующій день послѣ того уже отмѣчалось, что непріятель оттѣсненъ на фронтъ Маріамполь-Симно-Августовъ. Затѣмъ появились извѣстія съ одной стороны о бояхъ у самаго Августова, а съ другой стороны о появленіи нашей кавалеріи у города Сейны и еще дальше на западъ у мѣстечка Краснополь. Это наступленіе на западѣ было однако не продолжительнымъ, и 27 февраля сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго уже отмѣчало начало германскаго наступленія, ведшагося первоначально на Сейны, а затѣмъ побудившаго насъ отойти отъ Августова къ Липску, а на болѣе сѣверномъ участкѣ къ мѣстечку Копціово. Бои около Копціово, правда, не особенно крупнаго масштаба, продолжались въ теченіе нѣсколькихъ дней и закончились тѣмъ, что намъ удалось выбить германцевъ изъ этого мѣстечка, а вслѣдъ затѣмъ мы продвинулись нѣсколько къ сѣверу и сѣверо-западу близъ селенія Вейсее и въ то же время вели преслѣдованіе противника, отступавшаго на Сейны. 9 марта нашимъ передовымъ кавалерійскимъ частямъ удалось уже дойти до шоссе, соединяющаго Кальварію съ Сувалками, и захватить германскіе обозы у мѣстечка Шиплишки. Это наше довольно глубокое продвиженіе на западъ побудило противника вновь обратить вниманіе на этотъ участокъ фронта и сосредоточить тутъ довольно значительныя силы. Началось новое наступленіе германцевъ въ Сувалкскомъ раіонѣ, приведшее къ боямъ, длившимся въ теченіе нѣсколькихъ дней. Эти бои закончились къ 14 марта тѣмъ, что германскія попытки охватить наши фланги и прорваться въ тылъ нашего расположенія по льду озера Дуся были отражены и привели къ полному уничтоженію прорвавшихся впередъ частей. Германцы, повидимому, придавали операціямъ въ этомъ раіонѣ довольно существенное значеніе, потому что для выполненія охвата нашего фланга, они употребили значительныя силы, состоявшія изъ всей 31-ой дивизіи, 3 резервныхъ полковъ и многочисленной конницы. Этотъ значительный отрядъ, по численности составляющій почти цѣлый корпусъ, имѣлъ задачей, идя отъ Кальваріи на Красно, прорваться къ Лодзее и отрѣзать наши войска, которыя находились западнѣе

этого пункта отъ Нѣмана и отъ Гродно. Германцы вели это наступленіе очень рѣшительно и быстро, но тѣмъ не менѣе это наступленіе, какъ уже сообщалось, привело къ частичному пораженію германскихъ частей и даже полному уничтоженію тѣхъ изъ нихъ, которымъ удалось на время прорваться въ нашъ тылъ. Послѣ этого вновь началось наше наступленіе на западъ, приблизившее насъ опять къ линіи Маріамполь-Кальварія-Сувалки.

Въ сѣверной части сувалкской губерніи боевыя дѣйствія развивались значительно болѣе вяло, чѣмъ въ средней и южной части, и наиболѣе замѣтнымъ фактомъ въ этомъ раіонѣ былъ захватъ нами мѣстечка Пильвишки, лежащаго около желѣзной дороги, соединяющей Ковно черезъ Вержболово, Эйдкуненъ съ Инстербургомъ и Кенигсбергомъ, т.-е. являющейся главной магистралью въ этомъ районѣ. Пильвишки были взяты нами въ первыхъ числахъ марта, но затѣмъ были оставлены нами. Далѣе къ сѣверу уже въ предѣлахъ ковенской губерніи боевыя столкновенія происходили вдоль большой дороги, ведущей изъ города Шавли черезъ Таурогенъ на Тильзитъ. Въ самомъ началѣ марта бой велся у мѣстечка Таурогенъ, затѣмъ это мѣстечко перешло въ наши руки, и, наступая дальше впередъ, мы перенесли военныя дѣйствія въ предѣлы восточной Пруссіи и овладѣли германскимъ городомъ Лаукзаргеномъ. Одновременно съ тѣмъ боевыя дѣйствія распространились и на крайній сѣверъ восточной Пруссіи, на раіонъ Мемеля. Здѣсь наши войска вторглись въ германскіе предѣлы черезъ мѣстечко Горжды, лежащее у границы прямо къ востоку отъ Мемеля. Наши войска, состоявшія преимущественно изъ ополченскихъ дружинъ и второочередныхъ частей, разбили выставленные противъ нихъ два ландштурмныхъ полка, захватили два орудія, 4 пулемета и 2 грузовыхъ автомобиля съ боевыми припасами и нѣкоторое число плѣнныхъ. 5 марта вечеромъ наши войска подошли къ самому Мемелю и встрѣтили упорное сопротивленіе въ самомъ городѣ, при чемъ здѣсь къ германскимъ войскамъ присоединились жители, оборонявшіе городъ и ведшіе бой на уличныхъ баррикадахъ и изъ домовъ. Это побудило насъ произвести бомбардировку города, послѣ чего германскія войска были оттянуты изъ него и городъ захваченъ нами. Въ немъ мы оставались впрочемъ не долго, такъ какъ сюда были подтянуты значительныя германскія силы, послѣ чего русскія войска были отведены въ предѣлы. Въ отвѣтъ на взятіе нами Мемеля, германцы произвели съ одной стороны бомбардировку нашего Полангенскаго побережья, не имѣющаго никакого военнаго значенія, а съ другой стороны новую бомбардировку Либавы, при чемъ здѣсь пострадали исключительно мирные жители.

На Кавказскомъ фронтѣ боевыя столкновенія въ теченіе мѣсяца не носили рѣшительнаго характера. Съ нашей стороны болѣе серьезныя дѣйствія были предприняты въ приморскомъ районѣ, гдѣ мы съ одной стороны стремились оттѣснить турокъ отъ побережья, а съ другой стороны вытѣснить изъ Чорохскаго края турецкія шайки, прорвавшіяся туда еще въ первыхъ числахъ ноября. Наше наступленіе въ приморскомъ районѣ привело насъ къ захвату мѣстечка Архаве и нижняго и верхняго теченія одноименной рѣки. Въ Чорохскомъ краѣ мы сперва отняли у турокъ захваченный ими Дзансульскій заводъ, а затѣмъ побудили ихъ очистить городъ Артвинъ, который они при своемъ отступленіи подожгли. Въ отвѣтъ на наше наступленіе въ приморскомъ раіонѣ турки пробовали вести наступленіе въ Алашкертской долинѣ и на лѣвомъ флангѣ Сарыкамышскаго направленія, но оно не дало имъ никакого успѣха, и наши войска, разбивъ турокъ, оттѣснили ихъ 9 марта къ Даяру, при чемъ нами было захвачено въ плѣнъ 3 турецкихъ роты и значительное количество боевыхъ припасовъ. Вскорѣ затѣмъ нами былъ захваченъ и очень важный Карадербентскій проходъ. Отдѣльныя боевыя столкновенія происходили также и на Ольтинскомъ направленіи, но большого значенія они не имѣли.

На морѣ нашъ флотъ неоднократно бомбардировалъ турецкое побережье, при чемъ наибольшее значеніе имѣли произведенныя 22 февраля и 17 марта бомбардировки турецкихъ портовъ Зунгулдакъ, Эрегли Килимли и Козлу. Тутъ нами были разрушены портовыя сооруженія и приспособленія для нагрузки угля и потоплено много пароходовъ и парусныхъ судовъ. Турецкія суда почти не показывались въ открытомъ морѣ. Они бомбардировали одну изъ бухтъ около Ѳеодосіи, не причинивъ почти никакого вреда. Долго чинившійся «Гебенъ» появился наконецъ вмѣстѣ съ «Бреслау» у крымскихъ береговъ 21-го марта, но, встрѣтившись съ нашими судами, уклонился отъ боя. Попытка турокъ бомбардировать Одессу въ ночь на свѣтлый праздникъ кончилась плачевно, такъ какъ крейсеръ «Меджидіе» наткнулся на мину загражденія и затонулъ, а остальныя турецкія суда поспѣшили уйти.

Всѣ эти дѣйствія не выходили изъ рамокъ второстепенныхъ операцій. Гораздо большее значеніе имѣли операціи, направленныя союзниками противъ Константинополя и впослѣдствіи поддержанныя русскимъ черноморскимъ флотомъ. Операціи ссюзнаго флота у Дарданеллъ начались еще въ предыдущемъ мѣсяцѣ, но наибольшаго развитія достигли къ началу марта. Англичане и французы сосредоточили у входа въ Дарданеллы очень значительныя силы, при чемъ въ составъ англійской эскадры входили нѣкоторыя изъ

новѣйшихъ судовъ въ родѣ броненосца «Королева Елисавета», вооруженнаго 15-ти-дюймовыми орудіями и являющагося, пожалуй, наиболѣе сильнымъ изъ судовъ, плавающихъ въ открытомъ морѣ. Кромѣ того у англичанъ здѣсь было нѣсколько дреднотовъ или полудреднотовъ и значительное число броненосцевъ болѣе устарѣлаго типа. Французская эскадра, дѣйствовавшая въ Дарданеллахъ, состояла вся изъ старыхъ броненосцевъ, новѣйшимъ изъ которыхъ былъ «Сюфренъ». Ведшаяся французскими и англійскими броненосцами бомбардировка турецкихъ фортовъ одновременно изъ самаго пролива и изъ Саросскаго залива перекиднымъ огнемъ черезъ Галлиполійскій полуостровъ была очень дѣйствительной и привела цѣлый рядъ турецкихъ укрѣпленій къ полному молчанію, или по меньшей мѣрѣ ослабила огонь турецкихъ орудій. Поскольку можно говорить о сопротивленіи прорыву со стороны береговыхъ укрѣпленій, союзный флотъ почти выполнилъ свою задачу преодолѣванія этого сопротивленія, и если бы не было минныхъ заграждеій, вѣроятно, союзному флоту удалось бы прорваться въ Мраморное море и подойти къ самому Константинополю. Но наличность этихъ минныхъ заграждеій заставила союзниковъ дѣйствовать съ большой осторожностью и удѣлять большое вниманіе работамъ по траленію пролива и вылавливанію минъ загражденія или пловучихъ минъ. Въ ночь на 5 марта маленькому англійскому крейсеру «Аметистъ» удалось проникнуть очень глубоко внутрь залива и перерѣзать кабель, соединяющій главные турецкіе форты Килидъ-Баръ и Чанакъ-Калэ, лежащіе въ самомъ узкомъ мѣстѣ Дарданеллъ. Но предпринятая на слѣдующій день уже всѣмъ союзнымъ флотомъ попытка форсированія пролива оказалась менѣе успѣшной. Борьба съ турецкими фортами велась успѣшно, и отъ огня этихъ фортовъ союзные броненосцы пострадали сравнительно очень мало. Временно были выведены лишь англійскій линейный крейсеръ «Инфлексибль» и французскій броненосецъ «Голуа», что̀ представляетъ сравнительно очень слабую потерю при наличности у союзниковъ 16 броненосцевъ, дѣйствовавшихъ внутри самого пролива. Но у турокъ оказалось въ распоряженіи гораздо болѣе дѣйствительное оружіе въ видѣ пловучихъ минъ, которыя разбрасывались ими и которыя морскимъ теченіемъ, идущимъ изъ Мраморнаго моря въ Эгейское, наносило прямо на суда союзниковъ. Жертвами этихъ пловучихъ минъ сдѣлались французскій броненосецъ «Буве» и англійскіе броненосцы «Иррезистибль» и «Океанъ». Изъ опасенія дальнѣйшихъ потерь союзный флотъ вышелъ изъ пролива и отказался на время отъ попытокъ рѣшительнаго прорыва черезъ Дарданеллы. Въ дальнѣйшемъ операціи союзниковъ велись къ постепенному

разрушенію уцѣлѣвшихъ фортовъ противника и къ ослабленію его минной обороны. Въ то же время были предприняты мѣры къ тому, чтобы произвести значительный десантъ на Галлипольскій полуостровъ. Перевозка этого десанта изъ Египта, съ острова Мальты и изъ французскихъ колоній отмѣчалась сообщеніями уже и раньше, подтверждалась она и въ самое послѣднее время, но до сихъ поръ не поступило еще оффиціальныхъ извѣстій о томъ, чтобы высадка десанта была дѣйствительно произведена. Возможно ли безъ такого десанта форсированіе Дарданеллъ, оборона которыхъ усилена плавучими минами, остается вопросомъ.

Нѣсколько позже начались операціи нашего черноморскаго флота уже противъ сѣверныхъ подступовъ къ Константинополю. 15 марта нашъ черноморскій флотъ въ составѣ 5 броненосцевъ и нѣсколькихъ крейсеровъ приблизился къ входу въ Босфоръ и бомбардировалъ форты, защищающіе устье пролива. Бомбардировка эта была удачна, и возможно, что наши операціи въ Босфорѣ при ихъ дальнѣйшемъ развитіи пріобрѣтутъ не меньшее значеніе, чѣмъ операціи союзнаго флота у Дарданеллъ. Босфоръ гораздо болѣе узкій проливъ, чѣмъ Дарданеллы, ширина его не превышаетъ $3^1/_2$ верстъ, а въ болѣе узкихъ мѣстахъ доходитъ всего только до полуверсты. Теченіе пролива извилистое, и отдѣльныя его колѣна пересѣкаются между собою чуть-что не подъ прямымъ угломъ. Оборона такого пролива является поэтому болѣе легкой, а форсированіе его, конечно, болѣе труднымъ. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ попытка прорыва черезъ Босфоръ является болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ подобная попытка прорыва черезъ Дарданеллы. Прежде всего Босфоръ, длина котораго не превышаетъ 28 верстъ, вдвое короче, чѣмъ Дарданеллы. Кромѣ того, самый объектъ нападенія — Константинополь находится въ самомъ Босфорѣ, и суда, проникшія въ Босфоръ на половину, могутъ уже грозить турецкой столицѣ, тогда какъ при нападеніи на Константинополь съ юга союзному флоту нужно пройти весь Дарданелльскій проливъ, и только тогда наступитъ минута непосредственной опасности для Константинополя. Въ случаѣ прорыва черезъ Босфоръ такая опасность наступаетъ еще задолго до окончанія прорыва черезъ проливъ, когда это дѣло сдѣлано только наполовину. Самая борьба въ Босфорѣ, болѣе близкомъ къ Константинополю, чѣмъ Дарданеллы, неизбѣжно должна восприниматься населеніемъ Константинополя гораздо живѣе и непосредственнѣе, чѣмъ борьба въ Дарданеллахъ, а отраженіе тѣхъ или другихъ военныхъ дѣйствій на мирномъ, невоенномъ населеніи является замѣтнымъ фактомъ военныхъ дѣйствій, съ которымъ не можетъ не считаться ни нападающій, ни обороняющійся... Наконецъ, морскія теченія въ

Босфорѣ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ Дарданеллахъ. Въ Босфорѣ сильное морское теченіе идетъ изъ Чернаго моря въ Мраморное, въ Дарданеллахъ—изъ Мраморнаго моря въ Эгейское. При попыткахъ форсированія Дарданеллъ пловучія мины, разбрасываемыя турками, наносятся морскимъ теченіемъ на суда союзниковъ и причиняютъ имъ главныя потери. Защитить Босфоръ такимъ же образомъ турки не могутъ, потому что пловучія мины тутъ будутъ относиться не навстрѣчу прорывающемуся флоту, а наоборотъ назадъ къ Константинополю и къ Мраморному морю. Искусственныя оборонительныя сооруженія Босфора значительно слабѣе Дарданелльскихъ фортовъ. Изъ всѣхъ укрѣпленій Босфора нѣкоторое значеніе могутъ имѣть только 10 фортовъ, расположенныхъ преимущественно на европейскомъ берегу, но и эти форты всѣ являются въ значительной степени устарѣлыми и до сего времени находились въ совершенно заброшенномъ состояніи. На нихъ стояли, правда, орудія очень тяжелыхъ калибровъ, но въ большинствѣ случаевъ устарѣлыхъ марокъ, неспособныхъ дѣйствовать на большомъ разстояніи и состязаться съ современной морской артиллеріей. Полугодовое хозяйничаніе нѣмцевъ въ Константинополѣ и ихъ попытки упорядочить дѣло обороны пролива, конечно, остались не безъ результата, но что̀ именно удалось сдѣлать германцамъ на Босфорѣ, въ настоящее время не извѣстно.

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Исторія русскаго театра. Подъ редакціей В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса. Москва, 1914. К-во „Объединеніе“. Томъ I. Въ 4-ую д. л. XII + 364 + + VIII стр.

Съ годъ тому назадъ вышла въ Петроградѣ вторымъ изданіемъ книга проф. Б. Варнеке: «Исторія русскаго театра». Намъ приходилось въ свое время говорить о первомъ изданіи этой книги, какъ о мало удовлетворительномъ первомъ опытѣ; второе ея изданіе, значительно дополненное и исправленное, является уже шагомъ впередъ. Московская попытка дать коллективную, во всѣхъ направленіяхъ разработанную до нашихъ дней, исторію театра обѣщаетъ явиться новымъ и серьезнымъ шагомъ.

До сихъ поръ болѣе или менѣе систематически была разрабо-

тана исторія театра XVIII вѣка. Это особенно замѣтно по книгѣ г. Варнеке, въ которой половина и занята театромъ до XIX вѣка. Первый томъ коллективной «Исторіи театра», разсчитанной на шесть томовъ, обнимаетъ также исторію театра до XIX вѣка. Уже это одно показываетъ, насколько шире задачи новаго изданія, въ сравненіи съ книгою г. Варнеке. На протяженіи предстоящихъ пяти томовъ XIX и XX вѣка могутъ быть освѣщены впервые съ достаточною полнотою.

Главнымъ предметомъ коллективной «исторіи русскаго театра» будетъ театръ драматическій. Изданіе обращается къ кругу всѣхъ тѣхъ читателей, «которые не только любятъ театръ, но и хотятъ просвѣтить и обогатить эту любовь къ театру знаніемъ его прошлаго, его послѣдовательной эволюціи. Лишь въ такомъ знаніи любовь и интересъ къ театру получаютъ прочную и широкую основу». Цѣль изданія, поэтому, не столько изслѣдованіе предмета, сколько общедоступное «обобщеніе уже собраннаго и изслѣдованнаго», что̀ должно послужить «точкой опоры, базисомъ для дальнѣйшихъ работъ». «Только путемъ такихъ постепенныхъ обобщеній можетъ создаться со-временемъ полная научная и научно-популярная исторія нашего театра».

Изданіе стремится также дать солидный иллюстраціонный матеріалъ, и въ этомъ отношеніи оно поставлено чрезвычайно широко и интересно: художественной частью изданія завѣдуетъ К. А. Коровинъ, и къ дѣлу привлечены богатыя собранія и архивы императорскихъ театровъ, центральныхъ нашихъ книгохранилищъ и музеевъ, а также частныхъ лицъ. Первый томъ даетъ, кромѣ меццотинто-гравюръ и цвѣтныхъ и черныхъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ (27), свыше полутораста иллюстрацій въ текстѣ (не считая стильныхъ заставокъ и концовокъ). Большинство иллюстрацій, если иногда не ново само по себѣ, то совершенно неизвѣстно широкой публикѣ въ своемъ цѣломъ.

Первый томъ, какъ мы уже сказали, посвященъ исторіи русскаго театра до XIX вѣка. Здѣсь даны статьи извѣстныхъ по изученію театра авторовъ. «Народная драма» П. О. Морозова, «Древнерусскія мистеріальныя дѣйства и школьная драма XVII—XVIII вѣковъ» проф. В. И. Рѣзанова; «Театръ при Алексѣѣ Михайловичѣ» В. П. Всеволодскаго-Гернгросса; «Театръ при Екатеринѣ II» проф. Б. Варнеке и др. Въ общемъ, однако, замѣтно, что составители пошли, такъ сказать, по линіи наименьшаго сопротивленія. Статьи всѣ хороши, но едва-ли слѣдовало отводить столько мѣста уже очень хорошо разработанной эпохѣ Екатерины Второй, въ частности—драматургіи ея времени. Кромѣ очень большой статьи проф. А. С. Архангельскаго «Драматургія Екатерининской эпохи» и «Императрица Ека-

терина II и русская бытовая комедія ея эпохи» проф. В. В. Сиповскаго, даны двѣ статьи о Фонъ-Визинѣ—академика А. Н. Веселовскаго (очень яркая и содержательно сжатая характеристика писателя) и замѣтка В. Всеволодскаго-Гернгроссъ о первыхъ постановкахъ «Бригадира» и «Недоросля». Такимъ образомъ, въ этой эпохѣ съ чрезмѣрною полнотою и ненужными повтореніями (о Лукинѣ) разработана драматургія, въ ущербъ другимъ сторонамъ дѣла и предыдущимъ эпохамъ.

Приходится между прочимъ отмѣтить, что въ очеркахъ, дающихъ обзоръ первыхъ зачатковъ театра, указаны самые зачатки весьма подробно, но какъ-то обойденъ весьма любопытный вопросъ, почему же они перестали развиваться самостоятельно и, въ противоположность тому, что было на Западѣ, безслѣдно заглохли или дожили до нашихъ дней въ видѣ тѣхъ же зачатковъ. Проф. Рѣзановъ указываетъ на «элементы настоящей комедіи нравовъ» въ интермедіяхъ южно-русскаго происхожденія (стр. 50), «но разработка этого матеріала остановилась на совершенно примитивной, чуждой искусства формѣ. Интермедіи почти всегда анонимны; ихъ грубость и вульгарность, не могшая удовлетворить верхнихъ слоевъ общества, вкусы котораго обусловливали прогрессъ нашего театра, оттолкнули отъ нихъ нашихъ писателей съ именемъ»... «Если бы въ XVIII столѣтіи, — пишетъ В. В. Сиповскій — русское творчество не подчинилось чужимъ вліяніямъ, мы имѣли бы что-нибудь въ родѣ итальянской commedia del'arte, народной римской комедіи atellana или даже литературной римской комедіи». Кажется, не будетъ ошибкою указать, что, помимо измѣнчивости поверхностныхъ вкусовъ высшаго общества, здѣсь сыграло роковую роль и прямое противодѣйствіе свѣтской и духовной власти самобытному развитію народнаго и школьнаго театровъ. Эта сторона совершенно не затронута въ очеркахъ по XVII—XVIII вѣкамъ, а между тѣмъ, какъ и вопросъ о давленіи позднѣйшей цензуры на театръ, заслуживала бы нѣкотораго вниманія и освѣщенія. Какъ бы ни было, въ этомъ изданіи интересующійся театромъ читатель найдетъ легкую возможность стать въ курсъ основныхъ фактовъ и явленій исторіи театра. Слѣдующихъ томовъ можно ожидать съ живымъ интересомъ.

— Собраніе сочиненій Аполлона Григорьева, подъ редакціей В. Ф. Саводника. Выпускъ I-ый. Автобіографія. Стр. IV+LIV+104. Ц. 60 коп. Изд. бр. Башмаковыхъ. М.—Пгр.—Казань.

Только теперь, чрезъ полвѣка слишкомъ по напечатаніи въ журналахъ, является отдѣльнымъ изданіемъ автобіографія Аполлона Григорьева—«Мои литературныя и нравственныя скитальчества».

Хотя и не законченная, автобіографія написана по очень широкому плану. Цѣль ея связать все личное развитіе автора съ общимъ ходомъ литературной и нравственной жизни русскаго общества тридцатыхъ-сороковыхъ годовъ, и это на многихъ страницахъ блестяще удается Григорьеву. Въ его небрежной и непривычно построенной рѣчи, пересыпанной множествомъ чуждыхъ намъ словечекъ и оборотовъ «кружкового» языка прежней поры, съ осязательной ясностью встаетъ передъ читателемъ «настройство» (потеперешнему—настроеніе) цѣлой эпохи. Впереди всего здѣсь необычайная непосредственная возбужденность мысли, властно требовавшей отъ науки и жизни отвѣтовъ на вѣчные «проклятые вопросы» бытія. Укажемъ, напр., на страницы автобіографіи, въ которыхъ Григорьевъ ярко передаетъ, какъ въ молодости его «въ какое-нибудь яркое и дразнящее и зовущее весеннее утро, подъ звонъ московскихъ колоколовъ—сидишь на Святой, весь углубленный въ чтеніе того или другого изъ безумныхъ искателей и показывателей абсолютнаго хвоста (нѣмецкихъ философовъ-метафизиковъ)... сидишь, и голова пылаетъ, и сердце бьется—не отъ вторгающихся въ раскрытое окно съ ванильно-наркотическимъ воздухомъ призывовъ весны и жизни... а отъ тѣхъ громадныхъ міровъ, связанныхъ цѣлостью, которые строитъ органическая мысль, или тяжело, мучительно роешься въ возникшихъ сомнѣніяхъ, способныхъ разбить все зданіе старыхъ душевныхъ и нравственныхъ вѣрованій... и физически болѣешь, худѣешь, желтѣешь отъ этого процесса»... Громадная сила лиризма вложена въ нѣкоторыя страницы воспоминаній буйнаго скитальца, какимъ былъ всегда Григорьевъ съ его неуемной натурой и непокладливой, вѣчно тревожною мыслью. Это придаетъ личнымъ воспоминаніямъ его, слитымъ нераздѣльно съ общими литературно-моральными переживаніями цѣлой эпохи, особую живость и интересъ. Нельзя не привѣтствовать изданія, воскрешающаго, наконецъ, для болѣе широкой публики живую личность выдающагося писателя и человѣка.

Автобіографіи предпосланъ довольно обстоятельный и со знаніемъ дѣла написанный біографическій очеркъ, составленный редакторомъ изданія. Текстъ сопровождается комментаріями къ многимъ полузабытымъ именамъ и деталямъ давнихъ литературныхъ интересовъ и споровъ. Можно было бы пожелать большей обстоятельности этихъ комментаріевъ, такъ какъ изданіе имѣетъ въ виду, между прочимъ, и занимающуюся исторіей литературы молодежь. Не обходится и безъ недоразумѣній; такъ, на стр. 14, слова Григорьева «одинъ великій писатель въ своихъ воспоминаніяхъ сказалъ уже доброе слово въ пользу такъ называемой дворни и отношеній къ

ней, описывая свой дѣтскій возрастъ» отнесены комментаторомъ къ Аксакову, между тѣмъ они, несомнѣнно, относятся къ Герцену и его «Былому и Думамъ»: С. Аксаковъ росъ, тщательно отгороженный отъ сближенія съ дворней, да и Григорьеву не было резона не назвать полностью Аксакова, тогда какъ Герценъ былъ тогда еще именемъ запретнымъ. Отсутствуетъ и библіографическій указатель произведеній Григорьева и литературы о немъ, казалось бы, необходимый, разъ изданіе имѣетъ въ виду учащихся.

Въ слѣдующихъ выпускахъ этого изданія будутъ даны критическія статьи Григорьева, также сопровожденныя вступительными очерками и комментаріемъ. Какъ видно изъ программы собранія, будутъ даны не только статьи, вошедшія въ I-ый томъ извѣстнаго страховскаго изданія, все-таки находимый въ хорошихъ библіотекахъ, но и статьи, остававшіяся до сихъ поръ затерянными въ старыхъ журналахъ. До сихъ поръ совершенно недоступны были, напримѣръ, статьи о перепискѣ Гоголя съ друзьями, напечатанныя въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ»; онѣ замѣчательны, между прочимъ, тѣмъ, что Григорьевъ первый указалъ здѣсь, задолго до Чернышевскаго, на цѣлостность духовнаго развитія Гоголя, при чемъ опирался на анализъ исключительно художественныхъ произведеній его, тогда какъ въ рукахъ Чернышевскаго была уже переписка Гоголя. Столь же любопытны статьи Григорьева о Львѣ Толстомъ и Некрасовѣ, которыхъ также нѣтъ въ первомъ томѣ страховскаго изданія.—Нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ начинанія г. Саводника, такъ какъ оцѣнка Григорьева, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней, непрерывно возрастала, кончая недавней статьей г. Гросмана въ «Русской Мысли», который не обинуясь говоритъ о «геніальности» Григорьева, какъ литературнаго критика.

— Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго М. 1915. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 коп.

Извлеченіе изъ писемъ Тургенева къ графинѣ Ламбертъ появилось въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ журналѣ и здѣсь обратило на себя вниманіе, какъ новый чрезвычайной важности матеріалъ для біографіи и изученія знаменитаго писателя. Теперь письма эти изданы въ полномъ видѣ съ обстоятельнымъ введеніемъ и комментаріемъ. Книга, однако, не вполнѣ оправдываетъ ожиданій, возбужденныхъ извлеченіемъ, такъ какъ послѣднее выжало изъ переписки все наиболѣе важное и существенное.

Графиня Елизавета Егоровна Ламбертъ была дочерью графа Е. Ф. Канкрина, извѣстнаго министра финансовъ, и занимала высокое положеніе въ аристократическомъ петроградскомъ обществѣ. Она была замужемъ за графомъ Іосифомъ Карловичемъ Ламбертомъ, сдѣлавшимъ быстро завидную карьеру при дворѣ Наслѣдника Александра Николаевича; братъ его, Карлъ К. Ламбертъ, былъ потомъ варшавскимъ намѣстникомъ. Знакомство графини Ламбертъ съ Тургеневымъ началось зимою 1855-56 годовъ, когда онъ искалъ въ столицѣ связей, чтобы выбраться послѣ своего заточенія въ Спасскомъ за границу, что̀ повидимому и удалось при посредствѣ Ламбертовъ. Знакомство, благодаря таланту Тургенева очаровывать людей, быстро упрочилось, и такъ между нимъ и графиней Ламбертъ завязались тѣсныя дружескія отношенія, съ оттѣнкомъ настоящей влюбленности со стороны Тургенева. Онъ пережилъ уже молодость и сознаетъ, что расцвѣтъ жизни и чувства уже позади, впереди работа и ожиданіе старости. «Не чувство во мнѣ умерло—пишетъ онъ однажды:—нѣтъ... но возможность его осуществленія. Я гляжу на *свое* счастье, какъ я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другого; я *здѣсь*, а все это *тамъ*; и между этимъ здѣсь и этимъ тамъ—бездна, которую не наполнитъ ничто и никогда въ цѣлую вѣчность. Остается одно: держаться пока на волнахъ жизни и думать о пристани, да отыскавъ товарища дорогого и милаго, какъ вы, товарища по чувствамъ, по мыслямъ, и главное по положенію (мы оба съ вами уже немного ждемъ для себя), крѣпко держать его руку и плыть вмѣстѣ, пока...». Въ другомъ письмѣ, Тургеневъ говоритъ графинѣ Ламбертъ: «я только два существа на свѣтѣ люблю больше васъ: одно, потому, что она моя дочь,—другое, потому... Вы знаете, почему». Это очевидный намекъ на отношенія къ Полинѣ Віардо, въ которыя была посвящена, такимъ образомъ, графиня Ламбертъ. Отъ нея у него нѣтъ тайнъ, онъ посвящаетъ ее въ свои дѣла съ дочерью, въ свою работу. Извѣстно, что онъ колебался, не уничтожить ли рукопись «Наканунѣ», которое не понравилось графинѣ Ламбертъ. Во многихъ письмахъ находимъ просьбы о хлопотахъ за разныхъ лицъ, которыя постоянно осаждали Тургенева.

Общій тонъ болѣе содержательныхъ писемъ Тургенева—элегическій, мѣстами очень напоминающій то «Довольно», то позднѣйшія настроенія «Стихотвореній въ прозѣ». Вотъ нѣсколько отрывковъ этихъ интимныхъ переживаній Тургенева (они относятся къ 1860-61 году):

«... На дняхъ мое сердце умерло. Сообщаю вамъ этотъ фактъ. Какъ его назвать, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать.

Прошедшее отдѣлилось отъ меня окончательно, но, разставшись съ нимъ, я увидалъ, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отдѣлилась вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело мнѣ было, но я скоро окаменѣлъ. И я чувствую теперь, что такъ жить еще можно. Вотъ если бы снова возродилась малѣйшая возможность возврата, она потрясла бы меня до основанія. Я уже прежде испыталъ этотъ ледъ безчувствія, подъ которымъ таится нѣмое горе... Дайте окрѣпнуть этой корѣ, и горе подъ ней изчезнетъ.»

«Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ хочется вернуться въ Россію, не теперь, а съ первыми днями весны, когда запоютъ соловьи. Только бы отдать дочь за порядочнаго человѣка замужъ, и я бы получилъ свободу. Всѣ другія связи не то что порвались, а истаяли. Я чувствую себя какъ бы давно умершимъ, какъ бы принадлежащимъ къ давно минувшему существомъ, но существомъ, сохранившимъ живую любовь къ добру и красотѣ. Только въ этой любви уже нѣтъ ничего личнаго, и я, глядя на какое-нибудь прекрасное молодое лицо, такъ же мало думаю при этомъ о себѣ, о возможныхъ сношеніяхъ между этимъ лицомъ и мною, какъ будто бы я былъ современникомъ Сезостриса, какимъ-то чудомъ, еще двигающимся на землѣ среди живыхъ. Возможность пережить въ самомъ себѣ смерть самого себя, можетъ быть, одно изъ самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ безсмертія души. Вотъ я умеръ, и все-таки живъ и даже быть можетъ лучше сталъ и чище. Чего же еще?»...

Довольно большое письмо отъ 10 (22) декабря 1861 г. говоритъ по поводу пережитыхъ графинею Ламбертъ смертей сына и брата: «Естественность смерти гораздо страшнѣе ея внезапности или необычайности. Одна религія можетъ побѣдить этотъ страхъ. Но сама религія должна стать естественною потребностью въ человѣкѣ, а у кого ея нѣтъ, тому остается только съ легкомысліемъ или съ стоицизмомъ (въ сущности это все равно) отворачивать глаза.—На дняхъ здѣсь умерла Мансурова (жена нашего посланника въ Голландіи и сестра князя Н. И. Трубецкаго). Одна моя знакомая, у которой она умерла на рукахъ, была поражена легкостью, съ которой человѣкъ умираетъ: открытая дверь заперлась, и только... Но неужели тутъ и конецъ? Неужели смерть есть не что иное, какъ естественное отправленіе жизни? Я рѣшительно не знаю, что думать, и только повторяю: «счастливы тѣ, которые вѣрятъ»...—Прежнія мои отношенія немного огрубѣли (намекъ на семью Віардо), но за то и окрѣпли, какъ кора на старѣющемся деревѣ: кажется, теперь ничего ихъ не измѣнитъ. Играю въ шахматы, слушаю хорошую музыку и плыву по теченію рѣки, все болѣе и болѣе тихой и мелкой...

Вообще я чувствую, что самъ обрастаю корой: внутри все еще довольно мягко, но фибры, которыми я соприкасаюсь съ окружающей меня жизнью, одервенѣли. Я подготовляюсь понемногу къ неотвратимому концу. Но довольно объ этомъ»... Такихъ интимныхъ страницъ много въ письмахъ, и нѣкоторыя признанія очень важны и интересны, какъ, напр., замѣчаніе по поводу религіозности дочери Тургенева: «Я не только не отнялъ Бога у нея» (за что, видимо, графиня Ламбертъ упрекала Тургенева), но я самъ съ ней хожу въ церковь. Я бы себѣ не позволилъ такого посягательства на ея свободу, и если я не христіанинъ,—это мое личное дѣло, пожалуй, мое личное несчастье».

Съ теченіемъ времени отношенія между Тургеневымъ и его другомъ-корреспонденткой разладились и угасли. Между прочимъ, изъ одного письма Тургенева, 3 сентября 1864 г., видно, что графиня Ламбертъ упрекала его за отсутствіе именно ортодоксіи и за «удаленіе изъ родины, происходящее отъ желанія эпикурейской жизни, отъ эгоизма однимъ словомъ». О первомъ Тургеневъ просилъ лучше не говорить, во второмъ оправдывался съ нѣкоторымъ недовольствомъ.

Переписка обнимаетъ время съ 1856 по 1867 годъ. Мы не дѣлаемъ извлеченій, касающихся работъ Тургенева, его откликовъ на тогдашнія русскія злобы дня (напр. о крестьянскомъ дѣлѣ), такъ какъ все это сравнительно бѣдно и уже было извѣстно по другимъ письмамъ и даннымъ. Книга, конечно, очень цѣнный вкладъ въ богатую и безъ того литературу о Тургеневѣ. Примѣчанія редактора, на основаніи этихъ писемъ, даютъ кое-какія исправленія въ данныхъ хронологической канвы тургеневской біографіи. Указатель именъ блещетъ отсутствіемъ.

Ч. В—скій.

— Письма А. П. Чехова. Томъ V. М. К-во писателей. 1915 г. Ц. 2 р.

Съ каждымъ новымъ томомъ письма Чехова дѣлаются все интереснѣе: они постепенно вводятъ насъ въ замкнутый внутренній міръ Чехова, отличающійся изумительной гармоничностью и кристальной ясностью, даютъ возможность слѣдить за тѣмъ, какъ росъ и созрѣвалъ этотъ исключительный писатель и человѣкъ. Новыя письма, обнимающія небольшой періодъ—отъ 1897—1899 г.г., богаты матеріаломъ. И трудно рѣшить, что даетъ больше радости: раскрываніе его художнической личности, проникновеніе тѣми «завѣтами», которые вытекаютъ изъ его учительскихъ и критическихъ замѣчаній по теоріи

и психологіи творчества, или общеніе съ человѣкомъ необычайной привлекательности, этимъ страннымъ всечеловѣкомъ, существомъ особой изысканной породы и прирожденной высшей культуры.

Въ литературномъ отношеніи интересны письма къ нѣкоторымъ писательницамъ и къ Горькому. Сколько тутъ безкорыстной «профессіональной» любви къ чужому таланту, къ каждому таланту! И какая строгая литературная требовательность—не отвлеченная, не словесная, а конкретная, мотивированная, съ драгоцѣнными детальными указаніями, какъ надо и какъ не надо. «Съ какимъ удовольствіемъ я прочиталъ ваши «Забытыя письма»,—находимъ мы въ письмѣ къ Л. А. Авиловой.—Это маленькая, кущая вещь, но въ ней пропасть искусства и таланта, и я не понимаю, почему вы не продолжаете именно въ этомъ родѣ. Письма—это неудачная, скучная форма, и при томъ легкая, но я говорю про тонъ, искреннее, почти страстное чувство»... А дальше на адресатку сыплются упреки за лѣнь и небрежность въ работѣ. «...Во всѣхъ разсказахъ такъ и прутъ между строкъ неопытность, неувѣренность, лѣнь. Вы до сихъ поръ еще не набили себѣ руку и работаете, какъ начинающая, точно барышня, пишущая по фарфору. Пейзажъ вы чувствуете, онъ у васъ хорошъ, но вы не умѣете экономить, и то и дѣло онъ попадается на глаза, когда не нужно, а даже одинъ разсказъ совсѣмъ исчезаетъ подъ массой пейзажныхъ обломковъ. Зачѣмъ вы не работаете надъ фразой; ее надо дѣлать—въ этомъ искусство. Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу отъ «по мѣрѣ того», «при помощи», надо заботиться объ ея музыкальности и не допускать въ одной фразѣ почти рядомъ «стала» и «перестала». Голубушка, вѣдь такія словечки, какъ «безупречная», «на изломѣ», «въ лабиринтѣ»—вѣдь это одно оскорбленіе. Я допускаю еще рядомъ «казался» и «касался», но «безупречная»—это шероховато, не ловко и годится только для разговорнаго языка»... И въ другомъ письмѣ тотъ же упрекъ той же адресаткѣ—что не работаетъ и мало пишетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и очень интересное общее замѣчаніе о женщинахъ-писательницахъ. «Женщины-писательницы должны писать много, если хотятъ писать; вотъ вамъ примѣръ—англичанки». Та же настойчивая строгость и ревность истиннаго художника по призванію звучитъ въ письмѣ къ О. Л. Книпперъ, гдѣ онъ убѣждалъ ее не принимать близко къ сердцу частныхъ театральныхъ неудачъ, говоритъ: «Разъ навсегда надо оставить попеченіе объ успѣхахъ и неуспѣхахъ. Пусть это васъ не касается. Ваше дѣло работать исподволь, изо дня въ день, втихомолочку, быть готовой къ ошибкамъ, которыя неизбѣжны, къ неудачамъ, однимъ словомъ, гнуть свою актрисичью линію, а вызовы пусть считаютъ другіе. Писать или играть и сознавать въ это время, что дѣлаешь не то, что нужно—

это такъ обыкновенно, а для начинающихъ—такъ полезно!» Всѣ письма къ Горькому такъ интересны и цѣнны въ литературномъ отношеніи, что ихъ слѣдовало бы цѣликомъ перепечатать въ назиданіе молодымъ писателямъ. Высказавши мнѣніе о талантѣ («талантъ несомнѣнный и притомъ настоящій, большой талантъ»), Чеховъ, съ нѣкоторой осторожностью, но всегда рѣшительно говоритъ о недостаткахъ горьковскаго творчества. «...У васъ, по моему мнѣнію, нѣтъ одержанности. Вы, какъ зритель въ театрѣ, который выражаетъ свои восторги такъ несдержанно, что мѣшаетъ слушать себѣ и другимъ. Особенно эта несдержанность чувствуется въ описаніяхъ природы, которыми вы прерываете эти діалоги; когда читаешь ихъ, эти описанія, то хочется, чтобы они были компактнѣе, короче, этакъ на 2—3 строки. Частыя упоминанія о нѣгѣ, шепотѣ, бархатности и пр. придаютъ этимъ описаніямъ нѣкоторую риторичность, однообразіе и расхолаживаютъ, почти утомляютъ»... «Въ изображеніяхъ интеллигентныхъ людей чувствуется напряженіе, какъ будто осторожность... Сколько вамъ лѣтъ? Я васъ не знаю, не знаю откуда и кто вы, но мнѣ кажется, что вамъ, пока вы молоды, слѣдовало бы покинуть Нижній и года два-три пожить, такъ сказать, потереться около литературы и литературныхъ людей; это не для того, чтобы у нашего пѣтуха поучиться и еще болѣе навостриться, а чтобы окончательно, съ головой влѣзть въ литературу и полюбить ее; къ тому же провинція рано старитъ»... Къ той же, тонко выраженной, чисто писательской заботѣ Чеховъ возвращается въ позднѣйшемъ письмѣ къ Горькому, утѣшая его въ «хандрѣ». «...Литератору нельзя безнаказанно проживать въ провинціи. Что бы вы тамъ ни говорили, вы вкусили отъ литературы, вы отравлены уже безнадежно, вы литераторъ, литераторомъ и останетесь. Естественное же состояніе литератора—это всегда держаться близко къ литературнымъ сферамъ, жить возлѣ пишущихъ, дышать литературой. Не боритесь же съ естествомъ, покоритесь разъ навсегда—и переѣзжайте въ Петербургъ или Москву. Бранитесь съ литераторами, не признавайте ихъ, половину изъ нихъ презирайте, но живите съ ними». То же, приблизительно, говоритъ Чеховъ и своимъ друзьямъ, артистамъ Московск.-Худож. театра, такъ же утѣшая ихъ по поводу неудачъ. «Искусство, особенно сцена—это область, гдѣ нельзя ходить, не спотыкаясь. Впереди еще много неудачныхъ дней и цѣлыхъ неудачныхъ сезоновъ; будутъ и большія недоразумѣнія, и широкія разочарованія,—ко всему этому надо быть готовыми, надо этого ждать и, несмотря ни на что, упрямо, фанатически гнуть свою линію». Извѣстно, какъ близко, съ самаго начала, принималъ Чеховъ къ сердцу интересы М.-Х. театра. «Пиши, какъ и что, какъ на артистовъ подѣйствовалъ успѣхъ первыхъ представленій,—проситъ онъ Вл. Ив. Немировича-Данченко.—

Судя по газетамъ, начало было блестящее—и я очень, очень радъ, такъ радъ, что ты и представить себѣ не можешь. Этотъ вашъ успѣхъ еще разъ лишнее доказательство, что и публикѣ, и актерамъ нуженъ интеллигентный театръ». Въ письмахъ къ актерамъ—множество частныхъ тонкихъ указаній по поводу исполненія разныхъ ролей въ его пьесахъ, напр., въ письмѣ къ О. Л. Книпперъ—на счетъ «Дяди Вани».

«Елена нравится Астрову, она захватываетъ его своей красотой, но въ послѣднемъ актѣ онъ уже знаетъ, что ничего не выйдетъ, что Елена исчезаетъ для него навсегда—и онъ говоритъ съ ней въ этой сценѣ такимъ же тономъ, какъ о жарѣ въ Африкѣ, и цѣлуетъ ее просто такъ, отъ нечего дѣлать. Если Астровъ поведетъ эту сцену буйно, то пропадетъ все настроеніе IV акта—тихаго и вялаго». Побывавши на репетиціи Ѳедора Іоанновича, онъ пишетъ Суворину: «Меня пріятно тронула интеллигентность тона и со сцены повѣяло настоящимъ искусствомъ, хотя играли и не великіе таланты. Ирина, по-моему, великолѣпна. Голосъ, благородство, задушевность—такъ хорошо, что даже въ горлѣ чешется»... Театръ—не только Моск.-Худ., а и вообще, сцена, драматургія, по обыкновенію, занимаетъ въ мысляхъ Чехова большое мѣсто. Его письма пересыпаны замѣчаніями объ актерахъ, къ которымъ онъ присматривается, о репертуарѣ. Любопытно его первое впечатлѣніе отъ символическихъ пьесъ Метерлинка: «Прочелъ «Les aveugles», «L'intruse, читаю «Ablavaine et Jélysette». Все это странныя, чудныя штуки, но впечатлѣніе громадное, и если бы у меня былъ театръ, то я непремѣнно бы поставилъ «Les aveugles».

Большой психологическій интересъ представляютъ письма, за этотъ періодъ, къ Суворину, которыя даютъ ясное представленіе о причинахъ разлада, а потомъ разрыва между двумя пріятелями. Причина чисто-принципіальная. Онѣ давали о себѣ знать и тогда, когда пріятельскія отношенія еще продолжались. Впрочемъ, своего друга Суворина Чеховъ, вообще, не отождествляетъ съ его газетой и довольно откровенно высказывалъ ему нелѣстныя мнѣнія о «Н. В.» и его сотрудникахъ, характеризуя ихъ мѣтко. «У вашего новаго сотрудника N несомнѣнно бьется публицистическая жилка, но какая это уже немолодая, неясная голова. Принадлежитъ онъ къ той же категоріи, что и N. N.,—такъ сказать, по тембру дарованія. У этой категоріи нѣтъ опредѣленнаго міросозерцанія, есть лишь громадное, расплывшееся до-нельзя самолюбіе и есть ненавистничество болѣзненное, скрываемое глубоко подъ спудомъ души, похоже, на тяжелую могильную плиту, покрытую мохомъ». Во время дѣла Дрейфуса, «Нов. Вр.» дѣлается для Чехова омерзительнымъ, о чемъ онъ твердитъ во всѣхъ письмахъ изъ-за границы къ близкимъ... Не скрываетъ

онъ этого и отъ Суворина и даже довольно зло иронизируетъ по этому поводу въ одномъ изъ писемъ. «Дѣло Дрейфуса закипѣло и поѣхало, но еще не стало на рельсы. Зола благородная душа, и я (принадлежащій къ синдикату и получившій уже отъ ев еевъ 100 франковъ) въ восторгѣ отъ его порыва. Франція чудесная страна, и писатели у нея чудесные»... «Вы пишете, что вамъ досадно на Зола»—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ:—«а здѣсь такое чувство, какъ будто народился новый, лучшій Зола. Въ этомъ своемъ процессѣ онъ, какъ въ скипидарѣ, очистился отъ наносныхъ сальныхъ пятенъ и теперь засіялъ передъ французами въ своемъ настоящемъ блескѣ»... Въ то же время Чеховъ пишетъ своему брату. «Въ дѣлѣ Зола «Нов. Время» вело себя, просто, гнусно. По сему поводу мы со старцемъ обмѣнялись письмами (впрочемъ, въ тонѣ весьма умѣренномъ)—и замолкли. оба. Я не хочу писать и не хочу его писемъ, въ которыхъ онъ оправдываетъ безтактность своей газеты тѣмъ, что онъ любитъ военныхъ,—не хочу, потому что это мнѣ уже давно наскучило. Я тоже люблю военныхъ, но я не позволилъ бы кактусамъ, будь у меня газета, въ приложеніи печатать романъ Зола *задаромъ*, а въ газетѣ выливать на этого же Зола помои—и за что? за то, что никогда не было знакомо ни единому изъ кактусовъ, за благородный порывъ и душевную чистоту»... Во второй разъ «черная кошка» пробѣжала между друзьями изъ-за «маленькихъ писемъ» о студенческихъ безпорядкахъ. И на этотъ разъ Чеховъ былъ болѣе рѣзокъ: «...Нельзя печатно судить о безпорядкахъ, когда нельзя касаться фактической стороны дѣла. Государство запретило вамъ писать, оно запретило говорить правду, это произволъ, а вы, съ легкой душой, по поводу этого произвола, говорите о правахъ и прерогативахъ государства»... и т. д.

Въ этихъ дѣловыхъ, дружескихъ и литературныхъ письмахъ постоянно встрѣчаются заботы, тревоги и хлопоты о множествѣ посторонніхъ и своихъ дѣлъ, которыя интересовали Чехова—о библіотекахъ, о школахъ, о журналѣ «Хирургія», возникшемъ при его содѣйствіи, объ изданіи и печатаніи своихъ сочиненій и устройствѣ разныхъ пріятелей. Жизнь его въ это время, повидимому, отличалась особенною напряженностью, можетъ быть, потому, что близился ея жестокій предѣлъ, что было ясно окружающимъ и самому Чехову послѣ грознаго предвѣстника—страшнаго кровоизліянія, случившагося въ мартѣ 1897 года въ Москвѣ. Зрѣлость творчества отразилась и на спеціально чеховскомъ талантѣ—писанія писемъ. Письма этого періода отличаются необыкновенной красотой и изяществомъ и блещутъ тѣмъ тончайшимъ юморомъ, въ которомъ заключается особый ароматъ чеховскаго творчества. Юморъ—едва уловимый, но отдѣли-

мый аккомпаниментъ во всѣхъ его отношеніяхъ, житейскихъ и сердечныхъ дѣлахъ; имъ обвѣянъ даже его начинающійся серьезный романъ, въ которомъ сразу же звучатъ и трагическія ноты. «Вы правы: писатель Чеховъ не забылъ актрисы Книпперъ»... «Я привыкъ къ вамъ и теперь скучаю и никакъ не могу примириться съ мыслью, что не увижу васъ до весны; я злюсь,—однимъ словомъ, если бы Наденька узнала «что творится у меня въ душѣ, то была бы исторія»... (Подъ Наденькой подразумѣвается несуществовавшая символическая супруга). «...Фотографіи своей не пришлю, пока не получу вашей, о змѣя! Я вовсе не называлъ васъ «змѣенышемъ», какъ вы пишете. Вы змѣя, а не змѣенышъ, громадная змѣя. Развѣ это не лестно?»... Болѣе раннія письма Чехова къ другимъ его пріятельницамъ полны нѣсколько иного—совсѣмъ безпечнаго и безудержнаго юмора.

Е. Колтоновская.

— А. И. Иванчинъ-Писаревъ. Изъ воспоминаній о хожденіи въ народъ. Спб., 1914. Цѣна 1 рубль.

Эта небольшая книжка не только чрезвычайно интересна, но и очень поучительна. Начавъ съ пропаганды среди крестьянъ революціонныхъ ученій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, какъ и многіе другіе его единомышленники, скоро пришелъ къ убѣжденію, что для развитія самодѣятельности крестьянъ необходимо воспользоваться существующими формами мірской организаціи—формами, остававшимися мертвой буквой вслѣдствіе неграмотности и забитости народа. Наиболѣе подходящимъ способомъ для воздѣйствія, въ этомъ смыслѣ, на крестьянское населеніе казалась должность волостного писаря, но добиться ея прямымъ, открытымъ путемъ для лица, получившаго высшее образованіе, было совершенно невозможно, въ виду подозрительности, съ которою смотрѣла власть на всякую попытку сближенія между интеллигентной молодежью и народомъ. Приходилось запасаться фальшивыми паспортами, выдавать себя за мѣщанъ или семинаристовъ. Подъ такой маской А. И. Иванчинъ-Писаревъ сдѣлался волостнымъ писаремъ сначала въ Самарской, потомъ въ Саратовской губерніи. Въ первой онъ оставался недолго, потому что случайно навлекъ на себя подозрѣнія полиціи; но въ Саратовской губерніи, сначала въ селѣ Булгаковѣ, потомъ въ селѣ Балтаѣ, онъ пробылъ больше года и успѣлъ существенно измѣнить къ лучшему положеніе мѣстныхъ крестьянъ, подорвавъ вліяніе міроѣдовъ, объяснивъ населенію его права и научивъ пользоваться ими. Дѣла живого, плодотворнаго, было такъ много, что не оставалось времени для про-

пагапды. Въ другихъ волостяхъ того же (вольскаго) уѣзда дѣйствовали тогда же и въ томъ же духѣ товарищи А. И. Иванчина-Писарева по партіи, Богдановичъ и Соловьевъ. Несмотря на благопріятныя условія (предводитель дворянства Н. П. Фроловъ и непремѣнный членъ крестьянскаго присутствія Н. М. Кострицынъ мало подходили къ обычному типу уѣздныхъ администраторовъ, а балтайскій волостной старшина Сенотовъ былъ человѣкъ совершенно исключительный по уму и нравственнымъ качествамъ), положеніе молодыхъ друзей народа скоро сдѣлалось невозможнымъ; ихъ образъ дѣйствій, всецѣло направленный на защиту крестьянъ, возстановилъ противъ нихъ управляющихъ помѣщичьими имѣніями и сельскихъ кулаковъ. Посыпались доносы, со дня на день ожидалось появленіе жандармовъ, и А. И. Иванчину-Писареву, какъ и его товарищамъ пришлось бѣжать въ Петербургъ. Онъ пріѣхалъ туда 31 марта, 1879 года. На другой день—читаемъ мы въ его книгѣ,—«въ гостиницу, гдѣ я остановился, пришелъ повидаться со мной А. К. Соловьевъ. Онъ былъ удрученъ какой-то думой... 2-го апрѣля объяснилось для меня его тяжелое настроеніе... Онъ уѣзжалъ изъ Балтая, гдѣ провелъ послѣдніе дни у меня, не сказавъ ни слова о томъ направленіи, въ какомъ будутъ развиваться его дальнѣйшіе планы... И вдругъ 2-е апрѣля!» Книга А. И. Иванчина-Писарева показываетъ съ замѣчательною яркостью, къ чему привело систематическое недовѣріе къ молодымъ силамъ, желавшимъ отдать себя на служеніе народу. Закрытіе всѣхъ легальныхъ путей не прекратило, а обострило смуту. Значительность результатовъ, въ короткое время достигнутыхъ А. И. Иванчинымъ-Писаревымъ въ Балтаѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, чѣмъ могло бы стать, при нормальныхъ условіяхъ, крестьянское самоуправленіе на почвѣ положенія 1861-го года.

— М. М. Винаверъ. Іосифъ Ивановичъ Каринцкій. Петроградъ, 1915.

Небольшая брошюра М. М. Винавера—очень цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Слишкомъ часто у насъ остаются мало извѣстными и недостаточно оцѣненными крупные работники въ тѣхъ областяхъ науки и жизни, которыя трудно доступны для посторонняго наблюденія. Ихъ близко знаютъ немногіе, далеко не всегда дѣлящіеся своимъ знаніемъ съ широкими кругами русскаго общества. Стоитъ только сойти со сцены этимъ немногимъ, стоитъ только воспоминаніямъ ихъ потерять свою свѣжесть—и возможность полнаго освѣщенія выдающейся фигуры теряется навсегда. Та-

кой фигурой былъ недавно скончавшійся І. И. Карницкій. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1882 г. была учреждена комиссія для составленія новаго гражданскаго уложенія, онъ не переставая трудился надъ этимъ дѣломъ, а со времени смерти А. А. Книрима руководилъ имъ въ качествѣ предсѣдателя комиссіи. Въ послѣдніе, смутные годы жгучіе политическіе вопросы отодвинули на задній планъ все остальное; но интересъ къ реформѣ, глубоко затрагивающей всѣ стороны семейнаго, житейскаго, хозяйственнаго быта, несомнѣнно пробудится вновь, какъ только Государственная Дума приступитъ къ обсужденію внесенныхъ въ нее частей гражданскаго проекта уложенія. Возрастетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересъ и къ главнымъ участникамъ этого дѣла. Въ портретѣ, нарисованномъ М. М. Винавероиъ, І. И. Карницкій выступаетъ передъ нами во весь ростъ, со всѣми оригинальными чертами своей натуры. «Полякъ по происхожденію, французъ по воспитанію и вкусамъ, глубоко вѣрующій сынъ римской церкви», онъ «свыкся съ мыслью о разницѣ вѣръ и воззрѣній и научился сквозь эту разницу видѣть и искренно уважать человѣка». Онъ былъ «монархистомъ до мозга костей», но «его лояльность не рождала безразличія и квіетизма; наоборотъ, всѣ мелкіе, недостойные величія сознающей себя власти уколы и преслѣдованія—особенно всѣ ограниченія людей въ правахъ по вѣроисповѣданіямъ—вызывали въ немъ рѣзкое возмущеніе». И это давало ему возможность «ладить съ русской интеллигенціей, вольнодумной въ вопросахъ религіозныхъ и политическихъ». Съ особенною любовью М. М. Винаверъ изображаетъ работу І. И. Карницкаго въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ, его оригинальную манеру спорить, проникнутую примирительнымъ настроеніемъ, его юридическую систему, сводившуюся къ устраненію формализма, къ раціональному, согласованному съ потребностями жизни направленію въ правѣ. Онъ былъ прирожденнымъ судьею, но именно судебная дѣятельность была передъ нимъ закрыта; сенаторъ по званію, онъ не участвовалъ въ рѣшеніи сенатскихъ дѣлъ. Онъ посвятилъ цѣлыя десятилѣтія законодательной работѣ, но не былъ призванъ въ составъ законодательнаго учрежденія. И, когда депутація юридическаго общества явилась къ нему съ просьбой принять на себя предсѣдательство въ обществѣ, онъ отклонилъ эту просьбу, потому что «считалъ вреднымъ ставить во главѣ общества поляка и католика»... Глубокое сожалѣніе чувствуется при мысли, что І. И. Карницкій не дожилъ до новаго фазиса, въ который, полгода тому назадъ, вступилъ у насъ въ Россіи польскій вопросъ.

Своей манерой изображать человѣка съ его внѣшнимъ обликомъ, въ его обычной обстановкѣ, съ унаслѣдованными и пріобрѣ-

тенными имъ характерными чертами, М. М. Винаверъ напоминаетъ А. Ѳ. Кони. Это искусство, сказавшееся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ замѣткѣ, посвященной М. М. Винаверомъ памяти А. Я. Пассовера, дается у насъ немногимъ—и тѣмъ болѣе цѣнны его проявленія.

К. А.

—М. Богдановичъ. Червонная Русь. Москва, 1915 г. Ц. 10 к. стр. 31.
Н. М. Лаговъ. Галичина. Петроградъ, 1915 г. Ц. 80 к. Стр. 123+VIII.
Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ великой войны 1914 г. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 146+VIII.
Галичина, Буковина, Угорская Русь. Составлено сотрудниками Журнала „Украинская Жизнь". Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 40 к. Стр. 230+I.

Обиліе газетныхъ и журнальныхъ статей, отдѣльно изданныхъ брошюръ и книгъ, посвященныхъ Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси, соотвѣтствуетъ тому острому вниманію, которое вызываютъ къ себѣ эти до войны—австро-венгерскія, послѣ войны, надо думать, русскія провинціи, являющіяся этнографической периферіей украинской вѣтви русскаго племени.

Четыре книжки, заголовки которыхъ выписаны выше, являются типичными для многочисленныхъ изданій, посвященныхъ Галичинѣ и появившихся за послѣднее время на книжномъ рынкѣ.

Первая изъ нихъ—принадлежащая г. Богдановичу,—совсѣмъ маленькая брошюра; въ ней всего три главы. Въ первой авторъ разсказываетъ о климатѣ и природѣ Галичины, о ея населеніи, о бытѣ; во второй говорится объ историческихъ судьбахъ края вплоть до присоединенія его къ Австріи; въ третьей и послѣдней главѣ излагается исторія національнаго возрожденія Галичины, обрисовывается современное ея положеніе. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя глава какъ разъ самая короткая, и потому картина положенія Галичины передъ войной вышла очень блѣдной. Брошюра г. Богдановича написана простымъ доступнымъ языкомъ; однимъ изъ ея достоинствъ является объективность автора, а также и его освѣдомленность въ томъ, что онъ излагаетъ.

Нельзя того же сказать о второмъ авторѣ—г. Лаговѣ. Его «Галичина»—не брошюра, а книга, напечатанная на хорошей бумагѣ, снабженная недурно исполненными иллюстраціями. Но текстъ этой книги сильно страдаетъ отъ отсутствія въ авторѣ объективности и надлежащей освѣдомленности. Начинается это съ эпиграфа къ книгѣ: «Отторженная возвратихъ»: «Отторженными» провинціями г. Лаговъ считаетъ не только восточную, малорусскую часть Галиціи, но и западную, польскую, съ Краковомъ и даже съ городомъ Вялой, лежащей на крайней польской периферіи въ Австріи. По-

видимому, автора спутали два весьма схожихъ названія: Галиція и Галичина. Галичина—это старое названіе, принадлежащее только восточной малорусской части австрійской Галиціи; Галиція—названіе новое, обнимающее собою провинцію, составленную изъ Галичины, великаго княжества Краковскаго и двухъ другихъ небольшихъ польскихъ отрѣзковъ И г. Лаговъ, начавъ говорить о «старомъ русскомъ краѣ Галичинѣ», закончилъ Краковомъ и польскими провинціями, которыя никогда не были русскими и никогда Россіи не принадлежали. Далѣе. Возвращая русскимъ въ качествѣ «отторженнаго» Краковъ, г. Лаговъ въ то же время «отторгаетъ» отъ русскихъ то, что имъ принадлежало всегда. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ о томъ періодѣ въ исторіи Галичины, когда галичане «не были еще переименованы въ «русинъ» или даже «рутенъ». Оказывается, что слово «русинъ»—австрійскаго происхожденія. Если бы авторъ заглянулъ хоть въ какой-нибудь пространный учебникъ русской исторіи, то онъ узналъ бы, что слово «русинъ» употреблялось еще въ договорахъ русскихъ съ греками, т.-е. тогда, когда Австріи и въ поминѣ не было. Точно также путается авторъ и съ терминами: малороссы и украинцы. То онъ противопоставляетъ малоросса украинцу, то отождествляетъ ихъ,—что, конечно, единственно правильное,—то, наконецъ, указываетъ на то, что самое слово: украинцы—польско-австрійскаго происхожденія.

Путается авторъ и въ опредѣленіи, казалось бы, простого термина: русскій. Украинскій языкъ онъ не признаетъ русскимъ, называетъ его «жаргономъ», но талантливыхъ украинскихъ писателей, какъ Стефаникъ или Франко, онъ называетъ русскими писателями и въ то же время говоритъ о переводахъ ихъ произведеній на русскій языкъ. Путаница эта привела автора къ тому, что, какъ выходитъ по его книгѣ, во Львовѣ не существовало ни одного украинскаго изданія, ни одного учрежденія. Азбучная мысль о томъ, что украинцы,—они же малороссы,—не менѣе русскіе, чѣмъ и великороссы, не приходитъ въ голову г. Лагову. Неосвѣдомленность преслѣдуетъ автора во всѣхъ частяхъ его книги и приводитъ его иногда къ забавнымъ утвержденіямъ, въ родѣ того, напр., что галиція избы «почти какъ великорусскія», или, что извѣстному дѣятелю польской революціи 1794 года Килинскому, сподвижнику Косціушки, во Львовѣ поставили памятникъ за то, что онъ «отличился въ битвахъ за польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго», и т. д. Поверхностность и легкомысленное отношеніе къ предмету лишаютъ книгу г. Лагова какого-либо значенія. Къ книгѣ г. Лагова приложена карта Галиціи, Буковины и Угорской Руси, но, напечатаная

почему-то на четвертой страницѣ обложки, она производитъ впечатлѣніе грубаго рельефа, лишеннаго точныхъ очертаній.

Иной характеръ носитъ книга проф. Н. В. Ястребова: «Галиція наканунѣ великой войны 1914 года». Авторъ говоритъ о предметѣ, хорошо ему знакомомъ, и говоритъ только о томъ, о чемъ онъ хочетъ говорить. Въ его задачу входило—дать картину положенія Галиціи передъ войной, и онъ это выполнилъ добросовѣстно и безпристрастно, независимо отъ своихъ личныхъ политическихъ взглядовъ и симпатій, вліяніе которыхъ сказалось развѣ только въ нѣкоторомъ излишествѣ кавычекъ, въ которыя проф. Ястребовъ включаетъ такія обычныя слова, какъ—украинофилъ, украинецъ и т. д. Сказываются слегка эти личныя симпатіи еще и въ нѣкоторыхъ оцѣнкахъ политическихъ событій и политическихъ дѣятелей, но въ общемъ это не вредитъ книгѣ. Въ книгѣ семь главъ, посвященныхъ природѣ и населенію Галиціи, церкви и просвѣщенію, хозяйственному быту и политическому строю, а также исторіи Галиціи. Изложена книга хорошимъ, доступнымъ языкомъ, сужденія подкрѣплены большимъ количествомъ цифровыхъ и фактическихъ данныхъ; общественная и политическая жизнь Галиціи, какъ австрійской провинціи, съ ея своеобразными внутренними національными и соціальными антагонизмами, обрисована отчетливо и соотвѣтственно дѣйствительности. Въ книгѣ отсутствуютъ иллюстраціи, но приложена хорошая карта Галиціи, Буковины и Угорской Руси. Излишней является лишь вводная статья, предшествующая всей книгѣ и озаглавленная: «Смыслъ и задачи великой освободительной войны 1914 года». Въ этой статьѣ проф. Ястребовъ говоритъ частью о борьбѣ германизма со славянствомъ, но главное мѣсто удѣляетъ тѣмъ условіямъ мира, которыя должны закончить современную войну. Эти условія такъ широки и всеобъемлющи, что обсужденіе ихъ выходитъ за предѣлы какъ и его книги о Галиціи, такъ и этой замѣтки о ней. Въ концѣ книги приложена библіографія, къ сожалѣнію, «не преслѣдующая полноты».

Четвертая книга: «Галичина, Буковина, Угорская Русь»,—является коллективнымъ трудомъ. Это—сборникъ статей, написанныхъ сотрудниками московскаго журнала «Украинская Жизнь». Какъ и всякая коллективная работа, книга эта имѣетъ и свои достоинства, и свои недостатки. Однако, главный недостатокъ такого рода книгъ—отсутствіе единства разсказа—всецѣло искупается въ этой книгѣ единствомъ замысла и заданія и гармоническимъ распредѣленіемъ матеріала. Особенностью данной книги является то, что вся она посвящена не тѣмъ или инымъ австро-венгерскимъ провинціямъ, какъ таковымъ, а исторіи, жизни и быту украинской вѣтви русскаго племени, жившей

въ предѣлахъ австро-венгерскаго государства; о другихъ народахъ Австро-Венгріи и о самой Австро-Венгріи въ книгѣ говорится лишь постольку, поскольку это нужно для общей картины положенія украинскаго населенія Галичины, Буковины и Угорской Руси. Книга состоитъ изъ одиннадцати статей, въ совокупности своей дающихъ полную характеристику жизни зарубежныхъ украинцевъ: географію страны, этнографическій и историческій очеркъ, исторію національнаго, церковнаго, политическаго и соціальнаго возрожденія мѣстнаго населенія, яркую картину особенностей его культурной жизни. Авторы статей не названы, но за ихъ изложеніемъ чувствуются подлинные спеціалисты своего дѣла. Особенно хороша этнографическая статья, въ которой сжато, мѣтко и выпукло охарактеризованы русины галицкой равнины, горные гуцуны, бойки, лемки и угроруссы. Превосходенъ также, по богатству фактовъ и ясности изложенія, рядъ статей, посвященныхъ обрисовкѣ культурной жизни страны, ея просвѣщенію, наукѣ и литературѣ, прессѣ и искусству, просвѣтительнымъ, профессіональнымъ, филантропическимъ и инымъ организаціямъ въ средѣ зарубежнаго украинскаго населенія, которое, по словамъ одного изъ авторовъ, въ тяжелой борьбѣ «изъ народа мужиковъ и пастуховъ достигло ранга культурнаго славянскаго племени, стало жить своею культурною жизнью, наравнѣ съ другими славянами Западной Европы».

Авторы книги безпристрастны и объективны въ изложеніи матеріала и въ обрисовкѣ фактовъ, но они объединены одной мыслью и однимъ національнымъ сознаніемъ. Отъ лица всѣхъ это выражено въ заключительной статьѣ «На поворотѣ», въ которой читаемъ: «Если теперь, послѣ побѣдъ въ Галиціи, Россія получаетъ свое наслѣдіе не въ видѣ совершенно полонизованнаго края, то она обязана этимъ украинскому національному движенію, отбившему натискъ польскаго націонализма. Романтики общерусскаго единства—галицкіе москофилы—оказались безсильными въ борьбѣ съ польскою культурою, ибо отказались отъ единственно дѣйствительнаго въ такой борьбѣ орудія—родного языка и основаннаго на немъ національнаго сознанія. Въ результатѣ Галичина сохранила свою «русскость» въ свойственныхъ ея населенію украинскихъ формахъ,—и въ такомъ видѣ, съ этими формами, со всѣми условіями, благодаря которымъ Галичина выросла до нынѣшняго культурнаго уровня, она должна быть принята Россіею безъ предубѣжденія и недоброжелательства». Къ книгѣ приложена хорошая карта разселенія украинскаго племени въ Австро-Венгріи; иллюстраціи ея обильны, интересны и подобраны со вкусомъ и умѣньемъ. Вызываетъ сожалѣніе отсутствіе библіографическихъ указаній.

Эту книгу, какъ и книгу проф. Ястребова, можно рекомендовать вниманію читателей; вмѣстѣ взятыя, онѣ дополняютъ одна другую и способны удовлетворить обострившееся вниманіе русскаго общества къ Галиціи, Буковинѣ и Угорской Руси.

М. Славинскій.

— І. Зонтагъ. Германія передъ катастрофой. Перев. съ нѣмецкаго. Е. Пашуканиса. Петроградъ. 1914.
— Князь фонъ Бюловъ. Внѣшняя политика Германіи. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. П. Бицилли. Одесса. 1915.
— П. Х. Воюющая Германія. Петроградъ. 1915.

Наиболѣе интересной изъ названныхъ выше книжекъ является брошюра нѣмецкаго журналиста Зонтага, написанная и опубликованная еще (на нѣмецкомъ языкѣ) въ 1913 году. Поводомъ къ ея составленію явился извѣстный германскій проектъ единовременнаго «военнаго налога» въ милліардъ марокъ. Въ этомъ налогѣ Зонтагъ справедливо усмотрѣлъ признакъ радикальнаго банкротства дипломатической и милитарной политики германскаго правительства и съ необычайной рельефностью выявилъ главнѣйшіе грѣхи и заблужденія правящихъ верховъ. Политическая освѣдомленность и зоркость автора превосходитъ средній уровень нѣмецкихъ политиковъ. Неудивительно поэтому, что ему удалось предсказать многое изъ того, что теперь въ дѣйствительности наступило. Такъ, напримѣръ, онъ заранѣе предвидѣлъ, что Англія не останется нейтральной въ предстоящей и теперь наступившей міровой войнѣ, и съ совершенной опредѣленностью указалъ на недостатокъ жизненныхъ средствъ, который неизбѣжно долженъ наступить при участіи Англіи въ военныхъ операціяхъ. Позиція Италіи также очень вѣрно обрисована Зонтагомъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ чтеніе брошюры не только интереснымъ, но и поучительнымъ. Крахъ цеховой дипломатіи теперь очевиденъ; предсказанія же Зонтага свидѣтельствуютъ, что нецеховая дипломатія можетъ стоять очень высоко и располагать информаціей, превышающей освѣдомленность вѣдомственныхъ чиновниковъ. Отсюда неизбѣжность новой расцѣнки политической работы, совершаемой представителями печатнаго слова. Если бы германское правительство больше прислушивалось къ голосу печати, оно, можетъ быть, не вступило бы на тотъ роковой путь, который по всѣмъ видимостямъ ведетъ только къ катастрофѣ.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Зонтагъ умѣренный либералъ и ярый патріотъ, съ горечью наблюдавшій огромный ростъ «антипатріотической» соціалдемократіи. Главнымъ, или, во всякомъ случаѣ, очень важнымъ аргументомъ противъ господствовавшаго курса являлось для него указаніе на ростъ соціалдемо-

кратіи, пользующейся промахами верховъ. Критика Зонтага вращается такимъ образомъ въ той же плоскости, на какой стоятъ командующіе классы Германіи, и именно потому она должна была бы получить для нихъ особое значеніе. Какъ мы теперь знаемъ, этого не случилось. Жизнь этихъ классовъ имѣетъ, очевидно, свою собственную логику, и предсказанія Кассандръ тутъ ничему помочь не въ состояніи.

Насколько брошюра Зонтага увлекательна и поучительна, настолько скучна и безынтересна брошюра бывшаго канцлера Бюлова. Не будучи творцомъ въ политикѣ, князь Бюловъ оказался лишеннымъ творческой силы и въ области слова. Гладкій до вылощенности языкъ его брошюры способенъ отбить всякую охоту къ чтенію этого произведенія, содержащаго нѣчто въ родѣ апологіи той политикѣ, которую «дѣлалъ» князь Бюловъ въ періодъ своего канцлерства. Въ сущности, политика Бюлова заключалась въ томъ, что онъ пытался находить повсюду «среднюю линію», на которой онъ могъ бы не строить,—какое ужъ тамъ у Бюлова строительство,—а удержаться временно на поверхности. Онъ все «приспособлялъ» и въ своемъ приспособительскомъ рвеніи не остановился даже передъ нелѣпой идеей «приспособить» либерализмъ къ консерватизму и сочетать ихъ законнѣйшимъ бракомъ въ своемъ знаменитомъ—но, увы, кратковременномъ—«блокѣ». Тѣмъ же дѣломъ занимается Бюловъ теперь въ своей брошюрѣ, составляющей часть книги о германской политикѣ вообще. Тутъ онъ «приспособляетъ» слова къ защитѣ всего того, что онъ и его господинъ дѣлали и сдѣлали въ теченіе того времени, когда онъ находился у власти. Въ результатѣ этого приспособленія получилось нѣсколько листовъ скучнѣйшей прозы, прочесть которую способенъ лишь профессіональный читатель.

Приблизительно къ той же категоріи нужно отнести брошюру г. П. Х., написанную, правда, живѣе бюловской. Политическое образованіе г. П. Х. не отличается чрезмѣрностью и сила его сужденій не превышаетъ обычнаго уровня пониманія хроникеровъ уличныхъ газетъ.

Переводы всѣхъ книгъ не отличаются точностью.

Р. Стрѣльцовъ.

— Проф. Д. М. Петрушевскій. „Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII в.“. Москва. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1915 г. Ц. 85 к.

Пятнадцатаго мая стараго стиля истекаетъ ровно 700 лѣтъ со дня вынужденнаго дарованія королемъ Іоанномъ Безземельнымъ

своимъ взбунтовавшимся подданнымъ Великой Хартіи Вольностей, которая легла потомъ краеугольнымъ камнемъ въ основаніе англійскаго парламентаризма.

Такимъ образомъ, новая книга проф. Д. М. Петрушевскаго является какъ нельзя болѣе кстати, хотя авторъ и не ставитъ въ связь ея появленія съ этимъ юбилеемъ. Оба очерка, вошедшіе въ нее, уже были напечатаны раньше въ «Русскомъ Богатствѣ», а первый изъ нихъ, посвященный непосредственно «Великой Хартіи», былъ изданъ отдѣльно въ 1904 году «Донской Рѣчью». Книга, написанная непосредственно по первоисточникамъ, что̀, разумѣется, не исключаетъ громадныхъ знаній автора въ области современной литературы вопроса, предназначена, повидимому, для широкой публики, такъ какъ въ ней совершенно нѣтъ такъ назыв. «нижняго этажа» и тотъ, кто пожелалъ бы прослѣдить работу автора, долженъ былъ бы имѣть подъ руками какое-нибудь собраніе памятниковъ по конституціонной исторіи Англіи (напр. «Select Charters»... *W. Stubbs*'а). Но къ книгѣ приложено и нѣсколько важнѣйшихъ хартій, иллюстрирующихъ эту исторію, вѣроятно, для нуждъ учащихся высшей школы, которымъ она тоже будетъ не безынтересна. Книга содержитъ краткій обзоръ англійской исторіи отъ такъ называемаго «нормандскаго завоеванія» до образованія парламента, уже вполнѣ сложившагося къ началу XIV вѣка во всесословное политическое представительство, безъ котораго правительство уже не можетъ обойтись.

Въ нашей публикѣ господствуетъ взглядъ, что именно В. Х. устанавливаетъ новый порядокъ въ государственномъ устройствѣ Англіи, но авторъ очень основательно разрушаетъ это предубѣжденіе, доказывая, что ничего подобнаго не было. Говоря словами Е. Бутми: «удивительный политическій тактъ, проявленный тогда баронами, являлся результатомъ желѣзной необходимости», и хартія во многихъ отношеніяхъ является документомъ, ограждающимъ интересы феодальныхъ держателей. Затѣмъ онъ достаточно подробно останавливается и на послѣдующей исторіи Англіи. Въ выборѣ иллюстрирующихъ эту исторію хартій видную роль, повидимому, сыграла та характеристика проф. В. Стэббса, которая изъ общей массы королевскихъ хартій выдѣлила нѣсколько наиболѣе важныхъ для исторіи развитія политической свободы англичанъ.

Кромѣ основного текста В. Х., которую авторъ перевелъ заново цѣликомъ, приведены также и такъ называемыя «баронскія статьи», т.-е. подлинный актъ, дарованный на лугу Раннимида и потомъ, послѣ окончательной побѣды бароновъ, замѣненный основнымъ текстомъ. Имѣется также и «неизвѣстная хартія Іоанна»,

краткая компиляція изъ предыдущей составленная неизвѣстнымъ лицомъ для французскаго короля.

Книга написана блестящимъ литературнымъ языкомъ и читается очень легко. Издана она очень тщательно, безъ опечатокъ и искаженій. Цѣну ея—85 коп. при 176 стр.—тоже слѣдуетъ считать недорогой. Поэтому остается только пожелать ей возможно болѣе широкаго распространенія.

Ю. Ивановъ.

— Н. С. Тимашевъ. Условное осужденіе. СПБ. 1914. 558 стр. Ц. 3 р.

Институтъ условнаго осужденія, встрѣтившій на первыхъ порахъ своего появленія не особенно любезный пріемъ со стороны спеціалистовъ-криминалистовъ, мало-по-малу и въ теоріи, и въ практикѣ сталъ фактомъ. Въ настоящее время большинство русскихъ криминалистовъ относится къ этому институту вполнѣ положительно; положительно высказались за него и судебныя учрежденія, а равно и министерство юстиціи, внесшее проектъ условнаго осужденія въ Гос. Думу I и II созыва и разсмотрѣнный Госуд. Думой III-го созыва. Если бы «не спасительный тормозъ» Г. Совѣта, и у насъ бы этотъ институтъ сталъ «фактомъ», но послѣдній въ засѣданіи 7-го апрѣля 1910 г. похоронилъ и, повидимому, надолго эту идею. Нельзя не согласиться съ авторомъ данной работы, когда онъ рѣзко подчеркиваетъ свое несогласіе съ Г. Совѣтомъ въ оцѣнкѣ этого института, и въ связи съ этимъ нельзя не отмѣтить, что въ лицѣ Н. С. Тимашева этотъ институтъ нашелъ надлежащаго защитника и весьма компетентнаго изслѣдователя.

Изъ работъ, посвященныхъ условному осужденію въ русской литературѣ, книга г. Тимашева является самой полной и исчерпывающей. Въ трехъ основныхъ отдѣлахъ своей работы авторъ подвергъ этотъ институтъ всестороннему изслѣдованію: сравнительно историческому, юридико-политическому и догматическому. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ подробно разсматриваетъ тѣ институты, изъ которыхъ выросъ данный институтъ а затѣмъ 4-ре основныя формы условнаго осужденія (англо-американскую, франко-бельгійскую, австрійскую и германскую). Въ томъ же отдѣлѣ дана и исторія условнаго осужденія въ Россіи.

Въ юридико-догматическомъ отношеніи авторъ видитъ сущность усл. осужденія въ превращеніи пріобрѣтеннаго государствомъ карательнаго права изъ абсолютнаго въ суспенсивно-условное. Изъ всѣхъ конструкцій этого института, имѣющихся въ литературѣ, конструкція, удачно развитая авторомъ, кажется намъ наиболѣе вѣрной и пріемлемой. Только ставши на эту точку зрѣнія, можно безъ труда дедуцировать тѣ матеріально-правовые и процессуальные

эффекты, которые долженъ вызывать этотъ институтъ. Разъ сущность уголовнаго осужденія заключается въ превращеніи карательнаго права изъ абсолютнаго въ суспенсивное, то матеріально-правовой эффектъ уголовнаго осужденія—отпаденіе наказанія при благопріятномъ истеченіи испытанія,—по справедливому замѣчанію г. Тимашева, «представляется лишь логическимъ послѣдствіемъ названнаго превращенія», а потому отлично: 1) и отъ помилованія и давности, 2) и отъ госуд. вознагражденія за добропорядочное поведеніе, а равно не является ни наказаніемъ, ни мѣрой спеціальной охраны. Изъ того же опредѣленія самъ собой слѣдуетъ и процессуальный эффектъ условнаго осужденія—пріостановка движенія уголовнаго процесса. Вообще, вѣрно намѣтивши центръ вопроса, авторъ послѣдовательно конструируетъ всѣ детали юридической природы изслѣдуемаго имъ института.

Не менѣе убѣдителенъ анализъ автора и въ правно-политической постановкѣ вопроса. Выводы, къ которымъ онъ здѣсь приходитъ, таковы: «Задача условнаго осужденія лежитъ въ области спеціальной превенціи, она состоитъ въ предупрежденіи рецидива со стороны случайнаго некрупнаго преступника»:—избавляетъ его отъ краткосрочнаго тюремнаго заключенія (угол. профилактика) и даетъ положительный эффектъ угрозой покарать, если преступникъ не будетъ вести себя добропорядочно (воспитат. вліяніе).

Такъ же тщательно изслѣдованы авторомъ и практически-наилучшія формы условнаго осужденія въ догматической части его работы. Правда, здѣсь есть рядъ деталей, которыя спорны, но это именно детали, нисколько не умаляющія цѣнность и строго-научныя достоинства магистерской диссертаціи Н. С. Тимашева.

Кромѣ послѣднихъ, какъ я уже замѣтилъ, книга для насъ цѣнна еще и потому, что она, «уничтожаетъ ту массу предубѣжденій, которыя связались вокругъ условнаго осужденія», и тѣмъ содѣйствуетъ «введенію въ наше право института, столь возвышеннаго по своей идеѣ и столь благотворнаго въ своемъ практическомъ примѣненіи».

Питиримъ Сорокинъ.

— Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы „мирнаго труда“. (О несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ). Петроградъ. 1915. Ц. 25 коп.

Разсматриваемая брошюра д-ра Н. А. Вигдорчика написана съ цѣлью дать читающей публикѣ популярное изложеніе вопроса объ охранѣ труда въ условіяхъ фабрично-заводской промышленности. Общество живо интересуется происходящими, къ сожалѣнію, довольно часто катастрофами на фабрикахъ и заводахъ, вырываю-

щими изъ жизни десятки и сотни работниковъ. Поэтому попытку автора освѣтить условія фабрично-заводской жизни и популяризировать этотъ вопросъ нельзя не привѣтствовать.

Авторъ подробно останавливается въ первыхъ главахъ своей книги на причинахъ несчастныхъ случаевъ и способахъ ихъ предупрежденія. Во второй части описываются законодательныя мѣры къ обезпеченію пострадавшихъ рабочихъ въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи—изложена сущность закона 2 іюня 1903 г. и «Правилъ о мѣрахъ безопасности работъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности», изданныхъ главнымъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіемъ въ 1913 году.

На основаніи тщательнаго изученія статистическихъ матеріаловъ о несчастныхъ случаяхъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что причины несчастій на фабрикахъ и заводахъ зависятъ, во-первыхъ, отъ непринятія необходимыхъ для огражденія здоровья рабочихъ мѣръ со стороны владѣльцевъ фабрикъ и, во-вторыхъ, отъ общаго культурнаго уровня рабочихъ массъ. Такимъ образомъ, авторъ горячо протестуетъ противъ распространеннаго мнѣнія, утверждающаго, что, если не вся, то большая часть отвѣтственности за увѣчья падаетъ на самихъ рабочихъ, и всѣ свои положенія доказываетъ фактическими данными.

Констатируя несовершенство фабрично-заводскаго законодательства въ части его, касающейся отвѣтственности предпринимателей, авторъ указываетъ на постепенное улучшеніе отдѣльныхъ мѣропріятій, охраняющихъ жизнь рабочихъ, идущее параллельно съ эволюціей правовыхъ началъ въ современной общественной жизни. «Съ возложеніемъ на предпринимателей отвѣтственности за несчастные случаи..... здоровье рабочихъ получило въ глазахъ предпринимателей цѣну и они поневолѣ начали о немъ заботиться» (стр. 66). Отсюда и усовершенствованія въ разсматриваемой области фабричнаго законодательства должны идти вмѣстѣ съ общимъ культурнымъ развитіемъ человѣчества, которое, въ концѣ концовъ, должно проникнуться сознаніемъ, что «не человѣкъ будетъ существовать для машины, а машина для человѣка». Въ этой работѣ должны принимать участіе и сами рабочіе—«чтобы здоровье и жизнь рабочаго пріобрѣли большую цѣнность въ современномъ обществѣ, нужно, чтобы рабочій самъ началъ выше цѣнить себя» (стр. 67). Читается разсматриваемая брошюра весьма легко и можетъ послужить цѣннымъ указателемъ и, отчасти справочникомъ, всѣмъ желающимъ познакомиться съ современнымъ состояніемъ вопроса объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья рабочихъ.

Н. Сумъ.

Ярославской обл. библиотека

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Библіотека великихъ писателей. Подъ редакціей проф. С. А Венгерова. Пушкинъ. Т. VI. Изд. тов. Брокгаузъ-Ефронъ. 1915. Стр. 661.

Въ заключительномъ шестомъ томѣ роскошнаго изданія сочиненій Пушкина, подъ редакціею С. А. Венгерова, помѣщены, кромѣ писемъ поэта съ 1825 года, статьи: „Пушкинъ, какъ историкъ“ Н. Өирсова, „Чаадаевъ и Пушкинъ“ М. Гершензона, „Вильгельмъ фонъ-Кюхельбекеръ“ Нестора Котляревскаго, „Александръ Тургеневъ и Пушкинъ“ А. Өомина, „Стихотворная техника Пушкина“ Валерія Брюсова, „Политическіе и общественные взгляды Пушкина“ В. Водовозова, „Пущинъ и Пушкинъ“ С. Штрайха, „Пушкинъ и русская музыка“ С. Булича, „Пушкинъ и Лермонтовъ“ М. Гершензона, „Пушкинъ у Брюллова, „Послѣдняя дуэль Пушкина“ П. Щеголева, „Болѣзнь и смерть Пушкина“ д-ра Ю. Малиса, описанія Святогорскаго монастыря и могилы Пушкина, „Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста“ Н. Лернера, примѣчанія къ стихотвореніямъ, дополненія и примѣчанія къ письмамъ, и наконецъ подробный алфавитный указатель произведеній Пушкина, составленный В. В. Водовозовымъ. Книга украшена многочисленными, прекрасно исполненными иллюстраціями и портретами.

Л.

Сельскій кредитъ въ Московской губерніи. Составилъ В. М. Колобовъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. А. Вихляева. Москва, 1914.

Это изданіе московскаго губернскаго земства принадлежитъ къ числу очень рѣдкихъ работъ систематическаго изслѣдованія состоянія въ новѣйшее время сельскаго кредита со стороны тѣхъ потребностей, коими вызываются крестьянскіе займы, формъ кредита, его дороговизны, времени заключенія займовъ и сроковъ уплаты, состава заимодавцевъ и т. п. Матеріалами для даннаго изслѣдованія служили отвѣты восьмисотъ корреспондентовъ на программу вопросовъ настолько обширную, что она занимаетъ 10 страницъ мелкой печати. Матеріалы эти, касающіеся главнымъ образомъ денежныхъ займовъ у частныхъ лицъ, сведены въ таблицы и тщательно разработаны Колобовымъ въ текстѣ въ поуѣздной и въ погубернской группировкѣ, съ подраздѣленіемъ погубернскихъ итоговъ соотвѣтственно двумъ районамъ: организованнаго (кооперативно) и неорганизованнаго кредита. Сопоставленіе данныхъ этой анкеты (1912 г.) съ данными (того же приблизительно времени) анкеты владимірскаго земства и съ болѣе ранними (1894 г.) данными анкеты, произведенной полтавскимъ земствомъ, позволило оттѣнить нѣкоторыя особенности сельскаго кредита въ различныхъ районахъ Россіи, а сравненіе новѣйшей анкеты московскаго земства съ его изслѣдованіемъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ показало, какія измѣненія въ постановкѣ даннаго дѣла произошли, въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія.

В. В.

Николай Белдыцкій. Памяти родныхъ писателей. Съ тремя портретами. Пермь. 65 стр. Ц. 35 к.

Въ брошюрѣ помѣщены замѣтки „О творчествѣ Мамина-Сибиряка“ и „Старая Пермь по произведеніямъ Ф. М. Рѣшетникова“, не представляющія ни новыхъ данныхъ объ этихъ писателяхъ-пермякахъ, ни новаго освѣщенія ихъ дѣтельности. Интереснѣе третья статья объ А. А. Дмитріевѣ, какъ авторѣ „Пермской Старины“. Это—характеристика дѣятельности одного изъ тѣхъ тружениковъ, которые въ разныхъ концахъ Россіи, какъ Гациссій въ Нижнемъ, Агафоновъ въ Казани, Леонольдовъ въ Саратовѣ, Смышляевъ въ Перми—отдавали съ трогательнымъ фанатизмомъ время, трудъ и послѣдніе гроши на изученіе родного края и его прошлаго. Жизнь Дмитріева (скончавшагося въ 1902 г.) была цѣликомъ отдана его „Пермской Старинѣ“ и богата, какъ жизнь всѣхъ людей этого типа, только культурнымъ трудомъ, при полномъ большей частью равнодушіи земляковъ.

С. А. Венгеровъ. Источники словаря русскихъ писателей. Т. III. Карамышевъ-Ломоносовъ. Петроградъ, 1914.

Новый томъ „Источниковъ“ является продолженіемъ первыхъ двухъ томовъ этого

полезнаго библіографическаго изданія. Оно выходитъ, къ сожалѣнію, съ крайне досадною медленностью, такъ что первый томъ даже успѣлъ выйти изъ продажи и требуетъ переизданія. Какъ первые два тома, и третій даетъ библіографическія указанія не позже 1899 года. Слабымъ мѣстомъ собранныхъ г. Венгеровымъ библіографій является нѣкоторая неравномѣрность ихъ содержанія. Всякій работавшій надъ отдѣльными авторами, вошедшими въ „источники“ г. Венгерова, знаетъ, что на-ряду съ необходимѣйшими указаніями онъ наткнется на весьма мелочныя и случайныя ссылки (на журнальныя и газетныя статьи), ссылки, которыя можно бы безъ вреда отбросить и которыя затрудняютъ работающаго, и съ другой стороны — существенные пропуски особенно, что касается книгъ, въ которыхъ говорится объ отдѣльныхъ авторахъ. Тѣмъ не менѣе эта капитальная работа единственная, и ждетъ скорѣйшаго окончанія. Ускореніе особенно важно потому, что впереди, какъ указываетъ составитель, изданіе гораздо болѣе обширнаго труда. Книжный и журнальный потокъ растетъ прямо въ геометрической прогрессіи. За в е с ь XVIII вѣкъ вышло въ Россіи около 10.000 книгъ, а теперь е ж е г о д н о выходитъ около 30 тысячъ названій. Журнальныхъ названій за XVIII-й и XIX-й вѣкъ около 2000, а только за первый десятокъ лѣтъ XX вѣка прибавилось около 5000 названій. Количество библіографическихъ карточекъ-записей единственной въ Россіи картотеки г. Венгерова, только за 12 лѣтъ XX вѣка, въ полтора раза больше числа карточекъ, регистрирующихъ литературныя явленія XVIII и XIX вѣковъ.—Быть можетъ, раціонально было бы теперь же приступить къ печатанію дополнительныхъ томовъ о писателяхъ девятнадцатаго вѣка, давая хотя о нихъ дополнительную библіографію и за XX вѣкъ. При этомъ могли бы быть исправлены и допущенные въ изданіи пропуски писателей. Выпуская необходимѣйшее пособіе для изученія русской литературы съ истинно кунктаторскою медлительностью, Академія Наукъ и составитель дѣлаютъ полдѣла. Ч. В—скій.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

А. С. Война и экономическая независимость Россіи. Москва, 1915 г. Ц. 10 к.

Амфитеатровъ, А. В. Мандрагора. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Риемы восьмидесятника. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Баденъ - Пауэллъ. Развѣдчики. Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бахтинъ, Н. Угорская Русь. Петроградъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Бернеръ, Н. Одиннадцать стиховъ. Москва, 1915 г.

Боголюбовъ, Н. Философія религіи. Часть I. Кіевъ, 1915 г. Ц. 3 р.

Брюсовъ, Валерій. Собраніе сочиненій. Т. 3, 4 и 15. Петроградъ, 1915 г. Ц. каждаго тома 1 р. 75 к.

Буасье, Г. Общественное настроеніе временъ римскихъ цезарей. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Булгаковъ, Сергій. Война и русское самосознаніе. Москва, 1915 г. Ц. 25 к.

Бѣлорусовъ, А. Франція. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлоусовъ, Иванъ. Атава. Стихотворенія. Книга 2-я. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Василевскій, И. Ф. (*Буква*). I. Георгъ V. II. Францъ - Іосифъ. III. Вильгельмъ II. Петроградъ, Ц. каждаго вып. 15 к.

Вахтерова, Э. О. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и избранныя произведенія. Москва, 1915 г. Ц. 80 к.

Владиміровъ. Современная Германія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 5 к.

Гладкій, А. К. Русская художественная литература, какъ факторъ воспитанія въ средней школѣ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Глазеръ, А. Савонаролла. Историческая повѣсть. Петроградъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 1, 3 и 5. Москва, 1915 г.

Демковъ, М. И. Дары юности. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дунаевъ, Б. И. Сказанія про храбраго витязя Бову-Королевича. Москва, 1915 г. Ц. 50 к.

Ильинъ, И. А. Духовный смыслъ войны. Москва, 1915 г. Ц. 25 к.

Казимировъ, Н. Учебники, наглядныя пособія и классная мебель въ земскихъ школахъ Московской губ. Москва, 1915 г.

Карпевъ, Н. Исторіологія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коробовъ, Исанъ. Въ дыму шрапнели. Москва, 1915 г. Ц. 20 к.

Крэмбъ, проф. Германія и Англія. Москва, 1915 г. Ц. 75 к.

Кузминъ, М. Плавающіе, путешествующіе. Романъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лелива. Переоцѣнка цѣнностей въ связи съ настоящей войной. Петроградъ, 1915 г. Ц. 25 к.

Лемонье, К. На братскихъ могилахъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 80 к.

Леоновъ, Н. Стихотворенія. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Лондонъ, Джэкъ. Лунная долина. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мацѣевскій, К. Ф. Возможные исходы нынѣшней міровой войны. Петроградъ, 1915 г. Ц. 25 к.

Мережковскій, Д. С. Двѣ тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ. Москва, 1915 г. Ц. 50 к.

— Было и будетъ. Дневникъ. 1910—1914. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ, Д. Справочная книга по военно-санитарному дѣлу. Петроградъ—Кіевъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Красный Крестъ и сестры милосердія въ Россіи и за границей. Петроградъ—Кіевъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Моравская, М. Стихи о войнѣ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 20 к.

Мусинъ Пушкинъ, А. А., гр. Къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи. Петроградъ, 1915 г. Ц. 25 к.

— О необходимости національнаго направленія нашей школы. Петроградъ, 1915 г. Ц. 25 к.

П—ій, Б. А. Современная Монголія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Погодинъ, А. Л. Славянскій міръ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Поплавскій, И. А. О товарной желѣзнодорожной статистикѣ. Москва, 1915 г.

Ремизовъ, Алексѣй. Весеннее порошье. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рудникова, Нина. Елачичъ, Георгій. Люциферъ и антихристъ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 60 к.

Сермент, Августъ. Вай. Петроградъ. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Синклеръ, Уптонъ. Сильвія. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Синюковъ, М. Е. Чай и наша чайная проблема. Петроградъ, 1915 г. Ц. 30 к.

Смородиновъ, В. Г. Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта. Петроградъ, 1914 г.

Сологубъ, Ѳедоръ. Собраніе сочиненій. Т. XX. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 75 к.

Старосельская, О. Кондорсе, какъ соціологъ. Москва, 1915 г. Ц. 80 к.

Стендаль-де (Анри Бейль). Томъ I. О любви. Пер. Л. Львовичъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Трубецкой, Е. Н., кн. Война и міровая задача Россіи. Москва, 1915 г. Ц. 20 к.

— Національный вопросъ. Константинополь и Святая Софія. Москва, 1915 г. Ц. 20 к.

Тупинъ, А. И. Прибалтійскій край и война. Съ пред. проф. К. И. Арабажина. Петроградъ. 1915 г. Ц. 1 р.

Цеховичъ, Марко П. Современныя славянскія проблемы. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р.

Черный, Борисъ. Первая тетрадь разсказовъ. Москва, 1915 г. Ц. 25 к.

Чернышевъ, В. Правильность и чистота русской рѣчи. Вып. 2-й. Части рѣчи. Изд. 2-ое. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шварцъ, Г. В. Изъ вражескаго плѣна. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шебуевъ, Николай. Собраніе сочиненій. Т. IV. Версификація. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Щепотьевъ, А. Краткій очеркъ шелководства. Тифлисъ, 1915 г.

Яблочковъ, Г. Слѣпая дума и др. разсказы. Москва, 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

Яхонтовъ, Е. Газаватъ. Драматическія картины. Ростовъ на Дону, 1915 г.

Библіотека великихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. VI. Петроградъ, 1915 г.

Годовой отчетъ Совѣта рязанскаго общественно-педагогическаго кружка за 1914 годъ. Рязань, 1915 г.

Ежегодникъ отдѣла земельныхъ улучшеній. Годъ 5-ый. Часть I и II. Петроградъ, 1915 г.

Записки жены декабриста П. Е. Анненковой (Pauline Gueble). Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Издательство „Музей труда". 1-ая серія стѣнныхъ таблицъ діаграммъ.

Страхованіе рабочихъ въ Россіи и Западной Европѣ. Петроградъ, 1915 г. Ц. 75 к.

Краткій очеркъ дѣятельности Костромского уѣзднаго земства. Кострома, 1915 г.

Крестьянское хозяйство. Уфимской губ. Подворная перепись 1912—1913 г.г. Часть II. Уфа, 1914 г.

Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. Т. V. Вып. I. О Бѣлинскомъ. Сост. Л. О. Вейнбергъ. Москва, 1915 г. Ц. 1 р.

Мемуаръ графини Потоцкой. Петроградъ, 1915 г. Ц. 2 р.

Наше Дѣло. Ежемѣсячный журналъ. № 1. Петроградъ, 1915 г. Ц. 40 к.

Нѣмецкое зло. Сборникъ статей, посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ нашей „внутренней Германіей". Вып. 1-ый. Москва, 1915 г. Ц. 70 к.

Отчетъ одесской общественной библіотеки за десятилѣтіе 1905—1915 г. Одесса, 1915 г.

„Очарованный Странникъ". Альманахъ Петроградъ. 1915 г. Ц. 25 к.

Предварительный отчетъ о работахъ по изученію естественно-историческихъ условій Черниговской губ. въ 1913 г. Изд. Черн. губ. земства. Москва, 1914 г.

Пятидесятилѣтній юбилей газеты „Русскія Вѣдомости" (1863—1913). Москва, 1915 г.

Россія, Царьградъ и проливы. Матеріалы и извлеченія. Подъ ред. Р. Стрѣльцова. Петроградъ, 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго общества. Т. XIX. Памяти проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ, 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сельскохозяйственный обзоръ Самарской губ. за 1911—1913 г.г. Самара, 1915 г.

Сердобскій уѣздъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи за 1914—1915 годъ. Саратовъ, 1915 г.

Черныя розы. Литературный альманахъ. Томскъ, 1915 г. Ц. 20 к.

Статистика на изборитѣ за народни прѣдставители за XV и XIV обикновено народно събрание. София, 1915.

Les annales des nationalités. № 2. Paris, 1915. Prix 75 c.

Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. Dirigée par Th. Ribot. № 10. St. Seliber: La pensée russe présente-t-elle des tendances originales en philosophie? Paris, 1914.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ВА „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ: „...Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ“ („Русскія Вѣдомости“ 1913 г. № 66). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собой все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей“ („Утро Россіи“ 1910 г. № 317.)

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.; полнаго иллюстрир. изд.—3 р. 30 к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака)—50 к. За пересылку по дѣйствительной стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. Иллюстрированные проспекты съ подробными отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются по требованію безплатно. По желанію томы Словаря доставляются ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“: Москва, Тверской бульваръ, 15.

Для ускоренія выхода изданія печатаются параллельно тома на буквы Л.-О. и на П. Вышелъ и разсылается XXXI томъ (Павинскій—Персія) переплетается XXVII томъ (Лемуры—Майковъ); печатается XXXII томъ (Персія—Польская литература).

„БЛАГО“: Издательское Т-во

Петроградъ, Николаевская ул., 44-85.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

30 т. по 1 р. 50 к.

Изданіе состоитъ изъ **30 томовъ** большого формата по **250—300 стр.** каждый, и снабжено рисунками, чертежами, атласами (въ краскахъ) и проч. Пользуясь имъ, наши подписчики успѣшно подготовляются, **безъ всякихъ иныхъ пособій и безъ помощи учителя**, къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, на всѣ учительскія званія, на вольноопредѣляющагося, на классный чинъ, на аптекарскаго ученика и т. п. **Цѣна тома 1 руб. 55 коп. съ пересылкой.**

Академія Иностранныхъ Языковъ.

Изданіе даетъ возможность въ наикратчайшій срокъ и **безъ помощи учителя** изучить въ совершенствѣ **французскій, англійскій** и **нѣмецкій** языки. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ **10 выпусковъ** большого формата (болѣе 1000 стр.). **Цѣна** каждаго выпуска **1 руб.** (Наложеннымъ платежомъ—1 руб. 25 коп.).

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА : : :

„Искусство для Всѣхъ“.

Изданіе состоитъ изъ **10 томовъ** большого формата, **роскошно-иллюстрированныхъ**, и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя**, практически изучить рисованіе, живопись и прикладное искусство, а также пріобрѣсти тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художествен. произведеній. **Цѣна тома 2 руб.** Налож. плат. 2 руб. 25 коп.

Академія Коммерческихъ Знаній.

Изданіе обнимаетъ полный курсъ высшихъ коммерческ. учебн. завед. и даетъ возможность каждому, **безъ помощи учителя**, пріобрѣсти познанія, необходимыя каждому коммерческому дѣятелю. Изданіе состоитъ изъ **15 томовъ** большого формата **по 250 стр. каждый. Цѣна тома 2 р.** (Налож. платеж. 2 руб. 25 коп.).

ПОСОБІЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ въ 4-хъ томахъ. Настольная книга по всѣмъ отдѣламъ русскаго языка. Цѣна 1-го тома **1 р. 50 к.**, 2-го тома—**2 р.**, 3-го тома—**2 р. 50 к.**, 4-го тома—**1 р.**

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе ПРОФЕССОРА и ПРЕПОДАВАТЕЛИ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Петрограда.

При редакціяхъ всѣхъ нашихъ изданій имѣются постоян. бюро, руководящія занятіями учениковъ и провѣряющія присылаемыя работы безплатно.

Подробные проспекты ВСѢХЪ изданій, отзывы печати и тысячи благодарств. отзывовъ подписч., засвидѣтельствован. *нотаріусомъ*, высылаются *безплатно*.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ.

АНГЛІЙСКІЯ ГЕЛІОГРАВЮРЫ

(REMBRANDT INTAGLIO)

съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ЦѢНА ЭСТАМПА: 60 коп. (34×46 стм.) и 75 коп. (38×51 стм.).

Альбомы иностранной живописи

(6 альбомовъ по 8 англійскихъ геліогравюръ) по 3 руб. За пересылку—по стоимости.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“:

Москва, Тверской бульв., 15. ═ Петроградъ, Моховая, 37.

Исключительно

РЫБОЛОВНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Т-ва „С. А. МАЛИНОВСКІЙ“

МОСКВА, Рождественка, 8.

Прейсъ-курантъ безплатно.

Т-во „МІРЪ“, Москва, Знаменка, 9.

Открывается подписка на НОВОЕ 2-е УЛУЧШЕННОЕ изданіе

КАРУСЪ ШТЕРНЕ.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗДАНІЯ.

Переводъ съ изданія, переработан. В. Бельше, подъ редакціей В. К. Агафонова. Съ дополнительными статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова.

„Передъ нами путеводитель, странствуя съ которымъ по вселенной, мы не только пробѣгаемъ едва уловимыя нашимъ воображеніемъ пространства, но столь же мало представляемыя по своей протяженности эпохи ея жизни. Собранный на этомъ двойномъ пути пространства и времени матеріалъ, систематизированный и подвергнутый строгому анализу, раскрываетъ передъ нами всю архитектуру жизни на нашей планетѣ отъ ея первыхъ слѣдовъ, теряющихся въ явленіяхъ мертвой природы, до ступеней съ высоко-развитой психикой“ (изъ введенія проф. Н. А. Умова).

3 тома, 1424 страницы, 742 рисунка, въ томъ числѣ болѣе **61 однотонныхъ и цвѣтныхъ на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна изданія** безъ пересылки, въ нарядномъ полукож. переплетѣ **20** р. **Всѣ 3 тома вышли изъ печати и разсылаются подписчикамъ.**

Продолжается подписка на другія изданія Т-ва „МІРЪ“.

Исторія русской литературы. Подъ ред. *А. Е. Грузинскаго*, акад. *В. Ѳ. Миллера*, акад. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго* и проф. *П. Н. Сакулина*. **Русская литература XX в.** Подъ ред. проф. *С. А. Венгерова*. **Исторія западной литературы.** Подъ ред. *Ѳ. Д. Батюшкова*. **Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.** *М. Н. Покровскаго*. **Итоги науки** въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. *М. М. Ковалевскаго*, проф. *Н. Н. Ланге*, *Н. А. Морозова* и проф. *В. М. Шимкевича*. **Исторія русской общественной мысли.** *Г. В. Плеханова*. **Силуэты русскихъ писателей.** *Ю. И. Айхенвальда*, **Современная скульптура.** 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ *Сергѣя Маковскаго*.

Допускается разсрочка платежа отъ 2 руб. въ мѣсяцъ.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО.

Главная контора изданій Т-ва „МІРЪ“. Москва, Знаменка, 9.

Телефонъ 1-37-31.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и Ко представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Заѣдывающій лабораторіей, инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

М. М. КОВАЛЕВСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

СОДЕРЖАНІЕ: Тома I—III—Современная Европа. Т. IV—Дальній Западъ и Востокъ. Т. V—VII—Современная наука. Естествознаніе. Соціологія. Философія. Т. VIII—Европа передъ войной. Т. IX—Міровая война. Т. X—Современная Россія.

Въ изданіи принимаютъ участіе: пр.-доц. Е. В. Аничковъ, проф. Д. Н. Анучинъ, проф. М. В. Бернацкій, Э. Бернштейнъ, прив.-доц. С. Н. Блажко, Бѣлоруссовъ (Парижъ), А. де-Витъ (Утрехтъ), В. В. Водовозовъ, проф. Э. Вандервельдъ, А. Дерентальдъ (Мадридъ), А. К. Дживелеговъ, Діонео (Лондонъ), проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, Л. Крживицкій, проф. А. Д. Ксенополъ (Яссы), проф. М. А. Мензбиръ, В. Л. Омелянскій, М. Осоргинъ (Римъ), проф. А. П. Павловъ, проф. А. Л. Погодинъ, С. И. Рапопортъ (Лондонъ), проф. Е. В. де-Роберти, Н. С. Русановъ, проф. А. Ѳ. Самойловъ, Р. С. Стрѣльцовъ, пр.-доц. А. К. Тимирязевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, пр.-доц. К. Ѳ. Тіандеръ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, пр.-доц. В. М. Фриче, М. Хилквитъ (Morris Hilquitt, New-York), К. Шпрингеръ (Реннеръ), маг. А. С. Щепотьевъ и др.

„Изданіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ вводитъ читателя въ пониманіе народно-хозяйственной жизни каждой страны въ связи съ ея жизнью политической и умственной". (Н. А. Рубакинъ „Среди книгъ", ч. II, 1913).

„ИСТОРІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" выходитъ выпусками; всѣхъ выпуск. будетъ около 40.

ЦѢНА по подпискѣ на все изданіе: вып. 1 руб., тома въ переплетѣ 5 руб. Цѣна въ отдѣльн. продажѣ тома въ переплетѣ 6 р. 50 к. За пересылку—по стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°": МОСКВА, Тверской бул., 15.

ПРИМАНКА „РЫБОЛИНЪ"

НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ УСПѢШНАГО УЖЕНІЯ

При употребленіи этой приманки не приходится сидѣть съ удочкой и ждать часами поклевки. Примѣшан. къ насадкѣ „Рыболинъ" далеко распростран. въ водѣ любимый рыбами запахъ.

РЫБА НЕПРОИЗВОЛЬНО ПРИБЛИЖАЕТСЯ И КЛЮЕТЪ.

Больш. флаконъ „РЫБОЛИНА" съ пересылк. и упаковк. 1 р. 50 к. Три больш. флакона 3 р. 50 к. Въ Азіатскую Россію добавляется по таксѣ.

Складъ „РЫБОЛИНА" для всей Россіи у изобрѣтат.

И. ГЛАЗУНОВЪ, Москва, Столешниковъ, № 8.

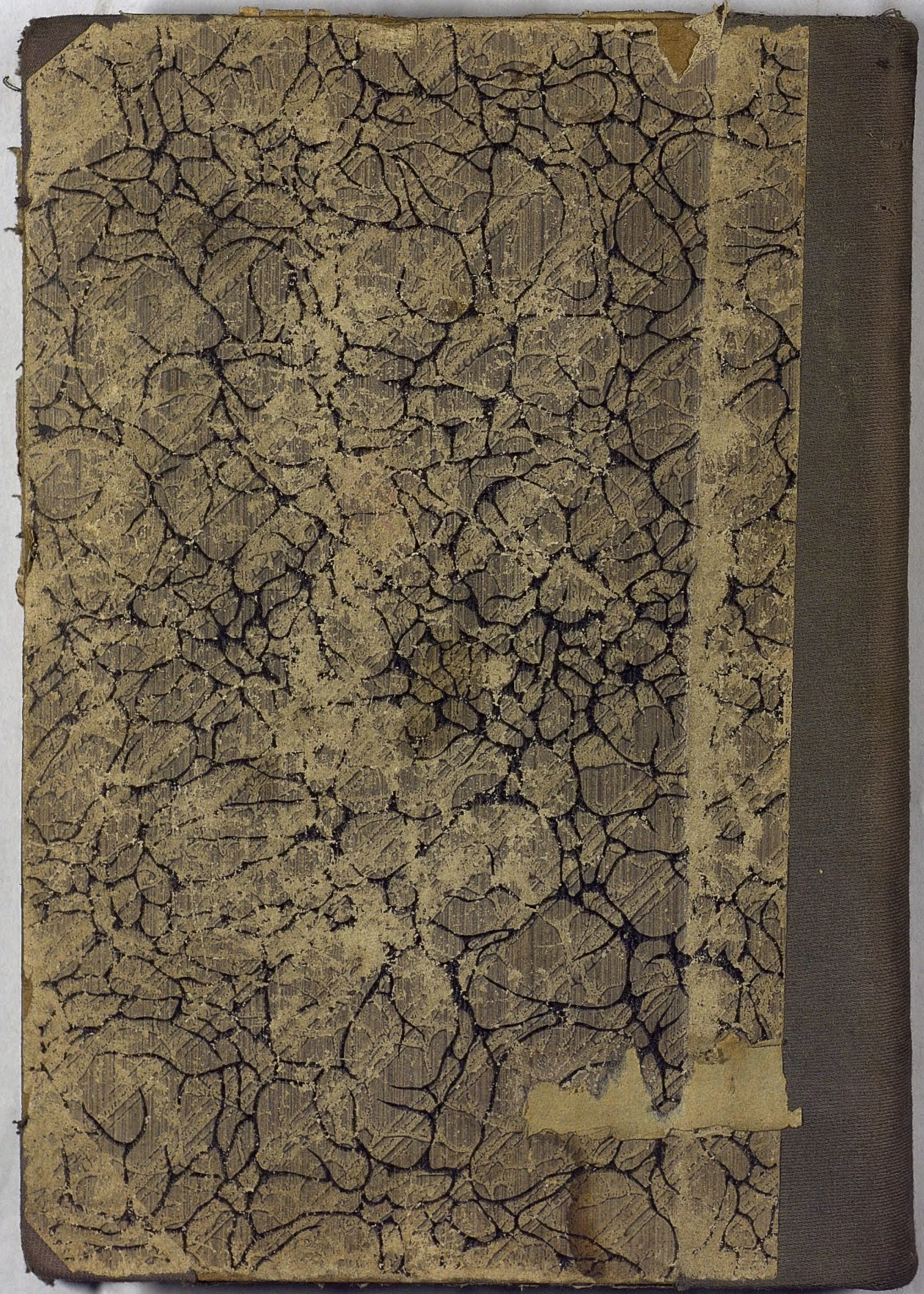
АБСОЛЮТНАЯ БЕЗВРЕДНОСТЬ ПРИМАНКИ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Каталогъ рыболовныхъ снастей съ образцами высылается за 3 семикоп. марки.

Вышло изъ печати нов. руков. уженія „Рыболовн. спортъ" А. Власова. Цѣна съ перес. 1 р. 25 к.

„Я никого не ѣмъ!"

III изданіе, 13-ая тысяча экземпляровъ.

1500 вегетаріанскихъ кушаній, 365 меню (по временамъ года), подъ ред. д-ра мед. Зеленкова. Авторъ (жена д-ра медиц. О. К. Зеленкова: Петроградъ, Шпалерная, 44-Б, кв. 23), высылаетъ наложеннымъ платежемъ. Цѣна 2 руб. въ переплетѣ. Пересылка здѣсь 35 коп., иногороднимъ 55 коп.

Продается и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени", Невскій, 40.